Гайда Лагздынь

ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лагздынь Гайда Рейнгольдовна — член Союза писателей СССР, России, ветеран педагогического труда, учитель высшей категории, лауреат 2-го Всероссийского конкурса Госкомиздата и Союза писателей СССР, лауреат Всероссийского конкурса по центральному Федеральному округу, лауреат премии губернатора Тверской области за лучшие книги для детей, дипломант конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» с вручением медали «За вклад в отечественную культуру». Награждена медалью имени М. Шолохова и нагрудным знаком губернатора «За заслуги в развитии Тверской области». В сентябре 2010 года за многолетнюю творческую деятельность, значительный личный вклад в развитие культуры Тверской области награждена Почетным знаком губернатора «Крест святого Михаила Тверского». Г.Р. Лагздынь создала и 20 лет руководила авторским детским музыкальным театром со званием «народный», «образцовый». Театр трижды становился лауреатом Всероссийских конкурсов театральных коллективов.

Книга-1 «Две жизни в одной» — автобиографическая документально-художественная повесть о жизни и творчестве педагога и писателя Гайды Рейнгольдовны Лагздынь.

- Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ. Книга 1
  - ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ
  - Глава 1. МНЕ БЫ АНГЕЛА В ДОРОГУ
  - Глава 2. СИМФОНИЯ В МИНОРЕ
  - Глава 3. НЕ ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, А ЛИШЬ УВЕРТЮРА
  - Глава 4. ФИКУС ФРАНКЛИНА БЕНДЖАМИНА
  - Глава 5. ВПОЛНЕ СЕРЬЕЗНО: УЧИТЬСЯ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО
  - Глава 6. ЗА ЗАПРЕТНОЙ ЧЕРТОЙ
  - Глава 7. ЖИТИЕ ВОЗЛЕ ХРАМА ТРЕХ ИСПОВЕДНИКОВ
  - Глава 8. КОГДА ЗВУЧИТ СИМФОНИЯ В ДУШЕ
  - Глава 9. «СЛАДКАЯ КАБАЛА» СТО КНИЖЕК ДАЛА, или В МОРЕ РУКОПИСЬ УПАЛА, ПОПЛЫЛА И КНИЖКОЙ СТАЛА
  - Глава 10. ОДНАЖДЫ СКАЗАЛА ТВЕРСКАЯ СОРОКА: «СТАТЕЙКИ ПИСАТЬ ДЛЯ ГАЗЕТОК МОРОКА»
  - Глава 11. КАПЕЛЬКА ДЕГТЯ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗНА, НО НЕ ВСЯКОМУ ЭТО ИЗВЕСТНО

- Глава 12. ЧТО СПРАШИВАЮТ И ЧТО ПИШУТ ПРО МЕНЯ ЖУРНАЛИСТЫ?
- Глава 13.ПЕРЕВОДЫ — ДЕЛО НЕПРОСТОЕ, НО ЖАЛЬ ТЕРЯТЬ МНЕ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ
- Глава 14. БЛАГОСЛОВЕННОЕ ПЕРО, или АВТОГРАФЫ ЧТО ИЕРОГЛИФЫ
- Глава 15. КАК ХОРОШО, ЧТО, СВОБОДНО ЛЕТАЯ, В ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ПОПАДЕШЬ КАК СВЯТАЯ
- Глава 16. ПЛЕННИКИ МУЗЫ
- Глава 17. ЗВУКИ ВСЕЛЕННОЙ
- Глава 18. ИЗ ИСКОРКИ ДА БУДЕТ ПЛАМЯ
- Глава 19. СОЗДАНИЕ СВОЕГО ТЕАТРА
- Глава 20. СЛЕТАТЬ БЫ НА ВЕНЕРУ!
- Глава 21. БИБЛИОТЕКАРЬ — НЕ АПТЕКАРЬ, НО РИФМУЕТСЯ ОТЛИЧНО
- Глава 22. КОГДА МОЛЧИТ ПОЭТ В НЕВОЛЕ, БЕДНЕЙ СТАНОВИТСЯ НАРОД
- Глава 23. ГУБЕРНИЮ ВЕСТИ, ЧТОБ ТА МОГЛА ЦВЕСТИ, — НЕМАЛЫЙ ТРУД!
- Глава 24. ПЕЧАТЬ НЕ МОЖЕТ МОЛЧАТЬ
- Глава 25. РАДИО-АКТИВНОСТЬ
- Глава 26. УЧИТЬ — НЕ ПОСУДУ ЛУДИТЬ. ГДЕ МНОГО БЛЕСКУ! И ЧТОБ НИ ТРЕЩИНКИ!
- Глава 27. НЕМНОГО О МНОГОМ — О ХУДОЖНИКАХ
- Глава 28. О ЖЕНЩИНАХ ВО ВЛАСТИ И РУКОВОДСТВЕ
- Глава 29. ИЗВЕСТНО ВСЕМ, ЧТО КАЖДЫЙ РАД БЫТЬ ОБЛАДАТЕЛЕМ НАГРАД
- Фотоальбом

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ. Книга 1

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Под высокой яблоней, в окружении кустов смородины, сижу в широком садовом кресле, освещенная лучами заходящего солнца. Вереница мыслей, словно в штопоре, то медленно, то с ускорением вращается вокруг тела.

Эта неожиданно возникшая эфирная капсула не выпускает меня из своих объятий. А воспоминания, взяв в плен всю мою сущность, требуют свободы, стремятся вырваться из глубин памяти, слиться с историей, с душами живших и живущих людей. Что это? Неосознанный толчок к письменному столу? К написанию биобиблиографической повести? Почему решилась взяться за очень нелегкий труд? Зачем? Снова и снова задаю себе этот вопрос. Ведь написано столько детского, легкого, в состоянии светлой радости? Я могу это и сейчас делать. Мое творчество для детей востребовано, публикации в крупных московских издательствах измеряются несколькими десятками тысяч экземпляров, а число издательств приближается к двум десяткам.

Почему, перед закрытием занавеса на сцене своей жизни, начинаю вспоминать свои прожитые годы, наполненные бедами, горечью, страданиями, взлетами и разочарованиями? Вспоминать тех людей, с которыми сталкивали события? Оценивать поступки свои и других людей? Что является движущей силой в написании воспоминаний на исходе жизненных человеческих возможностей? Рассказать дочерям, внукам о себе? Передать опыт, знания, информационно- исторические сведения будущему поколению? А может быть, мною движет тщеславие? Стремление оставить след на земле? Но, по сути, там тебе это будет совсем не нужно. Так стоит ли уничтожать, истреблять оставшееся время на долгие часы единения с ручкой, с листами бумаги, на чувствительные переживания? Не лучше ли наконец пожить жизнью нормального человека?

Так нет же! Опять в кабалу. Да еще в какую сложную!

Я никогда не вела дневников, пишу по памяти, в которой начали образовываться трещины и пустоты. Бесконечно перелопачиваю свой пухлый архив. И еще удивляюсь, как из дальних уголков мозговых полушарий, где нервные клетки каким-то образом сохранили записи прошлого, вдруг выплывает давно забытое! И еще я сделала для себя интересное открытие. Как-то надумала я записывать поговорки, которыми пользуюсь в своей жизни. Что происходит? Если не успеешь эту поговорку зафиксировать на бумаге, она ускользает, будто кто-то усасывает

ее назад, возвращает в хранилище.

И поговорку какое-то время не помнишь. Но в нужный момент, как говорят, по делу, она вдруг проявляется в разговоре. Я насчитала и записала более четырехсот пословиц. Если же попросить меня вспомнить, то и двух десятков не наберется. Удивительно таинственный наш хранитель — мозг, словно компьютерный процессор.

Зарывшись в огромное количество рукописей, рецензий, статей, документов, прошений, вновь перечитывая автографы писателей в подаренных книгах, я словно заново пережила свою жизнь, становясь не только участницей, но и свидетелем, смотрящим на себя со стороны через призму времени. Такой отстраненный взгляд позволяет рассмотреть и проанализировать свою личную жизнь, сделать, пусть запоздалые, выводы, дать оценку своим поступкам. Мы ведь порой не знаем даже самих себя. И я поняла: это и есть основная сила, которая привела меня к желанию написать биобиблиографическую повесть.

Кто я?

— Кто такая Гайда Рейнгольдовна Лагздынь? Как она оказалась в нашем городе? — на одном из совещаний воспитателей спросила у своей коллеги молодой специалист из поселка Мамулино. — Столько у нее книг не на латышском, а на русском языке?!

Этот мимолетный разговор ненароком передала мне одна из старейших заведующих детским садом, знавшая мое творчество многие годы.

— Вы мало о себе пишете, вернее, совсем не пишете! — добавила она.

Ничто меня так не взволновало, как эти слова: «...оказалась в нашем городе».

«Давно оказалась в моем городе, тогда, когда вас еще и на свет не планировали!» — мелькнула тогда сердитая мысль. А действительно, кто я? Своя среди чужих? Или чужая среди своих?

После этого микроразговора во мне окончательно вызрело давнишнее блуждающее желание написать о себе. Рассказать о том времени, в котором я жила, написать о людях и событиях, сопровождавших нас, жителей XX столетия, о немногих, но еще успевших вместе со мной шагнуть в новый XXI век, написать о ныне живущих. Я постараюсь ответить на вопросы. Возможно, кому-то это будет интересно.

Глава 1. МНЕ БЫ АНГЕЛА В ДОРОГУ

Зарубинки памяти

Открываю глаза, вижу что-то белое и прозрачное. В испуге замираю. Итак, установлено: я обнаружила себя в детской кроватке. Мне два года. Испугавшись белой кисеи, наверное, поняла, что существую. Затем шрам на правой щеке около рта. Рубчик совсем маленький. Боли не помню. В памяти только качающаяся доска с запахом сосновой смолы. Эти мгновения, островки памяти, живут во мне. Прошлое — большой сон с просыпанием и засыпанием. Чем дальше в жизнь, тем сны воспоминаний короче, зарубинки памяти шире. Появляются краски.

Лето 1933 года

— Мама, я поехала на дачу! — ничего не подозревающая мама выпускает меня из квартиры на широкую, как мне кажется, каменную лестницу.

Наш дом стоит на Прядильной улице. Это недалеко от Садовой. Но я еще не знаю, как называется наша улица и что она близко от Садовой. Я даже не знаю, что живу в Ленинграде, что наступил тысяча девятьсот тридцать третий год. Я просто собралась на дачу. Туда надо ехать поездом, поэтому я отправляюсь на вокзал, бодро шагаю по переулку и выхожу на широкий проспект.

На проспекте стоит милиционер. На милиционере белая рубашка, на голове забавный белый котелок, в руке — палочка. Дядя в белой рубашке размахивает полосатой палочкой. Мне очень хочется погладить палочку, и я направляюсь к дяденьке милиционеру. Вокруг меня толпятся незнакомые люди, все громко о чем-то говорят.

Память оставила очень приятные зарубинки. Большая комната, много игрушек. Меня угощают конфетами. Кто-то говорит: «Какой милый ребенок». Кто-то спрашивает: «Почему глазки не моешь? Смотри, какие они у тебя черные!»

— А как их мыть? — удивляюсь я.

— С мылом, конечно! — смеются взрослые.

— С мылом не хочу! Щиплет, — заявляю я. — И вообще,

когда буду большая, никогда не пойду в баню. Я не люблю, когда мне моют голову с мылом.

Потом появилась мама. Она плакала и смеялась. Потом пришел папа. Он тоже смеялся. Все смеялись.

— Тогда почему за меня надо платить штраф? — спрашивала я папу. — Я ведь себя хорошо вела?

— Надо, — вздыхала мама.

— «Вот, наверное, почему мама плакала», — думала я тогда.

Домашние дела

С самого утра мы с братом Феликсом заняты делом. Нам помогает сосед Вовка. Брат старше меня на два года. Вовка старше Феликса на год. Но сколько кому лет, я не знаю. За нами вприпрыжку по квартире бегает кот Фонтанчик. Назвали мы его так потому, что нашли около Фонтанки. Котенок был мокрым и дрожал. А еще он был ничей. Теперь Фонтанчик — целый Фонтанище! Он очень умный. Сам в кухне из крана воду пьет. Но сегодня нам не до Фонтана. Мы моем полы. Разорвав тряпку на куски, мочим их в кухонной раковине и таскаем сочные капающие комки по длинному коридору в комнату. Когда кругом стало мокро, пришла мама. Мама всплеснула руками и стала нам помогать. На другой день папа искал свои вещи. Мама кивала в мою сторону: «Дочь спроси, вчера убиралась». «Ах, дочь!» — восклицал папа и отодвигал комод. Он знал, что все «лишнее» — там. Зато на столе, напротив каждого стула — стопка книг, журналов и газет.

У нас две комнаты. В маленькой — наши кровати. Там стоит еще круглая печка и отгорожен угол для игрушек. Игрушек у нас много.

И почти все сделал папа. Папа работает на заводе. Во дворе говорят, что он похож на врача. «У него такое аристократическое лицо! — говорит Аликова мама. — Он всегда такой подтянутый и при галстуке!» Наш папа соглашается с Аликовой мамой. Он говорит, что «Путиловский завод — завод потомственных аристократов!» Только наш папа там работает не доктором, а фрезеровщиком какого-то высокого разряда. Он у нас — стахановец.

Папа сделал и большой деревянный дом. Дом почти с меня ростом. Через дверь свободно можно провести любую куклу. В комнате у кукол стоят кровати, стол, стулья. Их тоже сделал папа. А еще у нас есть танк и машина. На танке мы катаем друг друга

по квартире, а на машине перевозим разные вещи. В большой комнате старая кушетка. Из нее торчат пружины. Но это не мешает мне укладывать кукол. Кукол много, некоторых мы сделали сами. Из тряпок сшили руки, ноги и туловище с головой. Кукла набита опилками. Опилок на заднем дворе сколько хочешь. Почти каждый день жители нашего большого дома пилят дрова для печек.

Первомайская демонстрация

Колонна демонстрантов останавливается на Садовой. Я сижу на плече у папы. В руке у меня флажок, на отвороте воротника пальто — красный шелковый бант. Рядом со мной плывут знамена. Колышется красное море. Потом я шагаю рядом с папой. Ботинки у папы большие, широкие. Вокруг одни ноги в туфлях, сапогах, торгсинках. Кроме ног, бумажных цветов и фантиков, валяющихся на булыжной мостовой, я ничего не вижу. Снова прошусь к отцу на плечо. Колонна движется то быстро, то медленно. Вот прошли Гостиный двор. В Гостином дворе продают игрушки. Клоун по имени Би-ба-бо теперь живет у нас. Затем шагаем по Невскому проспекту. Все наши ребята знают эту большую, широкую, с огромными красивыми домами улицу. Папа рассказывал, как они, балтийские моряки, во время революции шли по проспекту от Невы до Смольного. Мой папа в Смольном видел Ленина. Он участник революции. Потом праздничная колонна остановилась. Кругом пели, плясали, дети и взрослые ели ромовых баб, сосали разноцветные леденцы, лизали мороженое с круглыми вафельками.

На даче

На даче мы живем в небольшой комнате. В комнату можно попасть только через чердак. Хозяйка дома, тетя Луша, живет внизу под нами. Я лежу и болею. Толстый доктор в белом халате осматривает меня: «Желтуха, — говорит доктор. — Нужен покой и никаких резких движений. Хорошо бы положить в больницу».

Я никогда не лежала в больнице. Слово «больница» звучит загадочно. Хочу в больницу. Кровать, на которой я лежу, никелированная. На спинках — большие блестящие шары. Эту кровать тетя Луша купила у какой-то монашки. Сетка у этой

кровати замечательная. Если подпрыгнуть, высоко подлетишь. Как только остаюсь одна, начинаю скакать. А еще я люблю смотреть в большие никелированные шары. Я вижу толстые губы, нос, щеки, худеющие к ушам, а сейчас и желтые глаза. Ну и пусть желтые! Я хочу еще больше пожелтеть, чтобы меня положили в больницу. Но в больницу меня не кладут. Скоро я делаюсь здоровой.

На даче нам с братом весело, даже тогда, когда идет дождь. Мы висим на заборе и смотрим, как Сенька, наш сосед, ковыряется в земле. Нас Сенька не видит.

— Петька! — кричит Сенька своему старшему брату, сидящему на крыльце. — Что это червяки повылезали из земли? Гляди, какие толстые!

Сенька смотрит, как ползет червяк. Червяк изгибается, делается тонким и розовым.

— Во! — кричит Сенька. — Вот это гимнаст!

Сенька наклоняется над червяком, пытается взять его веточкой. Червяку такое обращение не нравится. Он становится коротким, свертывается кольцами. Теплый летний дождь, словно его пролили сквозь сито, льется на землю, на нас, на нахохлившегося Сеньку. Дождь кончился, небо просветлело.

— Петька! — кричит Сенька. — А червяки в землю уходят. Я теперь знаю, почему дождевых червей называют дождевыми! А ты?

Брат Петька ничего не слышит. Закрыв уши ладонями, он с жадностью читает книжку.

— Сенька! Петька! — не выдерживаем мы. — Айда по лужам!

Мы шагаем по мягкой песочной дороге и босыми ногами шлепаем по теплой прозрачной воде. Брызги летят во все стороны. Мы подпрыгиваем и топаем сразу двумя ногами. Здорово!

За деревней маленький круглый пруд. Там водятся тритоны и лягушки. Тритоны похожи на ящериц. Только ящерицы живут на суше, а тритоны всегда в воде. Однажды мы наловили целую трехлитровую банку тритонов. Банку оставили на ночь в саду на столе. Утром почти все тритоны сдохли. Мадам Котэ взяла и выбросила всех тритонов в яму.

Мадам Котэ — это мама девятилетнего Терентия. Все взрослые почему-то так ее называют. Наверно, потому, что она ходит в длинном платье и носит на носу пенсне. Мне было жалко тритонов, и я заплакала. Терентий сказал: «Брось реветь!» и предложил идти на пруд ловить лягушек.

Около пруда Терентий разжег костер. Три лягушки, выпучив глаза, сидели у Терентия в банке. Когда костер стал догорать,

Терентий разгреб его и кинул одну лягушку на раскаленные угли, затем бросил вторую и третью. Лягушки сначала прыгали, потом замирали и раздувались. Терентий палкой выкидывал жареных лягушек в пруд. По гладкой воде плыли надутые коричневые сухари. Мне стало до тошноты дурно. Я снова заплакала.

— Дура, — сказал Терентий, — жареных лягушек не видела? Хочешь тигра покажу?

— Жареного?

— Совсем сдурела. Полосатого!

— Полосатого?

— Как положено. Он у нас в погребе сидит.

Мы подошли к дому Терентия, поднялись на веранду. Мадам Котэ сидела за роялем, играла и пела. Дядя Коля, муж мадам Котэ, стоял посреди комнаты и сердито говорил: «Когда ты, Катька, за дело возьмешься? Грязь кругом, а ты романсы распеваешь. Сварила бы хоть картошки! Эх! Зря я не женился на простой девахе. Она бы и щи варила, и Терентия бы воспитывала. Растет оболтусом!»

— Тихо, — сказал Терентий, — наш партизан опять шумит.

— Почему «партизан»?

— Он в гражданскую тут партизанил. Потом женился на дочке помещика.

— На твоей маме?

— На моей ма-мА! И дом наш — помещичий.

— А почему ты — оболтус? — спросил Сенька.

— А где тигр? — вспомнила я.

— Пошли. Вот здесь, — показал Терентий на окно с решетками. Мы прильнули к стеклу. В погребе на земле лежал полосатый тигр.

— И правда тигр! А чем вы его кормите?

— Да ничем, — ответил Терентий, — и совсем это не тигр. Тигр давно сдох. Это его шкура. Отец туда бросил. В ней много моли.

С вечерним поездом должен приехать папа. Папа всю неделю живет в Ленинграде, работает на заводе, а на воскресенье приезжает на дачу. Из окна нашего дома хорошо видна дорога. Здесь у нас с братом наблюдательный пункт. Красное солнце еще высоко висело над землей, когда вдалеке прогудел товарный. Значит, скоро придет папа. Мы сидим у окна, смотрим на дорогу.

— Что это с дяденькой? — воскликнул Феликс.

Вдоль забора бежал мужчина, размахивая портфелем и отбиваясь от чего-то невидимого. Временами он бросался на землю и начинал кататься, беспомощно махая портфелем.

— А вон и папа! — крикнула я.

Отец тоже как-то странно прыгал, словно пытался ускользнуть от кого-то. Его большое крупное тело извивалось и дергалось. Вот он подскочил к калитке, влетел в дом.

— Что с тобой?! — закричала мама. — Кто тебя так? Следом за отцом в дом вбежал мужчина с портфелем.

— Помогите, я ничего не вижу! — сказал мужчина. Лицо у него — сплошная красная подушка. И у отца левый глаз заплыл.

— Пчелы! Целый рой налетел! Откуда только он взялся?

А взялся этот рой из улья дяди Коли. Старая пчелиная матка покидала свой дом, оставив его молодой хозяйке. Дядя Коля это прозевал, не успел старый рой изловить сеткой. Вот пчелы и налетели на мужчин, и все потому, что те несли сладости. На другой день и меня укусила пчела. Я, как сказали мальчишки, окривела. Сначала было больно и неловко смотреть одним глазом. Когда боль прошла и я привыкла, глаз открылся.

С утра пусто и уныло. Мама с Феликсом уехали к зубному врачу. Терентий с дядей Колей работают в саду. Сенька с Петькой куда-то исчезли. На улице жарко, ярко светит солнце, но мне скучно. В кармане у меня пять копеек на мороженое. Мороженое продают у вокзала. Я отправляюсь путешествовать. Заблудиться в деревне трудно. Одна главная улица, на которой мы живем. И еще несколько боковых. Я храбро шагаю по дороге, сворачиваю в переулок, иду вдоль домов с красными клумбами. За огромным палисадником — церковь. В широко раскрытую тяжелую дверь входит женщина. Я шмыгаю следом. В церкви прохладно, чем-то пахнет. Стены все разрисованы. Отовсюду на меня смотрят большие круглые глаза. Я запрокидываю голову и чуть не сталкиваюсь с дяденькой. Он в высоком колпаке, в блестящем фартуке. В руке на трех цепочках висит чаша, из которой идет дым. Дяденька что-то бормочет и размахивает дымящейся чашей. В испуге я прячусь за широкую юбку женщины. Потом смелею. Вот дяденька зашел за большой ящик (его никто не видит, кроме меня) и плюнул.

— Это — поп? — шепчу я.

— Батюшка, — отвечает старая женщина.

— А почему он плюется?

— Охальный он у нас, — тихо отвечает женщина.

— А что такое охальный?

Женщина молчит.

На середине церкви стоит деревянный ящик — гроб. Рядом с гробом, в черной накидке, цыганка. В гробу мальчик — цыганенок, чуть постарше Терентия. Мне кажется, что мальчик просто спит. Я даже попробовала дернуть его за рукав.

— Нет, деточка, он не встанет, — печально говорит цыганка.

— Он навечно уснул.

Я выбегаю из церкви на солнечный свет и несусь к вокзалу.

— Тетенька, мне цветов для мальчика. Он в церкви лежит. Вот деньги! — я протягиваю торговке пятак. Старая женщина как-то странно смотрит и дает мне целую охапку белых астр.

— Вот возьми...

Из глаз старушки почему-то текут слезы. Я бегу в церковь, молча кладу цветы на грудь цыганенка. Женщина в черном крепко прижимает меня к себе.

— Пусть горе минует тебя, — шепчет цыганка, — будь счастлива, прощай.

Мне больше никуда не хочется идти. Я спешу домой к тете Луше.

Кстати...

Позднее, где-то в 60-е годы, я написала свое первое большое стихотворение, связанное с детскими воспоминаниями о селе Тайцы, что под Ленинградом.

Далекое детство

Далекое детство виденьем забытым нет-нет да вернется ко мне,

а если терзают мне сердце сомненья, цыганка приходит во сне.

Склонившись, роняя тяжелые пряди, монисты рукой теребя,

тихонечко шепчет и волосы гладит: «Пусть горе минует тебя».

Закатного солнца зловещие блики сжимают в ладони пятак.

Старушка седая букетик гвоздики дает мне у церкви без денег, за так!

Гвоздики, лишь знавшие солнце, легли на мальчишечью грудь.

За гробом ушла, с одинокою болью, цыганка в неведомый путь.

А я, как сиротка, прижавшись к осинке, гляжу растревоженно вслед.

Не те ли, забытые с детства, слезинки открыли поэзии свет?

(Сокращенный вариант)

Ленинград. Наша семья в составе папы, мамы, меня и брата живет на улице Прядильной в доме №20 в квартире 50. На углу — булочная, за углом — Садовая, на ней — сквер. Раньше здесь был базар, а до него — церковь. Но я ее помню смутно. Вот и все.

Сегодня мы с подружкой Нонкой при деле. Сначала сидели в нашей квартире и кидали в окно разные вещи. Колька и Вовка стояли внизу и ловили. Нам было интересно дарить вот так — через окно. Мальчишки складывали вещи в кучу и кричали: «Кидай еще!» И мы швыряли.

Когда куча стала почти с Кольку, во двор пришла тетя Дуся, наша дворничиха, и велела «немедля стащить все обратно». Но так как Колька и Вовка исчезли, нам с Нонкой пришлось таскать вещи самим на пятый этаж. Это было совсем неинтересно, но ослушаться тетю Дусю у нас никто не смел. Она не только подметала двор, улицу, закрывала ворота на ночь, но и следила за ребятами. Она была нашим дворовым воспитателем.

Пока мы таскали вещи, мамина меховая горжетка оказалась на Нонке, Нонка притащила из дома бабушкину сумочку, обшитую бисером по бархату, и черную шляпу с вуалью. Говорят, под вуалью не видно лица. Но Нонка меня сразу узнала и посоветовала загримироваться. В это время появились Вовка и Колька. Грим отыскали у Кольки. Колькин папа был художником, рисовал рекламы для кино. Кисти Колька нашел сразу, а вот краски пришлось размачивать. А так как Колькин папа был художником, рисовал Колька. Получилось ничего, если смотреть через вуаль.

— Теперь, — сказал Колька, — тебе нужны туфли на каблуках.

Туфли Колькиной сестры были великоваты, поэтому в острые носы мы сунули свернутые кожаные тапочки.

— Мы тоже нарядимся, — сказал Вовка. — Мой папа в заводском клубе спектакли разыгрывает. Сейчас принесу.

Колька надел черный длинный сюртук, задние полы которого свисали почти до земли, в руки взял трость с львиной головой. Вовка напялил на голову черный блестящий цилиндр. А чтобы цилиндр не сползал на нос, Вовка запихнул в него мамин головной платок.

— Не сидеть же дома, раз нарядились! — сказала Нонка.

— Факт! — поддакнул Колька, опираясь на львиную голову.

Через двор прошли благополучно. Тети Дуси во дворе не было. Наверно, своего Леньку спать укладывала.

В подворотне к нам привязался Шарик. Вовка вытащил из кармана веревочку, пристроил Шарика к Нонке.

— Будешь «дама с собачкой», как в папиной пьесе! — заявил Вовка.

Шарику наша затея явно нравилась. Он вилял хвостом и не

сопротивлялся. На улицу вывалились чинными парами и направились к скверу.

Черная вуаль мне мешала, но больше мешали тапочки. Они все время вылезали из туфель. Приходилось останавливаться и запихивать их обратно. Глаза начинало пощипывать. Зато Нонка все время хохотала. Малиновые щеки ей совсем не мешали.

Сквозь вуаль я все-таки заприметила на углу нашей улицы тощую старушку, которая приседала и приплясывала. Мы подумали, что ей плохо, и хотели помочь, но из беззубого рта послышалось клокочущее похихикивание и побулькивание. Мы испугались и прибавили шагу. Два парня, показывая в нашу сторону, били друг друга по плечам и гоготали, как гуси, которые жили у тети Луши в Тайцах. Тетенька махала нам рукой и что-то объясняла ребенку. Девочка, чуть постарше нас, почему-то приседала, водила плотно сжатыми коленками и кашляла. Она, наверно, подавилась?

Шарик заволновался, задергался на веревке, но не залаял, сдержался. А вот и сквер. Мирная жизнь его ничем не нарушена. Наша компания вступила на дорожку. Глаза щипало все больше и больше. Я откинула вуаль. Нонка посмотрела на меня и села на скамейку. Шарику я явно не понравилась. Он зарычал и вцепился в бархатную сумочку, шитую бисером. Я тоже зарычала и хватила Шарика по морде свалившейся туфлей. Нонка потащила разъяренного Шарика по дорожке сквера. Шарик громко лаял. Меховая горжетка сползла с Нонкиного плеча и мешала ей справиться с развоевавшимся псом.

— Шарик! — вопила Нонка. — Это же моя подружка!

Колька и Вовка растворились в кустах. В колясках проснулись младенцы. Взрослые обступили нас плотным кольцом, с интересом рассматривая меня и Нонку. Один старичок, сухонький, как прутик из тети-Дусиной метлы, изрек:

— Произведения искусства конца XIX — начала XX веков. Не пойму только, зачем ресницы нарисованы до виска? А тени у глаз? Мэри Пикфорд! Лия де Путти? Или Ната Вачнадзе? Кто художник-гример?

— Колька! — крикнула Нонка. — Проявись?!

Кусты дрогнули, но не расступились. Колька не проявлялся. Он явно боялся профессиональных вопросов.

Количество любопытных росло. Шарик не выдержал, оборвал веревку и кинулся прочь. И тут примчалась тетя Дуся. Схватила меня и Нонку, потащила из сквера на родную Прядильную улицу. Сзади, путаясь в полах пиджака, торопился Колька. Он нес все, что мы растеряли. Вовка с независимым видом тащил свой цилиндр и Колькину трость с львиной головой.

На другой день Колька заявил во дворе:

— Эх! Все из-за меня! Не тот растворитель взял.

— Конечно, — добавила Нонка, — щеки слишком малиновыми были. Еле с мамой отмыли. В следующий раз сделаем выход классическим!

Но мне хватило и одного, неклассического. Ребята еще долго дразнили нас во дворе. Нонку — «Дамой с собачкой», а меня — «Мадам Тю-лю-лю».

Генка-артист

Генка — сын тети Маруси. Все взрослые говорят, что Генка будет артистом. Живет Генка в большой коммунальной квартире с огромной кухней и задним выходом во двор. Раньше здесь жили буржуи. Теперь в одной комнате — Генка с матерью, в другой — дядя Федя с дочкой Катей. За углом длинного коридора комната бабы Мани-активистки и деда. Дальше — комната Фроси и ее непутевого мужа. Еще дальше — Ангелины- Фифочки. Ангелина всегда говорит: «Геночка, ты так громко топаешь! Будто полк солдат по коридору марширует». А Генка, не зная, что Фифочке это не нравится, старается топать еще сильнее. Полк есть полк.

Так вот, мы не согласны со взрослыми. Разве Генка — артист? Он — вредитель. Вчера Генка в своей комнате разжег костер из книг. По радио часто поют: «Мы отбили Димитрова, осталось Тельмана отбить!» В этой песне говорится о том, что фашизм не должен распространиться по Европе, что надо освободить коммунистов-антифашистов из тюрем.

Я, как и все, слушаю радио. Огромное черное ухо висит высоко над полом. Даже брат, а ему уже семь лет, не может дотянуться. А так хочется посмотреть, кто там говорит и поет. У Генки в комнате тоже висит такое же черное ухо. Так вот, Генка нам заявил, что он — антифашист и потому будет сжигать нехорошие листовки. Генка разорвал несколько книг и стал палить листки прямо на полу. Когда загорелся паркет, стало много дыма. Генка испугался, влез под кровать. Мы с перепугу выскочили на балкон. Дядя Федя первым почувствовал запах дыма. Костер погасили, только вот черная дыра посреди пола осталась.

— Какой был паркет! — сокрушалась баба Маня-активистка. — Дореволюционный!

— Буржуйский паркет, — ворчал дед бабы Мани, — но сейчас это народное добро, его беречь надо. Эх ты, антифашист!

— Нет, не быть Генке артистом, — решили мы во дворе. — Вредитель он народный!

Старый двор

Любимым местом наших сборов был старый двор. Это очень узкий двор между нашим домом и высокой кирпичной стеной. На заднем дворе — помойка, сараи. Здесь в отбросах роются бездомные кошки и собаки. Мы усаживаемся в другом конце двора — около поленниц дров. На козлах, на которых пилят, как всегда, восседает Вовка. Все рассаживаются на полешках, и кто-нибудь начинает рассказывать.

— Вот сущая правда, — уверял нас Вовка. — Было это с моим дедом, мамка рассказывала. Меня еще на свете тогда не было. Жили они в Белоруссии в деревне. Жили бедно. Земли мало, детей куча. Раз на чердаке дед нашел колдовскую книгу и решил у черта денег занять. В ночь под праздник Ивана Купалы зажег дед Костюк свечку, раскрыл книжку на нужной странице, где написаны всякие колдовские заклинания, стал ждать полуночи. Сидит и думает: «Заложу черту душу, получу денежки, куплю землицы — и заживем». Только так подумал, как вдруг зашумело, загремело, и что-то непонятное стало входить в избу, сердце деда сжимать. Испугался дед, захлопнул книжку. Кто-то охнул, застонал, затопал в сенцах. Свечка погасла. Все стихло.

Прошел год. Еще хуже живется деду Костюку. Помещик последнее зерно за долги взял. Опять решил дед попытать нечистую силу. Снова наступила ночь под праздник Ивана Купалы, снова зажег дед свечку, раскрыл колдовскую книжку, и снова взяла его оторопь; свернул все, лег спать. Наутро глядит, а на столе лежит книжка вся порванная. Листы, где написано, как вызывать нечистого духа, вырваны. Одни огрызки бумаги торчат из книжного корешка. Через несколько дней и сама книжка исчезла. Сколько ни спрашивал дед бабку, детей, куда подевалась книга, никто не знал.

— Все враки! — заявил тогда брат. — Что гремело, то, может быть, гроза начиналась. В июле часты грозы. Или кошка в сенцах за ведро задела. А книжку могли в печку бросить для растопки. Сам говорил: «Детей куча». Вот какой-нибудь артист, — Феликс кивнул в сторону Генки, — и сжег колдовскую книженцию.

— А я вам что расскажу! — от нетерпения Нонка аж красной сделалась. — Моя мама Настя в гражданскую, ей тогда семнадцать лет было, накопила денег. Все грибы да ягоды

продавала. Решила обнову справить — купить платье. Пошла на рынок. Дорогой в булочную заглянула. Запах нэпмановского хлеба — на всю улицу. Увидела белую, пышную, душистую булку, обо всем забыла, двумя руками ухватилась. А когда сунула руку в карман, чтобы за булку уплатить, там было пусто. Беспризорники кошелек утащили. Плакала мамка страсть как. Ни платья, ни булки.

— А наш папка на флоте служил, — однажды начала и я свое повествование. — Он балтийский моряк. Сначала он в Латвии жил, в городе Риге. Во время революции пошел за красных. Его раз белые хотели расстрелять, уже к стене поставили, спрашивают. А он молчит, решил лучше умереть, чем предать. Хорошо, что наши наступали, папку отбили. Я сколько раз его спрашивала: «Почему тебя ни разику не ранили?» А он смеется: «Как увижу, что пуля летит, пригнусь или в сторонку отойду». Он у нас веселый. На заводе работает. Ему на Невском квартиру буржуйскую давали, отказался. Говорит, что в рабочем квартале сподручнее.

— И правда, здесь хорошо. Немного темновато от этой стены, потому днем в комнате солнца нет, как будто вечер, — Вовка пнул ногой кирпичную стену, которой, казалось, не было конца. — Так строили, от пожара береглись. Айда на передний двор! В войну играть будем!

— Выходите! — кричал Вовка. — Выходите, будем в войну играть!

— Счас! — отвечали из окон десятки ребячьих голосов.

Со всех концов двора, похожего на глубокий колодец, с визгом и гиканьем несутся ребята. Так бы и играли целый день. Только взрослые нас не понимают. Скоро будут звать: кто просить, кто приказывать, кто уговаривать. А тетя Дуся, наша дворничиха, наша дворовая воспитательница, обязательно скажет: «Завтра еще будет день. Успеете наиграться!» Эх, тетя Дуся, тетя Дуся, наша общественная воспитательница! Знала бы, не говорила б так!

Все чаще и чаще звучит слово «война». Взрослые полны гнева. Мы, дети, тоже слушаем радио и по-детски собираемся воевать. Сейчас бы посидеть с ребятами на любимом заднем дворе, поговорить, поспорить. Многих уже нет, умерли от голода и холода в блокадном Ленинграде. Прошлого не вернешь, как не увидишь и будущего из сегодня.

Сказано по случаю…

Рассказ Вовки — это рассказ моего белорусского деда Константина, а Нонкин — моей мамы о событиях в Белоруссии.

Печаль

У нас в доме печально. Почему-то плачет мама. Брат увязывает вещи в узлы. Почти каждый день на «черном вороне», больше ночью, увозят кого-то из соседей.

— А где папа? — спрашиваю я. — Ушел на работу и не вернулся?

— Ничего, дети. Папа наш — честный человек, настоящий коммунист. Произошла какая-то ошибка. Разберутся. А пока надо ехать.

«Куда? — думаю я. — Ехать без папы? Бросать друзей?» Приходит тетя Леля. Ее сын Алик на железном танке, что сделал наш папа, увозит игрушечный деревянный дом. Грузчики уносят наш новый буфет.

— Не с собой же везти? — оправдывается мама. (Только начали вроде скарбом обзаводиться.) — Ехать далеко. Сами не знаем, где жить будем.

Какая-то тетенька берет обои.

— Почему она их взяла? — возмущаюсь я. — Разве мы не будем оклеивать стены? Сама говорила, что лучше жить стали.

— Не будем. Глупа ты еще.

— Не глупа. Мне семь лет. Я все понимаю!

— Не все, значит. Да где тут понять? — и мама начинает снова плакать.

Потом мы едем на поезде. Брат спит на верхней полке, я — на нижней. Потом брат падает, и мы уже не спим.

— Скоро наш город Калинин, — говорит мама.

— Наш? А Ленинград разве не наш город? — удивляюсь я.

— И Ленинград наш. Вы там с Феликсом родились. Там ваша родина, — вздыхает мама.

Никто нас здесь не ждет и не встречает. Живем мы на вокзале в детской комнате уже третий день. Наконец мама нашла квартиру.

— Разве бывают квартиры в маленьком деревянном домике? — снова удивляюсь я.

— Как видишь, бывают, — говорит мама, — очень даже хорошая квартира, главное — теплая.

На улице около сорока градусов. Наступил морозный январь 1938 года. Мы живем за Тверцой на Новобежецкой улице.

В нашей квартире всего одна комната, и та проходная. Около малюсенького окошечка две кровати, больше ничего не

помещается. В большой кухне — огромная печь. Все ее называют «русской». На печке можно даже сидеть босиком. Очень хорошая печь. У тети Симы и дяди Коли, наших хозяев, есть сын Колька и дочка Симка. Они старше нас, но с нами водятся. Нам очень хорошо у тети Симы. Мы часто едим клюквенный кисель и печеную картошку. В Ленинграде мы такого не ели.

Мама отвела меня в детский сад. В саду много полосатых чистых половичков, деревянных скамеек.

— Какая черноглазая, — говорит воспитательница. — Дети, это ваша новая подружка.

Воспитательница уходит. Ребята обступают меня и выщипывают мех из воротника и шапочки. Я хочу зареветь, но не реву — стыдно реветь. Какой-то мальчишка-коротышка хочет ткнуть мне в глаз пальцем. Я запускаю ладонь в ершик, торчащий на его голове, и дергаю мальчишку за волосы. Мальчишка ревет и больше не тычет пальцем в мой глаз.

А вот и выпускной утренник. У меня на голове большой шелковый голубой бант. Бант тяжелый и скользкий. Я все время боюсь его потерять. На низких скамеечках сидят родственники: мамы, папы, бабушки, дедушки. Моя мама на работе. За родственника сидит брат. Ему уже десять лет. Незнакомая тетенька раздает будущим первоклассникам подарки: портфель, букварь, пенал. В пенале — ручка с блестящим перышком, перочистка и резинка. Мне подарка нет — я дочь врага народа.

Зарубинки памяти останавливаются на тетрадках по чистописанию, на бесконечных строчках с буквами и кляксами. Большие и маленькие кляксы меня преследуют. Из-за них приходится переписывать снова и снова. Все говорят: ранняя зима. Хоть и ранняя, а злая. Мы давно не живем у тети Симы. Когда у нее родился Павлик, в доме стало тесно. Мы переехали к Елене Петровне — старой-престарой бабушке. Домик у бабушки в два окошка, совсем крошечный. Одно окно смотрит в одну, другое — в другую сторону. Но куда ни посмотришь, везде огород, а за огородом — высокий забор.

Окно в нашей комнате сильно заморожено. За ночь стало холодно, как на улице. Мама ушла на работу. Я надеваю пальто, натягиваю рейтузы, которые пузырятся на коленках, повязываю платок. Платок все время развязывается или съезжает на затылок. Я не умею носить платок! А капор мой с лентами-завязками износился.

На улице воздух такой белый, замороженный, что трудно дышать. Держа в руке портфель, шагаю в школу. Сначала замерзает нос, потом щеки и лоб. Уши под платком от холода поламывает. Временами останавливаюсь, ставлю портфель на

снег, засовываю руки между коленок. Под тонкими рейтузами ноги начинают постанывать. От прикосновения мороженых рукавиц делается еще холоднее. Я стараюсь идти быстрее и совсем замерзаю.

«Скоро школа, там согреюсь, — думаю я. — Тетя Нюша-истопница, небось, печки хорошо натопила». Но школа оказывается закрытой. На дверях висит записка, из которой ясно, что занятия отменяются из-за сильного мороза. Значит, надо идти домой. Думаете, рада? Мне хочется плакать, но я не плачу. Я ставлю портфель на обледенелое крыльцо и тру рукавицами щеки, лоб, особенно нос. Надо бежать. Но бежать трудно, ноги окоченели, не слушаются, мороз перехватывает дыхание. Плетусь назад, останавливаясь и засовывая руки в рукавицах под мышки и между коленок. Тонкое пальтишко насквозь промерзло. Сегодня сорок пять градусов.

В нашем маленьком домике тепло. Бабушка Елена Петровна уже истопила печку, вскипятила самовар. Я пью чай и оттаиваю.

И все же я заболела. «Двустороннее воспаление легких, — сказал доктор, — надо срочно в больницу». На телеге, служащей «скорой помощью», меня привезли в небольшое одноэтажное здание на Тверце. Кровавый закат, доброе лицо доктора Манефы Федоровны — вот и все, что сохранила моя память. День и ночь не отходила от меня Манефа Федоровна. Кризис миновал.

Я хорошо помню эту необыкновенную женщину с пышной темной прической. Когда началась война, Манефа Федоровна вместе с мужем ушла на фронт. Она была тяжело ранена и погибла, переплывая Днепр. Позднее погиб и ее муж — врач-хирург Николай Петрович. Но сегодня еще не война. Наступило лето тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Рассказано по случаю...

Приехали в Калинин вместе с Лелей Селенис и ее сыном Альфредом — Аликом, как я называла его всю жизнь. Они тоже репрессированные. Впоследствии Альфред Валентинович работал директором школы в Санкт-Петербурге. Мой брат Феликс Рейнгольдович Лагздынь был ведущим инженером по дальним космическим связям тоже в Санкт-Петербурге.

Когда остановился поезд и из теплого вагона мы вышли на перрон, нас сковал не только страшный мороз, но и ужас: «Куда теперь?» Нам позволили остаться в детской комнате вокзала. Здесь мы и прожили несколько дней. Приехали мы 17 января 1938 года Мамы сразу ушли отмечаться в органы НКВД. Там им сказали:

— В Калинине высланных не оставляем. Следуйте в

Лихославль.

Выброшенные из обычной жизни, измученные, без средств к существованию, доведенные до отчаяния, наши матери, уже ничего не боясь, заявили:

— Не дадите разрешения, приведем своих детей к вам, а сами — под поезд!

Остаться разрешили, но из вокзального помещения предложили уйти. Куда? Чужой замороженный город.

К счастью, он оказался не таким уж и холодным. Помогли рабочие вагоностроительного завода. Николай и Серафима Парменовы жили в Затверечье в небольшом домике по Новобежецкой улице, ныне Шишкова. Своих детей двое: Колька да Симка. «В тесноте, да не в обиде!» Приютили, отвели нам проходную комнату с двумя кроватями на пятерых.

Затверечная Новобежецкая улица в будущем была наполнена и другими событиями. После освобождения города от фашистских оккупантов нас как погорельцев поселили в доме №8 на «вышке» на этой же самой улице. Отсюда я ходила в школу, уезжала учиться в Ленинград, возвращалась, окончила педагогический институт, выходила замуж, сюда принесли с мужем-сокурсником новорожденную старшую дочь Елену, здесь вскапывались в огороде грядки, чинили старый, с коляской, мотоцикл М-72. В восьмиметровой комнате с крошечной кухонькой два на два с половиной метра жили вместе свободные и счастливые пятеро людей. Это жилище с 1941 по 1957 годы вобрало шестнадцать лет моей жизни.

Мороженое — не мятная таблетка

Мама работает на молочном заводе, что расположен рядом с церковью у Тверецкого моста. Как я узнала, уже будучи взрослой, церковь эта — Троицы, что за Волгой. Она недалеко от здания Калининградданпроекта.

Под боком молочного завода, то есть под боком церкви, в довоенные и послевоенные годы складировали прозрачные куски льда размером примерно метр на метр. Зимой были такие морозы, что воды Тверцы, несмотря на большую скорость течения, промерзали на большую глубину. Ледяные кубики пересыпали древесными опилками. Ни холодильников, ни тем более холодильных предприятий тогда не существовало. В частных домах пищу хранили в подполе или в колодце.

Этим льдом в течение теплого времени и охлаждали

молочные продукты. Нас, детей, больше интересовали продавцы мороженого. У каждого из них в тележке был насыпан кусочками лед. Продавщица вкладывала в формочку кругленькую вафельку, из бочоночка, стоявшего во льду, брала ложкой мороженую массу и намазывала вафельку, прикрывая сверху таким же крошечным кружком. Толчок ладонью — и вот вам лакомство диаметром в пять-шесть сантиметров. Мы часто смотрели, как покупатель, вертя большим и указательным пальцами белую, круглую, похожую на большую таблетку, порцию мороженого, лизал его. Мороженое было только одного сорта и дорогим удовольствием.

Кстати…

А еще в памяти остался мужчина с бульдогом. Хозяин покупал порцию за порцией, сам не ел, а клал холодную тающую вкуснятину на высунутый язык своего любимца. Мы завидовали собаке, прячась, корчили бульдожке рожи. В те времена зимы у нас были очень холодными, а летние месяцы — горячими.

Хочу сказать, что тогда лекарства были не в виде таблеток, а в порошках, расфасованных в бумажные пакетики. Кроме порошков были микстуры. И все, как правило, надо было заказывать. Аптекари сами готовили лекарства, словно аптека была маленькой фармацевтической фабрикой. Поэтому аптеки всегда имели свой специфический запах. Лекарства выдавали только по рецепту врача. Но были в аптеках и таблетки — мятные, дешевые, без рецепта. Мы их покупали как сладости. Не очень, но все же!

Графская дочка

Кто-то нам сказал, что Елена Петровна — графская дочка. На ее комоде стоят всякие интересные вещицы. В золотой круглой витой рамочке — зеркало. Около зеркала пудреница. В ней золотая пудра. Рядом стоят игрушки из фарфора. Елена Петровна не разрешает их трогать. Мы только смотрим на них.

— Это — придворные дамы в кружевных одеждах, — поясняет нам мама, — и кавалеры с яркими звездами и пышными прическами.

На комоде лежит фарфоровое яичко, разрисованное разными цветами. Золотые кружевинки так горят и переливаются от электрического света, что хочется погладить и поковырять. Но и этого мы не делаем. Это очень большое испытание. А еще у Елены Петровны есть большой кованый железный сундук. На сундуке

висит тяжелый замок. Что там в сундуке? Это — тайна. Елена Петровна никогда при нас не открывает сундука.

«Наверно, в нем живет старый граф, — решила я, — ведь хозяйка же из графской семьи?» Граф мне представляется какой-то большой фарфоровой куклой.

Дом наш стоит недалеко от Волги, где впадает Тверца. Это место называют «балочкой». На «балочке» — старинные церковные постройки. А напротив — Речной вокзал. Летом в жару мы пропадаем на реке. На высоком берегу в зеленой траве стрекочут кузнечики. Над белыми глазастыми ромашками летают стрекозы и бабочки. У воды из песка строим замки, валяемся, загораем, с визгом кидаемся в воду. Кто умеет, плавает. Я делаю вид, что плыву. Прыгаю на одной ноге, другой бью по воде. Я боюсь глубины, и все из-за Кольки Свистунова. А на берегу плавать не научишься. К вечеру холодает — август. От остывающей земли босые ноги начинают поднывать. Вспоминаю о своих единственных туфлях, что оставила на берегу. Туфель нет. А скоро в школу. Из дома выходит Елена Петровна.

— Ты чего, дитя, плачешь? — спрашивает бабушка Елена Петровна. — Я рассказываю о своей потере. — Не печалься, что-нибудь придумаем.

Она открывает свой сундук и не спеша вытаскивает разные вещи: ткани, платья, платки. На самом дне лежат красивые сапожки, черные туфли с пряжками и коричневые на каблуке. Коричневые пришлись мне впору.

— А где граф? — спрашиваю я.

— Какой граф? — удивляется старушка.

Потом мы узнали, что Елена Петровна вовсе не графская дочка. Жила она в прислугах у какой-то тверской барыни. Барыня и награждала за службу обносками.

Я была счастлива, что у меня такие красивые туфли. Но в них мне пришлось и в школу идти. «Зачем покупать другие, — сказала мама, — нога растет. А что каблук? Каблук совсем невысокий — школьный! А ты уже второклассница».

Сколько было и радостей, и огорчений из-за этих туфель! В школе на перемене в первые дни занятий я жалась к стене, прятала ноги. Вдруг начнут смеяться, что каблуки. Но мальчишкам было ни к чему, а девочкам туфли понравились. К тому же очень скоро один каблук сломался. Сапожник сделал новые каблуки — низкие. Только вот носы у туфель почему-то стали смотреть вверх.

Великая Отечественная война

— Вставай, поднимайся, пора-пора-пора! — пел пионерский горн.

В трусиках и майках мы вылетаем на берег Волги, делаем зарядку, умываемся. От утренней росы ноги становятся мокрыми. Свежее утро вместе с ослепительным солнцем бодрит, создает хорошее настроение. Вот сейчас застелим кровати, уберем дачи и, позавтракав, отправимся в лес собирать сучья для прощального лагерного костра. Хорошо живется в лагере, весело. Поем песни: «Каховка, Каховка, родная винтовка...», «Дан приказ — ему на Запад, ей в другую сторону, уходили комсомольцы на Гражданскую войну», затеваем разные игры. Особенно здорово играем в войну. А каких только историй не было! Раз проснулись, а в лагере ни одного взрослого, начиная с вожатых и кончая кухонными рабочими. Туда-сюда, нет никого. Смотрим — двое мужчин дрова пилят, незнакомые, бородатые. Спрашиваем: «Взрослых не видели?» А они молчат. Глухонемые. Около лагерной линейки горбатая старушка на скамейке сидит.

— Бабушка, никого из взрослых не видели?

— Не видела, родимые, не видела, — шамкает старушка, — сама поджидаю.

Высоко на столбе, как дятел, электромонтер. Мы к нему: мол, высоко сидите, далеко глядите! Все видно. А он кепочку на глаза и только отмахивается. Не до нас ему. Так мы и бегали впустую. Решили сами, раз нет повара, сварить обед. В кладовую полезли за продуктами. Тут работник, что дрова у кухни колол, глухонемой, как закричит голосом завхоза: «Не то берете! Кто обед из сладкого варит?!»

Вот так взрослые нас разыграли. Шамкающая старушка оказалась нашей вожатой. В рот кусок сырой картошки сунула, а под ватник подушку запихала. Все незнакомые были лагерными, только переоделись, бороды напривязывали.

Но сегодня слишком свежо, и слишком низко стоит солнце. Никак не поднимется, не оторвется от земли. Неужели горн ошибся? Рано проиграл?

Да, горн проиграл рано. Потому что над нашей страной гудели немецкие самолеты. Защитники Бреста вели смертельный легендарный бой против фашизма за свободу и независимость нашей Родины. Большое красное солнце видело всю огромную страну и тихую-сонную, и начинавшую истекать кровью.

Сказано по случаю...

Война застала нас в то время, когда после долгих скитаний по частным съемным углам мы оказались в двухэтажном доме на улице Кропоткина, возле Екатерининской церкви, которая в те

годы была складским помещением. Первый этаж нашего дома — каменный, второй — деревянный. Каменная часть дома и сейчас сохранилась, там какая-то мастерская. В нашем доме жило много семей. Вода с Волги, туалет во дворе один на всех. Комнатушка с одним окном в углу и без печки. До сих пор не помню, чем и как нас мама кормила. Где готовила пищу? Где мылись? Где стирали вещи? Но мы были счастливы, потому что у нас наконец своя комната. Напротив, через улицу, — поликлиника в деревянном доме, слегка похожем на церковь.

Кто мог предположить, что через два с небольшим года, вернувшись из эвакуации, будем жить какое-то время в кабинете врача? Фашисты все сожгли, а этот дом уцелел, как и барак, где жили три сестры — тетя Шура, тетя Маруся и тетя Леля Гуляевы вместе со старым слепым отцом. Мама с ними дружила. И во время эвакуации мы были рядом. Тетушки Гуляевы, наверное, и помогали нам выживать. Помню, как младшая из них, сухонькая тетя Леля, на спор выпила сорок чашек чая с одной баранкой. Секрет был прост: в небольшую чашку она положила эту баранку. Баранка в горячей воде распухла. Таким образом, для чая оставалось мало места.

Оповещение о нападении фашистской Германии на Советский Союз оказалось для всех неожиданным. На Пожарной площади возле Тверецкого моста на высоком столбе укрепили репродуктор. Он похож на вытянутую, расширенную на конце трубу, напоминающую воронку, через которую в керосиновой лавке нам в бидон наливают керосин для керосинки. Только воронка репродуктора большая и глубокая. Репродуктор передает сводки Информбюро. Незабываемый голос Левитана. А какая сила звучала в первых аккордах гимна войны «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой черною, с проклятою ордой!»

Орда! Знакомое слово, созвучное с битвами русских за священную Русь, за свои земли, за свободу и независимость. Мы ни на кого не нападали, но «кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет»! Вера в это была крепкой. И в нас, детях Великой Отечественной войны, сохранилась и поныне та же крепость духа. Выжившие на трехстах граммах суррогатного хлеба, на лебеде, крапиве и прочих добавках, по жизни мы оказались закаленными и сильными людьми, не только физически, но и морально. Потому и призываю я бабушек и дедушек больше рассказывать детям и внукам о жизни той поры. Сожалею, что будучи молодой и сильной, не думала об этом. И подсказать было некому. Сейчас бы маму расспросить, но поздно.

Колька Свистун

Кольку все называли Свистуном из-за фамилии. А может быть, и потому, что он умел пронзительно свистеть через два пальца. Колька — отчаянный мальчишка. Он один у тети Нюры. Тетя Нюра работает на молочном заводе истопником. Где и когда потерял Колька ногу, никто не знает, да и не спрашивает у Свистуна. Правой ногой ему служит деревянный костыль, и Колька бегает и прыгает почище нас. Колька хорошо плавает. Подбежит к Волге, бросит свою деревянную перекладину — и в воду. Не успеешь глянуть, а он уже на другом берегу. А еще Колька любит чужие огороды и сады. Достается ему от тети Нюры! Соседи сразу узнавали, чья это работа. На грядах оставались глубокие ямки от Колькиного костыля.

Время шло, Колька рос, но, как говорила тетя Нюра, не умнел. Проделкам его не было конца. То палку к окну привяжет и за веревку из соседнего огорода дергает. Бьет палка по ставенке, хозяина дергает. То поленницу дров на улицу со двора перетаскает. Ругали его взрослые. А мы привыкли к Кольке. Неинтересно гулять, когда Свистун дома сидит, уроки делает. Хоть и доставалось от него, но, как говорится, «вместе тесно, а врозь скучно». Тетю Нюру соседи жалели: «Шалопай-то твой растет! Скорей бы ума набирался. Все полегче будет!»

Уважать Кольку стали неожиданно. Сводки Информбюро сообщали каждый день невеселые новости. Вот и сегодня огромный репродуктор, что висел на столбе на Пожарной площади, известил: «После продолжительных и упорных боев нашими войсками оставлен город Орел!» Голос диктора Левитана звучал спокойно, но все знали, по себе чувствовали волнение говорившего.

Во время налетов мы прятались в укрытиях. Укрытия — щели, как их называли, — напоминали узкие норы. Взрослые рыли длинные ямы, обкладывали их досками, сверху делали настил.

— Коллективный гроб, — невесело говорили любители пошутить.

Район, в котором мы жили — Затверечье, — было сплошь застроено деревянными домами. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое октября 1941 года наш город усиленно бомбили фашисты. В узком темном укрытии было тесно и душно. Вот в напряженной тишине возник тяжелый густой звук. Звук

приближался, нарастал. Это звук летящего бомбардировщика. Сердце начинает колотиться, сжиматься в комок. Многим женщинам делается плохо. И свист. Он усиливается, переходит в вой.

— Все, — шепчет мама, прижимая нас к себе.

Взрыв. Стены убежища содрогаются, сыплется песок.

— Не наша, — с облегчением слышен в темноте чей-то дрожащий голос.

И снова свист, и снова вой, и снова зловещая тишина, невыносимая тишина неведения.

— Горим! — вдруг закричал кто-то снаружи. — Выходите!

Во дворе светло, как днем. Полыхает соседняя улица Пленкина. Горит вся. Огромный костер вместо домов. Это фашисты в наш Затверецкий район с деревянными застройками накидали зажигательных бомб, осветили горящими домами, как факелами, город, чтобы было виднее бросать фугасные бомбы на большие жилые дома, фабрики, заводы.

Наш двухэтажный дом стоял невредимым. На крыше металась чья-то маленькая фигурка. Человек подбегал к краю карниза и бросал на землю шипящие крутящиеся палки — зажигательные бомбы, или, как их называли, «зажигалки». На крыше был Колька. Не раздумывая, все бросились на помощь, засыпали землей и песком языки пламени; ребята бегали около дома, чем могли помогали взрослым. Небо гудело, ревело от самолетов, зенитной артиллерии. Грохотала, колыхалась от взрывов земля. Никто больше не думал о смерти. Маленькая Колькина фигурка все металась и металась по крыше, будто за спиной у него были крылья.

Мы отстояли от огня наш и соседний дом. С этой ночи Кольку как подменили. Повзрослел Колька, как говорила тетя Нюра, поумнел. Сколько ни просился потом Колька на фронт, не взяли. Просто не знал военком нашего Кольку, не видел в деле, а то бы и не заметил, что у него костыль.

Эвакуация

Серое хмурое октябрьское утро. Мы уходили из города. Мама несла вещи. В последний момент перепутала мешки. Поэтому лучшие остались в городе. Я тащила горшок с кашей, брат — книги, в сетке мамины фетровые ботики. С нами шла собака по имени Пальма. Это хорошая охотничья собака. Ее нам доверила Манефа Федоровна, когда уходила на фронт.

После ночных пожаров повсюду стелется дым. У дороги за городом стояли три машины. Рядом с легковой лежал полный мужчина в меховом пальто. В кабине грузовой сидели двое: женщина и дяденька-шофер. Их широко раскрытые глаза смотрели вперед. Шофер, крепко вцепившись в баранку, казалось, замер, чтобы через мгновение ожить.

— Они мертвые? — спрашиваю я.

— Мертвые.

— А почему они смотрят?

Мне никто не отвечал. В кузове другой грузовой машины сидели и лежали люди с разорванными животами и разбитыми головами. Под машиной ползала женщина с оторванной ногой, стонала тихо и жалобно. Так я увидела, что такое война.

Деревня Шестино

Деревня совсем близко от города. Нам повезло. Немцев нет. Поселились в доме, где раньше был колхозный детский сад. Собака Пальма дорогой потерялась. Что скажет Манефа Федоровна? Вернется с фронта, а мы собаку не уберегли. Все уверены, что с немцами скоро все будет покончено. Каждый вечер выходим на край деревни и смотрим туда, где красное зарево. Это горит наш город. Горит день и ночь, ночь и день.

За тонкими дощатыми перегородками разместились семьи. В одной комнате несколько семей. Спим прямо на полу, подстелив под себя солому. Вода — в колодце. Есть плита, которую можно топить и на которой можно варить еду. Нет только еды. Конечно, могли бы обменять свои вещи у деревенских на картошку и муку. Но у нас и вещей-то нет. Более или менее хорошие остались в городе в другом мешке. Есть мамины почти новые фетровые ботики, на кожаной подошве и на каблуке, папин подарок. Но деревенские жители таких ботиков не носят. Они ходят в валенках. Мыться негде и нечем, поэтому неудивительно, что по утрам все затихают, молча, стесняясь друг друга, ищут вшей. Какие они толстые и противные! В мелких складочках одежды — яйца-гниды. Когда их давишь ногтем, они щелкают, будто чем были надуты. На плите мама накаливает чугунный утюг и гладит вещи по изнанке или, как тут говорят, по ничке. Но все равно это нас не спасает. Спим слишком кучно.

В дальнем углу нашей комнаты живет с мамой девчонка Ольга. С Ольгой мы быстро сдружились. Она общительная и деловая.

— И чего голодными сидим, — говорит Ольга, — пошли по деревням. В домах красноармейцы живут. Неужели ничего не дадут? Не умирать же от голода? Кто у хозяев живет, тех хоть подкормят. А у нас? Стены грызть?

— И правда, — поддерживает Ольгу тетя Маша, бывшая повариха. — Детей у тети Маши нет. Она эвакуировалась с сестрой тетей Шурой. — Чего бы вам не сходить? Что одну клюкву жевать? Можно бы, конечно, поле перекопать. Все что-то в земле осталось. Да вот беда — зима рано пришла, морозом все сковало. Капустные кочерыжки и те все под корень срезали!

— Так мы с Олей пошли? — говорим маме.

Мама молчит. Что она может сказать? Кормить нас нечем.

— Я тоже с вами, — говорит Феликс, — только, чур, в избу заходить не буду. Я ваш телохранитель. Хорошо?

Мы согласны, поправляем веревки от мешков, перекинутых через плечо, отправляемся в путь. Храбрость нашу как рукой сняло, стоило только подойти к соседней деревне. В домах полно беженцев. Кто тут подаст, когда сами голодные. Так и бредем от дома к дому, не решаясь зайти.

— Вот что, — говорю я, пытаясь как-то оправдаться. — А что спрашивать? Подайте Христа ради?

— Ты чего! Так раньше говорили. Мы же не нищие! — возмущается Ольга. — У нас временные трудности. Надо говорить: товарищи, помогите, не оставьте в беде!

— Так не пойдет! — заявляет Феликс. — Какой ты товарищ деду Ивану или тетке Матрене? Надо на чувства давить. Так, мол, и так, дети защитников Родины...

— Кто тут дети защитников Родины? — смеется на крыльце белокурый молодой красноармеец. — Заходите, гостями будете!

Чудно. Идет война, бои под Москвой, а здесь свадьба. Женится и уходит на фронт солдат.

Конец советской власти

Тетя Шура, сестра тети Маши-поварихи, маленькая сухонькая женщина. Она все время курит и молчит. А теперь она и не курит, нет курева. Спросить у солдат стесняется. Ведь никто из женщин не курит! Поэтому она еще больше молчит. За целый месяц я только один раз слышала ее тихий взволнованный голос. Проснулась среди ночи, замерзла, отлежала бок, сползла с соломы. Слышу, говорит тетя Шура:

— Неужели все? Неужели конец советской власти? Войска

отступают, Москва рядом.

— Не впервой, — отвечает ей мужской голос. — Наполеон взял Москву, а что получилось? Кто бы на нас ни шел, все плохо кончали.

— За что боролись? Сколько сил положили, чтобы нашу жизнь построить? Все огонь палит, — печально продолжала тетя Шура. — На фронт бы пошла, да сил уже нет. Еле сижу.

— Ничего, выдюжим. Сыновья наши там бьются, насмерть стоят, — отвечал мужской голос.

Это был дядя Яков. Ночью он заболел. Утром дядя Яков лежал бледный и печальный. У него отнялись правая рука и правая нога. Он не мог говорить. Его разбил паралич.

Наступление

В лесу много хвороста, но и снега по пояс. Наши городские ботинки давно промокли. В небе появился самолет. Мы решаем подождать выходить из леса на дорогу. А вдруг немецкий? Как в прошлый раз! Прилетел, стал строчить. Нам повезло. Никого не задело.

— Ребята, — кричит Ольга, — это же наш «ястребок»!

Сейчас мы и сами видим, что наш. Побросав вязанки, кричим, прыгаем, тонем в снегу. «Ястребок» покачал крыльями, помахал нам и улетел. Мы же продолжали кричать как оглашенные. Радости-то сколько! Подумать только — наш самолет!

А вечером на улице словно фонари понавесили — так светло. Темное морозное декабрьское небо разлиновано, как тетрадь по русскому языку. Откуда-то из-за леса, как будто лампочки иллюминаций, сплошным потоком бегут красные пунктиры.

— Что это? — спрашивают все друг у друга.

— Это — наступление, — улыбается в усы пожилой солдат.

Вот почему так много военных в деревне. Мы, ребята, сразу почувствовали: стало сытнее. Иногда поедим и каши из солдатской кухни.

— Это бьют наши пушки, — продолжает солдат.

— Бьют, а не слышно! Пушки ли? — усомнилась маленькая старушка.

— Такие вот у нас, маманя, пушки появились. Дальнеприцельные: «Катюши», «Катеньки».

Домой

Шестнадцатого декабря 1941 года город Калинин освободили. Мы возвращались домой. Улицы Затверечья обозначены лишь трубами обгорелых печей, торчащими из почерневших развороченных сугробов. Каменные строения глядели огромными пустыми прямоугольниками. Кое-где уцелели домишки. На улицах валялись перевернутые кровати, диваны без подушек, из снега торчали шкафчики с разбитыми стеклами, старые комоды. И кто так раскидал вещи? То и дело натыкаемся на трупы людей, припорошенные снегом.

На месте нашего двухэтажного дома, в котором мы жили, одна кирпичная стена да остатки дымящегося пола. Под окном нашей бывшей комнаты мама разгребла снег и нашла чудом уцелевшую дамскую сумочку, в которой хранились фотографии. Старая сумочка и фотографии обгорели.

— Вот и все, что осталось от прежней жизни, — говорит мама, обращаясь к моряку. На почерневшем покореженном фото — папа.

— А где мы будем жить? — спрашиваю я.

Мне холодно, страшно и как-то тоскливо жутко. Вокруг мертвая голодная пустыня. Мне хочется плакать, но я не плачу, потому что никто не плачет.

— Мир не без добрых людей, — говорит мама. — Хорошо, что живы

Около разбитого сарая темнели два бугорка. В одном — фашистский солдат. Отвоевался.

— А это кто? В ватнике? — мама подошла к другому темнеющему холмику, сгребла рукавицей с лица лежащей женщины снег. — Никак Анастасия? Нет, не Анастасия, — шептала мама побелевшими губами.

Лицо у женщины было синее-синее, шея туго перетянута толстой черной косой. — Видать, задушили. Совсем еще молодая... изверги рода...

Я почувствовала, как в широких варежках сжимаются мои онемевшие от холода пальцы, как где-то внутри образуется горячий ком.

— Мам, пошли, — тяну я маму за рукав. — Я боюсь, пошли.

— А куда? Дома-то нет, кроме этого развороченного снарядами сарая.

Советская власть на месте

Живем мы в больнице, что в деревянной небольшой церкви

напротив нашего бывшего дома, в кабинете врача. На улице валяются всякие вещи, но мы их не берем.

— Хозяева найдутся, — говорит мама, — стыда не оберешься!

У нас больничные железные кровати. Одеяла сшили из лоскутов плакатов. Вату добыли из старых матрацев.

Я дышу на стекло, чтобы в ледяной корке оттаяла дырочка. На улице солнечно. Страшно хочется есть и очень холодно.

— Спите, — говорит мама, — не так под ложечкой сосать будет.

А у меня и не сосет. Просто хочется есть.

— Феликс, ты не знаешь, кончилась картошка в овощехранилище? Камушки сладкие, а есть можно. Хорошо бы еще разочек сходить!

— Кончилось! Все! — отзывается из-под пестрого одеяла брат. — У хранилища сторожа поставили.

— Вот и ладно, — странно улыбается мама, — значит, советская власть на месте. Ничего, вчера из деревни Лешка-кривой приезжал, обещал конины привезти. Сколько там лошадей лежит побитых! Видно, страшный бой был у Исаевского ручья. Мужика вот нет, да и пилы тоже. Голыми руками не отхватишь. А вы лежите! Я скоро киселя сварю. Солдат овса дал, при лошадях он.

— А курица была ничего, правда, мам? — говорю я, залезая с головой под одеяло.

— Тощая больно, верно, дохлая. Как ее скрючило! — отзывается Феликс.

Ему не лежится. Феликсу надо делать жернова. Теперь все делают жернова. Отпилят от толстого дерева два куска, вобьют в них железные осколки, просверлят посередине дыру, куда зерно засыпать, приделают ручку, и готово — мели себе. Было бы что молоть! А мне хочется посмотреть на перину. Мальчишки на соседней улице обнаружили в подвале дома немецкий бункер. Чего там только не было! Даже китайская ваза фарфоровая там стояла. В бункере Феликс и нашел нашу перину. Он ее по наволочке узнал. Наволочка красная в широкую черную полоску.

Теперь наша перина лежала перед широко распахнутой печной дверцей — сохла. Я сидела и гладила ее.

— Скорей бы весна приходила, — говорила я, глядя в огонь.

— Что ты, дочка! Давно ли Новый год был? — вздыхает мама. — Трудная, голодная нынче весна будет. Ох и голодная!

Зима сорок второго года была очень холодной. Фашистские самолеты продолжали налеты на город. В парке, вернее, в ботаническом саду возле реки Тверцы стояли зенитки. Девушки-зенитчицы жили в соседнем доме. Они приглашали нас в гости,

угощали чаем с хлебом и сахаром. Сначала мы стеснялись, отказывались, потом ели. Детей во время войны называли «иждивенцами». По «иждивенческим» карточкам полагалось всего триста граммов хлеба. И больше ничего — ни круп, ни соли, ни сахара. Поэтому всегда хотелось есть.

Завыли вьюги. Снега намело по самые крыши. Наступил очень лютый и вьюжный февраль.

В школу

«В школу! В школу!» — передается по цепочке от дома к дому радостная весть. В школе холодно. Каменное здание промерзло насквозь. Поэтому, идя на занятия, каждый несет полено. Надо учиться. Не пропадать же учебному году! И когда только школа прогреется?!

На уроках сидим в пальто, шапках, платках, пишем в рукавицах. Чернильницы-непроливашки держим за пазухой, иначе чернила замерзают. Для этого и пришили специальные кармашки. Тетради у нас сшиты из газет. Писать неудобно. Буквы получаются большими и круглыми. Пока нет настоящих тетрадей. Нет и учебников. Зато фашистов отогнали от Москвы. Идут страшные бои на Волге, подо Ржевом. Город моего детства Ленинград в блокаде. Голодные друзья в холодном каменном городе. Только бы выжили! Только бы выстояли! Мы верим: выгонят фашистов с нашей земли. Я тоже хочу убежать на фронт. Демин из 7а убежал и Васин из восьмого. Но они старше, да и мальчишки. Тетя Рая, наша соседка, Игорева мама, говорит, что дети на фронте — одна солдатам обуза, что надо лучше учиться, помогать взрослым. У Игоря две сестренки — Люська и Томка. Им по году. Игорю — десять, мне — одиннадцать. Брату Феликсу — тринадцать. Всем нам вместе — тридцать шесть. Солидный возраст. Из больницы мы давно переселились. Там — поликлиника. Теперь мы живем в коммунальном доме на «вышке» с крутой лестницей и хорошим чердаком. Во время оккупации города здесь жила старушка. Она умерла. Ее похоронили в огороде. У нас одна комната, в ней — восемь метров. За стеной, которую можно проткнуть пальцем, живет тетя Рая с Игорем и девчонками Люськой и Томкой, которым по году, а зубов все нет.

К Исаевскому ручью

— Айда к Исаевскому ручью! — предлагает Феликс. — Там передовая была. Интересно посмотреть.

Мы, конечно, согласны. Отправляемся по Тверце на «лыжах», если так можно назвать узкие дощечки. Лыжи смастерили сами. Тонкие доски обстругали рубанком, ошкурили наждачной бумагой. Носы у «лыж» почти не загнуты. Сколько Феликс ни грел, ни гнул дощечки, они плохо поддавались. Поэтому не едем, а идем. Зато не увязаем в рыхлых сугробах. Повсюду из-под снега торчат глыбы истерзанных замерзших лошадей. Иногда проступают полы зеленых шинелей, подошвы немецких сапог. В испуге поворачиваем назад. И только у вмерзшей в лед баржи решаем передохнуть.

— Там, — говорит Игорь, — тетенька сидит.

— Какая еще тетенька? — спрашиваем Феликса.

— Замороженная.

Под самой стенкой баржи сидела женщина, прижимая колени к лицу. Весеннее солнце и ветры скинули с головы и плеч снежную маскировку.

— Может быть, это Симка? Она пропала без вести. Была партизанкой!

Мы пытаемся рассмотреть лицо женщины. Оно поклевано птицами. Снова делается страшно.

— Нет, не Симка, — говорит кто-то из ребят. — Симка так не смогла бы.

И мы уходим, с трудом переставляя ноги по рыхлому липкому снегу.

Добытчики огня

Придя из школы, уроки стараемся делать пока светло. Когда стемнеет, зажигаем светильник. Светильник сделан из консервной банки.

В крышечку от заварного чайника просунули фитиль — скрученную веревочку. В банке — керосин. Когда светильник горит, надо ножницами срезать нагар. Если долго при таком освещении посидеть, под носом скапливается черная сажа. Потому светильники и называют коптилками.

Спичек нет. Огонь добываем древним способом. Два камня и очень сухая ветошь в виде веревки. Бьешь камень о камень — искру высекаешь. Искра на тряпку падает. Тряпка тлеет. Теперь только успевай дуть потихоньку. Иногда час провозимся, пока огонь добудем. Потом приспособились. Стали друг к другу бегать.

У кого-нибудь из соседей в печке всегда угли горячие.

Зимой появились спички, но не в коробочках с картинками. Это были тоненькие дощечки. Кончики надрезаны и покрыты той же смесью, что и спичечные головки, — сера с бертолетовой солью. Дощечки перевязаны в пачках по нескольку штук. К ним приложена еще одна — красновато-коричневая дощечка. Об эту, красно-коричневую, и надо чиркать.

Однажды крашеную дощечку я засунула в пачку со спичками и провела по головкам. Спички разом вспыхнули. Я испугалась, но не бросила огненную кучу. Руки мои сильно обгорели. На красно-коричневой дощечке был красный фосфор, а ожоги от фосфора долго не заживают.

Военный трофей

Вся наша команда греется на ярком весеннем солнышке, ходит смотреть на понтон. Понтон рядом со взорванным волжским мостом. Это настил на плавучих бочках. Его охраняют солдаты в белых полушубках и валенках. По этому мосту днем и ночью идут на фронт машины, живет наша страна. А еще здорово, что наступила весна.

С карнизов домов свисают длинные тонкие сосульки. Я смотрю на эти сосульки, и мне кажется, что это острые прозрачные зубы матушки зимы. Солнце старается, а сосульки висят холодные, замороженные. Но если прислушаться, то словно монетка упала на лед. А вот еще и еще прозвенело. Проходит секунда, и опять скатывается с сосулькиного носа прозрачная холодная капля. Еще минута — и узенькая струечка, будто тоненькая ножка, пробует землю. Сбежала струйка, коснулась льда и разлилась первой крошечной лужицей. Я радуюсь солнышку, сосулькиной песенке.

На огороде подтаял снег, и мы увидели снаряд. Снаряд лежал между грядок и мирно сверкал под лучами весеннего солнца. Мы вытащили его из ямки, поставили на круглое дно. Снаряд был большой, почти по грудь, и тяжелый. Брат побежал в школу, чтобы узнать, что с ним делать.

Мне не терпелось. Я прижала снаряд к животу и потащила. Шла огородами — напрямик, спотыкаясь о мерзлые кочки и капустные кочерыжки. Вот прошла здание полуразрушенного детского сада. Вот и школьный двор. Снаряд поставила посреди площадки, села рядом на скамейку, жду. На крыльце показался Феликс, с ним взволнованный учитель по военному делу, как мы

его называли, «Раз-два».

На уроке по военной подготовке «Раз-два» тренирует нас на четыре счета становиться под ружье. А еще учит разбирать и собирать ружья, пулеметы, чистить их, бросать гранаты, прятаться в укрытия, идти в бой. Он всегда веселый, подтянутый. Но сейчас «Раз-два» совсем не бравый. Он машет руками, бежит, загребая деревянной ногой, кричит:

— Чего расселась? Отойди! Взорвется! Сейчас же отойди!

— Не взорвется! — кричу я и вскакиваю. — Я с ним два раза падала, а он хоть бы что!

Потом приехали саперы, увезли снаряд на машине, взорвали в поле. Говорят, что очень даже хорошо взорвался.

Ледоход

Какой в этом году ледоход! Я никогда не видела такого. Метровой толщины льдины вставали на дыбы. У моста их рвали взрывчаткой. Льдины наползали друг на друга, скрипели, громко шуршали. Поднявшаяся вода слизывала их с берега и приносила вновь. Соседняя улица плавала по самые окна.

— Много нынче покойников будет, — поговаривали старые женщины.

На берегах лежали огромные голубые чудовища — прозрачные толстые пластины.

— Сильные и крупные помрут. Вон сколько льда на берегах осталось.

— Война берет не только сильных в черную землю, — говорили другие, — ни детей, ни стариков, ни малых, ни старых не жалует. Проклятые фашисты!

Я смотрю на льды и думаю: «Льдины тоже умирают, только в них бесцветная кровь».

Вареная птица

Мы варим щи из первой кусачей крапивы и мягких листочков лебеды. На огороде вскопали гряды, чтобы посадить картофельные глазки. Глазки растим из картофельных очисток. Из очисток мама делает лепешки. Где она их достает, мы не знаем. Картошку надо скоро сажать.

Недавно в городе заработала электростанция. Феликс

смастерил электрическую плитку. На этой плитке соседка тетя Рая по утрам греет воду, чтобы размочить хлеб для Томки и Люськи. Им уже больше года, а зубов все нет. Тетя Рая ловит ложкой в горячей воде кусочки хлеба, засовывает в рот девчонкам, приговаривая. «Мясо, мясо! Ешьте мясо!»

Сегодня Игорь торжественно объявил, что будет кормить нас вареной птицей.

— Какой еще птицей? — удивляемся мы.

— Обыкновенной.

— А где взял?

— Настрелял.

Игорь хорошо стреляет из рогатки, это мы знаем. А вот где он отыскал птиц? Это — загадка. От холода и голода погибло в этом году много птах.

Голубоглазая, с белыми кудряшками девчонка Люська сидит в железной кроватке, как за решеткой. Ее выпускать нельзя — мигом куда-нибудь уползет. Худенькая Томка в одной распашонке, ноги калачиком, закрыв глаза, потихоньку покачивается на голом диване. Томка убаюкивает себя. Она никуда не уползет. Она слабая. Маленьких слабых детей сейчас много. Кормить нечем. Наша знакомая очкастая тетя Мария недавно заходила с внуком Пашей погреть ему еду. Маленький крошечный худенький мальчик этот Паша. Даже ручки просвечивают. Маму у Паши взяли на фронт, так как она медсестра. Папу тоже. Вот тетя Мария его и нянчит. Ей надо работать, поэтому Пашу она отдала в ясли. Но там холодно и голодно, а он слабый. Он не может там быть. Питание на Пашу тете Марии дают на руки. Бабушка пытается дать внуку жидкого супа, но он не берет и плачет слабо, тоскливо. Вчера Паша умер.

— Наша Томка, — говорит Игорь, — тоже слабая, мама говорит, хоть бы умерла. Какая из нее девка получится? А мне жалко.

— Если жалко, чего ты ее в одной распашонке держишь?

— Так проще, — уверил нас Игорь, — не надо штаны сушить.

При нашем появлении Люська подползла к спинке кровати, свесила ноги. Томка мигом проснулась, как щенок, заскулила тонко и тоскливо. Люська тут же начинает ей помогать.

— Есть просят, — говорит Игорь. — Мать на работе. Ничего не оставила. Сейчас! Еще не уварилось. Сейчас мяса дам!

При слове «мясо» девчонки заскулили еще больше. Мы с нетерпением смотрим на плитку, на которой стоит чугунок, ждем.

— Ладно, ничего, съедобное! — Игорь вытаскивает из чугунка какие- то тощие косточки, на которых присохло немного

волоконец, раздает кусочки. Что-то не совсем вкусно, хотя и хочется есть. Мясо темное жесткое и горьковатое.

— Без соли всегда так, — успокаивает нас Игорь.

Девчонки, причмокивая, сосут птичьи ножки.

Потом уж, много дней спустя, узнали мы, что Игорь накормил нас воронами.

Рассказано по случаю…

Будь моя воля, я бы воздвигла памятник детям войны. Этому маленькому мальчику Паше, умершему от холода и голода. Детям, не родившимся из-за войны. Детям, спасавшим других детей.

В июле 1978 года в Польше в городе Лодзи видела сооружение, воздвигнутое в виде разорванного сердца с изображением маленьких фигурок детей. Это — сердце матери. На этом месте, за колючей изгородью под открытым небом, содержались дети разных национальностей в возрасте восьми-десяти лет, без пищи и воды. Дети быстро умирали. Живые согревали себя еще не остывшими телами. Из пятнадцати тысяч умерло двенадцать. После освобождения города ослабленных детей было не более трехсот.

Маленькие узники Освенцима, Равенсбрюка, Маутхаузена и других лагерей смерти. Горы детской одежды, обуви, игрушек — подтверждение злодеяний против детей. В Освенциме я прочитала такие слова: «Никогда из памяти не изгладятся страдания наших маленьких узников, детей. Не забыть восковые ребячьи лица, голодные глаза, угловатые плечики, вздрагивающие от холода». Или поведение ребенка, когда один из немецких офицеров дал группе детей по конфетке. Девочка сказала: «Берите в рот, ложитесь возле меня. Это не больно». Они были готовы к смерти.

После посещения мест скорби и злодеяний, позднее, я написала стихотворение **«Тишина над Бухенвальдом».**

Тишина над Бухенвальдом, тишина.

Луч рассветный скользнул на покосы,

Будто здесь не ступала на землю война,

Травы знали лишь синие росы.

Жутко от этой тишины, в ней бродят тени сожженных,

И слышится шепот теплой земли, принявшей пепел влюбленных.

Тишина над Бухенвальдом, тишина.

Болью в сердце рассвет отдается,

Страшно очень, когда снова в мире война,

Словно хищный вампир, к солнцу рвется!

Жутко от этой тишины, в ней ужас и гнев сожженных,

И слышится плач детей грудных, для жизни и счастья рожденных.

Тишина над Бухенвальдом, тишина...

Тишина, как застывший крик.

Где-то снова бушует война.

Чью-то боль принимает земля в этот миг...

Люди?! Вы слышите, люди?!

Друзья

Вот и первый праздник после освобождения города от фашистов — Первое мая. Мама где-то раздобыла несколько ложек белой муки и сделала на олифе нежного хвороста. Олифу — вареное льняное масло — вообще-то не едят, так как при варке туда добавляют вредную окись свинца. На олифе разводят краски. Об этом я узнала потом в школе. Но другого масла у мамы не было. Хвороста получилась маленькая тарелочка.

— Вот придете с митинга, — сказала мама, — и поедим.

Вернулись мы с Феликсом из школы, скорее заглядываем в кухонный стол. Тарелка стоит, а хвороста нет. Пришла мама.

— Кто мог съесть хворост? — удивилась мама. — Пойдем спросим у соседа.

Игорь, как увидел нас, покраснел, стал похож на вареного рака.

— Я не ел.

А сам крошки с рубашки стряхивает. Мы очень на Игоря рассердились. Целую неделю не дружили.

С ним мы часто попадаем в разные истории. В лес ходим километров за пятнадцать, грибов приносим по полной бельевой корзине. Идем босиком, обувь жалеем. Раз видим: прямо у дороги стоят красивые грибы. Брат говорит:

— Какие-то странные грибы! Вроде белые. А корень подрежешь — зеленеют?!

— Да что вы понимаете в грибах! — кричит Игорь. — Это высший сорт белого. Мне бабка Афросинья из флигеля говорила.

Ну раз говорила бабка Афросинья, набираем по целой корзине, тащим. Пока тащили, они все позеленели. Очень ядовитыми оказались грибы. Был и такой случай. Ходили, ходили по лесу, проголодались. Смотрим — на высоких кустах растут ягоды красные, сочные. Попробовали. Что-то отталкивающее в

них. А Игорь и говорит:

— Совсем заелись! Это же винная ягода — дикая вишня.

— Вишня крупная, а эта — мелкая, — возражаем мы.

— Потому и мелкая, что дикая, — уверенно отвечает Игорь.

Попробовали еще разочек. Вроде ничего. И давай есть. Поели, с собой прихватили, домой принесли. Мама как увидела, всплеснула руками:

— Ели? Это же волчья ягода, ядовитая! — и побежала на молочный завод.

Дали ей бидон молока. Как уж дали, и сама не знает. Отпаивала нас молоком. Я потеряла чувство вкуса. А тут пришла в гости мамина знакомая, дала нам по три подушечки, такие капельные конфетки. Взяла я в рот одну конфетку, а она словно кусок мела. Я и говорю:

— Как невкусно!

Мамина знакомая сначала удивилась, а потом обиделась. И от возмущения выговорила:

— Ишь ты, упитанная какая! Конфеты ей не нравятся!

Долго не чувствовала я вкуса пищи, но постепенно прошло. И хорошо, что прошло, а то жилось как-то гадко. Игорь хочет убежать на фронт, но ждет, когда сестренки в ясли пойдут. А то кому с ними сидеть? Тетя Рая работает на фабрике, а отец в тюрьме сидит.

Военное положение

— Мам, ты куда? — спрашиваю я. — Сколько времени? В школу не пора?

— Не знаю, — отвечает мама, — спи пока.

Конец ноября, темнеет рано, рассветает поздно. Часов у нас нет в доме. Радио не работает. Большого репродуктора, что висит на Пожарной площади, не слышно. Тихо постукивает ставенкой чердачное окно, ветер завывает в печной трубе да гремит заслонкой, высвистывая тепло. Под одеялом уютно. Очень хочется спать. Я поворачиваюсь на другой бок, мгновенно засыпаю. Кто-то холодный осторожно влезает ко мне под одеяло.

— Спи, это я, — шепчет мама.

— А ты разве не ушла на работу?

— Ушла да пришла. Еще первый час ночи, а мне к семи.

Плохо без часов. Хоть бы ходики какие были! Но ходиков нет, а опаздывать на работу никак нельзя — военное положение, суд, трибунал.

Митинг памяти

Прошел ровно год, как освободили наш город от фашистов. Накануне учительница сказала, что после уроков идем на митинг. В Заволжье у братской могилы было много военных и штатских. Майор, энергично двигая головой и левым плечом, рассказывал о своих товарищах, захороненных здесь. Потом говорила медсестра из военного госпиталя. Наша учительница рукавицей вытирала слезы. Мне тоже хотелось плакать, но я крепилась, старательно рассматривая красную звезду, прикрепленную к деревянному обелиску. Тонкие подошвы моих старых валенок промерзли, пальцы на правой ноге уже окоченели. Но я не двигалась. Рядом со мной стояла, притоптывая ногами, Зинка. Зинку в классе не любят. Она — «коровница», она сытая.

— Зин, тебе холодно? — тихо спрашиваю я.

— Не-а, — отвечает Зинка, передергивая плечами.

У Зинки теплый пуховый платок. Платок перехватывает Зинку под мышками, поэтому в овчинной шубе она кажется еще шире. Валенки у Зинки подшиты толсто, задники обтянуты черной кожей. Следы просмоленной дратвы еще свежие. У Зинки отец не на фронте, дома. Перед самой войной ему отрезало трамваем ногу. У них — корова.

— А мне холодно, — говорю я. — И плакать хочется. Солдат жалко.

— А мне нет. Все когда-нибудь умрем!

Митинг памяти кончился. Ребята начинают прыгать и толкать друг друга. Делается теплее. Мы не идем, а трусим. Неожиданно завыли сирены. Тонкие лучи прожекторов устремились вверх, просвечивая, обшаривая темнеющее небо. Вот они скрестились над нашими головами, образуя букву Х. Заблестела точка. Это прожекторы поймали вражеский самолет. Зенитки открыли огонь. Вокруг нас, звонко ударяясь о мостовую, падают с неба осколки. Бежим не помня себя.

Страх

Я проснулась от неясного шороха. Мыши? Мышей я боюсь, поэтому с кровати ног не спускаю. Дома никого нет. Пол в комнате застлан большой серой тряпкой. В одном месте тряпка

надута и шевелится. Неужели крыса? Я в ужасе поджимаю под себя ноги, потом влезаю на кроватную спинку, сижу там, не спуская глаз с бугорка. Бугорок шевельнулся, фыркнул, как чихнул. Это придало мне храбрости. Мне стало даже смешно: чего это крыса фыркает? Насморк у ней, что ли? Спускаю ноги, встаю на пол. Бугорок не шевелится. Тихонько подкрадываюсь к краю тряпки и заворачиваю крысу в несколько слоев. «Вот теперь посмотрим, что будешь делать!» — говорю нарочно громко. Но крыса ничего не делает. «А вдруг она прогрызет тряпку и на меня кинется?» Я в страхе кладу тряпичную кучу на пол и снова влезаю на кровать. Раздается стук в дверь.

— У вас нет нашего ежика? — спрашивает писклявый голос.

— Ежика? — удивляюсь я.

Голова с писклявым голосом просовывается в дверь. Это — девочка. Я ее не знаю.

— Вот, — говорю, — возьми на полу. А я думала, это крыса.

Девочка разворачивает тряпку и вытаскивает ежика.

— Стриженый ежик? — опять удивляюсь я.

— Мальчишки-дураки постригли, — говорит девочка. — Ему нельзя в лесу жить. Теперь он несчастный на всю жизнь. До свидания!

Девочка ушла и унесла стриженого ежика.

Пировать так пировать

Я сижу у окна — учу географию, но ничего не запоминается. В голове одно и то же: чего бы поесть.

В доме, кроме клюквы и луковицы, ничего нет. Луковицу съедать нельзя. Она последняя.

Я то и дело выглядываю в окно: не идет ли мама. Может быть, чего-нибудь принесет? Но мамы не видно. Снова принимаюсь за географию. Как плохо, что кончились занятия. Сейчас бы в школе дали по булочке. Булочка круглая, меньше моей ладони. Но булочка! При воспоминании о булочке совсем расхотелось учить.

— Эй-эй! — кричит с улицы Зинка.

— Тебе чего? — отзываюсь я.

— Выходи!

— Некогда. Надо учить. Экзамен завтра. Забыла?

— Выходи же! У меня идея!

— А что делать будем?

Зинка широко раскрывает рот и начинает жевать воздух. Все

понятно. Кубарем скатываюсь с высокой лестницы.

Вот мы и у Зинки. Зинка из подвала достает банку со сметаной. Деревянной ложкой, как это делают торговки, раскладывает сметану по блюдцам. Я сижу, дрожу. Под ушами у меня что-то затрещало, и рот больно свело,

— Ой! — говорю я и начинаю мять уши и шею.

— Пройдет, — успокаивает меня Зинка. — Это хлынула слюна.

В руках у Зинки целая буханка хлеба. Большим кухонным ножом Зинка режет буханку напополам.

— Ешь! — повелительно говорит Зинка. — Набирайся сил, завтра экзамен.

— Как есть? — чуть слышно спрашиваю я. — Здесь две карточные нормы.

— Как, как! — не обращая внимания на мои слова о карточках, ворчит Зинка. — Ртом! В сметану макай!

— Буханка же на базаре двести рублей стоит!

— Ну и что? Пусть стоит!

— А мама твоя что скажет?

— Мамка с батей на рынок пошли, понесли творог и сметану продавать. Еще купят. Да ты ешь!

Я отрезаю ломтик хлеба, опускаю кончик в сметану, облизываю, закрыв глаза. Потом снова макаю и откусываю небольшой кусочек.

— Ты чего, как кошка, лижешь? — говорит Зинка. — Вот так ешь! Зинка отрезает от своей половины толстый ломоть и откусывает большой кусок. Круглые румяные Зинкины щеки, набитые хлебом, готовы вот-вот лопнуть. Зинка страшно довольна.

«Она не совсем уж и плохая девчонка, не жадная, — думаю я, уплетая хлеб со сметаной. — Просто ей больше повезло с отцом. Если бы у всех отцы были дома, никто бы не голодал. Это все из-за фашистов».

— Сейчас принесу еще! — подскочила на стуле Зинка. — Пировать так пировать!

Зинка вылетела из кухни. Я отрезаю от своей половины кусок хлеба и прячу за пазуху. Зинка притаскивает горшок и кринку. Мы пьем клюквенный кисель с молоком.

— Фу! — говорю я, — объелась. Зин, я толще стала? Мама говорит, что у меня коленки воробьиные.

— Незаметно, — отвечает Зинка, влезая в подпол, чтобы поставить туда почти пустую банку из-под сметаны.

Я хотела развязать пояс, но тут вспомнила о ломте хлеба.

— Ну я, Зин, пошла...

— Уже? А география?

— Ладно, — соглашаюсь я, — вот только сбегаю домой и приду, поучим вместе.

Дома я вытащила хлеб, разрезала на две половины: маме и брату. Зря не сказала Зинке, что я кусок с собой взяла. Совестно было спрашивать. И одной наесться тоже совестно. А сейчас еще хуже! Вроде как украла! Но я ведь могла его и съесть? Зинка же мне хлеб дала! Мучаясь мыслями, я подошла к печке, погладила себя по животу. Сунула голову над шестком и крикнула: «Будем считать, что он лежит здесь!»

— Ты чего, Лялька, кричишь? Это я! — услышала я Зинкин голос.

— Да вот! — смутилась я, в растерянности показывая на куски хлеба.

— Ладно, чего там, — махнула рукой Зинка, видимо, не поняв, что к чему. — Мои с базара вернулись, шумят, жадюги несчастные, давай у тебя учить.

Самая модная одежда

Самой доступной из одежды, а значит, самой модной была стеганка. Из окрашенных в черный цвет, пусть и с пятнами, простыней получался исходный материал. Списанные простыни маме давали в госпитале, где она стала работать сестрой-хозяйкой. Конечно, больше ценились стеганки, сшитые из ткани в рубчик. Из матрацев, найденных в немецком бункере, добывали вату, которую тщательно расщипывали и рыхлили. Мама без всякого лекала, при помощи мелка и ножниц, выкраивала детали одежды. Разложив вату слоями на ткани, сворачивали в рулончики. Мама (ей помогал и брат) прострачивала и сшивала заготовки. Потом этому научилась и я. Наша старенькая дореволюционная машинка «Зингер» постоянно то зажимала лапку, то накручивала нитку на качающийся челнок. Из-за неисправности этой зингеровской машинки во мне на всю жизнь вселилось отвращение к швейному делу. Стеганки мама продавала на рынке. Рынок — толкучка — находился там, где теперь на постаменте сидит М.Е. Салтыков-Щедрин, где сейчас гостиница «Центральная» и территория сквера с фонтаном до здания современного цирка. Одежда раскупалась. Мы опять чуть подкормились. Жаль только, что скоро сырье иссякло.

Около нашего дома огород. На каждую семью по две грядки. В переулке мы тоже вскопали землю, посадили картошку и редиску. Чтобы прохожие не топтали, огородили колючей проволокой. Славный получился в переулке огород. Я часто бегаю смотреть: не выросла ли редиска? У редиски ботва коротенькая, и редисочка видна. У нас же выросла толстая большая ботвища.

— Что будет, то будет, — говорит мама. — Семена с базара. Все равно что-то вырастет.

Выросла редька, да такая крупная, что мы не знали, что с ней и делать. Мама вспомнила поговорку: «Редька с маслом, редька с квасом, редька с солью, редька голью». Масла — нет. Кваса — нет. Соли — нет. Голь — есть, но с ней много не наешь. Мы всех знакомых накормили редькой, всем раздавали. Не бросать же, раз выросла! Потом в переулке несколько лет сажали картошку. И всегда вырастала картошка. Только один раз в картошке три подсолнуха вымахали!

На грядах мы выращиваем капусту, свеклу, морковь, лук, чеснок, желтую репку. Всего понемножку. В семье я считаюсь главной поварихой. В печке или на таганчике варю: на первое щи пустые, побеленные козьим молоком от нашей скотинки. На второе — картошка в мундире. На третье сладкое: белая сахарная свекла, толченная с клюквой. Это очень вкусно. Клюквы мы напасли с осени. На моховом болоте ее уйма. Не ленись только по кочкам ползать. Наберешь столько, что и не снести.

Сегодня у нас праздник. На обед — кровяная колбаса. В школе выдали талоны в столовую. На эти талоны мы и получили кровяную колбасу.

— Очень вкусно, — говорит мама, — главное, полезно! Надо питаться, а то голодные мешки под глазами, ребра торчат да коленки как у воробья.

— И совсем не как у воробья!

Самой же хочется взглянуть на себя в зеркало. У нас одно — кругленькое. Там только кончик носа и увидишь.

На берег Волги волной выносит всякое добро. Нас больше всего интересует топливо. Дары реки складываем возле сарая. Если попадается крупная добыча, беремся за пилы. Сначала у меня ничего не получалось, но потом научилась пилить.

Однажды мама предложила заготовлять торф. Болота за городом совсем рядом. Вооружившись лопатами, шагаем к болоту.

Старые торфяные карьеры разделены глубокими канавами с водой. Коричневые бока канав сплошь из торфа. Надрезаем узкие

полоски, вынимаем, раскладываем на солнце. Лето выдалось жаркое. Торф сохнет быстро.

Коза

Белая коза с черным хвостиком появилась вместе с мамой. Мама привезла ее из командировки. Коза Дочка давала в день почти два литра молока. Это — хорошая коза. В Затверецком районе, где мы живем, много частных домов, поэтому коров и коз — целое стадо. Наша коза тоже ходит в поле пастись со стадом.

К осени коза отъелась, растолстела так, что стала давать мало молока. Мы с братом наготовили для козы на зиму сена и веников. В сарае целая гора сушеной травы. На чердаке несколько веревок с березовыми букетами. Сытно козе будет зимой.

Я стою у ворот дома, поджидаю Дочку. Стадо давно прошло, а Дочки нет и нет. Спрашиваю соседей: «Вы не видели нашей козы?» Никто не видел нашей козы. Потом, когда стемнело, пастух привел козу, а на руках принес шустрого козленка.

— Берите, — говорит, — ваш.

— У нас не было козленка?!

— Не было, теперь есть, — сказал пастух.

Чудной козленок. Не успел родиться, а уже бегает по комнате. Через несколько дней мы отпустили его вместе с козой пастись в поле. Эти две скотинки доставляли нам много хлопот. Когда козы возвращались с поля, глядеть надо было в оба глаза. Один миг — и они уже на «вышке», где мы живем. Двери-то настежь. Особенно проворен козленок.

Зимой мы козу закормили, она захирела и стала давать в день всего стакан молока. Потом козы стали кашлять. Пришел ветеринар, сказал: «Козы заболели, пока не поздно, ликвидируйте».

Коз было жалко, но делать было нечего. Пришел сосед. Брат хмурился, я потихоньку плакала. Из козьего мяса мама наделала колбас.

— Зима долгая, понемногу и будем брать, — сказала мама.

Сначала мы отказывались от колбасы. Потом, когда пришли в кладовую, чтобы взять «немного», то увидели, что под потолком болтаются одни только веревочки. Колбасы не было. Ее съели кошки или крысы. Какие кошки? Какие крысы? Они бы и веревки съели. От голода сдохли все крысы. И кошки, наверное... А кто?

Федя Соколов

Несколько дней Феди Соколова нет в школе. С ребятами нашего класса он не дружит. У него приятели те, кто постарше.

— Все равно надо к Феде зайти, — сказала Таня.

На другой день она влетела в класс и на одном дыхании выпалила:

— Соколов сильно заболел. Он теперь без глаз. Ковырялся в гранате, она и взорвалась. И руки у Феди оторваны.

— Предупреждал же нас «Раз-два», чтобы не трогали военное оружие, а в школу сообщали.

— Предупреждал.

— А кто вчера во дворе по патронам булыжником бил?

— То пули, а не гранаты, — вымолвил один из одноклассников.

— И пуля прострелит, будь здоров! — загалдели ребята. — Но как же теперь Федя?

Мы всем классом пошли в больницу, но нас не впустили. Как же жить человеку без глаз и без рук? Этого никто не представлял.

«Луковая» тетя

В марте несколько дней у нас жила тетенька из-под Бежецка. Приехала она на машине и выгрузила в нашу кухню несколько мешков с луком. Днем луковая тетя продавала на базаре лук, а вечером возвращалась. И нам тетя дала немного лука. Жареный лук — это очень вкусно. Целая сковорода жаренного на масле лука!

Феликс предлагал продать подаренный лук, а на эти деньги купить картошки. Два ведра бы дали. Но мама не слушала Феликса. Она молча чистила лук.

— Продать завтра, когда хочется есть сегодня? — размышляла я, поглядывая на душистую вкусную кучу.

Мы съедаем сковороду жареного лука. Тетя сидит у стола красная, разморенная едой и горячим морковным чаем, считает деньги. Она заставляет и нас считать. У нее каждый день полная сумка денег.

Я складываю красненькие тридцатки в одну стопочку, зелененькие бумажки — в другую. «Луковая» тетя следит за нашими руками, как будто нам нужны эти замусоленные, пахнущие человеческой кожей и луком бумажки! Лук — другое дело. Сегодня мы сыты.

— Война по нашей земле не прошла, нет такого разорения. Живем лучше вашего, — говорит маме широкая «луковая» тетя. — Ты присылай к нам дочку, не стесняйся.

И вот я летом еду в деревню. За плечами вещевой мешок. Там два куска мыла. Мыло маме дал один дяденька с мыловаренного завода. Сами мы моемся настоем печной золы.

— Обменяешь в деревне на жито, — говорит мама.

Я тоже думаю, что обменяю мыло на жито. А еще я думаю, что привезу много еды. В мешке у меня Раскидайчики. Из разноцветных лоскутков я нашила кукол-клоунов и маленьких Би-ба-бо. Раскидайчики набиты опилками, а к кисточкам привязаны тонкие резиночки. Клоуны весело прыгают на резинках и машут пустыми рукавами.

Я долго еду на грузовой машине. Подо мной какие-то мешки, на мешках сидят люди. Моркины Горы проехали. Почему Моркины? Что горы — понятно. Сначала машина влезала, потом съезжала с большой горушки. Уже темно, хочется спать и есть.

— Скоро Бежецк, — говорит соседка.

Вдали неясно вырисовываются невысокие дома, церковь. Мне страшно. Я еще никогда не уезжала из дома. Мне хочется назад. Машина останавливается и мигом пустеет. Одна в чужом темном городе? Мне становится не по себе.

— Что с тобой, девочка? — старушка ведет меня в одноэтажную больницу.

— Чего расселась? — рыкнула на меня женщина средних лет в белом халате, как только старушка ушла.

— Мне плохо...

— Гляди, какая больная! Меньше по ночам шастать надо!

Я тихо ухожу, как только сестра отворачивается к шкафчику. Бреду по темной улице, ищу многоэтажную больницу с огромными окнами, такую, какая была в Ленинграде, куда мы ходили с мамой. Нахожу, но совсем другую.

— Ну, как дела? — я открыла глаза. Кругом светло и солнечно. И нет пугающей ночи.

— Хорошо, — тихо отвечаю улыбающемуся врачу.

— Вот и ладно. Полежишь денек — и домой к маме. Маленькая, а тоже нервишки, — говорит врач, обращаясь скорее не ко мне, а к нянечке.

— Ну что, сдрейфила? — в коридоре ко мне подсаживается белая рыхлая, с наглыми глазами, девица. — Куда едешь?

— К знакомой в деревню, — отвечаю я и рассказываю про «луковую» тетю.

— Да брось ты эту чужую бабу! Поехали ко мне! Я тут под городом живу. Вещи-то у тебя есть?

— Есть мешок. Там мыло.

— Мыло — это хорошо. Золой надоело мыться. Мыло давай, чтоб тебе не тащить. Встретимся у входа в городской сад. Он у нас один.

На следующий день, напрасно прождав новую знакомую, уныло бреду от города в сторону деревни, где живет «луковая» тетя. В мешке у меня один клоун-раскидайчик. Двух девица выпросила, одного доктору подарила. Доктор смеялся, прыгал вместе с раскидайчиком на одной ноге, как мальчишка. Другой ноги у врача не было. Вместо нее — деревянная, выточенная из бревнышка. Доктор был на фронте.

Двадцать километров — путь небольшой, но хочется есть, и потому, наверно, по проселочной дороге не иду, а тащусь, плетусь нога за ногу.

«Так и надо! — сердито думаю я. — Вот сяду за стогом сена и буду сидеть до утра. Пусть волки съедят, раз такая растяпа, или с голоду помру». Обхожу стог, сажусь на землю и вижу перед собой большую желтую брюквину. Ее называют почему-то бухмой. Какая это была бухмина! Слаще ни до того, ни после этого не едала.

— Приехала? — заулыбалась «луковая» тетя, увидев меня. — Заходи! Отдавай мешок! Небось обголодалась? Сейчас драчену вытащу.

Тетя, все ее называют Марией, достала из печи драчену. Драчена румяная, аппетитно пахнет, нет сил видеть.

— Тетя Мария, а что такое драчена?

— Вот поешь, узнаешь, — смеется тетя Мария.

Я ем драчену.

— Это же картошка?

— Разве невкусно? — широко улыбается тетя Мария. — Спасибо коровушке да курочке, сдобрили.

От горячей драчены, от приветливой тети Марии мне делается очень хорошо. Я закрываю глаза и вижу огромное солнце. Солнце поднимается из-за леса медленно, осторожно ползет к вершине лохматой березы. Как блестят серебряные капельки росы на ее круглых листочках! Я прикладываю листики к щеке. Они липучие и прохладные, пахнут березовыми вениками. Надо мной склоняется мама и гладит ладонью по щеке. Я открываю глаза. Только гладит меня не мама, а утренние теплые солнечные лучи. Передо мной на жердочке сидит пестрый петух, косит на меня радужным глазом. Петух вдруг затрепыхался, захлопал крыльями и голосисто, со знанием дела, пропел утреннюю побудку.

— Проснулась? Ишь, с дороги как умаялась, за столом уснула, — улыбается тетя Мария, гремя в сенях косой. —

Выспалась? Сейчас поедим и отправимся убирать сено.

— Эй, Мария! — кричит с улицы толстая рыжая бабка. — Председатель сказал, танк-то наш уже воюет!

— Какой танк, тетя Мария? — спрашиваю я, запивая картошку молоком.

— Тот, что мы всем бабьим колхозом купили. Ты думала, за лук мешок денег себе взяла? Нет, девонька! Мужикам нашим воевать помогаем. Пусть гусеницами давят этих гадов! Только вот с сеном управимся.

В поле женщины широко размахивали косами. Временами они останавливались, доставали из кармана какой-то плоский камень и начинали дзинькать по кривой сверкающей на солнце косе. Я вспомнила, как мы с братом заготавливали сено для козы. Но тетя Мария косы мне не дала, а велела деревянными граблями ворошить сено. Поворошишь, поворошишь, в траве поваляешься. А запах какой! Так бы и пил воздух. К вечеру еле пришла домой. Ломило ноги, руки и даже спину. Тут еще зуб привязался. Болит и болит.

— Вот что, — говорит тетя Мария, — ложись сегодня на лавку; тулуп возьми. Ноги согреешь, пройдет.

Подстелила я одну полу тулупа под себя, другой полой прикрылась. Только засыпать стала, как кто-то кольнул в ногу. А вот опять, уже в бок, в спину. Всю ночь вертелась в тулупе. Зуб так разболелся, что нет терпения. Встала, по избе хожу, зуб нянчу.

— Ты чего не спишь? — спрашивает тетя Мария.

— Колется что-то и зуб болит.

— Так это ж блохи?! Тулуп, поди, не выколотила?

Глянули в тулуп, а там блох видимо-невидимо. Черные, блестящие, так и прыгают, будто через веревочку скачут.

Прошло несколько дней, зуб не унимается, болит, врача в деревне нет. Насыпала мне тетя Мария в заплечный мешок жита, килограммов десять.

— Снесешь? — спрашивает.

— Конечно, снесу! — радуюсь я.

Председатель колхоза в город собирался ехать. Тетя Мария меня с ним и отправила. Быстро домчала нас в тележке лошадка, даже жалко, что деревня так близко от города. Высадили меня на Бежецком тракте.

А клоуна-раскидайчика я еще раньше тете Марии подарила.

Горести

На дороге скопилась пропасть народа. И все мешочники. Села я на лавку у дома. Дом чудной: окон нет, одна дверь. Видно, раньше здесь был амбар. Сижу. День прождала, машин нет. Те, что нагружены, пассажиров не берут. Пришла ночь. Мне уж не так страшно, как тогда. Люди кругом, на мешках сидят, дремлют. Я тоже за мешок свой держусь. Смотрю, в чудном доме открывается дверь. Дверь широкая, как ворота. Зовет меня молодая женщина:

— Заходи! Ну чего чураешься? — А мне боязно, за мешок с житом еще крепче держусь. — Да ты не бойся! Нужен мне твой мешок! Иди, ложись.

Осмелела я. Захожу. Затворила женщина дверь. Стало очень темно. Женщина чиркнула спичкой, зажгла керосиновую лампу.

— Есть хочешь?

— Хочу. И пить хочу.

— Я так и думала. Несколько раз прошла, все сидишь. Куда собралась?

— В Калинин.

— А кто там есть?

— Мама, брат.

— Отец на фронте?

— Мы не знаем, где он. Мы из Ленинграда. Говорят, на Дальнем Востоке. Он в тридцать седьмом арестован.

— Понятно, — тихо вымолвила тетя Наталья. — А мы — беженцы из Украины, — кивнула головой в сторону угла. Там на кровати лежали старая женщина и маленький ребенок.

— Вот только и осталось от большой семьи, — женщина тяжело вздохнула.

— У нас никого на фронте, — продолжала я. — Всем письма пишут, а нам нет.

— Спокойнее. Но пишут не только письма, — добавила женщина. — У нас пятеро на фронте. Все время душа болит. — Немного помолчав, спросила:

— Как это твоя мамка решилась одну отпустить?

— Голодно. Тетя Мария звала. Брат и мама не могут. Мама сказа: «Все лишний рот долой». А потом я — большая. Мне скоро четырнадцать лет!

— То-то и оно, что большая. Время еще такое, нельзя расставаться. А потом... Да ладно. Вот суп. На тарелке — хлебушек.

Я никогда никому не рассказывала о своем отце. Может показаться, что я совсем не думаю о нем. Это — неправда. Все, что светлое от детства, — все от него. Что случилось в Ленинграде до войны, я долго не понимала. Два чувства всегда были рядом: любовь к отцу и страх перед кем-то. Этот страх

появился сразу, как только остановился поезд, на котором мы уехали из Ленинграда. Страх, что у нас нет дома, что нас выгоняют из детской комнаты при вокзале. Страх, который повторялся из месяца в месяц более трех лет, когда, взяв узелок с вещами и едой, уходила мама отмечаться в комендатуру НКВД. Иногда она брала нас с собой. Мама смотрела на меня и брата глазами, полными слез и тревоги, словно в последний раз. Она, оказывается, выслана из Ленинграда как жена врага народа. Это было страшно произносить вслух. Значит, и мы — дети врага народа? Мы знали, что произошла ошибка. Ошибку нашли бы, но началась война. Мы ждали и боялись. Потому я никогда никому не рассказывала своем отце.

Рано утром тетя Наталья, растолкав желающих уехать, посадила меня на грузовую машину. Кузов машины был засыпан картошкой. На картошке сидели мешочники. Я, вцепившись одной рукой в кузов, другой в мешок с житом, сидела у самой кабины. Замелькали деревни, поля, машина неслась в сторону дома. На душе было хорошо и весело. Проехали почти половину пути, когда на дороге показалась одинокая фигурка. Тощая старушка поднимала руку.

— Некуда! — Крикнул шофер, притормозив возле бабки.

— Заплачу! Хочешь яичек? Вареные! — крикнула, старушка. Конечно, шоферу яичек захотелось. — На, родимый, тут пяток. Ешь на здоровье!

— Бабка, а нас двое, — недовольно буркнул шофер. — Неровно.

— Поделите, — шмыгнула носом старушка, проворно влезая на машину.

Вскарабкавшись в кузов, новая пассажирка протиснулась в середину. Нос большого чайника с творогом уперся в толстую ногу соседки. Машина набирает скорость. Сбоку каменки — глубокая канава, смотрю то на дорогу, то в кабину. Шофер пытается разломить вареное яйцо.

Оно выскальзывает из рук. Еще миг — и машина летит в сторону канавы. Я тоже куда-то лечу и больно шлепаюсь на землю. Рука судорожно отыскивает мешок с житом. Мгновение или вечность. Не пойму, что случилось! Оглядываюсь по сторонам. Среди рассыпанной картошки лежит женщина с разбитой ногой. Валяется чайник, из которого вывалился белый творог. С носика чайника капает кровь. Кругом стоны. Машина — вверх колесами.

В каком-то забытье иду вдоль дороги не оглядываясь, таща на плече свой мешок. Сколько иду, не помню. Очнувшись, сажусь около кустов. Мимо по дороге едут машины. Не прошусь, да и

денег у меня нет. Что были, отдала шоферу. К ночи добрела до деревни. На окраине, возле сараев, меня догнали две женщины. Они катили перед собой тележку. На тележке — мешки.

— Чего такая понурая-каурая? Ну-ка, давай твой заплечник! — веселые женщины подхватили мое жито и бросили в тележку. — Не ленись, помогай! — Я вцепилась в деревянную ручку и пошла рядом.

Небо заволокло тучами. Стало быстро темнеть.

— Вот что, — сказали женщины, — ты тут постой, покарауль вещи, а мы пойдем поищем ночлега.

В деревне темно. Может быть, спят, а может быть, хорошая светомаскировка на окнах? Я стою, прижимаясь к тележке, вслушиваюсь в темноту. Смотреть некуда. Темно так, будто на тебя надели черный мешок. Ни луны, ни звезд. Ночь тихая, теплая. Где-то лает собака. И вдруг, перед самым носом, лицо в круглых больших очках. Еще мгновение — и душераздирающий страшный вопль, вопль ужаса и страха. Это кричу я. Ко мне подскочили перепуганные женщины. Они оказались рядом. Женщины стали успокаивать меня. Я до сих пор не знаю, была это явь или видение моего утомленного всеми событиями мозга. Вскоре мы сидели в освещенном доме и пили чай. Потом спали на полу на мягких перинах. Утром я встала рано-рано и, захватив мешок, тихо ушла. Мне было стыдно за свои ночные крики перед хорошими тетями и гостеприимными хозяевами, которым они все рассказали.

Как я узнала потом, в тот день я прошла почти тридцать километров. Иногда присаживалась возле обочин, ела малину. Ягоды на солнцепеке хорошо вызрели, были крупными, сочными. Солнце, румяное и горячее, все ниже и ниже склонялось над землей. Я останавливалась. Порой мне казалось, что больше не смогу сделать и шага, но собиралась с силами, шла дальше. Неожиданно увидела пастуха. Вихрастый мальчишка сидел за кустами, строгал ножиком палку.

— Хочешь молока? — спросил незнакомец.

— Хочу, — отозвалась я тихо и села.

За кустами коровы щипали траву. Было слышно, как они жуют. Пастух взял банку, подошел к пестрой, погладил ее, стал доить.

— На, пей! — молоко было теплое, почти горячее, пахло травой и коровой. — Хорошая у нас Пеструха, правда?

— Твоя?

— Наша. Значит, и моя. Мамка разрешает мне ее дома доить.

— А как же сейчас? Немножко нельзя!

— Нельзя, но ты же голодная?

— Почем знаешь?

— Вижу. А я в Змееве живу.

— Это же рядом с Калинином! — обрадовалась я. — Значит, дома.

— Пять километров еще. Но считай дома, — согласился пастух. — А то оставайся, успеешь.

Но мне не терпелось. Сердце сильно сжималось как-то странно и необычно. При мысли о доме захватывало дух. Такого я еще никогда не чувствовала.

Хлебная болтушка

Работниц молочного завода, где работает мама, так как молока поступало мало, отправляли на лесозаготовки. Истощенные женщины еле тащили себя и растущих, вечно голодных детей. Спасая нас, мама увольняется с завода, не получает хлебной карточки, едет в более сытую часть нашей области — в Бежецкий район. К счастью, война не прошлась по этой земле, не выжгла деревень и сел. Жители не прочувствовали в полной мере всех ее тягостей, поэтому из Калинина и других мест потянулись изголодавшиеся люди обменивать вещи на муку, картошку, лук. Занимаясь портновским делом как самоучка, но со вкусом, мама переходила из дома в дом и обшивала их обитателей. Кормилась сама, а за работу брала натуроплатой — мукой. Привозила ее нам и снова уезжала. Из муки можно делать блины и другие хлебные изделия. Но не было масла. Поэтому мы с братом сотворяли болтушку на воде и варили ее в чугунке, поставленным на таганчик. Иногда мама привозила овес. Феликс молол его на жерновах, и мы ели овсяный кисель. Однажды в глиняном горшке, черпая деревянными ложками собственного производства, доедая кисель, обнаружили на дне утонувшую мышь. Это к слову. Но самое интересное было в том, что наша соседка по «вышке», где мы жили (а стена разделяла комнаты только болтающейся снизу обойной), при участии сына Игоря брала муку. Заходя к ним, мы видели, как они пекут блины. Тетя Рая, не смущаясь, говорила:

— Была на рынке. Вот и купила.

Мама же, возвращаясь домой, удивлялась тому, как мы смогли за короткий срок съесть столько муки. Догадывалась, но не сердилась:

— Они ведь с нами тоже делились, найдя в своем сарае целую бочку, плотно набитую какими-то хрящами?

Правда, это было зимой 1942 года. К тому же соседка спасла меня от слепоты. Мама была в отъезде, когда у меня загноились глаза, закрылись мешками, полными густой зеленой слизи. В больнице вывернули веки, промыли от гноя, чем-то смазали. Я не ослепла.

В госпитале

Наступил самый торжественный день в моей жизни. Меня и моих товарищей по классу принимают в пионеры. Мы выучили слова клятвы, подготовили галстуки из красного ситца, блестящие пионерские значки. На значках изображена поленница дров с языками пламени. Мне кажется, что уже чувствую на груди у себя горячий пылающий костер значка, который надежно скрепит углы красного пионерского галстука. Я волнуюсь: вдруг запнусь?! Не произнесу слов клятвы? Я хорошо выучила. От волнения делаюсь ярче пионерского знамени. На меня смотрят военные. Прием в пионеры проходит в зале подшефного госпиталя, который на Ленинградском шоссе. Собираюсь с духом и, чеканя каждое слово, произношу нужные слова.

Ребята нашего класса — частые здесь гости. Особенно я. Моя мама работает тут сестрой-хозяйкой. В проходной меня знают и пропускают как сотрудницу.

Снова наступила весна. Быстро тает снег. Учась во вторую смену, пытаюсь проскочить улицами, пока не пригрело солнце. Но с каждым днем солнце начинает светить все раньше и ярче, поэтому прихожу с мокрыми ногами. Калоши, что были сделаны на фабриках до войны, изношены. На производствах делают снаряды и прочую военную технику. Вся наша страна живет под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» Мама ставит набухшие валенки на печку. Я надеваю больничные тапочки.

В госпитале мы пишем раненым письма, старательно выводя буквы. Буквы у меня так и остались круглыми, широкими из-за тетрадей, сшитых из газет. Когда я появляюсь в палате, раненые начинают улыбаться, и обязательно кто-нибудь скажет: «Пришла веселая переменка! Спой, девчушка». И я начинаю: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой, выходила на берег Катюша, на высокий на берег крутой. Выходила, песню заводила...» Но сегодня петь не хочется. В коридоре на носилках лежит молодой десантник.

— Почему ему лицо простыней закрыли? — спрашиваю я санитарку.

— Умер, дочка, — отвечает тетя Нюра.

— У вас и умер?

— Ты думаешь, только на фронте погибают? Умирают и в госпиталях. Там еще один на ладан дышит.

Мне необходимо взглянуть, как «дышат на ладан». Я тихонько пробираюсь в одиночную палату. Под тонким одеялом лежит человек. Но почему он такой короткий? Входит тетя Нюра.

— А где ноги?

— Оперировали. Гангрена, — санитарка поправляет мокрую тряпку, что лежит на лбу раненого. Раненый стонет, мечется.

— Ему больно? Я посижу тут?

— Посиди, дочка, посиди. Вот марлица. Намочи ее, как высохнет. Сохнет марля быстро. Раненый очень горячий.

Теперь почти каждый день до начала занятий пропадаю в госпитале. Сижу возле раненого, помогаю кормить. В последние дни дяде Саше стало чуть лучше. Он даже иногда стал слабо улыбаться. Потом приехала жена дяди Саши — Анастасия, краснощекая, чем-то похожая на Зинкину маму. Анастасия плакала в коридоре, била себя в грудь и причитала: «Ах, горе, горе, горе, горе! Зачем мне такой мужик нужен? Что безногому в деревне делать? А-а-а!» Но когда главврач предложила Анастасии подписать бумагу об отказе, о согласии отправить мужа в дом инвалидов Отечественной войны, она разбушевалась.

Анастасия ворвалась в палату, завернула дядю Сашу в одеяло и, как ребенка, понесла. Ее еле уговорили повременить, еле успокоили. Через месяц дядя Саша с Анастасией уехали домой.

— Вот и хорошо, что поехали, — вздыхала тетя Нюра, вытирая слезы. Мне же грустно и печально, будто я потеряла близкого человека.

Письмо

В августе пришло письмо: «Здравствуйте, дорогие наши соседи Фаина, Феликс, Гайда! Пишет вам Леля из Ленинграда. Низко кланяемся. Вот и Сашка просит передать вам привет. Ваше письмо получили. Шло долго. Живем мы сейчас не на Прядильной улице, а на Васильевском острове, ближе к работе. Мы ведь с Сашей трудимся на заводе. Теперь и стар и мал — труженики тыла. Делаем то, что нужно фронту. В Ленинграде неспокойно. Наши работницы шутят: ночью как на вулкане, днем как на дрожжах. Голод пережили, блокада города прорвана. Счастливы — не описать. А как выжили, страшно вспоминать.

Многие из нашего дома померли. Баба Маня и ее дед. Фрося жива. Дядя Федя воюет. Нюра с Нонной и младшеньким сыночком Борей умерли с голоду. Дворничиха с сыночком тоже. Вовку насмерть придавило стеной рухнувшего дома. Генка-артист на фронте, сбежал малый. Вот такие дела. Трудно сейчас всем, но мы не сдаемся. Ленинград живет, борется против фашизма. И мы, ленинградцы-блокадники, помогаем как можем. На том и кончаю писать. С низким поклоном Леля и Саша. Июль 1944 года».

Вот и нет моей подружки Нонны, друга детства Вовки. И нашей наставницы дворовой. Генка на фронте. Наверно, в разведке. А где Петька? Надо написать тете Леле.

Шарик

Колька — озорник, но хороший товарищ. Мы дружим с Колькой. Жулька — наша собака. Вернее, она ничейная. Просто мы ее кормим. Под нашим крыльцом у ней гнездо, там щенки. Вчера они вышли за матерью, и ребята их расхватали. Колькина мама разрешила Кольке взять одного.

У Кольки — розовый щенок. Мы назвали его Шариком. Шарик похож на мягкую теплую игрушку. Он тихо лежит на плече у Кольки. Из-под лохматого рыжего лба смотрят два блестящих глаза, как две коричневые пуговицы. Хвост у Шарика короткий, смешной, с закорючкой. Щенок дает себя гладить, перекладывать с места на место, заворачивать в стеганку. Мы все свободное время играем с Шариком, учим служить, носить вещи, таскать портфель. Пес быстро растет. Он громко лает и бегает по комнате. Колькина бабушка ворчит:

— Опять на диване шерсть! Зачем собаке бегать по столу? И вообще зачем держать в комнате собаку? Собака должна жить во дворе, охранять дом.

— Хорошо, — заступается за Шарика Колькина мама, — вот подрастет, станет большой собакой, будет жить в будке.

Да, мама у Кольки замечательная, решаем мы и начинаем строить Шарику во дворе будку.

На следующий год весной Шарик неожиданно стал толстеть. Когда мы его хватали и тискали, он огрызался.

— Да ну его, — сказал Колька. — Характер у Шарика совсем испортился.

— Дорычишься, — говорит Игорь, — раньше за нами бегал, а теперь торчит возле будки.

— Наверно, заболел, но нос мокрый, не сухой, —

недоумевали мы.

Но потом Шарик стал вести себя очень странно. Он крутился возле наших ног и скулил.

— Ты чего? — спрашивал его Колька, а Шарик плакал.

Потом он лег на бок и стал повизгивать. Живот у Шарика каменный, твердый. Потом Шарик стал крутиться и жаться к нам, заглядывать в глаза, словно о чем-то прося.

— Ну что ты, Шарик? — погладил его Колька и вдруг воскликнул: — У Шарика под хвостом что-то растет!

Это был щенок. Голова у щенка была большой и никак не вылезала. Мы принялись Шарику помогать. Потом из Шарика вылезло еще четыре щенка.

— Вот тебе и Шарик! — сказал Игорь, — не Шарик, а целая Жучка!

Осень 1944 года

Темным августовским вечером Феликс сказал, что в школу не пойдет.

— Сейчас все, кто может, — громко заявил брат, — работают. Колька Свистун второй год трудится. А я что? Маменькин сынок? Мне скоро шестнадцать! У нас и девчонки идут работать, — кивнул он в мою сторону, — кончится война, образование получим!

— Ладно, — неожиданно согласилась мама, — но сестру не агитируй, мала. Пусть седьмой заканчивает!

Теперь наш Феликс — рабочий класс. Он учится в ремесленном училище. У него форма и рабочая карточка — пятьсот граммов хлеба.

Самая модная сейчас одежда — стеганка. Все ходят в стеганках, даже на ноги шьют стеганые сапожки или шубники из бараньих тулупов. На валенки, стеганые сапожки или шубники надевают баллоны. Баллоны — склеенные из автомобильных шин калоши. У меня красные баллоны. Я ими горжусь. Это считается красиво. Вместо пальто, у которого под воротником спереди и на рукавах болтались ленточки из ткани, теперь у меня стеганка.

— Главное, — говорит мама, — тепло и ноги сухие.

У мамы тоже появилась обнова. Простые люди Америки решили помочь русским, пострадавшим от войны. Прислали свои старые вещи: пальто, платья, обувь. У мамы американское пальто из черной кудрявой ткани, но главное в нем — воротник. Воротник светло- коричневый, с коротким мехом. Он сделан из

обезьяны. Пальто висит в комнате на гвозде. Все соседи приходят взглянуть на обезьяний мех. Мы тоже без конца гладим воротник. Интересно же: не овца, не кролик, а обезьяна.

— Хороший воротник, — сердито говорит тетя Рая, — лучше бы второй фронт открыли. Чего тянут? Обезьяны, обезьяны...

Урок зоологии

— Зоо, — говорит учительница, — на латинском языке означает животное. Логос — наука. Отсюда зоология — наука о животных.

Мы любим уроки зоологии и учительницу Любовь Петровну. Мне кажется, что Любовь Петровна боится мышей. А может быть, и не боится. А вот лягушек терпеть не может. Сама призналась: не люблю, больно глупые. На уроках у нас часто бывает весело, такой вот предмет. Ребята нет-нет да кого-то принесут. Однажды Витька притащил ужа. Уж сидел в полевой сумке. Сидеть в сумке ужу надоело, и он вылез. Все страшно перепугались. Девчонки стали визжать и кричать на Витьку.

— Убери ты эту гадость! — сказала Любовь Петровна.

— Разве это гадость? — удивился Витька. — Это — уж. Вы же сами говорили: полезное животное.

— Вот возьми это полезное животное и отнеси в лес, а не мучай.

— Сейчас?

— Сейчас нельзя, на улице мороз обещают. Уж погибнет.

— Понял, — сказал наш единственный нахал в классе Витька, — ну я пошел? — и вылетел с ужом и с полевой сумкой из класса.

А вчера Витька притащил ворону. Ворона важно разгуливала по классу, как будто здесь всегда и жила. Потом ворона взлетела на полку и стала долбить клювом, как долотом, скелет кролика — школьный экспонат. Любовь Петровна страшно возмутилась и выгнала ворону из класса в коридор.

Сегодня на уроке зоологии тихо. Мы сами работаем с учебником. Любовь Петровна получила похоронку. Погиб ее единственный сын Володя — выпускник нашей школы. Любовь Петровна сидит за учительским столом как каменная, только руки дрожат.

Школьный вечер

На школьный вечер к нам пришли гости — учащиеся фабрично-заводского училища, сокращенно ФЗУ. Сначала была лекция, потом танцы под баян. Но так как многие не умели танцевать, решили играть в почту. Каждый на грудь прикрепил номер. У меня тринадцатый. Почтальоном работает Женька Попова. Женька толстовата, но проворна. Мне нравится один мальчик — высокий, кудрявый, под номером десять. Мне хочется с ним познакомиться. Мне с пятого класса хочется познакомиться с кем-то. Мальчишки-одноклассники меня не интересуют, а старшеклассники смотрят на меня как на «малька». И вот появилась возможность завести дружбу.

— Жень, а Жень! — спрашиваю я. — Что надо писать, если хочешь познакомиться?

— Что хочешь, то и пиши, — быстро отвечает Женька.

— Стыдно самой.

— А ты не ставь свой номер! Пусть подумает, кто написал.

— А почему не ставить? — глупо спрашиваю я. — Я ведь познакомиться хочу.

— Тогда ставь, — Женька торопится, в сумке у нее много писем.

Я в нерешительности смотрю по сторонам. Девчонки пишут, мальчишки слоняются по залу, рассматривают плакаты. Женька бегает, собирает записки, передает адресатам. И все тому высокому кудрявому под номером десять. Я останавливаюсь у окна и на клочке бумаги вывожу три слова: «Вы мне нравитесь». Своего номера не ставлю. Записку пересылаю почтой маленькому худенькому мальчику под номером восемь. Ему никто не пишет. Мне — тоже.

Знакомство

Скоро меня будут принимать в комсомол. И вот первое поручение — стать пионервожатой в классе. Пришла знакомиться, подшучиваю над собой, а сама сижу на последней парте и думаю: «Вот бы мне стать вон той девчонкой с белыми косичками, с остреньким носиком и большими голубыми глазами. У ней, наверно, маленькие ноги, не то что у меня». Я смотрю на свои, с острыми коленками. Хозяйка голубых глаз вдруг повернулась и показала мальчишке, сидящему на другом ряду, язык. Язык тощий, узкий, похож на розовую змейку.

«Нет, — решаю я, — лучше буду вон той девчонкой, что сидит на первой парте перед учительским столом. Наверное, ее звать

Наташей или Олей». Выбранная мной девочка внимательно слушает учительницу. Две толстые темные косы спокойно лежат на треугольнике отглаженного красного галстука. Я пытаюсь заглянуть в себя. Я уже чувствую: это я. Значит, что получается? Продолжаю размышлять. Человек не может стать другим человеком. Я ведь не могу поменяться с этой Наташей или Олей собой, быть ей?

Из мысленных рассуждений меня выводит звонок. Учительница, взяв со стола журнал, уходит. Я остаюсь в чужом классе. Вокруг меня собираются ребята.

— Ты чего у нас сидишь? — спрашивает вихрастый мальчишка. — Второгодница?

— Нет, — отвечаю я, — не второгодница. А сижу — значит надо.

— Переростков всегда на заднюю парту сажают, чтобы доску не загораживали, — добавляет похожий на первоклассника ученик.

— Дурак ты, Гаврошка! — говорит вихрастый.

— Конечно, дурак! — поддакивает девочка с острым носиком и выпуклыми голубыми глазами, опять показывая Гаврилову тонкий розовый змеиный язычок.

— Если не второгодница, то зачем у нас сидишь? — степенно выговаривая каждое слово, спрашивает круглый, похожий на мяч мальчишка.

— Знакомлюсь, — отвечаю я. — Буду у вас вожатой.

— А-а... — произносят ребята и разбредаются по своим делам. Немного потоптавшись в классе, я отправляюсь в коридор. Через урок начнется вторая смена. Я стану ученицей. Называется, познакомилась... Плетусь по коридору. Навстречу, толкаясь, мчатся перваши, расшалившиеся вчерашние детсадовские.

«Вот бы меня к ним, — уныло думаю, стараясь скользить вдоль стены. — С ними бы я справилась. А то — пятиклассники».

Меня догоняет девочка с темными косами и отутюженным красным галстуком.

— Ты чего ушла?

— А что делать?

— Как это что? Делаться пионервожатой! Ты в каком классе?

— В 7а.

— У нас из 7б была вожатая, — продолжала девочка с косами, — Мария Ивановна к нам ее привела, показала — и все. Больше не приходила.

— Так она уехала! Теперь меня к вам комитет комсомола вожатой назначил.

— Знаешь что, — продолжала пятиклассница, — давай

делайся вожатой! Я тебе буду помогать. А то, понимаешь, мне одной трудно. Звеньевые есть, совет отряда есть, давай, а? — черноглазая девочка умоляюще глядела на меня. — Я — Таня. А тебя как?

— Лялька я. Лялькой меня с детства зовут, — покраснела я.

— Лялькой — не надо, — рассудительно продолжала Таня. — Сейчас что делать будешь?

— Так, — уклончиво бормочу я. — Скоро уроки.

— Пойдем еще раз к нам! Я ребятам скажу, чтобы с вопросами не приставали. Пойдем? — и Таня потащила меня по коридору обратно в класс.

Я опять сидела на последней парте и слушала учительницу. Учительница то и дело поглядывала в мою сторону, словно хотела что-то спросить. Глаза у ней серые, строгие, волосы на голове лежат красивым валиком. Она водит длинной указкой по карте, показывая то Грецию, то Испанию. Пятиклассники изучают древнюю историю.

«Как хорошо в пятом классе учиться, все понятно, — думаю я. — Не то что в седьмом. Учишь, учишь, а станешь отвечать, заикаться начинаешь».

Словно подслушав мои мысли, учительница сказала:

— История любит, чтобы ее повторяли и повторяли, такой предмет. Поэтому к следующему уроку, кроме основного параграфа, прочитайте и такие. — Учительница стала записывать задание на доске. — А сейчас, сказала она, обращаясь к классу, — я попрошу вас ответить: что нового вы узнали на уроке?

Я начинаю волноваться. Вдруг и меня учительница спросит? А я вдруг не отвечу? Что тогда? У себя в классе — другое дело. Там можно и глупость ляпнуть. Там свои, поймут. Наш Антипод, так тот специально что-нибудь напридумывает, чтобы посмешить всех. У него все наоборот. Катод на физике он обязательно назовет «Анюткой», а анод «Катюшкой», треугольник — квадратом, а прямоугольник — тупым углом. На геометрии биссектрису назвал крысой. А вот перпендикуляр однажды спутал с окуляром. На перемене честное слово давал, что не нарочно. А может быть, и правда не знал? Слышал звон, да не знает, где он. Вот и выдал! Антипод у нас такой! Все по колено!

От воспоминаний меня оторвал голос учительницы. Она стояла около парты, за которой сидел Гаврошка. Но Гаврилова за партой не было.

— Гаврилов, вылезай, — учительница наклонилась и вытащила Гаврилова из-под парты. Рот у Гаврошки был набит так, что обе щеки стали круглыми, словно за щеки положили по бильярдному шару. — Ну и бурундук! — улыбнулась учительница

одними серыми глазами.

«Она совсем и не строгая, — удивилась я, — и совсем молодая».

— Жуй, жуй! — продолжала учительница. — Не стесняйся.

Гаврошка стоял и не знал, что делать. Мне стало очень смешно.

Я вспомнила нашего Антипода. На уроке Антипод засунул в рот кусок хлеба, а его вызвали отвечать домашнее задание. Антипод встал, держась за щеку.

— Что с тобой, Николаев?

— Флюс. Болит. Можно мне не отвечать?

Когда хлеб был съеден, Антипод за щеку затолкал комок из бумаги. Комок получился большой.

— Надо идти к врачу! — сказала, чуть улыбаясь, Марина Федоровна. — Флюс-то, гляжу, растет?

— Угу, — печально мотнул головой Николаев.

Так он и просидел до конца урока с бумажным шаром во рту.

Пока я вспоминала, Гаврилов прожевал бутерброд и снова похудел на обе щеки.

Вдруг я почувствовала легкий щелчок. От моей заколки, что была в волосах, отлетела горошина и запрыгала по парте: тук-тук-тук! «Этого еще не хватало! Я у себя в классе, что ли? Там у нас этим занимается Ежиков. А здесь?» Я оглянулась. Все учащиеся сидели, как положено, и смотрели на карту, возле которой топтался тот увалень, что походил на надутый мяч.

«Кто же это все-таки работает под Ежикова? — Автор горошины не проявлялся. — Чудаки эти пятиклассники, — усмехнулась я про себя. — Почти ничем не отличаются от нас — семиклассников, разве тем только, что девочки не показывают мальчишкам языки».

В этот момент мимо моего носа снова пролетела горошина. Она попала в окно. «Дзинь! Дзинь!» — звенькнуло стекло коротко и весело. Я посмотрела туда, откуда летела эта «птичка», и увидела кудрявого пятиклассника. Он прикрыл глаза веками и делал вид, что это — не его рук дело.

— Ежиков! — вырвалось вдруг у меня.

В классе захохотали.

— Садись, Петушков! — сказала учительница. — Сцилла съела Харибду! Придумал же!

Прозвенел звонок.

— Ну как? — подскочила Таня.

— Нормально. Как у нас. Такие же Ежи и Антиподы.

— Гавриловы и Петушковы? А какие Антиподы? — не поняла Таня.

— Да по физике проходят.

— А-а, — протянула Таня. — Пионервожатой будешь делаться?

— Буду, — ответила я, — но не знаю, получится ли?

— Получится, обязательно получится! — засмеялась Таня.

Сочинение

По литературе нам задали написать сочинение на тему: «Красота. Как ты ее понимаешь?»

Я долго думала. Помог тюльпан, уже засохший, что подарила мне тетя Рая на день рождения. Мое сочинение вывесили на доске объявлений, и все его читали. Рядом висело сочинение Женьки Поповой. Писать о своем сочинении не хочется, а вот Женькино хочу пересказать:

«Как я понимаю красоту? Вот падает с неба снежинка. Она лежит у меня на рукавичке, и я ее рассматриваю. Какая она узорчатая, словно крошечная салфеточка, которую может связать моя бабушка. Снежинка растает, а салфеточка или подзор, что свяжет моя бабушка, будет жить, служить людям. Потом придут другие и тоже что-то сделают, создадут. Скоро весна, зацветут сады. Земля покроется зеленью и цветами. Моя мама срисует их на ткани. Она была художницей на фабрике, где делают ситцы. Немцы сожгли нашу «Пролетарку», а люди ее восстанавливают. Мы еще будем носить красивые яркие платья. Только сначала надо разгромить немецких захватчиков, уничтожить Гитлера, главного фашиста. Вернется папа и построит новый дом, еще лучше того, что сожгли фашисты. Ты только, папа, вернись! Вернитесь все, кто еще живой! Совсем нехорошо, когда люди плачут. От слез они делаются некрасивыми и старыми».

Победа

Какое яркое апрельское солнце! Как радостно на душе! Я иду по Заволжью, шагаю прямо по шпалам.

— Эй! — кричит солдат. — Не видишь? Давай в сторону!

Я сворачиваю на тротуар. На улице трамвайные пути ремонтируют немецкие военнопленные. Фрицы укладывают на землю просмоленные шпалы. Я смотрю и удивляюсь: обычные люди! И носы без выворотов, как на плакатах. Вот только ботинки

на толстой деревяшке.

— Горе-победители, — ворчит старый дед, которого обгоняю. — Работайте, работайте! Душегубцы!

Кстати …

Впервые я себя почувствовала счастливой в 15 лет. Калинин. Весна. Шагаю по улице Верховской, ныне Горького, прямо по шпалам. Солнце заливает улицу ярким светом. Пути ремонтируют немецкие военнопленные. Они совсем не страшные, — отмечаю про себя, — обыкновенные люди, и нет вывернутых ноздрей и выпученных глаз, как на плакатах, только вот обувь у них странная — деревянные подошвы у тряпочных ботинок. За пазухой правой рукой, в кармане на груди, придерживаю небольшую книжицу — комсомольский билет. Я — комсомолка!

— Эй, — кричит солдат-охранник, — давай на тротуар, не видишь? Ничего я не вижу: ни солдата, ни немцев. В памяти только солнечный день весны и огромное счастье.

В райкоме ВЛКСМ мне только что вручили комсомольский билет.

А потом был май. Все знали, что скоро войне конец. Но известие о победе пришло все равно неожиданно. Ранним солнечным утром поднялась суматоха. Незнакомые люди, как родные, прямо на улице обнимались и плакали. Мы, будто сумасшедшие, носились от дома к дому, стучали по ставням, по стенам, по дверям и воротам, кричали:

— ПОБЕДА! ПОБЕДА! ПОБЕДА! По-бе-да-а-а!

Ностальгия

Литературно-документальное произведение, пусть оно и обозначено словом «документальный», всегда слегка, но отличается от истинно-документального. В данном случае это касается нашего дома на Новобежецкой улице. Дом первого этажа состоял из нескольких комнат, расположенных словно в тетрадке по русскому языку — в линеечку. Если смотреть с улицы, то справа шла длинная комната, поперек перегороженная так, что получались две комнаты. Там жила «милицинериха». Мужа ее не взяли на фронт, так как много детей, к тому же они срочно заводили еще одного. А так как муж работал милиционером, то ее и прозвали «милицинериха». Очень скандальная женщина. Оно и понятно — много ребят. У «милицинерихи» была

привычка все съестное выставлять на окно для всеобщего обозрения. А уж если что печет, то поставит на подставку. А мы знали, что дети ее всегда голодные. Да и мы не сытые, но делились. Во второй, узенькой продольной комнате, жила интеллигентная немолодая дама с дочерью-врачом. Муж врачихи был политическим осужденным, куда-то сослан. Но мы потом видели его вернувшимся. Жили они очень тихо. А вот в третьей части дома, самой большой, под нами жила соседка по фамилии Баринова. Она действительно соответствовала фамилии. Сзади дома пристройка, где жила женщина-певунья. Когда закончилась война, к ней приехал жених, сыграли свадьбу. Он стал работать в милиции. Все время на протяжении нескольких лет я встречала его в магазинах в обществе молодых парней. Когда они появлялись, можно было свободно ходить, не думая о своих карманах и кошельках. Такая у него была служба. А еще я помню, как он жаловался маме, говоря:

— Девка-то моя оказалась стародевкой. Никак не сделаю из нее бабу! Все заросло.

Но мы больше дружили с теми, что жили во дворе в длинном флигеле — с тетей Марусей Сдобниковой, работавшей на хлебозаводе. Она подтаскивала то в лифчике, то в ... и хлеб, и мучку, и сахарок. Мы у ней покупали. Еще дружили с Грачевыми. Муж у Грачевой маленький, щупленький, вредненький, а дочь потом училась на врача, была не очень способной, но упертой. Сидела на чердаке своего сарая и зубрила, вгрызалась в медицину. Недавно зашла в этот свой дом. Вышки нет, планировка комнат другая, все старое, в запустении, а люди живут уже другие. И от моих трех тополей под окнами дома одни полусгнившие пни.

Глава 2. СИМФОНИЯ В МИНОРЕ

Великая Отечественная война закончилась нашей победой. Фашизм вместе с Гитлером ушел со сцены на страницы исторических книг. Вторая Мировая война переходила в новую фазу — в холодную. Но нас, подростков того времени, из-за возрастного недопонимания это мало интересовало, ибо послевоенные неурядицы продолжали терзать. Все те же хлебные карточки, та же битва за выживание. Кстати, о патриотизме. Да, он был большому счету, но не по малому. Вспоминаю высказывание одного литературного критика по отношению к моей рукописи «Тетрадь в клеенчатом переплете»: «Как могла советская девочка поднять руку на атрибуты государственной власти? Поступить так с плакатами, сшив из них одеяло?»

Не видел тот критик пепелищ больших поселений, выжженных деревень и городов с сиротливо торчащими скелетными останками печей. А вокруг — холодную безжизненную пустыню с вымерзшими человеческими телами. Не видел под глазами вконец истощенных людей полупрозрачные, с желтоватым оттенком мешки — броские признаки голода.

Я хочу, чтобы дети и подростки никогда не испытали чувства настоящего голода, когда в теле нет ничего в запасе, когда клеточка растущего организма кричит, стонет и, обессилев, отключается, чтобы сохранить себя. Это называется голодный обморок.

Я учусь в седьмом классе школы №3, что в Затверечье. Сегодня в школе дадут по круглой булочке, которая меньше детской ладошки. После занятия идем к Таньке. Живет она на улице Верховской в одноэтажном каменном доме. У них тепло, и здесь угощают морковным чаем. В их доме и в доме-флигеле много комнатушек, в каждой по семье. Не знала я тогда, что эти два каменных дома раньше принадлежали купцам Арефьевым, что в них сам царь Петр Первый бывал, что здесь в будущем будет создан Музей тверского быта. А во флигеле сначала разместится поликлиника, а потом музейные художники-реставраторы. Вот как время-то все расставляет?! И улицу Верховскую теперь не узнать. Она называется уже не Верховская, а Горького. И деревянных домишек давно нет. Только в музеях их фотографии да в моей памяти, отпечатавшись, хранятся.

Закончив семилетку (тогда не было девятилетки), поступаю в индустриальный техникум. Там учится мой брат Феликс. Он старше меня на два года. На первом курсе — практика на механическом заводе, что во Дворе Пролетарки. Изучаю токарный

станок, учусь обтачивать металлические болванки. Сначала интересно, потом становится скучно. Крутится эта тупая болванка, разбрасывая металлическую стружку. Блестит она занятно, но мастер требует работать в очках. А еще стружка колется, когда убираешь станок. Перешла на второй курс. Оценки — только «хорошо» и «отлично».

Неожиданно мама предлагает мне ехать учиться в Ленинград. Тем более что про нас органы НКВД, похоже, забыли. Нет тех пугающих визитов отмечаться каждый месяц, нет угрозы ареста, что висела над мамой. Мы ведь не были на оккупированной немцами территории. В характеристиках еще много десятков лет нужно будет всем обязательно об этом упоминать. Словно люди виноваты в том, где их настигла война.

Что явилось решающим по вопросу моей учебы, сказать трудно. Желание матери вернуть дочери родину? Дать возможность стать снова ленинградкой? Или еще мотивы личного характера? Маме всего сорок три года, а она активная женщина. В Ленинграде живет мой двоюродный брат Володя Бородиновский с женой Валентиной. Вале двадцать лет, а Володя уже горел в боевом самолете, следствием чего вскоре будет операция по удалению одного легкого. Это была первая подобная операция, сделанная советскими хирургами. У брата Володи та же квартира, в которой они жили до войны, до ареста родителей. И в том же доме, где жили и мы до высылки нас из Ленинграда. Володин отец, дядя Ефим, мамин родной брат, рабочий, бывший балтийский моряк, как мы узнали позже, расстрелян еще в 1937 году как враг народа. Мать — Мария Герасимовна Корзова, по мужу Бородиновская, — в дальневосточных лагерях. Сестра Полина с дочкой Люсей из блокадного Ленинграда была вывезена через Ладогу в Ульяновск, где и проживает.

Ленинград встречает санпропускником. Пассажирам необходимо пройти санитарную обработку. Проверив людей на вшивость, отправляют в душевую. Вещи и одежду прокаливают в сушилках. Если обнаруживают насекомых в волосяном покрове, в нательном белье, а их имеет почти каждый второй из-за отсутствия мыла и других моющих средств, кроме золы, то носителей этих поганых мелких существ подвергают спецобработке. Государство ведет трудоемкую массированную борьбу с последствиями войны на людском поле битвы.

После приезда в Ленинград я зашла по поручению мамы передать привет довоенной знакомой Елене Павловне. Женщина средних лет встретила меня с непередаваемой радостью. Но поражена я была не только этим, а еще и тем, что на стол она поставила небольшую тарелочку, в которой лежали кусочки

настоящей селедки. А прозрачного растительного масла было налито по самые краешки селедочницы. Не какая-то там олифа, а настоящее желтое подсолнечное масло! На большой тарелке Елена Павловна принесла из кухни только что сваренную картошку в мундире. Удивительные эти ленинградцы! Ведь все живут с хлебными карточками и продолжают, как и мы в Калинине, голодать. Оказавшись в старом, но для меня новом, городе, пришлось самой решать, куда поступать учиться.

Кстати …

Подросток

Я не думаю, что пятнадцатилетние подростки разных эпох очень отличаются друг от друга. Несомненно, современные более знающие, более начитанные, рано овладевают компьютером, вхожи в Интернет. Я не об этом. Взросление человека обязательно идет через подростковый период. Максимализм мышления, с одной стороны, отсутствие опыта, логического предвидения — с другой, приводят порой ко многим ошибкам, могут обжечь, не дают результата. Но не надо забывать и того, что каждый человек все равно сам проходит свой путь, сколько ни говори, что халва сладкая, а утюг горячий. А в вопросе выбора профессии зачастую за подростка такие вопросы решают семья, ее традиции. Технари видят в своих детях технарей, врачи — врачей, учителя — учителей. А бывает и наоборот — отговаривают получать оные. Современная школа профориентацию начинает с восьмого класса. Так удобно для школы, для составления расписания, иногда и от планирования педнагрузок для учителя. А сами учащиеся еще и не знают, кем хотят стать. Да и конкурсы в учебные заведения немалые, а теперь и стоимость обучения делают то, что после окончания школы многие подают документы не в одно, а, бывает, сразу в несколько учебных заведений. Куда попадут.

Я бы в первую очередь, и на бюджетной основе, зачисляла в студенты тех, кто, не пройдя по конкурсу год, второй, иногда и третий, подают документы в одно и то же учебное заведение.

Выбрать учебное заведение было трудно. Тогда не было реклам, буклетов. И я решаю идти туда, где больше мальчишек: в Ленинградский авиационный техникум приборостроения. Тем более что Генка, сын дяди Феди Корзова, собирается поступать туда же. Меня приняли на второй курс, а Генка поступать передумал. В Ленинграде, как и во всей стране, хлебные карточки. Мне как учащейся положено пятьсот граммов хлеба и талон на обед. Живу у Володи.

Неожиданно из Ульяновска приезжает Полина с семьей.

Решила остаться жить здесь. Поэтому я переселяюсь в общежитие. В комнате шесть кроватей с тумбочками, как в больнице. В возрасте шестнадцати неполных лет я попала на совсем новый уровень жизни. Глубокая затверецкая провинциалка с прочными, почти деревенскими, устоями и взглядами на жизнь большого города, с одной стороны. С другой — ощущается разница в образовательной подготовке: завышенные оценки преподавателей школ и индустриального техникума никак не стыкуются со знаниями второго курса авиационного техникума. Я борюсь изо всех сил, но мой нематематический склад ума бьется о гранит сопромата и других технических предметов. Чтобы как-то войти в русло учебы, я сблизилась с однокурсницей Люсей. Не только потому, что она — «хорошистка». Мама Людмилы умерла в блокаду, Люсю взяла к себе тетка. Тетка вместе с мужем в Германии, где он дослуживает. Поэтому Люська живет в квартире одна. Мы с ней близки по духу, так как обе обделены вниманием взрослых. Я часто ночую у нее. И как результат меня выписывают из общежития. Жить в квартире без взрослых — мечта почти каждого подростка. Но это и опасно. Однажды в подворотне нас подкараулили ребята примерно нашего возраста. Когда мы открыли ключом дверь, они ворвались вслед за нами, стали хватать, прижимать и целовать. Если бы не дворничиха, услышавшая шум и крики, не знаю, чем бы все это кончилось. А в техникум поступило сообщение от Люськиной соседки-старухи, что мы ведем недозволенный образ жизни. Бабка очень завидовала Люськиной тетке, что та из Германии привезла много всякого добра. Помню, как одна преподавательница, старая дева, даже не вникнув в суть, мимоходом бросила фразу: «Таких надо на сто первый километр выбрасывать». Наверное, она была не ленинградка, а из тех, из-за которых нас и выбрасывали.

Сказано по случаю…

Получив в юности острый несправедливый укол в сердце, я всю жизнь очень внимательно отношусь к детям и подросткам, стараюсь понять причину проступка, да и вообще, есть ли он, этот самый проступок. Непонимание порождает неправильную оценку. Неправильная оценка рождает сопротивление. А где сопротивление, там злость и грубость. И в том, что часть молодежи не любит пенсионеров, виноваты порой сами пенсионеры. Надо быть мягче, терпимее, снисходительнее, почаще вспоминать себя в молодости.

А еще мне хочется сказать, что Ленинград того времени, за редчайшим исключением, был городом, населенным удивительными людьми, многие из которых помнили

революционные события в Петрограде, были свидетелями репрессий, потеряли близких в блокаду. Я бы сказала, это был город настоящих интеллигентов по самому большому счету, щепетильных даже в малом. Коренного ленинградца легко отличить от приезжего.

Марианна

Я хочу немного рассказать об одной маминой знакомой — Пескишевой Марианне Ивановне, враче по профессии. Мама был с ней знакома давно, хотя и не поддерживала связи после высылки в Калинин. 5 марта 1953 года умер Иосиф Сталин. К руководству страной чуть позже пришел Никита Сергеевич Хрущев. Наступила оттепель по отношению к репрессированным.

Мама одной из первых стала добиваться возвращения. Но для этого нужна была ленинградская прописка. Марианна Ивановна, не задумываясь, прописала маму по адресу: улица Чайковского, дом 21. И это при том, что вместе с Марианной жили две ее дочери — Люся и Ляля.

Как интересно устроен мир! Через несколько лет Ляля выйдет замуж за сына известного поэта — за Сашу Прокофьева. От совместной жизни у них рождается сын. Внука дед не хотел признавать. Он также игнорировал и сына. Прокофьев-младший страшно пьет. Эту пагубную привычку, как считают многие, он получил от того, что хорошо снабжался деньгами в детские и юношеские годы. Одним словом, как это бывает у занятых людей, чтоб ребенок не мешал, взрослые от него откупались. Ляле с мужем было очень трудно. Она все делала, чтобы его спасти. Однажды, по его же просьбе, закрыла одного в квартире. Не найдя в доме спиртного, Саша использовал содержимое домашней аптечки, отравился и вскоре умер. Все это было потом, когда я снова жила в Калинине.

Чем дальше я углубляюсь в недра памяти, тем многограннее и ярче всплывают сюжеты пережитых жизненных сцен. Островки разрастаются в целые континенты, наполняются разноокрашенными эмоциональными событиями. Ленинград. Его проспекты. Величественные львы. Разводные мосты над Невой. Праздничные салюты. У причала легендарная «Аврора». Дворцовая площадь. Исаакиевский собор. Мариинский театр и худенькая, с синяками под глазами, девочка, которую в театр пропускают бесплатно. Я упиваюсь увиденным и услышанным.

Как малый ребенок, за короткое время наверстываю то, чего не могла, не имела раньше. Замечательные балеты, знаменитые балерины, прекрасная оперная музыка. Все это вместе, перемешанное со страданиями и недопониманием взрослых.

Оказавшись в 1946 году в городе, где родилась, где начиналось мое безоблачное счастливое детство, я старалась познакомиться со всеми, кого знала мама. Помня, что все живут, получая хлеб по карточкам, перед тем как однажды прийти к Пескишевым, а с пустыми руками приходить неприлично, хочу купить пирожное в коммерческом магазине. В таких магазинах много всего. Но у меня хватает только на одно пирожное — бисквитное, с розочкой. И на те деньги, что прислала мама, делаю покупку.

Тетушка Марианна Ивановна, не зная всего этого, написала маме, что я транжирка и швыряюсь деньгами, и чтобы мама меня не баловала. Какое баловство?! Полкило хлеба в сутки и один талон на обед! Поев в столовой на одной стороне Невского, я переходила на противоположную сторону — в другую столовую — и съедала вторую порцию бескалорийного обеда. Талоны отоваривали и на сутки вперед. А пайка хлеба? Как правило, уничтожалась за один присест. Можно было взять хлеб и за завтрашний день. Иногда только через сутки или двое я могла снова поесть. Когда хлеб был в руках, делить его на кусочки было невозможно. Порой темнело в глазах и подкашивались ноги. Порой казалось, что и есть уже не хочется. «Транжирка!» Горечь от недопонимания была для меня особенно жестокой. С Пескишевыми связано и такое событие: у Людмилы день рождения. В гости меня пригласила Ляля, но и предупредила: «Приходи, но ничего не ешь. Всего так мало».

Рассказано по случаю…

Прошло более шестидесяти лет, а точнее, шестьдесят три года. Сегодня семнадцатое число. Пасмурный день грязного ноября 2009 года. Два совсем непримечательных будничных дела вдруг всколыхнули затуманенные временем события середины XX века. Захожу в магазин «Букинист». Директором здесь работает интереснейший, милейший, обходительный, знающий литературу и людей Николай Николаевич Рассудков. Оттого и тянутся к нему писатели, архивисты, музейщики. Люди, интересующиеся литературой прошлого и настоящего времени. Он всегда старается разыскать нужную книгу, придержать для кого-то появившуюся, подсказать, дать совет. Все-то знает Николай Николаевич. Помогает ему в делах Людмила Владимировна Кадочникова, молодая, но тоже ас в своем деле. Этим людям

можно посвятить не одну страницу данной повести.

Сегодня цель моего визита в магазин банально проста — нужны бумажные закладки для сборников и держатели с лапочками. Каждую часть своей новой пухлой рукописи я скрепляю этими зажимчиками. Неожиданно Людмила Владимировна говорит молоденькой продавщице: «Никаких чеков от покупателя. Это — подарок от фирмы». Почему мне дарят? Или теперь такие правила торговли? Я же в состоянии оплатить чек на сумму в 25 рублей? Я воспротивилась, но сердце у меня защемило от воспоминания.

Ленинград. 1946 год и начало 1947-го. Общежития меня лишили. Из техникума я ушла не только из-за сплетни той старухи, а от понимания, что это — не моя будущая профессия. Теперь и хлебной карточки нет. Комната в коммунальной квартире. Это комната дяди Феди Корзова. Сам он живет у тети Шуры возле Московского вокзала на Лиговке. Через крошечное окно на уровне земли видны только ноги прохожих. В комнате одна кровать. Укрываюсь вместо одеяла своим пальто. На электроплитке тушу капусту. Боюсь, вдруг соседи узнают, что я трачу электроэнергию. Керосинки у меня нет. И не понимаю, что все видят, как вращается диск общественного счетчика, а запах вареной мороженой, без соли и масла, капусты проникает всюду. Вот они, эти ленинградцы, пережившие блокаду. Уехать обратно в Калинин не решаюсь. Что скажут затверецкие соседи? Да и денег для покупки билета нет.

Поэтому хочу идти работать на фабрику — кондитерскую. Почему на кондитерскую? Да потому, что там конфеты. Мне не повезло. Окно отдела кадров было закрыто. Да разве взяли бы на работу подростка? А если бы взяли? Моя жизнь потекла бы по другому руслу. Это и есть судьба. Куда приклонить голову? У Володи с Валей беда — умер новорожденный ребенок. У Володи туберкулез в открытой форме. Вспоминаю про Басуевых. Басуевы жили на Литейном проспекте. Жена Басуева встретила меня приветливо (самого Басуева уже не было в живых), много расспрашивала о жизни в провинции.

Басуевы, Басуевы! — зазвучала вновь симфония памяти. Потянулась струна воспоминаний на мамину родину — в Белоруссию.

Андрей Басуев — мамин двоюродный брат, я думаю, по ее линии. Я иногда спрашивала маму: «У тебя черные глаза, у меня тоже. У брата — голубые, прибалтийские, как у папы. Скажи, ведь прошла конница Мамая по нашей генетике?» И дядя Ефим, мамин родной брат, имел выразительные черные южные глаза, но не

раскосые, не в виде щелочек. А фамилия Басуевы? Тут явно веет Востоком. В молодости у меня уголки глаз казались чуть приподнятыми к вискам. Время опустило их до разреза обычных русских глаз. В нашей наследственности где-то явно проявлялись законы Менделя.

На подобные вопросы мама ничего не могла ответить. В свое время она тоже не интересовалась наследственностью. Все как у обычных людей. Ведь только графы да князья делали записи, заказывали фамильные портреты своих предков. Больше имели для всего этого и средств, и времени. Да и образованности тоже. Так устроен мир. Да и сейчас в этом вопросе мало что изменилось. В основном только краеведы, музейные работники да писатели занимаются прошлым, но держат в этом курс на публично известных людей.

А вот про своих ухажеров мама рассказывала больше. Одному из них, молодому политработнику, в Гражданскую войну она так вскружила голову, что, получив отказ, он застрелился на кладбище. Впрочем, возможно, у него была другая причина.

Однажды мама флиртовала с руководителем музыкальной бригады Александровым, не исключено, что тем самым, что впоследствии стал знаменитостью. Мама была приглашена в гости. Это были двадцатые годы, с продовольствием туго, а потому не ждали богатого угощения. На столе сначала появились щи. Согласно белорусской традиции, ели щи не с хлебом, как у нас, а прикусывая картошкой. Мама хорошо поела. Потом по очереди пошли несколько «перемен». В те годы считалось: чем «перемен» больше, тем богаче стол. Одним словом, было подано более двадцати блюд. И с каждым разом все вкуснее и вкуснее. Смотрит мама на все, а есть уже не может. А не есть — значит, хозяина обижать. Это сейчас на стол ставят все сразу, потом принесут горячее, чуть позже наступает чаепитие с выпечкой, тортами и конфетами. В каждом историческом времени — свои правила и традиции. Нет больше винегретов. Настала мода разных салатов.

Был у мамы ухажер в Улле — есть такое местечко в Витебской области Белоруссии, это ее родина. Однако, приехав в Ленинград погостить у брата Ефима, мама познакомилась с его сослуживцем — демобилизованным моряком-латышом Рейнгольдом Яновичем Лагздынем. За него и вышла замуж, сбежав от белорусского жениха.

На этом повествование про гостевые обеды не заканчивается. Пригласили маму с папой в гости к Басуевым. На званом ужине первым подали суп. Гости съели все до капельки. Мама же, помня историю с белорусским угощением, чуть-чуть попробовав,

отодвинула тарелку. Потом принесли еще чего-то, но очень мало. На этом ужин и закончился. Это были голодные послереволюционные годы, примерно 1922-1923 годы.

В 1924 году у моих родителей родилась дочь, но от холода она умерла в роддоме. Если бы не смерть моей сестры, не появилась бы я на свет. В 1928 году родился брат Феликс, через два года — я. После меня мама не оставляла на жизнь зарождающихся братьев и сестер. А их, по маминому счету, должно было быть еще четырнадцать.

Андрей Басуев был первым секретарем города Кронштадта. Когда в 1937 году арестовали моего отца, боясь ареста, он отказался от родства. Впоследствии, рассказывала жена Басуева, очень переживал. Умер рано, но не в застенках НКВД и не в муках, как мой отец и дядя Ефим.

Почему я сейчас вспоминаю эти события из маминой и своей жизни? Потому что пытаюсь понять, что происходило с каждым из нас. Оставшись в подростковом возрасте наедине с собой, я искала тепла в людях, в том числе и отцовского. Помню, как, идя по Затверечью, когда мне было лет восемь-девять, мечтала кроме мамы иметь пусть чужого, но папу. В возникшей ленинградской ситуации я вспомнила про Аркадия Степановича. Я знала, что когда-то он был неравнодушен к моей маме. Когда арестовали отца, мама пыталась спрятаться за его спину. Аркадий Степанович тогда работал поваром в ресторане. Но все боялись энкавэдэшной инквизиции.

И вот 1947 год. Закончилась война. Ленинград пережил блокаду. Адресами своих знакомых на всякий случай снабдила меня мама. В то время они редко менялись у коренных ленинградцев. Аркадий Степанович, как и прежде, жил на Старом Невском в коммунальной квартире. Как мне показалось, он обрадовался, увидев меня. В его взгляде я почувствовала что-то родное, отцовское. Но через минуту его поведение стало другим. Взглянув на меня еще раз, прикрыв за собой дверь в комнату, он быстро ушел и принес из кухни куски хлеба. Неужели он знает, что я голодная? И что у меня нет даже карточки? Он неловко сунул мне в руки бесформенную упаковку с торчащими из нее слишком зажаренными кусками. А во мне уже боролись два чувства: голодная потребность в пище и человеческое достоинство. Молча держу завернутые в тряпку куски. Отказаться? Но, словно загипнотизированная видом хлеба, не могу. Смириться? Тоже. Чувствуя все свое ничтожество, ухожу. Больше Аркадия Степановича я никогда не видела. Только голос его сожительницы, выскочившей в прихожую, словно скрежет старого ржавого корыта по ленинградской булыжной мостовой,

помнила долго.

К слову…

Конфеты-подушечки

Подушечки обожает мой старший зять Николай Петрович Кулагин. У матери он был вторым ребенком из шестерых. Почти все дети были от разных мужей. После войны мужчин поубавилось, а женщины оставались женщинами. Вот и родили. Маме Николая предоставилась возможность выйти замуж, а Кольке — два года. Отдала в детдом, там он и вырос.

Сейчас мой Николай Петрович — состоятельный мужчина. Дальнобойщик. Всю жизнь за рулем, водил по стране двадцатитонку, чуть не пропал в Таджикистане, когда там случилась война, затем пересел на грузовую «Газель», выстроил каменный дом в Затверечье. Говорят: «На трудах праведных не наживешь палат каменных». А вот нажил! Только долго строил. Вместе с моей дочерью доращивали Машу от первого Елениного брака и вырастили совместную дочь Дарьюшку. Да и я строиться помогала, как могла!

При чем тут скрепки, маленький блок бумажек для наклеек? Мелочь для магазина, для меня. Но я их взяла для того, чтобы вновь прочувствовать всю остроту тех мыслей и написать эти строки. Пусть они будут напоминанием того, что в человеке должно быть на первом месте достоинство: и у взрослого человека, и у подростка.

Другое обыденное событие этого же дня. Магазинчик, на котором написано: «Мы открылись». Обычная надпись на обычной торговой точке. В магазине много разных конфет. Я люблю сладости. А еще люблю, чтобы моя большая хрустальная ваза, подаренная учителями, когда выходила на пенсию, была наполнена конфетами. А в нее, ни много ни мало, вмещается почти два килограмма. Эта привычка ее наполнять возникла в связи с работой в качестве руководителя детского музыкального театра. Дети часто бывали у меня, особенно когда театр располагался в школе рядом с моим жилищем. Мы пили чай, разговаривали на разные темы, было весело, радостно, а главное — сладко. И вот захожу я в магазинчик и вижу конфеты-подушечки.

Купила триста граммов подушечек, попробовала. Вкусные, но не те, что продавались в ленинградских коммерческих магазинах после войны. И вновь память хлестнула меня и прошлась плетью по телу. Всплывает образ той же худенькой девочки, стоящей на углу Литейного и Невского проспектов, с цветными квадратиками конфет-подушечек. Купив сто граммов, продаю поштучно.

Покупают по одной-две конфетки те, у кого не хватает денег на сто граммов. А меньше в магазине не взвешивают. Бизнес дает доход в виде двух-трех штук, если в магазине не обвесили. Вот что делает голод с человеком-подростком, превращая его в спекулянта. Это сейчас спекуляцию называют предпринимательством. Не произвел, а перенес или перевез с одного места на другое — вот и все. Барыш в карман. Такие пред-при-ни-ма-тели, словно трутни или рыбки-прилипалы на теле большого организма. Базары заполнены такими предпринимателями, скупающими у производителей все на корню.

Выхожу из магазина, сажусь на скамейку, что на троллейбусной остановке у городской бани. Мужчина лет пятидесяти спрашивает:

— Позвольте, я тут посижу. Внука на карате привел. А мне лучше на воздухе.

— Хотите конфет? — спрашиваю. — Не люблю есть одна.

— Подушечки? — удивляется новый знакомый. — Моя мама тоже их любит. Спасибо!

Кстати…

— Моя мама тоже любит подушечки!

Это слово «тоже» сняло напряжение в моих мыслях. Значит, я выгляжу как его мама и не могу быть предметом мужского интереса. Почему-то на память приходят две истории. Одна случилась в Сухуми. Сижу на скамейке на берегу моря. Рядом — абхазские старички. Сидим молча. Один из них, сухонький, видно, очень старенький. Мне почему-то стало его жаль, подумала: «Вот ведь, старость — не радость, сидит с прогнувшимися коленками». Я с ним заговорила о погоде, о прекрасном климате в Абхазии. Вечереет. Темнота на юге наступает мгновенно. Ухожу в свою обитель, что в виде сарайчика, где мое лежбище — раскладушка с подушкой — смотрит прямо в проем распахнутой двери. Со мной снимают «квартиру» еще две девицы.

Раннее утро. С моря веет прохладой. Вставать не хочется. Успею. Дети в Калинине в пионерском лагере. Две недели буду, как говорится, «гонять дуру», хоть раз в жизни, вдали от Родины свободна. Впереди — прекрасный южный солнечный день с купанием на море.

И вдруг вижу: к двери приближается тот старичок, с которым общалась накануне вечером. Но его трудно узнать! Подтянутый, в черкеске, подстриженные, длинные, как пики, усы по-боевому торчат в разные стороны. Оказывается, он пришел свататься. На

мой отказ удивленно воскликнул:

— А я еще могу!

Вот что значит Кавказ и его обычаи. Никогда не разговаривай даже с дряхлыми на вид абхазцами.

Вспоминаю другой случай. Отдыхаю где-то в пригороде Сочи. Старшая дочь Елена замужем, живет у мужа. Младшая дочь Тамара уехала к жениху в Тамбов. Я еще молодая, но пенсионерка. Захожу в хозяйственный магазин: надо что-то на память купить. За мной по следам идет старичок, чуть моложе того абхазца. Помня историю в Сухуми, не отвечаю на вопросы. А он говорит, что живет один, жену схоронил. В дом нужна хозяйка. Я молча покупаю цветную металлическую банку для хранения круп. Он тоже покупает точно такую, из той же серии. Я ухожу. Он прижимает к груди покупку и говорит мне вслед:

— Это — память о тебе, моя хорошая!

— И почему ко мне на юге все старики цепляются? — спросила я неожиданно у сидящего рядом мужчины.

— Что? — не понял сосед по скамейке возле троллейбусной остановки. — А вот и мой трейлер — транспорт усатый подошел! До свидания. Будьте здоровы!

Рассказано по случаю…

Через сутки, 18 ноября 2009 года, в два часа ночи пишу эти строки. Пока не выскажусь, хотя бы на бумаге, не усну. Позвонить кому- либо из знакомых или своим детям — поздно. В квартире нет ни одного живого существа. Были тараканы, но мы с соседями их вывели. Кошки нет. Не завожу. Скотина требует ухода и внимания, а тут и к себе — никакого. «Гипертоникам ночью положено спать», — говорю неизвестно кому. Наверное, своей большой фарфоровой кукле, зайцу, сидящему с вечно открытым ртом, да негру с зелеными нарукавниками.

Снова Калинин

Зимой 1947 года я возвращаюсь в Калинин. Поезд медленно отъезжает от перрона Московского вокзала. Еду спокойно, с билетом. А не то что в прошлый раз, под лавкой, съежившись, прижавшись к грязной стене. Противная история. Билетов не было, вошла в вагон, появились два проводника в железнодорожной форме, взяли деньги, сказали: «Подвезем тебя до Калинина». Это были мошенники. Настоящая проводница заявила, что ничего не знает, будет проверка, высадят тут же. Вот

и пришлось всю дорогу лежать под лавкой.

Мимо окон вагона проплывают разрушенные войной предместья Ленинграда. Печальные картины, как и мои мысли: насовсем покидаю город детства и неустроенной юности. За пазухой, в пришитом кармане, справка из техникума и полученный в Ленинграде паспорт, в котором в строке «национальность» записано «русская». Мама — белоруска, папа — латыш, а я — русская. Страх, порожденный репрессиями, даже детей держит в своих объятиях. Русская — не так боязно.

В Калинине поступаю в десятый класс школы рабочей молодежи №2, что на вагонном заводе. Директор — Иван Иванович Чуркин, чернявый, худощавый, очень подвижный. С ним легко общаться. Учусь хорошо. Десятилетку заканчивают в основном рабочие завода, но среди учащихся есть и военные. Все намного меня старше. Но среди всех я — самая знающая, поэтому, как могу, помогаю другим учиться. Вот и весна 1948 года. На экзамене по литературе выбираю третью, свободную тему. Почему? Да потому, что математику, физику, химию и другие технические науки я знаю лучше, чем литературу. Мое литературное образование оборвалось в седьмом классе, когда из школы ушла в технари. На экзамене пишу сочинение на свободную тему: «И Русь — не та, и мы, русские, — не те!» Учительница советует идти в педагогический институт на факультет «Русский язык и литература». А мне хочется стать врачом, можно и преподавателем.

Глава 3. НЕ ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ, А ЛИШЬ УВЕРТЮРА

Волнительная прелюдия

После окончания школы, получив среднее образование, я еду поступать в Харьковский медицинский институт. Почему в Харьковский?! А не в Московский? Наверное, потому, что решили, что там меньше конкурс. Состав состоит из вагонов-теплушек, как их тогда называли. Сейчас такие вагоны можно увидеть в фильмах, рассказывающих о войне, — с широкими дверями-воротами. Скорость поезда невелика, сижу, свесив ноги из вагона. Любуюсь залитыми солнцем украинскими просторами. Три года, как кончилась война, а хаты с золотистыми соломенными крышами уже слеплены и побелены! На остановках к вагону подходят местные жители, предлагают овощи, фрукты, лепешки. Ешь сколько хочешь, были бы только деньги.

В институте, после приема документов на педиатрический факультет, нас размещают на проживание. Это огромный зал, заставленный кроватями. Спим в обществе не менее ста человек. Я усиленно зубрю предметы, которые надо сдавать. Чтобы никто не мешал, ухожу на кладбище. Здесь тихо. Разложив учебники на могильном бугорке, как на столе, учу и учу. А потом, мне об этом сказала соседка по кровати, сплю почему-то с открытыми глазами. Свет в зале ночью не гасят. Сдала экзамены с оценками «отлично». Осталось сочинение. Боюсь этого экзамена, так как допускаю грамматические ошибки — результат того, что мало читала. Сочинение пишем в аудитории, похожей на цирк. Проверяющие бдительно следят за тем, чтобы не пользовались шпаргалками. Я, конечно, снова беру свободную тему. Шпаргалит соседка, я прикрываю ее. Она оказывает мне ответную услугу: проверяет мое сочинение на грамотность. Вот тебе и конкурентки! А на одно место ведь десять желающих! По результатам экзаменов меня зачисляют в студенты, но без общежития. Мама в письме с печалью пишет: содержать частную квартиру не сможет. Поэтому со своими пятерками возвращаюсь в Калинин.

Вот и сыграна прелюдия. Что дальше? Но тут был объявлен дополнительный набор на химико-биологический факультет Калининского педагогического института. Вместо двадцати пяти человек на курсе будет пятьдесят. Меня с оценками, полученными

в Харькове, зачисляют на первый курс. И вот я студентка. Кстати, туда же в 1972 году поступает учиться моя старшая дочь Елена. И на тот же химико-биологический факультет.

Институту дана установка: с 1948 года стипендию выплачивать только хорошистам, у кого нет троек. Наш курс как взял старт на учебу с четверками и пятерками, так и шел по этому курсу все четыре года. В итоге двадцать выпускников 1948-1952 годов получили «красные» дипломы.

На курсе четыре группы. Группа «А», в ней учатся городские, у которых более важные родители. В нашей группе «Б» — разные, но зато все представители мужского пола, что есть на курсе: Мажаев (Мажай), Ельчанин (Еля), Викторов (Витькин), Вася Иванов (Прохиндей), Женька Яковлев (Барский сыночек, так как отец — директор двухэтажного магазина, что на нынешней Трехсвятской), Вахров (староста группы, сынок училки). В группах «В» и «Г» — девушки из районов области — «мишки». Почему мы их так называли? Потому что они, за редким исключением, были крупными и упитанными. Уж так повелось среди студентов: кому-то давать прозвища. Одного из студентов с другого факультета называли же мы Паяльником. Головка маленькая, но умная, шея тонкая и длинная. Всю жизнь работает этот Паяльник журналистом, а сейчас еще и важничает, так как по родословной — князь, зачислен в общество благородных. Входят туда и не очень благородные — бывшие, но земляки, хотя давно уже не земляки. На днях наш Паяльник умер.

В институте учились мы все с большим желанием, можно сказать, с остервенением. На практике в школе, когда давали уроки, критиковали во всю мощь. И не обижались. Нам это даже нравилось. Наверное, поэтому, будучи писателем, люблю критику. Внимательно слушаю, изучаю, если в письменном виде, делаю для себя выводы, беру рациональное. Одним словом, учусь.

Из студентов нашего курса выросло много хороших учителей, руководителей, ученых. Один только Васька Иванов все шустрил. Когда после окончания института было распределение (положено было три года отработать по направлению), Васька внезапно женился на Гальке, тоже по фамилии Иванова, из группы «А». Сделал он это потому, что в Кимрах было место для семейной пары.

Не случайно говорят, что время учебы — самая счастливая беззаботная часть жизни. Конечно, если прибавить к этому молодость, веру в счастливое будущее. Замечательно учиться на очном, а не на заочном отделении.

Учеба в институте во мне ассоциируется с большой белой булкой, в которой крупные изюмины. Это — яркие островки

памяти, вспышки. К примеру. Каждый год по осени нас отправляли на уборку картофеля с колхозных полей. И в очередной раз вопрос к маме: «Что надеть?»

Мама предлагает одежду похуже, но пооригинальнее. Да других вариантов особо и нет. И вот на мне вместо платья — длинная плотная зеленого цвета рубаха с накладными карманами. Меня смущает только то, что рубаха сильно обтягивает мою фигуру. В деревне на поле ко мне подошел старик и спросил:

— И чего это ты, девка, в немецкую рубаху вырядилась?

В то время были всякие казусы с одеждой. Надевали же наши женщины вместо платьев привезенные из Германии ночные рубашки. Или мы с подружкой Риткой Ильиной попросили мою маму сшить нам по совершенно одинаковому платью. Мама постаралась. Сшила не только по платью, но и по белой шляпе с полями. И мы, как близняшки, прогуливались по Советской. А Советская была местом встреч и местом общения в отрезке от площади Ленина до памятника М.И. Калинину, но лишь по стороне, прилегающей к городскому саду.

Интересно проходила практика по ботанике. Мы всем курсом жили в деревне. Преподаватель Вера Николаевна учила разбираться в дикорастущих растениях. С тех пор я знаю кошачью лапку, пастушью сумку, заячью капусту, лютик едкий, отличаю мятлик от других дикорастущих трав и так далее.

Практика проходила летом, а потому мы много купались. Деревня располагалась на левом берегу Волги, напротив ТОС, поселок Радченко. Чтобы попасть в цивилизованный мир, нужна была лодка. Лодка оказалась ветхой. Вода стала просачиваться и наполнять наше суденышко. Ритка Ильина, когда до берега было рукой подать, выпрыгнула и ушла с головой под воду. Не умея плавать, стала тонуть. Возле берега оказалась глубокая яма. Не зря говорят: «Не зная броду, не суйся в воду». Ритку мы спасли.

На практике произошел и такой случай. Проголодавшиеся студенты из хозяйской бочки, стоявшей в сенях, стали вылавливать соленые огурцы. Рассола много, огурцов мало. Желающих поесть огурцов больше, чем самих огурцов. Огурцы достались не всем. А кому достались, те потом бегали в кусты, да не по одному разу.

Студенческие будни

Студенты нашего курса участвовали в велогонках, особенно

«мишки». Им было не привыкать гонять велики по деревенским улицам. Оттого и вымахали такими крупными. Был и такой случай. Однажды в общежитии «мишки» решили проверить: загорится ли сероводород, выделяющийся из организма человека? Пошли под лестницу. Одна, самая главная газовщица по комнате, была поставлена на эксперимент.

Поджечь не успели, неожиданно появилась комендантша. Проведение научного испытания было сорвано. Извините за подобную информацию. Как говорится: «Ем что попало, потому и говорю что попало».

Участники велогонки по городу собирались на площади Ленина. Велосипеды у всех тяжелые, дорожные. Спортивных, гоночных тогда у нас, студентов, не было. Жмем на педали, мчимся по центру — по Советской, круг на Почтовой площади и далее. Велосипедистов уйма, едем чуть ли не бок о бок. Такой кучей и вывалились на финиш. Никто не смог определить, кто был первым. И хорошо! Все остались довольны гонками.

А однажды к нам на танцы в институт пыталась прорваться группа из военной академии. Между будущими офицерами и студентами педагогического завязалась потасовка. Закончилась она тем, что пришли дежурные из военной комендатуры. Судьба одного из гостей оказалась печальной. Его отчислили из числа слушателей.

Случаи в студенческой жизни были разные. Порой смешные, запоминающиеся надолго. Сдаем экзамен за курс неорганической химии. Нинка Егорова, тогда еще не директор школы, а студентка первого курса, подает сигнал SOS, что означает: не знает ответа на вопрос. Из щелки кабинета химии вылетает записка с вопросом: из чего, где и как варят чугун. Ответная шпаргалка попадает Нинке, где очень коротко об этом написано с добавкой: остальное разбавишь водой. И Нинка, от волнения не поняв иносказательности фразы, так и бухнула:

— Чугун получен, а потом все это разбавляют водой.

Весело проходили зачеты по такому предмету, как сельское хозяйство. Преподаватель подслеповат и туг на ухо. Не считая его предмет важным, мы этим пользовались. Первым заходил самый знающий, ловкий, и ухитрялся брать не один, а сразу несколько билетов. Так что за первым шли получать зачеты уже хорошо подготовленные студенты.

Конспекты мои были полными. На лекциях я строчила так, что успевала записать все. Несколько человек к тому времени уже освоили мой профессиональный почерк. А преподаватели ведь что читают на лекциях, то и спрашивают со студента на экзамене. Это очень удобно, коль есть конспект. Не надо рыскать в поисках

ответа на вопрос. Читай и зубри свои записи. Сейчас, я думаю, методика преподавания изменилась.

Почерк мой вследствие того, что писали во время войны на газетах, стал крупным, размашистым, еще больше он испортился на студенческих конспектах. Некоторые уверяют, что написание букв кроется в характере человека. Возможно. Не спорю.

Интересно было на практических занятиях по анатомии и физиологии у преподавателя с насекомозваной фамилией Тараканов. Только я не могла препарировать живых лягушек. Свою несчастную участь они ожидали, сидя с выпученными глазами в вольере. Не могла я разрушать пинцетом их головной мозг, извлекать из тела сердце для изучения движения сердечной мышцы под влиянием механических и химических раздражителей. В тот момент благодарила судьбу, что не училась на врача.

Учеба в педагогическом институте на факультете естествознания свела студентов, и меня в частности, со знаменитым хирургом Василием Васильевичем Успенским. Василий Васильевич вел у нас занятия, приезжая на бричке — двухместной коляске, которой управлял сидевший на облучке старик. Прихрамывая, хирург входил в аудиторию, плотно усаживался возле кафедры. На его столе всегда стоял стакан с водой. Приносить воду он обязал нашу студентку Смирнову. Это было за ней закреплено. Иногда Василий Васильевич требовал, чтобы студенты мужского пола покинули класс, говоря, что разговор будет только с девицами.

Для сдачи зачета как-то нашей группе было предложено приехать в больничный городок за Тьмакой, где работал знаменитый хирург. Там и сейчас 1-я городская больница. Василий Васильевич дал каждому в руки по тому медицинской энциклопедии и приказал: «Изучайте!»

Медицинская энциклопедия была прекрасно иллюстрированным изданием. Я впервые видела и держала в руках такую книгу. С того момента и увлеклась чтением медицинской литературы. Мы изучали энциклопедию, каждый обдумывал свой вопрос. Успенский что-то писал. Неожиданно в кабинет ворвалась женщина в белом халате:

— Василий Васильевич, там, в операционной!

— Опять там! — гневно загремел хирург. — Без меня никак ...твою мать! — И, ковыляя, буквально вылетел из ординаторской, на ходу выкрикнув:

— Зачетки на стол! Сдали!

Василий Васильевич первым из хирургов оперировал в те годы щитовидную железу. Растил себе смену. Врач, про которого

говорят: от Бога!

А хромал он оттого, что была оперирована нога. Возвращался поздно, перелезая через забор. Собственный сторож в собственному саду и пальнул из ружья. Хорошо, что дробью, а не пулей. Любил, говорили, от жены погуливать.

Вспоминая о В.В. Успенском, не могу обойти нашего сокурсника Ваську Иванова. Чтобы получить расположение крутого на разговор Василия Васильевича, Иванов однажды сказал:

— Я тоже по отчеству как и вы, Василий Васильевич!

Хотя сам был не Васильевич, а Яковлевич. Мы Ваське выговаривали:

— Для чего тебе надо было своего отца предавать?

На что наш Прохиндей отвечал:

— А чего тут особенного? Сказал — и все. Ни от кого не убудет.

Но и Ваське не прибавилось. Кстати, умер Василий Иванов совсем молодым. Рано ушла из жизни и наша сокурсница Галя Панова. Многие тогда получили направление для работы на Дальнем Востоке. Галине не повезло. Вертолет вертушкой задел за сопку, погибли все.

Сказано по случаю…

Мое участие в образовательной системе, я так считаю, закладывалось рано. Все девочки играют в куклы, но мои игры были не просто играми, но играми-занятиями. Кто меня этому учил? Да никто. Говорят: «Ребенок учится всему, что видит у себя в дому». Полуграмотная домработница Луша из деревни. Она больше занималась хозяйством, моим братом, который часто болел. Отец — рабочий- фрезеровщик, руководитель партийной ячейки, член жилконторы, часто задерживался после работы. Мама — депутат Ленсовета, все время участвовала в каких-то проверочных акциях. А я играла с куклами целенаправленно: читала статьи из газет и журналов, раскладывала их стопочками на столе, напротив каждого стула. Естественно, в возрасте младшего дошкольника по-настоящему читать не умела, но делала вид и рассуждала на разные темы. Когда после высылки из Ленинграда мы оказались в Калинине, я все время занималась с детьми намного младше меня. Даже соседи говорили маме:

— Чего твоя дочка все с малышней возится? Здоровая девка, пора начинать с парнями гулять!

Будучи студенткой, я каждое лето по три смены работала в пионерских лагерях от госучреждений в должности воспитателя. Можно было трудиться в этой должности в местах отдыха детей от комбинатов «Искож», «Химволокно», где оплата труда была более высокой. Но во мне всегда жила очень крепкая струна однолюбства. Это в какой-то степени определяло и мои взаимоотношения как в семье, так в будущем и с литературными издательствами. Будучи автором «Детской литературы», я не выходила на редакцию «Малыша», пока они сами не обратились ко мне.

Что заставляло меня трудиться в пионерских лагерях на протяжении всех лет учебы в институте? Несомненно, материальная неустроенность. Мама, имея образование в девять классов (в прошлом это была высшая школьная ступень), по профессии — лаборант молочной промышленности, человек приключений, работала во вневедомственной охране. Ей нравилось нести ночную службу, обходить торговые объекты. Устраивал и режим работы: сутки на службе, двое — дома.

А мне нравилось бегать с ребятами, играть в волейбол, но особенно в футбол. Я часто стояла на воротах, легко брала штрафной одиннадцатиметровый удар. А в качестве нападающего представляла угрозу даже команде воспитателей из соседнего пионерского лагеря. А еще я любила скакать через веревочку — прыгалку, скакалку. Бывало, весь отряд со мной проскачет, а я без единого зарона. А какие у нас были праздники, соревнования, конкурсы на лучшие поделки! По городу мы с подругой-однокурсницей Ритой Ильиной перемещались на велосипедах. Я жила в Затверечье, она на 2-й Пролетарской, то есть жили мы в разных концах города. Экономя единственные туфли от износа, нажимала на педали ногами, обутыми в тапочки, сшитые из ткани. И по улице я часто в них ходила. Время было такое — 50-е годы. Война еще дымила головешками в затылок. Приедем к Ритке, голодные-преголодные. Ее мама наливает суп в тарелки и смешно приговаривает:

— Ешьте, девки, все равно свиньям выливать.

Они держали свиней. Свой дом — не коммуналка.

На занятиях по физкультуре я легко подтягивалась на перекладине, делала кувырки, вращения. Любила упражнения на брусьях. Раскачиваясь на кольцах, могла свободно удержать любой угол. Но что у меня совсем не получалось, так это прыжки через козла. Разбегусь, подбегу — и стоп. Но наш преподаватель, уже немолодой, с пониманием относился к моей слабости. Студентка-то я сильная. На сто метров же давала результаты почти чемпионские. Он даже советовал заняться бегом.

Кстати …

Потребность в беге у меня была долгие годы. Возраст под шестьдесят, иду по улице, и вдруг появляется желание побежать. Неудобно, вроде бы не молодая. Так я делала вид, что догоняю трамвай или бегу на автобусную остановку. Купила велосипед, каталась по улицам вокруг своего дома на бульваре Шмидта. Двадцать лет назад это было вполне приемлемо, машин поменьше. Но зарядку никогда не делала. Скучно просто так махать руками. Куда ни шло — под музыку, другое дело. Или на занятиях в театре с детьми. Есть у меня два коронных номера. Один — мах несгибающейся ногой до высоко поднятой ладони. Другой номер — на одной ноге совершать круговое вращательное движение в три оборота. И чтобы остановиться красиво на определенном месте. Сейчас не могу, голова не позволяет, год назад — могла, когда работала с театром. Очень обожаю вальс, ритмичные танцы с пластичным движением тела, чтобы каждая клеточка танцевала.

Я часто думаю над тем, почему так все случается. Ритка никогда не хотела стать врачом, а стала заведовать лабораторией по анализам крови и прочим в больнице №5 нашего города. Умница, с повышенной стипендией, могла стать ученой, но не стала. Частный дом, примитивное окружение, видимо, засосало. Проработала на одном месте до пенсии. Я хотела стать врачом, а работала педагогом всю жизнь, но как-то получилось само собой, что освободившись от семейных оков, превратилась в писателя. Обычно писателями делаются одиночки, у которых не сложилась семья. У меня получалось все по порядку. Имела семью, вырастила детей, выдала дочерей замуж. Чуть играла в литературу. Обзавелась внуками. Все как у людей. А уж потом принялась за творчество всерьез.

Дипломчик синенький, а строчка красная!

Этот заголовок соответствует виду моего диплома. Он действительно, хоть и красный, но с виду синий, но зато внутри красная строчка — «с отличием».

Торжественное вручение проходило в актовом зале главного корпуса на улице Каляева (ныне Симеоновская). Вручал персонально ректор института Павел Полянский в присутствии наших уважаемых педагогов-ученых — М.А. Невского, В.С. Малиновского, Л.В. Шапошникова, М.Г. Сорокина, Л.А.

Колосовой, И.И. Дьяконовой. Вручили — и все. Никаких балов, пышных нарядов. Все буднично, по-житейски.

Получив назначения на работу, разъехались на указанные места, где должны трудиться в качестве учителей химии и биологии не менее трех лет.

Кстати …

Лучшие годы жизни — это студенческие. Мы были молодыми и счастливыми, не обремененными проблемами, которыми загружены молодые люди нашего времени. Нас не волновали ни косметика, ни одежда от иностранных фирм, ни импортные машины, которые хотят иметь, еле достигнув восемнадцати лет.

— Вы были лохами! — скажет кто-то из нынешней молодежи. Может, в чем-то и «лохами», из которых сформировались неплохие специалисты. А «лохи», как вы называете порой небогатых, не они, а вы! Не все, а те, кто сидит за рулем дорогостоящих иномарок, купленных не на свои заработанные, а на деньги либо родителей, либо временных спутников жизни. Там, где соревнование, кто круче, кто стильнее, где происходит раннее полное насыщение, там возникает духовная опустошенность. Не о чем мечтать. Не к чему стремиться. И как следствие — пус-то-та.

В тот исторический отрезок времени, в котором находились мы в молодые годы, закладывалось стремление переделывать, не разрушая, а совершенствуя мир. В наше время физическая леность порождает компьютерных сидунов. Малая мыслительная активность вынуждает заниматься только компьютерными играми, в лучшем случае участвовать в виртуальных программах. Неудовлетворенность собой приводит к стремлению создавать всевозможные программы, а накопившаяся злость — к компьютерным взломам, если позволят знания. Лучше оставаться «лохами» XX века, чем компьютерными хулиганами XXI.

Глава 4. ФИКУС ФРАНКЛИНА БЕНДЖАМИНА

Первые шаги

Государственные экзамены сданы. Окончен Калининский государственный педагогический институт имени М.И. Калинина. Получила направление в Кимрский район Калининской области, в деревню Неклюдово. Решаю летом, до начала учебного года, съездить, познакомиться с условиями работы, с коллективом учителей.

Величественно катит свои воды к Каспию великая река Волга. Неторопливо плывет теплоход «Радищев». Огромное с лопастями колесо, шлепая, загребает воду, толкает судно вперед. Внутри теплохода нет кают. В большом помещении расположились по стенам двухэтажные полки. Хочешь сиди, хочешь лежи. На полу чемоданы, мешки. Пассажиры спокойно, негромко, под стать движению водного транспорта, разговаривают. Я забираюсь на верхнюю полку, кладу под голову свой обшарпанный чемоданчик, пытаясь подремать. Все побыстрее время пролетит. Но не получается. Слезаю с полки, поднимаюсь на палубу. Правый берег Волги высокий, крутой, левый — пологий, вдоль — широкая зеленая луговина, за ней виднеется лес. Высокие ели пиками упираются в голубое небо. На небе ватные облака и раскаленное солнце. Для себя вдруг делаю открытие: почему рисуем в основном тремя цветными карандашами — зеленым, синим и красным? Через несколько лет жизнь сведет меня с художником, изображавшим все в желто- коричневых тонах, в цвете песков и выжженных степей. Родина у него была другой.

Стою на палубе, гляжу на небо, на словно проплывающие мимо берега, и не надоедает. Потому что это — живые художественные полотна, на которых изображена моя Родина — Россия.

Но вот берег приблизился к пароходу, стал как бы наступать на широкий волжский простор. Берег сильно подмыло. Корни огромных деревьев, как скрюченные пальцы гигантских ладоней, повисли над песчаным обрывом. Не упадут ли сосны? Я стала всматриваться в эти корявые желвакастые пальцы — корни. Корни крепко вцепились в берег, держат над собой столетние деревья. А пароход все плывет и плывет, неторопливо, плавно шлепая по воде лопастым большим колесом, словно сто гребцов

вкладывают в него силу. Но не гребцы толкают судно, а паропароход!

— Начинается Большая Волга! — сказал кто-то на палубе. — Московское море!

Действительно, море! Волга разлилась так широко и привольно, что, кажется, потеряла свои берега. Лоцман зорко следит за фарватером реки, за ориентирами — бакенами. Еще бы! Зазеваешься, на мель сядешь. Такую громадину, такую неуклюжую старинную посудину с мели разве стащишь? Вдалеке затопленный лес. Деревья в воде стоят по самые макушки. Зрелище не из приятных. На душе становится тоскливо оттого, что эти гиганты обречены на гибель.

Вид обычного кладбища, неизбежный удел всех человеческих жизней, порождает чувство тихой печали. Кладбище же лесных гигантов поднимает гамму чувств, ощущений и протестов.

Но вот Волга сузилась, мы доплыли до шлюзов. Теплоход вошел в ворота. Ворота за гостем закрылись. Медленно спадает вода, и так же медленно опускается речная громада. Стены неширокого коридора плывут вверх, обнажая, показывая свою зелено-коричневую обшивку. Впереди открываются створы других ворот. «Радищев», словно гавкая, шлепая колесом, снова на просторе волжской глади.

Сумрак сгущается над рекой. Уходят в темноту волжские берега. Одни только бакены, как живые глаза, неусыпно указывают судам путь по речному фарватеру.

На пристани в Кимрах узнаю, что катер по реке Медведице пойдет через час.

— Как хорошо! — радуюсь удаче. — К утру буду на месте.

Река Медведица — приток Волги. Не широка, но быстра.

— А почему Медведица? — спрашиваю старика-пассажира.

— Медведица, да и только, — отвечает старик.

— А как же! — встревает в разговор другой бородач. — На берегах этой реки много медведей проживает, к самой воде подходят. Ваше Неклюдово не случайно называют «медвежьим углом». Ни с какой другой стороны транспорт близко не подходит. От села Ильинского 35-40 верст будет. Берегом, от катера, оно поближе — шесть километров, но только летом. Вот и считай: «медвежий угол» России, да и только, — закончил рассказ бородач.

— Действительно, — подумала я, покидая катер.

Густой смешанный лес обступал реку. Низкий густой кустарник почти вплотную прижимался к воде. Множество мелких тропинок пронизывали лес. Видимо, жители окрест часто ходят со всех сторон.

Я шагаю лесом. Предрассветный туман клочьями висит между невысокими деревьями и кустами. Пахнет грибами, ночными фиалками, прелью. Потом над деревьями стало подниматься почему-то белое солнце.

Оно просвечивает кусты и тонкие стволы деревьев, высушивает эти самые молочные клочья, само же превращаясь в яркий сияющий диск.

Вскоре лес расступился перед распахнутым широким полем. По узкой тропке вдоль этой кромки иду вместе с двумя женщинами в сторону деревни, где мне предстоит жить и работать.

Знакомство

Здание школы — помещичий дом — стоит чуть дальше от села. Поднимаюсь на крыльцо.

— Можно войти? Здравствуйте! Мне нужен директор школы.

— Здравствуйте! — отвечает миловидная светловолосая женщина. Полнота фигуры выдает, что скоро быть ей матерью. — Проходите. Иван Васильевич сейчас подойдет. Вам повезло. Он только что вернулся из Кимр.

Женщина откровенно разглядывает меня.

— А вы не новая учительница?

— Да, у меня направление в Неклюдовскую среднюю школу.

— Значит, работать будем вместе. У нас школа средняя, но еще не полная. Всех классов по одному, теперь вот и девятый будет.

После этого обе замолкаем, не зная, о чем говорить.

— Вы тут и живете? — спрашиваю я, чтобы как-то прервать тягостное молчание.

— Живем в деревне. Квартира от школы — полдома. В другой половине другие учителя живут. Вам, наверное, в деревне придется квартироваться. Есть еще один дом, только... — немного помолчав, новая знакомая продолжала: — Только Варвара там с семьей живет. Замуж вышла, дочку родила. Муж бойкий. Шумно. Вы уж лучше отдельно квартируйте. А вот и Иван Васильевич! — оживилась молодая женщина, взглянув в окно.

На пороге возникла высокая стройная фигура директора.

«Синие глаза и черные волосы. Красивый мужчина», — отметила я про себя.

— Здравствуйте! Хорошо, что приехали. Познакомимся и все обговорим! Мне в отделе образования уже сказали: учительница-

отличница к вам прибудет! Давай-ка, Валентина, тащи на стол. Что у тебя в столовой есть? Угощай гостью!

— Вот, значит, так обстоят дела, — за трапезой продолжал директор. — Химии — девять часов. Дадим экономическую географию в пятом классе, анатомию и физиологию в восьмом, психологию с логикой в девятом и древнюю историю в пятом классе. На ставочку наскребем. А вы какой язык изучали?

— Английский.

— Хорошо. Дадим вам в пятом немецкий.

— Что вы?! Я не знаю немецкого! И в школе, и в институте я изучала английский. А иностранным языкам, наверное, знаете, как сейчас учат?

— Диплом-то у вас с отличием? Неужто немецкий не освоите? Вместе с ребятами и учить будете.

— Преподавать разные предметы я согласна, но не иностранный, у меня нет способностей к языкам. Вы уж меня извините!

— Ладно. Без немецкого оставим. А сейчас куда заторопились?

— Хочу село посмотреть, в лес сходить, и на вечерний катер поспеть.

— Какая быстрая! Ну раз решила, то уж, — вздохнул директор, — отговаривать не смею. А все-таки, может, возьмете немецкий-то? Ну совсем некому вести! — крикнул Иван Васильевич вдогонку. — Что вам стоит выучить?!

— Нет! — откликнулась я, покидая дом. — Не смогу! До свидания!

Житие в селе Неклюдове

Пятистенок бабки Евдокии стоял вторым по счету от берега Пудицы, неширокой реки, притока Медведицы. Большой серый дом, обшитый тесом, был когда-то полон людьми. Старик Евдокии умер, сыновей схоронила война, дочь с семьей живет в Москве. Коротала свою старость старушка одна, не считая коровы Настасьи, пяти овец во главе с бараном, кучей кур под предводительством петуха-драчуна да еще стаи уток и гусей. Жиличке, то есть мне, старушка обрадовалась.

— Дрова да керосин дармовые, — говорила она соседке, — да еще государство и за квартирантку платит. Веселей вдвоем-то в длинную темную осеннюю ночь да в крутую зимнюю стужу. Не так боязно будет от волчьих песен.

Дом Евдокии состоял из двух половин. Задняя — холодная, неотапливаемая. Там хранились всякие припасы да ненужные вещи. В передней громоздилась русская печка. На печи бабка спала. Большую переднюю украшали старинные иконы, возле одной все время мерцал маленький огонек лампадки. Вдоль стен — широкие некрашеные лавки и длинный прямоугольный стол. Сразу видно, здесь сиживала большая семья. Между крошечными окнами висело в рамке зеркало, потускневшее от времени. На стене — фотографии родных. Стандартную форму русских домов в деревнях, о которых многие сегодня имеют представление лишь по кинофильмам, дополняла медная керосиновая лампа с металлическим абажуром. Лампу Евдокия зажигала нечасто, экономила керосин. Яйца да мясо, периодически появляясь, увозили в город перекупщики, как и овечьи шкуры. Кожу из овчины умели выделывать и сами деревенские. На заработанные учительским трудом деньги я купила таких кож на целое кожаное пальто. Брат к тому времени вернулся из армии, отслужив положенный срок. Мы с мамой заказали пальто у калининского мастера по кожам, жившего в одном из домов на бульваре Радищева. Это пальто брат очень долго носил, даже тогда, когда мода на них прошла, а страна приближалась к перестроечным годам.

С наступлением темноты деревня как вымирала. Ни звука, ни фонаря на улице, ни огонька в окне. Спать все ложились по старинке рано. Осветительную жидкость — керосин — жалели. Хотя сами и поговаривали, что он почти ничего не стоит. Бабка ворочалась на печи, охала, иногда что-то проговаривала. Может быть, молилась? Я же никак не могла привыкнуть к этому режиму. В городе электрический свет, радио. Друзья придут. Можно пойти на танцы, в кино, в театр или на вечер в институт. Кинофильм, правда, иногда целый месяц, а то и более, крутят в «Звездочке» один и тот же. Потому многие картины смотрим по нескольку раз. Но все равно город — не деревня.

Мерно тикают часы-ходики, помахивая маятником, да сверчок, украшение вечерних часов, поскрипывает где-то там под потолочиной. Зеленый абажур, сделанный из обложки ученической тетрадки, на стекле керосиновой лампы начинает чернеть и обугливаться. Первый признак, что на сегодня работу надо заканчивать. Но я еще не выучила урок по экономической географии. Да и не все даты вызубрила. С датами у меня всегда было туго еще в школе. Торопливо выписываю цифры исторических событий, вкладываю в план урока. Каждый день, по каждому уроку надо писать эти планы. Приходится шпаргалить. Одиннадцать программ! Многие предметы для меня новые. Да и

свои, кровные, нуждаются в корректировке. В институте науки изучались глобально. В школе знания надо давать конкретно, согласно учебному плану. Не понадобились ни микробиология, ни геология, которую я очень любила. Мне до сих пор снятся синклинали и геосинклинали.

Кажется, все. Завтра встану пораньше. Пока бабка Евдокия печь растапливает да самовар ставит, поучу. Подкручиваю колесико в керосиновой лампе. Дую сверху в стекло. Лампа гаснет, обдавая керосиновой гарью. Форточку бы открыть? Но окна плотно замурованы, заклеены бумагой. Между рамами лежит пушистый мох — сфагнум. Этим мхом переложены бревна в стенах домов. Я их не вижу. В комнате темно. Ладонью ощупываю гладкие, отполированные временем, выпуклости.

Завтра после школы зайду в сельпо, куплю простынь. Наколочу вместо ковра. Все будет приятнее глазу, чем эта проконопаченная мхом стена.

Из темноты постепенно вырисовывается маленький прямоугольник деревенского окна. Под окном шелестит листвой высокая липа. Ветер потихоньку подвывает в печной трубе, позвякивая круглой чугунной заслонкой. На душе делается тревожно, нарастает беспокойство, становится страшно.

На печи снова заворочалась бабка Евдокия. Страхи уходят, оставляя засыпающие думы под тихие поскрипывания неугомонного деревенского сверчка.

Культура по-деревенски

— Слышь, девонька, что я тебе скажу. Ты не серчай на меня старуху. Но больно уж нежелательно, чтобы о тебе так сказывали.

— А что сказывают, Евдокия Ивановна?

— Хоть и учительша, говорят, твоя квартирантша, а некультурная. Не здоровается.

— Да я здесь никого не знаю. Кого знаю, с теми здороваюсь!

— А у нас в деревне принято со всеми здороваться. Ты уж не обессудь, не срами дом-то мой.

Прошло несколько дней. Как-то вечером за чаем бабка Евдокия опять завела разговор о культуре.

— Слышь, голубушка, в деревне-то что обсуждают? Твоя квартирантша один, а то и два, и три раза на дню здоровается. Чудно как-то? Удивляются бабы. Спрашивают: нарошно, что ля? Аль от усердия?

— Тетушка Евдокия Ивановна, я же говорила вам: не знаю я

тут никого! По одежде? Так все почти одинаковы. В лицо — не запомнила. Вас много, а я одна. Сколько учителей, родителей, учеников! А фамилий? Не запомнила еще. Вот и здороваюсь с кем встречусь. Может быть, и не по разу получается. Вы уж, Евдокия Ивановна, поясните им, пожалуйста.

На уроке

Неклюдовская школа стоит на высоком берегу возле леса. Скрипучее крашеное деревянное крыльцо. В доме большие комнаты с высокими потолками, с такими окнами, что можно смотреть прямо из класса на окружающую природу, словно ты не в помещении. Я часто замираю, глядя на эти натуральные пейзажи. Не надо никаких картин, писанных маслом, пейзаж за окном все время обновляется. Когда начались занятия, в широких оконных проемах был изображен зеленый лес, чуть подкрашенный березовой желтизной. А сегодня? Осинки трепещут красными круглыми листочками, словно язычками пламени. И такие же, но покрупнее, листья берез. На красно-оранжевом фоне леса ели кажутся еще более яркими в своем вечнозеленом убранстве.

— Ребята, — обращаюсь к классу, — красота-то какая! Так и хочется подрисовать гриб-боровик с коричневой шоколадной шляпкой. Вот, представьте, сейчас бы золоченую раму подставить. Будет живая картина! — Класс от неожиданности моего высказывания замер. Лишь вездесущая Настя тут же подхватила:

— Вы бы в нашу деревню пришли. У нас клены знаете какие листья вырастили? Я один такой листочек приложила, так он всю голову закрыл!

— Наська шляпу лепила из листьев! Вот бы посмотреть! — засмеялся веснушчатый рыжий Колька.

— А вот и принесу! И посмотришь! — вспыхнула Анастасия.

— Да, природа у вас красивая! — отозвалась я. — В городе такого великолепия не увидишь.

— А вы все время в городе жили? — спросил постоянно молчавший Алешка, из которого слово хоть клещами вытаскивай.

— Все время. Выросла на асфальте, — говорю, подбирая слова. — Есть поговорка: «Где родился, там и пригодился».

Хотела сказать ребятам, что, несмотря на все хорошее, что есть в деревне, на этот спокойный доброжелательный уклад жизни, тянет меня к себе город. Не хватает шума, что ли, суматохи? Будет ли такое понятно детям, живущим здесь?

— А мне город не нравится, — словно подслушав мои мысли, заявила Настя. — Все куда-то спешат, в транспорте толкаются. А у нас! Идешь из школы в свою деревню — дорога вольная. Хочешь налево, хочешь направо шагни. Никому не мешаешь, и тебе никто не мешает. А утром коровушка Червонка в хлеву помыкивает. Мамка молоко парное несет.

Я старалась не перебивать Настю. Уж очень хорошо она рассказывала. Но неугомонный Колька опять взялся за свое:

— Наська, ты, верно, есть хочешь, раз о молоке заговорила?

— А что? — спокойно продолжала Настя. — Хо-чу! Ты в селе живешь, два шага от дома. А я по восемь километров каждый день сюда и обратно.

— А ты бы в пансионате, что при школе, оставалась бы! Ничего себе — два шага! Не два шага, а два километра от дома, плюс полтора по лесу до школы!

— Разве это километры?! Мои километры так километры!

— Не будем, ребята, спорить, — вмешалась я. — Скоро большая перемена, пойдем в столовую обедать. А сейчас займемся анатомией. Что изучали на прошлом уроке?

— Мы изучали ткани: соединительные, мышечные, эпителиальные и нервные! — четко выговаривая каждое слово, ответила Маша. Ей очень хочется стать медсестрой или фельдшером и работать в медпункте, что в соседней деревне.

— Хорошо, Маша. Отвечать к доске идут: Вася Зайцев, Оля Спиридонова и Коля Алексеев. Разбирайте таблицы, собирайтесь с мыслями. Кто первый?

— Чудно как! Сразу столько отвечающих? Нас так никто не спрашивает! — опять высказался Коля. — А первым отвечать буду я. Мышечная ткань у человека образует мышцы скелетные. Кроме того, из мышечных волокон состоят внутренние органы: сердце, сосуды, кишечник. Но мышечные волокна разные. Одни называются поперечно-полосатыми. Эти волокна длинные, при сокращении делаются короткими. Это и есть скелетные мышцы. Другие волокна называются гладкими. Они коротенькие. Из них состоят мышцы внутренних органов. Скелетные мышцы подчиняются нашему сознанию. Мы можем приказать руке согнуться, ноге идти. Гладкие же волокна сокращаются, то есть двигаются, только под влиянием нервов. Мы не можем приказать сердцу чаще биться или остановиться. Вот как я все вызубрил!

— Достаточно, Николай. Есть к Алексееву вопросы? Или кто еще хочет что-то добавить?

— А уши имеют мышцы? — спросила Настя.

— У кого есть, а у кого нет. У меня есть. Я могу ушами двигать.

— Можно? — снова руку подняла Настя. — Мышцы в ушах есть, как рудименты, что значит — недоразвитые. Нашему школьному коняге они нужны, он ими прядет-двигает. Слушает, что кругом. А вот тебе, Колька, зачем двигать ушами? Мух сгонять?

После этого в классе поднялся такой хохот, что я поспешила сказать:

— Все, ребята, правильно, правильно. Садись, Алексеев. Слово передаем Спиридоновой, затем Васе Зайцеву. Потом все вместе будем выставлять отвечающим оценки.

— Мы сами? — снова удивился Колька. — Тогда я считаю, всем по пятерке.

— Только Алексееву четыре, — добавила Настя, — чтобы ушами на уроке не двигал и за косы в перемену не хватал.

Педагогика — вещь тонкая

Химического кабинета в школе нет. Есть в коридоре шкаф, где в стеклянной банке стояли пробирки. Воронку я смастерила из бумаги, свернув ее как кулечек под семечки. Была спиртовка и несколько баночек с реактивами.

Учителей в школе немного — всего восемь, если считать вместе с директором Иваном Васильевичем и завучем Петром Михайловичем. Классы в школе однокомплектные: один пятый, один шестой, один седьмой, один восьмой, один девятый. Школа только в этом, 1952-1953 учебном году, стала средней. Десятый класс еще не вырастили. В начальной школе учатся десять человек. Учительница Василиса Ивановна, жительница села Неклюдово, ведет сразу все четыре параллели.

Ребята в классе сидят по колонкам. В первом — два ученика, во втором — три, в третьем — три, в четвертом — два. А вот в пятом — учащихся много, в основном за счет приезжих. Это самый большой и самый бойкий класс. Особенно донимает всех Стасик Петровский. Он из города, отправила его мать в деревню к бабушке на жительство. Что ни день, то все новые номера откалывает, хочет только, чтобы выгнали с урока. Тогда Стасик отправляется в лес и ловит на петельку птиц.

Вот и сейчас, выставив Стаса за дверь, учительница по русскому языку передала его завучу Петру Михайловичу. Тот и привел ученика в учительскую — длинную узкую комнату, оклеенную розовыми обоями в красную полоску.

— Что ж ты балуешься на уроке? — спрашивает завуч. — Тебе

не стыдно мешать учительнице?

— Не стыдно, — спокойно отвечает Стасик.

— Почему уроки не учишь?

— Не хочу.

— Ты же на второй год останешься.

— Ну и пусть. Мне-то что.

— Не стыдно будет?

— Не стыдно.

«Вот и замкнулся круг вопросов!» — думаю я, слушая этот воспитательный диалог. Что же с ним делать? Петр Михайлович двадцать лет преподает в школе. Он-то чего пасует перед Петровским?

— Иди на урок и слушай учительницу, — говорит немолодой учитель, распахивая дверь учительской настежь.

— Всыпать бы ему по первое число! — гневно высказалась Василиса Ивановна. — Сказывали, никакого у Нинки мужа в городе нет. Мать она — одиночка, пригуляла парня. Позор! Спровадила к бабке, чтоб не мешал. Бабка Глафира старая, сироту жалеет. Вот он и распустился. Только птиц бы ему ловить! Наши, деревенские, такого не позволяют. А этот? Выродок какой-то!

Я вышла из учительской. Около дверей, прислонившись к стене, стоял Стасик. Глаза — полные слез. Взглянув на меня, кубарем скатился со школьного крыльца и растворился в кустах.

Дед еще не в шубу одет

В конце сентября всех школьников, кроме малышей, сняли с занятий на уборку картошки. Собирались каждое утро прямо в поле. Приходили ученики, живущие и в дальних деревнях. Зимой в школе ведь все любят поесть. Дед Василий неторопливо понукал школьную лошаденку:

— А ну, милая, сивая, не плешивая, не ленись! Подбодрись!

Дед любил говорить прибаутками собственного сочинения.

Ребята, как муравьи-трудяги, копошились на бороздах, встряхивали вывернутые плугом картофельные кусты за почерневшую ботву, обрывали картофелины, складывали в кучки, руками прощупывали землю, извлекая из нее оторвавшиеся клубни. Дело привычное. Каждый хотел выполнить свою норму, чтобы успеть прихватить еще борозду. Лишние пятерки за труд кому помешают? Работалось весело.

— Дед Вася! — крикнул Коля. — Мешки когда привезут?

— Сегодня, сказывал председатель, — крякнул дед, —

ожидается оново, а без оново — нет Буденного.

— Дед, а может, к гумну сбегать, соломки притащить? Вдруг мешки-то не привезут?

— Хошь, сбегай, можель — ожель. Да много ли ухватишь? Вот ужоль управлюсь, сам справлюсь — на телеге съезжу.

— Дед, а мне можно? — к старику подошел Стасик Петровский.

— А можь, пригож? Попробуй. Невелика хитрость. Плуг, что друг. По земле ходи, правильно води. Восьмиклассник?

— Не-а! В пятом учусь.

— Так пятиклассники ужоточки кончили работать?

— Кончили. Я норму давно сделал. Саньке помогал. Ты, дед, останови пегого.

Старик ухватился за руки. Нож плуга вывернулся из земли и поволочился следом за лошаденкой, приминая картофельную ботву.

— Эх, горе-работничек! Батрачок-дурачок! Не видел, как пашут? За ручки покрепче держи да в землю нажимай! Воно, гляди как!

Стасик шагал рядом со стариком-пахарем, затем ухватился за деревянные ручки.

— Ну вот, вроде как похоже! — одобрительно крякнул дед. — Однако управления из рук не выпускай. Сильный ты, на пятиклассника совсем не похож. Видно, где-то в классах годочки лишние просидел. Чей будешь-то?

— Багровой внук.

— Акулинин? Вот те на! У ней же внук в городе живет?

— А что, здесь нельзя? — закипел было Стасик. — Я и здесь могу, очень даже могу.

— А чего не мочь? Земля-то у нас вона какая, добротная. Мед-то любишь? — неожиданно спросил дед.

— Мед? — удивился Стасик. — У нас нет меда. Мы с бабушкой бамбушки покупаем, конфеты-подушечки.

— Бамбушки-пампушки, одни безделушки, — дед провел рукой по усам. — Приходи, кринку только прихвати аль какой глиняный горшок. Чай, есть такой?

— А то нет! У меня дед гончаром был.

— Остановись-ка, передохнем! Знавал я твоего деда Прохора. Хозяйственный был мужик, царство ему небесное. На него похож ты, такой же чернявый и быстрый. Как звать-то?

— Стасиком.

— Стасиком-матрасиком, — проворчал дед. — Чудно, не по-русски. Может, Ваней, как моего сынка, величать буду?

Стасик пожал плечами. Ему и самому, видно, не нравилось

имя Стас.

— Стас-матрас! — хмыкнул Петровский. — Бабка Акулина маму Нинку часто ругает. И за имя мое тоже.

— А ты чего такой неуважительный к старшим?

— Да ну их, баб! — степенно отозвался Стасик. — А где, дедушка, твой сын Иван?

— Пропал мой Ванюшенька-душенька. Считай, уж девятый годок, как сгинул в военной пучине, в этой мучине. — Дед молча курил самокрутку, сидя на ведре с картошкой.

— Можно и Ванюшей, — сказал притихший Стасик. — Даже лучше.

— Чего это мы с тобой расселись? — спохватился дед Василий. — А ну, держи крепче плужок-утюжок, милая, сивая, глазами чернослива. Не ленись, подбодрись! Пошел, пошел! — Дед весело шлепнул пегого вожжами по рябым бокам. — Ванюша, пахать — не веточкой махать!

Когда я, уставшая с непривычки, шла по кромке поля, то услышала голоса ребят и учительницы Варвары:

— Ветер подул из-за леса холодный! Не было бы заморозков. Урожай-то какой! Клубень к клубню. Особенно на этом поле. Жаль, если картофель в земле останется.

— Как останется? — послышался голос Стасика.

— Очень даже просто. Грянут заморозки, и поминай лихом. В прошлом году целое поле и десять гектаров льна под снег ушло. Разве не помните той ранней зимы?

Голоса детей и взрослых затихают и уходят в историю вместе с фигурами героев этого рассказа. Вспоминаю и себя, сидящую в избе возле только что вскипевшего самовара, свою первую осень в деревне, свою шубу из шкурок водяной крысы, купленную на заработанные в пионерском лагере деньги. Осеннее-то пальто совсем дошло, износилось, стало стыдно надевать, а потому как радовалась приходу первой своей зимы в неклюдовской деревне.

— У вас, у городских, — словно слышу из далекого прошлого недовольный голос бабки Евдокии, — на первом месте — мода! А тут наденешь телогрейку али зипунишко, никто не осудит поначалу. Потом уж! Поживешь, поймешь...

Из осени в зиму

Утром, придя в школу, я взглянула в классное окно и увидела совсем другую картину. Нет на деревьях яркого лиственного наряда. Будто прошел невидимый лесоруб, обкорнал ветки,

обтесал стволы, высветил старые потемневшие пни. Но в этой картине глубокой осени вдруг возникла своя прелесть. Меж голых ветвей берез и осин, дубов и орешника зелеными пушистыми пирамидками выделились ели. Красные блики ленивого солнца вызолачивали на еловых лапах тяжелые гроздья чешуйчатых шишек. Темнеющий, но кое-где еще пестрый от упавших с деревьев листьев ковер создавал мягкость восприятия и простоту убранства. И мне снова захотелось, хотя и мысленно, приложить к окну позолоченную багетную раму.

Повседневные дела

Большое село Неклюдово в результате войны сильно обезлюдело. Многие односельчане погибли. Подростки, по призыву пополнять рабочий класс, поступали в ремесленные училища. Многие уехали на Большую Волгу, в Москву, в Кимры. Поэтому комсомольская организация, которой мне поручили руководить, была малочисленной. Состояла она из двух молодых учительниц, меня и нескольких ребят в возрасте пятнадцати лет. Но, несмотря на это, Кимрский райком требовал план и отчеты о проделанной работе. Кроме того, из меня сделали старшую школьную пионервожатую. Кому же еще быть? Не Василисе же Ивановне, жившей за стенкой своего класса, так как свой дом ей пришлось уступить сыну с женой. У деревенских учителей, кроме школы, есть свое натуральное хозяйство: козы, овцы, домашняя птица. У Василисы только одна коза с козленком. В школьном сарае для стада нет места. Заслышав школьный звонок, наскоро ополоснув руки, Василиса Ивановна спешила в класс, временами забывая снять домашний фартук, обсыпанный мукой. Это к слову.

С ребятами мы организовывали праздники! Ночами я составляла планы выступлений, куда включалось и художественное слово в виде чтения стихов известных поэтов и отрывки из произведений классиков. Ребята читали стихи собственного сочинения. Не имея музыканта, под балалайку школьного сторожа пели песни. В общем, делали концерты для наших учащихся и жителей деревень.

Кстати…

В школьный альманах вместе с работами ребят я включила свой рассказ.

МАРФУТА

— Ой, батюшки! — причитала Марфута, утирая мокрый нос и щеки цветастым передником. — Беда, да и только! Пропал поросеночек, такой маленький, розовенький, рыльце длинненькое, а пятак — уже рыло! Куда подевался, ума не приложу! Неужто украли? Волки-то ныне притихли.

Васька, сосед Марфуты, вредно улыбался, приговаривая:

— Пропал и пропал. Другого заведешь. Деньжата, чай, водятся?

Марфута глуховата была, но, услышав про деньги, заворчала:

— Водятся, не водятся! Придется другого покупать. Когда в город поедешь, скажи!

Но Васька не сказал. И осталась Марфута без поросенка. Марфутин дом крайний, чуть на отшибе. А огород с Васькиным состыковывается. Лето пролетело в сенокосах да огородах. Осень со ржавым скрипом и пузатыми бочками подкатила. Решила как-то Марфута в дальний сарайчик заглянуть, что стоял у кромки леса. Прочистить от остатков прошлогоднего урожая, знать, превратившегося в перегной.

— На удобрение сгодится! — подумала Марфута.

Только сунула голову между сгнивших половиц, как чуть не наткнулась на рыло повышенной мордастости. Если бы не свинячье похрюкивание, приняла бы за нечистую силу или за инопланетянина.

— Ой, батюшки! — Марфута заголосила так, что сбежались все деревенские собаки. — Хряк в подполе! Васька! Василий! Подь сюда.

— Его через половичину не протащишь, — вредно и завистливо заулыбался Марфутин сосед по огороду, — а ты говорила: пропал! Не пропал поросеночек-то, а харю наел вона какую!

— Да уж, — подтвердила Марфута, — на старой картошке, на свекле да на проросшем зерне. Сколько добра было! Все умял, дармоед! Саморощенный!

Откуда возникает «почему?»

Жизнь в Неклюдове идет своим чередом. Утром уроки, после уроков — пионерская и комсомольская работа, репетиции, а вечером — зубрежка по разным предметам. Раз нет электрического света, нет никаких радиоприемников. А

телевизоров тогда и в помине не было. Даже рейсовые автобусы сюда не заглядывали. Частных машин и в помине нет. Велосипед — редкость. Один гужевой транспорт в виде лошади, но не в частном хозяйстве, да колхозный трактор. Одним словом, почти первобытная жизнь. А зубрить приходится много, словно завтра опять будет экзамен. А тут еще директора отослали не на курсы усовершенствования, как сейчас, а на военную переподготовку. В мире идет холодная война между двумя крупными державами. А мне вот отдувайся: зубри, так как надо вести за директора еще и уроки по современной истории. Благодарю себя, что обладаю хорошей памятью. В этом большая заслуга тех педагогических программ, по которым мы учились в школе: заучивали большое количество стихов, знали наизусть почти всего Маяковского. Огромное количество произведений Пушкина, Лермонтова и других поэтов. Могли без запинок воспроизводить целые отрывки из книг прозаиков-классиков. Тренировали свой мозг, рыхлили, как поле перед посевом, подготавливали его к другим мыслительным процессам. Но у меня была своя «ахиллесова пята» — маленькая точка, через которую, как в бермудском треугольнике, проваливались числа и даты.

Неожиданно в школу приезжает комиссия. В процессе преподавания истории, не будучи специалистом по данному предмету, а еще и имея природную слабость к запоминанию дат, я постоянно тренировала себя и учащихся. Они, увлеченные мною, с удовольствием это делали. Вопрос — ответ! Много вопросов, много ответов, накопление баллов. Весело, а главное — полезно. Недаром говорят: «Повторенье — мать ученья!»

Во время обсуждения преподавания истории и географии проверяющими в мой адрес было высказано следующее:

— Ваш новый специалист и его учащиеся хорошо знают историю, помнят даты исторических событий. Но что нас смутило и огорчило, это то, что, показывая на карте города, реки, горы, учительница все время говорит: «Посмотрите вверх». Почему? Это же север! «Посмотрите вниз». Почему? Это же юг!

— А потому, — ответил за меня завуч Петр Михайлович, — она не учитель истории! По какой причине? Вы должны знать. А специалист по преподаванию химии и биологии. На таблице Д.И. Менделеева нет ни севера, ни юга. А есть верх и низ. Но мы с вами согласны — не совсем точно выражалась. Молодой специалист это учтет.

Кстати…

За долгую свою педагогическую жизнь при разных формациях я повидала так много разных проверочных комиссий, что даже в

маленьком рассказике «Переполох» не удержалась от коротенького юмора. Его можно прочитать в книге «Нам светит солнце ласково», изданной в московском «Детлите». У меня сложилось такое мнение, что комиссии, чтобы доказывать результативность своей проверки, реже отыскивают хорошее. Не было тогда ни Дня учителя, а тем более присуждения звания «Лучший учитель года». Но и по этому вопросу у меня есть свое мнение. Несомненно, надо поощрять хороших учителей. Ведь в школе задерживаются и работают годами одержимые! Есть случайные люди: после института больше некуда податься, или родители еще содержат, материально помогают, а работа пусть и не вдохновляет, а все-таки интеллигентная. Такой вид учительства наносит большой вред. Духовно нищие, без горения, делают и своих воспитанников такими же. Мне всегда хочется спросить «Учителя года»: столько времени вы тратите на подготовку, а затем пожинание плодов «вознесения», что, наверное, забываете о своем прямом назначении — учить детей? А когда носятся с лозунгом «Лучший учитель города, государства, мира», не думают ли организаторы педагогического ШОУ, что хороших учителей у нас много, а удостаиваются внимания те, кто ближе к руководящей верхушке, пусть даже к педагогической? Если уж давать звания, то лучше давать «Лучший школьный коллектив», а еще лучше избавить от бесконечной чиновничьей бумажной волокиты, от которой стонут школы вместе с директорами, дать возможность работать по назначению.

ПЕРЕПОЛОХ

Документальный рассказ

Утром в группу пришла тетенька в белом халате. Мы испугались, думали — доктор! Будет уколы делать. А Мишка сказал:

— Не будут уколы делать! Потому что от тетеньки пахнет не доктором, а духами.

И правда! Она — комиссия.

(«Нам светит солнце ласково», М., Детлит, 1986 г.)

Неклюдовская осень

Утро дождливое, серое. Мокрые потемневшие листья облепили крыльцо, сплошным ковром выстилают лужайку перед домом. Порывистый холодный ветер обдирает последние листья с высокой липы, бросает на землю. Слякотно, сыро и грустно. Гуси

с красными лапами топчутся у воды. Гусак громко гогочет и, шипя, тянет в мою сторону гибкую, тонкую, пуховую белоснежную шею, на конце которой головка с расплющенным клювом. Всем своим видом он хочет показать, что намерен ущипнуть меня за пятку.

— Гуси, гуси, га-га-га! — начинаю я дразнить гусака. Гусак, почти распластавшись над землей, несется, пригнув к земле шипящий клюв. Я прибавляю шаг. Не хватало получить щипок от этого одноголового Змея-Горыныча. На мосту меня догоняет Стасик Петровский.

— Здравствуйте! Так вы у Евдохи квартируете?

— У Евдокии Ивановны живу, — отвечаю Стасику.

— Значит, у Евдохи, — вздыхает Стасик.

— Почему у Евдохи?

— Так ее в деревне называют. Храбрая вы.

— Почему так называют и почему храбрая?

— Не знаю. Евдоха да Евдоха. Бабушка говорила: ведьмуха она. А шишок не балует?

— Какой такой шишок?

— Вроде домового. В Евдохином доме давно живет, еще при ее бабке поселился. Считайте, что сто лет уж как прописался. К ней ведь никто не селится. Ее и шишка боятся. Подойдешь вечером к окну, в доме у Евдокии тени ходят по комнатам. Это шишок души сыновей, погибших где-то, приводит. А он, этот шишок, руками еще машет, видать, что-то рассказывает, но слов не слышно.

— Стасик, — пыталась разубедить я пацана, — это старушка от бессоницы по дому бродит. И не машет никто руками. При свете лампадки достает из шкафчика сердечные капли, на кусочек сахара накапывает, отсчитывает эти капельки.

Не обращая внимания на мои доводы, Стасик продолжал:

— Один бухгалтер, что из города приехал, пожил и сбежал. Шишок начал баловаться.

— Ну, Петровский, не знала. Ты, я вижу, мастер сказки рассказывать. И как же этот шишок балуется?

— С каждым по-разному. Узнает ваш характер и начнет донимать. Не хочу вас пугать. Поживете — узнаете.

— А ты, Стасик, и впрямь меня напугал. Темноты я боюсь. В городе, ты никому не говори, если дома нет никого, со светом спала. Здесь привыкаю, и бабка Евдокия рядом. Да что это мы, Стасик, сказками увлеклись? Ты мне лучше ответь: тот бухгалтер, из сельпо, не был пьяницей?

— Попивал. Его и с работы в сельпо за пьянство уволили.

— Вот и весь сказ о шишке. А почему ты на уроках не хочешь

сидеть? Учителей не слушаешь?

— Скучно мне, учат невесело, а сами даже метро в глаза не видели. В лесу — интереснее. Я люблю слушать, как говорят листья. Они шепчутся. И старые пни разговаривают, а ночью из них Светляки с фонариками вылетают. Или вот, к примеру, птицы. У каждой птахи — свой голос. Когда на петельку поймаю, смотрю, что у них там под клювом. А потом отпускаю. Зря говорят, я их не калечу! У каждой птицы свой голос. Та, что кричит «тинь-тинь», это Тинька! Дятла называю Стукачом, ворону — Крикокороной, совку — Сплюшкой-Круглоушкой, кукушку — Крикушкой.

— Заходи к Евдохе, — неожиданно для себя высказалась я, — у меня есть справочник, полистаешь определитель птичьих гнез. А вот и школа, наша красавица.

С разговорами быстро дошли.

Не «крестины», а регистрация

После занятий я зашла в сельмаг, что располагался рядом с «трактиром». Так называли деревенскую едальню близ проселочной дороги. Меня пригласили на «крестины» — так по старинке жители деревни тогда называли запись по случаю регистрации новорожденного в сельсовете. У Ивана Васильевича и Валентины Ивановны теперь есть дочь. По этому поводу в доме директора намечался торжественный ужин. Я очень торопилась. Что купить девочке? Такого обилия игрушек, одежды, как сейчас, тогда не было. Все предельно элементарно: на полках в сельпо хлеб, крупы, консервы, сахар, песок, соль. Вспомнив про соль, не могу не написать и эти строчки. Как только кто прослышит, что какая-либо напряженка в политике, жители деревни сразу бегут в сельпо покупать соль и спички. Вот как люди были напуганы проклятой войной.

Купив в магазине ткань повеселее, принялась кроить и шить на хозяйской ножной машинке крошечное платьице с рюшечками. Хорошо, что суббота, уроки к завтрашнему дню можно не учить. И вот платье сшито, украшено оборочками. Жаль, не на кого примерить. Когда заявилась на ужин, «бал» был в разгаре. Веселые учителя во главе с директором принялись журить за опоздание, но, увидев творение моих рук, простили.

После очередного тоста объявили кадриль. Я никогда не видела, как танцуют кадриль. Обученная разным бальным танцам, смело встала в круг. Ноги сами собой под гармошку

выделывали какие-то кренделя. А потом я свой крендель зацепила за чей-то крендель, и получилась небольшая свалка. Развеселившиеся вконец учителя опять под предводительством директора постановили: «В кратчайший срок выучить кадриль!» Оказывается, что никаких кренделей из ног выделывать не надо. Он очень прост. Как и русский деревенский человек с виду, так и танец народный — кадриль — не так и прост.

В квартире у директора было светло, весело, играл баян. Но было уже поздно. Василиса Ивановна ушла, Петр Михайлович решил заночевать у своего тестя, школьного сторожа. По-английски, не сказав ничего никому, вышла из дома. Отойдя от окон, оказалась в сплошной темноте. Небо словно слилось в единое целое с окружающим миром. На небе ни луны, ни звездочек. Сплошной мрак. Какие в деревне темные ночи! Впрямь тьмутаракань! Знаю: где-то здесь должен начинаться мост через Пудицу. Чуть под горочку. Яма перед мостом. Нащупываю перила. Вот сейчас перила закончатся, надо идти направо. Иду, словно полностью слепая. В деревне ни огонька. Потушены свечки, керосиновые лампы, все спят. Вот угол первого дома от реки, следующий — пятистенок бабки Евдокии, где я живу. Нащупываю колья, возле которых обычно кладу хворостину, чтобы днем отбиваться от бабкиного петуха. Хоть бы какой огонек вспыхнул!

Кажется, засветилась какая-то точка, похожая на светлячка. Может быть, это Евдохина лампадка? На миг сверкнул огонек. Вдруг волки? Но они пока держатся вдали от поселения. Рука коснулась дощатой стены. И словно маяк, в окне дома появился свет. Это Евдокия Ивановна зажгла керосиновую лампу. Слава богу, цела.

Поздняя неклюдовская осень

В памяти всплывает еще более поздняя осень. Побывав на октябрьских праздниках в Калинине, возвращаюсь в деревню. Монотонно по лужам шлепает холодный осенний дождь. Меховая шуба набухла, раскисла. «Хорошо, что сшила из меха водяной крысы», — пробую шутить сама с собой. Ноша с провизией и одеждой отяжелела. Ставлю на плечо сумку. Мокрые, леденящие кожу струйки заползают в рукава, пробиваются к спине. Быстро начинает темнеть.

Сбиться с дороги невозможно. Слева и справа тянутся широкие канавы с водой. За канавами заболоченный смешанный лес. Ноги в кожаных туфлях шагают, не разбирая дороги. Позади

осталось тридцать километров пешего хода от села Ильинского. Пройдена последняя деревня, от которой до дома Евдокии еще семь верст. «Заночевать бы там, — думала я, — ведь старушка предлагала». Так нет же! Такая упертая! Завтра по расписанию к первому уроку. Чавканье ног да шлепанье дождя — вот и вся симфония проселочной дороги.

Неожиданно в еле различимой кромешной темноте возник звук, протяжный, тоскливый. Собака? Откуда ей взяться? К возникшему звуку прибавился еще один — завывающий, с надрывом. А вот и еще, и еще! Целый хватающий за сердце хор. Вой приближался. Я прибавила шагу. Вдоль дороги вспыхнули голубые огоньки. Сомнений не оставалось. Волки! Это — волки! Ужас охватывает меня. Я никогда не видела этих хищников, но много о них читала и слышала. Бабка Евдокия рассказывала, что за последние три года расплодилось столько зубастых, что зимой не только скотину у многих порезали, но даже собак и кошек в деревне не осталось.

Голубые огоньки то удаляются, то исчезают, то вновь приближаются, вспыхивают близ дороги. Я задыхаюсь, уже не иду, а бегу, забыв про тяжелую сумку, про ухабины с водой, про дождь. А кругом воет и светится голубыми точками болото.

Маяками вспыхнули подслеповатые окна деревни, ставшей вдруг такой родной и близкой. А высокой березы, которая могла сказать, что конец пути, я не увидела. Было темно. Я бежала от волчьего воя, от дождя и черной осени.

В школу по реке

Утро ясное, морозное. Ветер сгоняет в ямы и канавы ворохи сухих листьев. Звонко трещат под ногами вчерашние лужи. Выискиваю замороженные стекла луж подлиннее, разбегаюсь и качусь по льду. За этим занятием меня застает Стасик Петровский.

— Правда, здорово?! — не удивившись поведению учительницы, говорит Петровский.

— Здорово! — признаюсь я.

— А давайте, — предлагает Стасик, — в школу рекой? Это ближе, чем верхом через бор.

Спускаемся на лед. Река промерзла сантиметра на три-четыре. Блестит как лакированная.

— Не провалимся? — спрашиваю Стасика, ступая ногой на скользкую поверхность.

— Не бойтесь! Лед крепкий!

Я осторожно иду, словно по воде. Очень неприятное ощущение оттого, что темный лед не покрыт снегом. Под прозрачным панцирем течет вода, и видно, как шевелятся водоросли, видны камни, плавающие рыбки. Двигаются они медленно, будто засыпают на ходу. В некоторых местах подо льдом большие пузыри.

— Газ скопился, — говорит Стасик, солидно выговаривая каждое слово. — Если пробить дыру, можно его поджечь. Мы с пацанами пробовали. Откуда он только берется? — вдруг забыв про свой взрослый поучительный тон, спрашивает Петровский.

— Это — болотный газ-метан. Образуется при гниении растений, — поясняю я.

Неожиданно Стас ложится на живот, плотно прижимает лицо к прозрачному льду. К нам подходит Ольхов.

— Ты чего? — спрашивает семиклассник, обращаясь к лежащему Стасу.

— Интересно. Как в аквариуме.

— В каком аквариуме?

— А ты чего, аквариума не видел?

— Не видел. И трамвая вживую. Только в кино.

— А я метро, — вздыхает Стас. — Летом с мамкой, она обещала, в Москву поедем. В метро сходим. Давай с нами! На трамвай поглазеешь.

— Не-а! Я пастушить буду. Вот брат из армии придет, тогда уж. А сейчас мамане надо помогать. Она у меня хворая. А бабка — совсем повернутая. Как малое дитя! Несет ее как новорожденную телуху.

Ребята разбегаются, скользят по льду. Я стесняюсь при ребятах это делать. Как-никак, учительница, а не ровесница-школьница.

— Сейчас бы конечки! — кричит Стас. — Лед такой гладкий, как на катке.

— Ребята! — кричу я, — так мы и до Медведицы докатимся! Пора к берегу поворачивать!

Лед потрескивает под ногами, видно, оседает у берега. Дорога до школы по реке и впрямь короче. Это по длине. А по времени — куда затратнее.

Кино привезли

На правах рассказа

Киношник в серой кепочке устанавливает киноаппарат. Вокруг крутятся мальчишки. Так охота все потрогать руками.

— Цыц, отвали! — цыкает в кепочке. — Не тронь аппаратуру!

В маленьком клубе людно. Скамейки со зрителями плотно прижимались друг к другу. Не пройти. Желающих больше, чем мест. Кто постарше — сидит, кто помоложе — подпирает стенки. Шумно от людского говора, от смеха, крика ребятишек.

— Хорошо, что кино приехало, — говорит дед Василий, — хоть с деревенскими повидаешься. А то все кот да кот Тишка. Эта кошачья морда да козлиная борода во где. — Дед широкой натруженной ладонью провел поперек шеи.

— Ах ты, Василий, пошто в колхоз не ходишь?

— Отпахал, Акулина, откосил. Себя еле ношу.

— Еле носишь, а пасеку держишь.

— А что не держать-то? Пчелка — тварь божья. Сама себя, да и меня, кормит.

— Почем медок-то?

— Какое там почем! Приходи, Акулинушка, так дам. — Дед Василий по-молодецки подкрутил усы. Глаза его из-под нависших бровей блеснули незабудками. — А что, Акулинушка, здорова ли сама? Не хвораешь?

Старая горластая Акулина, про которую говорили в деревне «чертова баба», аккуратно поправила платочек на голове, смущенно поджала губки.

— Всяко, Василий, бывает. — И замолчала.

Анастасия, физичка из новеньких учительш, взглянув на стариков, подумала: «Здесь молодыми были, здесь и старятся».

— Крути, Андрюха! Засиделись! — громко высказался широкоплечий парень в черном матросском бушлате.

— Кто это? — шепнула Анастасия, наклонившись к Антонине.

— Василисы сын, из армии пришел, пять лет во флоте служил,— неожиданно вдруг зарделась Антонина.

Антонина работает в школе седьмой год. Незамужняя невеста на селе — всегда первая невеста. Но жениха для нее не могли сыскать. Маленькая, аккуратненькая, а вот лицом не вышла. Будто топором вырублен крупный нос, широкий губастый рот. Украшают лицо только глаза — крупные, зеленые, с длинными ресницами. На каникулы домой Антонина не уезжает. В деревне поговаривали, что, наверное, у ней и дома-то нет! Расспрашивать никто не решался. Сама же Антонина ничего не рассказывала. Жила в учительском общежитии, на село уходить не хотела. Была со странностями, подолгу молчала, думая о чем-то своем. Как-то за учительским застольем призналась:

— Привыкла жить среди людей. Чем больше их вокруг, тем

веселее.

— Ничего парень, крепкий, сильный! — продолжала шептать Анастасия. — Чем не жених? Давай посватаемся? — Антонина странно взглянула на собеседницу, и только.

Прошло дней десять. Поздним вечером Анастасия сидела за столом, готовилась к занятиям. Скользнув взглядом по окну, вдруг увидела чье-то лицо, вскочила, задернула занавеску. Сердце отчаянно заколотилось.

— Кто там? — прошептала Анастасия. В стекло постучали тихо и робко.

— Откройте, — голос был хриплым и взволнованным.

— Сейчас… — в нерешительности остановилась у порога.

— Настюша, кто стучит-то? — сквозь сон спросила хозяйка из-за печки, где стояла ее кровать.

— Не знаю. Просят открыть.

— А чего медлишь? Человека ждать заставляешь.

— Вот уж одичала от деревенской жизни, что и людей стала бояться, — выдохнула Анастасия, взяла фонарик-жужжалку, вышла в сени.

Через дощатую дверь ощутила чье-то взволнованное дыхание. Волнение передалось и Анастасии. Положила руку на щеколду, отодвинула засов, увидела моряка из клуба. Большие голубые глаза смотрели на Анастасию, не отрываясь.

— Можно?

— Можно, — ответила Анастасия.

— Сергей! — сказал он и взял руку Анастасии.

— Настя, — тихо ответила Анастасия.

Сергей держал руку девушки, все крепче и крепче сжимая в своей шершавой ладони. Его широкая грудь коснулась Анастасии, сильные руки обхватили плечи, нежно и повелительно. «Что со мной? Почему не сопротивляюсь?»

Горячее дыхание обожгло шею, веки. Его жаркие губы коснулись ее губ. Отчего Анастасия качнулась, теряя силу и разум. Сергей подхватил ее на руки и понес. Куда? Зачем? Сладкая истома разливалась по всему телу. Только очутившись в сарае на мягком сене, вдруг опомнилась. Сергей продолжал целовать жарко и требовательно. Его тугое сильное обнаженное тело скользило по Настиному. Она, беспомощно затрепетав, отдала ему свое девичье. Страсть, словно цунами, накрыла обоих, превратив в единое целое. На жердочке недовольно затарахтел петух, крякнула утка.

— Ты прости меня. Я не хотел. Я думал сделать все как положено… Так уж получилось… Я женюсь. Завтра в сельсовет пойдем… — говорил Сергей еле слышно.

Дверь в дом была приоткрыта, но не заперта.

— Ты где была? — спросила хозяйка, подозрительно взглянув на Анастасию. — Думаю, куда раздетая-то. Не лето.

— Да вот... приходил гость... с ним постояла.

— Ох-хо-хо! — тяжело вздохнула старая женщина и отвернулась к стене. — Да сохранит тебя господь!

Утром неожиданно пришла Антонина с новостью:

— Морячок-то в город подался на обувную фабрику.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю! — уклончиво ответила Антонина. — В деревне все про все знают! Не город! — добавила уже странным голосом.

Анастасия отвернулась, чтобы та не заметила розовеющих от волнения щек.

— Знаешь, что я тебе скажу! — голос Антонины вдруг окреп, стал похож на натянутую стальную струну. — С Сергеем я до армии была знакома. Так вот. Любовь была, и не просто любовь. — Антонина залилась яркой краской. — Материнство волчихи в нас воет. Молодые все дуры. — Антонина говорила нахально, с вызовом. — Наши детдомовки из твоих кос войлок бы сделали! Перед женихом выкручивайся! Это уж твоя забота.

— О чем ты... говоришь?.. — пыталась что-то сказать Анастасия.

— Все о том... Не делай из меня дурочку. Сама через это прошла.

На пороге Антонина остановилась:

— Ты — красивая. У тебя жених в городе. А мне здесь куковать. Так не мешай!

Действительно, Анастасия вышла замуж, уехала. А Антонина? Незаметно растворилась в людской памяти.

Неклюдовская зима

Первая моя неклюдовская зима подкрадывалась с ночными заморозками незаметно, исподволь. Но однажды за одну ночь перекрасила все темное в белое. Оттого и ночи стали светлее. Иду по заснеженной тропинке к школе, тот же лес, но уже в зимнем убранстве. На широких еловых лапах пуховые подушечки снега вышиты крошечными лапками попрыгушек птичек-синичек. Ни шепота, ни крика. Лишь снег скрипит под ногами. Безмолвная первозданная тишина. Голые веточки поросли игольчатым инеем, стали белоснежно-фарфоровыми; тронешь чуть, осыпается это белое чудо, едва коснувшись теплой кожи рук и лица.

Спокойствие зимнего леса заколдовывает. Стою долго, словно замороженная, вбираю глазами в себя эту красоту и сожалею, что не умею ни рисовать, ни писать настоящих стихов.

На зимние январские каникулы меня отпустили в Калинин выходить замуж. В женихах — сокурсник, с которым мы продружили весь институт, — Владимир Васильевич Вахров. Володина мама, считая себя очень больной, а работала она преподавателем английского языка в школе №12, добилась, что сына по распределению никуда не отправили. Он трудился в школе №10 сначала в качестве лаборанта химического кабинета, потом преподавателя.

Расписывались мы в загсе, что располагался на площади Ленина в левом крыле здания администрации г. Твери. На углу стены сейчас укреплена памятная доска, оповещающая о том, что здесь в течение двух лет в должности вице-губернатора трудился великий сатирик Салтыков-Щедрин. В комнате, за стеной которой сейчас эта доска, и расписали нас за пять минут, словно не на долгие годы, а на разовый прием к врачу. Выйдя из загса женатыми, разошлись в разные стороны, каждый по своим делам. Свадьба была вечером на той же Новобежецкой, в том же доме на «вышке» в восьмиметровой комнате. Вынесли все вещи. Остался только длинный стол, покрытый белыми простынями да взятыми напрокат у соседей стульями и лавками. Главное место занимал Володин друг детства Сашка Гордиенко со своей будущей женой. На этой девушке Сашка женился потому, что она была дочерью большого по званию военного и имела дорогую настоящую меховую шубу. Был Алик Селенис и еще кто-то. Дарили мелкие предметы, а от Гордиенко обещание, что он что-то купит. Мама мужа Зинаида Сергеевна, пробыв на свадьбе несколько минут, ушла очень расстроенная. Во-первых, ее не устраивало жилище, в котором предстоит жить ее сыну. Во-вторых, она вообще не хотела иметь невестку, говоря, что сына растила для себя. Перед свадьбой предлагала мне откупиться. Но, оказывается, у нее были виды на московскую кандидатуру — на дочь генерала. А тут? Пусть и с красным дипломом, но семья репрессированных, дочь сторожихи. Одна комната на всех. С печным отоплением. С удобствами на улице. А воду надо носить в ведрах с Тверцы! Но я не припомню, чтобы муж принес хоть одно ведро воды. А надо было готовить пищу, стирать, каждый день купать новорожденную дочь Елену. Да и двадцать пеленок использовались в день. Это вам не фунт изюма съесть! О памперсах и не слышали мы — неандертальцы, как и о детских колготках.

Жили просто, как и все. И, между прочим, были счастливы

все двадцать лет. Говорят же, что может быть рай и в шалаше.

Но беда с этими мамочками, которые мечтают для сына — княжну, для дочери — князя. Не думая о том, что в будущем может быть как раз все наоборот: золушки станут царевнами, Иваны-дурачки — супругами тоже не последними, а князья — вахтерами. Батюшка у супружка оказался попорченным, и сынок в батюшку пошел, с червоточинкой. Заквасочка подвела. К тому же девиц непутевых вокруг — пруд пруди, вот и понесло по морю женскому плавать, собирать огрызки от других. А вот доченьки, внученьки с внуками, кровинушки к старости как магнитиком! Тянется к ним дряхлеющее нутро. Да вот ответной радости ни на грош!

Все, что было, давно поросло, пропылилось, но не забылось. Многое осталось в запретной зоне. Отрезанные куски души — не срастаются. А если срастаются, то остается шов. А шов либо чешется, либо болит. Зачем нужны людям швы? Библия гласит: надо прощать! Ошибки мелкие — нужно. Крупные — возможно. Но подлость, предательство — никогда. Не хочется выливать на чистые страницы мрачные воспоминания. А вот это можно.

В ту далекую зиму 1953 года после свадьбы возвращаюсь в Неклюдово замужней девушкой. От Калинина на автобусе через Горицы до села Ильинское, потом пешком тридцать километров, потом эти ненавистные семь. Заснеженная проселочная дорога, повсюду волчьи следы, но они не пугают. Светло, солнечно, морозно. Шагается легко и беззаботно. Каждую неделю получаю от Володи письма. Неожиданно приезжает сам. Набухшие мокрые сапоги, стертые до кровавых мозолей ноги. Как ему идти назад, если обувь еле-еле смог натянуть?

Была большая многолетняя любовь. Пережито вместе столько всего, о чем не хочется писать. Трудные были годы. Но мы принадлежали друг другу молодыми, сильными, красивыми, а не достались другим дряхлеющими, которым предстоит подбирать старость, тем, что не видели нас в расцвете лет.

Порой хочется обнять прошлое, прижать к себе, как прежде, и не отпускать в будущее. Не понимая своего счастья, идет по земле семейная пара от самого истока до конца. Желаю им долгого жизненного пути в здравии и разуме.

Тулупчик — не одежонка для выборов

Во время выборов мне как самому молодому члену избирательной комиссии поручают отвезти бюллетени по

голосованию в Кимры. Комиссия остается праздновать, несмотря на то, что наступила ночь. Меня упаковывают в овчинный тулуп с большим капюшоном, который все время падает на лицо и закрывает его до самого подбородка. На ногах валенки. И все большого размера — видно, сняли с крупного мужика. Усадили в сани-розвальни. В сани запряжен молодой горячий жеребчик. Впереди восседает возница. У меня в руках мешок с бюллетенями. Конь, стукнув копытом, понес сани по заснеженной проселочной дороге.

— Эй-эй! — покрикивает извозчик. — Эй-эй!

Несутся сани. На одном из резких поворотов я вываливаюсь прямо в сугроб как большой меховой куль. Пытаюсь подняться. Увязла в снегу. Длинный тяжелый тулуп не дает повернуться. Капюшон, упав на лицо, изолирует от мира. Из-за перекоса одежды не в силах от него освободиться. Но в руке крепко держу бесценный мешок. Потеря грозит политическим делом, особенно для меня. Нельзя потерять ни бумажки. Наконец высвобождаюсь, сбрасываю меховые оковы, бегу по следу от полозьев, кричу вслед удаляющимся саням. Извозчик, не замечая потери, сидит себе под хвостом бойкого жеребца, погоняет его кнутом, похлопывая по крутым бокам вожжами. Спешит. К утру надобно успеть доставить сведения вместе с его уполномоченным в штаб избирательного округа.

Несомненно, я и водитель коня нашли друг друга. Бумаги, то есть бюллетени голосования народа из деревень, привезены в срок.

А еще запомнился мне отчет о работе пионерской и комсомольской организаций за прошедший период. Без знания таких отчетов пишу целую поэму обо всех делах: о создании хора, о чтецах, о праздниках, об активной помощи колхозу по уборке урожая и т.д. Мне отчет возвращают, удивленно говоря:

— Вы что, никогда не писали отчетов? Протоколов собраний?

Отвечаю:

— Было дело. В институте совсем другое. Писаниной занималась Панина. А здесь — жизнь, да такая первозданная. Совместная работа с детьми и взрослыми, живущими в селе.

Не догадываюсь я, что становлюсь писателем. А вот известие о смерти И. Сталина 5 марта 1953 года не очень взволновало. Мое детство, отрочество могли быть совсем другими, кабы не культ этого человека. Хотя совершенно искренне верила и говорила, как все дети: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Отчетливо понимала роль руководителя страны в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. В одной из военных кинохроник, увиденных на рубеже двух столетий,

меня поразило очень уставшее исхудавшее лицо вождя.

Русская печь — не только чтобы хлеб испечь

И еще хочется рассказать о незабываемых событиях из неклюдовской жизни. Это процесс мытья своего тела не где-нибудь, а в русской печке. Мыться кое-как из тазика — дело знакомое. Вся жизнь во время войны была именно такой. Да и сейчас, когда отключают в домах горячую воду, хочешь не хочешь, вспомнишь то время. Но мыться внутри печи — большое искусство. А после? Ощущение легкости без уверенности, что где-то нет мазка от черной сажи. Страшно было первый раз влезать через топку в полуовальную черную пустоту. Наверное, потому печки на Руси делали такими большими, и лаз в нее не очень узеньким. Но все равно было страшно еще из-за того, что воду лить в печи нельзя. Бабка Евдокия заранее протопила печь. После того как печь немного остыла, выгребли из нее содержимое, застелила соломой днище внутри и шесток, вход перед топкой.

— Полезай, — говорит, — вона веник, похлещись, но не шлепай водой.

— А как же мыться? — спрашиваю я.

— Аккуратненько, из тазика. Но сначала посиди, попотей. Грязь и слезет.

Влезть-то влезла, уселась по-турецки, бабка в печку таз сунула. Вокруг не очень-то и черно. Видно, сажа выгорает. Это при выходе из печи надо аккуратничать. Ощущение не очень приятное, сидишь будто в склепе. Но телу нравится. Труднее было вылезать, боялась испачкаться, к тому же надо хорошо владеть своим телом. Возле печки стоял таз побольше. Вот тут-то я и отмылась. Эх, хороша русская печь! Недаром о ней в сказках-то сказывают. Это не только место, где выпекают хлеб, куда ставят горшки, чугунки, готовят пищу себе и животным. Это еще и баня, а сверху и сушилка, и спальня. Но почему в Неклюдове не было рубленых бань, тогда мне было непонятно.

Неклюдовская весна

Снег набухал, темнел. Лужи вперемешку с ледяными корками, покрывали деревенскую улицу. Впереди — неделя весенних каникул. В школе пусто, учащиеся из пансионата-

интерната разбежались по деревням. У местных учителей накопилось много домашних хозяйственных дел. А у меня? Одна забота — это петух. Кур хорошо водит, ни одного соседнего не подпустит. И курочка у него не забалует, яичко только в гнездо в хозяйском сарайчике снесет. А вот прохожим покоя не дает. Так и норовит в пятку клюнуть. Выхожу из дома всегда с хворостиной. Пройдя опасную петушиную зону, прячу хворостину под забором. Как оказалось (определил заезжий зоотехник), этот петух был из бойцовской породы. Бабке Евдокии в соседней деревне продали. Видно, там кому-то надоел. А откуда были его родители, неизвестно.

На весенние каникулы хотела съездить в Калинин, да вот беда: нет соответствующей обуви. Бабенка-соседка предложила резиновые сапоги. Холодно будет шагать по ледяным лужам, если на ноге всего- то один тонкий носок. Но решилась. Вышла из дома, дошла до края деревни — и все. Сапоги оказались дырявыми, ноги в них утонули в мокроте и холоде.

Закончились для меня первые и последние весенние неклюдовские каникулы. После начала занятий, как всегда, иду бором. Песчаная дорога, несмотря на ливни в течение недели, подсохла. Высокое чистое голубое небо наполнено звуками. Все вокруг чирикало, пиликало, звенело. Видимые и невидимые певцы по одному, а то и дуэтом или хором, многоголосо пели, создавая музыку очнувшегося от зимней спячки леса. Под деревьями пробиваются первые травинки. Набухшие почки на веточках нежатся от тепла солнечных лучей, готовясь к материнству. Я подошла к невысокой сосенке. Зеленые султанчики молодых побегов источали тонкий запах душистой смолы.

— А вы попробуйте! — услышала я вдруг голос Стасика Петровского, оказавшегося рядом. — Не бойтесь!

Я понюхала еще раз зеленый надлом, из которого сочился густой пахучий сок. Откусила. Еле уловимое ощущение приятного, смешанного с пахучей смолой и непротивным киселем наполняли рот. Я пожевала побег, выплюнула остатки.

— Ничего...

— А мне нравится! Ну я побежал! Хочу с дятлами поговорить. Почему не тутукают? Когда кукушки кукукают!

Научился рифмовать от деда Василия. Не случайна поговорка «С кем поведешься, от того и наберешься!» Дед плохому не научит.

Почему, рассказывая о весне, я употребила слово «последняя»? Потому, что мне разрешено, не отрабатывая еще два года, уехать в Калинин. Кимрским РОНО в те годы заведовал

немолодой, но думающий руководитель. Молодая, городская, а теперь еще и замужняя, учительница не приживется в деревне. Да и мужа-педагога, при всем желании, работой не обеспечить. Но главное состояло совсем в другом. Строились «закрытые» предприятия на так называемой Большой Волге. А в средней школе преподавал химию старый учитель, высланный на 101-й километр как враг народа.

— А вдруг он опасен? Лучше подальше, в медвежий угол, на всякий случай, — было дано указание.

Вот мое место в неклюдовской школе и понадобилось.

Тридцать лет спустя

Странное свойство человеческой души. Чем длиннее становится жизнь, тем острее, яснее желание встретиться со своей юностью, а также с местами, с которыми нас связывали молодые годы. Не имея физической возможности вернуться, стать снова молодым, нас неудержимо влечет в места, где прошли эти годы. Хочется снова пережить жизнь сначала, хоть на мгновение вернуться в юность.

Тридцать лет спустя, в 1983 году, еду в Неклюдово. Металлическая коняга, слегка подпрыгивая вместе с нами на выбоинах, проносится мимо деревенек, церковных строений, обшарпанных временем. Места здешние так и остались между главными магистралями страны. Где-то Большая Волга, АТС — столица атомной энергетики страны, Кимры и...

Жадно вглядываюсь в обочины дорог, в проносящиеся мимо лесные опушки, колхозные поля. Сколько было всего мной перевидано за тридцать лет с той поры, когда прошагивала эти километры. Вроде что- то знакомое? Но память не удержала. За канавами виднеется высокий смешанный лес.

— Знаете, сколько здесь грибов? — говорит инструктор райкома. — Красивые места.

— Знаю. А болота?

— Отступили болота. То ли сами высохли, то ли мелиорация помогла!

— Вот! Прошу еще разочек остановить машину.

— Дорожные знаки, знаки прошлого? — улыбается комсомольский руководитель.

— Да, — сначала задумчиво, затем, охваченная волнением, отвечаю я. — Не может быть! Это та же береза! Как-то во время грозы ее вершина была сломана. И вот две дочерние ветви

вымахали, образовав двуствольную крону. Увидишь березу — конец пути. За поворотом — Неклюдово.

Неклюдовская средняя школа оказалась расположенной в самой деревне в двухэтажном здании, специально построенным для учебных целей. Такие же огромные окна, как и в помещичьей усадьбе, только классы побольше. Много новых учителей. Но еще работает Варвара. Директора Ивана Васильевича нет в живых. Рано умер.

Все здесь и то, и не то. Дом бабки Евдокии заколочен. Словно огромный старый серый гриб, еще не сгнивший, но врастающий в землю, своим видом напомнил мне ту темную ночь возвращения с «крестин». Сейчас в деревне есть электрический свет, через реку Пудицу построен новый мост. Проселочная дорога не ахти какая, но рейсовые автобусы иногда доходят. Бывают случаи, что не может проехать все те же семь километров. Тогда люди идут, как в прежние времена, пешком. На дворе 1983 год. В эту самую минуту, когда я пишу эти строчки, меня охватило огромное желание увидеть эти километры спустя пятьдесят семь лет. Тем более, как мне рассказывали, в Неклюдовской школе создан музей, где на видном месте стоит мой трехтомник: «Моя книга-1», «Моя книга-2», «Моя книга-3», то есть я — экспонат не только Музея Салтыкова-Щедрина. Приятно быть при жизни музейным экспонатом, кусочком пусть литературной, но истории. Сожалею только, что тогда, в 1983 году, торопясь на автобус (он ходил только один раз в сутки и не всегда), не походила по улицам деревни, не дождалась Варвару, не заглянула, не потрогала стен того дома, где жила, не прошлась по лесу до бывшего здания школы. Мне тогда было всего пятьдесят два года.

Вернувшись в Кимры в ту маленькую убогую гостиницу, глядела лишь издали на здание Кимрского театра, находящегося тогда в запустении, не предполагая, что здесь со временем возникнет настоящий храм культуры, с прекрасным главным режиссером Олегом Алексеевичем Лавровым, а одной из ведущих драматических актрис будет девочка, которая пришла в мой детский авторский музыкальный театр маленькой толстенькой кубышечкой, дочь тверских врачей. Как говорили ее родители: «Хотели вырастить себе помощницу и смену, а вы сделали из нее актрису». Но Ирина Стародубцева не жалеет об этом.

В одном из магазинчиков я увидела стеклянный матовый колпак для настольной лампы. В мое отсутствие такой колпак на лампе случайно разбила моя бойкая внучка Маша. Именно эта, никому уже не нужная деталь, причем последняя, лежала в маленьком кимрском магазинчике и дожидалась меня, чтобы участвовать в восстановлении тогда уже устаревшей (но не в

конструкции) моей настольной лампы. До сих пор эта лампа стоит на кухонном столе более тридцати лет плюс еще двадцать шесть, временами зажигаемая и дающая ресторанный уют моему пищеблоку. А как этот колпак я везла? Примерно так же, как и полуистлевший из бумаги журналый лист, на котором полиграфией XIX века была изображена Мадонна. Его подарил мне старицкий краевед. Я ехала в автобусе, держа двумя руками, почти на весу, свои приобретения. Один раз из Старицы, другой раз — из Кимр. Кстати, тот вековой лист, похожий на тончайшую бумажку, сделанную будто из засохшей ириски, готовый в любой момент, крошась, рассыпаться, один художник замуровал под стекло, предварительно замазав все трещинки. Прекрасный портрет девушки был у меня, потом перекочевал к младшей дочери Тамаре в ее квартиру.

Возможно, кто-то скажет: какие мелочи жизни! Но для меня нет. Это приятные жизненные воспоминания, это история вещей. Это изюмины в белой булке.

Случай или судьба?

Всего один неполный год, а сколько всего было! Поездка в Кимры к сапожникам по пошиву обуви. Одна обувка из двухцветной лакированной кожи носилась так долго, что вышла из моды. Но в полуботинках остались неизношенными подошвы. А трагический случай, что мог унести мою жизнь? Эта поездка через Савелово в Москву? Не хочется вспоминать, а тем более писать, а пишу! Приехала из Неклюдова с оказией. Раннее утро. Город Кимры погружен в сон. Волга в густом тумане. Чтобы оказаться в столице, надо сначала с Кимрского берега попасть на Савеловский, а там уже поездом до Москвы. Этого большого моста в городе тогда еще не было. Через Волгу желающих перевозил катер с закрытым трюмом и открытой палубой.

Впереди меня к пристани торопливо шагает женщина с большой корзиной. Корзину случайно задевает пробегающий мимо парень. От сильного толчка из корзины на землю высыпается клюква.

— Чтоб тебя черти взяли! — кричит женщина парню, спешащему на катер.

Я не опаздываю, помогаю потерпевшей с подмерзающей вялой травы подобрать ягоды. Катер, дав гудок, отчалил от берега и ушел в густой молочный туман.

Через некоторое время со стороны Волги раздался странный

звук, какой-то скрежет. Плывущая по Волге груженая самоходная баржа столкнулась с катером, и он затонул вместе с людьми. В живых остался, как говорили, только капитан, потому что находился на палубе на своем капитанском мостике.

Случай или судьба? Я думаю, судьба, у каждого она своя. А еще я верю в ангелов-хранителей. А вот сколько у одного человека, никто не знает.

Позднее я поняла то, что жизнь, прожитая в Неклюдове, несмотря на отдаленность деревни от центральных городов, была для меня насыщена событиями, наполнена чувствами и стала стартовой площадкой в последующей двойной моей судьбе. Здесь дали всходы ранее выращенные зернышки: одно породившее педагогическую направленность, другое — писательскую.

Словно две веточки от одного корня, как у деревца по имени фикус Бенджамина, впоследствии переплетаясь между собой, срастаясь, создадут единый ствол, единое дерево, в моем случае — Жизнь.

Почему я сравниваю себя с фикусом, названным по имени американского просветителя второй половины XVIII века Франклином Бенджамином? С одним из авторов Декларации независимости США и Конституции?

Чисто случайное совпадение. Прекрасный добрый человек, библиотекарь детского отделения Герценовской библиотеки Инна Николаевна Игнатьева дарит мне проростки этого фикуса. Два нежных стебелька растут рядом, касаясь друг друга. Они меня пленили. И я подумала: как они похожи и в то же время такие разные! Пришла дочь Елена, заплела их в косичку и сказала:

— А теперь они срастутся вместе и дадут единый ствол.

«Это мой символ!» — решила я тогда, не зная, как называется это растение, чье оно имеет имя. Теперь знаю. Я — не Бенджамин. Это уж слишком! Но в чем-то схожа с Бенджамином: свободолюбива, непокорна, занимаюсь просветительством, борюсь за свою и правду других. И пусть это не 1776 год, а двести тридцать четыре года спустя, а вот возьму и назову четвертую главу — ФИКУС ФРАНКЛИНА БЕНДЖАМИНА. И назвала.

Глава 5. ВПОЛНЕ СЕРЬЕЗНО: УЧИТЬСЯ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Очередь на прием по вопросу трудоустройства на работу двигалась медленно. В кабинет входили и выходили учителя разных возрастов с грустными лицами. Свободных часов в школах не было. Вот прошли по коридору неторопливо, с достоинством, несколько женщин. «Видимо, директора школ», — подумала я, продолжая сидеть на шатком стуле возле дверей. Через две недели — первое сентября, а места в школе нет. Мысли на злополучную тему не оставляли меня: «Почему так все складывается? И сейчас, и с распределением на работу после института?» Два места в Калязине. Одно получил Мамаев, самый старший из нашей группы. Он тогда уже был членом партии. Другое место могли дать мне как окончившей институт с отличием. Но я уступила Нинке. Она хотела выйти замуж за Мамая. Таким образом, я оказалась в глухом медвежьем углу. Но и там мое место надо было уступить старому учителю с Большой Волги, высланному из Ленинграда. Сталин умер, а политические репрессированные еще являлись угрозой для страны. Право, смешно. Но факт.

Из кабинета вышла заведующая гороно, взглянув на меня, спросила:

— Специальность?

— Химик и биолог.

— В железнодорожную пойдете?

— В железнодорожную? — не поняла я.

— Конечно, школа не из лучших, к тому же мальчиковая. Есть часы по биологии в пятом и седьмом. Соглашаетесь?

— Соглашаюсь.

— Нина Петровна, — обратилась глава образования города к женщине-секретарю, — заготовьте приказ на учителя-почасовика.

— Диплом с отличием, — улыбнулась помощница, принимая от меня документы. — Подождите. Каждый час из школ звонят. У кого-нибудь еще что-нибудь припрятано.

— А можно?

— Можно, — зашептала Нина Петровна. — Я повременю с оформлением.

Я снова села на стул возле дверей кабинета, закрыла глаза.

— Вы что, уснули? — слегка коснулась моего плеча Нина Петровна. — Зайдите в кабинет.

Навстречу мне поднялась небольшого росточка худенькая

женщина с приятной улыбкой.

— Мы тут поговорили, решили предложить вам часы не в железнодорожной, а в вечерней школе для взрослых. Я — директор, собираю кадры. Стаж у вас один год, но документы ваши просмотрела. Хорошие отзывы с первого места работы. Да и диплом с красной строкой! Нагрузка — двенадцать часов пока. Не возражаете?

— В вечернюю? — удивилась я.

— Школа только создается. Нам ее и создавать. Классы однокомплектные, но мы будем расти. Меня зовут Антониной Ивановной.

Улыбчивость и оптимизм директорши как искра попали в материал, готовый гореть. Уже в коридоре гороно мы горячо обсуждаем вопрос, какая это будет школа. Члены профкома и заместитель директора комбината занимались организационными вопросами. Из помещения для школы ранее располагавшаяся там поликлиника уже выведена в новое здание за ворота.

С первого сентября 1953 года школа рабочей молодежи №5 при комбинате «Искож» Московского района г. Калинина начала работу.

Состав учащихся по возрасту был разным. Многим опытным, но уже немолодым руководителям производств было предложено получить среднее образование. А так как в школе будут заниматься рабочие, находившиеся в подчинении этих самых мастеров, было решено учить тех и других раздельно. Был создан специальный класс «старых мастеров». Позднее отдел образования направлял в школу подростков, исключенных из обычных учебных заведений за прогулы, за неуспеваемость, за плохое поведение. Работать с ними было трудно. Но рабочая среда положительно влияла на мальчишек. Нередко комбинат брал их в свои цеха в качестве учеников. Совместная работа школы и администрации давала хорошие результаты. В целом же по стране решался вопрос: все должны иметь среднее образование. Занятия в школе проходили в две смены четыре раза в неделю. То, что школа располагалась на территории комбината, было удобно: цех, столовая, класс — все рядом, экономия времени. А нам, учителям — классным руководителям, и того проще. Чуть что, ты уже в цехе:

— Почему не приходил на занятия?

Мне же как учителю при изучении определенных тем по органической химии легко было увязывать научные знания с практикой. Я даже проводила уроки прямо на рабочих местах учащихся. К примеру, завод №1 по производству каблуков и

подошв. Здесь натуральные и синтетические каучуки использовались для изготовления деталей обуви. Позднее я написала научно-познавательную сказку «История каучуковой капельки». А как-то летом работала в заводской экспериментальной лаборатории для того, чтобы лучше прочувствовать процесс изготовления микропористой резины. Сама изготовила пластину из микропорки. Только получилась она чуть толще, чуть плотнее по форме, но мягкой. Искожевцы подарили — мною выращенная пластина была использована при реставрации для сидения нашего мотоцикла с коляской. Я еще долго восседала на ней в качестве пассажира.

Комбинат «Химволокно», расположенный рядом со школой, давал мне возможность проводить практические занятия при изучении таких тем, как клетчатка, целлюлоза, искусственные волокна. В сказке «Один день кота Антона, или Где были Прошка и Сенька в понедельник» рассказано о том, как делается искусственный шелк, вискоза, штапель, капрон.

Позднее, побывав на Завидовской фабрике по производству елочных украшений, я написала сказку «От песчинки до елочной макушки», где было рассказано, как делаются стекло и даже зеркала.

В 1954 году у нас родилась дочь Елена, названная по имени моей белорусской бабушки Елены Харитоновны. В те годы женщины были в декретном отпуске всего два месяца. Один — до, другой — после. С дочерью, уволившись с работы, сидела моя мама Феврония Константиновна. Когда она уезжала в Ленинград хлопотать о возможном возвращении на прежнее место жительства, как и многие репрессированные, мне очень помогала учительница немецкого языка Анастасия, с которой вместе работали. Насте тоже было трудно. У ней на руках, кроме старого отца, была мама с парализованными ногами. Мы, как и прежде, жили в Затверечье в той же восьмиметровой комнате. В черте города через Волгу был только один мост. Других мостов не существовало.

Завернув ребенка в одеяло, я ехала на занятия трамваем через Тверецкий, затем через Старый Волжский, мост, потом по улице Советской, далее по Вагжанова до конечной остановки «Искож». В проходной передавала пухлый ватный сверток Насте. Анастасия, отработав свои часы, везла моего грудника назад домой тем же маршрутом.

Нелегкий 1957-й

Шел 1957 год. Мама возвратилась на жительство в Ленинград. У меня трехлетняя дочь. Володина мама наконец получает благоустроенную площадь в коммунальной квартире на улице Карпинского. Мы с Новобежецкой переезжаем в ее комнату по улице Каляева, дом 10, где прописан мой супруг.

Кстати …

Дом 10 на улице Каляева, ныне Симеоновской, сейчас собираются либо сносить, либо перестраивать. Я пыталась попасть в прошлое: побывать в той комнате, где мы жили. Но люди «кавказской национальности» двери не открыли. На Новобежецкой, где мы оказались в 1938 году в частном доме у Парменовых, была та же история! Жена покойного Володи Парменова, младшего сына Парменовых, в дом не впустила. А мне так хотелось ощутить прежнее жилье, посмотреть в то окно, в которое глядели в далеком детстве и мой брат, и Алик Селенис. Что за дикость притаилась в людях? Нас пятерых, двух женщин и троих малолетних детей, в тот довоенный 1938 год взяли на жительство в этот же самый дом их родители. Что стало с людьми? Почему так очерствели души?!

Комната на улице Каляева была странным жилищем. Входная дверь находилась на втором этаже. За дверью — небольшое темное, без окон, помещение с деревянной лестницей. Поднимаешься по ней и через полуовальную дыру-дверь оказываешься в своей комнате, которая находится уже на третьем этаже соседнего дома. Комната длинная, с одним окном. Вдоль стены умещались только наша кровать и кроватка дочери. В углу стол. Отопления никакого. Под деревянной лестницей — полка, на ней — керосинка. На ней готовили пищу. Туалет и вода в соседнем доме, куда открывалась входная дверь. Лену вожу в Затверецкий детский сад — так принято согласно прописке. Жизнь словно в калейдоскопе: день — ночь, ночь — день. А между ними — уроки, уроки… А может быть, эту жизнь сравнить с отрывным календарем? Не отказываюсь ни от какого количества часов, работаю по замене, по совместительству, в основном в мальчиковых школах.

Однажды всей семьей заболели — грипп. Мама Володи не приходит— боиться заразиться. Помочь некому. Приходится мне все делать, превозмогая состояние «не могу». Наверное, осложнение и дало перебои в сердце, тогда еще единичные.

Условия жизни невыносимые, учительские зарплаты — ничтожные. Хорошо, что ребенок в саду на питании. Сами питаемся кое-как, где придется. Я больше на кусках, всухомятку.

Нам по 27 лет. На мою беду, во мне зародился ребенок. Накануне операции вижу сон: две девочки в разных концах дивана. Слева сидит кругленькая, розовощекая. Справа — маленькая, сжавшаяся в комочек. И слышу ее голос: «Лена будет жить. А ты меня убить хочешь?» Всю жизнь, как камень, несу этот грех в себе.

1957 год был настолько физически трагичным, что не хочется о нем писать. А воспоминания все несут и несут меня дальше.

Мама живет в Ленинграде. После всех мытарств лежит в больнице. Феликс собирается оставить Калинин и тоже вернуться в родной город. Срочно ищем обмен, чтобы соединить восьмиметровую комнату в Затверечье примерно с такой же комнатой на улице Каляева. Наконец находим. Адрес: улица Правды (Новоторжская), дом 61, квартира 7. В самом центре города. Первый этаж, окнами во двор. Под нами жилой глубокий подвал, где обитают Маруся с пьяницей Мишкой, по прозвищу Подвальный.

Наступил 1958 год.

Жить по правде хорошо, а на Правде — лучше

У нас две комнаты с высокими потолками, с большими старинными окнами. Комнаты разделены белой, прекрасно сохранившейся двухстворчатой дверью и такой же белоснежной изразцовой печью с душником, выводящим после топки в помещение тепло. Но часто по окрашенным масляной краской синим стенам стекают выпотевающие капли конденсата. Дом очень старый — памятник архитектуры XIX века.

В комнатах деревянные полы, покрытые толстым, плотным, шоколадного цвета дореволюционным линолеумом на тканевой льняной основе. Я натираю его восковой мастикой, как паркет. Полы блестят, отражают стулья в чехлах, сшитых из белой ткани. Словно на картине «Ленин в Смольном». Чехлы на стульях не для сохранения дорогих обшивок сидений. Они для того, чтобы не было видно их изношенной рвани. Многие нам достались от жилконторы, которая располагалась в этом помещении ранее. Потому и стены синего цвета.

На общей кухне еще две семьи. Одна комната — переселенческая, и жильцы периодически меняются. Под лестницей, ведущей на второй этаж, туалет, пусть каменный, холодный, но с канализацией. Наконец-то в нашей жизни появилась вода не из Тверцы, доставляемая в ведрах на собственных плечах с помощью коромысла, не из соседнего

подъезда, а из своего кухонного водопровода. Старая чугунная (когда-то эмалированная) раковина не пугает своим видом.

На большой кухне большой стол, на нем керогаз. Затем появилась газовая плита. Баллонный газ покупаем совместно с соседями. Они, особенно из переселенцев, следят за тем, кто и сколько сжигает голубого топлива. Оговаривают тех, кто забыл выключить газ под кипящим чайником. Конфорки для чистки закреплены за жильцами. Электросчетчик тоже общий. Но по оплате за потребляемую электроэнергию не возникает никаких проблем. Стоит электричество копейки.

Из коммунальной квартиры два выхода. Одна дверь — парадная, на улицу Правды (ныне Новоторжская), другая, задняя, — во двор.

Все как у благородных тверских мещан. В 1971 году старинный дом изничтожили. Сейчас на его месте новое строение, в нем — аптека с высоким крыльцом, а на месте нашей коммунальной квартиры — магазин «ЗАО «Хлеб».

Во дворе под окнами росла береза. Справа — сараи. Там разводил кур бывший сотрудник органов, пенсионер, что жил над нами. Слева — учреждение «Трест столовых». В глубине двора большой, с широкими воротами, пустой сарай, закрытый на железный засов. Видно, бывший амбар. Но это не просто сарай, а исторически зафиксированный в коротком сообщении газеты «Калининская правда». В 1961 году родилась вторая дочь, назвали Тамарой. Нас теперь четверо.

Лось

Документальный рассказ

Как уж получилось, известно только ему — крупному сохатому, с большими рогами, оказаться не только в городе, а в самом его центре. За углом ведь памятник Ленину, Центральный государственный сберегательный банк СССР, тогда еще единственный крупный, под номером 13.

Рано утром мы проснулись оттого, что кто-то колотил в стену чем-то твердым. Это был лось. И колотил он копытами передних ног, будучи загнанным в угол нашего двора, оказавшись между кирпичной стеной дома и примыкающего, обшитого досками, заднего выхода во двор со второго этажа. Лось бился, не зная, куда бежать. Увидев его морду, лосиные рога, от страха, что он сейчас разобьет раму и влетит через широкий проем окна в комнату, где спят дети, я схватила что попало под руку и, размахивая цветным халатом, прыгнула на подоконник. Лось отпрянул, сиганув в сторону, с грохотом покатился по лестнице, ведущей к соседям, живущим под нами. Мишка Подвальный, еще

не отрезвев от вчерашней выпивки, услышав шум, пытался выйти из своей полуподземной квартиры. Но, увидев морду, да еще с рогами, решил, что напился до чертиков крупного размера. Однако это не помешало ему сунуть в морду лосю драный березовый голик. От чего незваный гость мигом оказался во дворе, по которому бегали и кричали какие-то люди в штатском и одетые в синюю форменную милицейскую одежду. Один товарищ успел открыть высокие и широкие ворота большого сарая. Лось ринулся туда, где его и закрыли, благо был крепкий железный засов. Потом привезли металлическую клеть, установили напротив выхода из сарая. Когда ворота осторожно открыли, перепуганное животное рвануло вперед и оказалось в клетке. Огромный подъемный кран из соседнего дома через крышу опустил длинную руку, поднял тяжелую клетку с лосем и опустил в кузов грузовика. Лось не буйствовал. Кто-то каким-то

образом сумел воткнуть в его тело шприц с успокоительным. Говорили, что непрошеного гостя увезли в лес и выпустили, наказав не разгуливать по городу, не заходить в чужие дворы, не заглядывать в окна, а быть там, где положено, — в лесу.

По этому поводу я и вспомнила газету «Калининская правда». Тогда, потрясенная событиями, сообщила какому-то зашоренному, со скучающим лицом журналисту, нехотя принимавшему информацию. А был тем журналистом, оказывается, Дмитрий Званцев, скучающий, спокойно сидящий в кабинете. Я же, содрогаясь, долго думала про лося: что стало с нами, если бы он через окно оказался в жилище? Страшно представить.

Сейчас, когда пишу эти строки, вспоминая Мишку, лося, драный голик, хохочу над тем, как сосед, этот самый Мишка Подвальный, с выпученными глазами рассказывал своим приятелям, что видел огромнейшего черта с огромаднейшими рогами, и советовал:

— Чтобы видеть чертей меньшего размера, надо поменьше пить.

Молодая улыбчивая директорша в школе уже давно не работала. Вышла замуж за военного и уехала. Школой руководил Алексей Иванович Селянкин. Жена директора, судья по специальности, — жесткая строгая дама. И поэтому у него любовь с одинокой худенькой учительницей по физике — Альбиной Черняевой. Позднее, когда Алексей Иванович, вернувшись с охоты, лежа в ванне, внезапно умер, его жена Евгения продолжала ненавидеть весь наш учительский коллектив. Мы-то при чем тут? Видно, за то, что знали, а не выдавали директора. И

даже цветы, что приносила Аля на могилу, выбрасывала в урну. Алексей Иванович был нормальным руководителем школы, к тому же добрым, общительным, не требовал невозможного. Припоминаю такой случай. Для методического стенда нужна была статья. Меня попросили, я написала. Висит стенд уже год.

— Надо, — говорит директор, — стенд-то обновить.

— Надо, — соглашаются учителя.

— А для чего? — спрашиваю я. — Никто же ничего, что написано на нем, не читает.

— Я читаю, — говорит директор.

— Тогда, — подвожу его к своей писанине, — прочитайте это.

— Что? — возмутился директор. — Анекдот в текст вписала?

Но меня он не наказал. Сам, говорит, хорош!

При Селянкине мне часто приходилось брать уже вторую дочь на занятия. У Вахрова то собрания, то еще что. Как оказалось, погулять он был не дурак. А мама его тоже не рвалась в новое звание. Будучи учительницей английского языка, не желая, чтобы девочки называли ее бабушкой, велела величать по-английски — Греня. Мои дочери так и обращались: «Бабушка Греня». Когда муж оставался в няньках, Греня приходила и отпускала его на «выгул».

Одним словом, мой младший ребенок с младенчества тоже часто бывал в школе. Пока я вела уроки, с Томкой занимались и учителя, и библиотекарь, и Алексей Иванович. А иногда и свободные от занятий взрослые ученики. Коллектив наш был замечательный: Вера, Раиса, Валентина — одна и другая, Альбина, Андрей.

Часть наших учащихся впоследствии получили высшее образование, стали руководителями производств. А старшие, уже при нас получив звание пенсионеров, с благодарностью вспоминали дни учебы, подарившие им не только знания, но и новое ощущение жизни, которого были лишены, — почувствовать себя школярами.

Хочу спросить: зачем сносить?

1970 год. Когда жильцов расселяли, готовя дом под снос, мы оказались последними переселенцами. Парадная дверь была заколочена. Войти в дом и выйти из него можно было только через нашу кухню. С нас взяли слово, что дом сохраним в целости. Многие пытались попасть в пустое двухэтажное здание, надеясь что-либо взять и использовать в хозяйстве. Мы, как наемные воины, держали оборону. Но приходилось защищаться

не только от людей, но и от грызунов. С крысами мы боролись сообща, еще живя с соседями. Помню, как дядя Ваня, поймав однажды крупный экземпляр в крысоловке, облил чем-то горючим, а потом обожженную, страшно кричащую крысу выпустил из клетки. После применения такой методики ни одна тварь не появлялась на нашей кухне. А вот мыши в пустом доме буквально пошли на штурм. Особенно неприятно было по вечерам и ночью. Даже при электрическом свете они, не стесняясь, бегали по комнатам, залезали на буфет, лезли повсюду. Но иногда затевали игры. Носились прямо по занавескам то вверх, то вниз. Гонялись друг за другом, кувыркались, пищали на все голоса. Я никогда не видела такого мышиного веселья.

Дом-то мы сохранили. А лучше бы людям на детали раздали. Много строительного материала получили бы для своих дач: и добротные бревна, и доски от пристройки, видно, чем-то пропитанные, а потому крепкие, и напольные покрытия — старинный линолеум. Часть его срезал хороший человек для своей квартиры. И слава богу! Из-за бесхозяйственности даже прекрасного литья чугунные ворота под гусеницами экскаватора превратились в груду металлического лома! Все пошло на слом. Вид красивых ворот запечатлен на семейной фотографии, где изображены я и мои дочери незадолго до того, как мы покидали дом №61 на улице Правды и переезжали в спальный микрорайон «Чайка». На месте нашего дома теперь аптека и магазин, рядом — старый особняк, где балкон держат атланты и где сейчас магазин «Андреев-Софт».

А еще хочется рассказать об удивительном цветном итальянском изразце, украшавшем печку наших соседей. И дом, и этот изразец пришли к нам из XIX века. Изразец был выпуклый, цветной, часть его в виде красивых роз. Я не могла допустить, чтобы кто-то из обычных людей его поколол. А потому обратилась, боюсь ошибиться (прошло тридцать лет), не то к музейным художникам, не то к реставраторам. Пришел мастер, аккуратно разобрал печь, разложил изразец на полу. Сразу видно, что работает специалист. Потом изразец увезли якобы в Музей тверского быта. Но я его никогда и нигде не увидела. Кто-то, оценив эту историческую красоту, прибрал для себя. И где-то этот изразец украшает чью-то печь. Неожиданное знакомство с Владимиром Ивановичем Образцовым, членом Союза архитекторов России, членом Всемирной академии мира при ЮНЕСКО ООН и академиком Международной академии духовного единства народов мира, профессором, пролило свет. По телефону мы с ним разговорились на эту тему, и он обещал

мне кое-что рассказать. Ничто в мире не пропадает, если это имеет ценность не на уровне кухни.

И действительно, всплыла эта информация при участии Владимира Ивановича Образцова и архитектора Сергея Николаевича Семенова, члена Союза архитекторов России, члена-корреспондента Верхневолжской инженерной академии, полковника СКФ, атамана Тверского областного братства казаков, заместителя главного архитектора в прошлом.

Изразец оказался на даче, что стоит на Тверце, в дачном домике у бывшего главного архитектора (с 1967 по 1975 годы) Валерия Фролова и украшает его печку. Вот так-то, сорок лет спустя, нашелся и дал о себе знать, шагнув из 1970 года в XXI век, итальянский изразец. Жаль только, что не вместе со старинным домом, в котором мы жили на улице Правды.

Продолжаю воспоминания о ШРМ

Постепенно ШРМ №5 стала пополняться не за счет рабочей молодежи комбината, а за счет филиала Учреждения ОН-55/1, что находился в Больших Перемерках. На занятия в зону мы ездили один раз в неделю по очереди, как шутили, «на исправление». Затем филиал отпочковался, превратившись в школу рабочей молодежи №8. Директорствовать ушла наша учительница Баранова Вера Ивановна. Через некоторое время перешла полностью туда работать и я. Причин было много, но основные две. Во-первых, школа располагалась вне комбината, там некого было доучивать. Школа в отдаленном районе. Учащиеся с разных производств и мест жительства. Надоело гоняться за учениками, сохраняя контингент. Школы рабочей молодежи постепенно утрачивали свое значение, уменьшались количественно. А какое положение занимают эти школы сейчас? После девятого класса, если учащиеся не идут в десятый, то поступают в училище получать профессию и среднее кое-какоечное образование или в техникумы — в профессиональные колледжи. А если идут в ШРМ, то приобретают уродливую форму образования: документ есть, знаний — нет!

Во-вторых, семейные обстоятельства складывались так, что надо было растить двух дочерей одной. Зарплата в вечерних школах на пятнадцать процентов ниже, чем в дневных. А на зоне на двадцать пять процентов выше.

За годы работы в ШРМ №5, то есть с 1953 по 1970 годы, преподавала по совместительству и в детских школах, где

учились только мальчики, и там, где учились только девочки. Потом школы стали опять смешанными. Но большая часть моей педагогической деятельности была связана с учебными заведениями, где учились мальчики и взрослые, а потом, работа в школе, где учащиеся будут только мужчины, пусть и с лишением прав по суду, меня не пугала. И с зоной я уже была знакома.

Рассказано по случаю…

За тринадцать лет жизни на улице Правды произошло много всяких событий — полет Юрия Гагарина, рождение второй дочери Тамары, а перед тем — потеря ребенка, что могло стоить моей жизни, всевозможные решения и постановления партии, которые мы обсуждали и пропагандировали, будучи агитаторами, операция старшей дочери Елены, бесконечные болезни младшей дочери (видимо, оттого, что квартира, пусть и с печным отоплением, была все же сырой, с окнами, обращенными на север, без единого солнечного луча), я тоже страдала от заболевания дыхательных путей — от развивающейся бронхиальной астмы. А однажды уехала с детьми на Азовское море, тем самым покончив с болезнями у старшей дочери Елены в виде постоянных ангин.

Много чего изменилось за эти годы, но я оставалась верна себе в том плане, что с наступлением летнего сезона брала с собой детей и уезжала работать в пионерский лагерь на все лето, тем самым давая свободу от семьи мужу. Полное доверие привело к предательству.

Глава 6. ЗА ЗАПРЕТНОЙ ЧЕРТОЙ

Прежде чем знакомиться с жизнью сокрытого от людских глаз мирка, хочется сказать следующее. Повесть «Зона» — литературно-документальное повествование с включением в нее как документальных рассказов — «Не строй глазки», «Цыганская любовь», так и чисто литературных произведений («Роковой случай» и другие). Имена, фамилии учащихся и преподавателей изменены, как и ход некоторых событий в данном заведении усиленного режима. Так как повесть документального характера, образ Варвары частично документален. Биографии действующих лиц не надо воспринимать на все сто процентов! Однако хочу заметить: сколько бы внешне ни изменилась зона, порядки в местах лишения свободы остались те же.

Не строй глазки

Документальный рассказ

Случались в зоне и любовные интрижки. Помню, неожиданно появилась молодая, кругленькая, пухленькая учительша. Мы, старшие педагоги, предупреждали: «Не строй глазки! Не крути длинной косой. Мужчины здесь сидят голодные по женской части». Она же купалась в комплиментах и ухаживаниях. Не преподавала, а играла на уроках в знаки внимания. Чем все это кончилось? Увольнением. И правильно. А то были бы в зоне события областного масштаба, подобно тому, что описано в рассказе «Роковой случай».

Шел 1970 год. Пришла в школу преподавать физику Нинка (не помню, с каким отчеством). На голове — кудрявый черный шиньон, на шпильках, и бант сзади. Платье носила (раз сказали) длинное и очень. На брюки тогда у женщин не было моды. Незамужняя, сухая телом, чуть смахивала на цыганку. И, конечно, осужденный цыган влюбился. Да так страстно, что Нинка сходила с ума. А он обещал, как освободится, жениться. Что происходило, когда класс пустел, а они оставались вдвоем, ежу понятно. Дверь снаружи, естественно, охраняли дружки.

И вот цыган освобождается. Конец срока. За воротами зоны его встречает цыганский табор. А Нинка? Да зачем ему с черным искусственным крашеным шиньоном не совсем молодая училка? Его встречает молоденькая натуральная цыганочка.

Испытание

Толстые, блестящие, словно покрытые черным лаком, птицы, лениво склевывая белесовато-красных земляных червей, неторопливо разгуливали по свежеперепаханному полю.

— Вот и осень. В путь-дороженьку собираются! — подумала о грачах Варвара, энергично шагая по утоптанной до асфальта тропинке через зеленую луговину мимо говорливо тарахтевшего трактора. — Весной вернутся — одни только носы торчать будут, как у моих подопечных.

Оранжевый диск солнца выплывал из-за горизонта, перекрашивая все в другие тона.

— Ну и выдалась нынче осень. Лету красному не отцвести. Теплынь-то какая! — улыбнулась Варвара, любуясь красками рождающегося дня. Память неожиданно выдала такой же ясный осенний день. Случилась та история примерно за месяц до октябрьских праздников. За плечами у Варвары был уже большой педагогический опыт. Но из-за специфики новой работы не все складывалось сразу гладко и складно.

В перемену к учительскому столу подсели двое.

— Варвара Александровна, — попросил один из восьмиклассников, — принесите, пожалуйста, флакончик одеколона для бритья, ради скорого праздника.

— Что вы! — вспыхнула Варвара. — В нашей школе это не положено.

— На «малолетке» учителя приносили, — нагло врал другой. — Значит, принесете?

— Нет. Я этого делать не стану.

— Ну смотрите! — пообещал первый.

Через несколько дней этот «ну смотрите» появился. Во время урока кто-то вызвал Варвару в коридор. В вестибюле школы было пусто. Из-за шторы выскочил незнакомый паренек. Нашивки с фамилией на одежде осужденного, как и номера отряда, не было. Парень распахнул ватник, и Варвара увидела небольшой нож с узким острым, напоминающим жало змеи, лезвием. Все произошло само собой. Неожиданно для себя схватила незнакомца за шиворот и толкнула к двери.

— Сейчас же уходите, — глухо выдохнула из себя Варвара. Вернувшись в класс, не смогла сдержать себя, разбушевалась: — Мы распинаемся, уму-разуму учим, а они? Будто я не знаю, что такое нож. Его дружки здесь сидят, так и передайте шпагоносителю кухонного инвентаря, динозавру двуногому: вымирающая он форма жизни.

В классе молчали. Те двое, что просили принести одеколон, не поднимали на Варвару глаз. Потом уж она поняла, что этот «ну

смотрите» только исполнитель чьей-то воли — «шестерка». Он мог свободно ткнуть ножом, если бы был дан на то приказ «авторитета». Варвару просто пугали.

После, как потом шутила Варвара Александровна, «испытания страхом» стала тверже ходить по зоне. А познав законы этого мирка, позволять себе и шутки.

— Да! Острое слово, незапачканная репутация, честность, справедливость, доверительность по отношению к лицам, лишенным гражданских прав по суду, должны быть в арсенале работающих по перевоспитанию! — думала Варвара, шагая сейчас по знакомой тропе в сторону сокрытого от людских глаз заведения под номерным знаком — в сторону ИТК — исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

На путях железнодорожной ветки, как всегда, стояли товарные вагоны. Их Варвара заприметила еще издали.

— Хорошо, что не цистерны с кислотой без переходных площадок. Шагай тогда в обход чуть ли не целый километр.

Вагоны нервно двигались, гремели металлическими буферами.

— Паровоз цепляют, — заспешила Варвара, — успею.

Она ухватилась за поручни, подтянулась на руках, быстро перемахнула площадку. Вагоны медленно двинулись и неторопливо поплыли в сторону ТЭЦ, увозя уголь. Но Варвара уже стояла по другую сторону состава.

— Опять вы нарушаете дорожные правила! — сильный мужской голос принадлежал высокому худощавому офицеру.

— А вы, товарищ Вахин, разве не нарушитель? Сюда же направляетесь! — не растерялась Варвара.

— Пойман с поличным! — засмеялся замполит. — Каюсь, Варвара Александровна, привык напрямую ходить, что со мной поделаешь!

Начищенные пуговицы кителя горели выпуклыми золотыми медальками. Солнечные зайчики, отскочив от широких дверей обшитых блестящей жестью ползущих вагонов, запрыгали по майорским звездочкам, скользнули по лакированному козырьку офицерской фуражки.

— А почему бы вам, Варвара Батьковна, не ездить до зоны автобусом? — уже серьезнее спросил замполит.

— А мне напрямую тоже удобнее. Если между сменами ухожу домой, экономлю целых четыре часа! — смешливые нотки не покидали Варвару.

— Ну-ну, экономка. На занятия не опоздайте! Хотя, — Вахин взглянул на часы, — еще успеете. А я вот с дежурства.

— ЧП?

— Да нет, — уклончиво ответил замполит, — по графику выпало.

— Юрий Петрович, двигается! — Варвара кивнула головой в сторону моста. — Цистерны ползут, не пришлось бы под вагоны нырять.

— Это уж никуда не годится!

— Наши юркают, — улыбнулась Варвара.

— Юркают... Вот вашим от наших, совершенно серьезно, строгое предупреждение делаю. Таки передайте, лично от моего имени! Взрослые люди, учителя. Юркают! Методический кабинет видели? Доделали! Приходите взглянуть! — выкрикнул Вахин, перепрыгивая через рельсы под самым носом лупоглазого паровоза.

Вышагивая свои оставшиеся два километра, Варвара думала о Вахине. «Ответственный человек — Юрий Петрович. С личным временем не считается. Лишенные прав по суду зеки, как их именуют в народе, уважают замполита за справедливость и прямоту. Парадокс! Сами переступили закон, а хотят от других честного к себе отношения?» Мысли ползли неторопливо. Дорога длинная, ничто не отвлекает. «Золотые у Вахина руки, да и голова — не медь. Действительно, «единство формы и содержания» — последнюю фразу Варвара произнесла вслух. Она любила разговаривать с деревьями, с птицами, сама с собой, когда вокруг безлюдно. «Надо обязательно заглянуть в методический. Только сегодня не получится. Трудный день, две смены — ни окошка, ни форточки, уроки подряд. Еще совет воспитателей. А вот завтра непременно зайду. — И снова мысли, набегающие одна на другую. — Посоветоваться бы тогда с Юрием Петровичем, может быть, не произошло и другого случая? Так нет! Решила, что «сами с усами», не первый год в школе! А не учла того, что в этой системе проработала всего-то пшик!»

Случилось это примерно месяцев через шесть после «испытания страхом». Как-то на воспитательном часе шел разговор о красоте рук человеческих: о красоте стекла в руках стеклодувов, о красоте дерева в руках резчиков, о рабочей красоте разных профессий. Шел разговор о том, что может делать человек, любящий свою работу.

— А сколько безымянных художников! — воскликнул Сумочкин. — Вы бы посмотрели, что у нас на зоне ребята делают. А оперу не напишете?

— Какую еще оперу? — не сразу поняла Варвара. — Но, уяснив, что разговор идет об оперативном работнике, рассмеялась. Познать человека, которого тебе поручили воспитывать, а тем более перевоспитывать, который

формировался многие годы в чужеродной среде, — дело нелегкое, порой невозможное. Если человек доверяет, открывает душу, то надо войти в его мир, понять, помочь. Руководствуясь этими принципами, Варвара и дала согласие взглянуть на то, что «делают на зоне».

Через день Сумочкин принес два кольца и медальон. Вещицы действительно были неплохими. Эти поделки, особенно медальон, были оценены по достоинству. Потом уже, на классных часах, Варвара показывала учащимся изделия хохломских художников, изделия из стекла, приносила дымковскую игрушку, проспекты с выставок — все то, что продается в магазинах художественных промыслов. Для чего? Для того, чтобы умалить роль местного кустарного поделывания, так как в промышленной зоне, где работали осужденные, «безымянные художники», чтобы добыть кусочек цветной пластмассы, кусочек цветного металла, приводили порой в негодность ценное оборудование. Но это было потом. А тогда?

На другой день после смотра «что делают на зоне» Сумочкин принес книгу и предложил Варваре дома почитать. Если бы она была поопытней да побольше знала о местных делах, все было бы иначе. Но она об этом тогда не думала. Удивило только то, что книга, при ее объеме, была легковесной. А еще заметила: когда книга легла поверх классного журнала, как у Кудрявцева перехватило дыхание. В учительской, сев за свой стол, Варвара раскрыла книгу и вспыхнула. Листы по центру были аккуратно вырезаны в виде прямоугольника. В пустом пространстве лежали два пакетика. В одном — медальон, в другом — бумажка достоинством в сто рублей и записка. Варвара с ужасом запихнула все, кроме записки, обратно.

«Что делать? Идти к Шурбинскому? Сегодня он ДПНК — дежурный помощник начальника колонии. Но стоит ли? Этого, — как называла про себя Варвара, — солдафона надо самого еще воспитывать. А может быть, он и прав? Здесь так и нужно работать? Выталкивать за дверь, кричать, неуважительно обращаться с осужденными? Но когда зло порождало добро? В комбинатовской вечерней школе все было иначе. Не надо было думать о двойном значении слова, можно было угостить учащегося конфетой. И это не расценивалось как преступление, а было нормой отношений между людьми. И вообще там было все по-другому. Жаль, что Юрия Петровича нет в зоне. Вернуть книгу и как можно быстрее!» — мгновенно созрело решение.

Сумочкина в классе не оказалось. Его отпустила учительница литературы в санчасть. И тут Варвара вспомнила, как перехватило дыхание у Кудрявцева. Значит — в курсе.

— Кудрявцев, срочно найди Сумочкина! — строго приказала Варвара.

Быстрее молнии свершилось остальное. В пустом классе Варвара выговаривала Сумочкину: «Зачем вы втягиваете меня в свои дела?»

— Что вы! Обижаете. Вы меня неправильно поняли. Медальон — мой подарок как учителю от ученика. А деньги? Разве трудно разменять? — наивно уверял Варвару Сумочкин.

— Нетрудно. Но деньги в зоне иметь не положено. «Да и что на них можно здесь купить? — недоумевала тогда про себя Варвара. — В ларьке на наличные же ничего не продают? Правда, и на два рубля в декаду, выписанных из заработанных денег, не разгуляешься! Табак, спички, тетради, конверты, маргарин, конфеты-сосульки».

— Простите, Варвара Александровна. Я вас уважаю, но думаю...

— Думать надо, например, когда решаете задачи по контрольной. Кстати, у вас опять двойка. А записку я оставлю себе на память, чтобы и мне думалось.

Вечером дома Варвара раскрыла рабочую тетрадь, развернула тщательно сложенный лист бумаги.

«Уважаемая Варвара Александровна! Я не хочу на что-то претендовать, но надеюсь, что вы меня поймете правильно. Здесь делают вещи, которые не стыдно показать людям: чеканка по металлу, рисованные портреты, выжигания по дереву, украшения. Если вас это интересует, напишите мне таким же манером, а я тогда напишу вам, что к чему. Уверяю, грелки со спиртным, бутылки, отпадают. Слишком грубый товар. Конспирацию гарантирую лично. А с шуриками у меня ничего общего нет. Этого способа передачи никто на зоне не знает. Что касается меня, так скажу в двух словах: если возникнет из-за меня какая-нибудь неприятность, то я освобождаюсь десятого июля этого года, и вы будете иметь полное право заплевать мне лицо при родственниках. Эту деньгу разменяйте по пятеркам, ну и для солидности купите баночку кофе и пару плиток шоколада, сколько войдет. Предлагать деньги пока не буду. Пишите впрямую, я пойму, все-таки лагерь. Когда будете передавать, книгу положите на стол к стене. Не приносите с утра. День выбирайте сами. Надеюсь, в глупое положение вы меня не поставите?»

— Как истолковал? Какое нахальство! — задыхалась от возмущения Варвара. — Какая уверенность! «Шестерку» надумали из меня сотворить? — Варвара негодовала. — Вот что значит не взвешивать каждое слово, не анализировать каждый свой

поступок! Тогда, восемь лет назад, Варвара впервые оценила рекомендации замполита Вахина. «В глупое положение Сумочкина, конечно, не поставила, — думала Варвара, подходя к зоне. — Этим мало что изменила бы тогда». Но случившееся обострило чувства, заставило более тщательно продумывать каждый свой жест, каждое слово, каждый свой новый начинающийся рабочий день.

За поворотом дороги перед Варварой Александровной возникла знакомая картина: вышки, забор, на котором в несколько рядов тянулась колючая проволока. Запретная полоса — запретка, снова забор. Широкие железные ворота и крошечный домик — главная вахта. Рядом с вахтой — штаб со всем управленческим аппаратом.

У ворот стоял автобус «Служебный УВД». Из него выходили служащие, офицеры, мастера промзоны, учителя.

— Доброе утро, Варвара Александровна! — приветствовали Варвару приехавшие.

— Доброе! Очень даже доброе, ясное! — улыбнулась в ответ Варвара.

— А вы все шагаете? — то ли спрашивая, то ли удивляясь, воскликнул начальник отряда майор Петров.

— Шагаю, Александр Иванович, говорят, полезно. Вот и стараюсь.

Подошли к проходной. Железные двойные двери раздвинулись, пропустили приехавших и замкнулись, отделив, как говорят осужденные, от «вольного мира». Отдав в окошечко чернявому солдатику пропуска, учителя зашагали по территории мимо жилых секций к одноэтажному деревянному, находящемуся в конце зоны зданию, похожему на длинный барак, как и везде, с железными решетками на крошечных окнах.

После зеленого луга, широкого раздолья вспаханного трактором поля мир за высоким забором показался Варваре особенно неуютным. «А ведь раньше, — подумала Варвара, — когда только пришла работать в зону, вот тут был сквер, а там — большая клумба. И скамеечки кругом, как в доме отдыха. Даже садовника со спецобразованием содержали».

— Валерий Иванович, помните, какие здесь цветы росли?

— Было время, — не задумываясь, как будто того и ждал, поддакнул физик, — красивые цветы росли и «крысятничек» погуливал. Елена Егоровна, где вы? «Крысятничка-то» помните? Вас ведь провожал! — забалагурил физик.

— Кончайте! — вспыхнула Елена. — Столетняя история, а до сих пор снится.

Васин

Узкое школьное окно с рейками, похожими на решетку, смотрело в сторону запретной полосы. Около высокого деревянного забора на веточке тополя весело чирикал серый с черной манишкой воробей.

— Ишь, расчирикался! — зло подумал Васин и повернулся к доске. У доски хрупкая на вид учительница бойко объясняла глаголы.

— И эта глаголет, — опять обозлился Васин, вздохнул, стал списывать с доски предложение, не дописав до половины, бросил, отвернулся к окну. — Кому нужны эти глаголы? Что в них толку? Кончится срок, будет мне тридцать пять. «Вся жизнь впереди, надейся и жди».

Воробья на ветке не было, лишь покачивалась тополиная веточка.

— Мне бы сейчас так, — подумал Васин, — вспорхнуть и полететь куда глаза глядят. А куда они глядят? Домой? А где отчий дом?

Невеселые мысли закружили и понесли Васина прочь из колонии, где он отбывал срок, как числилось в деле, «за тяжкое преступление против здоровья трудящихся».

— «За тяжкое»... ишь ты! Да этого спиногрыза убить было мало, а я только по косорыльнику крепко двинул! — продолжал злобиться Васин.

— Эй! — толкнул Васина сосед по парте. — Очнись! Алла Алексеевна к доске вызывает.

— Не пойду! — буркнул Васин. — Я ничего не понял. На другом уроке отвечу.

— Что тут непонятного? Глаголы совершенного вида...

— Бросьте, Алла Алексеевна. Глаголы, может быть, и совершенны, а Васин — нет. И вообще, глаголы все, глаголы! — неожиданно вмешался весельчак класса Виноградов. — Давайте лучше поговорим на вольную тему. Как там на свободе? Чего новенького?

— Что новенького? — машинально переспросила учительница. — Да вроде ничего. Все то же.

— Я ее, эту свободу, год не видел. И еще девять лет не увижу! — добавил Виноградов уже невесело. Прозвенел звонок с урока.

В кабинет вошел мужчина, на гладко стриженой голове ясно проступали два белых шрама, глубоко впавшие глаза смотрели настороженно.

— Васин, почему вы перестали посещать школу?

— А что мне там делать? Я ничего не понимаю. Да и зачем мне нужна ваша школа! Тридцать лет жил без нее и еще проживу.

Читать, писать умею, с меня хватит!

— Нет, Васин, не хватит! У вас даже восьмилетки нет. Согласно постановлению вы обязаны...

— Ничего я не обязан! Я сюда пришел срок отсиживать, а не учиться!

— Вы не правы, Васин! Вы взрослый человек, хорошо работаете.

В кабинете начальника отряда идет длинный разговор, в котором участвуют все члены коллектива совета воспитателей. И врач, отвечающий за санитарное состояние в отряде, и секретарь из штаба, ответственный за погашение задолженностей и уплату алиментов осужденным. Успевает вставить слово мастер производственного обучения. Молчит только Васин.

— Ну хорошо! — говорит Варвара Александровна, — идите. Мы поговорим в школе. Я вас сегодня жду на первый урок. У меня как раз в вашем восьмом биология.

Осужденный неожиданно кивает головой и, облегченно вздохнув, уходит из кабинета начальника отряда.

После долгой беседы с Варварой Васин стал заставлять себя слушать объяснения учителей. Когда снова наваливалась хандра и невеселые мысли уводили в сторону, он вспоминал слова учительницы: «Настроение не должно давить на нас. Мы должны давить настроение». И Васин давил его. Брался за ручку, вычислял значения иксов и игреков, учил таблицу умножения, строение и функцию отделов мозга, изучал работу сердца и почек. В свободное время стал много читать. Он даже не предполагал, что это удивительно хорошо. Книги брал в школьной и колонийской библиотеках. Иногда Варвара Александровна приносила свои из дома. Их Васин буквально проглатывал. И отступила лагерная скука.

— Не так я жил, не о том думал, — размышлял Васин, лежа на койке. — И здесь сижу из-за этой проклятой «белой головки» с «зеленым змием» внутри, из-за какой-то несчастной лишней стопки.

Все чаще и чаще задумывался и о прежней жизни, и о будущей.

— На поселение пойду, женюсь. Только бы жену хорошую найти. — Новая жизнь рисовалась ему, кто бы мог подумать, розовой краской, именно розовой. Свою будущую жену представлял блондинкой, как Маргарита, только чуть моложе да потоньше. И своих будущих девочек, именно девочек, с розовыми бантиками на белых кудряшках.

— Ну и заработали большие полушария, — улыбался своим мыслям Васин.

Ушел Васин на поселение в начале августа, не успев попрощаться со своими учителями. Потом прислал письмо. Через два года придет еще одно, с фотокарточкой. Черноглазая молодая женщинах с мягкой улыбкой сидит рядом с Васиным, а на руках у него маленькая крошка Олюшка. Это будет через два года. А сейчас еще не зима, а только первые ее признаки.

Детуров

Раннее морозное утро. На улице темно. В жилой секции отряда койки в два этажа тянутся вдоль узкого прохода. Между коек — обшарпанные тумбочки. В секции тепло и влажно. Пахнет перегретыми телами. К еле уловимому запаху кислятины примешивается острый запах мужского пота, нижнего белья, давно не стиранных телогреек. В сонной тишине на койках лежат парни, покрытые серыми одеялами. Запрокинутые подбородки, разбросанные руки говорят о том, что сон крепкий.

Варвара отыскивает нужную койку, дергает за край одеяла.

— Детуров, проснитесь! — широкоскулый парень открывает глаза и непонимающе моргает белобрысыми ресницами.

— Ах, это вы, Варвара Александровна? Я сейчас. А зачем я вам?

— Как зачем? Разве не знаете, что у вас не все зачеты сданы?

— Разве? Ах да! Знаю, конечно. Вот черт! Опять никто не разбудил. Все с вечерней пришли. Начальник в отпуске. Вот мы и дрыхнем.

Не знала Варвара, что почти всю ночь отряд не спал. Придя со смены, заварили чаю, а потом до хрипоты, до пены у рта спорили: есть ли любовь на свете. Варвара уже подходила к школьным воротам, когда ее догнал Детуров.

— Варвара Александровна, скажите, есть ли любовь на земле или нет?

— Что это вас с утра на такие вопросы потянуло?

— Да так. Ребята спорили. Одни говорят, что есть биологическое желание, что это необходимо для продления рода людского. А Сова, простите, есть у нас такой, так он уверяет, что существует любовь, только она дана не каждому, а тонкокожему. Что любовь — как солнце. Без любви можно жить, но бледным будешь.

— Поэт. Стихи пишет ваш Сова? — спросила Варвара.

— Пишет.

— А вот вы как считаете? — улыбнулась Варвара.

— Я думаю. Пока не знаю. Есть у меня заочница. Пишем друг другу письма. Вот фотку прислала. — Детуров вытащил из нагрудного кармана куртки фотографию девушки с пышной

химической завивкой.

— Симпатичная. Глаза красивые.

— Мне тоже нравится. Ребята советуют начирикать, что, мол, люблю, чтобы ждала. А я не могу. Раньше бы написал, а теперь не могу. Во-первых, срок у меня. Если только на поселение отправят. Во-вторых, не знаю, люблю или нет. И вообще. Так вот сразу? Разве через фотку поймешь? Когда встретимся, вдруг не понравимся друг другу? Все познается через общение. А еще я думаю, что должна быть привязанность, привычка, что ли. А так с бухты-барахты женишься, а потом? Дети, развод? И обязанность должна быть, и доверие, потребность друг в друге.

— Целый философский трактат. А вопрос-то сложный, — вздохнула Варвара. — В другой раз, Владимир Батькович, поговорим. А сейчас иди, а то и на второй урок опоздаешь.

— Варвара Александровна! Еще бы один вопросик зацепить, волнует он наших. Что справедливо, что несправедливо.

Хлебов

К проходной колонии подкатил «воронок». Из машины под конвоем вышли двое. Один — высокий блондин с голубыми девичьими глазами, другой — с колючим пронизывающим взглядом маленьких серых глаз, близко расположенных около переносицы, с острым подбородком и тонкими, презрительно кривящимися губами. Железные двойные двери раздвинулись и пропустили прибывших.

Около проходной стояла учительница и ждала, когда пройдут привезенные. Белокурые волосы из-под меховой шапочки локонами спадали на плечи, в зеленых глазах светилось морозное зимнее утро. Варвара внимательно посмотрела на прибывших и улыбнулась. Голубые глаза высокого блондина вдруг стали синими-синими, рука невольно потянулась к воротнику форменки, чтобы поправить пуговицы, да так и остановилась где-то на пол пути.

— Здрасьте, гражданка женщина! — развязно бросил второй, оскалившись, обнажив ряд красивых желтоватых зубов.

— Здравствуйте, — сказала Варвара Александровна. — Новенькие?

— Ага! Старенькие. Не ждали? А мы вот приехали на такси. Нате!

— А ну пошел, пошел! Чего разговорился! — крикнул конвоир.

— У вас на уроке можно посидеть? — Перед Варварой вырос тот самый парень с голубыми девичьими глазами, который недели две назад прибыл в зону.

— А, новенький?!

— Да я, Варвара Александровна, не новенький. Я уже старенький, в полном смысле этого слова. Моя фамилия Хлебов, Александр.

— Раз пришли, проходите, садитесь, Хлебов.

При появлении Хлебова двое учащихся за первым столом почему-то заерзали. Семенов с беспокойством посмотрел в сторону учительского стола. В классе возникла какая-то напряженность. Почувствовав это, Варвара подошла к доске, записала тему: «Гибридологический метод изучения наследственности. Первый закон Менделя. Гипотеза «чистых гамет».

— Теперь, — предложила учительница, — откроем словарики и запишем новые слова их значения: доминирование — преобладание. Рецессивный признак — внешне исчезающий. Гетерозиготность — явление расщепления наследственных признаков в потомстве. Ген — участок ДНК. Гамета — половая клетка. Зигота, аллельные признаки.

— Прямо феня какая-то! — воскликнул Пчелкин.

Но на него зашикали, и он умолк. Урок шел спокойно, учащиеся слушали с напряженным вниманием. Тема из раздела генетики — трудная, требует осознанного осмысления. Но вот объяснение окончено, записано задание для самостоятельной работы.

— Можно вопрос? Вот вы сказали, что существует гипотеза «чистых гамет». Как эту гипотезу соединить с понятием ДНК?

И тут опять прорвало Пчелкина:

— Я вот, Варвара Александровна, знаю, что существует ДПНК. Это — дежурный помощник начальника колонии. Что такое ДПНК — я знаю. А вот что такое ДНК — понятия не имею!

— Где тебе, Крендель, высшие материи понимать?! Ситцевая душа! — Пчелкин сидел за хищение ситца с комбината. — Чай, в штрафном изоляторе прокуковал?! — хихикнул Краюшкин.

— Ну сидел! — обозлился Пчелкин. — Подумаешь, от меня спиртным пахло! А может быть, у меня от конфет-подушечек в желудке спиртовое брожение приключилось? Говорила же Галина Васильевна на уроке химии: сахароза расщепляется до глюкозы. А та — бродит. Может быть, я тот японец, у которого такое вот в желудке бывает?

— Хватит, Пчелкин, кренделить! Японец он! — снова возник Краюшкин.

— Скажи, Пчелкин, — обратилась Варвара к умолкнувшему шутнику класса, — мы строение клетки изучали?

— Изучали. В десятом.

— Вот там-то и написано в параграфе тридцать шестом, что такое ДНК, РНК и АТФ. К следующему уроку обязательно посмотри. Спрошу.

— Разрешите мне ответить? — не успела Варвара и журнал закрыть, как поднялся из-за парты Хлебов и начал говорить:

— Мы теперь с полным пониманием науки можем рассказать о себе. Мои генотипические данные таковы. Доминируют признаки отца, мамины находятся в рецессивном состоянии, но моя гетерозиготность проявится через гаметы в будущем поколении. Это я, Варвара Александровна, к тому, чтобы ребятам было понятнее, что такое научный язык, что он богат и без фени — языка преступников. Кстати, всего-то у нас в обиходе слов двадцать, Многие хвастаются феней, а что к чему — не знают. По существу вопроса, — продолжал Хлебов. — ДНК расшифровывается как дезоксирибонуклеиновая кислота. Она играет первостепенную роль в передаче наследственных свойств. Не случайно участок ДНК называют геном. А науку о наследственности — генетикой.

Прозвенел звонок.

— Спасибо, — сказала Варвара. — Садитесь. Урок окончен.

К учительскому столу подошел новенький.

— Можно мне записаться в ваш класс, Варвара Александровна?

— Такие вопросы я не решаю. Зайдите к директору школы.

Так среди учащихся одиннадцатого класса появился новый ученик. Александр Хлебов был начитанным человеком, многие стихи Есенина, Марины Цветаевой и других поэтов читал наизусть, увлекался историей литературы, историей. Стиль его ответов всегда отличался высокопарностью. Учителям даже не верилось, что Хлебов не имеет среднего образования. Отвечая на уроках, он как бы доказывал свое превосходство над другими, демонстрировал свою индивидуальность. Когда учительница истории Нина Николаевна однажды ему это сказала, Хлебов ответил:

— Я переступил закон! Я часто бунтовал. Долго сидел в тюремной камере, часто один. Многое передумал, перечувствовал, познал. Я отвык от общества людей и женщин. Мне хочется, чтобы меня заметили как человека, а не как преступника, чтобы со мной считались и не топтали моего самолюбия.

В зоне Хлебова боялись, ибо лучшими его друзьями была «отрицаловка», а близким другом — самый страшный в зоне человек — Громов.

Гогитидзе

Возвращаясь домой своей обычной дорогой, Варвара терзалась сомнениями. Правильно ли она поступила? Написала рапорт на Гогитидзе. Может быть, нервозность дня сказалась? Парень он, правда, необузданный, горячий, сравнительно недавно в зоне. Не понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Скоро уж полгода в школе, а не подчиняется элементарным правилам. На уроке вскакивает. Выбегает из класса, если что ему не по нраву. Неудивительно, что попал в армии под трибунал. А сегодня? «Историю отвечать не буду. Я — грузин. Говорить по-русски не умею! Вот биологию — пожалуйста! Это можно. Это — не философия. Какой вопрос? Хотите, о биосфере расскажу? О проблемах современной науки бионики? Про бионику вам рассказать?» Как из рога изобилия льются из Зураба слова. И сам доволен.

— А как с историей?

— Не могу. Грузин я — не буду. Не умею философствовать. — Топ, хлоп — и нет Зураба, а полугодие на исходе. Может быть, и сама погорячилась? Учительница по предмету молодая, вот и кривляется, себя показывает. Или не согласен с историей. За ним это водится — через историю выражать свой протест против пребывания в зоне.

— А если его перевести в класс, где преподает историю Нина Николаевна? Так Везувия заартачится, — продолжала вслух рассуждать Варвара. — Позвоню-ка из дома начальнику отряда, — решила Варвара, дошагивая свой последний в этот день километр. — Попрошу повременить давать рапорту ход.

Через тонкую перегородку биологического кабинета было слышно, как в соседнем классе переговаривались в перемену учащиеся. Варвара расставляла деревянные подставки с пробирками, невольно слушала:

— А ты, длинный, из-за чего тут торчишь? Небось по женской части?

— А что?

— Да ничего. Я тоже. Увидели, идет себе лесочком из поселка. Такая, сам понимаешь, какая.

— Что, БУ{Бывшая в употреблении (*жарг.)*}?

— Может быть, и БУ, кто их разберет. Генка предложил. А что есть на свете законный кодекс, мы и не знали.

— Так уж и не знали?

— Да вроде что-то слышали, не доходило. Не думали, что и нам отколется. Теперь вот в школе изучают, а нам кто говорил? Мама с папой? Или учителя? Они — стеснительные, многие сами замужем не были, «синие чулки». «Вы — дети!» На суде сидели,

сокрушались. Биологичка так и сказала: «Мне бы самая стать предупредить!» То же и историчка лепетала. «Чулки»! Побольше бы говорили об этом в нормальной школе.

— А у нас что, ненормальная? — вмешался в разговор Пчелкин. Его Варвара сразу узнала по голосу.

— Конечно, ненормальная, вечерняя, сменная, общеобразовательная. Загнали сюда и сиди.

— Загнали! — передразнил говорившего Пчелкин. — Посмотрите, какой баран кудрявый длинноногий выискался! Я лично пока все корочки не положу в карман, на свободу не пойду.

— Он не пойдет! Да и захотел бы, кто тебя, Пчела, выпустит? Глухарь! С глухой статьей насидишься, даже на поселение не выйдет.

— Сам ты глухарь! Помиловочка третий месяц гуляет. Точно, скоро к Маньке-заочнице поеду, вот только корочку за классность положу. А ты чего все молчишь? Били кулаком, ты и рос дураком? — веселился Пчелкин.

— Ты сейчас доблатуешься! — прохрипел вдруг густой бас. — Начнешь сапоги ушами чистить.

— Ах, ах, испугались! Коленочки поджали. Небось, по пятьсот пятой за людоедство сидишь? Вместе пили, одного съели?

— Ешь что попало и болтаешь что попало, мордоворот, — огрызнулся все тот же густой хриплый бас. Разговор неожиданно прервался. В класс вошел Валерий Иванович.

Майор Петров

К тематическому собранию «Что справедливо и что несправедливо» Варвара готовилась в городской библиотеке. Просмотрела каталог, прочитала все, что нашла по этому вопросу. Но, придя домой, решила поговорить с начальником подшефного отряда майором Петровым.

Александр Иванович Петров работал в этой системе многие годы. Несмотря на сложности, профессию свою любил, искренне желал помочь осужденным встать на путь исправления. Но страшно не терпел бездельников, тунеядцев. Нежелание работать, отказ от работы приводили его в бешенство, которое еле сдерживал благодаря большому усилию воли.

Разговор с Александром Ивановичем получился длинным, но результативным, познавательным для Варвары.

— Дело в том, — неторопливо и обстоятельно разъяснил Петров, — что многие осужденные не осознают своей вины и приговор считают несправедливым. Это происходит от неумения и нежелания критически смотреть на себя, на свои поступки. Когда человек становится способным на самоконтроль, у него

возникает состояние, способствующее исправлению. А неосознание своей вины приводит к упрямству, к агрессивности, к протесту, к психическому состоянию, при котором человек внутренне сопротивляется всему хорошему, от кого бы оно ни исходило. А вот когда наш подопечный осознает вину, то он начинает раскаиваться, изменять свое поведение.

«Все верно, — подумала про себя Варвара, — но если человек невиновен, оговорен, попал сюда по ошибке? Или степень его вины не соответствует тем статьям и срокам, что он получил? Он ведь никогда не сможет осознать степень своей вины. Он просто потеряет веру, смирится или будет протестовать, писать, добиваться?»

— Лишение свободы, — тем временем продолжал Петров, — органически включает в себя ограничение многих материальных и духовных потребностей. Это вызывает физические и нравственные страдания и, как следствие, — нередко тяжелые психические состояния.

Варваре невольно вспомнился музыкант из Москвы — милый и хилый человек, в троллейбусе подравшийся (а ехал он со свадьбы) с нерядовым чиновником, получивший приличный срок. Вспомнились его физические и особенно моральные страдания. Или проводник Володя, чуть не наложивший на себя руки. И опять — был несчастный случай, а свидетель — родственник из прокуратуры.

Заметив затуманенные глаза Варвары, Петров добавил:

— Конечно, нужна разумная мера ограничений, чтоб не поломать психику человека, не погубить его. Но наказание перестало бы существовать, если бы удовлетворить все потребности осужденного, не правда ли? А чтобы правильно поступать, надо выработать определенную тактику общения с воспитуемым. Тактика же поведения воспитателя во многом зависит от знания психических особенностей перевоспитуемого. Вот, например, Пчелкин. У него холерический темперамент, то есть преобладает возбуждение над торможением. К нему следует проявить твердую волю, спокойную и постоянную требовательность. А вот у Гусева — подвижный тип, сангвинический. Для этого характерна легкая приспособляемость к условиям, общительность, умеренная реакция на раздражение, способность много работать. Если в его трудовой деятельности много интересного, то можно и нужно увлечь, зажечь, повести за собой. К этому типу людей необходимо проявлять и твердую волю, и в то же время искать индивидуальный подход. Здесь все не так просто, как кажется с первого взгляда.

Майор на минутку задумался, глаза отсутствующе

посмотрели на Варвару, скользнули по стенам кабинета и остановились на полированной крышке письменного стола.

— Устали? — тихо спросила Варвара.

— Устал, Варвара Александровна, не скрою. Так устал, что и не выражу. Один ведь на отряд. Хоть ночуй здесь. А ведь сто двадцать душ! И воспитательная, и производственная работа — вот где. — Майор стукнул ребром ладони себе по холке. — Эти еще шурики-мурики по ночам мышиную возню устроили.

— Какую возню? — не поняла Варвара.

— Ладно. Разберемся. Так на чем же мы остановились? Ах да, на сангвиниках. А ваш любимчик Детуров принадлежит к флегматикам. И не возражайте! Понимаю, изменился, и вся любовь. Человек он сильно уравновешенный, инертный, со спокойным характером. Люди с таким типом нервной системы способны к длительному ровному напряжению сил. Вы правильно делаете, что набрались терпения и постоянно занимаетесь разъяснительной работой. Капля по капле и камень точит. Я давно к вам присматриваюсь. Хороший настрой у вас по вопросу воспитания. Со временем не я, а вы меня вот так поучать будете. Человек же всю жизнь учится!

— Ну что вы, Александр Иванович! Я разве здесь столько проработаю, сколько вы! Мне знакомые говорят: «Как не противно в навозе ковыряться, в человеческих отходах. Неужели другой работы не найдешь? Мало ли школ в городе!»

— Ну, а вы что?

— Бывают минуты слабости. Уйду, — думаю, — вот возьму и уйду. Но что интересно? Чем больше работаю в этой системе, тем труднее решиться. Не оттого, что боюсь, не справлюсь в другом месте. Уж сложнее нашего нет. И не повышенная зарплата держит. Многие учащиеся не такие уж и плохие, оступились когда-то, веру в себя потеряли. Казалось, что мы особенного как учителя делаем? Обучаем физике, химии, литературе, истории и так далее. Математики о синусах и косинусах толкуют, астрономы о созвездиях. А глядишь — и задумался наш воспитуемый над своим житьем-бытьем. Как такое увидишь в человеке, и душа радуется: не зря, значит, толкуем свое.

— Все верно, Варвара Александровна. Со мной такое тоже бывало. Но мы с вами не выполнили плана. У нас остался еще один тип, самый слабый, — меланхолик. Люди этого склада мнительны, застенчивы, боязливы, неуверены в себе, чувствительно и эмоционально ранимы. К ним не следует применять излишне резких оценок, взысканий. Это вызывает в них еще большую заторможенность, подавляемость, боязнь проявить инициативу. Положительно влияет спокойный тон,

одобрение, поддержка в правильных суждениях и поступках. Им нужны постоянные советы и помощь. К этому типу подходит наш-ваш Пеночкин. По техническим причинам я его перевел в отряд старшего лейтенанта Покиладзе.

— Зачем?

— Так надо.

— Если надо, значит надо, — согласилась учительница. Помолчав немного, Варвара продолжала: — Александр Иванович, а не составить ли нам с вами программу изучения личности осужденного? Особенно важно сделать выводы об изменениях в поведении за период пребывания здесь, а потом разработать рекомендации на будущее. Например, в какие условия жизни и труда надо такого человека поставить. Это же интересно!

— Не только интересно, но и нужно, — оживился старый майор. — Вы думайте, и я подумаю.

На ближайшем педсовете Варвара Александровна решила рассказать о задуманной работе.

— Какие еще программы?! — остановила ее Везувия Сергеевна, директор школы. — У нас своих министерских хватает. Вы их и выполняйте! За отсутствием времени этот вопрос решим в рабочем порядке. На этом и кончим.

Действительно, на этом и кончили. Но Варвара не отступила. Программу изучения личности осужденного, выработанную совместно с начальником отряда майором Петровым, показали замполиту Вахину, учителям, давно работавшим в этой системе. Инициатива Варвары была поддержана и рекомендована инспектором областного управления по вечерним школам при ИТУ.

Маргарита Васильевна

Под дверью учительской, как всегда, торчал Орлов. Орлиный нос на бледном худом лице казался неимоверно большим, под стать фамилии. Огромные очки в черной пластмассовой оправе через стекла увеличивали и без того округлые навыкате глаза. Толкаясь у стенда и читая в сотый раз статью «Влияние алкоголя на организм человека», что висел рядом с косяком двери в учительскую, Орлов услышал следующий разговор:

— Слушайте, друзья! Давайте скинемся по рублику да купим Маргарите подарок. Хоть она и богатая бабенка, а день рождения отметить надо.

— Это Зинаида Кузьминична, — отметил про себя Орлов. — Заводная, однако.

Маргарита Васильевна, жена военнослужащего, слушателя третьего курса, пышная блондинка, вся обвешанная золотом,

работала в школе первый год. Кличка среди учащихся, что было крайне редким явлением для учителей, или, как говорят, «кликуха», у нее была особенная и в соответствии. Кто называл «золотой рыбкой», кто «булкой с маслом». По мнению большинства, вторая подходила к ней больше и была безобиднее. Маргарита вела математику в десятых и одиннадцатых классах. Предмет свой знала хорошо, удивительно сочетая ограниченность своих интересов с преподаванием основ высшей математики. Бывает же такое! В основном желания у Маргариты шли от желудка к магазину, от магазина к кухне. Любимое блюдо — салаты. Сто рецептов. И, как шутили учителя, видимо, к чему-то. Маргарита была веселой улыбчивой женщиной, при всяком удобном случае рассказывала о своих детях, о муже, его учебе, успехах. И казалось, что, кроме успехов, у нее в семье другого не бывает.

— Женщина она безобидная, против начальства не идет, — съехидничал Валерий Иванович, — надо скинуться!

— Маргарита Васильевна, прошу! — в дверях класса стоял Орлов. — Разрешите вас поздравить с днем рождения! — рот у Орлова распахнулся до ушей, обнажив крупные крепкие темно-коричневые зубы.

— А ты откуда знаешь? — искренне удивились Маргарита, а сама думала: — Всегда в курсе. И как точна кличка Орлову — Буратино. Мало длинного горбатого носа, так и рот от уха до уха!

— Ты зубы чистишь? — неожиданно спросила Маргарита, проходя от двери к учительскому столу. — Да садись же!

Орлов нехотя отправился на свое место, продолжая говорить:

— А что толку? Сегодня почистил, завтра сделал «апсик», другой, и опять желтые. Вот как буду освобождаться, так начищу до блеска, пойду женщин очаровывать.

— И много было очарованных тобой?

Сидел Орлов за изнасилование телятницы. «Ходил по хлеву и в грех впал», — говорил о себе Орлов не скрывая.

— И вообще, — продолжала Маргарита, — не понимаю я твоего языка.

— Что тут непонятного? Освобожусь, женюсь.

— Я не о том. Я про «апсик» какой-то.

— «Апсик»? Не знаете? «Апсик» — глоток чифира.

— А что такое чифир, думаешь, знаю?!

— Ну, вы уж, Маргарита Васильевна, дуру гоните, извините. — Орлов еще шире распахнул рот. — Сказал бы, да какой «понт»?!

— Что? — опять не поняла Маргарита.

— Ну, доход, толк какой? Пачку чаю принесете? И впрямь не

знающая.

— Говори да думай! — голос Маргариты стал злым.

— Вы, кажется, рассердились? Я же пошутил. Такое разве здесь при всех говорят?

Везувия Сергеевна

За стеной кабинета директора шум, разговоры. В школе перемена. Везувия в раздражении перебирает сводки посещаемости за предыдущий день. Посещаемость хорошая, придраться не к чему. Настроение с самого утра гадкое. Не выспалась. Дочь ночевала с Ольгой. У Ольги кашель, да и ребенок она капризный. Везувии кажется, что она любит своих детей, а вот внучка почему-то ее раздражает. Директорша взглянула в настенное зеркало. Короткая модная стрижка делала лицо еще более круглым. Прядки непокорных смоляных волос с серебряными ниточками топорщились у виска. Широкие, обтянутые блестящей кожей скулы.

— Массажистка дельная, — подумала Везувия и кивнула своему двойнику.

Директорша прошлась по скрипучим половицам, посмотрела на решетку окна.

Но раздражение все поднималось и поднималось.

— Надо разрядиться, — подумала Везувия, — на ком бы? — В дверь постучали. Вошел завхоз школы Владимиров, высокий, широкий в плечах мужчина лет сорока, бывший работник железной дороги, инженер по образованию.

— Разрешите?

— Что еще?

— Везувия Сергеевна, — начал Владимиров, — надо проводить инвентаризацию. Скоро год кончается.

— Ну и проводите.

— А как же без вас?

— Акты принесете, я подпишу. Да, не забудьте списать магнитофон. Он совсем плохой.

— Что вы?! Я смотрел. Отличный магнитофон. Просто запылился. Давно не смазывали.

— Я вам говорю плохой, значит, плохой. Мне лучше знать. И что за манера что-то доказывать? На суде бы доказывали! И фотоаппарат тоже сактируйте.

— Хорошо, спишем, — голос завхоза стал глухим.

— И вот еще, — смягчилась директорша, — составьте мне список недостающего оборудования. Данные возьмите у учителей. Пусть не скупятся. Колония богатенькая, купит. А этой, Варваре Александровне, скажите, чтоб скелетов больше не

просила. У нее в классе Пеночкин сидит. Пусть на нем и изучает. — Везувия вдруг весело расхохоталась.

— Конечно, — пробормотал Владимиров еле слышно, — надо заказать. А Пеночкин, Везувия Сергеевна, долго болел, в большой больничке лежал, возможно, комиссуют по болезни. Только куда он пойдет? Бездомный он.

— Ну ладно, разговорился! Ишь, как должность сразу почувствовал. Только не зазнавайся. Знай, кто ты есть. А жить при школе спокойнее.

— Разрешите идти?

— Разрешаю. Иди да думай.

Крупные снежинки, словно ватные, медленно кружились и падали в запретку, покрывая снег, кое-где потемневший от копоти. Раздражение сменилось раздумьем. Вереница мыслей потащила Везувию в далекое прошлое, в теплую Среднюю Азию, где она родилась и где росла.

Война ворвалась в жизнь и сделала крутой поворот в ее судьбе. Дни летели стремительно: проводы на фронт, вагоны, набитые людьми, незнакомые поля, леса. Началась новая странная жизнь.

Где-то вдалеке прозвенел школьный звонок. Везувия встряхнула головой.

— Довольно! Хватит копаться в прошлом.

Бывая на уроках литературы у Елены Егоровны, Везувия втайне восхищалась знаниями учительницы, ее умением преподносить их учащимся. Сама Везувия много лет проработала в младших классах, старших боялась. Участник войны, имеет награды, член партии. И все.

— Пусть упрекают, — думала директорша, — что черчение веду. Один черт, что литературный образ, что чертеж. Одна тарифная почасовая ставка.

При разборе уроков Елены Егоровны Везувия придиралась к мелочам, завуч поддакивала, ни в чем не перечила директорше. Да как перечить? Скоро на пенсию, а нагрузка во власти директора. Хочет даст часы, хочет нет, совместителя возьмет. И сиди на неполной нагрузке. А кого не волнует размер пенсии?

Елена Егоровна сначала боролась против несправедливых высказываний Везувии, плакала порой, потом сникла, стала покладистой: опускала голову, слушала, не возражала. Не могла, как говорят, постоять за себя. Чтобы задобрить директоршу, Елена подробно рассказывала об учителях. Таким образом, Везувия знала все, чем живут ее коллеги, даже их мысли, которые высказывались за воротами зоны. Постепенно директорша стала хвалить Елену. У нее был красивый почерк. Став постоянным

секретарем педсоветов, она также добросовестно подрабатывала протоколы с выступлениями учителей. Протоколы получались рафинированными. Решения же не в пользу того или другого учителя, не оставались без внимания. Ершистых без конца проверяли, выявляли недостатки, обвиняли, выставляли напоказ. Можно было только удивляться, как может быть такое в наше время? Где же органы народного образования? Но народное образование в школу не заглядывало. Далеко ехать, да и специфика не вдохновляла инспекторов. Везувия же сама часто наведывалась и в роно, и в гороно, рассказывала о школе, не забывая подбросить какую-нибудь пугающую историю. Кабы не навлечь на себя комиссию, и учителя сор из избы не выносили.

Руководя школой много лет, Везувия все больше и больше входила в свой стиль, о котором можно сказать историческими словами: «Разделяй и властвуй».

Проработав в школе первые годы, Варвара вдруг увидела все это и ужаснулась. Но ее не трогали. Как объяснили потом, «приручали, делали своим человеком». Почему? Видимо, Везувия чувствовала в ней сильную натуру. Сейчас чаша отношений между Варварой и Везувией стояла, как на аптечных весах, — ровно. Но события последних дней вызвали у Варвары Александровны новую волну протеста.

Учащиеся второй час писали сочинение. В класс вошла Варвара и присела на краешек свободного стула, открыла блокнот в клеенчатом переплете, стала тихонько читать учителям.

— Феня? Зачем вам феня? — спросила Алла Алексеевна.

— Надо нам понимать слова, а не переспрашивать, как Маргарита: «Скажите да скажите, что такое чифир».

— Ну, про чифир-то уж мы, пожалуй, знаем! — снова возникла шустрая Алла. — Пачка чая на кружку воды!

— Сделал «апсик» — один глоток, и сердце через горло вылетает? — рассмеялась Варвара.

— Вообще-то хорошо знать феню, — молвила Алла Алексеевна. — Я тут один разговор случайно слышала, ничего не поняла. Детуров Рыбкину выговаривал: «Эй ты, Вобла, хватит гусятину жарить!» А Рыбкин в ответ: «У меня у самого гусь вот где сидит». И показал на печень. Тут в разговор влез Соловьев, приятель Рыбкина. Противный тип с лягушачьими холодными синими руками, все норовит до тебя дотронуться. Этот Соловьев и говорит: «Чего шнифты вылупил, как бикса на ляпере!» — закончила свое повествование Алла.

— И как это вы все в памяти удержали? — удивилась Варвара.

— У меня с детства со зрением неблагополучно. Я все время

слуховую память тренирую. Все повторяла, повторяла, потом записала. О чем это они говорили?

— Гибридная какая-то феня, но не пустая, — задумчиво проговорила Варвара. А про себя подумала: — Что связывает Гусева с этими шуриками — «шестерками»? Перевести? — обратилась к молодой учительнице. — Феня здесь только последнее предложение, а это значит: «Чего глаза вылупил, как девка на проспекте?»

— Глупость какая-то! — фыркнула Алла Алексеевна. — Можно было и по-русски сказать, литературно высказать свои мысли.

— Вот то-то и оно, что вроде по-иностранному звучит. Непонятнее для окружающих, а самим интереснее. Себя вспомните, когда иностранный язык в школе начинали изучать. Или детский сад: «Эна, дуна, рэс, интер, пинтер, жэс. Эна, дуна, раба, интер, пинтер, жаба!»

— Это говорит еще раз о том, что надо «наших» учить и учить, воспитывать и воспитывать, прививать вкус к другому, а не поддерживать то, что их окружало и окружает! — высказалась Варвара. — Давайте читать дальше.

В клеенчатой книжице были написаны высказывания знаменитостей, крылатые слова, местный фольклор.

— Откуда это у вас? — сзади неслышно подошла Везувия и заглянула через плечо Варвары.

— Ребята дали почитать, пока сочинение пишут.

— Дайте мне! — властно потребовала Везувия.

— Но... что я скажу? — растерялась Варвара.

— Нечего с ними объясняться. Давайте сюда!

Шел последний урок первой смены. Сидеть в классе Везувии не хотелось. Но надо — урок. Учащиеся перечерчивали с доски чертеж в свои альбомы и отпускали реплики. Многих явно не смущало, что урок ведет директор школы. Наоборот, это были мгновения, когда Везувия молчала.

— Ого, «шнырь»{Уборщик помещения *(жарг.)*} без клавиш, а нацарапал полную доску! Где вы такого ерундированного инженера выкопали? — спрашивал один.

— Везувия Сергеевна, а где у человека душа? Вы должны ответить как литератор?!

— А что делать, если снятся сны на иностранном языке? — хихикал третий.

Везувия понимала, что на все вопросы у них есть ответы, многие она знала.

— Вы как директор объясните, что такое брак, семья? — гоготнул Веселов. Везувия заерзала на стуле. Это уже были

вопросы из той клеенчатой книжицы, которую она конфисковала у Варвары. Как ни доказывала та, что этого нельзя допускать, раз тебе доверили, записей она не вернула.

«Доложила поганцам. Ну, погоди, свет-Варварушка, ты еще пожалеешь!» Взглянув на Веселова, про себя выругалась:

— Чего вылупил шнифты!? — сидеть в классе делалось невозможным. Кивнув дежурному уборщику, что торчал наготове возле дверей, Везувия вышла в коридор, закурила.

Последнее время на душе у директорши было особенно пакостно. Давал знать о себе возраст, чувствовала, что власть ее над учителями дала трещину.

Гусев

Осужденные десятого отряда работали в швейном производстве. В основном шили мешки и рукавицы. Электрические машинки строчили с бешеной скоростью, из-под металлических лапок с такой же скоростью вылетали готовые изделия. Некоторые за смену выдавали по две-три нормы. Часто возникали стихийные соревнования двух мотористов на скорость пошива. Создавалась судейская комиссия, и начинался аврал.

Вот в такой момент и вошла в цех Варвара Александровна. Стрекотали машинки. Возбужденные болельщики обменивались громкими репликами, состоящими из таких слов, что выброси их из предложений, и предложений-то нет! Никто Варвару не заметил, кроме Зазулина. Он стоял на «стреме». Зазулин широко заулыбался, кивнув в сторону соревнующихся, как бы приглашая принять участие. Зазулин был глухонемым, но хорошо свистел.

Два щуплых паренька сидели на табуретках. В одном Варвара узнала Гусева. Тела соревнующихся, словно лишенные позвоночника, извивались и производили неимоверные движения. Разгоряченные лица отражали всю гамму движения тела. Оба сочно поливали матом.

Удивленная Варвара застыла в позе человека, которому сказали «замри». В цех стремительно вошли начальник отряда Петров и замполит Вахин. Они появились так неожиданно, что Зазулин и свистнуть не успел.

— Варвара Александровна, пришли посмотреть, как ваши подопечные трудятся? — заулыбался Юрий Петрович. — А нам донесли, что здесь ЧП.

— Что за сборище? — крикнул майор Петров, стараясь перекричать шум работающих машинок. — Живо по местам!

Машинки смолкли. В цехе стало тихо, и сразу Варвара почувствовала, как здесь душно. Маленькое помещение показалось совсем крохотным, а машинки, с сидящими за ними

парнишками с гладкими выбритыми головами в черных куртках и брюках, старыми, допотопными.

— Ну вы и ругаетесь! — покачала головой Варвара, обращаясь к соревнующимся.

— А русский без мата, что борщ без томата, — неторопливо произнес бригадир Светлов, вытирая ветошью масляные руки.

Бригадира Варвара Александровна хорошо знала. В прошлом — выпускник школы, сейчас руководитель общеобразовательной секции.

Каждый день Светлов приходил в школу для доклада, что учащиеся отряда в полном составе на занятия доставлены. У Светлова всегда полный порядок. Варваре казалось, что не будь Светлов руководителем секции, все равно приходил бы каждый день в школу. Долго учился, привык. Школа стала потребностью.

В зоне Светлов девятый год, срок двенадцать, статья «глухая», как здесь говорят, «от звонка до звонка», неперспективная. Свое преступление оценивает так: «Убийство совершил по дурости, по молодости да по пьянке. Не помнил, что и делал. Виноват, надо сидеть». Но он не из тех, кто просто отбывает срок. Имея пять классов образования, проучился в школе еще шесть лет. Окончил на четверки и пятерки. Мог бы быть медалистом, но в этой системе такого не бывает. Получив среднее образование, стал осваивать профессии в ПТУ — жестянщика, тракториста, наладчика швейных машинок. Когда однажды Варвара его спросила: «Зачем вам, Светлов, столько профессий?», он ответил:

— Моя бабушка, помню, говорила: «Дай бог все знать, да не все делать!» И добавил: — Не думал я сюда попасть, а попал. Вся молодость здесь прошла. Как там сложится жизнь? — он кивнул в сторону запретной зоны, на высокий с вышками и часовыми забор. — Сколько лет не был на свободе. Как в новую жизнь-то входить? Вот и запасаюсь, авось пригодится. — Сейчас бригадир тихо улыбался, будто и не его спрашивал начальник отряда. Майор Петров был явно недоволен.

— Что у вас тут делается, я спрашиваю, бригадир?

— Да ничего особенного. Пацаны решили позабавиться, выяснить, кто быстрее работает.

— Ну и как? — спросил замполит.

— Да сами посмотрите! — Светлов махнул рукой в сторону двух куч, возвышающихся около машинок. Судейская комиссия торопливо пересчитывала рукавицы.

— Ну, дали прикурить! У Головешки — тридцать, у Гуся — тридцать восемь, — воскликнул Пчелкин.

— А за какое время? — поинтересовался Вахин.

— За час.

— У Гусева? У какого Гусева? — переспросил Петров.

— У Юрия Николаевича.

— Да он же и нормы не тянет?! — удивился майор. — Ну, Гусев, не знал. Считал тебя болтуном, недотепой, а ты — гляди?! Тридцать восемь за час?

— Сколько за смену сошьешь? — опять поинтересовался Вахин. Гусев молчал.

— Опять небось около ста? — ответил за него начальник отряда майор Петров. — Надо тобой заняться. И школьные дела у тебя того...

Примерно с февраля посещать школу Гусев стал нерегулярно. То справку с работы от Светлова принесет, что занят по производственной необходимости, то у классного руководителя отпросится по причине недомогания. Часто, с мольбой глядя в глаза учителям, говорил: «Надо, отпустите во вторую смену, плана не выполняю, лишит начальник ларьков». И столько искренности было в его словах, что учительши верили и отпускали.

— А где же моя формула работы? — спрашивала себя Варвара. — Сначала проверяй, а потом доверяй! Ведь здесь многие врут и глазом не моргнут! Да еще мать родную в свидетели призывают. Почему не поинтересовалась Гусевым? Он же из моего подшефного отряда, — казнила себя учительница.

— Как же так, Коля? — спросила Варвара, глядя в глаза Гусеву. Тот вспыхнул, залился краской, но ничего не сказал.

Как выяснилось потом, Гусев все-таки не врал, отпрашиваясь с занятий. Просьбы его звучали искренне и непосредственно потому, что он действительно часто не выполнял плана. Рукавицы забирал Громов. Громов не считался с тем, хватит ли самому Гусеву сделать норму, а после вызова в кабинет к начальнику отряда майору Петрову стал еще нахальнее. Исполнители его воли Соловьев и Рыбкин и для себя прихватывали... немножечко. Вот и получалось, что Гусев, работая из последних сил, еле-еле дотягивал до нормы. Пожаловаться? Значит стать «стукачом», «помойкой». Тогда совсем пропадешь, прибьют. Бригадир Светлов видел и тоже молчал. Однажды он сказал дружкам Громова:

— Культяпые, что ли? Нашли воробьиную шею? — Потом Светлов долго лежал в санчасти. Случайно упала головка от швейной машинки, раздробила две фаланги на ноге. Громовской компании в зоне побаивались.

Кстати...

Человек, которому общество предъявило особые требования за содеянное им, нередко приходит к мысли, что он беззащитен

перед правосудием, а находясь в исправительно-трудовом учреждении, ищет сам защиту, входя в какую-либо группу. В положительной малой группе любая насмешка, издевательство вызывают отпор со стороны всей группы. В отрицательной, в «отрицаловке», властвует «авторитет», стремящийся любым способом втянуть новенького в свою группу, где все решает «пахан». И если осужденного обижает не член своей группы, то на выручку может прийти вся группа или сам «авторитет». Если же над ним издевается член своей группы, куражится, унижает его, защиты не будет. И сам униженный не порвет со своей группой, боясь худшего. «Авторитетом» отрицательной группы и был Громов, хоть и с десятилетним образованием, но духовно нищий. В лагерной скуке интерес шел по кругу: поесть, достать спиртного любой ценой, карты под интерес, развлекательная программа. Занимаясь мужеложством, заставлял подчиненных поставлять ему «Наташ», «Тань». Осужденный же, получив такое звание, был самым гонимым членом общества, самым презираемым, к которому относились с отвращением. С ним не хотели сидеть за одним столом, спать в одной секции, учиться рядом в школе. Жизнь его превращалась в пытку. Если бы Гусев не смог на них работать, чтобы уплатить свой долг, срок оплаты которого затянулся, то должен бы стать такой «Натальей» или «Татьяной». Уж так получилось, придя в зону с «малолетки», боясь всего, Гусев оказался не в группе, а сам по себе, таща тяжелую ношу несправедливости.

Агитбригада

Варвара с пропусками возле вахты поджидала агитбригадовский автобус.

— Приехали! Вот спасибо, не опоздали! — обрадовалась учительница. Агитбригаду Варвара пригласила не случайно. Много лет проработала в вечерней школе при комбинате, знала многих рабочих, переучила и родителей, и их подросших, тянувшихся к производству, детей. У многих бывала дома, на рабочем месте,

К Варваре подбежала хрупкая на вид миловидная женщина:

— Варвара Александровна, здравствуйте! Не узнали? Завклубом, Люба.

— Люба, Любушка ты моя! Изменилась, похудела, но в основном все такая же шустрая. Как сынишка?

— Спасибо, хорошо, Алеше скоро десять лет. А вы зря отказались от вокально-инструментального. Он у нас сильный, пользуется большой популярностью.

Но Варвара знала, что делала. Агитбригада комбината —

лауреат многих областных фестивалей. Самодеятельные артисты, рабочие по профессии, были влюблены в свой комбинат, гордились им. Не раз помогала Варвара Любе, ученице вечерней школы, составлять тексты для «агитки». Варвара знала, что рабочие парни и девушки смогут показать и доказать реальность планов, свое отношение к родному комбинату, не боясь критики в адрес и производства, и руководства. Варвара хотела, чтобы некоторые ее воспитанники, попавшие под влияние не слишком умных, но говорливых, поверили бы, что там, за «запретной чертой», их сверстники, молодые рабочие и их взрослые товарищи, трудятся самоотверженно.

Оформление для агитспектакля установили быстро. Работали артисты и работники клуба из осужденных. Выступление шло спокойно. Агитбригадовцы рассказывали о продукции комбината языком плаката, песен и танцев: бичевали недостатки, высмеивали бракоделов, прогульщиков, пьяниц. Многие зрители, вчерашние лодыри, разгильдяи и стяжатели, любители выпить на свои и на чужие, слушали молча, без рыка. Правда, справедливости ради надо сказать, что какой-то пискун выкрикнул: «Ничего самочки». Но на него зашикали, и голос умолк. Как и предполагала Варвара, реакция зала была правильной.

В конце выступления агитбригадовцев одна из бойких девушек выкрикнула: «Кончай с прошлым! Приходи работать на наш комбинат!» Зрители бурно аплодировали. Потом «местные» дали встречный концерт. Выступали два ансамбля. Комбинатовские сидели, открыв рты. «Местные» пели хорошо и вдохновенно. Под звуки электрогитар исполнялись песни советских и зарубежных композиторов. Ударник Пеночкин, сидевший на уроке как сонная муха, был неузнаваем. Туловище у Пеночкина извивалось, руки, обтянутые белой трикотажной майкой (и где только взяли?), перелетали с одного барабана на другой, пробегали по медным тарелкам и снова мелькали в воздухе. Голова покачивалась в такт, а ноги? Надо было видеть эти ноги! Пеночкин был в ударе.

На другой день в школе только и говорили о концерте. Кто не был, расспрашивал, обижался, что не попал из-за недостатка мест в зале или из-за работы. Больше всего вопросов досталось Варваре.

— Ну дали ваши, то есть бывшие ваши, — поправился Пеночкин, — нашим прикурить. — А наши тоже вашим дали! — Варвару буквально допрашивали:

— Как звать эту, ту... Замужем или нет?! — Но самое главное, что радовало, так это то, что ее ученики прочувствовали, что там,

на свободе, молодежь решает важные проблемы. Это вселяло желание работать и учиться лучше, чтобы скорее пойти на поселение, на стройки народного хозяйства — «на химию», получить досрочное освобождение. Но этот путь возможен только без нарушения режима содержания колонии. Многие стали задумываться над тем, а почему бы и им не стать такими? Но были и те, кого концерт поверг в уныние.

Варваре Александровне казалось, что она знает многое, чем живут ее подопечные. Но... Это случилось ночью, через неделю после приезда агитбригадовцев. Убили учащегося десятого класса Карасева. Убили зверски: скамейкой перебили позвоночник. И кто? Вдохновенно певший о любви, о первом светлом чувстве. За что? Якобы за подозрение, что Карась — стукач, собиравшийся «козлить»{Служить начальнику на общественных началах *(жарг.)*} начальнику. А на самом деле он просто оформлял отрядную газету «К новой жизни» и ходил советоваться.

Да, это был мир преступников, концентрат нарушителей на скудной площади лагерной зоны. На воспитательном часе шел трудный разговор о смысле жизни. Только через неделю Варвара воспрянула духом. И кто поднял ей настроение? Детуров!

Закончив работу в зоне, учащиеся пришли на субботник в школу. Учителя принесли кассеты с записями, включили магнитофон. Работалось весело, дружно. Школу вымыли и вычистили так, что в окнах не стало видно стекол.

— Первый раз в жизни работаю с удовольствием, — признался Детуров. — Никогда не думал, что буду испытывать радость от этих ведер и тряпок. Знала бы мама.

— А ты ей напиши. Хочешь, я напишу? — предложила Варвара Александровна.

— Напишите лучше вы, а то подумает, что хвастаюсь. А вообще, стоит ли? Надо себя еще испытать.

И действительно, только позднее Детуров стал передовиком производства и даже возглавил движение «Лучший по профессии». В этом деле оказали влияние частые гости — молодые рабочие с ремонтно-механического — шефы завода.

Столкновение

Снег мягко ложится под ноги, на сердце спокойно и как-то радостно-тихо. Начало марта, а как снежит небо! Варваре вдруг захотелось закружиться в танце, взлететь синей птицей в белое пушистое небо, откуда, кружась, летели и летели ватные хлопья.

Войдя в зону, Варвара стремительной походкой, про которую говорили «так ходит только Варвара», пронеслась вдоль локальных зон, пролетела вторую вахту, перешагнула через порог

школы и неожиданно остановилась от резкого обращения:

— Зайдите к директору! — коротенькая женщина-завуч, круглая, словно тугой мяч, развернулась, показала Варваре необъятную толстую спину.

— Одну минуточку, только разденусь, — ответила Варвара, предчувствуя что-то недоброе.

Директорша сидела за столом и, не поднимая головы, спросила:

— Запрос на Иванова сделали?

— Уж месяц, как отослали письмо. Пока ни звука.

— А как послали?

— Как? — удивленно переспросила Варвара. — Обычно, по почте.

— У секретаря колонии зарегистрировали?

— Нет, думала, не обязательно. Должна же школа ответить, раз Иванов у них учился!

— Думала... И еще. Зачем целый автобус в зону приволокли? Пригласили бы из райкома комсомола каких-нибудь секретарей.

— Пригласили из обкома комсомола и из политехнического института студентов.

— Пригласили. А меня почему в известность не поставили?

— Так вас же целую неделю в школе не было! Мы и с учителями, и с замполитом обо всем договорились.

— Опять вы! — зло вскипела директорша. — Не много ли на себя берете?

— Много. Тяжело, а ведь надо. Новые трудные ребята в зону пришли. Да еще это «подло» с «малолетки» принесли, — Варвара пыталась говорить спокойно, стараясь не замечать директорского раздражения. Так не хотелось заводиться с утра.

— График дежурства по классу почему не вывесили? У всех есть, а у вас опять свои штучки-дрючки-закорючки?!

— Везувия Сергеевна, — голос у Варвары задрожал, — я просто это «подло» в своих классах искоренила. Я им так и сказала: «Вам в «подло» и мне в «подло». Раз вы простого дежурства в классе не организуете, я тоже свое личное время на вас тратить не буду. Теперь как миленькие все сами делают. Спросите учителей. В классах полный порядок.

— Порядок. А девятиклассники на черчение не идут, только по особому приглашению. Меня игнорируют, спрашивают, почему не литературу веду. Ишь, вольные какие! Забыли, как судебное дело на ваших завести хотели? Могу возбудить. Вам как классному руководителю большая неприятность будет. Напомню: мало того что на урок не пришли, так еще и дверь изнутри в классе приперли!

Как не помнить такого Варваре? Еле удалось тогда в октябре отстоять учащихся. Пришел дежурный помощник начальника колонии, начальник отряда Покиладзе, у которого больше всего осужденных учится в этом классе. Везувия требовала оформить все судебным протоколом.

— Значит, бунт? — спросил майор. — Вы знаете, чем это пахнет? — Учащиеся сидели тихие, подавленные. И тут поднялся Детуров.

— Гражданин майор! Вы нас простите. Мы как-то забылись, что на зоне. Почувствовали себя высоковозрастными школярами. Вовсе это не бунт, а глупость какая-то. Виноваты.

И столько было в этих словах искренности, что майор, отец двух сыновей, просил директоршу простить их. Разговор продолжался в кабинете у Везувии.

— А ведь они в чем-то правы! — сказал начальник отряда старший лейтенант Покиладзе. — Если будет начато дело, вам придется кое-что объяснять.

Это подействовало сильнее, чем все доводы майора, основанные на понимании мальчишеских натур. Много пришлось тогда повозиться Варваре с классом. Сейчас Везувия припомнила этот случай, и Варвару потянуло на откровение.

— Вы обижаетесь, что учащиеся вас игнорируют? Спрашивают, почему литературой не занимаетесь? Вы же гуманитарий, а не чертежник. Если говорить откровенно, учащиеся все знают, что чертежи вам подготавливает завхоз. Он инженер, технарь. Да и уроки частенько за вас проводит. И на больничном вы без больничных листов. Завуч прикрывает. А зарплату получаете вы. А мы толкуем им о честности.

От такого откровения лицо у Везувии пошло пятнами.

— Варвара Александровна, это уж вы слишком!

— Почему слишком? — не могла уже включить тормоза Варвара. — Кто вам правду скажет? Елена Егоровна? Она передаст все, что говорят в учительской, но правды не скажет. Особенно сейчас, когда вы еще готовите ее, как и себя, к званию «Отличник просвещения». Извините, у меня урок.

Варвара вышла из кабинета. От хорошего настроения не осталось следа. Почему-то сразу бросились в глаза простые чулки на ногах, черные суконные сапоги на молниях, подол неизменного темно-серого сарафана и припомнился недавний разговор: «Варвара Александровна, а вы редко меняете платье! Не зарабатываете? Да и чулочки у вас, сапожки — не засмотришься!» Все правильно. Я хочу, чтобы раз взглянул, больше не хотел. Надо на доску, на таблицы смотреть, а не «сеансы» ловить! — вдруг выскочило тогда у Варвары слово из лагерного лексикона. — С

кем поведешься, от того и наберешься, — подумала Варвара, входя в учительскую. Темные крошечные окна с решетками навели на унылое сравнение: как похожа учительская на камеру, в которой не раз приходилось бывать, когда учащиеся за провинность попадали в штрафной изолятор — «шизо» — или в ПКТ — помещение камерного типа. Обучение продолжалось и там. Прозвенел звонок. Школьный день только начинался, а на душе уже было мутно и противно, горечь наполнила сердце.

Криз

В конце марта Варвара Александровна заболела. Гипертонический криз затянулся. Варвару положили в больницу. Приходили учителя, приносили фрукты, соки, цветы. Варвара волновалась. Дома дети одни, в школе заканчивается самая большая третья четверть. Как-то там ее воспитанники? Все ли сдали зачеты? Она понимала, что надо лечиться, но никак не могла взять себя в руки. Давление держалось. Назначили курс лечения самыми сильными препаратами.

Однажды из зоны коллеги привнесли Варваре записку. Записку написал самый отчаянный лодырь, противник любой общественной работы. И вдруг этот самый ученик прислал записку следующего содержания: «Варвара Александровна, ваше письмо класс получил, и сразу пишем ответ: вы за нас не беспокойтесь, все зачеты будут сданы». К записке был приложен список должников с пометками: «Детуров — физика, Морковкин — дал слово. Королев — скоро сдаст свои два «хвоста». Два фанатика, что сидят в углу, пока не сдают, но мы их наверняка заставим взяться за ум». И подпись: староста класса Печуркин.

— Ну, слава богу, сдвинулось!

— Что, давление упало? — спросила соседка по палате, жена начальника пожарной охраны.

— Нет, ученик. Знаете, у меня в классе есть такой. Сидит за убийство, срок — двенадцать лет. Парень огромного роста, хорошо физически сложен. Но лодырь — нет слов. В школу пошел учиться без желания. Свое поведение объясняет так: «Пока сижу, вашу школу успею окончить два раза, жаль, что нет здесь институтов!» Сам не работает и другим мешает. Мы его вызывали и на совет коллектива отряда, и на совет коллектива воспитателей, и всевозможные взыскания накладывали. Не работает, и только. Вырос в хорошо обеспеченной семье, отказа ни в чем не получал, школу бросил. Лень, презрение к труду, праздность, пьянство привели к преступлению. Паразитический образ жизни его вполне устраивает. Он так и заявляет: «Меняться не собираюсь, готов нести наказание». И даже бравирует: «Лучше

быть стройным тунеядцем, чем горбатым стахановцем».

— Вот фрукт! — возмутилась соседка.

— Да уж! К тому же — флегматик, значит «натура, обладающая твердой волей, упорством, настойчивостью, способностью к длительному сопротивлению», — процитировала Варвара майора Петрова. — Вот я и взялась с ним, возиться. Целый год все капаю. Похоже, сдвинулось. Вот счастье!

— Счастье? — удивилась соседка. — Вы так говорите о них, о своих зеках, будто их любите. Будто они этого стоят. Напреступничали и пусть сидят, гниют там. Чего с ними возиться!

— Странно вы рассуждаете, а вроде бы и правильно, — продолжала Варвара. — Да... Советское общество ведет с преступностью решительную борьбу. Одна из форм ее — уголовное наказание. И в то же время надо заботиться о судьбе наказанного, чтобы стал он полезным человеком, чтобы бывший преступник вернулся в общество, способным работать и жить в коллективе, создавать семью, детей растить. Известно ведь: какова семья — таковы и дети! «Ребенок учится всему, что видит у себя в дому». Значит, от того, как мы будем работать с ними, зависит и будущее их детей.

— И верно, — вздохнула соседка, — а я как-то и не думала над этим.

— Перевоспитывать труднее, чем воспитывать, порой даже невозможно. Ведь приходится ломать, переделывать привычки и в целом все поведение человека. А насчет любви, — вздохнула Варвара, — я вам скажу вот что. Откроешь в спецчасти дело, волосы дыбом встают, а работать с таким надо. Потом и человек меняется. Он уже не тот, который совершал преступление. К тому же в каждом, даже страшном человеке, есть светлое пятнышко. Надо только разглядеть это пятнышко. А как увидишь, начнешь его растирать, меняется человек. У меня в прошлом выпуске одних передовиков производства в одиннадцатом классе было десять человек. Пять — со званием «Лучший по профессии». Петров получил первую степень исправления. Это значит почти вылеченный. А вначале были — оторви и брось, стадо лодырей и разгильдяев.

— Скажите, Варя, — спросила другая соседка по палате, — а есть такие, которые не поддаются исправлению?

— К сожалению, есть, — вздохнула Варвара Александровна. Перед ней возникли крупные, похожие на переспелую вишню, глаза Громова. — Лишить жизни иного подонка не жаль!

— Какая трудная у вас работа! Потому и давление не спадает.

— Давление? — не хотела Варвара рассказывать этим больным женщинам, что с давлением ей помогла администрация

школы. Это никому не понять, да и не нужно понимать. То ли записка подействовала, то ли лекарства делали свое дело, но давление вдруг нормализовалось.

Варвара Александровна неторопливо вышла из школы и направилась в сторону вахты. Ее догнал Хлебов.

— Вы домой? — спросил ученик.

— Домой.

— А когда в отпуск? — голубые девичьи глаза Хлебова налились грустью. Варвара и раньше замечала, что на уроках Хлебов стал вести себя иначе. Он не стремился высказываться, чтобы продемонстрировать свои познания по предмету. И даже порой молчал, хотя знал материал. Стеснительность — вот, пожалуй, то новое, что появилось в поведении Александра.

Некоторое время Варвара и ее ученик шли молча.

— Хлебов, а вы скоро освобождаетесь? — спросила Варвара, не зная, о чем вести разговор. Сама подумала: «Личное дело знаю, все в тетради рабочей записано».

— Еще пятьсот семьдесят три дня и один час. Это скоро и не скоро. Варвара Александровна, а когда вы в школе будете в последний раз?

— Вот еще три экзамена, с двадцать пятого в отпуск.

— Значит, двадцать четвертого придете?

— Приду, надо аттестаты заполнить, а на вручении не буду.

— А как же? — растерянно проговорил Хлебов.

— Как-нибудь переживете. У меня путевка в дом отдыха с двадцать третьего, решила съездить.

— До свидания. Значит, я вас еще увижу!

Через несколько дней, подходя к вахте, Варвара снова увидела Хлебова. Он вырос словно из-под земли.

— Я вас жду! — сказал Александр и протянул Варваре письмо. — Прочтите, пожалуйста, вечером. — Хлебов резко повернулся и побежал в сторону своего сектора.

«Вот тебе и локальные зоны, — подумала Варвара, — а проход вроде и возможен». Вечером вскрыла конверт, прочитала послание.

Прочитав письмо своего ученика, Варвара долго сидела молча. Ей тоже никогда не приходилось получать подобных посланий, слышать объяснение в любви, о которых пишут в романах, показывают в кино.

— Конечно, — усмехнулась она, — столько лет без женского общества! Как говорят, «на безрыбье — рак рыба», можно и в козу влюбиться. — Варвара не считала, что способна кого-то взволновать. — А стиль? Весь Хлебов как на ладони! — Но цинизма хватило на минуту. Нет, это письмо не было

объяснением в любви. Это было поклонение ей как женщине. Это был крик души мужчины, желавшего любить.

— А верно ли то, что в зоне работаем, мы — женщины? — подумала затем Варвара. — Может быть, лучше мужчин привлекать к учительской работе? Да где их столько возьмешь? Нет, нужны женщины-учителя.

Женское общество благотворнее влияет на и так грубый образ жизни обитателей этого запретного мирка.

Письмо Хлебова, рожденные им мысли всколыхнули прошлое, которое, как казалось Варваре, безвозвратно ушло в вечность. Жизнь у Варвары складывалась далеко не так, как мечтают в юности девушки. Училась в институте с парнем, привычка быть вместе перешла в привязанность. Вышла замуж, как ей казалось, по любви. Родила двух дочерей, была верна своему первому увлечению. В душе часто поднималось желание поговорить с мужем о чем-то возвышенном, светлом. Хотелось оторваться от земных забот и закружиться в легкомысленном вальсе чистого счастья. Поэтическая натура Вари уводила ее в мир мечты. Малоразговорчивый муж своим постоянным недовольством и требовательностью даже в самом малом, пустяковом, гасил светлые Варины чувства. Взвалив на себя всю ношу семейных забот, начиная с магазина и кончая покраской полов в доме, Варвара задолго до сорока убедила себя в том, что она немолодая женщина. В этом помогал ей муж. Не случайно говорят: каков муж, такова и жена. У хорошего — жена молода и красива. Варин же супруг нередко ей выговаривал:

— Ты, я смотрю, совсем расплылась?! — Верно, Варвара была чуть полновата, но это ее не портило. Полнота пришла с рождением первой дочери, да так и осталась на всю жизнь. Высокая, стройная, с гордой осанкой, она привлекала к себе внимание, не оставалась незамеченной. Мужу было неприятно, что на жену обращают внимание, и, будучи эгоистом, тут же или потом обязательно говорил ей очередную гадость, от которой портилось надолго настроение.

Незаметно для себя Варвара стала избегать быть с мужем на людях. Гордая страстная натура Варвары все же нашла отдушину в этом, казалось, беспросветном ярме. Светлая ее душа выливалась на дочерей. Муж отсутствовал все чаще и чаще. У каждого складывался свой жизненный путь. Все меньше и меньше делалась его зарплата. Разговор о деньгах сводился к одному: «Неприлично говорить об этом». Дети росли, расходы увеличивались. Варвара все больше нагружалась уроками. Материальное положение семьи зависело от ее зарплаты. Когда Варваре предложили перейти в систему образования УВД, она

согласилась. За сложность работы с осужденными доплачивали двадцать пять процентов. Но не совсем это явилось причиной ухода из любимой комбинатовской школы, где работала с момента ее основания. Душа Варвары металась, искала выхода. Может быть, в другом месте, в другом коллективе что-то изменится у нее? Наивные рассуждения. Но все оставалось по-прежнему. Муж приходил все позднее и позднее, а потом стал ночевать вне дома. Так опостылели Варваре черные проемы окон по возвращении с вечерних уроков. И это окно, глядящее на дорогу, по которой на рассвете идут разгулявшиеся молодые парни. Если бы не дочери, уехала бы куда глаза глядят.

В такие ночи исколесила Варвара все окрестности района, где они жили. С тех пор не стала бояться ни темной ночи, ни черного леса, ни таинственного кладбища.

Лето на исходе. Из отпусков возвращаются учителя. В учительской оживленно, коллеги обмениваются впечатлениями. На пороге возникла улыбающаяся Везувия Сергеевна:

— Варвара Александровна, зайдите ко мне!

— Началось, — буркнул Валерий Иванович.

— Варвара Александровна, мы тут посоветовались с завучем и решили вам в этом году дать еще и химию, — голос директорши звучал ласково-спокойно, даже чуть просяще. — Дело в том, что преподаватель химии, как вам известно, уехала, а новенькая — молодая, может вести только биологию. Вы же учитель опытный, кстати, раньше в другой школе вели химию. В дипломе у вас значится: преподаватель химии и биологии.

— Везувия Сергеевна, мне бы не хотелось. С реактивами большие трудности. Пусть одна биология. Сколько будет.

— Что вы! Это очень маленькая нагрузка. У вас же дети! Вы уж не откажите нам в просьбе. Видите, какое положение. На экзамене вы вместо Галины Васильевны отлично справились. Досталось вам, это мы понимаем и оцениваем.

— Ну и что ж! Химия так химия! — решила про себя Варвара. Мягкая натура ее не могла устоять перед просьбой. Тут она была безоружна. — Этот предмет я тоже люблю, особенно органическую химию. Только зачем нужно было брать еще одного учителя?

Если бы Варвара знала, что задумала Везувия, то никогда бы не согласилась.

Нина Николаевна

— Ой, Везувия Сергеевна, — запела Елена Егоровна своим елейным голосочком, — паричок-то вам как идет! Больше сорока и не дашь!

— Что вы, Елена Егоровна! Разве париком здоровье поправишь? Год бы этот дотянуть. Муж и то говорит: «Везунчик, ты совсем замотанная!»

— В мохер! — буркнула Нина Николаевна.

Везувия не расслышала или сделала вид, что не расслышала. Но через минуту объявила:

— Нина Николаевна, я к вам на урок собралась.

Нину Николаевну нервно передернуло. Схватив тетрадь с планами, старая учительница поспешно направилась к полке с классными журналами.

— Пойдемте!

Учащиеся поднялись из-за столов, приветствуя вошедших.

— А вы что-то к нам зачастили, — бесцеремонно высказался Иванов, — обществоведение подучиваете? — Но, заметив волнение учительницы, осекся. Директорша расположилась за последним столом, вытеснив двух учащихся, раскрыла тетрадь и застрочила.

Прерывающимся от волнения голосом Нина Николаевна начала объяснять урок. Учительница вычерчивала на доске схемы, объясняла по таблице. Тема урока «Прибавочная стоимость». Очень торопилась. Материала много, а времени мало. Все хотелось рассказать старой учительнице, все разъяснить до мелочей.

Время бежит неуловимо быстро, минута за минутой. Сколько было таких минут, часов в жизни Нины Николаевны? За плечами — целая жизнь. Трудное детство, война, отнявшая мужа, потом смерть взрослой любимой единственной дочери. И сейчас ежечасно волнуется за судьбу двух внуков, живущих вдали при новой матери. Не сладкая у Нины Николаевны жизнь, полная тревог, бесконечных забот. Будучи на пенсии, снова пошла работать в школу. Так хочется еще пожить любимым делом, да и внукам помочь встать на ноги.

— Вот еще запишите, ребята! — обращается Нина Николаевна к учащимся, но звонок, неумолимый звонок извещает, что запись придется сделать на следующем уроке. Жар охватывает голову, сжимает сердце.

— Опять на уроке не успела закрепить новый материал! Ну, просто беда! Как только Везувия на уроке, делаюсь несобранной, размазней, да и только! — сокрушалась Нина Николаевна в учительской. — Такой тяжелый год выдался, третий месяц проверяют и проверяют. То директор, то завуч. Не подхожу, так бы и сказала сразу!

— Это вы-то не подходите? — засмеялась молодая офицерша. — Я у вас несколько раз была на уроках. Мне нравится, как вы

учите. И обращение, и манера, и метода у вас хорошие, не говоря уж о знаниях. Долго мне до вас тянуться!

— Историю у нас ребята знают, — поддержала новенькую Зинаида Кузьминична. — В вопросах философии разбираются. Даже этот Зураб Гогитидзе с удовольствием глаголет о проблемах бытия. А раньше как с ним мучились!

— Когда вы на уроке, совсем другое дело. Я работаю в нормальных условиях. Знаю, что не будут терзать, к ерунде привязываться, из мухи слона делать. — Нина Николаевна кивнула в сторону директорского кабинета.

— Нина Николаевна, а чем вы не угодили директору?

— Мария Ивановна, вам ли не знать? А вы чем не угодили?

— Я — другое дело: когда начинала работать здесь, долг назад попросила, дура деревенская. Ведь есть поговорка: «Деньги — не рыжики, и зимой растут». Заработала бы. А вы-то чем?

— Будто не знаете, что не голосовала за звание «Отличник просвещения» для Везувии, — усмехнулась Нина Николаевна. — А кто еще не голосовал? Варвара. Она тогда на больничном была. Варвара бы не позволила совершить произвол, превратить вас в послушное стадо баранов. Вот ее и бьют и плакать не дают. Совсем учительницу затиранили, до психоприемника решили довести! Одна против ханжества пошла.

— Вот пошла, и пусть терпит, — возникла Елена Егоровна. — И вы, Нина Николаевна, терпите. Варвару еще на педсовете поддержали! К ней да к вам и ходят на уроки, а мы, как видите, без волнений живем. Вы — наша передовая.

— Хороша передовая в мирное время! Вы, Елена Егоровна, страшные вещи говорите. Неужели так и думаете?

— А что мне теперь делать? Я председатель месткома, должна работать в контакте с начальством.

— У вас не контакт, а негласный сговор террористов. Соберете тройку — вы, завуч с директором во главе — и бьете, бьете учителя, да все по голове норовите, по нервным клеткам. И самое страшное, что оформляете в рамках законности, протокольчики строчите. Две подпевалы при одной запевале. И откуда вы такие в наше время? Везувия — вообще не наш человек, не советский. Я, как старый член партии, не боюсь об этом сказать. Последний год работаю в школе. Старая я, на седьмой десяток пошло. Но помните мое слово: сор, который вы развели, скоро будет, возможно, вместе с вами выброшен через порог. — В учительскую вошла Варвара Александровна.

— Нина Николаевна, что с вами? На вас лица нет! Что случилось? На уроке опять были? Я сейчас таблеточку вам дам, зелененькую. Очень хорошая таблетка — элениум. Чудесное

средство, но часто нельзя пользоваться, перестает действовать. Хорошо успокаивает. Возьмите все. Мне теперь другие выписали.

— Милая Варя! Добрый мой человек. За что вас и люблю. Да все вас любят! Кроме, пожалуй, Елены Егоровны. Это у ней от зависти. В последнее время жизнь у Елены не получается, все косяк-наперекосяк. Сама виновата, с пути сбилась.

— Знаете, Нина Николаевна, вы уж слишком перехватили! — Елена Егоровна соскочила с дивана. — Вот сейчас пойду и... и...

— И доложу директорше, что меня обижают, — продолжила Нина Николаевна фразу, начатую Еленой. — Соберете тройку свою, вызовете меня на ковер и начнете прорабатывать, что митингую?

— Только посмейте, — чеканя каждое слово, сказала Варвара. — Я давно в райком зайти хочу.

— И я, — негромко добавила Мария Ивановна. — Такие сложные проблемы решать надо в связи с особым составом учащихся, а вся энергия вашей тройки направлена черт знает на что! Какая-то мышиная возня вокруг кормушек. Развели бабство!

— Таких отличных специалистов беречь да беречь надо. Такие кадры для данной системы, — как бы продолжая думать вслух, сказала Алла Алексеевна.

— Да и молодых учителей растить надо, поддерживать в начинаниях, — не удержалась чаще помалкивающая Зинаида Кузьминична. — Из хороших специалистов делаете троечников, равнодушных приспособленцев. А здоровье-то как наше гробите? Не от уроков часто устаешь, хотя работа с таким контингентом — не сахар, сама знаешь, — обратилась Зинаида ко все еще стоявшей месткомихе. — Просто диву даешься, — все распалялась географ,— была Везувия одна, потом завуч запела с ней дуэтом, а потом и ты в трио включилась? Звук металла на груди не терпится услышать? А ведь «Отличницей» стала Везувия, не ты. Неужели не понимаешь, что тобой прикрываются, тебя используют, что так нельзя? Пора тебе, Елена, одуматься!

— Правильно вы говорите, Зинаида Кузьминична! — отозвалась молчавшая всегда Валентина Егоровна. — Вот я пришла сюда из детской школы, стаж маленький, желание работать большое. Так мне хотелось стать хорошей учительницей. А стали придираться, по мелочам изводить, махнула рукой. Сначала ругали за дело, но было необидно. Потом отстали, стали не замечать моей плохой работы. Думала уйти, дети маленькие, муж заочно учится, зарабатывает мало, квартиру получили. Здесь побольше платят. А если молчишь да поддакиваешь, и совсем хорошо нагружают часами. И не смотрят, как ты там в классе работаешь. Учишь или так, язык чешешь. Чтобы хорошо дать

урок, надо к нему хорошо и подготовиться! — Валентина залилась краской. — Вы не считайте, что я только о деньгах думаю. Обидно за хороших учителей. Трудно вам, Варвара Александровна, кое-как вы не умеете и никогда не сумеете, да и Везувии Сергеевны потактичнее. Она вам и не прощает. И Нине Николаевне тоже. Услышит это директорша, что делать будем? — вдруг спохватилась Валентина Егоровна.

— Если там, услышит. У ней дырка в стене и воронка в шкафу! — хохотнул Валерий Иванович.

— Узнает, — спокойно сказала Мария Ивановна. — Елена Егоровна пулей вылетела из учительской. — А вот и почтовый голубь полетел.

— Нет, вы только послушайте, как разговорились! — снова оторвалась от тетрадей Алла Алексеевна. — Разоткровенничались вслух.

— А мы что, не люди? Оценить себя по-людски не можем? — Валерий Иванович поднялся и пошел пить воду из графина. — Скоро 8 Марта, праздник. Значит, избиения ждите на днях. Готовьтесь!

— Мы и так готовы, — хмыкнула Мария Ивановна. — Всегда перед праздником испортит настроение. Придешь домой и вся трясешься, как в лихорадке. Что за манера у Везувии? Комок злобы, а не человек.

— Радуйтесь! Весна на двор ступила. Дачный сезон начинается, некогда ей будет в школу приезжать,

«Вот высказалась на педсовете и терпи!» — думала Варвара над словами Елены Егоровны, шагая по безлюдному полю.

Это совместное совещание учителей с начальниками отрядов в конце первого полугодия Варвара Александровна и ее коллеги запомнили надолго. В своем выступлении директор школы подвергла критике, как всегда, облюбованную кандидатуру. Такой фигурой на этот раз была Зинаида Кузьминична, географ по специальности, женщина с внутренней культурой и огромным тактом. Муж Зинаиды, летчик-испытатель, погиб, и она одна растила сына и дочь. Работая в колонии не один год под начальством Везувии, сохранила независимость в своих суждениях. Она была ровесницей директорши, но, несмотря на возраст, оставалась стройной и красивой. Все это, а особенно ее вид, хороший цвет лица, чего не было у Везувии и к чему она стремилась все время через косметические кабинеты, раздражали директора. Давая оценку работе учителей за полугодие, в адрес Зинаиды Кузьминичны Везувия неожиданно бросила:

— Вы плохая учительница, предмет свой не знаете, отстали в знаниях, с классом не работаете, воспитательную работу

запустили.

Зинаида сидела, опустив голову, сгорая от стыда. Ведь присутствовали все начальники отрядов, политотдел колонии. Спорить? Бесполезно, да и некрасиво. Оправдываться? Она не считала нужным, трудилась как могла, добросовестно, предмет свой знала. Зинаида молчала. Вот тут-то Варвара и не выдержала. Попросив слово, впервые публично пошла в атаку. Она говорила о тех задачах, которые им приходится решать, о роли учителя, его авторитете. В конце выступления открытым текстом вышла на директоршу:

— Везувия Сергеевна, я вас не понимаю. Учителя у нас трудолюбивые, знающие, владеющие методиками, причем своими, особыми для этой системы. Пора начинать обобщать их опыт. Мы часто бываем друг у друга на уроках, да и стены в классах тонкие, хочешь не хочешь — услышишь! Вы как администратор так действуете на коллектив, что последние испытывают чувство постоянной вины. Люди начинают думать о своей неполноценности, о своей профессиональной непригодности для работы в других системах народного образования. Поэтому и не дают вам должного отпора. Вы факт порой высасываете из пальца. Сами же часто не правы и нарушаете законность. Странно вы себя ведете.

Совещание на этом не закончилось. Когда начальники отрядов покинули школу, Везувия отменила занятия для продолжения разговора. Директорша думала утопить возникший бунт в Варваре, обвинить ее в умышленной лжи на администрацию школы, но просчиталась. Варвару поддержали многие учителя. Особенно резко выступил Валерий Иванович. Он так и сказал:

— Пора с диктаторством кончать! Не мешайте нам работать, а мы не будем мешать вам отдыхать!

Много было высказано в адрес директорши Ольгой Петровной, председателем местного комитета школы, в котором, кроме председателя, не было ни одного члена. Протокол разговора никто и не думал вести, да и сор из избы не понесли дальше. После этого совещания Везувию как подменили. Она была сдержанна и ласкова. Все радовались тому, что здоровая критика подействовала правильно, и успокоились, забыв про то, что, как у пантеры под мягкими подушечками, у Везувии таятся когти.

И вот Ольга Петровна не стала председателем месткома, так как по сокращению штатов приказом по роно была переведена в детскую школу в группу продленного дня. В колонии не оказалось достаточного количества неграмотных осужденных,

чтобы иметь начальные классы. Ольга ушла, а через десять дней такой класс был открыт. Учителем стала работать новенькая — жена военнослужащего. Председателем месткома под напором Везувии выбрали Елену Егоровну. Валерия Ивановича во втором полугодии тоже наказали: еле наскребли ставку. Зато в школе появились новые совместители — почасовики-бегунки из жен военных. Валерия держали, как невесело шутили учителя, «в черном теле». И вот опять закрытый бунт.

Волнение, охватившее учительский коллектив, о котором узнала Везувия, не на шутку встревожило директоршу. Она привыкла сама причинять людям боль, наслаждаться этой болью.

— Как эти, не видящие в жизни ничего, кроме этих лагерных стен, учительши, посмели говорить такое?

— Вот и посмели, — ответил ей внутренний голос.

— Сама хороша, травлю и травлю эту пару паршивых овец. Вдруг и вправду пойдут в райком?

— Пойдут, — травил Везувию внутренний голос.

— Да заткнись ты, совесть! Нет тебя у меня. Я завидую и мщу. Ненавижу их и их дела!

Черные тучи

В помещении штаба в крошечной комнатушке — шкаф. В нем хранятся химические реактивы. Преподавание химии в зоне Варвара хорошо представляла, но не задумывалась над деталями. Химические вещества для проведения урока приходилось вносить и выносить в зону и из зоны два раза в день: в первую — утреннюю — и во вторую — вечернюю — смены.

Пятиминутные короткие перемены, отсутствие лаборанта из вольнонаемных создавали тоже сложности. Сколько раз Варвара просила оформить Кудрявцева. У него, сидящего за воровство, соринки из класса не вынесут. Кабинету химии любая городская школа позавидует. Все свободное время Кудрявцев проводит в нем: чертит, пишет, рисует. Дали бы разрешение — и таблицу Менделеева электрифицировал бы. А на должностях в зоне работают осужденные и библиотекарями, и завхозами, и поварами, и медбратами в санчасти. Начальник отряда Покиладзе не возражал, замполит поддерживал. Одна Везувия ни да ни нет.

— Очень сложно вести химию в этой системе, — размышляла Варвара, по-женски наводя порядок в шкафу. — Главное — опасно. Был же в прошлом случай у химички Галины Васильевны. Учащийся на уроке специально обжег руку серной кислотой, чтобы не работать на производстве.

Как выяснила потом Варвара, директорша лаборантскую ставку отдала в роно, на которой держали там дополнительную

секретаршу.

Убирая в классе со стола приборы, Варвара мечтала об отпуске. Бесконечно трудным был учебный год. И в то же время скоротечным. Она уже представляла, как, распрощавшись с учащимися, учителями, вынесет все оборудование после экзаменов за зону и через знакомое поле по узенькой тропочке, по мостику, через речку и... Веселая вереница мыслей оборвалась разом. В кабинет заглянула Везувия:

— Прошу срочно зайти. — Перед Варварой директорша выложила приказ №324 по школе от 12 апреля. — Распишитесь!

— А почему от 12 апреля, когда сегодня 10 июня? — удивилась Варвара, взглянув на приказ. В нем черным по белому было написано, что ей объявляется выговор за то, что она разрешает осужденному Кудрявцеву Николаю работать в кабинете. И что ее предупреждают на будущее не допускать такой вольности.

— Дожили до приказов, — тяжело вздохнула Варвара, взглянув на Везувию. Глаза директорши горели хищным кошачьим блеском. — Что вы за человек? Почему такого указания не было в прошлом году, в начале года, когда лишенный прав по суду Кудрявцев оформлял всю школу, да и ваш кабинет черчения?! Вы его использовали почти год в качестве библиотекаря! Я еще раз спрашиваю, почему приказ от 12 апреля, когда сегодня 10 июня? Вы что — болели или я отсутствовала?

— Варвара Александровна, Кудрявцев вор, преступник!

— Что украдено им в школе?

— Может украсть!

— А у школьного библиотекаря хищение государственного имущества почти на миллион! А вы ему доверили библиотеку. А новый завхоз Федор — убийца. К себе подачками с «барского стола» приваживаете! — нервно засмеялась Варвара. — Держится на доносах да слежках. А Кудрявцев украдет картотеку, написанную с такой любовью и изяществом. Или чертежи из вашего кабинета, что сотворил в свободное от работы и учебы время. Давайте, гоните его вон, как бездомную собаку! — не сдержалась Варвара. — Всю жизнь его гоняли, потому и сидит у нас в лагере. Не видите разве, как он изменился? — пыталась Варвара найти последний аргумент в защиту своего ученика. — Начальник отряда Покиладзе и тот говорит: «Что вы с ним сделали? Второй год ни нарушений, ни проказ. Поощрил недавно дополнительным свиданием, только отец-пьяница не приехал». А он не обозлился на мир. С Кудрявцева сняты все взыскания. Побольше бы таких результатов, опустели бы эти стены! — красная, негодующая, выскочила Варвара из директорского

кабинета, пролетела по коридору, ворвалась в учительскую, ни слова не говоря схватила сетку с реактивами, пулей вылетела на крыльцо.

На школьном дворе было тихо и безлюдно. Белые нарциссы раскинули свои неброские, но славно пахнувшие лепестки. Ослепительное солнце било по молодой зелени, расцвечивая в более яркие тона. Варвара прошлась вдоль грядок, на которых бывший разжалованный завхоз Владимиров выращивал календулу не как желтые ромашки, а как лекарственную траву на случай болезни. Волнение немного улеглось. За последние годы Варвара учила себя переключаться, это ей удавалось, но не всегда.

За воротами школы ее поджидали. Кудрявцев подхватил сетку.

— Давайте помогу, тяжелая ведь.

Второй провожатый, вездесущий Орлов, сказал:

— Да вы, Варвара Александровна, не расстраивайтесь!

— С чего ты взял? — попробовала отшутиться Варвара. — Экзамены сегодня шли хорошо, ребята отвечали неплохо, один Белозеров шпаргалил.

— Да я не о том! — открыл Орлов свой буратинный рот, обнажив зубы далеко не деревянного человечка. Орлов улыбнулся, а рот распахнулся от уха до уха. Варвара не выдержала, засмеялась.

— Вот вы опять смеетесь, и все смеются. А мне не смешно. Из-за этого рта, из-за этого рубильника, — Орлов с силой дернул себя за нос, — и девушки не любили. А я мужчина, как тут в грех не впадешь?

— Слушай, Орлов. Если ты будешь еще и подслушивать, у тебя и уши станут, как у осла, ты уж прости. А если говорить без смеха… Как тут у вас глаголят? «Мужчина должен выглядеть…»

— Как, как… Ну, чуть покрасивее обезьяны.

— Ты и сам ответил. Не лицом красен человек, а своими поступками, душевными качествами. На твоем пути будет такая женщина, которая тебя поймет. Ты только сам не спеши, как в прошлый раз.

— Понял, понял, Варвара Александровна, не надо! Насчет учительской скажу: больше не буду торчать под дверями, слово даю. Некрасиво слушать плохое о хорошем человеке. Стыдно.

— Стыдно? — Варвара снова засмеялась. Видно, сказывалось пережитое нервное перенапряжение. — Давно ли сам говорил: «Где был стыд, там мох вырос».

— Говорил. И даже под дверями учительской давно не торчал. С самого марта. Сегодня грех вышел. Пороки-то не сразу

изживаются. Меня Везувия приглашала осведомителем у ней поработать. Нашла дурака. Раньше у ней служил Дмитрий — «шнырь» кривой, пока старый хрыч от паралича не загнулся: все, что слышал и видел, пересказывал. Этим и держался возле школы. Вот бывший завхоз на это дело не клевал. Скажу вам: готовит Везувия против вас что-то. Но что — не знаю. А замышляет. Один пацан мне доложил. С Шурбинским у нее васьвась! Смотрите в оба. Как на духу. Я не стукач. Скоро на волю ухожу. Много понял, пока вас подслушивал. Хорошие вы люди — учителя, только ушлые. А ваша Везувия — стерва!

— Что ты мелешь, Емеля! — попробовала остановить его Варвара.

— Не мешайте. Я, может быть, первый раз говорю откровенно на этой проклятой зоне. Спустит Везувия на вас Полкана, а вы в кусты все кроме вас, конечно. За что и уважаю. Непоколебимый вы человек, сильный, а здоровье губите. И все больше за других, не за себя, вступаетесь. Уходите отсюда. Рядом с навозом ходите, не испачкали бы? Ведь так измажут, что и не отмоетесь.

Молча подошли к вахте. Варвара взяла сетку. Говорить ничего не хотелось.

— Вы за меня, Варвара Александровна, не переживайте, — виновато замялся Кудрявцев, — мы устали от больших перенаселенных жилых секций, хочется тишины, уединения. А в школе мне было хорошо. У меня фактически в жизни еще не было своего дома. В школе я почувствовал, что такое слово «дом». Без школы будем все лето скучать. Отдыхайте сегодня. Завтра последний экзамен.

По дороге, наедине с полем, Варвара продолжала разговор с Везувией.

— Если бы я была писательницей, я написала бы о вас. Вы яркий антипод учителя, антилитературный типаж. Только жаль, ваш образ не пропустят в печать. Вы не типичны как директор школы семидесятых годов. Вы не типичны вообще как советский человек. Вы просто — хамелеон семидесятых! Есть же такое в природе на удивление. Рядом с совершенными организмами живут и существуют низшие формы жизни, как сине-зеленые водоросли. И, что самое страшное, живут не хуже высокоразвитых. Приспособились, темнят, заболачивают жизнь и даже приносят пользу — питают порой более высшие организмы.

— Вы чего там скрипите? — неожиданно громко спросил мужской голос. Варвара оглянулась. Ее догонял Вахин.

— Юрий Петрович, вернулись? Долго же вас учили! Чего скриплю, спрашиваете? Вот подшипники шейные рассыхаются, — пыталась пошутить Варвара.

— С Везувией все воюете? Да, пора нашему отделу взяться. Все дела да дела. Хоть и относитесь вы к органам народного образования, но ваши дела — тоже наши.

— А откуда вы знаете? Мы же не жалуемся?

— Вот и напрасно. Земля слухами живет. Это — не сор, это — реальность. Ваша Везувия нас как директор тоже не устраивает. Повадочки у ней какие-то... — Вахин не докончил. — Вот вернусь из командировки, на поселение надо съездить, посмотреть, как там «наши» устроились. Нынче много уехало. Займусь вплотную школой.

— Счастливого пути и возвращения! Привет бывшим ученикам. Передайте наказ: кто школы не окончил, чтобы учились. Так и скажите: учителя велели.

— Вы, Варвара Александровна, не печальтесь. Разберемся.

— Юрий Петрович, Гусева выручать надо. И еще: повнимательнее к Кудрявцеву. Человек на исправление пошел, надо поддержать. Громовская «кодла», простите, группа, активизировалась.

— Громовской группой мы уже занимаемся. Гусевым — тоже.

— Юрий Петрович, не мое это дело, но и Шурбинский-оперативник волнует.

— Меня тоже. Но здесь не все так просто.

Последний экзамен

Многие учителя уже в отпуске. Ассистентом на последнем экзамене по химии сидела Нина Николаевна.

— Варвара Александровна, что это вы не торопитесь? — Везувия говорила возбужденно, с каким-то надрывом. — В санчасти у двоих надо принять, за зоной десять человек ждет. Со стройки народного хозяйства прибыли! Мы и у них должны принять химию. Не отдавать же проценты другим вечерним школам? «Волнуется, надо же! Первый раз ее вижу такой, — отметила про себя Варвара. — Оказывается, и ей человеческое не все чуждо».

— Мы скоро! — улыбнулась Варвара. — Вот только Шурика опросим и пойдем!

— Что это у вас за жаргон, Варвара Александровна?

— Есть поговорка: с кем поведешься, оттого и наберешься. Мы их воспитываем, они нас, — еще веселее заговорила Варвара, — Но его действительно звать Александром, то есть Шурой, Шуриком.

— Не к добру ты развеселилась! — угрюмо сказала Нина Николаевна, когда Везувия вышла.

— Ты же, Ниночка Николаевна, атеистка, историк, а

приметам веришь!

— То-то и оно, с ней поработаешь, в черта поверишь.

— Ну ладно, ладно! «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя» — наша. Сегодня же последний экзамен на зрелость — и в отпуск! Не верится даже. На целых два месяца.

Экзамен у приехавших со строек принимали в штабе, в кабинете политического самообразования. В дверь просунулась голова молодого практиканта из училища УВД:

— Учительница химии не ушла? — спросил практикант.

— А что? Еще у кого-нибудь надо экзамен принять? — весело отозвалась Варвара.

— Вам велено не уходить.

— Мы и не собираемся. У нас еще пять человек не отвечало.

Спрашивать было трудно по двум причинам. Во-первых, так хотелось узнать, как они, их бывшие, устроились на новом месте. Какие испытывают трудности? Возможны ли возвраты? Во-вторых, учащиеся отвечали плохо, позабыли даже то, что знали. Вот ее плоды — полуволи. Поэтому экзамен шел долго.

Как только все были опрошены, все вопросы выяснены и дверь закрылась за последним выпускником, уставшие, но счастливые учительницы с букетами цветов, полученные впервые от своих бывших учеников, поднялись, в кабинете появился Шурбинский.

— Товарищ Соколова, прошу прогуляться в зону!

Варвара почему-то густо покраснела, руки ее затряслись, ноги ослабли.

— Я с тобой! — подхватила ее под локоть Нина Николаевна.

— Вы, товарищ историк, свободны! Вам там делать нечего! — зло зыркнул маленькими глазками опер.

По территории зоны Варвара шла в сопровождении Шурбинского. Шли молча. В дверях химического кабинета стоял практикант с листом бумаги. В распахнутом настежь вытяжном шкафу, на нижней полке, лежал пакет. В старую пожелтевшую газету была завернута бутылка водки с этикеткой «Столичная», две пачки прессованного чая, плитка шоколада «Ванильный» и небольшая упаковочка, как оказалось потом, с наркотиками. На газете карандашом написана цифра 21, то есть номер Варвариной квартиры. Стояла спиртовка с набухшим фитилем, на дне которой было чуть спирта. Посреди демонстрационного стола разбросаны поздравительные открытки учащихся на имя Варвары, лежали засаленные карты, порнография.

О письмах за занавесками? Что они означали? Провокация?

— Как это понимать? — спросила Варвара.

— Это мы хотели у вас узнать! — с важной солидностью

спросил Шурбинский.

— У меня? А при чем тут я?

— Да, у вас! Все это найдено при досмотре химического кабинета.

— В кабинете? Этого не могло быть! — взволнованно заговорила Варвара.

— Не должно, а есть! — самодовольно ухмылялся Шурбинский.

Начальника внутреннего режима Шурбинского Варвара знала лет пять-шесть. Ранее он служил в тюрьме. Сначала показался требовательным, немного суровым человеком. И внешность соответствовала: лицо квадратное, широкий волевой подбородок. Вот только бегающие маленькие глазки как будто с другого лица. Потом пришло разочарование: мелкий, пустяковый человек. Однажды при разговоре в его кабинете Варвара хотела обратить внимание на то, что участились в зоне случаи полома левой руки у лиц, которых на время надо было изолировать от остальных. Варвара высказала предположение, что делает это какой-то опытный специалист-костолом, так как возникала только трещина, без крупной травмы кости. Неожиданно Шурбинский поднялся, и что-то за занавеской щелкнуло. Варвара догадалась: разговор записывался на магнитофонную ленту. Видимо, такая запись его чем-то не устраивала. Сколько раз, возвращаясь домой, встречала она оперативника пьяным. За зоной Шурбинский не церемонился:

— Свет-ты Варварушка! Пригласила бы на чаек. Одна ведь живешь! Этим улыбочки, а нашему брату служивому одни формальности: «Разрешите войти! Разрешите выйти!» — передразнивал Шурбинский Варвару. — А ведь много знаешь? Сколько гранат тогда с одеколончиком через голову пролетело? Не считала?

— А на что мне считать, — насмешливо-резко отвечала Варвара, — на то есть Шурбинский. Вы и считайте. Мне хватает других цифр.

— Ну, смотри, Варвара. Мы ведь с твоей Везувией одним телефонным проводочком связаны. Друг друга понимаем с мигания ресниц!

— Шурбинский, вы так рассуждаете, будто, кроме вас, никого нет на свете. Вы тут вся власть и управа. Не пугайте!

— До небушка-то высоко, и до солнышка далеко. Переспала бы ночку, можно встретиться и днем. Что стоит? Везувию укусил бы так, что взвыла бы. Надоела она мне своими преподношениями и шу-шу-шу, — нагло ухмыльнулся Шурбинский.

«Действительно, сколько гранат тогда пролетело?» — подумала Варвара. Гранат она не считала. А вот грохот падающих запаянных перебросов слышала. Через запретную полосу летели эти металлические птички и с грохотом ударялись о железную крышу. Одна из них упала в запретку — между высоченным забором с колючей проволокой и школой. В это время начинался урок. В класс неожиданно проскользнула маленькая юркая фигурка и стремительно пронеслась в сторону окна. В решетку форточки могла проскользнуть только такая человеческая змейка. Это был Пеночкин по кличке Шкет. Варвара узнала его по фигурке.

Повернувшись к доске, сделала вид, что ничего не заметила, стала писать тему урока. В классе возникла гробовая тишина. Мгновение — фигурка юркнула через форточку в запретку. Еще мгновение — показалась голова участника переброса. Краешком глаза Варвара видела это. Система научила ее чувствовать, ощущать все вокруг происходящее даже затылком. Но она не подавала вида. Когда посланец исчез за дверью, обернулась к классу и спросила:

— Что за хождение на уроке? Пора угомониться и сесть всем на места.

— Что делать? — лихорадочно билось в мозгу. — Взять с поличным? Это мог сделать Шурбинский, контролеры, оперативники — аппарат внутреннего режима. Это считалось в зоне нормой. Такова у них работа. Если сделать это учительнице, прощения не будет. Значит завтра надо уходить с работы. Да и за зоной такое могут не простить. Доложить Шурбинскому? Это все равно, что взять Пеночкина и при всех отвести к оперативникам вместе с перебросом.

Варвара глубоко, с каким-то прихлипыванием вздохнула, вспомнив пережитое. Точно так же ухмыляется, как тогда за зоной.

— Так как же, гражданка учительница, вас оценивать? — голос Шурбинского бил по голове кувалдой.

Как же, как же, как же... Варвара молчала. Что она могла сказать? Она просто ничего не понимала. Откуда это? Кто подложил?

Составили протокол досмотра. Подписать протокол Варвара отказалась.

Товарный состав стоял не двигаясь. Страшная боль, возникшая в левом боку, не отпускала. Варвара прислонилась к подножке вагона. — Если бы правый, то аппендицит. А в левом боку что? Вот отпустит, перелезу. Но боль не проходила. Варвара Александровна не могла сдвинуться с места. Мимо прогудел

другой товарняк. Вез на ТЭЦ уголь или торф. Машинист махнул рукой и выкрикнул что-то веселое. Прошло минут пятнадцать.

«Ну вот, стало чуть легче. — Варвара отошла к обочине дороги, села. Закружилась голова, все пошло кругом. — Не отходя от кладбища», — пыталась развеселить себя Варвара. Мимо промчалась стайка подростков. Подростки покосились на Варвару.

Не просить же помощи у ребятишек? Варвара легла на траву. Душистые травинки касались Варвариного лица, щекотали нос. Как хорошо-то кругом! Солнце уже не пекло, клонилось к горизонту.

— Надо идти, скоро с работы базовские пойдут, — подумала Варвара. Она поднялась. Пути были чистыми, состав ушел. — Долежалась, дождалась, — усмехнулась Варвара и качнулась. — Ничего, самое главное — не думать. Это у меня давление поднялось, пройдет. Не первый раз. А после такого — естественно. Сколько было «скорых» после стычек с Везувией? Сколько больничных листов? Да разве только у меня?

Бок не болел. Болела левая нога.

— Дойду, спешить некуда, — успокаивала себя Варвара, — младшая в лагере, скоро приедет. Конец первой смены. Старшая, небось, зубрит, в институт готовится поступать, в педагогический. — При воспоминании о дочерях добрая волна поднялась в сердце, отозвалась болью где-то под ложечкой.

— Вот и сердце о себе напомнило. Надо идти. И не только сегодня. Надо развязать этот гадючий узел. Доказать свою невиновность, и Кудрявцева тоже. — Это на несколько минут придало ей силы.

— Что-то со мной совсем нехорошо, подташнивает, — и Варвара осела на дорогу. Ее нашли идущие с базы рабочие, на «скорой помощи» отправили в больницу.

В зону проник слух, что Варвара умерла. Мастер производственного обучения шел по тропе с работы и видел, как бездыханную Варвару поднимали врачи. Один молодой в халате обмолвился:

— Безнадежна, конец.

В приемной замполита колонии Юрия Петровича Вахина толпились трое взволнованных осужденных. Это были Кудрявцев, Пеночкин и уборщик — «старый черт Василий». В углу молча стоял Хлебов.

— Нам на прием! Нам срочно!

— У Юрия Петровича совещание с начальниками отрядов, — сказал дежурный из осужденных.

— Мы можем и на совещании. Ты только скажи Юрию

Петровичу, что так и так, рвутся.

— Организуй! — угрюмо приказал Хлебов. — И быстро!

В конце длинного полированного стола сидел Вахин, по бокам на стульях начальники отрядов. Кудрявцев оробел, когда тяжелая двойная дверь, пропустив осужденных в кабинет, закрылась.

— Что такое? Что за спешка? — тихо спросил Вахин.

— Вот Василий скажет.

Василий, переминаясь с ноги на ногу, произнес:

— Это все она, Везувия. Она позвонила Шурбинскому и велела «шмон» в кабинете химии сделать.

— Досмотр, — спокойно поправил Вахин.

— Ну, досмотр, — угрюмо продолжал Василий. — Как Варвара Александровна ушла за зону экзамен принимать, директорша велела никого в школу не впускать. Всех выгнали, ворота закрыли. А сама в кабинет с сумочкой прошмыгнула. Сумку несла тяжеленькую, а назад пустую, легкую. Сами знаете, я — «щипач», мастер по дамским сумочкам.

— Варвара Александровна никогда ничего не приносила в школу, — взволнованно продолжал Кудрявцев. — Наши пацаны даже мне не верили: «Неужели флакушечку за работу не даст?» Я разве из-за чего-то работал? Хорошие они — учителя. — В глазах Кудрявцева блеснуло. — Я человеком стал делаться. Говори, Шкет!

Пеночкин робко переминался с ноги на ногу.

— Говори прямо! Чего мнешься?

— Забрался я в кабинет перед приходом учительш, благо Куцего, то есть Кудрявцева, нет. Залез в демонстрационный стол. Думал, «сеансы» половлю, за женщинами посмотрю, спиртовочки повылизываю. Хороша хата, только пыль в столе, а так — ништяк.

— Хватит жаргонить, дело давай! — одернул его Кудрявцев. Начальники отрядов молчали, не мешали Пеночкину высказаться.

— Экзамен кончился, вроде все ушли. Лежу, уже надумал из стола вылезать, как слышу, кто-то дверь открывает. Думаю — «шнырь» Василий, знаю — стукач. Затих. В столе темно, дыр нет. «Шнырь» подходит к столу. Все, думаю, вляпался. Слышу: рядом дверца заскрипела и что- то поставили в шкаф. Лежу ни жив ни мертв. Обнаружат — и в «шизо» упекут! И вдруг голос директорши:

— Ты у меня попляшешь, носа никуда не высунешь.

Я вначале не поверил, так на «шныря» настроился.

— Узнаешь, почему петух всю жизнь поет! — продолжала директорша.

— Ну и что? Пусть поет, — думаю, — «жен много, а тещи —

ни одной». Только к чему это она? Потом сообразил, когда узнал, что «шмон», извините, досмотр в кабинете был. Шея у меня длинная, долго доходит, — добавил он, как бы извиняясь. Пеночкин вытянул шею. Она действительно походила на гусиную. Шкет усмехнулся: — В спиртовочках голяк был, а в вытяжной шкапчик тот пакетик-то Везувия вложила. И бутылек там был. Я проверил.

Вахин резко встал:

— Да ты знаешь, что говоришь?

— Знаю, — уверенно ответил Пеночкин. — Шкет да Шкет, а мне скоро двадцать пять стукнет! Говорила нам классная — Мария Ивановна, да и вы, — Пеночкин повернулся к своему начальнику отряда, — о явке с повинной. Вот я и пришел. — Он вытащил из-за пазухи лист белой бумаги, сложенный вчетверо. — Вот моя повинная. Делайте со мной что хотите, но моя совесть чиста!

— Я тоже, — сказал Василий, — нацарапал, коряво пишу, вы уж извиняйте. Не хочу так больше жить.

Расплата

— Везувия Сергеевна, с вами хочет побеседовать товарищ из спецотдела. Подойдите в штаб.

— Чего это я вдруг! — одернула себя Везувия, опуская телефонную трубку на рычаг. — Статья для Варвары: алкоголь, наркотики. — Везувия проглотила две таблетки сухой валерьянки. — Надо было ожидать разговора. И мне отломится как руководителю. Не думала в гневе. Если что, на пенсию сама пойду — на выслугу, все равно пустяк остался.

Товарищ из спецотдела областного управления внутренних дел положил перед Везувией на стол три заявления.

— Прочтите. Что скажете, директор? — Везувия побледнела.

— По злобе это, сговорились.

— Может быть, и сговорились, разберемся. Вы подождите здесь. С вами хотел встретиться товарищ из органов. Что-то задержался в зоне.

— Вот и все, «вляпалась», — почему-то вспомнила Везувия слово из заявления Пеночкина. — Похоже, дело пахнет не пенсией.

Минут пять Везувия сидела тихо, не шевелясь, потом резко поднялась, пошла к выходу. Молодой лейтенант, работник спецотдела колонии, пытался ее остановить:

— Вас просили подождать.

— Я сейчас вернусь, — голос директорши звучал спокойно и убедительно.

Во дворе штаба Везувия подошла к своей «Волге», села за руль. Еще мгновение — машина сорвалась с места. Не всматриваясь в бугры и ямки проселочной дороги, ведя машину на бешеной скорости, выскочила на шоссе. Страх и состояние перевозбуждения гнали ее от учреждения особого назначения под кодовым названием в сторону от своего дома, где жила семья. Везувия, грубо нарушая правила дорожного движения, обгоняла поток движущихся машин.

— Прочь, прочь, прочь, — стучало молотками в висках — Прочь...

Повесть закончилась гибелью Везувии. Если сейчас я стала бы переписывать «Зону», то события, согласно не литературному, а чисто документальному повествованию, развивались бы совсем по другому сценарию. И повесть не закончилась бы по шаблонной схеме гибелью персонажа в автомобильной аварии. Так что же было на самом деле?

Я стала неудобной для директорши, не пользовавшейся уважением среди учащихся. Но как вывести из коллектива хорошего учителя с безупречной репутацией? Путь один — компромат. Узнала позже: курсанты училища МВД, проходившие практику, оставили в кабинете химии письмо, но, испугавшись, изъяли. Что было за письмо и о чем, можно было только догадываться. Конечно, с «воли», конечно, кем-то заказанное, и уж точно со сфабрикованными фактами. А верили больше не нам, а зекам. Некоторые, ради даже малого, готовы были родную мать продать.

А возможно, оно было написано совсем и не теми, кто вышел на «волю». В этом отношении работа в этой системе опаснее физического воздействия. Каждого могли в любой момент обвинить в чем угодно, лишить работы и даже отдать под суд. После меня таким же способом удалили из коллектива других неугодных учителей. А учителя физики даже осудили, получил срок. Подстава была чуть с другой методикой.

Перед началом учебного года меня, никуда не вызывая для разговора, просто лишили пропуска на вход в учреждение прямо на проходной. Колоссальный несправедливый стресс вылился в гипертонический криз.

Запись по случаю...

Сильная боль в правом боку. «Скорая помощь». Предположительный диагноз — аппендицит. Больница №6 сегодня дежурная по городу. Боли уже не чувствую, а на вопрос говорю: «Болит». Операцию делают под местным наркозом. Он не

действует: или от состояния обостренной чувствительности нервной системы в тот момент, или от особенностей моего организма. Операция болевая. Режут по живому. Ужасно это! Кричу: «Не рвите печень!» Она, как показало появившееся лет через шесть-семь УЗИ, была действительно травмирована по желчегонному протоку. Слышу слова: «Этого тебе еще не хватало!» Дают общий наркоз, началась рвота, захлебнулась в собственном дерьме, откачивали — удалили то, что попало в дыхательные пути. Очнувшись, обнаруживаю на себе белую больничную рубашку, разукрашенную ягодами черноплодной рябины, съеденной накануне. Подошел анестезиолог:

— Молодец, что настояла на операции. От внутреннего кровоизлияния живот был полон крови. Через сутки была бы трупом.

Осень 1977 года

Вскоре я лежала в пульмонологическом центре той же самой больницы под №6. Кашель, потом гнойный бронхит. Уже к концу третий месяц, а мне все хуже. Перевели в боковой отсек, где смертники. Врач молодая, неопытная. Ну везет же мне! Все время — подопытный кролик. Новая, не прижившаяся методика: вливают в бронхи раствор примерно в объеме 100-150 кубиков. Только не надо бояться! Надо вести себя так, будто с открытой для дыхания глоткой летишь на амбразуру. В груди после этого хлюпает.

Потом очищали бронхи. Называли эту процедуру бронхоскопией. Наверное, что-то застряло после операции под названием аппендицит, хотя у меня этот аппендикс и по сей день целехонький.

При бронхоскопии человеку за счет введения в вену лекарственных препаратов, отключают сознание, вставляют в дыхательные пути металлические «шпаги». Если бы я увидела их до, наверное, не согласилась бы на такую процедуру. Врачам за короткий срок, в течение нескольких минут, не повредив дыхательных путей, надо было вставить чуть ли не метровой длины эти металлические расширители, похожие на шпаги, затем опустить маленькую лампочку и осмотреть бронхи изнутри.

Как-то в коридоре больницы я встретила того хирурга, что делал мне тот «аппендикс», поздоровавшись, спросила:

— Вы меня помните?

— Еще бы! — отстраненно ответил врач. — На всю жизнь.

Оказывается, его тогда сильно взгрели за то, что, не установив диагноза, не подготовил больную к операции, располосовал так, что длина раны была почти в тридцать

сантиметров. Вот заштопал прекрасно. Я еще тогда подумала: в чем он-то виноват, раз так старался? И не ошиблась. В 1983 году мне пришлось перенести еще одну операцию, тоже с реанимацией, но уже тщательно подготовленную. А до операции опять была «скопия», так как еще не было УЗИ.

А на всякие «скопии» мне везло. В 1982 году делали лапароскопию — с помощью спецбура сверлили отверстие в животе, вставляли длинный глаз и смотрели, что там, внутри, предварительно надув живот оксидами азота, т.е. «веселящим газом», после которого действительно хотелось хохотать, если бы не тошнотное состояние. А дырявили меня без обезболивающих, так как в карточке больного значилось: не переносит такие-то, такие-то и такие-то лекарства. Врачи на всякий случай решили обойтись без химии. Делали эту самую «брюхоскопию» в железнодорожной больнице у известного врача этой методики, но с участием не самого Шабанова, а его ученицы. Меня вертели на подъемнике то в одну сторону, то в другую, то вверх, то вниз. Я теряла сознание, а всем было не до меня. Сбежавшимся эгоистам-врачам интересна была новая методика, всем хотелось заглянуть туда. Существует же поговорка: «Враг только прикидывается другом».

Административная репрессия

Выйдя из больницы ослабленной и физически, и морально, я все- таки пыталась бороться: решила пойти на площадь Мира и объясниться с руководством о непричастности к историям и обвинениям, о которых не имела ни малейшего представления. Разговаривать по этому вопросу с управлением образования не имело смысла. При входе дежурный, спросив о цели визита, доложил по инстанции. Этот кто-то дал указание пропустить. Входя в кабинет, я услышала часть разговора офицера и поняла, что речь идет обо мне. Прием был жестким, даже, я бы сказала, грубоватым. Толком ничего обо мне не зная и не выслушав обвинил в лояльности по отношению к лишенным прав по суду. Позднее узнала, этот офицер — из бывших партийных работников, в этой системе новый человек. А согласно тому времени, виноват тот, кого обвиняют. Я почувствовала себя снова жертвой, уже не политической, а административной репрессии. Бороться со всей системой, с этой махиной «правосудия» было бесполезно. Вскоре были выведены из преподавательской команды и другие учителя. Мало того, физик Василий Иванович получил судимость за пронос в зону чего-то съестного. А как быть, если учителя вели уроки и в первую, и во вторую смену? А столовой рядом не было. В то время считалось преступлением угостить заключенного конфетой даже в количестве одной штуки. Я лично не могла положить в рот куска, если видела голодные глаза человека, на завтрак которого порой был только суп из плавающей в ней кильки. Я делилась куском. Именно в этом и была моя «лояльность»? И как только меня за решетку не упрятали?

После того, когда я уже не работала в этом заведении, там случился пожар. Это был не просто пожар. Это был лагерный бунт.

Лагерный бунт

Что такое лагерный бунт, мне известно не по разговорам и книгам. Работая в системе с усиленным режимом, где находились люди не с одной судимостью, многие из них не знавшие, что такое дом, семья, считая места заключения именно своим местом в жизни, объединялись, создавая группы. Порой они были с

отрицательной наклонностью — их величали «отрицаловкой». Но я заметила такую особенность: в таком объединении было много активных людей — лидеров. Но их жизнь сложилась так, что, получив неправильную ориентировку, двигались по другим правилам общества. Во внеклассной работе я часто опиралась именно на эту активную часть группы. Надо провести вечер чтения литературных произведений, с кем-нибудь встречу или КВН по химии, мигом включаются и организуют. А потому о внутренних событиях в зоне мне было известно больше, чем администрации. Более того, мне доверяли и порой спрашивали совета. Я давала их только с глазу на глаз, в отсутствие свидетеля. В оценках была справедлива и открыта для разговора, становясь сама заряженным аккумулятором, так как любая информация оставалась во мне. Будучи учителем до мозга костей, выдавала нужные разумные советы. Сколько раз была в курсе, что есть решение сжечь ненавистные тесные бараки. «Ну и что? — спрашивала я у парня. — Вам сроки добавят, в другие, еще худшие условия поместят. А нас, учителей, переувольняют. На наше место придут другие. И неизвестно какие». Советы простые, а действовали отрезвляюще.

Один лагерный бунт я видела в начале своей работы. Спровоцировала его кучка осужденных не со светлыми волосами. Они стремились завладеть внутризековским руководством, установить свои порядки, но встретили отпор. На территории развернулась в буквальном смысле слова битва. В тот день еще за воротами проходной колонии я почувствовала напряжение. Было ощущение, что воздух в колонии раскален, наполнен отрицательной энергией. По территории стремительно шла группа, глаза у парней горели и странно поблескивали. Но это был блеск не от выпитого чифира. От крепкого чайного настоя обычно расширяются только зрачки глаз.

«Что-то в зоне происходит», — подумала я. Но время торопило прибавить шаг. Скоро по расписанию должен начинаться мой урок. Через три часа, отработав нагрузку во второй смене, я, как всегда, не стала поджидать остальных учителей, направилась к выходу. За школьным забором слышались крики, вопли, отборный махровый мат. Парень, влетевший во двор школы, крикнул:

— Не выходите! Там бунт!

Но я, не сознавая опасности, не хотела показать, что испугалась. В зоне нельзя быть слабым. Шла спокойно среди дерущихся окровавленных людей через всю территорию колонии в сторону проходной. Навстречу бежали спецотрядовцы с дубинками, прикрываясь щитами. Один из военнослужащих

крикнул прямо мне в лицо:

— Женщины еще тут! Быстрей к вахте!

В санчасти в ту ночь не хватало бинтов перевязывать раненых. Последствия бунта были известны. Многих в зоне на другой день не оказалось.

Все это я вспомнила как страшный сон. А о том, что после такого поступка мой авторитет среди осужденных еще больше укрепится и вырастет, я не думала. Что это дало мне? С одной стороны — свободнее ориентироваться в воспитательной работе, с другой — возрастающую неприязнь со стороны директорши и ее приближенных, характеристика персонажей которых в книге не отличается от их поведения в жизни.

Рассказано по случаю…

Через несколько лет, когда я уже не жила в микрорайоне «Чайка», в троллейбусе ко мне подсел один из бывших зеков. Надо сказать, многие вне зоны были рады встрече, даже перебегали дорогу, чтобы поприветствовать, поговорить, рассказать о себе. Лишь часть опустившихся прятали лица, видимо, стыдясь своего положения. Был и такой случай. Освободившись после долгой «сидки», один из моих бывших учащихся, отыскав мой адрес, пришел в квартиру с просьбой помочь — на заработанные во время отбывания срока деньги выбрать современную одежду, чтобы появиться среди своих, говоря современным языком, не «лохом».

Так вот, мой троллейбусный попутчик рассказал мне о бунте и о пожаре в колонии после моего ухода. От него я также узнала, что в зоне были телохранители, оберегавшие меня. И кто был одним из них? Тот, что вышел на меня с ножом в целях завербовать в учительскую шестерку. Я сама разобралась с организаторами, не подключив никого из офицерского состава. Это привело бы к повторным судимостям.

Как рассказывал попутчик, во время бунта бегали с горящими факелами, поджигали жилые бараки и другие помещения. Сожгли и два школьных здания. Сгорели документы, классные журналы, надо было все восстанавливать. Поэтому директоршу, которую готовили к увольнению, после пожара оставили. Но позднее эта участь не обошла и ее. Все старались забыть, как вывозили осужденных в вагонах, не приспособленных для перевозки людей, где задохнулся от приступа астмы один немолодой хозяйственный армянин. Он сидел за то, что один снабжал весь город разными товарами, по сути, был современным отличным предпринимателем. О многом мы тогда говорили с попутчиком в троллейбусе, пока, как он выразился, «совершал с учительницей

круг почета». А я вспомнила свой школьный, лучший в районе, химический кабинет, куда было вложено столько умений осужденных. Кабинет мог быть еще интереснее. Учащиеся предлагали, например, создавать освещенную таблицу Д.И. Менделеева с движущимися светящимися протонами вокруг ядра химического элемента. Ведь среди учащихся были люди с высшим специальным образованием, выдававшие себя за полуграмотных, чтобы ходить в школу на занятия. Москвич по фамилии Френкель (не Ян, композитор) сидел как фарцовщик по фирменным джинсам. А сейчас кто ими только не торгует! Но начальство (насчет оснащения школьного кабинета) сочло нарушением порядка собираться кучками. А в бараке сидеть группой, пить «чифир» и заниматься другими делами — можно? А темные шторы на окнах из тканей, сэкономленных от швейного производства? Они так необходимы для утренних занятий при демонстрации учебных фильмов и слайдов! Считать преступлением со стороны учителя и учеников? Я не забуду одного из зеков-умельцев, который предложил делать канаты буквально из отходов — это дало большой доход колонии. На одном конце территории один крутил веревку рычагом в одну сторону, на другом конце другой осужденный крутил веревку в другую сторону. Я еще смеялась:

— Крути, крути, наматывай! Копейку зарабатывай!

Или умение создавать разные поделки.

— Нужны, — говорила я замполиту Павлову, — условия для творчества, материалы, надо занимать свободное время, нагружать! Это может и доход дать. А то такая орава молодых мужиков часто без дела.

Павлов меня поддерживал, но продвинуть идеи был не в состоянии. Там, наверху, часто сидели люди с высокими партийными взглядами. Вот и результат — бунт, сожженная колония, новые судимости, которых могло и не быть.

Жертвенность или польза?

Работа педагога в системе усиленного режима чем была для меня? Самые здоровые, лучшие годы моей жизни проходили с большой нагрузкой, за высоким забором, бок о бок с теми, которых лишили прав жить на свободе. Что дали они мне? Оглядываясь назад с высоты своего возраста, хочу сказать следующее: находясь в темной полосе своей жизни, попав в еще

более темную, не пала духом. В противовес черному существует светлое — так зарождалась и развивалась веселая жизнерадостная детская поэзия. Зона освободила меня и от розовых очков, научила контролировать свои поступки, а не идти на поводу эмоций, жить более разумно, а не только руководствуясь чувствами. Более философски смотреть на жизнь, отличать справедливое от несправедливого, лучше разбираться в людях. В целом я стала умнее. И будь я такой до того, свою жизнь развернула бы на 180 градусов. А уход из зоны стал трамплином в совершенно новую жизнь — творческую.

Кстати…

Весной 2009 года на улице Пушкинской в доме №6, там, где студия художника Андрея Юдина, была выставка поделок из разных, сокрытых от людских глаз, учреждений. В гостях на выставке присутствовали представители губернаторской власти, супруга губернатора Алла Зеленина, художники, журналисты, писатели и любопытствующая публика. Выступлений было немного. Но я позволила себе высказаться. И не только сказать о творчестве тех, кто лишен прав по суду, но и показать поделки того далекого времени, когда там учительствовала. Это были наборная ручка обычного вида и ручка, похожая на маленький кинжал. Я также вспомнила о замполите Павлове, с которым работала в тесном контакте.

Никого из прежних руководителей, естественно, не было, кроме Евгения Георгиевича Смелковского. Я помнила его тактичным, сдержанным молодым человеком. Теперь это был мужчина средних лет, прикрывающий лысину сбоку прядью прилизанных, разной длины, волос. Как ему удалось столько лет продержаться? Хотя, помня его по тем годам, он ласков был со всеми. Апрельская выставка поделок познакомила меня и с начальником отдела Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Тверской области Дитковским Александром Юрьевичем, с Савихиным Александром Михайловичем и инструктором Галиной Леонидовной Ганьковой, что расширило круг моего общения, вывело из старых воспоминаний и ввело в сравнительно недавние. А недавние таковы. Мне очень хотелось побывать там, за тем забором, еще раз. Я слышала, что условия жизни осужденных стали другими. Об этом я и попросила служителей управления, но имела неосторожность добавить:

— Сейчас пишу автобиографическую повесть, и мне надо сравнить то и это время.

Говорят же: «Простота хуже воровства». Забыла зону, забыла!

Результат был таков: меня не смогли отыскать в нужное время. Конечно, все в мире течет, все изменяется, но законы зоны остаются прежними. Мой писательский глаз, да еще знающий жизнь этого мирка, подметил бы кое-что. А кому это надо? Не нашли. «Свежо предание, да верится с трудом». Вспоминаю случай с моей дочерью. Она только родила сына, находилась в роддоме. Ей не разрешено подниматься с постели. И вдруг говорят:

— Спуститесь на первый этаж.

Там ее поджидали два молодых человека с вопросом:

— Как найти вашу маму? Дома ее нет. На даче — тоже.

Как они нашли мою дочь под другой фамилией? Да еще в роддоме? И адрес дачи зарегистрирован не на меня? Оказывается, им нужна была переводчица с латышского языка. Если надо, найдут, еще раз убеждалась я. Но тогда не нашли. Я была за пределами области.

Жадность фраера сгубила, или Нежданный подарок

Документальный рассказ

Почтальон вручил телеграмму, в которой значился номер поезда, номер вагона, дата прибытия и приписка: «Захватите ведро». Ничего не понимая, стала размышлять: «Какое взять ведро? Новое оцинкованное? Наверное, придется отдать». Тогда с ведрами было туго. Возьму маленькое пластмассовое. Потеря небольшая.

Жду прибытия поезда, что должен проследовать с юга через Калинин на Ленинград. Состав остановился. Подхожу к обозначенному в телеграмме вагону. На перрон выскакивает проводник. «Да это Владимиров из зоны!» Был завхозом в школе. В руках у него штук тридцать гладиолусов метровой высоты. Из вагона поспешно выходит проводница с ведром спелой вишни. Ведро большое, ягоды явно не поместятся в моем пластмассовом. А потому, улыбаясь, женщина берет мое маленькое ведерко, оставляет мне свое большое вместе с вишней.

— Зачем?! — в замешательстве протестую я против цветов и ягод.

— Спасибо вам! Вы меня спасли, жизнь сохранили! — взволнованно говорит Владимиров.

— Про какую жизнь вы говорите? Я никого не спасала!

— Спасли! Уберегли от отчаянного поступка! — поспешно добавил проводник. — В ту ночь я собирался покончить с собой. Днем в учительскую зашел, вы со мной поговорили. Вы этого не помните, а я помню! Хотелось бы еще пообщаться. Жаль, поезд только две минуты стоит!

Состав медленно тронулся, стал набирать скорость.

— Разобрались, срок скостили! Доказал! А мы вот снова с женой по свету мотаемся! — кричал срывающимся голосом бывший школьный завхоз. Он еще что-то говорил и говорил, махая из незакрытого тамбура сломанным укороченным соцветием гладиолуса.

Я стояла на перроне вокзала. Руки мои были заняты огромной охапкой цветов, а рядом стояла большое ведро, полное спелой вишни.

На этом приятном воспоминании я заканчиваю главу «За запретной чертой».

Благословенное перо

Душа то плачет, то болит,
А то по капелькам кровит.
Благословенное перо!
Наверно, свыше нам дано?
Такое наше ремесло,
В минуты хмурые спасло,
Сметая мелочи с пути,
Все, что мешало мне идти.
Скольжу, со строчками играя,
Часов и дней не замечая.
Душа не плачет, не кровит,
А божьей искоркой горит.
Май 2010 г.

Глава 7. ЖИТИЕ ВОЗЛЕ ХРАМА ТРЕХ ИСПОВЕДНИКОВ

Придумывая название подзаголовка, мне вдруг захотелось выразиться так: житье определяет сознание. А место житья преобразует само сознание. Почему я так высказалась? После того как я, покинув тот запретный зазаборный мирок — концентрат негатива, который дал столько испытаний духовных и физических, я поняла: очистить мозг от тяжелых воспоминаний, хотя бы с его поверхности, может только святое место пребывания. Я думаю, этому способствовали мои ангелы-хранители. А как же иначе? Я оказалась среди замечательных светлых людей. Средняя общеобразовательная школа №11 находилась на Воскресенской площади в здании, где в XIX веке было духовное училище, окна химического кабинета смотрели на храм Трех Исповедников. Говоря современными ориентирами, здесь сейчас часть художественного училища имени А.Г. Венецианова, впереди здания храма — памятник Афанасию Никитину.

Школа в 1977 году занимала первый этаж, на втором располагался Дом культуры профтехобразования, где с директором Галиной Анатольевной Игнатьевой я впервые познакомилась. На уроках иногда слышались отголоски большого хора. Танцевать коллективы не решались, так как прогибались перекрытия.

Кстати…

С коллективом «Аленушка» я в будущем подружилась через ее руководителя М.И. Банюк, удивительной женщины-организатора, творчески — с баянистом-композитором Борисом Воробьевым, человеком с очень плохим зрением, можно сказать, почти слепым, но талантливым музыкантом. Как писала одна из газет о нашем совместном содружестве: «Творчески вырос девичий русский народный хор «Аленушка». В его репертуаре лирическая песня «Я люблю, я всем сердцем люблю», танец «Калязинские кружевницы», поставленный Е.И. Комаровым, тоже на слова Г. Лагздынь. Автором той статьи была замечательный руководитель Дома народного творчества, умница, знающая все о народных талантах, — Антонина Александровна Никонова.

Вечерней школой №11 руководила Светлана Ивановна Суслова. Сколько я повидала школьных директоров, но такого

педагога не встречала среди руководителей. Очень добрая, душевная, отзывчивая. Какой директор, такой и коллектив, такие и учителя — не угнетенные властью, работящие, душевно богатые. Многие из них и до недавнего времени работали в школе: Вера Моченова, Тамара Сумникова, Галина Жукова, Майя Константиновна Сапоровская и другие. В данной школе трудилась со мной и моя старшая дочь Елена Владимировна, тоже преподаватель химии и биологии. После зоны эта школа показалась мне настоящим раем — не в смысле труда со своими сложностями, а в окружающей доброжелательной среде, со здоровым климатом во взаимоотношениях. Здесь меня отпускали в Москву на встречи с издательствами, в которых стали появляться мои публикации.

Кстати …

Невольно вспоминается разговор с предыдущим директором из «запретной зоны», когда детский журнал «Мурзилка» пригласил меня на свой юбилей.

— Какая вы еще писательница? Книжечки тоненькие, стихи — коротенькие!

И это говорила руководитель образовательного учреждения, филолог по образованию? Вот что значит вести в школе уроки черчения, на которых трудится инженер, осужденный за какой-то порой совершенно смешной проступок. Помню, один парнишка сидел за баночку сметаны, им украденной. Фамилия его была Борщев. Так в зоне его и дразнили:

— Борщу сметанки не было, вот и ограбил молочный завод!

«У кого что болит, тот о том и говорит». Если травма заживает, то все равно оставляет рубчик.

Свой кабинет на новом месте я тоже старалась усовершенствовать, особенно в отношении методического раздаточного материала и таблиц собственного содержания, облегчавших восприятие учебного материала. Сознаюсь, те схемы, что вы увидите на фотографии, созданы, не поверите, в зоне. Через хороших педагогов я передавала тексты, и мне на зоне рисовали эти таблицы. Без всяких там бонусов.

Для школьного кабинета я приобрела шкафы, химреактивы, без которых непонятно как предыдущая учительница вела уроки.

Полы в кабинете были крепкие, дубовые, а потому кафедру поставили основательную. Один строитель мне рассказал: под кабинетом подземный ход в сторону Волги. Дом старинный. Принадлежал храму. В старое время монахи в случае нападения врагов на Тверь могли незаметно оказаться на берегу, где под

земляным сводом хранились лодки. Но, как рассказал тот же строитель, подземный ход забит землей. Время старит и дом, и то, что под ним.

В 1983 году я ушла по выслуге лет на пенсию в 52 рубля, стала заниматься больше литературой, активно участвовать в творческих встречах, много ездила по Тверской области через Бюро пропаганды художественной литературы. В 1985 году вышла на окончательную пенсию, получив ее согласно зарплатам, наработанным в школе за 31 год педагогической деятельности. Была пенсия самая большая 120 рублей минус стоимость одной бутылки кефира с картонной крышечкой. Недотянула, хотя почти всю жизнь работала на полутора и более ставках, что равнялось 27 урокам в неделю, в пересчете на день — по 5-6 уроков. Иногда приходилось вести (это был мой самый большой рекорд) по одиннадцать уроков в день. И не просто вести. А учить.

Светланы Ивановны, как и многих педагогов, уже нет, но я их помню очень ясно. Только вот фамилии? У меня после одного большого наркоза выпала или погибла эта точка памяти.

Спасибо, товарищ школа!

Школе рабочей молодежи — сорок лет
«Калининская правда», 1983 год

В октябре 1943 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР начали создаваться общеобразовательные вечерние школы рабочей молодежи.

По просьбе редакции газеты «Калининская правда», в связи с сорокалетием ШРМ, была опубликована эта статья, но в сильном сокращении. Эта тема была предложена мне, потому что большое место в моей жизни занимала работа в этой образовательной системе.

Неторопливо, взвешивая каждое слово, объясняет урок учительница. За партами великовозрастные ученики — и молодые, и давно шагнувшие во вторую половину жизни. Класс полон учащихся, кое-где за партами сидят по три человека. Кому не хватило места, устроились на подоконниках. Сосредоточенные, напряженно слушающие лица, в перерыве — неторопливый рабочий говорок.

Такой помнят школу рабочей молодежи учителя, которым сейчас под пятьдесят и более. Такой помнят ее выпускники. Ни пропусков без уважительных причин, ни поощрений, ни свободных от работы дней. После смены — в школу. И так все

четыре дня в неделю.

Бывшие учащиеся с теплотой поименно вспоминают своих классных руководителей, учителей-предметников, благодарят за науку, за среднее образование, за то, что вовремя подтолкнули, помогли когда-то, в результате чего каждый достиг своей вершины.

— Школы рабочей молодежи не сразу стали многочисленными, — вспоминает учительница истории, ныне пенсионерка, ветеран труда, отличник народного образования, четырежды отмеченная правительственными наградами, Евгения Ивановна Камянская. — Трудные были годы, когда возникали ШРМ. В 43-м, 44-м, 45-м годах за парты сели подростки, заменившие ушедших на фронт взрослых. На многих предприятиях возникали «фронтовые бригады». Вся страна жила в призыве: «Все для фронта! Все для победы!» Еще не окрепшим ребятам приходилось работать по двенадцать часов в сутки, учились круглый год, без зимних и летних каникул. Было трудно, голодно, поэтому в школах занимались буквально десятки человек. Наша первая школа возникла на базе завода штампов, в первый год в ней училось всего шестьдесят человек. На базе вагонного завода возникла ШРМ-2, на базе «Пролетарки» — школа №3. В последней было 29 человек. Из стен первой школы рабочей молодежи в первом выпуске было семьдесят человек. Но государство заботилось об образовании молодых тружеников народного хозяйства — количество школ и число учащихся в них росло. Позднее были открыты школа №4 комбината №513, школа №5 «Искожа», №6 (железнодорожная), №№7, 8, 9, 10, 11, в Калинине работала областная заочная школа.

— После войны, — вспоминает Е.И. Камянская, — основной контингент — мальчишки и участники Великой Отечественной войны. Многие почти ровесники учителям. Учительские кадры были замечательные: Шуйский — физик, фронтовик, А.И. Белов — литератор. Последний пришел в систему ШРМ, имея опыт работы со взрослыми в рабфаках 20-30-х годов. Самоотверженно работала и молодежь, глядя на опытных, одержимых учительской страстью, педагогов.

— А какие были условия? — вспоминает ветеран труда Лидия Ивановна Шардина, проработавшая в ШРМ №3 с момента ее основания до ухода на пенсию. — Помещения вначале не было, занимались во дворе фабрики, прямо в сквере. Формулы, уравнения, доказательства теорем выводили не на белой бумаге, а на земле.

— В следующие десятилетия, — вспоминают другие учителя, — ШРМ помолодели, хотя специфика всегда оставалась. Рядом с

молодыми рабочими — взрослые производственники. Был такой период, что приходилось создавать спецклассы для мастеров, не имеющих среднего, а нередко и восьмилетнего образования. Почему? Ну как сидеть начальнику рядом с подростком, пришедшим на предприятие после восьмого класса? Тем более что подчиненный, как правило, шустрее, более знающий. А старый опытный мастер — профан в вопросах теории, все забыл, а ошибки лепит одна на другую! Как общаться потом с подростком на работе? Авторитет — дело тонкое.

— Учителя не стеснялись ставить двойки и единицы, не боялись, что бросим школу, — вспоминают ее выпускники.

— Школа была на уровне! — говорит Р.Г. Лебедева, зав. кабинетом политического просвещения объединения «Химволокно», окончившая после ШРМ №1 Калининский педагогический институт.

— Светлое пятнышко — рабочая школа! — улыбается заведующий собесом В.Ф. Выборнов. — А ведь трудно было учиться! Отец на фронте погиб, в семье пять человек, мама с маленькой учительской зарплатой, пошел работать. После армии у меня было восемь классов да плюс «школьный коридор». После демобилизации попросился в десятый класс со вступительными экзаменами. Это сейчас упростили, а тогда было строго. Контрольную написал, три часа логарифмы выводил, в сочинении двенадцать ошибок накатал — ведь десять лет не учился.

— Поскольку «в тельняшке» — приняли. Было мне тогда двадцать шесть лет. Валерка родился, потом дочка. Учился в Торжокском педучилище, за два года окончил вместо трех, потом пединститут за три года одолел. Огромные были приложены усилия. Учителя были замечательные. Лидию Ивановну Богомолову слушали открыв рты, через нее и Маяковского полюбили. Что сейчас не учиться? И день свободный, и платят, и нянчатся учителя, упрашивают в школу прийти, воспитывают. А мы воспитывать помогали.

Действительно, есть чем гордиться школам рабочей молодежи за сорок лет их существования. Сколько врачей, учителей, инженеров, архитекторов, поэтов, художников, научных и партийных работников, прекрасных мастеров своего дела, отличных производственников, передовых рабочих выпестовано, вынянчено учителями, взлелеяно в классных колыбелях! Вот несколько примеров: Р.В. Зайцева — директор ресторанов и кафе, В.В. Козырев — директор производственного объединения, Новосельцев — архитектор в институте атомной энергетики, Л.Н. Добротворская — директор ШРМ №10, Н.А. Герасимова — главный диетолог областной больницы, окончила школу с

золотой медалью, М.Д. Захарова — ткачиха, Н.Н. Буткарев — академик, сотрудник научно-исследовательского института в Ленинграде, Всеволожский — доктор геологических наук, Брусенцов — кибернетик в Московском университете, Воробьев — заместитель заведующего облоно, Карандашов — второй секретарь горкома партии, Царев — старший лейтенант, окончивший Академию МВД, Л.И. Парфенова, Х.Х. Бакеева и Арсеньев — Герои Социалистического Труда, работники хлопчатобумажного комбината.

Список этот можно продолжить — имен хватит не на одну газету, ибо только по одной ШРМ №2 за сорок лет существования 45 536 человек получили аттестаты о среднем образовании и 1500 — о семи- и восьмилетнем. Тогда как в такой богатой стране, как США, 23 млн. неграмотных людей.

— *Существует в некоторых кругах мнение, что работать в системе взрослых школ намного легче, чем в дневной, детской? — задаю новый вопрос, будто сама никогда и не работала в этой системе.*

— Не скажите! — ответят учителя ШРМ. — Везде своя специфика, свои трудности. Если в дневной школе ребята из класса в класс переходят с определенным комплектом знаний, худо ли, хорошо ли, но подготовленными к следующей ступеньке знаний, то во взрослые школы попадают, и нередко, с тощими-претощими тройками. Рабочая школа фактически доделывает то, что не сделала дневная школа. К тому же в ШРМ приходят еще и с перерывом в учебе, иногда немалым. А зачастую идет человек учиться без всякого желания. Почему? Это — вопрос многогранный. Если человеку нет тридцати лет и у него нет среднего образования, производство направляет его на учебу. А он, будущий ученик, не хочет учиться. Вот какой пошел контингент в ШРМ.

Нужен огромный, колоссальный труд учителя, чтобы в кратчайший срок пройти всю предыдущую программу по предмету; подвести учащихся к восприятию, усвоению учебного материала данного класса. Увлечь учащихся учебным процессом. А часов на предмет отводится мало, в группах — один учебный день в неделю. Вся надежда на индивидуальные и групповые консультации. За учебный день учащиеся получают зарплату на производстве. А придет ли он на консультацию за свои?

Среди учителей вечерних школ много талантливых асов своего дела. Хотелось бы сказать о каждом доброе слово, сказать спасибо за неизмеримый труд, за то, что днем и ночью тревожит беспокойное учительское сердце. План набора выполняем с трудом, а скоро не сможем и этого делать. Свою задачу ШРМ в

основном решила.

У каждого человека есть своя вершина. У деятеля науки — открытие, у писателя — хорошая книга, у рабочего — мастерство. А у школьного учителя? Жизнь продолжается в его воспитанниках, в его деяниях. Труд учителя — первые ступени к вершинам наших учеников. В ста миллионах советских людей, имеющих сегодня среднее и высшее образование, и наша крупица знаний, и наши сердечные и нервные клетки.

1983 г.

Член СП СССР Гайда Лагздынь

Спустя годы

Но в 1985 году моя педагогическая деятельность не закончилась. Занимаясь больше со взрослыми, я недополучила чего-то. Наверное, поэтому и пишу для детей, перешла на творческую работу именно с детьми. С 1986 года стала создавать детский театр и только в 2007 году поставила точку. Но продолжаю помогать тем, кто это делает. На Неделе детской книги прошла презентация детского музыкального театра, которым руководит Надежда Сергеевна Пашинцева, певица от бога. На музыкальный спектакль «Приключения цыпленка по имени Желток» (по моему сценарию и на музыку Юрия Николаевича Иванова) пришли дети из детских садов. Проходило это выступление 30 марта 2010 года в детском отделе библиотеки имени А.И. Герцена при самом активном участии и работников библиотеки, и замечательных родных юных артистов — бабушек, дедушек, мам, пап, которые помогали выучивать партии и создавать на свои средства костюмы для музыкальной сказки.

А в детском саду №12 совместно со школой №9 под руководством Татьяны Викторовны Ораевской и ее коллектива рождается спектакль «Колобок» на мой сюжет. Год назад они выдали прекрасный спектакль «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу». Спектакль был показан и в День города. Счастливого плавания в мире творчества!

От автора…

Жизнь обыкновенного человека, жизнь педагога и писателя настолько плотно переплелись в одном лице, что приходится часто отступать от последовательного повествования, включать не только биографические, но и литературные произведения, отрывки из повестей, статьи на соответствующую тему, написанные давно и совсем недавно, и позволить себе давать оценку тем или иным событиям, поступкам, явлениям в жизни общества. Поэтому в повести много отступлений под

заголовками: «Кстати», «Сказано по случаю», «На правах рассказа», «Между прочим», «Мгновения жизни» и т.д и т.п.

Глава 8. КОГДА ЗВУЧИТ СИМФОНИЯ В ДУШЕ

Негативная темная энергия, накопившаяся во мне за годы семейных неурядиц, скрытого и открытого предательства близкого человека, работы в закрытом учреждении с концентратом, сгустком этого самого негатива, внезапно вырвалась, унося с собой всю черноту бытия, все переживания и боли. Взамен не луч, а целый световой поток высветил, растворил застывшую музыку далекого детства, и зазвучала вновь симфония, сложенная из звуков, создаваемых музыкальными инструментами — фаготами, скрипками, саксофонами, флейтами, многострунными арфами. Симфония чувств во мне разрасталась, расширялась, превращаясь в многогранный оркестр творчества. Иду по жизни, а музыка все звучит и звучит, не переставая. Возможно, это и есть так называемое ВДОХНОВЕНИЕ?

Как ни странно, но становление меня как профессионального писателя проходило в возрасте после сорока лет. Потом мне кто-то сказал: «Обычное дело для латышей». А мне кажется: такое происходит с людьми, имеющими еще и любимую работу. А я ее имела.

Ранее были публикации стихов для детей в журналах «Дошкольное воспитание», «Мурзилка». В 1970 году жизненный путь переломился на две, связанные между собой, составные части. До семидесятых: Ленинград, репрессии, война, учеба, замужество, дети, учительская работа. После семидесятых: морально и физически трудная работа в зоне, замужество дочерей, рождение внуков, решение квартирного вопроса и многогранное творчество, давшее сто книг тиражом более одиннадцати миллионов экземпляров, более сорока сборников, в том числе и музыкальных. Это был период становления и расцвета детского авторского музыкального театра, написания более двадцати спектаклей, работы с композиторами и переводчиками, другой разнообразной творческой работы.

Участие в 1986 году на VI Всесоюзном съезде композиторов как автора текста песни «Что ты, полюшко, затуманилось» (композитор Т. Попатенко), в работе детской секции писательского съезда СССР, с 1974 года работа в качестве члена правления в областном отделении Всесоюзного общества книголюбов, в работе отделения Советского детского фонда имени В.И. Ленина, участие в качестве делегата учредительной конференции в Ульяновске при создании Всесоюзного фонда

культуры, где впервые познакомилась с композитором Яном Френкелем, участие в круглых столах столичных издательств на международных книжных ярмарках при обсуждении вопросов об издаваемой литературе. Участие в 1990 году в учредительной конференции Ассоциации писательниц при СП СССР (руководитель Лариса Васильева) с включением меня в состав правления от областного отделения СП. В сентябре 2001 года я участвовала в Международном конгрессе в поддержку чтения. Я также была одним из авторов программ Дня города, а также участвовала в качестве ведущего в течение нескольких лет в Днях памяти жертв политических репрессий, была приглашена на круглые губернаторские столы по вопросу материнства и детства, по поводу юбилея писателя И.С. Соколова-Микитова и так далее. Особое место в биографии занимает получение наград на региональном и федеральном уровнях. Много было всего, что удержала память, что дали документы моего домашнего архива и что вспоминается по мере написания этих страниц.

Первые поэтические аккорды

Когда на литературных встречах заходит разговор о том, как начиналось творчество, какое стихотворение было первым и над чем работаю сейчас, то этим самым участники встреч провоцировали меня на длинный разговор. Как помню себя в далеком детстве, будучи сильным активным ребенком, а наличие разных построек в Затверечье создавало условия для ребят, я бегала, носилась как угорелая, влезала на заборы и крыши сараев. Мы играли в догонялки, в пряталки, купались до посинения в Волге и Тверце, зимой скатывались со снежных горушек, прыгали на лыжах с трамплинов. То есть вели очень активный физический образ жизни без всяких спортивных комплексов. Будучи в малом возрасте, не признавала вранья, обмана и даже маленькой хитрой подлости. И в случае нарушения моих взглядов мгновенно припечатывала возникающими рифмованными строчками, что сейчас называют дразнилками. На это обижались, но на короткое время, а затем признавали истину моих слов. Замечательный бескомпромиссный возраст. Иногда кто-то из ребят в сердцах скажет: «Ну Пятитонка!» Почему Пятитонка? До войны самой большой и сильной грузовой машиной с открытым кузовом была только полуторатонка. Ее можно увидеть в кинокадрах фронтовой хроники. Девчонки и мальчишки оценивали мою прямоту, правдивость, открытость, неспособность идти на закулисные

соглашения. Я и до сих пор остаюсь такой. Порой мне это вредит, но тот, кто знает меня ближе, ценит во мне эти качества. Бывает, обижается, но если человек умный, то не держит зла, а наоборот, делает для себя полезные выводы.

Ни одной дразнилки того времени я не помню. Позднее мною было написано их какое-то количество. Однажды во время выступления в городе Торопце случился курьез. Дама, работавшая в местной газете, думая, что если все ее знают, то знаю и я, вела литературную встречу с моим участием. Встреча проходила в типографии. Шел разговор о творчестве, как и с чего все начиналось. Я, естественно, спровоцированная вопросом, прочитала следующую дразнилку: «Как у Алки — две моргалки. Сбоку слушки — это ушки. Нос — сопелка. Рот — гуделка». Но, оказывается, даму звали Аллой, а текст имел прямое попадание в образ этой женщины. Бывает же!

Сейчас я вспомнила встречу на хлебозаводе города Торжка. В зале много женщин-работниц и только один мужчина. Читаю стихи: «Шла весна опушками, несла мешок с веснушками. Шла, как будто не спешила, но дела свои вершила...» Последние строчки этого длинного стихотворения звучали так: «А последнюю веснушку из заветного мешка положила на макушку дяде Васе из Торжка». Тут поднимается этот единственный слушатель мужского пола и спрашивает: «Как вы узнали обо мне? Это я — дядя Вася».

Первые строчки были мною написаны в первом классе. Учительница помещала в альбом наши стишата: незатейливые зарисовки о цветах, животных и еще о чем-то. Наверное, эти стихи будили во мне желания ощущать мир, прочитывать его в подлиннике. Были ли другие стихи? Наверное, были. Но из удаленных уголков памяти дети своими вопросами на встречах извлекли только эти строки: «Я помню, город наш освобождали под грохот бомб и вой снарядов, шли красноармейцы ряд за рядом, освобождая каждый дом. Гремела громко канонада, строчил протяжно пулемет, и немчура ложилась рядом на только что замерзший волжский лед». Когда я писала эти стихи, мне было одиннадцать лет. Я бы хотела сказать (знаю, с опозданием) спасибо той учительнице, которая не прошла мимо моих первых строк.

Кстати...

Будучи уже автором не одной книги в крупнейших детских издательствах страны, создав в творческом центре литературное объединение «Курочка Ряба», я придавала большое значение сочинительству ребят. Сейчас усиленно пропагандируется спорт.

Несомненно, важно сохранять и приумножать здоровье детей, растить чемпионов. Последняя Олимпиада в Ванкувере показала наше отставание в этом деле. В детских садах, школах отдают предпочтение танцам, меньше чтению и декламации; армия хореографов пасется в детских учреждениях на платной основе. Много бездарных педагогов. Некоторые руководители учебных заведений на предложение встретиться с авторами книг, провести презентацию нового издания так и заявляют: «Мы — спортивного направления». Ну и что?! Пусть и спортивного! Что мешает? На школьных конкурсах, детсадовских «звездочках» преобладают танцы, уменьшилось количество сольных выступлений, совершенно отсутствует выступление чтецов. А говорим, что ищем причины, почему дети стали меньше читать. Этих причин много, но и эта — одна из них. Как следствие, эстрада заполнена безголосыми певцами, уменьшилось количество солистов, преобладают танцы и совсем отсутствуют выступления чтецов, не говоря о судьбе и будущем нашего оперного искусства. А результаты выступлений на детском Евровидении? Да что Европа! В Москве в прошлом году в Центральном доме литераторов (ЦДЛ) издательство «Детская литература» отмечало знаменательную дату — свое 75-летие. Здание ЦДЛ было наполнено большим количеством детей. Естественно, это праздник известного в мире крупного (в прошлом) детского издательства. На вопрос к администратору, где писателям, приглашенным из других регионов, сесть, отвечали: «Тут места для руководителей и представителей власти. А вам — там!» — указала в сторону конца зала. Но не это неуважительное отношение москвичей поразило меня, а то, что было много выступлений детей, но вопрос — с чем? А писателям, авторам издательства, просто не давали слова. Сумела прорваться к микрофону только одна старейшая детлитовская художница. Скажете: «Все ясно! Чего говорить? Регламент!» Конечно да! Если бы не многочисленные танцы детских коллективов с Воробьевых гор! Да не одно, а несколько выходов ансамбля с руководительницей, которые исполняли песни бездарного содержания и с такой же бесталанной музыкой. Оказывается, произведения принадлежали самой руководительнице. А где литература? Где декламация стихов известных авторов издательства? Юбилей-то 75-летний!

Наконец четыре девочки стали читать стихи Агнии Барто из серии «Игрушки», невыразительно и спотыкаясь.

— Почему на юбилее так мало звучит стихов? — тихо спросила я у соседки.

— Верно. У моей мамы их много! — ответила немолодая худощавая женщина. Это была дочь Барто — Таня. Та, что

«уронила в речку мячик». А выйдя из зала, я была еще больше поражена банкетом. Большое помещение, где на столах соки, вина, фрукты, сладости, не говоря о выпечке, — гора всего! И огромная жующая, буквально жрущая, голодная масса людей. Это все писатели, создатели детской литературы? На ходу, пообщавшись со своим редактором Ольгой Муравьевой (еще по «Малышу», а теперь по издательству «Астрель»), с Виктором Луниным, хорошим поэтом, составителем многих сборников (дарю ему первый том «Моей книги-1»), с поэтессой, пишущей для среднего возраста, Мариной Бородицкой, с генеральным директором издательства «Детская литература» Олегом Вальдемаровичем Вишняковым, Еленой Васильевной Глухой, замом главного редактора, тоже Еленой, но Федоровной, Подвичиной и другими писателями, мчусь на последнюю электричку, идущую в Тверь.

Такое же плохое чтение стихов я услышала и в Тверском драматическом театре при праздновании 75-летия Тверской области. На сцену вышла большая группа детей гимназии №6 с шариками, неуверенно, скованно подтанцовывающая. Другая группа ребят из другой школы читала стихи. Мне было стыдно и за чтецов, и за их руководителей. Дети забывали текст, читали (за исключением некоторых), прямо скажу, неважно. Вот он, результат невнимания к дополнительному образованию, Где-то совсем забыли, что кроме обучения владению телом, приемам защиты надо еще помнить и о других направлениях — о воспитании чувств. Правильно поставленное дыхание, развитые голосовые связки при пении, при чтении вслух — это не только прививание любви к пению, чтению, нахождению нужного литературного материала, это — прямой путь и к здоровью, и в конечном счете к появлению талантливых певцов и чтецов. Тогда будет больше сильных, красиво звучащих исполнителей, и не под фонограммы, где голос вытягивает аппаратура. Теле- и радиоэфир наполнится правильно говорящими дикторами, а не превратится, как сейчас порой, в балагурные, похожие на кухонные, разговоры, перепалки, хихиканье среди ведущих отдельных программ.

Путь в «сладкую кабалу»

Итак, вхождение в литературу проходило незаметно для меня и долго. Как говорил один поэт: писать стихи нормальное состояние каждого человека в молодости, но также нормально

вовремя бросить это занятие. Тот, кто не оставляет стихописательства, тот обрекает себя на долгую, трудную, порой страдальческую, жизнь. Мы, живущие не в столицах, занимаемся литературным творчеством в свободное от работы время. Сначала это хобби, пишем «в стол». Потом появляется желание кому-то прочитать, получить чаще одобрение. Родственные души находят друг друга, объединяются. Возникает группа пишущих — литературные объединения. Следующая ступенька: увидеть себя в напечатанном виде. Я вспоминаю литобъединение при Доме офицеров, которым руководил Петр Михайлович Лукин (1965-1971 гг.). Здесь я впервые познакомилась с Людмилой Прозоровой, Людмилой Мадодовой, Нинель Кузнецовой, Геннадием Никитиным и другими. Это было не совсем литературное сообщество. Оно скорее походило на литературный клуб. Посещали как пишущие, так и не пишущие товарищи в свободное от работы время. Заходил поэт Владимир Соловьев. Многие завсегдатаи не стали ни журналистами, ни писателями, ни критиками. Людмила Мадодова увлеклась песенным творчеством, работала с самодеятельными композиторами, прожила счастливую, самой созданную жизнь, пусть и не на ступеньках высокой лестницы искусства.

Высказалась по случаю…

Маленькие победы, строчки в печати — праздник души. Я эти праздники проживала и знаю, как они важны для пишущего человека, особенно в начале литературного пути. Но те чувства, что так радовали раньше, почему-то стали во мне притупляться. И даже выход книги, которую ждала как новорожденного ребенка, представляя, какой она будет, уже не так волнует. Это что — пресыщение, усталость или старость? Я думаю: это все то же состояние — дитя, которому надоело играть одной игрушкой, надо завести другую.

Размышления вслух

Стихи пишут сейчас многие. Сложили строчки, зарифмовали. Вот вам и стихотворение. Но поэзия — не только гладко постриженная газонная травка. Она насыщена, наполнена высоким виденьем, глубокими чувствами, и это образное мышление должно быть полностью, без остатка, перенесено на стихоноситель, на бумажный лист или ленту. Одни, понимая, что они не стали хорошими поэтами, просто перестают писать,

другие продолжают писать, иногда вырастают в неплохих поэтов, третьи встают на путь творческих мук, считают, что пишут не хуже собратьев, а неудовлетворенные амбиции порождают нередко злой критицизм, а это приводит порой к разногласиям в литературных сообществах. Есть пишущие, которые довольствуются малым.

Как радуется Володя Андрианов, в прошлом преподаватель труда, пряча заскорузлые от профессии черные руки, первым напечатанным строчкам! Так уж в жизни получилось, что его дочь посещала мой театр, потом отошла и, запутавшись в своей человеческой (без матери) судьбе, рано ушла из жизни. Горе всегда обостряет чувства. Владимир пишет стихи, после работы спешит в литобъединение, не пропускает творческих встреч, вечеров коллег, стараясь объединить в самиздатовские сборники таких же, как он.

Поэты, имеющие средства, заказывают книжечки стихов в коммерческих издательствах, а потом раздают их родным и знакомым. Я никогда не осуждала и не осуждаю никого. Главное, что человек занят более высоким делом, чем обычное времяпрепровождение; а может быть, действительно не разглядели его таланта? Возможно, он попал в другую литературную нишу? Ищет себя, но еще не нашел, а торопится обнародоваться? Главное — не спешить опубликовывать написанное или выносить на обсуждение. А потому позволю себе порекомендовать начинающим прислушаться к простым советам.

Сотворил — пусть вылежится. За это время чувства, обуревавшие при написании, как бы выветриваются, забываются — их же нет на бумаге. И тогда свой текст читаешь словно посторонний человек. Все становится предельно ясным: получилось произведение или ты работал на «корзину». Несомненно, жаль выбрасывать написанное. Оставляю некоторые удачные строчки. Сознаюсь, мой архив полон этой неудачной макулатуры.

В период сочинительства происходит либо рост профессионального мастерства, либо, если ушел в собственную самооценку, подкрепленную публичными выступлениями и убеждением в личностной гениальности, обрекаешь себя на творческую самоликвидацию.

Плыви, плыви, кораблик, по речке в океан

Огромную роль в становлении меня как детского поэта

оказала газета «Калининская правда». На ее страницах появилась рубрика «Для вас, дети, строки эти». В те годы отделом культуры заведовал поэт Александр Феодосьевич Гевелинг. Он и стал «крестным отцом» данной рубрики, просуществовавшей с 1970 года примерно по восьмидесятые, переродившись потом в «Семейный огонек». В первой подборке были напечатаны следующие стихи: «Мячик», «Аккуратные зайчата», «Маша-Неваляша», «Резиновый шарик» и «Почему заяц окосел?» После этой публикации пишущая братия стала спрашивать:

— Кто такая Лагздынь? А! Та, у которой заяц окосел?

Я до этого никогда не заходила в газету. Обычная жизнь обывателя. Мои стихи туда занесла коллега по школе Зинаида Якубова. Да и позднее, бывая в отделе культуры при Марине Мотузке, Гаврииле Астафьеве, не слонялась по кабинетам. Эта норма поведения долго сопровождала меня в общениях с издательствами. Я не имела привычки занимать чужое время, тратить его на пустую болтовню. Однажды, придя по делу в отдел, общаясь с Г. Астафьевым, обратила внимание, что в кабинет заглядывают разные люди.

— Это, — усмехнулся журналист, — они на вас хотят посмотреть. Видно, кто-то сказал, что вы в редакции.

Но самые первые строчки были напечатаны в маленькой заводской газете «Ленинский путь» от 29.09.66 г., что находилась, как и школа рабочей молодежи №5, на территории комбината «Искож». Это были простенькие стихи о весне, о космонавтах и критические под названием «Кочевники поневоле»: «Первый завод — хороший завод. Много здесь важных и нужных забот: о микропоре, о каблуке, но не о вечернике-ученике. Полгода начальные классы витают, а где приземлиться, к несчастью, не знают. Так будьте к Малыгиной более строги, болят от ученья не головы — ноги!» Г. Лагздынь, учительница ШРМ №5, 2 марта 1967 г.» И от 07.09.1967 г.: «Пришла учения пора», учительница Г.Р. Вахрова».

Газета «Смена», с которой я потом, как и с «Калининской правдой», долго дружила, в 1968 году напечатала «Веснушки», «Окопы», «Огородники», «Март». Это были первые строчки, оказавшиеся в молодежной печати. На страницах Всесоюзного методического журнала «Дошкольное воспитание» с 1966 года стали появляться мои стишата. С того момента публикации в центральной печати и начался отсчет писательского стажа. Затем в журнале «Мурзилка» в 1972 году напечатали стихи о солнце, потом в «Куче-мала». Это была самая большая всесоюзная «куча», куда сваливали стихи разных авторов разных национальностей из разных республик. В этой куче разглядели мои творения

редакторы журнала «Веселые картинки».

К этому времени рукописи моих стихов уже находились в издательстве «Детская литература». Рецензировал их преподаватель Московского университета Всеволод Николаевич Некрасов буквально по строчкам на пятнадцати машинописных листах. Это была первая большая критическая оценка моего творчества.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Рецензия на стихи Гайды Лагздынь

В.Н. Некрасов

Рукопись стихов Г. Лагздынь чрезвычайно объемиста — свыше двух тысяч строк, не считая близкие варианты. Поэтому основная работа с рукописью (конкретные предложения по отбору, сокращению и исправлению стихов) выполнена на полях самой рукописи, а выносить ее в текст письменной рецензии было бы слишком громоздко. По этой причине в данной рецензии — в основном замечания и пожелания общего характера.

Прежде всего хочется сказать, что рукопись именно в силу своей сверхобъемистости и представительности очень убедительно, как мне кажется, подтверждает прежнее впечатление о явной талантливости Г. Лагздынь. «Рама рано розовеет. Рама рада: Солнце греет». «Нам не нужно овощей: Щавеля нарвем для щей». Даже скороговорка, жанр заведомо усложненный, несколько «утяжеленный», может, как видим, звучать у Г. Лагздынь на удивление просто, легко и естественно, причем первая из приведенных скороговорок, собственно, даже и не столько, на мой взгляд, скороговорка, сколько отличная лирическая миниатюра.

Есть у Г. Лагздынь счастливая и редкая способность: порой просто странно, что ее стихи вообще имеют автора, до того они какие-то по-фольклорному ладные, сами собой разумеющиеся. Можно вспомнить хотя бы «Воробей вор, вор, Залетел во двор, Напугали воробья Оля, Коля, Поля, Тоня, Соня, Вера, я» (сейчас цитирую по памяти, у автора имена подобраны не так механически и, насколько помню, удачней) или «Топ-топ-топотушки, Бродит зайка у ворот. Ходят ушки на макушке, Глазки смотрят в огород».

Разумеется, умелой стилизацией сейчас никого не удивишь. Я бы даже сказал, что ощущается явное перепроизводство стихов «под фольклор». Но в том-то и дело, что в лучших вещах Г.

Лагздынь совершенно не чувствуешь ни малейшего стилизаторского усилия, никакой, пусть и самой благой, преднамеренности. Мне кажется, у Г. Лагздынь есть что-то, в корне отличающее ее стихи от самой блестящей и тонкой стилизации — есть дар чувствовать себя в фольклорном каноне совсем свободно, непринужденно, как бывает дар, скажем, общения с какой-нибудь специфической аудиторией. Больше того, не исключено, что наиболее естественно, органически этот автор чувствует себя именно когда невдалеке где-то находятся какие-то канонические образцы — необязательно даже фольклорные. Тогда и пишется наиболее, как ни странно, свободно, свежо и неожиданно.

«Суп варили Тобики, Помогали Бобики...» — это удивительно подлинная современная детская считалка (грубо говоря, считалка), а «Не ругайте меня, Не снимайте с коня. Я еще поскачу, Я еще покричу!» — скорей типичный образец книжной поэзии, но ведь какой образец!.. Вроде бы знакомая тема, привычные слова и довольно затертая, казалось бы, рифма вместе звучат до того проясненно, живо, просто и неопровержимо убедительно, что перед такими строчками просто теряешься. И сами привычные канонические образцы начинают казаться чуть ли не предварительными набросками этой вот скромной четырехстрочной вариации...

Но здесь, видимо, самое время круто перейти от похвал к порицаниям. Беда в том, что сама Г. Лагздынь, очевидно, не умеет (а боюсь, что и не хочет, не пытается) оценивать качество тех образцов, которым она следует, и конечного результата своей работы — то есть собственных стихов. Есть слово канон и есть слово шаблон. И уж на что шаблон более ветхий, известный и запародированный — «детские» стихи сплошь на уменьшительных суффиксах!.. А вот Г. Лагздынь оказывается, к сожалению, сплошь и рядом склонной именно к такому «канону». «С кем играешь, Васенька? — Мяу, с солнцем красненьким...» Или даже «Мы с сестренкой маленькой Рисуем цветик аленький...» Это уж, что называется, дальше некуда... Нет слов, непростое дело вкус, уменье отличать простоту от элементарщины, наивность от наивничанья и, вероятно, редкая и счастливая свежесть и раскованность лучших стихов Г. Лагздынь в какой-то степени закономерно предполагают известное снижение умения анализировать и оценивать свои стихи. В какой-то степени — да. Но не в такой же!.. Во всяком случае, усилия в таком направлении автор прикладывать должен. Учиться отличать плохие стихи и строки от хороших все-таки необходимо. А сейчас получается, что добрую часть кровной своей работы автор спокойно переложил на

редактора. Это, конечно, не годится.

Вторая рецензия на стихи Гайды Лагздынь

В.Н. Некрасов

Новая подборка стихов Г. Лагздынь, можно сказать, обильна и разнообразна: отчего-то вроде небольшой, но назидательной поэмы («Жила-была») и до непременных (и чаще всего удачных у Г. Лагздынь) считалок, загадок, потешек, скороговорок и т.п. Есть даже стихи-переплетушка, и есть даже что-то вроде сценария мультфильма («Заяц-вездехвост»), Есть и стихи (и очень интересные), которые просто трудно определить в какую-то рубрику.

Настоящая удача вообще дело своенравное, она плохо ладит со всяким «верняком». И несколько уже чрезмерный, как мне показалось, упор на то, что лучше всего получается у Лагздынь, — на загадки, считалки и т.д.

Интересные удачи встречаются иной раз в каких-то совсем новых, неожиданных для Г. Лагздынь стихах: «Самая богатая», «От января до января», «Береза». Это отнюдь не значит, что больше нет удач и среди испытанных считалок и потешек (да и среди них есть и уже известные, апробированные, из самого что ни на есть золотого фонда Г. Лагздынь), но вообще такое разнообразие и новизна, свидетельствующие о естественном движении манеры и возможностей поэта, конечно, очень радуют.

Важно только, чтобы это движение было именно естественным, и возможности эти не стоит торопиться форсировать, пытаться с ходу к чему-то приспосабливать, загонять заранее в заданные рамки.

В общем, уже сейчас, очевидно, можно было бы сделать, скажем, специализированную книжечку одних загадок или считалок — и наверняка неплохую. Вот и в представленной рукописи сама Г. Лагздынь уже отобрала свои загадки и считалки в две отдельные подборки.

Но не лучше ли было бы постараться сделать книжку стихов, вообще стихов — объемом по возможности побольше и с возможно более свободной компоновкой? Мне кажется, такая книжка разнообразному характеру фактических удач Г. Лагздынь скорей бы соответствовала. Если бы, скажем, рядом со стихотворной сценкой-миниатюрой «Неужели это книжка» могли стоять одна-две-три канонические считалки вроде «Суп варили Тобики», и здесь же неподалеку — афоризм «Самая богатая...», рядом какая-нибудь пейзажная миниатюра, затем опять считалки-потешки, где-то названные считалками, а где-то и нет — и т.п., такая непринужденность построения могла бы, мне кажется,

отвечать непринужденности лучших стихов Г. Лагздынь — едва ли не самой сильной стороне ее творчества.

Но и при таком подходе отобрать сильнейшие стихи для подобной возможной большой и разнообразной книжки из множества представленных в этой подборке было бы, думаю, не так-то просто. При внешней элементарности качество многих стихов Лагздынь держится порой на каких-то тонких и сложных, трудноуловимых факторах. Простоту стихов как чистый плюс, как редкостное качество от простоты — обедненности, простоты — чистого минуса подчас отделяет очень тонкая грань. Многое определяет угол зрения, под которым стихи могут рассматриваться, сами стихи начинают уже как-то взаимно зависеть один от другого и т.п. И окончательный, конкретный отбор стихов для такой книжки, собственно, в идеале уже должен был бы быть неотъемлем от составления макета.

«Серые штанишки» — любопытный случай, когда в разгадку уходит часть стихотворного текста самой «загадки». Только разгадку лучше бы выправить на «чик-чирик — воробьишки». Звучит довольно живо.

«Сколько нас», «Кто сказал» и «У реки» — тоже вариации на темы каких-то «загадочных» ходов, из них «Сколько нас» получилось получше, повеселей, а «У реки», на мой взгляд, повяловатей; зато коротко и, как резервный материал, по-моему, пригодится. Только, видимо, «расквакушничался».

Ближайшие к «считалкам» и «загадкам» стихи — всяческие «кричалки», «скороговорки», «потешки», «переплетушки» и вообще стихи для самых маленьких без обозначения жанра — и в этой подборке по-прежнему выглядят, как мне кажется, самой сильной ее частью.

Помнится, я уже имел случай отметить, что «скороговорка» — «Рама рано розовеет» — одновременно отличная, без скидок, пейзажная миниатюра. Совсем неплохи и напечатанные тут же «Петушок» и «Бублик». Остальные две скороговорки на этой странице, правда, явно им уступают.

Радуют уже знакомые «Ладушки» и «Тепики». Написано это словно бы для возраста уже до того младшего, что получается не столько для ребенка, сколько для мамы, но вряд ли это недостаток. Вообще именно таких вещей лучше Лагздынь, по-моему, никто писать не умеет. Другой вопрос, что и у самой Лагздынь это не каждый раз получается. Дело непростое.

Отличный «Воробей» — живой, веселый. По-моему, годятся оба варианта, и выбор зависит от составителя — понадобится ли лишняя «скороговорка» (в кавычках потому, что это все-таки не совсем настоящая скороговорка) или просто стишок.

Отличнейший «Петька-водолаз» — всем взял, и стихом, и темой. Тактичная, тончайшая похвала или похвальная дразнилка. Явно из лучших стихов.

«Тара-рака» начата заметно лучше, чем закончена. Можно предложить последние четыре строки немного переделать: «Ответили коровки: / — Тили-тили-лю! / А мы и не деремся — / Мы ловим тлю!» И строчки «Круглые карманчики, / Красные кафтанчики» лучше бы, по-моему, убрать, а если никак нельзя убрать, то, по крайней мере, хоть поменять местами.

Оба стиха «Учим букву Р» (название, по-моему, можно снять, можно оставить — в зависимости от обстоятельств) кажутся мне удачными, каждое на свой лад, во всяком случае, отказываться от любого из них было бы жаль. Только во втором опять-таки слабовата концовка. Исправить ее просто необходимо. Можно предложить, например: «Удивляются вороны (или «Разевают рот вороны» / или «Рот разинули вороны»): — Где же наши макароны? (или «— Где тут были макароны?» / или «— Кар! А где же макароны?») и дальше: «Эх, вороны!..» / Макароны / Про-во-ро-ни-ли!»

В «Мудром жуке» мешает немного строчка «Опустил мудрец усы». Все-таки такие определяющие, будто бы нагруженные смыслом слова сразу делают стих скучней — заметно, что в этой фразе «мудрец» как-то не у места. В лучших стихах Г. Лагздынь не приходится разъяснять образ читателю, втолковывать его и пропагандировать — образ естественно возникает сам собой из стиха, из словесного жеста, интонации. В общем, хочется исправить на простое «Опускает жук усы».

С «Горчичником» небольшая неувязка — разве, когда ставят горчичник, лежат на горчичнике? Да и вообще «Мама мне горчичник ставит, / На горчичнике лежать» звучит неловко; лучше бы «А самой велит лежать». Если выбирать из двух стихов «А у нас во дворе», имеет смысл выбрать второй — он звонче, а первый (тоже неплохой) придержать в резерве.

«Свредничал» — стихи с очень симпатичным, милым сюжетом и очень неловким каким-то названием. А нужно ли оно вообще?

«Несчастная книжка» — живая и, по-моему, вполне законченная сценка (единственное, собственно, интересное место в «Жила-была»), очень емкая, лаконичная. Особенно подкупает, до чего энергично, с места, автор сразу приступает к делу: «— Неужели это книжка?..» Стихи словно бы начинаются еще до начала... По-моему, именно по таким стихам плачут иллюстраторы.

И очень заинтересовывают стихи «На улице», вроде бы

совершенно традиционные. Но более чем знакомая тема — прогулка — как-то незаметно поворачивается очень любопытной и существенной стороной: за ощущением физической бодрости от прогулки по улице — свежее, чисто детское переживание чувства самостоятельности и одновременно социальности, сопричастности уличной толкучке. Я, например, что-то и не припоминаю стихов, где бы так легко и естественно улавливался важнейший момент — момент повзросления. Беда только, что эту верность, живость и естественность автор сам компрометирует под конец тяжеловесным назиданием: «Не толкаюсь, не кричу — / Быть я вежливым хочу!..» Чего стоит один порядок слов в строчке... И вообще это уже явно не отсюда, это уже какая-то зарифмованная пропись для подростков — еще бы малыш стал толкаться на улице!.. Поэтому хочется предложить — со всей возможной настоятельностью — такой вариант: «Я надел пальто в прихожей, / Раз-два-три —/Ия прохожий; / И я прохожий — / Я иду / У всех прохожих / На виду!» И назвать бы «И я прохожий» или «Я прохожий», «Прохожий»...

И особо хочется отметить стихи, менее традиционные для Г. Лагздынь, но никак не менее удачные. Тут тоже налицо повзросление, хоть и совершенно другого порядка: заметно, как расширяется круг тем и образов Г. Лагздынь, становится богаче и разнообразней и сам стих — причем происходит это очень, на мой взгляд, органично и убедительно. В общем, с такими стихами автора можно поздравить. Я имею в виду прежде всего «Разговор с березой», «Вокруг планеты», затем «Самая богатая» и «Синее море».

Только в «Синем море» лучше бы выправить третью строчку «Неся на спине голубые горбы» на более живое «А на спине — голубые горбы», а «Вокруг планеты» совершенно необходимо начать прямо «От января / До января...» 1) как начало, это звучит гораздо выигрышней; 2) убираются тяжелые и сырые, портящие стихи строки «Вокруг планеты солнечной, По трассе сине-облачной...» и 3) самое главное — солнце никак, никак нельзя назвать планетой, категорически невозможно; даже планетой солнечной.

В общем, все перечисленные стихи, на мой взгляд, должны были бы попасть в печать в самую первую очередь. Это, я бы сказал, стихи на пять с плюсом. Но есть еще и стихи просто хорошие, а может быть, и очень хорошие — это уж кому как покажется, и чем больше их вместит будущая книжка, тем, я думаю, будет лучше (для книжки).

«Мчались тучи» (только совершенно, по-моему, не нужна вторая половина стихотворения — со слов «Налетели тучи...» и

далее), «Совиный смех», «Кто они», «Переплетушка» (а хорошо бы получилась такая же ловкая, ладная переплетушка, только уже не с условно-фольклорными приметами вроде таракана на печке, а сегодняшними, реальными и узнаваемыми — смешно могло бы выйти!), «По осиновым дорожкам» (вроде и не особенно ловко, и очень чем-то подкупает), «Мышь как мышь» (при желании можно подверстать к «скороговоркам»), «Как у Пети-петуха», «Жук» (только вторую половину надо бы сделать складней — хотя бы «Желтый желудь / Жук жует, / Тут же, в жолобе, живет», «Сосулька» (явно лучше, по-моему, первый, короткий вариант), «Гуси», «Потешка» (только, конечно, не «через быстру речку» — такие краткие формы знает только фольклор, а на нем они запрещены за редчайшими исключениями, да и чего проще переделать на «прямо через речку») — все это кажется мне, в общем, материалом вполне доброкачественным. Сюда же можно прибавить, пожалуй, и «Тараканий совет», и «У болотца» — хоть эти стихи уже, на мой взгляд, до пяти баллов явно недотягивают; они ближе к резервным. «У болотца» же вообще, очевидно, слишком близко к «загадке» «У реки и у болота», так что выбирать надо будет что-то одно.

Но почему в «Самокате» нельзя было заменить «Самокат, самокат, / До чего подарку рад» на любую приемлемую, понятную фразу — хотя бы: «Самокат, самокат! / Самокату я так рад» — это непонятно. Автора это до того не заботило, что нет даже попытки как-то сгладить недоразумение простыми знаками препинания, скажем: «Самокат, самокат! / До чего подарку рад— / Сам качу...» и т.д. Неуверен, впрочем, что этого достаточно. В «Проталинках» все-таки очень смущает второе двустишие. Старательное нагромождение монотонно-сусальных образов плюс приторнейшая, обветшалая рифма «золотистый» — «лучистой», да еще и уменьшительное тут как тут — «ниточкой лучистой»... Наверное, никакой стих такого не выдержит. Надо придумать на это место какие-то строчки понейтральнее. Уж хотя бы: «Шило ниткой не простой — Золотистой, золотой; / Шило, подшивало, / Встало, побежало —» и т.д. Тоже, конечно, шаблон, но хоть не такой концентрированный. Но лучше бы, конечно, придумать что-нибудь получше. И надо бы придумать — стихи (особенно концовка: «Где ступили валенки, / Там теперь проталинки») пропадать никак не должны.

Также и уже знакомый «Кот на солнышке» по-прежнему настоятельно требует себе другую концовку. «С кем играешь, Васенька? / — Мяу, с солнцем красненьким». «У бабки Тани» начинается как-то и наивно, и смело, но конец пока что совершенно не написан, да, похоже, и не придуман.

В «Ложке каши» Г. Лагздынь нашла остроумный сюжетный поворот — я, во всяком случае, не припоминаю стихов с таким ходом.

Кроме Всеволода Некрасова огромную поддержку в начале моего поэтического пути оказал А.Д. Баранцев. Продолжая разговор о рецензиях на мои произведения, я хочу поместить в свою автобиографическую повесть «Характеристику», как назвал ее наш тверской старейший педагог средней школы №6, собиратель и исследователь устного народного, в том числе и детского, творчества — Арсений Дмитриевич Баранцев (1891-1971).

Глубоко знавший русский язык, мудрый, умный, бескорыстный, добрый человек. Сухонький, живой, одиноко живший в однокомнатной квартире на улице Советской, напротив бани. Все его жилище было заполнено (кроме узкого прохода к письменному столу) книгами, журналами, газетами. Удивительный, одержимый педагогикой и творчеством старичок — такой образ Баранцева сложился у меня, когда я впервые увидела его при встрече в 1969 году.

А.Д. Баранцев. Характеристика стихов Гайды Лагздынь

Представленные стихи можно расположить в три группы.

1. Шутки-почемучки, их двенадцать.
2. У мамы думы и раздумья, два стихотворения.
3. Неваляшки, или дамское рукоделие.

Наиболее значительны шутки-почемучки. Они самобытны по содержанию, это жизнерадостные миниатюры. В них много не столько мыслей, сколько умных чувств, догадок об отношениях развивающегося ребенка к окружающим.

Постараемся разобраться в своеобразном содержании стихов.

Автор-мама лирично разговаривает со зверятами, ребятами, березами, тучами.

Почему у мишки слезы?

Мама-медведица не дает ему меда, надо полгода поспать.

Почему мороз сердит?

Ему жаль елочек, их губят хищные потребители. Мороз сердится, готовится к бою — бороться с нарушителями лесного мира.

Куда спрятался мороз?

Что-то небо голубеет не вовремя, — плачет снеговик, — это потому, что мороз загостился в холодильнике.

По приемам и художественным средствам секрет веселости, занимательности в том, что автор использует поэтику игровых

стихов, вроде: Заяц белый, куда бегал? В лес дубовый. Что там делал? Лыки драл.

Но народные детские игровые стихи — прикладные формы, их идейное содержание с виду отсутствует, их специально расшифровывают практически целенамеренно, кому водить в игре.

Значит, Г. Лагздынь в своих стихах самобытна, у нее определенное содержание, но оно не связано. Во всех двенадцати почемучках-шутках мы найдем такое соотношение.

Как построено стихотворение «Капели»?

Утром рано вдруг запели,
Затрезвонили капели,
Солнце яркое печет,
С крыши песенки течет.
Говорит сосульке Юлька:
«Вот подставлю лесенку
И достану песенку».

Звоном звенят очень многие детские стихи:

Прилетели
Три тетери...
Кони-кони-кони-кони,
Мы сидели на балконе.
Тады-рады — тынка,
Где же наша свинка?
Ачум, бачум, солдачум,
Тумба, фера, тарантас,
На горе вечерний час.

В народном творчестве — россыпи созвучий: песенка, песенка, есть на печку лесенка; они — расчеты игроков.

А в стихотворении «Капели» тронута одна струна, и рассказано, как рождается песенка.

А вот стихи с обращением к дождику:

Дождик, дождик!
Капай, капай,
Мы по лужам босиком
Погуляем с папой.
Отчего ты такой
Дождик —
мокрый,
мокрый?

Использован жанр запевки:

Дождик, дождик — пуще: на улице гуще.
Дождик, дождик, перестань...
Галки, галки — ваши гнезда горят!

В стихотворении «Дождик», используя обрядовые запевки, лирически показано вечное удивление поэта, восхищение жизнью (у здорового человека с поэтической натурой).

Ученый рассуждает, доказывает. Поэт удивляется, восхищается самыми, казалось бы, обыкновенными вещами.

Петрушка выбрался утром из бродячего фургона. За ним — Арлекин.

— Ах, ах! — закричал Петрушка. — Что я вижу!
— Что ты видишь?
— Колесо круглое.
— Ну и дурак!
— Почему?
— Потому что все это знают.
— А я увидел — вот в чем дело.

Арлекин — обыватель. Петрушка — поэтическая натура.

Две тучи
Описана два раза.
Две тучи на небе собрались,
Две тучи на небе
За стрелы взялись.

И второе стихотворение:
Две тучи затеяли
Огненный бой.

Использован мерный, вальяжный ход слов, отчеканка; гадание, конание, как говорил Владимир Даль, речитатив. Размеренная словесная походка напоминает аукцион, жеребьевку. Особенно мрачен мерный шаг слов в заговорах:

Раз, два... пять.
Кто за мной стоит,
В огне горит.

Суровый колорит в тоне использован для картины грозы.

Особенно интересно, удачно стихотворение «Новичок». Это сравнительно большое стихотворение повествует, как грибы-обитатели (в некоторой части) оказались обывателями, высмеивали скромного новичка. А моховик сказал, что это — гриб-боровик.

Стихотворение выражает глубокое сочувствие к скромным

талантам, непризнанным.

А ведь использован удивительный жанр фельетона в лесной публицистике. Вспомните Бианки.

Таковы самые выразительные стихи-шутки, обманчиво-легкие переборы струн, в которых играет красивая музыка чувств и мыслей начинающего поэта.

Для сегодняшней встречи достаточно примеров для характеристики поэзии Лагздынь.

Другая группа состоит из двух стихотворений: «Ледоход» и «Разговор с березой».

В стихах взяты темы общения с природой. Но — по-разному. «Ледоход» — образная, полная движения, картина веющего ледяного дыхания.

«Разговор с березой» можно назвать поэтическим раздумьем о жертвенности подвига материнства.

Береза белая леденеет, дрожит в вихре метели, стынет ее драгоценный сок. Но она шепчет: «Я совсем заледенела, но не бойся — я жива».

Эти стихи говорят о том, что у автора, может быть, много возможностей работать не только в кругах Младшей Музы.

И, наконец, последняя группа — четыре стихотворения: «Елочки», «Маша-Неваляша», «Кот», «Огородник». В этих стихах нет значительной связи с фольклором, нет самобытности. Барто, Благинина, а за ними — толпы поэтесс и поэтов, которые стилизуют язык a la enfant (на вкусы, манер), но не имеют за душой принципов и вкуса. Эти стихи можно назвать более-менее искусным рукодельем.

После короткой характеристики и обзора следует вывод:

Большинство из представленных стихотворений — из восемнадцати четырнадцать — самобытны, новы, при этом использованы и сокровища-традиции народного искусства.

При подготовке к печати, конечно, следует обратить внимание на мелочи, например, лексического характера (изредка встречаются слова, не соответствующие взятому тону).

По содержанию лирики может возникнуть вопрос о расширении кругозора автора, о современности, об идейности. Это необходимо.

Но при этом надо подчеркнуть, что, оказывается, старые традиции в области устной народной и литературной детской лирики совершенно не изучены. Это можно доказать, приведя в пример «Гусельки».

Что мы знаем о «Гусельках»?

1875 год (передавало радио 19.05.1970 г.). В семье Ульяновых Мария Александровна пользовалась сборником народных детских

прибауток, потешек, колыбельных и т.д.

Здесь мы и встретимся со всеми традициями и необычайными богатствами Младшей Музы.

Желаю успехов молодым поэтам. Надеюсь, что они будут удачно

ориентироваться в ценном старом переиздании НОВОГО.

На добрую память Г. Р. Лагздынь.

А. Баранцев, 1969 год

О Всеволоде Некрасове (1934-2009)…

Набирая эту книгу воспоминаний, А.С. Михайлов обнаружил в Интернете строки про Всеволода Некрасова, который умер 15 мая 2009 года:

«В Москве на 76-м году жизни скончался поэт Всеволод Некрасов. Всеволод Николаевич наряду с Д. Приговым и Львом Рубинштейном был одним из основоположников и лидеров московского концептуализма.

Всеволод Николаевич Некрасов родился в Москве в 1934 году. Учился на филологическом факультете Московского педагогического института им. Потемкина. На рубеже 1950—1960-х вместе с Яном Сатуновским, Генрихом Сапгиром и другими вошел в состав «лианозовской школы» поэтов и художников. В советское время опубликовал немногочисленные «детские» стихотворения, печатался на Западе с начала 60-х, на родине — со второй половины 1980-х (шесть книг стихов). В последнее десятилетие много выступал с критико-публицистическими статьями. В 2007 году Некрасов получил премию Андрея Белого «За особые заслуги перед русской литературой».

Я благодарна Всеволоду Николаевичу, который помог мне встать на поэтический путь. Хочется поклониться ушедшему Всеволоду Некрасову от нас, живущих.

Позднее в молодежной газете «Смена» от 27.05.1978 г. в рубрике «Субботний гость» была напечатана статья журналиста Юрия Яковлева «В созвучьи слов живых»:

Писать стихи Гайда начинала несколько раз. Она бралась за них, как только переступила школьный порог, затем в четвертом классе и на последнем курсе института (она преподаватель химии по образованию). А потом к стихам вновь вернулась только через пятнадцать лет.

— Гайда, поделитесь, как слагаются ваши детские стихи?

— Просто, — улыбается поэтесса. — Я пишу короткие стихи. На длинные не хватает времени. А если серьезно, то лаборатория стихосложения и самой себе не всегда понятна. Появилось слово, от него потянулся лучик к другому. И вот они уже засветились.

Или: возникла мысль, тема. Это главное. А рифма — потом. Чтобы говорить языком ребенка, я порой чувствую, как сама на время становлюсь им. Думаю, говорю, пишу.

— Поэзия — праздник?

— Да, и еще я добавила бы: поэзия, когда ум и сердце в ладу. Чувство волнующего взлета возникает от «урожайного дня». Но вместе с тем нарастает волнение: имеют ли право на жизнь написанные тобой стихи? Примут ли их люди? Писать — счастье очень трудное, бесконечно сладкая кабала, из которой и уйти нет сил.

— Каждый человек видит что-то очень важное в своем призвании. Что вам кажется важным в поэзии?

— Она должна быть доступной, понятной, веселой или грустной, но обязательно правдивой. Поэзия для детей — особенная, потому что ребята через стихи открывают мир.

В жизни всякое бывает: и радость переполняет, и от горя не знаешь куда деться. В том и другом случае человек поет. Только разные песни. Нередко человек начинает понимать Чайковского, Бетховена в трудные минуты, в минуты душевных потрясений. Это можно сказать и о поэзии. Настоящие стихи «лечат» от равнодушия, эгоизма, пробуждают человека, двигают его. Дождь, слякоть — мерзко, кажется. А с другой стороны — это же здорово, когда бушует стихия! Тоска в сердце — читай, пиши стихи. И просветлеешь.

— Вам приходилось работать с трудными подростками. Что вы скажете о них? Какую роль в этой работе играла поэзия?

— Банальное двусловие — трудный подросток. Действительно, трудно с ними работать, хлопотно, много времени отнимают.

Но трудные, как правило, по природе своей незаурядные личности, ищущие выход энергии, подсознательно стремящиеся найти свое «я».

Большая ответственность лежит на нас — взрослых. Надо всегда видеть в любом, и в большом и в маленьком, — человека, уважать его как личность, доверять ему, считаться с ним, не стесняясь порой и поучиться чему-то от него.

Много лет я работала с трудными ребятами. Была у нас такая традиция: начинать учебный год с музыкального часа. Музыка, поэтическое слово размягчали душу даже самому трудному: ребята раскрывались, завязывалась откровенная беседа, а в

дальнейшем, приоткрыв однажды краешек своей души, такой человек чувствовал к себе внимание, раскрывался полнее.

Я убеждена: стихи никогда не воспитают в человеке жестокости, чванства, высокомерия. Буду рада, если, прочитав эти строки, мои воспитанники с теплотой вспомнят наши поэтические часы как светлые мгновения жизни.

— Но вернемся к детворе. Переписываетесь ли вы со своими читателями?

— Мои основные «читатели» не умеют писать, за них это делают бабушки. Одна из них — Евгения Ивановна — учительница, пенсионерка — написала мне: «Детей мы воспитывали на стихах Агнии Барто, а вот внуков — на ваших». Это скорее всего шутка, но все равно приятно.

— А над чем вы сейчас работаете?

— Над «правилами» для детей: как вести себя надо ребятам на улице, в театре, дома. В 1979 году в свет выйдет новая моя книжка «Играю я» (Москва, издательство «Детская литература»). Продолжаю работать над текстами песен для детей и взрослых.

— Кстати, сколько же у вас вышло книг? Какая из них дороже?

— Книг две, один сборник — «Общежитие». Дороже — первая книжка «Весенняя песенка». И та, что еще не написана.

Сказано по случаю…

В СССР существовало только два издательства, издающие книги для детей и подростков: «Детская литература» и «Малыш». Рукописи рецензировали профессиональные критики, как правило, два рецензента. К критическим замечаниям я отношусь с большим вниманием и даже скажу больше: я люблю критику. Бывает она и злой. Это не критика, а ругань на уровне кухонной плиты. Полезная, доброжелательная, пусть и с минусами, помогает. Мне, с техническим образованием, она была очень нужна. В прежнее время издатели к автору относились бережно, если видели хоть крупицу таланта. А вот издадут тебя или нет, зависело от очень многих причин. Тут можно долго рассуждать.

Сейчас ни одно издательство, а их большое количество, не рецензирует и не возвращает рукописи. Наверное, экономят на специалистах, а их, знающих литературу, все меньше, и на затратах по пересылке. Если издатели в случает отказа отвечают, то не объясняют причину. Стандартная фраза сохранилась и поныне: «Редакторский портфель переполнен рукописями». Пробиться к издательскому престолу было трудно. Клан московских писателей плотной стеной стоял вокруг этих двух детских, и не только детских, органов печати. Издательств мало,

а Союз ССР — большой. Правительство уделяло много внимания писателям, порой несильным, союзных республик, хотя у них были свои издательства. А потому путь от рукописи к печатному станку у писателей нередко пролегал через годы жизни. Сейчас проще: можешь издать за свой счет все что угодно. На издательские средства публикуются книги, которые пользуются спросом и дадут доход, а потому на прилавках магазинов много разного легкотемья. Выбор автора теперь не зависит от профессионализма редакторов. Он больше зависит от рынка, и зачастую диктуется продавцами. Рынок есть рынок! Он формирует спрос. Одним словом: чертов круг. Сейчас печатается много переводческой литературы, так как зарубежье дает большую мзду издательствам, вытесняя с прилавков или отодвигая на время отечественную литературу. Чтобы в этом убедиться, надо побывать на московских книжных ярмарках и взглянуть на издаваемую литературу. Но обратите внимание: на это идут новые издательства. Зарубежная литература отражает не нашу жизнь. Непонятная жизнь неинтересна нашему читателю. Падает общий интерес к чтению. Нечитающие родители — предмет подражания для детей. Родители жалуются: дети не хотят читать. А почему вы уже малышу включаете мультики вместо того, чтобы полистать книгу? А сами читаете при ребенке?

Первые успехи

В 1976 в сборнике «Между летом и зимой» издательством «Детская литература» была опубликована большая подборка моих стихов. В сборник также вошли со своими произведениями В. Лунин, М. Яснов, В. Ланцетти, Г. Остер, К. Сапгир, Р. Фархади и многие известные в будущем детские поэты. А в критическом журнале с таким же названием «Детская литература», в статье «Два лукошка» ленинградской писательницы Майи Борисовой анализировались сборники с именами новых поэтов, изданных в Ленинграде и Москве. Так во всесоюзной критике я впервые была отмечена плюсами.

До издания первой книги было много публикаций стихов в газетах и журналах, естественно, и откликов на мое творчество. Я активно участвовала в самодеятельном движении, становясь в 1970 году победителем по песенному жанру во время фестиваля «Волжская метелица». В «Калининской правде» от 04.03.1971 г. писали: «Лучшим автором текста эстрадной песни признана калининская поэтесса Гайда Лагздынь».

В связи со столетием со дня рождения В.И. Ленина за участие в исполняемых программах получила звание лауреата Всесоюзного фестиваля. К 50-летию образования СССР и 50-летию Всесоюзной пионерской организации совместно с композитором Д.И. Лаптуровым была создана «Песня о дружинах». Позднее, в 1987 году, меня наградили медалью лауреата Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции за песенное творчество. Участвовала я и в комитете по проведению Третьего Всесоюзного фестиваля с мая 1988 по ноябрь 1991 года по вопросу организации творческой работы. Печатают много в тверской прессе. Мое творчество начинают замечать в писательской среде. В тематическом планировании 1971-1972 гг. упоминают Лагздынь (сборник «Литературные встречи», Калинин, 1978 г.).

В статье «Писатель и общество» («Калининская правда», 18.02. 1971 г.) ответственный секретарь областной писательской организации Василий Кириллович Камянский опубликовал такие строчки: «С творческой поддержкой писателей приобрели свой голос поэты А. Скворцов, Г. Лагздынь, А. Пьянов, Е. Борисов, О. Ситнова». А в той же газете от 07.12.1975 г. Александр Гевелинг, уже будучи секретарем организации, сменив на посту В. Камянского, выразил мысль: «Вот-вот выйдет в свет первая

книжка стихов для детей, принадлежащая перу Гайды Лагздынь. У поэтессы счастливый дар: смелая фантазия, что так пленяет юных читателей, непринужденная доверительность интонаций и столь милая сердцу веселость. Не случайно ее стихи для малышей очень охотно печатают «Мурзилка», «Веселые картинки» — издания популярные и авторитетные, в которых творческий конкурс весьма высок».

Между прочим…

В 1979 году в «Калининской правде» появилась статья «ТАЛАНТ УМНЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ», в которой А. Гевелинг пишет о других книгах и о моем творчестве:

«Наверное, не раз, уважаемые читатели, встречали вы в нашей «Калининской правде» рубрику «Для вас, дети, строки эти», а под нею — короткие, задорные стихи для малышей, которые написала Гайда Лагздынь. А может быть, встречали не в газете, а в «Мурзилке» или «Веселых картинках». Возможно, покупали для своих ребятишек ее книги «Весенняя песенка» или «Во дворец влетел птенец», или недавно вышедшую — «Играю я». Вот об этой последней книжке и хочется сказать несколько слов.

Но прежде маленькая оговорка: все, что будет сказано о стихах, в ней напечатанных, должно отнести и к другим стихам поэтессы. Так что разговор пойдет скорее не об отдельных стихотворениях, а целиком о творческой манере автора.

Известно, что стихи для детей разительно отличаются от поэзии для взрослых, хотя и те и другие прекрасно чувствуют метафору, восприимчивы к тактичной, неназойливой назидательности, безошибочно отличают правду от фальши. Но попробуйте внести в стихи для детей элемент философской созерцательности, что так любят взрослые, и повеет зеленой скукой. Попробуйте всего на пол шажка отступить в сторону абстракции — и неудача обеспечена.

Дети — все в конкретном, в сиюминутном (кто не знает знаменитых «почемучек»: а почему то, а почему это?). Дети — само движение, вечные непоседы. И, наконец, они великие фантазеры: чем необычнее, тем интереснее (поэтому-то в сказках и происходит самое невероятное).

Понять маленького человека, воспользоваться его возрастными наклонностями дано далеко не всем, владеющим пером.

Гайде Лагздынь это дано. Давайте посмотрим, как оно происходит.

Мчится конь удалой,
Мчится быстрой стрелой,

На коне я верхом,
Я кричу на весь дом,
Я кричу, я скачу,
Вихрем, птицей лечу!
Не ругайте меня,
Не снимайте с коня,
Я еще поскачу,
Я еще покричу.

Десять строк — десять глаголов, целый ураган действий! А как восхитительно скакать на удалом коне! Нет, нет, не верхом на стуле или деревянной лошадке — на коне! Это для нас игра — забава, а для ребенка плод его фантазии — полнейшая реальность. Он верит в нее. И Г. Лагздынь верит вместе с ним, а доверие всегда вызывает ответное благодарное чувство. И, конечно же, стихи будут восприняты юным читателем, а чаще слушателем, очень заинтересованно.

Могут сказать: ну, вот, подводят под детское баловство теоретическую базу. А чему такие стихи учат, что воспитывают в ребенке? Воспитывают жизненную активность, учат предприимчивости — незаметно, исподволь, неназойливо.

Кажется, ничего особенного не содержится в простых, незатейливых строчках:

Пять веселых лягушат
По своим делам спешат,
Пока мокро, пока лужно,
До реки допрыгать нужно.
Если встретишь лягушат,
Не мешай:
Они спешат!

Но это только на первый взгляд ничего особенного. Когда скачут лягушата, это и само по себе очень интересно. Но они спешат к тому же по своим лягушачьим делам. Не будем их трогать, уважим их дела. Пусть скачут. Заодно не тронем и кузнечика — у него, конечно, тоже есть важные дела. Уважительно отнесемся и к деревцу: ему нужно подрасти, пока не пришла зима, так что ломать его не будем. Может ли такая логическая цепочка протянуться в добром сознании малыша после вежливой просьбы стихотворения? Вполне может. А ведь с уважительным отношением к окружающему нас миру природы начинается и уважение к человеку — основа основ нашего социалистического мировоззрения.

Нет, все это не так просто — ежи, котята, лягушата, если на них обратил внимание ребенка мастер — ваятель человеческих душ. Книжка «Играю я» — несомненный поэтический успех Гайды

Лагздынь. Возможен он стал, пожалуй, потому, что в ней счастливо сочетаются литературное дарование и чутье опытного педагога — в прямом смысле этого слова, педагога по профессии. И еще потому, что работает она увлеченно, радостно, что вовсе не отрицает упорных, усердных поисков нужного слова, верной интонации, своеобразного, незамызганного сюжета. Впрочем, все это как раз и составляет радость труда.

Поэтесса очень активна, пишет много, хотя на суд читателей выносит лишь немногое, что, по ее мнению, получилось в какой-то степени интересно. Оно понятно: писать плохо вообще нельзя, а для детей — и подавно. Сейчас в производстве находится следующая книжка Г. Лагздынь, и надо надеяться, что она станет новым шагом в творчестве поэтессы.

В рецензиях обычно принято делать замечания, говорить о недостатках, но давайте сегодня нарушим традицию. И не потому, что недостатков в книжке нет, а потому, что хотелось обратить внимание читателей на самое существенное в творчестве одаренной поэтессы. Мы же будем рассчитывать на ее взыскательность к собственной строке и пожелаем, чтобы строки эти с каждой новой книжкой становились совершенней.

В заключение несколько слов о художнике В. Гусеве, иллюстраторе книжки «Играю я». Выполненные в мягкой, неброской тональности, не лишенные выдумки, иллюстрации хорошо гармонируют со стихами и щедро дают дополнительную пищу детской неуемной фантазии».

Мне с издательством повезло. Как говорили: «Родилась в рубашке». Но ни о какой сорочке не может быть речи. Просто моя ниша в литературе — стихи для самых маленьких — была свободной. Она и сейчас пустовата.

Не последнюю роль в становлении меня как писателя сыграли редакторы издательства Леокадия Яковлевна Либет и Марина Ивановна Титова.

В 1975 году вышла первая книжка стихов «Весенняя песенка» обычным тиражом в 300 тысяч экземпляров. Моим главным, с перерывом по 2000 год, стало ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы Народов издательство «Детская литература», ранее называвшееся: в 1933-1935 — «Детгизом», в 1936-1941 — «Детиздатом», в 1942-1963 — снова «Детгизом», а с 1963 и по сей день именующееся «Детской литературой». Так я начала свой путь в большую российскую литературу. И поплыл мой поэтический кораблик в просторные, но не всегда спокойные, воды океана.

Кстати…

Позднее книги стали издаваться в «Малыше»: «Тепики-тепики», «Всюду лето», «Целый день у нас работа», «У нас живет дразнилка». В издательстве «Московский рабочий» в 1990 году вышла книга «Тайна зеленого золота». В смутные девяностые годы наступило затишье, вследствие чего на тверской земле было издано много книг, но очень малыми тиражами — от двухсот штук до одной тысячи экземпляров. В самом крупном областном книжно-журнальном издательстве появилась повесть «Зона», позднее — книги «День добрый», «От января до января», «Волшебные тропинки». С образованием в Москве малых и больших издательств рождались книжки разноформатные, порой необычные, как «Книжки-подушки», при совместном соавторстве издательства «Дрофа» с «Трехгорной мануфактурой», делались книжки-игрушки, книжки-задвижки, книжки-гармошки, книжки-раскладушки. Вроде книжки, раз можно читать. А вроде и нет, раз можно ими играть. Вот почему на вопрос, сколько книг у меня издано, затрудняюсь отвечать. Вчера подсчитала — 118, без погремушек.

КРИТИКА НА КНИГИ

Книжное эхо с вариациями

После выхода из печати «Весенней песенки» появилась и первая критическая капельная статья.

«ЗАТРЕЗВОНИЛИ КАПЕЛИ…»

Николай Иванович Мазурин, газета «Смена» от 30.12.1975 г.

В апреле на страницах газеты «Смена» были впервые напечатаны стихи для детей, подписанные мало кому известным тогда именем Гайды Лагздынь. Стихи были короткими, как считалки, составленные из живых, очень гибких разговорных фраз. Но не считалки виделись в этих стихотворных миниатюрах, а красочные картинки, озаренные солнечным светом.

Потом стихотворения Лагздынь, адресованные нашей детворе, стали появляться в «Калининской правде», в журнале «Мурзилка», «Веселые картинки», передаваться по радио. И вот отрадный итог — появилась первая книга поэтессы, подготовленная и выпущенная в свет издательством «Детская литература». Называется она «Весенняя песенка».

Мопассан говорил, что истинная поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке. Лагздынь избегает глубокомысленной

рассудочности в своих стихах. Так строит словесную ткань, чтобы стихи легко запоминались, были яркit радовали малышей светлым содержанием. Вот пример — стихотворение, давшее название всей книжке:

Утром рано вдруг запели,
Затрезвонили капели,
Солнце яркое печет,
С крыши песенка течет,
Говорит сосульке Юлька:
«Вот подставлю лесенку
И достану песенку».

Книжка красочно иллюстрирована художником Д. Хайкиным, напечатана трехсоттысячным тиражом. Издательство «Детская литература» сделало добрый подарок детворе.

Разговор с малышом

С 1975 года книги для детей издаются в «Детской литературе» и в «Малыше». Других крупных издательств в стране нет. Конкурс колоссальный. В год только семь позиций современных авторов. Мои книги включаются в план работы издательства один раз в два года. Неслыханная победа автора в такой большой стране, как СССР. Критические статьи пишут тверские журналисты. Союзная критика молчит. С одной стороны, считает детскую литературу несерьезной. С другой стороны, принято хвалить своих. Хвалить — значит, рекламировать. А ругать? Не за что. Но однажды на страницах «Калининской правды» от 13.04.1989 г. появилась статья «Разговор с малышом» московского критика. Илья Абель проанализировал мое творчество, подробно остановился на опубликованных книгах «Нам светит солнце ласково», «Всюду лето», «Послушный зайчонок». О последней книге информационно написали в критическом журнале «Детская литература». В журнале «Молодые художники» шел разговор и о книге, и об оформителе Саше Райхштейне. Не заметить книги не могли. «Послушный зайчонок» был отмечен Госкомиздатом и Союзом писателей СССР по результатам Второго Всесоюзного конкурса как лучшая книга, изданная для детей.

«РАЗГОВОР С МАЛЫШОМ»

Илья Абель, «Калининская правда», 13.04.1989 г.

Со стороны может показаться, что творческая биография

калининской писательницы Гайды Лагздынь складывалась безоблачно. В центральных и местных издательствах выходили книга за книгой, не оставаясь без внимания читателей и критики. Верность теме — повествование о детях дошкольного возраста, последовательность и серьезность намерений вызывали уважение, а результаты были убедительны. На самом деле все не так уж и идеально. Собственно литературным творчеством, если иметь в виду профессиональность отношения к делу, Гайда Лагздынь занялась в достаточно зрелом возрасте, когда у других уже и имя, и авторитет. Конечно, она писала стихи с детства, но долгое время не решалась связать с литературой свою жизнь. Как у всех, в ее жизни оставили тяжелый след война, житейские неурядицы. Много сил и энергии требовала и работа с трудными подростками, когда она преподавала в спецшколе. С детства приученная относиться к любой работе ответственно и с полной отдачей, она не хотела распыляться, отрывать на литературное творчество время у преподавания. К счастью, произведения Гайды Лагздынь прочитали люди подлинно заинтересованные и профессиональные. Поэтому они не только поддержали поэтессу советами и замечаниями, но и сделали так, что ее стихи пришли к всесоюзному читателю. Конечно, в том, что писалось в ту пору, заметны наивность и неопытность. Однако в тех ранних книгах поэтессы было и многое такое, что сразу привлекло к ней внимание. Например, традиционные для ее книг «кричалки». Часто выступая в детском саду, проверяя на детской аудитории свои новые произведения, Гайда Лагздынь обратила внимание, что дети устают через какое-то время и им надо поиграть, побегать, покричать. Тогда она в качестве своеобразной разминки и предложила детям свои «кричалки», которые всегда пользовались неизменным успехом.

Следует сказать еще об одном достоинстве поэзии Гайды Лагздынь. Она никогда не навязывает ребенку своего мировосприятия, не бывает нравоучительной. Поэтесса пытается понять ребенка, преодолевая дистанцию между ним и миром взрослых, обживая детский мир деловито и основательно. Именно потому в какой-то момент она попробовала написать поэтический алфавит, чтобы представить ребенку каждую из букв. И ей совсем неважно, что попытки, подобные этой, делали и другие поэты, классики детской литературы и наши современники. Гайду Лагздынь это отнюдь не смутило, поскольку волновало ее не первенство, не дух конкуренции, а возможность рассказать своим читателям то, что она считает важным. Просто в какой-то момент она поняла, что это сейчас детям важнее всего.

Так же через несколько лет она почувствовала, что иногда

малышам стихи надоедают, вернее, уже не воздействуют так, как в раннем детстве, потому что с возрастом ребенку уже хочется не афоризмов, а подробно описанных ситуаций. Вероятно, это предопределило выход книг «Нам светит солнце ласково» и «Всюду лето», где поэтесса попробовала себя в маленьких прозаических фрагментах.

К сожалению, прозаические новеллы не вошли в итоговый на сегодняшний день сборник «Послушный зайчонок», только что вышедший в Москве в издательстве «Детская литература», но и без них книга получилась очень собранной, емкой и выразительной. В ней поразительнее всего, на первый взгляд, то, что стихотворения, написанные давно и сравнительно недавно, сосуществуют очень естественно и празднично. Здесь много юмора, искренности, теплоты, что всегда свойственно поэзии Гайды Лагздынь. Когда читаешь ее стихи, не покидает впечатление, что они существовали всегда и знакомы давно — так умеет поэтесса ощутить народную традицию, так трогательно то, что она пишет.

Гули-гули-гуленьки,
Гуленьки, девуленьки!
Пляшут бойкие ручонки,
Пляшут ножки у девчонки.
Вы, ножонки, попляшите!
Вы, ручонки, помашите!

Казалось бы, нет здесь ничего эффектного. А вот поражает простотой и ясностью, что так высоко ценится всюду, а особенно в поэзии. Но и метафоричности поэтесса не избегает, потому что ей интересно не только земное, но и возвышенное. Хотя поводом для стихотворений в обоих случаях служат самые обычные наблюдения.

В каплю чистую росы
Опускает жук усы.
— Пробуй, пробуй,
Длинный ус,
Какова роса на вкус!

Для поэзии Гайды Лагздынь характерна разговорная интонация. В ее стихах много монологов и диалогов, написанных так, как будто поэтесса пользовалась магнитофоном. Но не в этом, конечно, секрет. А в памяти детства, которая не стерта взрослым опытом, в способности не забывать милое и наивное, что встречается в жизни сегодняшних дошколят. Этой способностью поэтесса наделена в полной мере и использует ее щедро и доброжелательно. Может быть, поэтому ни одна из ее книг не залеживалась на прилавках книжных магазинов. И не

только из-за дефицита детских книг, но и потому еще, что на каждой странице здесь можно было встретить хорошее стихотворение, пронизанное любовью к детям и заботой о них.

Вероятно, это привлекло читателей и в сборнике «Послушный зайчонок», изысканно оформленном художником А. Райхштейном. Он постарался, чтобы книга получилась по-настоящему подарочным изданием, которое интересно и читать, и рассматривать, и получать в подарок. Но при этом не надо забывать, что поводом для искусно выполненных рисунков и заставок стали скромные, внешне неброские и до точки занимательные стихотворения Гайды Лагздынь.

Колыбель моих первых книг

В Москве, напротив «Детского мира», рядом с легендарной Лубянкой и упокоенному ныне памятнику Феликсу Дзержинскому, в Малом Черкасском переулке, в доме под номером один находилось издательство «Детская литература». Сейчас это издательство надо искать где-то возле метро «Аэропорт». Широкая каменная лестница, слева, кажется, созданные на века два лифта с крепкими решетками перед входом в подъемник. Медленно и солидно везет лифт мимо этажей в этом старинном доме. А мне на третий. Длинный коридор.

Справа по коридору путь к «Дошколятам». Если пройти еще чуть подальше, попадешь в младший школьный возраст. А в конце коридора окажешься в гостях у «старших». Но я открываю дверь только в дошкольную редакцию. Могла бы познакомиться, завязать практические деловые взаимоотношения с редакцией младшего школьного возраста, тем более что для них пишу. Но, как и в газете «Калининская правда», срабатывает мой характер — не напрягать других. Этот генный однолюб не пускал меня и в издательство «Малыш». Но «малыши» меня потом нашли. Все повторялось, как и с журналами! Печаталась в «Мурзилке», но не в «Веселых картинках». Журнал «Веселые картинки» меня нашел, и я со стихами оказалась на его страницах. Вот и в прошлый мой приезд художественный редактор О.К. Кондакова сама заходила к Леокадии познакомиться со мной. Это не гордыня и не робость. Это мои противные генетические установки.

В большой угловой комнате с высокими потолками за рабочими столами рядышком, но на расстоянии, столы заведующей редакцией и столы редакторов. Энергетика в

помещении чистая и от старинных стен, и от людей, здесь работающих.

Я давно заметила, что редакторы детских издательств очень отличаются от тех, кто работает не с детской литературой. Я не знаю, как это объяснить, но это факт. Они улыбчивы, доброжелательны, по-детски открыты. Может быть, это от чтения детских стихов и прозы, или от писателей, создающих положительную энергию при написании. Когда я появлялась в редакции, все оживлялись, откладывали карандаши и кто-нибудь говорил:

— Гайда приехала! Кто идет на кухню чайник ставить?

На маленьком журнальном столике всегда было что-то для маленького пира. Здесь меня часто с дороги кормили, рассказывали о своих трудностях, зная, что мне можно доверять. Когда уезжала, выговаривали:

— Вы только не пропадайте!

Они, наверное, от назойливых посетителей уставали, а у меня была такая особенность: я не считала литературу главным своим делом.

В издательстве познакомилась, хотя приезжала не часто, с Валентином Дмитриевичем Берестовым — мягким, добрым человеком, с Ириной Петровной Токмаковой — высокомерной важной дамой, с милой, немножечко странной Эммой Мошковской, с Эдуардом Успенским, вечно куда-то спешащим и опаздывающим, с Яковом Акимом, довольно-таки не раскрывающимся при разговоре человеком. Стихи этого поэта близки мне по духу, и однажды я сказала:

— В «Детлите» работает Яков Аким, я тоже хочу быть поэтом таким!

В издательстве произошло знакомство с художником Львом Токмаковым, с «детлитовским» художником Д. Хайкиным, оформлявшим мои книги.

Когда писатели интересовались, кем я работаю, я, смеясь, отвечала:

— В ООНе, но с дробью один.

— И чем вы там занимаетесь, в этом ООНе?

Отвечала:

— Готовлю парашютистов!

Но мои редакторы знали, что шучу, что преподаю химию и биологию в школе учреждения, где находятся люди, лишенные прав по суду. Среди авторов у них не было ни одного работающего, тем более учителя, да еще и не литератора. А потому, как признавались потом, обнаружив во мне «искру божью», выращивали из меня детского поэта. Мое литературное

образование закончилось вместе с поступлением сначала в техникум, а затем в институт на естфак. Но оказалось, это было даже замечательно. Не зная литературы, начиненная формулами, уравнениями, химической, медицинской, промышленной терминологией, я часто изобретала велосипед, то есть повторяла известное в литературе, но зато в своем творчестве не была похожа ни на кого из писателей, имела свой почерк и свой голос. И, как отметила в своей дипломной работе «Жанрово-стилевое своеобразие детской поэзии Гайды Лагздынь» (руководитель доцент Бойников Александр Михайлович) выпускница филфака Тверского государственного университета Анна Крылова при защите диплома, «автор освоила все жанры детской литературы и создала несколько новых направлений».

А я и не думала осваивать и создавать что-то новое! Как и быть писателем. Так случайно получилось.

Количество издаваемых книг, как я уже писала, увеличивалось, как и количество статей. Статьи журналистов и писателей разные, но в чем-то схожие. Я думаю, оттого, что они были о книгах одного автора.

«САМЫМ МАЛЕНЬКИМ ЧИТАТЕЛЯМ»

«Калининская правда», 08.03.1977 г.

Имя калининской поэтессы Гайды Лагздынь знают не только в нашей области. Оно известно самым маленьким читателям всей страны. Две книжки Гайды Рейнгольдовны вышли в издательстве «Детская литература». Первая называется «Весенняя песенка», вторая — «Во дворец влетел птенец». Каждая из книжек вышла тиражом по 300 тысяч экземпляров, так что можно предположить, сколько ребятишек познакомятся с этими стихами.

«Я УЧУ АЛЕШКУ…»

Н. Мазурин, 18.03.1977 г.

Известный советский поэт Самуил Маршак неоднократно говорил о необходимости создания добротной литературы для самых маленьких читателей.

Он подчеркивал, что «дети для нас — не предмет утомительных забот и невинных семейных радостей. Это — люди, которым предстоит много сделать и которых надо хорошо подготовить».

Отрадно, что этот принцип лежит в основе творческой деятельности калининской поэтессы Гайды Лагздынь. Весьма наблюдательная и доброжелательная рассказчица, она видит перед собой очень конкретного и очень доверительного слушателя — будущего хозяина жизни — и беседует с ним легко,

занимательно и поучительно одновременно. Подтверждение тому — появившаяся в продаже книжка «Во дворец влетел птенец».

Стихи Гайды Лагздынь читаются с интересом, да и запоминаются быстро. Но как бы ни была занятна форма той или иной миниатюры, в каждом стихе заключена поучительная логика, присутствует познавательный материал. Разве не трогает такое:

Раз шажок, два шажок,
Левый, правый сапожок.
Я учу Алешку
Топать понемножку.

Каждую строку шлифует поэтесса. Стихи ее легки, свежи и очень пластичны. В книжке имеются скороговорки, считалки. Они написаны простым и сочным языком.

Книжка «Во дворец влетел птенец» — новый, весьма твердый шаг Гайды Лагздынь к овладению сложным мастерством создания произведений, адресованных самым маленьким и любознательным читателям.

Книжка отлично проиллюстрирована красочными рисунками художника М. Успенской.

«ИГРАЮ Я»

В. Лесной, Н. Мазурин, «Калининская правда», 01.09.1979 г.

Так называется только что вышедшая в издательстве «Детская литература» книга стихов калининской поэтессы Гайды Лагздынь. Как и предыдущие книжки поэтессы, она адресована маленьким читателям. Издание красочно иллюстрировано. Тираж 300 тысяч экземпляров.

Гайда Лагздынь — первая из калининских литераторов, общий тираж книг которой достиг миллиона.

«МАЛЫШАМ В ПОДАРОК»

Н. Мазурин, «Смена», 20.09.1979 г.

Издательство «Детская литература» только что выпустило в свет новую книжку стихов калининской поэтессы Гайды Лагздынь «Играю я». Книжка напечатана трехсоттысячным тиражом и адресована ребятам дошкольного возраста.

При виде этой новинки мне вспомнилась давняя встреча со старейшим русским писателем И.С. Соколовым-Микитовым, в те годы жившим в Карачарове под Конаковом. Однажды Иван Сергеевич пожелал познакомиться с некоторыми начинающими литераторами Верхневолжья. Помню, как он внимательно слушал читаемые авторами их произведения. Его особенно заинтересовали стихи Гайды Лагздынь, тогда еще нигде не

печатавшиеся. Писатель за все время чтения не проронил ни слова. И только в конце сказал поэтессе буквально следующее:

— Да, писать для детей трудно, особенно для маленьких. Но у вас получается. Желаю успеха...

С той памятной встречи прошло несколько лет. Ныне стихи Лагздынь периодически появляются в областных газетах, в журнале «Мурзилка», передаются по радио, выходят отдельными изданиями.

В чем же успех поэтических миниатюр Гайды Лагздынь, а именно стихов- потешек, стихов-считалок, прибауток и скороговорок? В том, считаю, что они наполнены светлой радостью, трепетной любовью к окружающему миру. О чем бы ни писала Гайда Рейнгольдовна, она без сюсюканий и примитивных назиданий, а исподволь, как бы попутно, прибегая к живой и гибкой разговорной речи, затрагивает то нужное, что должно быть главным в воспитании детей, которым в будущем предстоит многое делать самим и которых готовить к этому надо сейчас. В ее стихах нет ничего лишнего, неясного. Все кратко, на месте, выражено предельно четко. Любая миниатюра не пустышка, а несущая в себе конкретную мысль, нужную идейную нагрузку. Вот, к примеру, как написаны стихи о жадности, обрекающей людей на одиночество.

Во дворе кричит Егорка:
— Моя книжка! Моя горка!
Мячик мой! Лопатка, лейка!
Не пущу! Моя скамейка!
Ничего не надо брать!
Я хочу один играть!
Во дворе грустит скамейка,
Рядом мяч, лопатка, лейка,
Во дворе скучает горка
И стоит один Егорка.

Книжка «Играю я» — прекрасный подарок нашим малышам. Украшают ее и великолепные рисунки художника В. Гусева.

Хочется сказать еще то, что если когда-то И.С. Соколов-Микитов только предугадывал в поэтессе дар, то вот как говорит о ней сегодня известный московский поэт Валентин Берестов:

«В нашу детскую поэзию пришел новый поэт, пришел без шума, неназойливо, опираясь только на свои веселые, продиктованные сразу и фантазией, и здравым смыслом строки».

И еще. Стихи Гайды Лагздынь для детей приходятся по душе и взрослым. В этом я убеждался неоднократно, присутствуя на творческих встречах поэтессы со своими читателями.

«КАКОВА РОСА НА ВКУС»

Евгений Клюев, «Смена», 22.04.1982 г.

Известно ли вам, почему у солнышка столько ножек? Знаете ли вы, какова роса на вкус? Можете ли ответить, у кого усатая морда полосатая, спинка, словно мостик, за мосточком хвостик?

Если ответов на вопросы вы не знаете, но у вас есть дети, спросите у них. Они подскажут вам и быстро разрешат все ваши сомнения. Для детей это просто — так же просто, как для вас устройство парового двигателя. А вот если у вас нет детей... Но все равно — не отчаивайтесь: есть в нашем городе один взрослый человек, который знает ответы и на более сложные вопросы не хуже, чем дети! Имя этого человека — Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. Совсем недавно в издательстве «Детская литература» вышла ее новая книга под названием «Собрались в кружок подружки». Откройте эту книгу, прочтите ее — и тогда... Тогда вы смело сможете состязаться в сообразительности с любым малышом, а вы ведь знаете, как трудно бывает выдержать такое состязание!

Я не буду включаться в популярную теперь дискуссию о том, что такое детская литература и существует ли вообще литература, рассчитанная только на детей. Скажу только то, что кажется мне несомненным: детское суждение о книге — пожалуй, самое принципиальное и строгое, самое точное и объективное, несмотря на то, что начисто лишено аргументации. Хотя... кроме логической аргументации бывает и другая — эмоциональная. У детей безошибочно срабатывает так называемый «бином фантазии», как определяет это свойство детского разума один из наиболее любимых представителей «детского жанра» в литературе Джанни Родари. Известно, что дети не выносят прямой дидактики, но прекрасно чувствуют и всякого рода «заигрывания» с ними. С открытым сердцем они принимают в свой круг лишь тех, кто беседует с ними, так сказать, «на равных».

Гайда Лагздынь беседует с детьми на равных. Она общается с ними настолько свободно и уверенно, как будто и сама она — одна из тех подружек, что «собрались в кружок». Вместе со своими «подружками» она с радостью открывает для себя мир. И в каждом стихотворении — радость узнавания, радость открытия: «Я надел пальто в прихожей. Раз два, три, и я — прохожий!» А кто из детей не мечтал стать «прохожим» — идти себе по улицам совсем самостоятельно, независимо, как взрослый! Впрочем, Гайда Лагздынь сообщает детям столько новых сведений о большом и сложном мире, о предметах, которые подчас кажутся такими непонятными:

Есть рога, но не бодаю.

Сядь в седло, я покатаю.
На ногах моих резина,
Но я вовсе не машина! —

Так звучит одна из загадок окружающего мира — велосипед.

А как выразить, например, категорию времени, чтобы сделать ее понятной ребенку? Задача не из легких!

Пришел денек,
Сел на пенек,
День сидел,
День глядел,
На ель залез,
Ушел за лес.

Вот и все. И сложная философская категория времени становится простой, понятной. А кроме того, и запоминающейся! У Лагздынь есть одно замечательное свойство, которое так высоко ценили корифеи детской литературы К. И. Чуковский, С. Я. Маршак и которое, к сожалению, так редко встречается в современной поэзии, — удивительная фонетика. Именно благодаря этому свойству стихи поэта мгновенно вступают в контакт с детской памятью: «У Марины мандарины», «Чифью-чифью-чифью-чи, эти спички будут чьи?», «Суп варили Тобики, помогали Бобики»...

Интересна книга и в жанровом отношении. Казалось бы, чем можно дополнить жанровый репертуар детской литературы? Известны загадки, считалки... У Гайды Лагздынь появляется еще один жанр — кричалка («Дождик, дождик, лейся пуще!») — стихотворение, специально предназначенное для «кричания», а кому неизвестно, как необходимо бывает ребенку «покричать»! ... Когда человек берется писать рецензию, он обычно перечисляет достоинства и недостатки книги. Я выразил бы сомнение в том, что одну из загадок

Голубые пальчики
облепили зайчики —

сможет разгадать даже ребенок. Во всяком случае, ни один из тех, к кому я обращался с этой загадкой, не смог ответить, что это такое. Приведенная загадка очень красива — и ее избыточная красивость затемняет смысл и препятствует пониманию скрытого в ней значения. А речь идет всего-навсего... о сосульках и солнечных зайчиках! Правда, под текстом изображен настолько симпатичный домик, увешанный сосульками, что, по крайней мере, половина претензий к загадке снимается. Великолепно проиллюстрировал книгу Д. Хайкин. И несомненно, что ребенок не только с удовольствием прочтет стихи Г. Лагздынь, но и рассмотрит «картинки»: густые леса с огромными деревьями,

цветами и бабочками, сказочные города с веселыми прохожими, многочисленных котов и собак, нарисованных в предельно условной манере — так, как обычно и рисуют дети...

А какова же все-таки роса на вкус? Наверное, вкус у нее такой же сладкий и нежный, как у новой книги Гайды Рейнгольдовны Лагздынь.

«СОЛНЕЧНЫЕ КАРТИНКИ»

Н. Мазурин, «Калининская правда», 14.05.1982 г.

Стихи Гайды Лагздынь, адресованные детворе, печатаются в газетах и журналах, звучат по радио, выходят отдельными книжками. Их слушают и читают с большим интересом как малыши, так и взрослые.

И вот опять встреча с полюбившимся автором — в издательстве «Детская литература» только что вышла и поступила в продажу новая книга поэтессы «Собрались в кружок подружки». Как и предыдущие издания, она также предназначена малышам. В ней помещены стихи, считалки, кричалки, загадки. Все они сродни маленьким, очень ярким, исполненным акварелью картинкам. Читаются стихи легко, запоминаются быстро.

О пользе труда, стремлении к добру, о проявлении личности говорят сами герои стихов. Один из них в восторге от того, что самостоятельно одевается и также самостоятельно совершает прогулку, но прогулку со смыслом:

Я по улице иду
У прохожих на виду,
Не толкаюсь, не кричу,
Быть я вежливым хочу!

Новая книга свидетельствует о возросшем поэтическом мастерстве автора, все более тонком проникновении в детскую психологию. В стихах Гайды

Лагздынь мир предстает таким, каким его видят еще только входящие в жизнь наши малыши. В живой разговорной манере письма поэтессы много веселости, задора, неиссякаемой солнечной восторженности. Очень примечательно, что в четырех-шести строчках дается поэтически зримый образ:

В каплю чистую росы
Опускает жук усы.
Пробуй, пробуй, длинный ус,
Какова роса на вкус!

Видится и свежесть росного утра, и пробудившийся жук, трогающий своими усами прозрачные капельки росы. При чтении другой миниатюры представляешь, как приходит «солнечный денек и садится на пенек».

Стихам Лагздынь присуще строгое созвучие рифм. Встречается и аллитерация, то есть повторение однородных согласных, придающее стихам особую звуковую выразительность. Думается, что поэтесса делает это неспроста, а для того, чтобы ребята учились произносить слова четко, уверенно и верно. Вот небольшое, но характерное в этом отношении стихотворение:

Мышь как мышь, сама с вершок!
Влезла мышка на мешок,
Позвала к себе мышат:
Пусть крупою пошуршат!
Пошуршать бы пошуршали,
Только кошки помешали!

Книжка красочно оформлена художником Д. Хайкиным.

«КНИЖКА ДЛЯ МАЛЫШЕЙ»

Н. Солдатова, «Калининская правда», 14.04.1984 г.

В издательстве «Детская литература» вышла новая книжка для детей младшего дошкольного возраста. Называется она «Аккуратные зайчата». Имя автора — калининской поэтессы Гайды Лагздынь — многим ребятам известно давно. В этом сборнике они познакомятся с новыми ее стихами: «В гости», «Порядок», «Полосатые мурлышки» и другими. Некоторые из них печатались на страницах «Калининской правды».

Красочное издание, оформленное рисунками художника Вадима Гусева, привлечет внимание маленьких читателей.

«ГОЛОСОМ ДЕТСТВА»

В. Мартов (Валерий Бурилов), «Калининская правда», 31.08.1985 г.

С ее красочными книжками знакомятся сначала родители, хотя книжки эти вовсе для взрослых не предназначены. Адресованы они самым маленьким, которые читать не научились и постигают литературные миры с помощью пап и мам, им принадлежит первоначальное право оценивать труд литератора, пишущего для детей. Оценка слагается из способности писателя окунуться в мир детских образов, говорить о нем звонким голосом, без фальшивых нот. А для этого надо понимать тех, для кого предназначены ярко разрисованные книжки. Наверное, только в постоянном общении с детворой рождаются сюжеты новых забавных и мудрых стихов. Впрочем, почему — наверное? «Наверняка!» — ответит детская поэтесса Гайда Лагздынь.

Очных знакомств со своими героями у нее — тысячи. Еще больше заочных. И количество их только что увеличилось. У Гайды Лагздынь вышла новая книжка «Целый день у нас работа»,

десятая по счету. Событие для автора вдвойне знаменательное: десять лет назад издательство «Детская литература» выпустило первую книгу калининской поэтессы, последнее же издание впервые отпечатано на Калининском полиграфкомбинате детской литературы.

Гайда Лагздынь одинаково плодотворно работает во всех жанрах детской литературы. Стихи поэтессы с удовольствием печатают самые популярные у детворы издания — «Мурзилка», «Веселые картинки», устойчивы ее связи с «Калининской правдой», «Сменой», редакцией районной газеты «Ленинское знамя».

У Гайды Лагздынь фантазия поистине неистощима. Для писателя это один из ярких признаков литературного дарования. Но фантазия имеет строгую педагогическую основу: сказывается еще одна профессиональная принадлежность автора. Ее стихотворным урокам чужда унылая назидательность, они всегда отмечены блеском импровизации, за которой распознается характер искреннего, радостного отношения к своему труду.

Только что выпущенная книжка «Целый день у нас работа» — о ребячьих увлечениях, привязанностях. И очень хорошо, что в название вынесено «работа». Пожалуй, это слово характеризует главный интерес самого автора. Работать, тщательно отделывая строку, — задача каждого дня для Гайды Лагздынь. Результат усилий — признание поэтессы в детском книжном мире.

«СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО»

Анна Зюзина-Бутузова, «Калининская правда», 20.02.1989 г.

Лев Толстой утверждал, что в детях заложены величайшие возможности. Но чтобы они осуществились, рядом с юными должны быть мудрые и благородные старшие друзья.

Те из юных читателей, кто возьмет в руки книгу Гайды Лагздынь и прочитает ее, приобретут для себя именно такого друга. И чем раньше это произойдет, тем скорее откроется перед маленьким читателем мир прекрасного.

Совсем недавно издательство «Малыш» выпустило книжку Гайды Лагздынь «Аккуратные зайчата» миллионным тиражом. Это далеко не первое издание, но книжки Лагздынь так быстро расходятся, что и миллионный тираж едва ли ли утолит жажду всех желающих приобрести их.

Открываем книжки, читаем наугад:

Ладушки, ладушки,
С мылом моем лапушки!
Чистые ладошки,
Вот вам хлеб да ложки!

Для тех, кто уже сделал по земле первые шаги и выучил первые слова, Гайда Лагздынь приоткрывает мир человеческих отношений, его взаимосвязи:

У меня братишка есть,
Звать его Алешкой,
Не умеет кашу есть,
Но дерется ложкой.

А вот уже писательница задает маленьким читателям вопрос, заставляет думаться:

Полосатые мурлышки
Водят носиком по книжке.
Почему не пахнут мышки,
Нарисованные в книжке?

Книги Гайды Лагздынь переносят нас в мир детства, в мир новизны и каждодневных открытий. И, естественно, возникает вопрос: как же она сохранила свой билет в этот чудесный мир? Почему ее туда пускают и ждут с ней встречи? Почему детство не покинуло ее, как покидает оно с годами каждого взрослого? Или она знает секрет, как в свободную от собственных забот минуту творческого вдохновения отыскать его? Иначе где же еще подслушала она песню гусеницы, чтобы потом включить ее в либретто литературно-музыкального шоу «Супер-купер, прим-грим», написанного ею совместно с композитором Ю. Штуко и поставленного детским музыкальным театром, на создание которого в городе Калинине Гайда Рейнгольдовна тратит много сил и личного времени? Театр в периоде становления. Предстоит еще многое сделать, чтобы он получил собственное здание и постоянную прописку. Но его первые шаги — «Новогодняя сказка-опера», поставленная детским сектором ДК «Химволокно» в содружестве с Гайдой Лагздынь, и игровое шоу «Супер-купер, прим-грим» — получили высокую оценку слушателей и специалистов.

Ее часто спрашивают: любит ли она детей? И каких? Гайду Рейнгольдовну привлекает каждый ребенок, сам по себе, она не придет без веселой и умной книжки, занятной игрушки в семью, где есть малыш или школьник. Среди ее знакомых лучшие друзья — это дети. Интересно видеть Гайду Рейнгольдовну в кругу подростков. Удивительное взаимопонимание: как раскованно чувствуют себя ребята, как интересно и с достоинством излагают свои мысли! Сколько свежести, самостоятельности в их суждениях по поводу завязавшегося разговора! И начинаешь понимать убеждение Гайды Рейнгольдовны, что дети умнее взрослых, потому что их гибкий ум всегда в работе и поисках.

Помнится, как напряженно готовился первый спектакль-шоу

«Супер-купер, прим-грим». Написав тексты, Гайда Рейнгольдовна не отстранилась от создания спектакля. Она не пропустила ни одной репетиции, вместе с маленькими артистами придумывала костюмы, декорации. И в этом по-детски стремительном желании сделать все быстрее и непременно сейчас доходило до курьезов... Заказали декораторам лесные пни (по ходу спектакля они служат стульями героям представления), а на мебельном комбинате сказали, что подходящего материала для изготовления декоративных пней пока нет, придется подождать. Как ждать?! Скоро выступление, шумели артисты, без декораций репетиции уже не устраивают! И вот Гайда Рейнгольдовна сообщает, что поедут они с ребятами в лес и настоящие пни привезут для сцены.

К счастью, декорации были готовы раньше намеченного похода, и воскресник отменили. Но каково?! Не жаловаться в инстанции, что задерживают декорации, пошли энтузиасты детского музыкального театра, а деятельно стали искать выход из создавшегося положения. И так во всех делах, за которые берется Гайда Рейнгольдовна.

Первая публикация стихов Гайды Лагздынь состоялась в областной газете «Калининская правда», затем в журналах «Дошкольное воспитание», «Мурзилка», «Веселые картинки». Вслед за этим появилось несколько книг в издательствах «Детская литература», «Малыш».

Первые шаги поэтессы заметил и поддержал известный калининский учитель-краевед А.Д. Баранцев, оставивший нам обширное творческое наследие, среди которого особое место занимают статьи о детском народном творчестве — игровых стихах, считалках и других жанрах детского фольклора. «Наиболее значительны шутки-почемучки, — писал Арсений Дмитриевич о первых публикациях поэтессы. — Они самобытны по содержанию, это жизнерадостные миниатюры. В них много не столько мыслей, сколько умных чувств, догадок об отношении развивающегося ребенка к окружающему... Стихи Лагздынь самобытны, новы, в них использованы традиции народного искусства».

Через несколько лет высокую оценку творчества поэтессы подтвердил известный писатель Сергей Баруздин. «Я давно знаю стихи Гайды Лагздынь для детей и высоко ценю их, — пишет он в одном из отзывов. — Они написаны в лучших традициях народной русской поэзии...»

Лагздынь воспитывает у ребят художественный вкус, прививает любовь к поэзии, к слову, чувствует аудиторию и специфику возраста. Понятен и интерес читателей к личности писателя.

Родилась Г.Р. Лагздынь в Ленинграде. Отец — в прошлом рабочий, балтийский моряк, участник Великой Октябрьской революции — был секретарем парторганизации ленинградского лесного порта «Экспортлес».

Сразу после ареста отца семью выслали из Ленинграда в Калинин. Здесь и прошли детство и юность Гайды Лагздынь и ее брата. Гайда Рейнгольдовна с отличием закончила факультет биохимии Калининского государственного педагогического института и начала свою преподавательскую деятельность. В школах области она проработала более тридцати лет. «Профессию учителя я очень любила и не мыслила себя вне ее», — говорит Гайда Рейнгольдовна. Она не мыслила себя вне школы, вне общения с молодежью и тогда, когда ее направили работать педагогом в спецшколу зоны строгого режима. Здесь к ней приходит убеждение, что поэзия, литература — мощное оружие в борьбе за душу человека, за его духовное становление.

До сих пор нет-нет да и принесет почта такие вот строки: «Здравствуйте, Гайда Рейнгольдовна! Вот уже четыре месяца я на свободе и только начал опускаться на землю, чувствовать себя свободнее. По своему делу был в Москве, но снова все отослали в область, а там очередная отписка. Работаю по специальности, но хочется очиститься полностью, поэтому снова и снова готовлю документы в суд, прокуратуру, газету. Большое спасибо Вам за все хорошее, что Вы сделали для меня. С уважением Володя».

Общественная деятельность Гайды Лагздынь поразительна по широте и многообразию. На протяжении двух лет возглавляла парторганизацию калининских писателей. Но, конечно, основная ее забота направлена на детей. Долгие годы ведут переписку с писательницей школьники шахтерского городка Артемовска — члены литературного клуба «Бригантина». Вот строки одного из писем: «Дорогая наша Гайда Рейнгольдовна! Мы получили от Вас две бандероли с целой библиотекой... Докладываем: среди бригантинцев в этой четверти неуспевающих нет. Будьте здоровы и энергичны».

Есть в почте Г. Лагздынь и такие письма: «Здравствуйте, поэтесса Гайда! После нашей встречи я попробовала сочинить стишок и его сочинила. Я вам его посылаю. У меня есть дома черепаха, и если можете, то сочините хоть один стишок про черепаху. Наташа». А Сережа из Зубцовского детского дома № 1, куда не раз приезжала Гайда Рейнгольдовна, прислал ей рисунки, чтобы она посмотрела и написала, хорошо ли у него получается. И в ответ, конечно, сразу ушло письмо в Зубцов к маленькому корреспонденту: «Я к вам еще приеду, если пригласите. Передай привет всем ребятам. И присылай рисунки».

Идут письма в город Калинин в адрес Гайды Лагздынь от ребят сел и деревень, городов Владимира, Мурманска, Донецка, Архангельска — отовсюду, куда доходят ее книжки. Дети просят своего друга писать больше стихов и рассказов, присылают свои первые опыты в стихосложении, приглашают в гости. На все хватает времени у Г. Лагздынь. Ласка ее не только для собственных двух дочек и внучат, она обогревает ею всех своих маленьких друзей.

В издательстве «Московский рабочий» готовится к выходу в свет первая книга прозы Гайды Рейнгольдовны — «Тайна зеленого золота». Этот сборник рассказов, повестей представляет собой новый этап в творчестве Г.Р. Лагздынь, открывает перед читателями еще одну грань ее таланта. Книга выпускается с эмблемой Советского детского фонда имени В.И. Ленина, а это значит, что каждый, кто купит ее, станет участником доброго дела — внесет свой взнос в помощь сиротам и детям, оставшимся без родительской заботы, маленьким инвалидам, каждому ребенку, который нуждается в помощи общества. «Спешите делать добро» — ненавязчиво, но каждым своим стихотворением, рассказом или сказкой призывает читателей Гайда Лагздынь. Потому что добро на Земле — это самое главное. Оно всегда остается людям.

«ПОДАРОК ДЕТЯМ»

Б. Николаев, «Калининская правда», 11.01.1990 г.

Книги калининской поэтессы Гайды Лагздынь любимы детьми-читателями. Они их ведут по жизни с первых лет, учат добру, коллективизму, трудолюбию. Недавно юные читатели получили новое произведение писательницы — «Тайна зеленого золота». Эта книга необычна для творчества Гайды Рейнгольдовны, она составлена из прозаических произведений. Прочитав их, школьники узнают много интересного и увлекательного: как был открыт каучук, что такое каучук и зачем он нужен, как обыкновенная речная песчинка превратилась с помощью науки химии в красивый наконечник для новогодней елки, и о многом другом. Словом, ребят ожидают на страницах книги забавные приключения.

В этом убеждают разделы книги. «Барбоскин и компания» — так называется первая часть, далее идут «Димкины рассказы», «Обыкновенные и необыкновенные истории», «Тайна «зеленого золота». Внимание читателей обязательно привлекут сказочная повесть «В царстве злой Мурены», рассказы «Один день кота Антона» и другие.

Издание этой книги предусматривает участие каждого, кто

приобретет ее, в акте милосердия, так как цена на книгу несколько увеличена. Разница в ее стоимости будет переведена на счет Советского детского фонда имени В.И. Ленина.

Выпустив книгу, Калининское отделение издательства «Московский рабочий» и Калининское книготорговое объединение внесли свой скромный вклад в областное отделение Детского фонда.

«НОВАЯ КНИГА ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

«Тверская жизнь», 20.10.1988 г.

Стихи калининской поэтессы Г. Лагздынь хорошо известны юным читателям далеко за пределами нашей области: писательница давно и плодотворно работает в жанре детской поэзии.

Несколько лет назад Гайда Рейнгольдовна обратилась в издательство «Малыш» с предложением выпустить книжки, тематика которых была подсказана программой для воспитателей детских садов. Идею поддержали, и в свет вышла книга «Целый день у нас работа». А недавно на прилавках магазинов появилась книга. Называется она «Всюду лето» и состоит только из рассказов.

Книга, выпущенная издательством «Малыш» тиражом 150 тысяч экземпляров, красочно оформлена ленинградской художницей Натальей Трепенок.

Остается добавить, что новая книга Гайды Лагздынь отпечатана на Калининском полиграфкомбинате детской литературы.

«ДЛЯ МИЛОСЕРДИЯ»

Л. Нечаев, «Тверская жизнь», 10.03.1990 г.

Гайда Лагздынь известна нашему читателю (и не только нашему — ее стихи изданы во Франции) прежде всего как детская поэтесса. Писать для маленьких — дар редчайший. Этот особый дар Гайды Рейнгольдовны отмечен в прошлом году специальным дипломом Второго Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу. Творчество Гайды Лагздынь любят не только маленькие слушатели и грамотные уже читатели-дошколята и школьники, но и дети-зрители, и дети-артисты, исполнители ролей ее сказки «Супер-купер, прим-грим» (точнее, сказки-оперы).

А теперь дар Гайды Лагздынь блеснул еще одной гранью — вышла в свет книга прозы «Тайна зеленого золота», предназначенная для младшего и среднего школьного возраста. В прозе Гайда Лагздынь уже выступала, но столь основательно — впервые. Без малого на трехстах страницах ведется

повествование. Тут и приключенческая повесть, и миниатюрные рассказы, и интересные истории, и сказочные повести. «Вам предстоит очень увлекательное путешествие по страницам этой книги, — обращается к читателям автор предисловия Анна Масс, — вы только не торопитесь. Прочтите ее внимательно. И вот увидите, вы будете гораздо бережнее относиться к тому, что нас всех окружает. Будь это создание рук человека или самой природы. Это все равно: ведь природа и человек неделимы. Недаром есть такое выражение: природа-мать...»

Дети, как замечает Гайда Лагздынь, «любознательный народец». К таковым относятся, несомненно, и Барбоскин с друзьями, герои приключенческой повести «Барбоскин и компания», обнаружившие на болоте останки солдата, захороненные затем с почестями. О любознательном народце написаны «Димкины рассказы». Здесь читатель ощутит себя «на теплой земле», посмеется, читая о баране-крутолобе, которому кланяется в воротах баба Мотя: «Заходитя, ваше величество! Кушать давно подано!» — и пожалеет несчастного крота, утонувшего в ямке... Не затоптать утиные яйца, не отнимать ежат у ежихи, не губить живое, а любить и беречь его — и лягушонка, и муравья, ибо они по-своему мудры и прекрасны, — такое убеждение вынесет ребенок, прочитав цикл «Димкины рассказы».

Кем станет главный герой «Обыкновенных и необыкновенных историй» Женька Жуков — спелеологом, нефтяником, энергетиком?.. Пока трудно сказать. Но чудесное путешествие под землей помогает ему раскрыть для себя многие тайны природы, вырабатывает в нем (и в читателе тоже) пытливость и много других хороших качеств. Женька — главное действующее лицо, но не единственное. «Действующими лицами» вполне правомерно становятся и муха-золотуха, и крот, и Шептун-озеро, и нефть, и железо, и солнце... И это очень важно. Далекие наши предки поклонялись Солнцу как богу, наделяли душой дерево, озеро, ветер. В наше время, когда люди пожинают плоды собственного насилия над природой, художественный анимизм вовсе не кажется лишним. Люди, близкие к природе, поэты и дети, лучше других чувствуют живое в «неживом». Поэтому у Дерсу Узала «дерево — тоже люди», а у Гайды Лагздынь озеро шепчет, и ее герои-дети разговаривают с земными недрами. Все мы герои одного великого действа, живая и «неживая» природа пребывают в органичном единстве, и, конечно же, наше благополучие взаимозависимо. Мысль эта звучит отнюдь не назидательно. Художественная реальность, подобно подземной реке из повести, увлекает читателя и волшебно воздействует на него.

Столь же увлекательна и «История каучуковой капельки»,

которая переносит нас на родину каучука в Бразилию, а затем назад, в Европу, и приводит в конце концов... в родной наш город на комбинат «Искож».

«Как здорово все знать!» — восклицает один из персонажей повествования. Но что может рассказать о себе, о своем происхождении «обыкновенная» спичка, бумага, пластмасса, стекло?.. По мановению писательницы — очень многое. И дело не только в самоценности фактов, а в том, что начинаешь по-новому видеть окружающий мир. Привычное — сосна, самая большая ягода, то есть арбуз, кухонные растения, ряска, солнечная роса — становится удивительным. И вот эта «незатертость» мира, когда он раскрывается перед тобой как впервые, и есть самая большая радость, дарованная нам. Поистине мудр и счастлив тот, кто способен удивляться и радоваться как ребенок!.. Этой способностью Гайда Лагздынь наделена сполна. В рецензии на одну из ее книг И. Мазнин писал, кажется, именно об этом свойстве Гайды Лагздынь, которая «помнит, как это — быть ребенком среди взрослых».

Заключает книгу сказочная повесть «В царстве злой Мурены», где, может быть, наиболее удачно произошел сплав фактической, научной точности, отличающей книгу вообще, и художественной изобретательности, выдумки, фантазии.

Книга о сложном, а написана просто, доступно, образно. Нельзя не отметить такую особенность языка, как веселое словотворчество. «Комарик-вертлявик», «везделаз-лазейкин», «лодочка-самоходочка» — это в сущности характеристики и образы, которые создает детское воображение.

...Эту книгу для детей в яркой обложке, с иллюстрациями выпустило сугубо взрослое издательство «Московский рабочий» (редактор А. Бутузова): Издательство, областное отделение Советского детского фонда и автор замыслили выход книги в свет как акцию помощи сиротам и детям, оставшимся без родительской заботы, маленьким инвалидам, каждому нуждающемуся в особой помощи ребенку. К доброму делу этому остается примкнуть читателю. Новинка ждет вас на прилавках книжных магазинов.

«РАЗГОВОРЧИВОЕ ЭХО»

Н. Мазурин, «Тверская жизнь», 11.07.1991 г.

У тверской поэтессы Гайды Лагздынь в издательстве «Малыш» вышла очередная, пятнадцатая по счету, книжка для детей. Она называется «У нас живет дразнилка» и адресована дошколятам.

Гайда Лагздынь по профессии учительница, призванная сеять «разумное, доброе, вечное». И это назначение она в своих стихах-

малютках осуществляет щедро, до изящества тонко. В любой ее считалке, скороговорке, загадке, просто в коротком стихотворении-картинке присутствуют мысль, стремление заинтересовать малыша. Все это в конечном итоге способствует интеллектуальному развитию ребенка, учит его образному мышлению, знакомит с отдельными явлениями в окружающем мире. Вот картинка весеннего пробуждения природы:

От сосули звон, звон!
Просыпайся клен, клен!
Растопился снег, снег!
Ручейки — в бег, в бег!
Гром шагает: топ, топ!
Почки слышно: хлоп, хлоп!

Из другого стихотворения ребята узнают, что в лесу их голоса не просто кто-то передразнивает, а это с ними разговаривает эхо.

Отличному восприятию стихов во многом помогают красочные рисунки, выполненные художницей Ксенией Почтенной.

«НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ В ЗОНЕ»

Владимир Неугодов, «Тверская жизнь», 05.09.1992 г.

Неожиданную повесть написала Гайда Лагздынь. В этом убеждаешься, даже не раскрыв книгу. Само сочетание на ее обложке имени автора — детской поэтессы — и названия «Зона» может вызвать некоторое недоумение читателя, поскольку в нашем сознании «зона» — это тюрьма, учреждение особого режима, что никак не стыкуется с птичками, зверюшками, цветочками и другими персонажами стихов Г. Лагздынь, которые так любят не только тверские детишки.

Но закономерность этого сочетания станет понятна, когда читатель узнает, что Гайда Лагздынь двенадцать лет проработала именно в зоне, преподавая химию в школе, учениками которой были люди, отбывавшие наказание за совершенные преступления. Тогда станет понятным и ощущаемое знание ею того, о чем она пишет. Учитывая же легкую узнаваемость в образе Варвары Александровны самого автора, повесть эту можно с полным основанием рассматривать как автобиографическую.

В принципе Г. Лагздынь, взявшись за эту тему, могла пойти по «накатанному» пути, живописуя безусловно очень «смачную» жизнь обитателей тюремных камер, обильно снабдив повествование жаргонными словечками, «жареными» фактами, реальными и вымышленными историями, получив в результате смесь детектива с мелодрамой и «обрекая» тем самым книгу на дешевый успех.

Автор поступила иначе. Жизнь зоны как бы втиснута в стены тюремной школы, где во взаимоотношениях людей с воли — учителей и людей, лишенных ее, — учеников, характеры последних раскрываются более широко, заставляя порою читателя забывать, что перед ним — преступник. И в этом есть глубокий смысл: человек — прежде всего человек, и уже потом — преступник или гордость общества.

Конечно, есть среди этих людей уже неисправимые моральные калеки вроде Громова. О преступной же сущности большинства обитателей зоны порою напоминают только их отдельные фразы, конкретные поступки или их исповеди о том, как они попали на скамью подсудимых. И этот момент кажется узловым в повести, ибо в нем отчетливо звучащее предостережение некоторым, прежде всего юным читателям, о возможных последствиях их образа жизни.

Безусловно, за годы работы в зоне Г. Лагздынь накопила опыт психолога, которым она делится со страниц книги. Например, рассуждения майора Петрова о разных подходах к воспитанию людей с различным темпераментом как будто обращены не к Варваре Александровне, а ко всем педагогическим работникам.

Что заставляет людей добровольно идти работать с заключенными, что движет ими в своей работе и какова специфика этого труда? Личный опыт автора позволяет дать ответы читателю на эти вопросы.

Позволю себе и некоторые субъективные замечания. По-моему, образ директора школы Везувии — человека, который сам является преступником, выписан излишне прямолинейно, отчетливо видимым черным пятном на общем светлом фоне. Да и трагический финал ее жизни воспринимается, я бы сказал, «по-киношному». Вызывает сомнения и эдакая всеобщая прилежность учеников, а скажем, фраза «доминируют признаки отца, мамины находятся в рецессивном состоянии, но моя гетерозиготность проявится через гаметы в будущем поколении», произнесенная пусть даже очень положительным учеником Хлебовым, воспринимается, прямо скажу, с ироническим недоверием.

Впрочем, возможно, это исходит от того, что высокие тюремные стены ограждают не только преступников от воли, но и сознание людей, на ней живущих, от знания и понимания того, что за ними происходит.

В заключение хотел бы привести такой факт. После того, как Г. Лагздынь прочла отрывки из своей повести перед работниками тюрьмы во Владимире, она услышала от них: «Все верно. Это — про нашу зону». Если так говорят люди знающие, то мне добавить нечего.

Сказано по случаю…

А мне добавить есть что! При изучении предмета «Общая биология» узнаем не только о доминировании, но и законах Менделя. Это научный биологический язык. Я его специально насаждала для вытеснения говора «по фене».

«СКОЛЬКО В МИРЕ ЧУДЕСНОГО СВЕТА»

«Вече Твери», 03.04.1998 г.

Детские стихи и сказки тверской поэтессы Гайды Лагздынь известны многим нашим читателям, но не все знают, что у нее есть и сборники «взрослых» стихов. В прошлом году в издательстве «Лилия ЛТД» вышла книжка, где собраны стихи Лагздынь разных лет.

«ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ»

В. Неугодов, «Тверская жизнь», 01.10.1997 г.

Желтый цвет — измены цвет, черный — цвет печали, белый — это света цвет. Именно в начале…

Именно в начале рассказа об этом стихотворном сборнике, только что вышедшем в издательстве «Лилия ЛТД», поймал себя на том, что и сам заговорил стихами. Причем ощущение их звучания где-то в душе возникло еще до того, как была открыта первая страница книги. Когда же была закрыта ее последняя страница, то обнаружилось, насколько точно художница М. Морозова даже цветовым оформлением обложки ввела читателя и в поэзию, и в человеческую судьбу автора сборника.

Желтизна измен друзей и близких, чернота потерь, но при всем этом и белизна надежд и свершений — это то, что присуще, наверное, каждой судьбе, а тем более судьбе женщины.

Автор книги — женщина. Причем хорошо известная многим, прежде всего юным читателям. Это Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. 16 поэтических и прозаических книг вышло из-под пера тверской писательницы, и абсолютное большинство их адресовано детям. Поэтому 17-й ее сборник «Сколько в мире чудесного света…» может показаться неожиданным…

В ее далеком детстве та цыганка, которая «тихонечко шепчет и волосы гладит: «Пусть горе минует тебя!» Нет, не обошло горе тогда еще девочку по имени Гайда: в 1937-м она осталась без отца… Тогда, видимо, и почернело солнце в небе, стали черными листья деревьев, как на обложке книги… А тоже пережитая война этого черного цвета может только добавить. Даже если она сегодня — в памяти, в каске, что «у корней жолвакастых… чашей лежит», в тишине Хатыни, которая «как застывший крик», в самой

России, что «обелиском встала на откос...»

Желтизна?.. Не она ли звучит, например, в этом: «Знаю, больше не будет встречи. Как ни странно, я, кажется, рада!» или «А солнце жгло что было силы! Но чем могло оно помочь?» и наконец, «Я не плачу теперь от печали. Мои боли давно откричали»? Видимо, и это было в судьбе этой женщины или в иных женских судьбах...

Однако читатели, а тем более лично знающие Г. Лагздынь, отчетливо видят в ней то самое, что олицетворяется белым цветом. Откуда его так много? Ответ опять же в стихотворных строчках: «Я люблю вас, рассветные дали, в голубинках льняные поля», «Любовь — живительная лира...», «Ты послушай! Тонко-тонко сталь косы выводит звонко песню чудного завета, песню света, песню лета...» Видимо, свет обнаруживается, когда хочешь и умеешь видеть его, когда хочешь и умеешь слышать песни, звучащие вокруг. Впрочем, не только слышать, но и петь их другим. И в этом — второе из того, что делает этот сборник для кого-то и неожиданным. Второе, потому что первое, надеюсь, уже обнаружено: в этой книге — стихи, большинство из которых на протяжении многих лет (о чем свидетельствуют их даты) писались и о себе, и для себя. Сегодня же они — рассказ о себе своим современникам. Или, скорее, рассказ о времени и мире, окружающем нас.

А песни — да, они тоже для кого-то неожиданны и тоже писались долгие годы. Некоторые уже звучали со сцен и в эфире, иные еще ждут композиторов и исполнителей. Более сорока песен Г. Лагздынь в этом сборнике — о любви, тверском крае, нашей России... Но есть среди них и немало делающих их автора хорошо знакомой читателям, о чем свидетельствуют сами их названия «Песня и танец Бабы Яги с избушкой», «Ария Кикиморы», «Хор и танец Летучих мышей». Они из спектаклей, поставленных режиссером Г. Лагздынь в детском театре, руководимом ею же. И адресованы они, конечно, детям. Но включены во «взрослый сборник» явно не случайно, а как означающее, по-моему, главное из того, что несет свет в жизнь этой женщины и в жизнь вообще — дети и сохранение детства в себе самом.

Но это все минувшее и сегодняшнее. А что же впереди? Впереди «...Среди огней разлитых горит звезда — то мой маяк земной». Но путь к ней далеко не прям, он — «Вокруг, по окружной» и являет собой не гладкое шоссе, а размытую дорогу с названием «судьба».

Белым — фраза «Сколько в мире чудесного света...» На желтом она, но выше черного...

«ВЕСНУШКИ В ПОДАРОК ОТ ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

Тамара Алексеева, «Вече Твери», 30.05.1998 г.

Тверское областное книжно-журнальное издательство сделало подарок ребятишкам к Дню защиты детей, выпустив книгу стихов местной детской писательницы Гайды Лагздынь. Называется она «От января до января». Книга издана на хорошей бумаге, в цветном исполнении, на 72 страницах. Проиллюстрировала ее художница Инна Горцевич.

Книжечка получилась очень емкая и, как говорит уже само название, сумела вместить все времена года. Стихи здесь всякие: веселые и деловые, ласковые и задорные — на любой вкус, и понравиться должны как детям, так и их родителям.

Для творчества поэтессы Гайды Лагздынь характерно то, что ее стихи запоминаются с лёта.

Конечно, если подходить к изданной книжке с высокой меркой, можно было бы сравнить ее со столичными изданиями для детей, очень красочными, замечательно оформленными книжками-игрушками. К сожалению, пока наши местные книжки такой конкуренции не выдерживают, да и ошибочки, что прискорбно, проскакивают. Тем не менее это одна из лучших книжек Гайды Лагздынь, изданных в Твери.

А вообще, если говорить о деятельности детской писательницы, следует сказать о том, что ее интерес к общению с детьми выходит за рамки писательства. Так, 1 июня в реабилитационном центре для детей-инвалидов, где Гайда Рейнгольдовна давно уже не гость, состоится веселый праздник: дети творческого коллектива средней школы №53 под руководством Лагздынь продемонстрируют свое мастерство, показав музыкальный спектакль-шоу «Зоопарк», музыкально-литературную композицию «День добрый!», номера театрализованной дискотечной программы.

«КОРОБОЧКА С РАЗГОВОРЧИКАМИ»

«Тверская жизнь», 14.03.1998 г.

Так называется новая книга тверской писательницы Гайды Лагздынь. Здесь много стихов для малышей, маленькие повести и веселые истории о девочке Даше и мальчике Мите. Примечательно, что книга предназначена не только самым крохам, но и родителям, бабушкам и дедушкам. Многие произведения из этой книги были прочитаны по всероссийскому радио в детских программах.

Книга издана в издательстве «Лилия», на 56 страницах, в хорошем оформлении, тиражом в 300 экземпляров. Приобрести ее можно у автора.

«КОЛЫБЕЛЬНЫЕ» ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

Тамара Топчева, «Тверской курьер», 05.11.1999 г.

Если у вас, читатель, есть маленькие дети, а может быть, внуки, или сами вы не очень давно вышли из ребячьего возраста, или в глубине души сохранили детскую непосредственность — то наверняка знаете имя писательницы и поэтессы Гайды Лагздынь.

Это имя в одном ряду с такими известными в бывшем Советском Союзе именами, как Елена Благинина и Ирина Токмакова. Между прочим, сама Гайда Рейнгольдовна называет Елену Благинину своей крестной матерью. Именно Благинина да еще Валентин Берестов дали Гайде Лагздынь рекомендацию в Союз писателей СССР, членом которого она стала в 1980 году. А писательский стаж у нее с 1966 года. Читатели, конечно, помнят вышедшие в столичных издательствах «Детская литература» и «Малыш» книжки нашей землячки «Весенняя песенка», «Во дворец влетел птенец», «Тепики-тепики»...

А на Втором Всесоюзном конкурсе Госкомиздата и Союза писателей СССР ее книжка «Послушный зайчонок» была названа одной из лучших книг, сама же писательница стала лауреатом конкурса. Из 22 книг Лагздынь большая часть вышла в Москве.

В Твери Гайда Рейнгольдовна живет с января 1938 года. Именно тогда был арестован как враг народа ее отец, а семья выслана из родного Ленинграда за 101 километр. Клеймо врагини много лет несла и она, дочь.

Это не мешало ей создавать замечательные детские книжки и руководить детским музыкальным театром.

Сейчас в столичном издательстве «Дрофа-Плюс» готовится к печати целая серия из восьми шестистраничных книжечек нашей землячки. Впоследствии они будут объединены в сборник. Первые книжки носят название «Ладушки» и «Колыбельные».

На днях у Гайды Рейнгольдовны появилась своя страничка в Интернете.

«ВОЙНА В КЛЕЕНЧАТОМ ПЕРЕПЛЕТЕ»

Наталья Ярусова, «Вечерняя Тверь», май 1998 г.

Давно не доводилось держать в руках такую личную, искреннюю, талантливую рукопись. Надеемся, что Гайде Рейнгольдовне удастся в скором будущем издать книгу, а в том, что она найдет своего читателя, мы не сомневаемся.

«ТЕТРАДЬ В КЛЕЕНЧАТОМ ПЕРЕПЛЕТЕ»

Тамара Алексеева (Топчева), «Вече Твери», 26.11.1998 г.

Эта тоненькая тетрадочного формата книжечка, недавно

изданная в Твери ЗАО «Лилия ЛТД» крошечным тиражом в 250 экземпляров, должна стать событием.

Такая по-настоящему искренняя, по-детски непосредственная книга о войне, увиденной глазами ребенка и описанной в документально-дневниковом стиле, представляет собой не только художественную ценность. Историки, краеведы, да и просто жители Твери почерпнут немало познавательного о той эпохе когда отцов увозил «черный ворон», а дети становились обладателями клейма «дети врага народа».

«Тетрадь в клеенчатом переплете» — так назвала писательница Гайда Лагздынь автобиографическую документальную повесть для детей и подростков. Она не только о жизни ребят в предвоенные и военные годы, она о том времени, отделенном от нас завесой, о котором иные вспоминают с ужасом, иные с некоторыми ностальгическими нотками. Но что может быть непосредственнее и ярче, чем восприятие ребенка!

Книга издана при участии ЗАО «Хлеб». В ней использован архивный фотоматериал, предоставленный Государственным объединенным музеем Твери. Она сопровождена краткими биографическими данными писательницы и лаконичным вступлением.

«ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА»

«Тверская жизнь», 18.11.1998 г.

В книжном издательстве «Лилия» вышла в свет новая книга известной тверской писательницы Гайды Лагздынь.

«Тетрадь в клеенчатом переплете» — именно так называется повесть. Рассказывают о предвоенных годах и военном лихолетье Великой Отечественной герои повести — дети. Автор удачно сопоставила происходящее в предвоенном Ленинграде и Калинине с сегодняшней жизнью детей и подростков.

Тираж книги небольшой — 250 экземпляров. Однако, по мнению критиков, новая повесть Гайды Лагздынь могла бы послужить великолепным хрестоматийным материалом в процессе преподавания истории, так как ключевая тема этого произведения — культ личности и война глазами ребенка. А фотоматериалы для издания книги были предоставлены Государственным объединенным музеем Твери.

«ТРИТАТУШКИ ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

«Тверская жизнь», 24.08.1999 г.

Замечательные четверостишия для детей сочинила известная тверская писательница Гайда Лагздынь. Они помещены в ее новой книжке, которая называется «Тритатушки». Ее выпустило тверское

издательство «Алексей Ушаков и К°». Художница Оксана Анисимова. Весь тираж передан Детскому фонду, благотворительно детям.

«КНИЖКА — МАЛЫШКАМ»

«Тверская жизнь», 14.04.1999 г.

Вчера в Тверском областном детском фонде прошла презентация книжки- малышки, автором которой является Гайда Лагздынь — член Союза писателей России, руководитель детского театра и вообще человек, известный в Твери своей любовью к детскому творчеству.

Первыми оценили новую творческую удачу писательницы воспитанники Тверского детского социального приюта, которые побывали на представлении книги.

Книжка «Тритатушки» действительно является малышкой, так как размером она не больше детской ладошки. Выпустило ее издательство «Алексей Ушаков и К°».

«ПОДАРКИ ТЕТИ ГАЙДЫ»

В. Федоров, «Ленинское знамя», 14.08.2002 г.

Необычайно урожайным на книжки стало нынешнее лето для известной детской писательницы Гайды Лагздынь, чье имя известно, пожалуй, всем малышам Верхневолжья. Ведь у нее вышло уже несколько десятков детских книжек, которые не залеживались на прилавках книжных магазинов: их читают в семье, в детсаду и в начальных классах школ, по ним ставят спектакли в детских театральных кружках и студиях, ее стихи и сказки широко используют в различных радиопередачах.

И вот теперь впервые в России издательство «Дрофа» выпустило совершенно оригинальные мягкие книги-игрушки из тканей «Трехгорной мануфактуры».

— Это своеобразные подушечки, сделанные из тканевых листочков, на которые нанесены разноцветные рисунки и стихи, — рассказывает Гайда Рейнгольдовна. — Издательство приурочило их выпуск к моему дню рождения, к первому августа. Думаю, что это хороший подарок не только для меня, но и для моих маленьких читателей...

Впрочем, и другие издательства порадовали малышей книжками тети Гайды. Так, две новые книжки выпустило в свет издательство «Алтей», которое давно и плодотворно сотрудничает с писательницей. Называются они «Топают ножки» и «Считалки» и адресованы самым маленьким ребятам, которые сами еще не умеют читать, которым будут читать их папы и мамы, дедушки и бабушки. Тираж этих красочных книжек довольно большой по

нашим временам — более двадцати пяти тысяч каждая.

Надо сказать, что считалки, как и все другие стихи писательницы, очень запоминающиеся и станут, несомненно, в скором времени постоянным атрибутом ребячьих игр. Вот, к примеру, такая считалочка:

Тики, тики, тики, таки!
Ходят в нашей речке раки!
Ходят задом наперед!
Ищут раки в речке брод!
Стали раки воду пить,
Выходи, тебе водить!

Еще одно издательство «АСТ-Пресс» выпустило две «Хрестоматии», в которых представлена практически вся классика детской литературы, в том числе переводы с английского и французского языков. В этих книгах опубликованы произведения С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, А. Толстого, О. Мандельштама. Представлено здесь тринадцатью стихотворениями и творчество Гайды Лагздынь. Есть здесь, например, стихотворение:

Положили на подушки:
Куклы — щеки,
Зайки — ушки,
Козлик — рожки,
Свинка — ножки!

— На Тверском полиграфическом комбинате детской литературы готовится сейчас к изданию шестидесятичетырехстраничная, хорошо иллюстрированная книжка для дошкольников и младших школьников «Я скачу», — рассказывает Гайда Рейнгольдовна. — Московское издательство «Планета детства» выпустило в свет толстую «Хрестоматию для малышей», в которую также вошли мои стихотворения. А издательство «Оникс» сделало с моим участием прекрасный «Логопедический словарь», который поможет постановке и исправлению речи у детей. Там же вышли в свет сборники, в которые включены: «Беги, жучок» и «Верхом на облаке».

Словом, у Гайды Рейнгольдовны в этом году настоящий творческий взлет.

«ОЧЕРЕДНОЙ МИЛЛИОН ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

Владимир Кузьмин, «Тверская жизнь», 18.08.2000 г.

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь в начале августа отметила свой юбилей. Не станем говорить, который... Все равно не поверите, встретив эту даму элегантного возраста, которая лихо отплясывает современные танцы с воспитанниками своего

авторского театра, пишет песни о любви, словно юная девчонка, и издает книжку за книжкой во всех тверских издательствах, ну разве, пожалуй, кроме «Русской провинции». Вот только что мы рассказывали об «Аккуратных зайчатах», а уже подоспело «Чаепитие у Слона», а вскоре, говорят, и очередное издание в ТОКЖИ. Ну и, конечно, что-то в столичных издательствах ожидается...

И не только... Очень во многих журналах, посвященных воспитанию, ее стихи тоже нарасхват. А «Чаепитие у Слона» нарисовали тверские художники Галина Катрук и Сергей Даниленко. Для Катрук это не первая работа с Гайдой Лагздынь. Кажется, что прежняя была менее удачна, в этой новой между автором и художником больше понимания. Сожалеешь только о том, что финансовые возможности не всегда позволяют оформить книгу так, как хочется. Но, пожалуй, для Лагздынь рисунки не главное... Основное — донести до юного и самого, наверное, благодарного читателя, свои стихи.

А на них большой спрос... Заходят ко мне в кабинет случайные люди и непременно, завидев обложки книг Гайды Лагздынь на рабочем столе, спрашивают, где же можно их приобрести. Забегает в обед коллега и о том же: нет ли у меня новой книжки Гайды Рейнгольдовны — для маленького сына. И этот повышенный интерес к двум последним сочинениям писательницы (а сохранить для себя я сумел только последние) — для меня единственный и непререкаемый критерий величины ее мастерства.

Наверное, главное, в чем скрывается тайна позднего литературного взлета писательницы (а начала она издавать свои стихи на излете карьеры учителя химии), — это неиссякаемая положительная энергия, которая заключена и в ее слове.

В какой бы детской районной библиотеке мне ни приходилось бывать, всегда слышал о Гайде Рейнгольдовне много добрых слов и непременное пожелание и просьбу: «Пусть приезжает со своим театром, ждем и помним!» И ведь действительно, не так много среди тверских писателей (а среди детских вообще) таких, которых так любили бы местные детские библиотекари.

И в писательской среде Гайда Рейнгольдовна всегда имеет свою особенную позицию, находит язык со всеми — с «борисовцами» и с «петровцами». А может быть, таковых и не имеется в ее широкой душе. Оттого так много гостей собралось, как нам стало известно, 1 августа и на чаепитие к писательнице. Не забыла она и о нас в «Тверской жизни». И на следующий день мы тоже пили чай за ее здоровье со сладким печеньем от

именинницы и читали ее стихи из новой книжки.

Чай пили,
Чашки били,
И стихами
Говорили.
Вам теперь
Два дня читать
Все, что мне пришлось
Писать...

«И СНОВА ЛАГЗДЫНЬ»

В. Карцев (Кузьмин), «Тверская жизнь», 17.10.2000 г.

В знаменитой серии «Детской литературы» «Мои первые книжки» одновременно с сочинениями В. Даля, К. Ушинского, В. Берестова и других классиков русской детской литературы вышли стихи тверской писательницы Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Котик, Котик, попляши!».

Издание напомнит родителям, а скорее уже бабушкам и дедушкам, старые добрые времена. Оно недорого, что очень важно, и красочно иллюстрировано художником Н. Салиенко в традициях известного художника-сказочника Васнецова.

На страницах книжки в легких рифмах предстают перед нами занимательные картины общения детей и домашних животных...

Целый день у нас работа:
Ищем мы кота Федота.
Не пришел на ужин кот.
Где ты прячешься, Федот?

А вот Гайда Рейнгольдовна уж точно ни от кого не прячется...

В год своего юбилея она, кажется, до предела активизировала свою общественную и творческую деятельность. Хотя куда дальше...

Все возрастает и интерес со стороны столичных издательств к ее творчеству.

Тем временем, как нам стало известно, Гайда Лагздынь готовит взрослым сюрприз — творческий вечер, который должен пройти в колонном зале бывшего Дворянского собрания в середине октября. Это будет настоящий праздник детского мастерства, на котором, быть может, прозвучат и бесхитростные запоминающиеся строки из новой книжки писательницы.

«НЕУТОМИМАЯ ГАЙДА ЛАГЗДЫНЬ»

Владимир Кузьмин, «Тверская жизнь», 26.09.2000 г.

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь порадовала благодарных читателей своей новой, 25-й по счету, книгой «Меховая

рукавичка». В очередной сборник известного тверского педагога-новатора, основателя и бессменного руководителя единственного в своем роде музыкального театра, вошли короткие истории о природе.

Такие рассказы, доступные детскому сердцу, могут родиться лишь как плод долгого жизненного труда, в котором под спудом нелегкого человеческого опыта ты сможешь вопреки всему сохранить в себе самое легкое, почти невесомое первородное ощущение жизни. Такова и неутомимая Гайда Лагздынь, чья писательская и педагогическая деятельность стала зримой вехой в творческой и общественной жизни современного Верхневолжья.

«ШЕСТЬ КНИГ ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

Владимир Карцев, «Тверская жизнь», 22.11.2000 г.

Сразу шесть новых книжек («Колыбельная», «Поиграем в ладушки», «Крохотули-крохотули», «Топ да топ», «Целый день у нас работа») общим тиражом 111 тысяч экземпляров вышли за последний месяц у известной тверской писательницы Гайды Лагздынь. Пять из них — в московском издательстве «Алтей и К°», которое занимает ведущие позиции на рынке качественной литературы для детей.

Одна из брошюр в серии «Книжки-малышки» нарисована художниками Л. Двининой и Г. Аркадьевой по стихотворению Гайды Лагздынь «Целый день у нас работа», которое, кстати, было опубликовано в августовской тетради журнала «Домовой». Пять изданий — красочные книжки-картинки для детей дошкольного возраста от одного года. Песенки и потешки, загадки, считалки и стихи Гайды Лагздынь предстают на их страницах в иллюстрациях лучших детских художников.

Еще одно издание — «Тайна голубого медальона». Сборник фантастических, волшебных и познавательных рассказов был отпечатан в областной типографии еще за неделю до октябрьского творческого вечера писательницы. Рисунки к нему создал тверской художник С. Даниленко.

«МИЛЛИОНЫ ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

В. Кузьмин, «Тверская жизнь», 14.01.2000 г.

«Я родилась в сорочке! — говорит Гайда Лагздынь. — Ничего не делала, чтобы добиться публикаций. Шла к писательской стезе слишком долго. Считаю, что если когда-то в детстве человек прикоснулся к поэзии, сложил в ритмический ряд строки, то в зрелом возрасте он обязательно к этому увлечению вернется. Оно может развиться в альбомное стихотворчество, но может и дальше, глубже... не бывает графомании, все, в чем проявляется

творческая натура человека, необходимо поддерживать. Хотя иногда очень трудно найти себя...».

«Весенняя песенка» — так назывался книжный первенец Гайды Лагздынь. Началась нелегкая жизнь в литературе.

Заканчивая нашу беседу, задаю Гайде Рейнгольдовне, быть может, банальный вопрос о счастье. А у нее на него есть долгий и совершенно серьезный ответ.

«Было, было, но немного... Впервые я себя почувствовала счастливой в пятнадцать лет. Калинин. Весна. Шагаю по улице Верховской, ныне Горького, прямо по шпалам. Солнце заливает улицу ярким светом. Пути ремонтируют немецкие военнопленные. Они совсем не страшные, — отмечаю про себя. — Обыкновенные люди, и нет вывернутых ноздрей и выпученных глаз, как на плакатах, только вот обувь у них странная — деревянные подошвы у тряпочных ботинок. За пазухой правой рукой, в кармане на груди придерживаю небольшую книжицу — комсомольский билет. Я — комсомолка! — Эй, — кричит солдат-охранник, — давай на тротуар, не видишь? — Ничего я не вижу: ни солдата, ни немцев. В памяти только солнечный день весны и огромное счастье.

Были еще мгновения счастья от первых строчек стихов, напечатанных в газете. А книги? Давали ли они ощущение счастья? Давали, только не счастья, а чувства удовлетворения, так как их изданию предшествовало долгое хождение по редакциям, скукота чтения разноречивых рецензентов...

Однажды ощущение радости посетило меня совсем прозаично, по-житейски практично. У меня был ключ от новой квартиры. Она еще не принята комиссией, но у меня уже есть ордер. В 57 лет, наконец, физически свободна... Но эта радость какая-то не возвышенная, недуховная, а плотская. Такой было много...

Ощущение счастья — это совсем другое. Это состояние восторга, душевного безумства, когда что-то из тебя рвется, окрыляет, возвышает над всем. Оно принадлежит только тебе, только твоей сути».

«ЛАГЗДЫНЬ — РАЗ...»

«Тверская жизнь», 04.04.2001 г.

Очередная книжка популярной тверской писательницы, руководителя детского театра Гайды Лагздынь вышла в серии издательства «Алтей» «Поэты малышам» — «Почемучки», М., 2000, 30 000 экз. Замечательные рисунки к ней создала тверская художница Оксана Анисимова. На страницах издания — одни из лучших сочинений тверского поэта для самых маленьких. К

сожалению, как всегда, книжка практически не дойдет до тверских книжных магазинов и будет распродана в Москве.

«...ЛАГЗДЫНЬ — ДВА»

«Тверская жизнь», 04.04.2001 г.

Еще одна новинка, принадлежащая перу неутомимой писательницы, — «Волшебные тропинки» (ТОКЖИ, 2001). Эту книжку, в которую вошли лучшие и новые сочинения Гайды Рейнгольдовны — рассказы, сказки и стихи для детей дошкольного и младшего школьного возраста, — тверитяне заждались. Выход ее по разным причинам задерживался, и вот наконец еще пахнущая свежей краской книга, а для тверской ребятни из детских садов и школ — новые минуты праздника, познания светлого мира, созданного писательницей...

«ГАЙДА ЛАГЗДЫНЬ РЫДАЕТ И СМЕЕТСЯ»

В. Кузьмин, «Тверская жизнь», 15.05.2001 г.

Известная тверская детская писательница Гайда Лагздынь сегодня представит широкой публике три свои новые книги. Первая из них «Волшебная тропинка» вышла в свет в областном книжном издательстве, вторая — «Почемучки» — в столичном книжном «Алтее». Третья станет открытием для почитателей творчества Гайды Рейнгольдовны — в ней писательница представит свою взрослую поэзию. В сборник вошли лирические стихи разных лет. Называется он тоже необычно: «Гипоталамус нервно бьется, поэт рыдает и смеется». Презентация книг пройдет в Центре детского и семейного чтения имени Пушкина.

«ДЫША ТВОИМ ДЫХАНИЕМ»

В. Кузьмин, «Тверская жизнь», 18.09.2001 г.

Гайда Лагздынь издала сборник «серьезных» стихов, в кавычках потому, что состояние таланта детской писательницы одновременно определяют и педагогический, и жизненный опыт, которые соседствуют с неиссякаемой человеческой надеждой на лучшее. Этот оптимизм, казалось прежде, льется из любого ее сочинения — будь то короткие «стишата» для самых маленьких, рассказы о животных или взрослые стихи.

В любом «взрослом» стихотворении Гайды Лагздынь есть некий отсвет далекого детства. Кстати, именно так и называется первое стихотворение сборника. Но посмотрите, каким сумрачным выглядит тот далекий мир из сегодня.

...В церквушке цыганка рыдала босая,
Накидка упала с плеча,
У гроба из досок неструганых тускло

Горит восковая свеча...

...За гробом ушла с одинокою болью

Цыганка в неведомый путь.

А я, как сиротка, прижавшись к осинке,

Гляжу растревоженно вслед.

Конечно, этот трагический пафос можно списать на характерный для детских страшилок прием, если бы не завидное постоянство, с которым трагическое ощущение жизни нагнетается в стихотворениях «Гипоталамуса...»

И это понятно: Лагздынь позволяет себе во «взрослых» стихах то, чего никогда не позволила бы в сочинениях для малышни.

Младенец умирал...

Безвинное дитя...

Металась мать над колыбелью сына,

Молилась мать...

(«Душа младенца — Божий мотылек»)

Непосредственность, оголенная простота, которые могут служить удачным художественным приемом в словотворчестве для воспитанников детского сада, в иных жанрах неестественно задерживают на себе внимание, отвлекая читателя и от содержания, и от технической стороны стиха.

Не читай нотации. Устала.

Знаю все давно и наизусть.

Я к груди, старик, тебя прижала,

Чтоб прогнать из сердца боль и грусть.

Что ж! Привычка вяжет нас с тобою.

Где любви живительный родник?

Да! Зовутся некою судьбою

Наши отношения, старик?

Этакая откровенность не для поэзии, даже не для всякой прозы. Или вот, например, написанное от мужского лица пафосно и с подчеркнуто скрытым, но беспредельным по тайной силе эротизмом. Вы только расшифруйте эти смысловые оппозиции — «коснусь горячо — легонько встревожу», «подышу твоим дыханьем» — и ничего после этого не попрошу!

...Я ворвусь к тебе ветром счастливым

И подушки коснусь горячо.

Я легонько встревожу ресницы

И дыханьем твоим подышу,

А тебе пусть, любимая, спится.

Я ответной любви не прошу.

(«Я приду к тебе»)

А еще, представляете, вот такое о женщине, о лирической героине, о себе в стихотворении о любви: «Чем я хуже других

наседок!? // Ты сравни меня напоследок!»

От нового сборника Гайды Рейнгольдовны Лагздынь остается двоякое впечатление недоговоренности, с одной стороны, и беспредельной откровенности, с другой. Во всяком случае, многие из тех, кто знает Лагздынь не понаслышке и считает ее только отличным педагогом, неутомимым воспитателем, режиссером и, так сказать, железной леди в своем деле, поймут, если им для этого понимания чего-то не хватало, что она прежде всего — мать и женщина... И... поэт с разными, очень разными стихами.

«ПРОБЕЖАТЬСЯ ПО «ВОЛШЕБНЫМ ТРОПИНКАМ»

«Вече Твери», 27.04.2001 г.

Пробежаться по «Волшебным тропинкам» вместе с Гайдой Лагздынь могут тверские ребятишки. Такую возможность им предоставило Тверское областное книжно-журнальное издательство, выпустившее в свет новую книгу известной детской писательницы. Сюда вошли рассказы, сказки и стихи, которые будут интересны и самым маленьким читателям, и тем ребятишкам, которые уже ходят в школу.

Сборник «Волшебные тропинки» оформила художник Инна Горцевич. Тираж книги 1000 экземпляров.

«МЯГКИЕ ПОДУШКИ ОТ ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

«Тверская жизнь», 22.11.2002 г.

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь — имя этой известной тверской писательницы, лауреата II Всесоюзного конкурса Госкомиздата и СП СССР, значится на титулах около сорока книг общим тиражом более 10 миллионов экземпляров. Ее стихи и сказки переведены на шесть языков мира, печатались в зарубежных и отечественных издательствах, в популярных детских журналах, на которых выросло несколько поколений россиян, — «Мурзилка», «Веселые картинки», «Костер» и др. В последние годы Гайда Лагздынь руководит детским театром, который получил звания «Образцовый» и «Народный». Для этого коллектива в соавторстве с тверскими композиторами писательница создала 14 спектаклей.

Очень плодотворным в издательском плане оказался для Гайды Рейнгольдовны этот год. В серии «Посиди-послушай» издательства «Дрофа» у нее вышла книга «Я скачу». В трех разных издательствах вышли хрестоматии, в которые вошли лучшие стихи писательницы. Еще три сборника вышли в издательстве «Оникс» — «Верхом на облаке», «Беги, жучок», «Логопедический букварь».

В издательстве «Алтей» напечатаны сборники «Топают ножки» и «Считалки». А еще пять мягких подушек — в издательстве «Дрофа». Такие вот интересные книжки — мягкие, из

экологически чистого сырья. Прочитал сказку малышу и спать его уложил...

Неудивительно, что высокий писательский рейтинг Гайды Лагздынь заметил и единственный в своем роде журнал «Детская литература» (Москва). В его последнем номере публикуется большая статья ответственного секретаря «ТЖ» Владимира Кузьмина, которая посвящена творчеству и воспитательной работе Гайды Рейнгольдовны.

«БОРИС ЕЛЬЦИН — ПОКЛОННИК ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

«Тверская жизнь», 20.09.2002 г.

Книжки тверской писательницы Гайды Лагздынь, вышедшие в лучших детских издательствах столицы, были представлены на прошедшей в Москве в начале сентября Международной книжной выставке-ярмарке. Стенд издательства «Дрофа» привлек внимание первого президента России Бориса Ельцина. Он рассказал, что каждый день прочитывает по одной книге. Так, например, за август он сумел прочитать 25 книг. Среди книг, подаренных ему издательствами на ярмарке, оказались красочные издания Гайды Лагздынь, с которыми запечатлели первого президента многие информационные агентства. А на днях вышел из печати очередной номер журнала «Детская литература». В нем — большая статья о творчестве и судьбе замечательной детской писательницы. Ее автор — ответственный секретарь «ТЖ» Владимир Кузьмин.

«ОТКРЫВАЮЩАЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ»

В. Кузьмин, «Тверская жизнь», 22.02.2003 г.

(Более полная статья на эту тему была опубликована в критическом журнале «Детская литература» №4 в 2004 году в Москве)

Гайда Лагздынь — имя этой российской писательницы, лауреата II Всесоюзного конкурса Госкомиздата и СП СССР, лауреата и дипломанта многих всероссийских и всесоюзных конкурсов, значится на титулах множества книг.

Отец Гайды Рейнгольдовны — латыш, балтийский моряк, участник революции в Петрограде, остался после октябрьских событий в России, где и встретил свою будущую жену. Получив высокую квалификацию фрезеровщика, Рейнгольд работал на заводе, где возглавил партийную организацию... Но 1937-й год разрушил надежды и круто изменил жизнь. Грянуло «Кировское дело», когда на заводе кто-то некстати «пошутил» — выжег сигаретой глаза на портрете партийного лидера. Отец вернулся домой взволнованный, переоделся во все старое и ушел. Больше они никогда его не видели, а спустя несколько дней и маленькую Гайду

вместе с матерью и братом выслали на 101-й километр. Так судьба привела ее в Калинин, с которым связана вся последующая жизнь. Много лет спустя страшные мгновения первых дней высылки воскреснут на страницах документальной повести писательницы «Тетрадь в клеенчатом переплете» (1998)... А пока шли тяжелые будни: несколько дней на калининском вокзале в сорокаградусный январский мороз, потом крохотная проходная комнатка с одной железной кроватью, ежемесячные проверки и страх, что настала твоя очередь не вернуться из отдела НКВД. Наконец — война, ужас оккупации, но и легкий вздох освобождения от цепких щупальцев секретной службы. Эвакуация.

Потом была учеба в Ленинграде, два курса в авиационном техникуме, осознание того, что технаря из нее не получится. Поступление в Харьковский медицинский институт, невозможность учиться без общежития — заплатить мать, воспитывавшая двоих детей, не могла... Возвращение в Тверь, химико-биологический факультет Калининского пединститута. О карьере писателя не помышляла. Конечно, было множество экспромтов для студенческой агитбригады, но не более. После окончания вуза — более тридцати лет в школе, брак, дети. И вдруг в 1975 году, когда, казалось, все уже состоялось, выход первой книги в издательстве «Детская литература».

Трудно искала себя уже состоявшийся учитель химии и биологии Гайда Рейнгольдовна Лагздынь — сперва на страницах областных газет, куда ее стихи однажды принесла коллега по работе. Но поток стихов не прекращался. И в начале 1970-х в областной газете «Калининская правда» появилась новая рубрика «Для вас, дети, строки эти» во многом благодаря усердию Лагздынь.

Литературный материал постепенно накапливался, и тогда пришло решение отправить подборку стихов в «Детскую литературу». На удивление вскоре из издательства позвонили и пожурили за то, что автора рукописи заждался редактор, а ведь книжка уже на выходе... «Весенняя песенка» — так назывался книжный первенец Гайды Лагздынь. Началась нелегкая жизнь в литературе.

Не секрет, что у обывателей и в критике существует предвзятое мнение о том, что детская литература относится к разряду «второсортной», «несерьезной». С ним не раз пришлось столкнуться и Гайде Лагздынь. Тем более, что ее творчество было адресовано самым юным читателям — дошкольникам. Много копий сломала критика в спорах о том, что удалось писательнице, а что нет: что убрать, а что добавить. Но автор всегда доверялась одному внутреннему голосу — истинному интуитивному чувству

меры, доступному только подлинным художникам. И сейчас оказалось, что по сути среди русских писателей XX века так много для таких маленьких никто не написал. А ведь было время — мучили сомнения: «Не мелочевкой ли занимаюсь?» Надоели скептические взгляды со стороны, недооценка критиков. Вдруг где-то в сердце затаилась мысль оставить литературу, ведь была школа — авторитет и признание коллег.. И тогда случайно оказалась в одном из детских садиков Твери, шел концерт — полтора часа дети читали и пели ее стихи. Возвращалась домой воодушевленная — то чувство сопричастности и детской благодарности не иссякло до сих пор.

Можно сказать, что Гайда Лагздынь одновременно писала и училась писать. Литературного образования катастрофически не хватало, иногда приходилось изобретать велосипед. Но это только казалось, на самом деле — получались открытия. Так была создана логопедическая, считалочная и скороговорочная азбука. Нечто подобное некогда было у С. Маршака, но его азбуке далеко до творения Гайды Рейнгольдовны.

Однажды осел в огород убежал,
Он овощи очень одни обожал.

***

Шурик шариком шуршал.
Шарик Шурику шептал:
Шурик, Шурик, не шурши,
Шаром, Шур, не шебарши.

«Почемучки-закорючки», «Загадки для отгадки», «Кричалки для Алки», «Шутки на полминутки» — все это жанры, рожденные тонким писательским умом, постижению которого подвластен причудливый детский мир. Но вскоре поэтические рамки стали для Гайды Лагздынь узки, хотя стихи до сих пор льются в ее сознании бесконечным потоком, а рифмы складываются одна за другой. Как результат сознательного внутреннего сопротивления начался путь к познавательной детской прозе...

Жанровому многообразию сочинений Гайды Лагздынь может позавидовать любой писатель. И если бы существовала какая-нибудь писательская книга «Гиннесса», в ней непременно бы нашлось место Гайде Рейнгольдовне. Смеем утверждать, что вряд ли кто-то может соперничать с Лагздынь по числу успешно освоенных жанров — от музыкального спектакля и мемуаров до короткого стихотворения и считалки.

Среди граней блистательного творческого характера Лагздынь — замечательное знание природного мира и пристальная наблюдательность натуралиста. Мир живой и «зеленой» природы представлен в ее коротких рассказах удивительно зримо в

подробностях и деталях, заметных только широко открытому в мир взгляду ребенка. Привычные для провинциала и неизвестные городским детям явления природы обретают в ее новеллах свой естественный смысл, часто незаметный, скрытый в суете повседневной жизни.

А как легко раскрывается в коротком жанре художественное мастерство писательницы! Установка на то, что все эти рассказы должны звучать в пристрастной детской аудитории, отражена в характерной эмоциональной жестикуляции, присущей хорошей устной прозе. Тонкие фенологические наблюдения совершенно не мешают антропоморфной направленности повествования, в котором в мире «братьев меньших», при всей натуралистичности изображения, мы обнаруживаем много человеческого и наоборот...

О животных Гайда Рейнгольдовна пишет неподражаемо. Возьмем хотя бы недавно изданную «Детской литературой» в серии «Мои первые книжки» «Котик, Котик, попляши!» (Москва, 2000).

Она, красочно иллюстрированная художником Н. Салиенко в традициях известного художника-сказочника Васнецова, напомнит родителям, а скорее уже бабушкам и дедушкам, старые добрые времена отечественной детской литературы.

На страницах другой книжки в легких рифмах предстают перед нами занимательные картины общения детей и домашних животных.

Целый день у нас работа:
Ищем мы кота Федота.
Не пришел на ужин кот.
Где ты прячешься, Федот...

Конечно, многое изменилось в детской литературе с тех пор, как первая книжка писательницы пришла к читателю. Точнее — изменилось в жизни... Вот, например, «Аккуратные зайчата» из одноименной книжки Лагздынь (Москва, Алтей-М, 2000). Теперь они моют по воле художников лапки, ушки, хвостики не простым «Детским», а непременно парижским «Сатау»... Впрочем, в остальном, наверное, все осталось по-прежнему... И заинька, герой одного из стихотворений, пляшет не что-нибудь, а украинский танец гопак, как в былые времена единой и дружной Советской страны. И, слава Богу, на книжной полке, изображенной все теми же иллюстраторами, Р. Кобзаревым и О. Савиной, стоят не глянцевые брошюры вездесущего Уолта Диснея, а простые русские «Сказки». И на стене над кроватью маленького героя — не постер со «спайсгерзами», а скромный плюшевый коврик с оленями.

Совсем недавно Гайда Рейнгольдовна Лагздынь отметила свой творческий и жизненный юбилей. В Твери прошел большой творческий вечер, на котором прозвучало немало добрых слов в

адрес писательницы. Но самое щедрое и искреннее вознаграждение — это, конечно, детский светлый смех, радость, которую испытывают самые юные читатели от знакомства с ее стихами и самой писательницей.

Впрочем, нам еще многого можно ждать от Гайды Лагздынь — неожиданного. Вот, вдруг издала сборник «серьезных» стихов с философским названием «Гипоталамус нервно бьется, поэт рыдает и смеется» (Тверь, 2001). Он тоже о поисках счастья, радости.

Удивительное оптимистическое, чистое ощущение от жизни, от солнечного дня вопреки всему, что несет и творчество Гайды Рейнгольдовны Лагздынь. С одним небольшим уточнением — этого счастья, этого тепла там, в ее стихах и прозе, необъятное море. За него ей благодарны дети — самые требовательные читатели среди нас.

«КНИГИ ЛАГЗДЫНЬ —ТВЕРСКОЙ ДЕТВОРЕ»

«Смена», 01.07.2004 г.

Она о своем творчестве может рассказывать долго, увлеченно, с материнской любовью и в то же время, как ребенок, взахлеб.

Гайда Лагздынь известна у нас в Твери как детская писательница, как сценарист и как автор стихов для взрослых. В основном, конечно, ее творчество посвящено детям. Более 80 книжек для малышей вышло в различных издательствах Москвы. Жаль только, что известность Гайды в Тверской области — гораздо меньше, чем в столице. Выпускаемая детская литература не доходит до тверских читателей — все оседает в Москве и расходится по другим регионам.

— Мне даже для себя иногда приходится экземпляры добывать, за свои собственные деньги, — сетует Лагздынь. Книжки расходятся влет, «с пылу с жару».

А в детской памяти — война!

Я помню: город наш освобождали

Под грохот бомб и вой снарядов…

Это строчки из стихотворения Гайды-четвероклассницы. Это первое ее стихотворение. Так сильны и так болезненны воспоминания о детстве, о родителях, о войне, что творческая по натуре девочка не могла не выразить стихами свои чувства.

Мама Гайды — белоруска по национальности, отец — латыш. Был у Гайды и старший брат. Умер в 2003 году.

Еще в институте она писала стихи для агитбригады, писала басни. Гайда Рейнгольдовна Лагздынь — член Союза писателей СССР, нынче России, лауреат II Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу Госкомиздата и Союза писателей СССР, автор 65

книг, дипломант «Признательность» Международной ассоциации детских фондов, учитель высшей категории, продолжает плодотворно работать. Только что вышла новая серия ее детских книжек в московских издательствах «Дрофа+», «Карапуз» и «Оникс — XXI век». 17 лет Гайда руководит детским авторским театром. Из них седьмой год — при школе №53. В области это единственный школьный музыкальный театр. На его счету звания «Народный коллектив», «Образцовый». Трижды лауреат московского фестиваля «Экология. Творчество. Дети».

Талантливая писательница полна сил и новых творческих планов. Надеемся, что книжки Гайды Рейнгольдовны Лагздынь появятся наконец-то и на прилавках тверских магазинов!

«ДЕТСТВОМ МОБИЛИЗОВАННАЯ»

Лидия Гаджиева, «Тверская жизнь», 14.07.2005 г.

Перу Гайды Лагздынь принадлежит свыше 60 книг общим тиражом более 11 миллионов экземпляров, а вскоре выйдет в свет еще 16 новых книжек, адресованных ребятам самого разного возраста. Стихи и сказки Гайды Лагздынь рекомендованы Академией педагогических наук России для включения в учебные программы детских учреждений и педагогических вузов страны, охотно печатаются такими известными издательствами, как «Детская литература», «Малыш», «Дрофа», «Алтей-М», «Оникс», «Карапуз», «Фламинго» и многими другими.

Ее произведения неизменно входят в хрестоматии издательства «Просвещение», а в 2001 году ее стихотворения вошли в «Хрестоматию для самых маленьких», которую «Аст-Пресс» издавал в рамках целевой федеральной программы книгоиздания России. Музыкальные издательства Москвы и Санкт-Петербурга публикуют ее музыкальные спектакли и песни.

Гайда Лагздынь — член Союза писателей России, член правления областного отделения Детского фонда России и правления Ассоциации женщин-писательниц России. Творчество Гайды Лагздынь отмечено премиями и дипломами многих конкурсов; она лауреат II Всесоюзного конкурса Госкомиздата и Союза писателей СССР, победитель Российского конкурса профессиональных драматургов и композиторов (2002 г.) и т.д. Международная ассоциация детских фондов удостоила ее особой награды — диплома «Признательность». В 2002 году ей был вручен нагрудный знак губернатора Тверской области, а в 2003 году Тверская областная универсальная научная библиотека назвала ее «открытием года».

— Столько идей, они мне жить не дают спокойно! — жалуется Гайда Лагздынь, и на какое-то мгновение из ее глаз

выглядывают Том Сойер с Геком Финном вместе. Я давно знаю Гайдочку (она позволяет мне так себя называть), и все эти годы меня не оставляет подозрение, что ей частенько приходится самой себя удерживать за шиворот — ну так и подмывает выкинуть какой-нибудь фортель! Понимаете, она и мудрая бабка, и сорванец-внук в одном лице. Такой вот феномен случился-приключился, а в результате Россия получила одного из лучших своих детских литераторов. В московских издательствах ее рукописи давно уж нарасхват, и у нас наконец-то вышел первый том антологии «Моя книга». Долгожданное событие! Большая, прекрасно иллюстрированная книга издана, что называется, «на вырост» — на отличной бумаге, надежно прошитая, она рассчитана не на одно поколение. Правда, наши внуки могут искренне удивиться, встретив иные строки, — уже сегодня некоторые ее стихотворения считают народными, их не раз записывали студенты в фольклорных экспедициях. То ли еще будет лет через двадцать! Да и песни на ее стихи на эстраде исполняют, тоже не всегда предварив уважительным упоминанием ее имени. Несколько лет назад тверская девчушка в Санкт-Петербурге на очень престижном конкурсе пела про черноглазую мышь Генриетту. Как, значит, гуляя, зашла она в дом, где на буфете лежала конфета — аж с прошлого лета, потому что одна тетя боялась диабета.

Вы догадались, что было дальше? Исчезла конфета, и вслед — Генриетта, девочка получила первый приз — золотую статуэтку, а Гайда Рейнгольдовна обо всем узнала лишь из газет... Точно так же, как и о том, что ее произведения где-то ставятся, включаются в какие-то сборники и антологии, а то и переиздаются целыми книжками в братских республиках и некоторых отдаленных российских губерниях. Обидно, спрашиваю? Она честно задумывается, к себе прислушивается, потом с неким даже удивлением сообщает: а мне не жалко! И не желает обсуждать, почему при таком количестве книг у нее такие тощие гонорары... Да вы и сами понимаете, ну как сочинять про веселых свинок-хрюндей, про злыдней из Мрачного царства, про ворону Глафиру и кошку Фрау и при этом подсчитывать рубли, баксы, тугрики?!

Одним словом, бизнес-леди из Лагздынь, уж извините, никакая, зато поэт большой, веселый, добрый, с широко распахнутыми любопытными глазами ребенка и простодушно лукавым сердцем. Это я о том, что детская наивность всегда сродни мудрости; мы с годами это чудесное свойство напрочь утрачиваем, а Гайда Рейнгольдовна смогла сберечь. Зрелый опыт много повидавшего и познавшего человека служит ему оправой... Откройте книжку «Волшебная тропинка» и прочитайте, как девочка Аня шла по

тропинке. Глядь — она розовым бантом перевязана. Потянула Аня за ленточку, и распалась тропинка на две — сине-голубую, с цветущими васильками, и желтую, по которой можно дойти до самого солнышка. Любовалась, резвилась, а потом поняла, что нужно поскорее сделать все как было, иначе домой не вернуться, да и самого дома, может, не станет. Побежала Аня назад, завязала ленту, и тропинки снова слились воедино, став зеленой-презеленой дорогой к дому. Вот вам полторы странички, которые целого философского трактата стоят, — о природе вещей, гармонии мироздания и опасности нашего извечного искушения просунуть нос поглубже, объять необъятное и разъять то, чему существовать должно по высшему замыслу исключительно в единении. Да я бы эту притчу ввела в обязательную школьную программу!

Вся жизнь Гайды Лагздынь с Тверью связана крепко-накрепко. Она окончила пединститут, между прочим, с отличием. Затем более тридцати лет преподавала химию и биологию, в том числе — в колонии в Больших Перемерках. Те впечатления легли в основу одного из немногих ее произведений «для взрослых» — повести «Зона».

Лагздынь давно могла перебраться в столицу, но не мыслит жизни без своего города. И детский авторский музыкальный театр, который она создала едва ли не первой в стране, стал еще одним ее подарком Твери, как и детское литературное объединение «Курочка Ряба». Первый театр она организовала при Дворце культуры профсоюзов в 1987 году, и вскоре он получил звание «Народный». Лагздынь была его директором, режиссером, драматургом, костюмером...

За двадцать лет Лагздынь создала более двадцати спектаклей, а ее театр трижды становился лауреатом Всероссийского конкурса «Экология. Творчество. Дети».

Сейчас Лагздынь со своими юными артистами ставит «Войну глазами ребенка». В основе — ее повесть о военном детстве «Тетрадь в клеенчатом переплете», но это еще и осмысление нашего нелегкого времени. Она убеждена, что с детьми об этом говорить необходимо — честно, без скидок. С ними вообще надо говорить обо всем — они поймут, нужно просто уметь сказать. Она это умеет — совершенно необыкновенно, с безошибочным попаданием.

Появление на тверских прилавках антологии Лагздынь «Моя книга» — это большое и радостное событие в культурной жизни области. Во многом итоговое, потому что, как ни хотелось бы забыть о календаре, а все же Гайде Рейнгольдовне в августе исполнится 75. Она полна энергии и творческих планов; дай Бог, придумает еще удивительные истории, издаст новые книги, в том

числе и для взрослого читателя, к которому она в последние годы стала чаще обращаться, хотя детская литература остается ее главной любовью. Однако первый том — это только начало. В него вошли все ее стихи, когда-либо публиковавшиеся в издательствах СССР и России и созданные за последние годы. Но у Лагздынь остаются сотни страниц интереснейшей прозы — рассказы, сказки, повести, в том числе и то, что она называет «биохимией в сказках». Познавательная литература для детей — вообще жанр крайне сложный, дается немногим, а Лагздынь — мастер признанный. У Гайды Рейнгольдовны десятки пьес, многие из которых еще никогда не были опубликованы. Неизвестным широкой аудитории остается ее песенное творчество... Все это могло бы составить второй и третий тома антологии. Однако без финансовой поддержки властей, без участия общественности их издание, увы, немыслимо. Хочется надеяться, что они откликнутся...

P. S. Когда статья готовилась к печати, мы узнали, что издательства «Дрофа» и «Дрофа-Медиа» выпустили в свет восемь новых совершенно прелестных книжек Лагздынь. И еще четыре увидят свет до конца месяца.

«ЗА ШОКОЛАДНУЮ КОНФЕТУ» — «ЗОЛОТУЮ НИКУ»

В дни школьных каникул в Санкт-Петербург на II Международный конкурс эстрадной песни «Маленькие звездочки-96» съехались юные таланты из 14 стран ближнего и дальнего зарубежья.

Честь представлять на таком престижном форуме нашу Тверь выпала солистке детского ансамбля «Веселая семейка» (тверская гимназия №44) Лесе Надеждиной. За исполнение песен «Пусть летают бегемоты» (музыка тверяка К. Тушинка, слова Т. Собакина) и «Шоколадная конфета» (Ю. Штуко и Г. Лагздынь) Леся удостоена звания дипломанта с вручением кроме многочисленных подарков специального приза «Золотая Ника».

Доктор филологических наук, профессор, директор Центра русского языка и культуры Л.Н. Скаковская:

«Вот уже несколько десятилетий мы с вами имеем прекрасную возможность знакомиться с замечательными книгами Гайды Лагздынь. Из-под ее пера вышли добрые, милые, красивые стихи, песни, пьесы, сказки, адресованные прежде всего детям. Гайда Лагздынь подарила своим читателям поистине народные произведения. Удивительный дар рассказчика, фольклоризм произведений Гайды Лагздынь не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых. Связь ее произведений с фольклором уже в раннем возрасте позволяет детям познакомиться с этим

удивительно образным источником исторической памяти народа, почувствовать прелесть родного языка».

Исповедь

Документальный рассказ

Прихватило с вечера. Щемящая боль разливалась сантиметр за сантиметром, охватывая то, что называется сердцем. Приехала «скорая», уложили, понесли, запретили, закололи. Но сознание, зажатое умиротворяющими тихими лекарствами, просыпалось. Одна и та же мысль, подобно сверлу того самого станка, на котором пришлось работать в свои неполные пятнадцать лет, буравила раскисший, размягченный двуполушарный мозг:

— Зачем жила? Чего хотела?

Из глубины памяти выплывало то широкое самодовольное скуластое лицо историчкис тонкими узкими поджатыми губками, то ехидно улыбающийся, ныне покойный однокурсник Вася Иванов. А как цеплялся, держался за жизнь, ловчил? Всеми правдами и неправдами?! Однако умер, и раньше нас.

— Ушел, — говорили узкие тонкие ехидные губы. — Вы — наша передовая, вот и терпите.

Вереница мыслей, цепляясь друг за друга, скручивалась, свивалась в клубки то радужные, яркие, многоцветные, то в мрачные, почти черные.

Жизнь — блоки, блоки, коридоры, лестницы, порой без перекладин, без ступеней, косяк-наперекосяк. Была ли она интересной?Счастливой? А разве бывает все время солнце? Или все время весна? Бывает и ночь, и холодная непроглядная осень. А люди? И люди всякие были. Ехидные губы — они видны. Куда хуже другие. Опаснее зашифрованные люди. Их не было там, за школьной калиткой. А дети? Их разве сравнишь со взрослыми? Разве они могут раздражать, возмущать душу? Школьная суета, уроки, перемены, непосредственность, откровения, огорчения и переживания. Все равно это разное: мир детства и мир взрослых. Особенно тот, по другую сторону школьной калитки, в который я попала — мир утонченных умников-циников.

Работника детского сада, школы узнаешь сразу по каким-то еле уловимым признакам. По простоте речи, мягкости — я говорю о настоящих педагогах, — стремлению объяснить, не забывая о воспитательном моменте. Дидактика так и лезет в глаза.

Попав впервые в детское издательство, я почувствовала примерно ту же атмосферу. Но так как редакция была дошкольная, а работала я в старших классах, то душевный комфорт у меня был наивысший. Дело в том, что трое взрослых мужчин вполне серьезно обсуждали вопрос: как лучше нарисовать

на зайце безрукавку? Мехом наружу или мехом внутрь? Была проблема, ее решали подробно и добротно. Я сидела и блаженно улыбалась. Меня не совсем поняли, потому спросили:

— А как вы считаете?

— Нет, я просто так, — ответила я, продолжая улыбаться, на всякий случай отвернувшись к окну. Я наконец попала в мир взрослых, но себе подобных! Это была минута моего литературного счастья. Может показаться кому-то смешным. Но это было выше моих сил, верх моего блаженства.

Жить среди взрослых с детской душой, а порой и с конкретным мышлением очень трудно. Часто о таких думают: «С приветом».

Почему я пишу для детей? Почему я говорю на их языке? Понимаю их? Мои мозговые полушария срабатывают так, словно я то ребенок, то взрослый. Когда я поняла это, стала себя бояться. А вдруг в решении серьезного вопроса сработает моя другая половинка мышления — детская? Наверно, потому я часто бываю открыта, откровенна, не защищена, как ребенок, чувствительно ранима в малом. И поступаю наперекор разуму. Как дети. Ведь порой без всякого труда, но с пользой для себя можно словчить, уйти в сторону или элементарно промолчать. Это совсем нетрудно. Это ясно и понятно всем.

Нет, не могла. А стоило ли подделываться, если и могла? Ласткться? «Себя не переделаешь» — слышу голос своей удачливой двуличной знакомой. Да и стоит ли игра свеч? Стоила! Свечи сгорели? Сгорели. А вместе с ними и я. Лежу, прижатая к постели, к подушке, рекомендациями врачей, с болезнью совсем не детской, с болью начавшего стареть человека, с головой, полной совсем взрослых мыслей. Лежу, болею, сама себя жалею, что не выстояла. Не душой, так сосудом сломалась. Но ведь рано или поздно у всех что-то ломается?

Вспоминаю себя в прежние годы, летящей на поэтической волне. А радости-то сколько! Первые строчки, первая публикация. Вот и замереть бы на этом первом взлете? Не требовать от жизни большего? Любимая работа, семья, дети и отдых — поэзия — хобби! Нет! Неудержим человек в своем стремлении! Вспоминаю вопрос уже именитого поэта: «А вы можете не писать?»

Вопрос был мне тогда непонятен. При чем он тут, если писать — удовольствие! Почему бы не писать? Кстати, и сейчас те же чувства. Сесть за стол — праздник! Минуты выкраиваю из невозможного. «Сладкая кабала» затягивает. И вот уже понимаю: писать — часть моей жизни. Тогда еще могла отказаться от неблагодарного литературного труда, сейчас — нет, не могу. «Сладкая кабала»: нет ни ночи, ни дня, ни выходных, ни отпусков.

Все свободное время, и даже за счет сна, отдыха, отдано этому делу — сочинительству. После двух школьных смен, поздно вечером, когда наконец засыпает большая семья, написав планы уроков, набросав распорядок следующего дня, отдаюсь любимому делу. Порой строчки ползут как змеи, успевай записывать. Голова на излом, валидол под язык. А строчки ползут, извиваются, мозг кипит. А они все ползут и ползут; бросаю ручку, гашу свет, ложусь. А все рифмуется, рифмуется. Ручка с лампочкой, записи на обоях. Наконец засыпаю. Утром в голове, словно на чистом листе бумаги, — ни строчки. Вывожу формулы на доске, решаю задачи. Никакой поэзии. Никаких образов. Зарываюсь в спецжурналах. Все, что касается химии, биологии, особенно медицины, улавливаю, запоминаю, использую. «Литературную газету» с трудом одолеваю. Шестнадцать страниц?! Некоторые из статей порой не понимаю. Часто удивляюсь: юмор это или еще что? Может быть, я неполноценна? Тогда как же диплом с отличием? Или я сухарь, технарь? Что-то тут во мне не вяжется. И снова восторги от стихов чужих и, конечно, от работы над своими. Неповторимая радость от первой поэтической книжки. Остановиться бы, замереть на этом чувстве. Но «сладкая кабала» взяла к себе на полное обеспечение, еще книга, и еще. Союз писателей.

Чаша жизненных весов стоит на нулях: школа, с ее нуждами, заботами, положением ведущего учителя химии, уважение коллектива. На другой чаше: литература, поэзия для детей, встречи на поэтической волне, и бесконечная литературная работа, и бессмысленное, уносящее большую часть энергии, «трудоустройство» стихов. Сам пиши, сам перепечатывай и все остальное сам, сам, сам.

Но стрелка весов пока стоит на нулях. Чаша весов в равновесии. Что же вдруг заставило отойти стрелку? Лишняя детская книжечка в несколько граммов? Что заставило склониться чашу в сторону литературы? Усталость. Желание успеть еще что-то написать, чего-то сделать. Да и переход не очень резкий. Была школа, дети. Стала «Детская литература».

Целый год настраивала себя, как инструмент, на уход из среды, породившей меня как детского поэта. И вот весы заброшены в биографию, чаши положены на полки памяти. Вот она, желанная свобода для души, для литературы. Хочешь — ночью пиши, хочешь — днем, тем более что дети выросли, муж... Мужьям нужны жены домашние, такие, которые только думают о плите и кастрюлях. Ради справедливости: об этих домашних делах я не забывала. Теперь у мужа новая семья, молодая жена. Зачем нужна думающая, чувствительная, да к тому же и

откровенная? Не скрывающая свои мысли и чувства, без дипломатии в семейной жизни, с детским порой складом ума, не умеющая даже выпить с полезными людьми? Относящаяся к алкоголю как к химреактиву!

Свобода. Вот она, бери, радуйся, твори.

Светлые мгновения — это те, что проведены за письменным столом. А сколько раз «сладкая кабала» исцеляла меня от недуга?! Вспоминаю вновь слова именитого поэта: «Можете не писать?» Если бы все было так просто. Один сказал, другой послушался. Не взялась бы за перо, свободно работала, пошла бы на пенсию, ходила с мужем в гости, в театр, смотрела телевизор, нянчила внуков, на огороде копошилась бы. Все так! Но... я познала радость, страдания, удовлетворение от муки творчества. Нервные волокна у меня стали тоньше, чувствительнее. Я познала мир более красочным. Я прочитала его в подлиннике, а не в переводе с чужих эмоций и чувств. Я благодарна жизни, и даже той — за школьной калиткой.

«Сладкая кабала»

Статья молодой журналистки Екатерины Ветровой (газета «Вся Тверь», 14.07.2005 г.) начинается со слов «сладкая кабала» — любимого мною определения творческого состояния, в котором нахожусь я как писатель. Что заставляет превращаться в раба своего увлечения? Дело ясно: никто. Дело добровольное.

Статья обо мне, написанная Екатериной Ветровой, биографична, с небольшими погрешностями, наполнена искренним желанием, пусть штрихами, но описать мой жизненный и творческий путь. Верно подмечено и зародившееся сомнение (после услышанных за спиной слов), что такие стишата может написать каждый. Правдиво и то, что воспитанники детского сада №123 поселка Химинститута не позволили уйти из «рабства» и убедили остаться в «сладкой кабале». А как? Да своим выступлением на утреннике, когда в течение часа читали стихи, пели песни, написанные мною в светлой радости.

Вот таким образом я неожиданно отреагировала маленькой своей рецензией на статью Кати Ветровой.

В своих статьях тверские журналисты, касаясь моего творчества, не оставляли без внимания и состояние издательского дела в России. В этом отношении показательной является журналистская работа на страницах «Тверской жизни» под заголовком «Не расстанусь с Гутенбергом».

Я тоже не хочу расставаться ни с Иваном Федоровым, основателем книгопечатания на Руси, жившим с 1510 по 1583 годы, выпустившим в 1564 году первую печатную книгу «Апостол», ни с Иоганном Гутенбергом (1399-1468), начинателем книгопечатного дела в Германии, создавшим сорокадвухстрочную Библию в городе Майнце.

Эпоха Ивана Федорова и Иоганна Гутенберга не кончается. Для доказательства привожу статью Лидии Гаджиевой, замечательной журналистки, созданной для писательской газетной деятельности, занимающей активную информационно-творческую позицию в нашей тверской журналистике.

«НЕ РАССТАНУСЬ С ГУТЕНБЕРГОМ»

«Тверская жизнь», 17.09.2005 г.

«...Буду вечным читателем! Итоги XV(!!!) Московской международной книжной выставки-ярмарки, на днях завершившейся в Москве, еще раз убедительно опровергли мрачные прогнозы некоторых футурологов: эра Гутенберга не кончается — во всяком случае, в обозримом будущем. Свыше 50 стран приняли участие в этой выставке. На ней было представлено примерно сто тысяч книг, изданных тремя тысячами издательских фирм на десятках языков. Их не смогли вместить павильоны Всероссийского выставочного центра, и на площади пришлось установить шатры. Вокруг в сотнях палаток шла свободная торговля, и книги уходили влет!

Россия читает, хотя, пожалуй, не всегда те книжки, которые рекомендовал бы учитель словесности. Однако обо всем по порядку. Прежде всего мы поздравим нашу землячку — известную детскую писательницу Гайду Лагздынь. К открытию выставки подводились итоги минувшего полугодия в сфере книгоиздательства и определялись лидеры книжного рынка. Гайда Рейнгольдовна не просто вошла в традиционную «почетную двадцатку» наиболее издаваемых авторов (по детской литературе), но и заняла в ней очень достойное одиннадцатое место, аккурат между братьями Гримм (сверху) и Алексеем Толстым (извини, Буратино!), Андерсен — на седьмом, Перро — на четырнадцатом.

Это весьма приятное известие не только для Гайды Лагздынь, но и для всех нас. И не только из абсолютно законного и естественного местного патриотизма. Лагздынь пишет хорошие детские книжки, которые помогают нашим детям вырасти добрыми, умными и веселыми. Пусть больше читают и меньше играют в стрелялки! За полугодие вышло 13 книжек Лагздынь общим тиражом свыше 300 тысяч экземпляров. Конечно, это не идет ни в какое сравнение с вовек неистребимым «Гарри

Поттером», но если не брать в расчет госпожу Джоан Роулинг, то и от лидеров книжного рынка Лагздынь отстала не так уж сильно: Чуковский, конечно, перевалил за миллион экземпляров, но Барто и Носов — разве что за половину.

Кстати, прогуливаясь по этому самому рынку — разумеется, виртуально, — с удовольствием отмечаем, что представлены на нем в основном российские писатели. Среди детских — всего два имени, поскольку Гриммов, Перро и Андерсенов к зарубежным авторам мы уже как-то не относим. Среди «взрослых» — трое (в центре «почетной двадцатки» — Куатье и Коэльо, замыкает ее Хмелевская). Но вот литературные предпочтения наших сограждан... Как бы это сказать? Да нет, не удивляют, просто несколько удручают, что ли...

Госпожа Донцова с ее вездесущими, неукротимыми Виолой и Евлампией — абсолютный лидер как по числу названий (60!), так и по тиражам. Причем по второму показателю она превосходит суммарные тиражи сразу четырех писателей, следующих непосредственно за ней в этой «двадцатке». Разумеется, это тоже детективщики — Устинова, Акунин, Шилова и Куликова. Из русских классиков в списке Достоевский и Лев Толстой соответственно на восемнадцатом и шестнадцатом местах. Правда, в рейтингах прошлого года в нем не было и их имен тоже! Конечно, на рынке спрос определяет предложение, даже когда рынок книжный. Но все же, все же... Помнится, артиллерией мысли называл книгоиздание французский лексикограф Жан Клод Буаст. Вам не кажется, что у нас она то бьет в молоко, то выстреливает разноцветными хлопушками?

Однако оставим брюзжание, книг в России выходит очень много — как по названиям, так и по тиражам, по сравнению с прошлыми годами прирост уже ощутим, и это вселяет оптимизм. А выставка-ярмарка, на этой неделе завершившаяся в Москве, прошла успешно и стала большим, ярким событием для всех российских книжников и просто любителей книги».

В статье **«Мудрость ребенка»,** опубликованной в газете «Горожанин» (03.06.2005 г.), журналист Александр Михайлов пишет о «Моей книге-1»:

«Гайда Лагздынь и скука — несовместимые понятия. Поэтому новое литературное детище под названием «Моя книга» известной детской писательницы получилось ярким, бойким, шаловливым. Да и как могло быть иначе: ведь, как известно, для детей нужно писать так же, как для взрослых, только лучше.

Поэтическому творчеству Лагздынь присуща высокая простота, столь необходимая для песен и детских стихов. Гайда

Рейнгольдовна, с детства живущая в тверском Заволжье, впитала в себя образную народную речь. Но и сама обогатила русский язык. Некоторые исследователи цитируют ее поэтические строки как народные.

— Я ходячий фольклор, — с присущим ей юмором заметила Гайда Рейнгольдовна.

Связь ее детской поэзии с народным творчеством видна даже по разделам книги: лопотушки-топотушки, шутки-прибаутки, кричалки-дразнилки, скороговорки-поговорки, а также различные азбуки, в том числе логопедическая, которую взяли на вооружение театральные педагоги.

Чтобы писать для малышей, надо сохранить в себе детское восприятие мира.

— Половина моей души — детская, — заявляет Лагздынь. Мудрость другой половины позволяет ей распознавать человеческую суть.

На титульном листе книге проставлена единица — первый том. Своего издания ждут детская проза, а также пьесы и сценарии».

Когда в 1997 году обратились к учителям глава города Александр Белоусов и начальник управления образования Евгений Шестернинов написать на себя досье для «Учительской газеты» в специальный выпуск к 8 Марта, все, кого просили, взялись за перо. Жизненные деяния были перечислены, обработаны, многие строчки приумножены, представлены, но не от первого лица. И это правильно. Так, среди досье других педагогов оказалось и мое откровение под названием, которое дали:

«А Я БОГАТА РУКОПИСЯМИ»

«Учительская газета — Тверь», 06.03.1997 г.

«Имя этой удивительной женщины знакомо многим жителям тверской земли, да и не только тверской. Это наша (ваша) писательница, член Союза писателей России Гайда Рейнгольдовна Лагздынь, автор 16 книг, 18 поэтических, прозаических, музыкальных сборников, один из авторов популярных детских журналов «Мурзилка», «Веселые картинки», «Вожатый», хрестоматий для малышей.

— Писать для маленьких — дар редчайший, особый дар. Творчество Гайды Лагздынь любят не только дети, — пишет член Союза писателей в статье «Для милосердия» Л. Нечаев, — у Гайды Рейнгольдовны блестит еще одна грань творчества — проза, и не просто проза, а с большой познавательной нагрузкой, можно

сказать, «химия в сказках», сплав фантастической, научной точности, отличающей книгу вообще, с художественной изобразительной выдумкой, фантазией, веселым словотворчеством.

Невозможно представить, как в одном человеке умещается столько начинаний! Закончив с отличием Калининский педагогический институт, начала работать в школе учителем химии и биологии. Непрерывный педстаж в системе образования длится с 1953 года, из которых около двенадцати лет преподавания в системе особого назначения — исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Первая публикация в центральной печати в 1966 году. И так работа педагога и писателя рядом все эти годы. И к тому еще общественная деятельность поразительна по широте и многообразию. Она стоит у истоков многих крупных начинаний: 1986 г. — учредительная конференция в Ульяновске — создание Всесоюзного фонда культуры — делегат от Тверской области. Первый праздник «День города» — автор детского блока на стадионе. 1988 г. Создается областное отделение Советского детского фонда. На учредительной конференции своими мыслями об организации творческой работы с детьми, пишет газета, делится писательница Г.Р. Лагздынь. С этого года она член правления фонда.

Для обеспечения всей работы медиков по выявлению ранних заболеваний у детей, живущих в глубинке, покупки оборудования, медикаментов, использования транспорта потребовались немалые средства. Они были получены от продажи книг Гайды Лагздынь «Тайна зеленого золота».

Идут на домашний адрес письма со стихами из городов, сел, деревень, приносят стихи, сказки, рассказы люди разных возрастов. Все волнует педагога-писателя, но больше всего — музыкальный театр и творчество пишущих детей. И один девиз: «Все дети талантливы», «Берем всех и развиваем», и еще: «Никакой оплаты!»

Спрашивают писательницу: «Как справляетесь? Устаете?» В ответ: «Совсем не отдыхаю. Мало сплю, уделяю мизер времени дочерям, зятьям, внукам. Хочу сделать много, боюсь не успеть. Не хватает времени на организацию печати своих литературных работ, хотя знаю — нужны малышам мои стихи, нужна всем познавательная литература, нужны музыкальные спектакли для детского исполнения. А я богата рукописями».

29 сентября 2009 года в «Тверской жизни» появилась статья заведующей отделом культуры этой газеты Натальи Зиминой:

«ПЛАНЕТА ДЕТСТВА В ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ»

«Мир детской литературы пополнился множеством красочных изданий, в которых приняла самое непосредственное участие известная тверская писательница Гайда Лагздынь. Многие из них не только не успели дойти до прилавков книжных магазинов, но еще и не представлены читающей публике.

В Твери в сети магазинов «Мир книг» пока можно купить только выпущенную издательством «АСТ» «полную хрестоматию для дошкольников с методическими подсказками для педагогов и родителей». Подсказки-вопросы помогут взрослым наладить контакт с детьми и максимально полезно и интересно пообщаться с ними по поводу прочитанного. А почитать здесь есть что: в двух объемистых томах собраны как хрестоматийные образцы поэзии и прозы для детей, так и произведения писателей, которых как-то не принято считать детскими, — от Жуковского и Лермонтова до Веры Инбер и Генриха Сапгира.

Безусловный «золотой запас» собран и в роскошно изданной книге «Планета детства» — стихи Гайды Лагздынь прекрасно вписались в контекст знакомых с детства сочинений Маршака, Михалкова, Успенского. «Приятно быть в компании классиков!» — призналась писательница. Правда, странное ощущение оставляет оформление книги: не менее классические, чем стихи, иллюстрации собраны из разных изданий. Они выполнены в очень разных стилях и поэтому не всегда сочетаются друг с другом. Но главным своим достижением Гайда Лагздынь считает не менее роскошное издание «Моя книга» — увесистый сборник стихов и сказок, выпущенный в рамках издательской программы правительства Москвы. Вот эта книга радует в том числе точным, стильным и очень современным оформлением, разработанным студией Артемия Лебедева.

Для самых маленьких предназначена серия из восьми (скорее всего это еще не предел) книжек-игрушек. Это загадки-прятки: сама загадка напечатана на левой половине разворота, а отгадка проявляется на правой, если аккуратно потянуть за такую специальную штучку-задвижку. Оказалось, впрочем, что и вполне взрослые дяди и тети долго не могли наиграться задвижками, да и далеко не все на первый взгляд простые загадки оказались доступны скучному взрослому уму. Любопытно, что эти сочинения читатели обнаружили в Интернете, а напечатаны книжки были ни много ни мало в далеком Китае и Таиланде.

В одном из новых изданий Гайда Лагздынь применила специфику детской сказки к такому особенному жанру, как путеводитель. В книжке «Из века в век в легендах и сказаниях» о музеях Тверской области рассказывают такие сказочные персонажи, как «музейный» (по аналогии с домовым), причем существуют они в привычном современным детям компьютерном

пространстве. Традиционный рассказ о музейных экспозициях здесь украшен множеством известных и неизвестных легенд, которые вспоминает, к примеру, шишок, — в свое время он лично общался с бывавшим в доме купцов Арефьевых царем Петром I.

Экспериментальным для Гайды Лагздынь выглядит сборник фантастики «Загадки небесного замка», выпущенный тверским издательством «Линет»: здесь писательница обращается уже не к малышам, а к подростковой аудитории. Эта книга представляет собой авторский тандем: равноправным соавтором издания стал тверской художник Андрей Юдин, дополнивший текст серией весьма точно соответствующих ему пастелей».

Благодаря своим книгам я познакомилась со многими журналистами газет, радио и телевидения. С ныне покойными Николаем Мазуриным, Иваном Жеребятьевым, Юрием Яковлевым, со здравствующими (и дай бог им здоровья!) Аксаной Романюк, Валерием Кирилловым, Владимиром Неугодовым, Лидией Гаджиевой, Валерием Буриловым, Тамарой Топчевой, Анной Зюзиной-Бутузовой, Владимиром Кузьминым, Александром Михайловым, Александром Бойниковым, Натальей Солдатовой, Евгением Клюевым, Инной Берзюк, Ольгой Невской, Александром Полосковым, Евгением Бондаревым, Ниной Кутьевой, Юлией Загорских, Олегом Зинченко, Светланой Григорьевой, Натальей Лосевой, Викторией Пырковой, Николаем Локтевым, Александром Сыровым, Светланой Калининой, Ольгой Мельниковой, Натальей Чарухчевой, Мариной Пинаевой, Ольгой Радзиевской, Алексеем и Анастасией («Тверская фабрика печати»), Ольгой Дорошенко, Алиной Колкер, Верой Егоровой... Список можно и продолжить. Если добавить имена московских и питерских, то нужен еще один лист. Журналисты и писатели (тверские, московские и питерские) подарили мне много личного времени при написании статей и и рецензий. Я благодарю Евгения Борисова, Александра Гевелинга, Леонида Нечаева, Всеволода Некрасова, Ирину Токмакову, Игоря Мазника, Виктора Лунина, Михаила Яснова, Якова Акима, Виктора Голявкина, в прошлом Сергея Баруздина, Валентина Берестова, Елену Благинину, Зинаиду Александрову и других писателей за время, проведенное за чтением моих произведений и написанием отзывов на них.

«СОЛНЕЧНАЯ ЛАСТОЧКА ИЗ ЗАТВЕРЕЧЬЯ»

Александр Сыров, «Горожанин», 04.08.2007 г.

«1 августа исполнилось 77 лет нашей известной землячке — детской писательнице Гайде Лагздынь. По случаю этой даты в

Центральной городской библиотеке имени А.И. Герцена прошла презентация книжной выставки Гайды Рейнгольдовны «Открывающая радость жизни».

Как-то незаметно официальное мероприятие вылилось в живую творческую встречу с писательницей, продолжающей вести активный образ жизни, сочинять стихи, радовать своих почитателей веселыми, словно пронизанными солнцем строками. Любимица миллионов детей (здесь нет никакого преувеличения, в писательской копилке Гайды более 80 книг, изданных общим тиражом свыше 11 миллионов экземпляров) выглядела в этот день бодрой, энергичной, жизнерадостной. В ее глазах, как волшебные бриллианты, сверкали веселые искорки. «Лучше износиться, чем заржаветь!» — этот афоризм тверская писательница избрала девизом своей жизни.

В адрес Гайды Рейнгольдовны прозвучало немало добрых, хороших слов. Ей дарили цветы, искренне желая «лучшему другу детей» творческого долголетия, новых книг, воплощения в жизнь самых смелых планов.

Елена Морозова, начальник отдела по взаимодействию с общественными организациями администрации города Твери, зачитала благодарственное письмо от главы города Олега Лебедева. В нем выражена признательность писательнице за многолетний труд на ниве воспитания детей, за верность избранному делу. Известна Гайда Рейнгольдовна и как руководитель детского музыкального театра. Примечательно, что через очищающее горнило театра прошло немало детей из трудных, неблагополучных семей.

Роскошный букет цветов преподнесла виновнице торжества главный специалист управления по культуре, спорту и делам молодежи администрации города Твери Наталья Виноградова. Модный тверской художник Владимир Васильев подарил Гайде одну из своих картин.

Владимир выразил надежду на то, что в ближайшее время он сможет принять участие в оформлении новой книги писательницы. Прозвучало немало поздравлений и от главных читателей — тверских ребятишек. Дима Дворцов спел песню на стихи Гайды о первом школьном звонке. Многие стихи поэтессы хорошо ложатся на музыку. Они красивые, простые, певучие и, главное, понятные детям.

Помимо стихов Лагздынь пишет басни, научные сказки, новеллы, рассказы, литературно-музыкальные композиции, сочиняет логопедические азбуки. Талант у этого замечательного человека щедрый. «Желтый желудь жук жует». Автор этого логопедического шедевра — Гайда Лагздынь. И такого

оригинального языкового материала для занятий с детьми она придумала немало. К слову, обучается на нем и четырехлетняя правнучка писательницы — Ульяна.

По словам Гайды Рейнгольдовны, она многое почерпнула из самобытной языковой среды родного Затверечья. Здесь прожила не один год. После окончания вуза более тридцати лет работала в школе. А первая книжка вышла в 1975 году, в издательстве «Детская литература». Сегодня имя Лагздынь известно далеко за пределами Твери. Ее книги переведены на белорусский, удмуртский, азербайджанский и венгерский языки. Стихи Гайды Рейнгольдовны печатались в сборнике «Русская поэзия» во Франции. Она лауреат и дипломант российских и международных конкурсов на лучшую поэтическую книгу для детей.

Гайда Рейнгольдовна охотно ответила на все вопросы, которые задавали ей взрослые и дети. Причем садиться не стала, общалась с почитателями своего таланта стоя.

Лагздынь. Что означает эта странная на первый взгляд фамилия? С латышского это слово переводится как «ласточка». «Так что я Ласточкина, — пошутила Гайда. — А после крещения получила имя Зоя». Отец Гайды Рейнгольдовны — латыш. Он был балтийским моряком. Мать — Феврония Бородиновская — белоруска.

«Карьеру я сделала на зайцах, — продолжала в шутливом тоне свой рассказ Гайда. — А потом меня забурундучило, хотя по знаку зодиака я Лев. Меня часто спрашивают, почему я стала детской писательницей. Такой я родилась, так устроен мозг. Мне до сих пор легко перевоплощаться в ребенка. Честно говоря, иногда и писать уже не хочется, надоело, а стихи из меня так и норовят выскочить! Беру удачную строчку и развиваю дальше мысль. Отношусь к творчеству требовательно. В принципе могла бы, как многие другие, писать на потребу дня, умножать баксы, но считаю, что литература не должна быть такой. Всю жизнь живу в мире детства. В детях и книгах вся моя жизнь и мое наследство».

Три семерки, плюс

Кажется, совсем недавно проходила презентация моих книг под названием «Три семерки». Это был 2007 год и, как пишет журналист Александр Сыров, «1 августа исполнилось 77 лет нашей известной землячке — детской писательнице Гайде Лагздынь». А на дворе уже 27 ноября 2009 года. Как быстро

пролетели 2007, 2008, заканчивается 2009-й! Для чего нужна была мне эта встреча? За эти почти два года в личной авторской библиотеке появились новые книги, число их приблизилось к сотне, а главное — добавилось много сборников и хрестоматий с моим участием. А так как авторских экземпляров издательства присылают в лучшем случае по два, а то и по одному, к тому же книги тяжелые и дорогие, зачастую их нет в продаже, а магазины дорогостоящие книги на реализацию просто не берут, я решила ознакомить родителей, воспитателей, учителей, всех, кто интересуется моим творчеством, с новыми изданиями, чтобы подсказать, где их можно приобрести по себестоимости, минуя посредников. И вот в печати статья о творческой встрече в библиотеке.

«ВЕЧЕР СКАЗОЧНОГО ТВОРЧЕСТВА»

Алина Колкер, «Вече Твери», 27.11.2009 г.

«Вчера в научном зале Горьковской библиотеки прошел творческий вечер известной детской писательницы Гайды Лагздынь. Это имя широко известно не только жителям Твери, которые, безусловно, гордятся своей талантливой землячкой, но и малышам по всем уголкам мира. Ее стихи переводились на многие языки, печатались в зарубежных и отечественных издательствах и популярных детских журналах. Несколько поколений выросло на этих добрых книгах.

Начало писательского стажа Гайды Лагздынь приходится на 1966 год, именно тогда ее стихи напечатали впервые. А первая самостоятельная книга вышла в 1975 году. И вот уже более 85 книг увидели свет. Позади уже многое: слава и признание, награды и чины. Например, «Послушный зайчонок» стал лучшей книгой Советского Союза. Звание учителя высшей категории тоже есть. Только не для этого живет эта жизнерадостная женщина. Она посвятила себя детям. Для них она пишет и дышит.

— Дети — это необъяснимо. В них все добро, которое есть в мире. Это кусочки нашей души, — говорит Гайда Рейнгольдовна.

Вчера был не просто творческий вечер, а презентация пяти книг, которые вышли в 2009 году. «Книжкина больница», «Загадки небесного замка» (иллюстратор Андрей Юдин), «Из века в век в легендах и сказаниях» (сказочно-документальный путеводитель для детей по пятнадцати музеям Твери и Тверской области), документальная повесть «Война глазами детей» и, наконец, «Моя книга» — издательская программа правительства Москвы. Это первая книга из трехтомника Г.Р. Лагздынь. В ней собраны стихи, считалочки и рассказы для маленьких книголюбов.

Наша беседа состоялась накануне презентации.

— Что ожидаете от сегодняшней встречи с читателями?

— В первую очередь преследую познавательные цели. Я же учительница (улыбается). Хочу доказать людям, что не все так плохо с детской литературой в нашей стране. Я жду понимания и немного внимания. Не знаю, что я буду говорить, все зависит от аудитории. Конечно, «рыбу» набросала, но предпочитаю импровизировать. Телевизионщики говорят, что меня записать можно только с первого дубля. Ну не умею я повторяться.

— Кого пригласили в гости?

— В гости приедут люди, которым не все равно, что происходит с литературой. Я убедила столичное издательство «Фламинго», специализирующееся на издании книг, азбук, букварей, прописей-раскрасок, сказок, передать сто томов в фонд Горьковской библиотеки. Сама за прошлый год отдала сюда 600 книг. Ведь финансирование практически нулевое. Вот пытаюсь помогать чем могу. Не знаю, откуда берутся силы на все. Чувствую себя энергичнее, чем нынешняя молодежь. Странно так получается, все умерли, а я живу. Даже неудобно как-то...

Она любит театр и своих внуков. Сравнивает себя с танком, а лучшим сказочником считает Маяковского...

Гайда Лагздынь умеет и любит работать, и сегодняшнее признание — достойная награда за ее труд. Сложный, кропотливый и ответственный труд — быть детским писателем».

В газете «Тверские ведомости» (11—17 декабря 2009 г.) публикуется статья Александра Михайловича Бойникова, который очень достойно представил книгу «Старые дневники и пожелтевшие фотографии. Из века в век в сказаниях», изданную на средства из фондов депутатов областного Законодательного Собрания и партии КПРФ,

«ПОВЕСТЬ О ТРЕВОЖНОМ ВРЕМЕНИ»

«Жанр своей книги «Старые дневники и пожелтевшие фотографии. Из века в век в сказаниях» (Тверь, 2009) замечательная российская писательница Гайда Лагздынь определила так: автобиографическая повесть для детей и подростков. Однако за этими суховатыми словами сокрыто настолько много пережитого, пропущенного через душу и память, что совершенно не замечаешь, как быстро заканчивается это 80-страничное повествование — о прошлых событиях, не завлекающих романтикой или фабульной интригой, но почему-то долго не отпускающих и после прочтения книги.

Гайда Лагздынь удивительным образом сберегла и донесла до современного читателя чистоту и легкость собственного

мировосприятия, его неотягощенность грузом минувших десятилетий. Своеобразная, милая естественность ее отношения ко всему увиденному растворена даже в самом стиле книги; именно она придала воспоминаниям писательницы, помимо фактической достоверности, не выраженную словами эмоционально-чувственную яркость и убедительность.

Каждая глава книги — это случай или ситуация, а по сути — отдельный этап познания жизни постепенно взрослеющей героиней-автором. Предвоенные повседневные заботы рядовой советской семьи, нечастые и оттого огромные ребяческие радости и первые сложные тайны тревожной действительности, одна из которых — прикосновение к существу смерти. Солнечное ощущение оптимизма и открытости бытию неожиданно обрывается трагедией: попал под молох массовых политических репрессий отец, а мать с двумя малолетними детьми как жена «врага народа» вынужденно бросает обжитый дом в Ленинграде и в лютый мороз переезжает в Калинин, где мыкается по разным неблагоустроенным углам. Да, горькая строка вписана в XX веке в книгу судеб нашей древней и славной Твери — быть 101-м километром для высылаемых из двух советских столиц.

Писательница сознательно избегает обличительного пафоса: в устах ребенка он смазал бы искренность рассказа. Сила воздействия ее книги — в проникновенном лаконизме изложения, в четкой фиксации подробностей, внешне бесстрастных, но бьющих изнутри молчаливой обидой.

«А вот и выпускной утренник. У меня на голове большой шелковый голубой бант. (...) Незнакомая тетенька раздает будущим первоклассникам подарки: портфель, букварь, пенал. В пенале — ручка с блестящим перышком, перочистка и резинка. Мне подарка нет — я дочь врага народа». Зарубинки памяти превращаются в шрамы на сердце. Пока еще на детском...

По сюжету повести нынешние школьники нашли в кипе макулатуры тетрадь в клеенчатом переплете, которая называлась «Дневник-воспоминание ученицы 7а класса Елены Галар», и ее вечерами читает дома одна из учениц. Подобные находки хоть и редко, но случаются, и поневоле задумаешься: сколько таких вот «народных мемуаров», сохранивших дух и плоть прошлых эпох в мелких, но очень значимых частностях, которые не в состоянии охватить ни фундаментальные научные исследования, ни музейные экспонаты, ушли через сдачу макулатуры в историческое небытие? Книга Гайды Лагздынь — это личное сопереживание 1930—1940-х годов — великого и трагического времени, по счастью, не утраченное.

Война не только разрушает материальные достижения и

духовную культуру народов. Она безжалостно покушается на их будущее, лишая детей детства. Автор, без нагнетания патетики, сфокусированным описанием реальности происходящего передает весь будничный ужас фашистского нашествия:

«Вот в напряженной тишине возник тяжелый густой звук. Звук приближался, нарастал. Это звук летящего бомбардировщика. Сердце начинает колотиться, сжиматься в комок... И свист. Он усиливается, переходит в вой.

— Все, — шепчет мама, прижимая нас к себе. Взрыв. Стены убежища содрогаются, сыплется песок.

— Не наша, — с облегчением слышен в темноте чей-то дрожащий голос».

Война глазами ребенка — самое волнующее место в книге. Остались ли эти воспоминания лишь еще одним свидетельством истории? Да, но они одновременно стали и грозным предупреждением — предостережением живущим сейчас, ибо уже в новом тысячелетии в разных точках Земли то и дело вспыхивают и кипят войны, беспощадные до безумия. Бывшая Югославия, Чечня, Цхинвал... «Страшно хочется есть и очень холодно» — детский приговор поджигателям любой войны. Приговор, не подлежащий обжалованию.

Детство, опаленное войной... В повести Гайды Лагздынь эта известная метафора развернута в трагически-полнокровный, тщательно зарисованный ряд событий военных лет, очевидцем или участником которых она была. Ужасающие следы войны в недавно освобожденном Калинине (запечатленные и на включенных в текст фотографиях), множество людских смертей и увечий, сломанные жизни, поиски спасительного продовольствия, отвратительные вши и вареное воронье мясо, отдающее горечью, добывание огня почти первобытным способом из-за отсутствия спичек... И вера в неистребимый дух нашего народа, борющегося за свою Родину, за победу, в его умение начинать все сначала...

Наверное, поэтому Гайда Рейнгольдовна и отдала свой творческий талант, излучающий добро и радость, самым благодарным читателям — детям, бескорыстно служа им своими книгами и по сей день. А эта ее согретая душевным теплом повесть — напоминание нынешнему и грядущим поколениям о том, о чем забывать мы не имеем права».

Несмотря на то, что в газетах (не во всех) мало места отводится вопросам культуры, большую информационную роль играют маленькие информашки, подобные этим:

«КНИЖКИ-ПОДУШКИ СТАЛИ ОТКРЫТИЕМ ГОДА»

Любовь Толина, «Тверская жизнь», март 2003 г.

«Уникальные книжки-подушки для самых маленьких известной писательницы Гайды Лагздынь, о которых впервые написала наша газета, на Неделе тверской книги были удостоены диплома «Открытие года». К слову, тверская детская писательница могла бы стать победителем и во многих других номинациях. Так, уже многие годы Гайда Лагздынь лидирует среди тверских авторов как по числу изданных книг, так и по их тиражам. Ее стихи в 2002 году также вошли в несколько престижных детских энциклопедий, а журнал «Детская литература» посвятил ее творчеству большой очерк».

«ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ «ДРОФА» И «КАРАПУЗ»

Любовь Толина, «Тверская жизнь», 07.07.2004 г.

«В питерском издательстве «Композитор» в серии «Вокруг рояля» вышла в свет книга с музыкальной пьесой, написанной в соавторстве двумя тверитянами. Текст к спектаклю «Тайна голубого источника» написала известная детская писательница Гайда Лагздынь, а музыку — композитор Юрий Штуко. Эта книга для Гайды Рейнгольдовны стала четвертой, вышедшей в российских издательствах за последний месяц. Три — «Учим стихи», «Ко-ко-ко» и «Мишка» — были изданы московским «Карапузом». А недавно наша писательница заключила договор с «Дрофой» на выпуск еще восьми книжек-малышек».

«СТОЛИЧНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПОЛЮБИЛИ ГАЙДУ ЛАГЗДЫНЬ»

«Тверская жизнь»

«В столичном издательстве «Алтей» тиражом 25 тысяч экземпляров вышли две книжки популярной детской писательницы тверитянки Гайды Лагздынь. Красочно оформленные издания малого формата с названиями «Считалки» и «Топают ножки» предназначены для малышей 3-4 лет. К сожалению, на прилавки тверских магазинов эти книжки еще не поступили, но, вполне возможно, творчество нашей писательницы станет доступным для почитателей ее таланта благодаря другому известному московскому издательству — «Дрофа». В нем готовятся к изданию несколько книг большого формата тверской поэтессы».

«ПТЕНЦЫ» ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ»

«Небольшим тиражом в областной типографии по заказу одного из частных издательств отпечатана новая книга известной детской писательницы Гайды Лагздынь. Повесть «Птенцы»

посвящена воспитанникам, педагогам, работникам Зубцовского детского дома, с которым связаны многие годы творческой и педагогической деятельности прозаика. Помимо повести в книгу вошли два новых рассказа «Незнакомка» и «Грустный медвежонок», а иллюстрировала издание художница Галина Катрук».

Но в Твери появились энциклопедические словари, библиографические справочники, хорошо оформленные, правда, нагруженные рекламными делами, за счет которых они, видимо, и рождаются.

В 1994 году мое имя включили в «Тверской энциклопедический словарь» с ошибкой в названии первой книги: не «Веселая», а «Весенняя песенка» (наверное, из-за моего веселого характера), затем в «Тверской биографический справочник», второй выпуск «Кто есть кто». А в 2006 году вышла прекрасная книга «Тверская земля. Русская Европа», где я представлена в разделе «Тверь и тверитяне». В том же, 2006 году, вошла в книгу «Заволжье — вместе навсегда». А ранее, в 2003 году, стала «открытием года» библиотеки имени М. Горького.

Отзывов о книгах и моем творчестве за эти годы получилось значительное количество. Возможно, я не упомянула кого-то из журналистов, тем более что за последнее время мало следила за печатью. Газет много, времени мало. О каждом авторе статей хотелось бы написать побольше. Все они достойны благодарности за соучастие в литературном процессе пишущих, в частности, в моем. Но кроме похвалы надо без обиды и пожурить за неточность информации, когда получается разночтение по одному факту. Иногда просто ляпсусы. Я приведу только один пример. В книге «Тверская земля. Русская Европа» я числюсь живущей в Твери с 1983 года, а фактически — с 17 января 1938-го. В другом месте — с 1980 года! Откуда берутся эти даты? А где я была 45-50 лет? Это меня очень печалит.

Кстати ...

Особенно печалит, что пишут «от балды» молодые специалисты. Погрешности в датах, в перечне событий, не говоря о стиле написания.

Этого не встретишь у маститых журналистов. Какая-то у молодых журналистов безответственная самоуверенность. Может быть плохо учили на факультете журналистики? Или «сами с усами, а усы не растут»?

Надо помнить: книга, статья — это исторический документ, «что написано пером, того не вырубишь топором».

Относительно издательств. Долго работая в литературе, я

заметила такую закономерность. Во-первых, рецензенты тогда у многих были и штатные, и наемные — одноразовые. А для издания книги нужны были обязательно две рецензии. Если рукопись включается в план — одна оценка. И тогда обращают внимание на лучшее в произведении. Если такой возможности у издательства нет, то ищут слабые места и бьют по этим недостаткам, которых порой и нет. Очень противная практика портить авторам настроение, отбивать желание писать. Я встречалась с такими фактами, когда одно и то же стихотворение для детей один писатель называл чуть ли не «золотым фондом» литературы, а другой низводил до положения с оценкой «два».

Но в целом благодарна рецензентам. Замечания я внимательно изучала, делала для себя выводы, принимая рациональное к сведению, не забывая, что я учусь писать. С тех далеких времен я даже люблю критику.

«Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает».

Без рецензионной бумажки ты букашка

В свою биографическую повесть я ввела и такую главу, где публикуются рецензии на мои произведения, иногда и мои небольшие комментарии.

Рецензия Ирины Токмаковой. «Гайда Лагздынь. «Аккуратные зайчата». Стихи».

«Стихи Гайды Лагздынь «Аккуратные зайчата» адресованы самым маленьким, двух-трехлетним, читателям-слушателям. Само по себе появление таких стихов радостно. Умение говорить с человеком этого возраста — умение особое. А кроме того, большая ответственность.

Рукопись Гайды Лагздынь в основном сложилась в книжку, она цельна, симпатична по интонации, безусловно чистой, безусловно детской. Рекомендую ее к публикации.

Однако в маленьких четырех-шестистрочных стихотворениях не должно быть ни одного неточного слова, ни одного проходного момента. Тут ведь каждая запятая на виду.

Мне думается, редактор должен еще раз внимательно пройтись по рукописи. В стихотворении «Ладушки» слово «ложки» стоит во множественном числе только для рифмы. Ложка ведь дается ребенку всего одна — в правую ручку. Поэтому стихотворение тут фальшивит. Если не найдется рифма на «ладошки», стоит изменить две последние строки.

«Тапки». Неточное слово «там». Точнее — «на них», т.е. на лапках. И, может, лучше не «промочил», а «застудил», потому что «промочить ноги» и обозначает фактически «промочить обувь». К тому же тапки ведь не галоши, они тоже промокают.

«Аккуратные зайчата». Строчка «все помыли» ничего не добавляет. Предлагаю ее снять еще и из-за неточного слова «помыли», точнее — «вымыли»

Эти небольшие замечания никак не умаляют достоинств рукописи.

К этому времени относительно стихов и правок я научилась, пусть и не так, как Эдуард Успенский (до крика в редакции), отстаивать свое мнение.

Почему Ирина Петровна Токмакова не поняла того, что многие дети находятся в детских коллективах: «Чистые ладошки. Вот вам хлеб и ложки»? А в стихотворении «Аккуратные зайчата», которое предлагала снять, то есть разрушить и название книги, слово «помыли» было бы действительно не на месте, кабы впереди не стояло слово «всё» (всё помыли).

Кстати …

Не в обиду сказано, Ирина Петровна не раз «выклевывала» из моих подборок самый «изюм», на что заведующая дошкольной редакцией Л.Я. Либет говорила:

— Возражать не будем. Стихотворение вставим в другую книгу, а рецензию попросим написать… — и называла фамилию писателя. Редактора оберегали мое творчество.

Во всесоюзной печати рецензентами чаще были писатели. Писатели очень точно чувствуют, кто есть кто. И, как правило, ревностно относятся к тем, кто появляется на литературном поле, особенно, если это их поле. Как сейчас помню, в одной из рецензий поэт Георгий Ладонщиков не удержался от высказывания: «Лагздынь много наследила на страницах детских журналов», то есть в журналах «Мурзилка» и «Веселые картинки». Позднее я еще больше «наследила» в литературе. А вот «следы» Ладонщикова встречаю очень редко. Да мне-то что! Мало ли кто ходит по планете, места всем хватит. Ленинградский прозаик Сахарной, считая тему «моря» своей, обрушился на меня, когда я затронула морскую стихию. Известно, что и Агния Львовна Барто тоже ревностно относилась к собратьям по перу. Даже взяв фамилию мужа, не впускала поэта Павла Барто в литературу. Только после ее смерти появились его стихи, да и то в одной книжке — Агния и Павел Барто.

Через много лет, когда А. Барто уже не была у власти, и не только в литературной, заведующая дошкольной редакцией Леокадия Яковлевна Либет поведала о разговоре в издательстве «Детская литература» о том, что Гайду надо скорее принимать в Союз писателей, пока «Бартиха не пронюхала». А еще Леокадия посоветовала мне подсуетиться при жизни: «Я издавала много знаменитых детских поэтов. Вы написали такое количество и такого качества стихотворений, которому позавидовала бы даже Барто. Вас откроют потом, но ведь при жизни лучше?» В современных издательствах меня пытались называть: «Вы у нас вторая Барто». На что я неизменно отвечаю: «Я ни первая, ни вторая. Я просто — Гайда Лагздынь». Когда мне стало тесно в поэтических строчках, я частично перешла на прозу. По этому поводу ответственный секретарь Тверской писательской организации Евгений Иванович Борисов как-то сказал: — Нас, прозаиков, и так хватает. Зачем вам проза? Пишите себе стихи для малышей! У вас редкий дар. И к тому же мне не нравятся ваши рассказы.

— А вы думаете, мне нравится все, что вы пишете? Борисов не обиделся. Он умный, понимающий и добрый человек. А умный всегда отличит правду от зла. Да и привык, видно, за годы руководства уметь гасить свои эмоции. Чуть подулся — и все. Но, видимо, разговор передал своей половине — Наине Хониной. Она хорошая актриса, но живет с камнями за пазухой.

Рецензия Анны Горбуновой.

«Гайда Лагздынь. «Целый день у нас работа». Стихи».

Издательство «Малыш», 15.03.1983 г.

«После вторичной доработки рукопись Гайды Лагздынь «Целый день у нас работа» приобрела большую композиционную стройность: принцип «с утра до вечера» в ней четко выдержан; композиционно цементирует рукопись и сквозной образ маленького лирического героя, как бы ведущего читателя по книге от стихотворения к стихотворению (его присутствие прослеживается от первых стихов до последнего). Поэтому теперь рукопись уже не распадается на отдельные циклы стихотворений, а воспринимается как единое литературное произведение.

Рукопись (ее третий вариант) достаточно разнообразна тематически, причем важно, что преобладают в ней стихотворения игровые, позволяющие ребенку по ходу чтения выполнять какие-либо действия, описанные в стихах: играть, танцевать, строить, рисовать, отгадывать загадки и т.п. При этом автор не оставила в стороне и элемент дидактики, то есть можно надеяться, что стихи чему-то научат ребенка и помогут

воспитателям в детском саду в их повседневной работе, сочетая развлечение и труд, растить маленьких граждан нашей страны.

На мой взгляд, книга стихов для детей «Целый день у нас работа» может получиться интересной и полезной».

Резензия на рукопись Г. Лагздынь «На дачу».

Издательство «Малыш», 1986 г.

«В двадцати восьми маленьких главках автор рассказывает о переезде группы детского сада на дачу, о первом знакомстве с ее обитателями, о жизни детей летом: играх, прогулках, разговорах...

Многие главки состоят из четырех, шести, порой девяти строк. Несмотря на предельную краткость текста, писательница успевает наделить определенными чертами характера ряд детей, показать их взаимоотношения, их восприятие окружающего мира.

Рассказ ведется от лица одной из девочек — Майи. И автор, почти всюду, действительно смотрит на мир глазами ребенка, передает его восприятие. Живые короткие сценки, диалоги — все носит правдивый характер. Это зарисовки очень наблюдательного человека, знающего и любящего детей.

В настоящее время редко появляются книги, рассказывающие о маленьких детях искренне. Еще меньше книг о жизни детей в детском саду. Тем с большим удовольствием прочитываются главки: Теленок, с. 4; Болотные сапоги, с. 7; Танькина кричалка, с. 12; Помидоры, с. 19; Головомойка, с. 20; Буквы, с. 21; Почему трава зеленая, с. 24; Про лягушонка, с. 25.

Запоминается и веселый выдумщик Димка, и рассудительный Вовка, и добрая девочка Оля — подружка Майи, и любознательная, смелая, настойчивая и добрая «маленькая Танька».

Ярко обрисован ночной сторож детского сада — дядя Женя. Его доброта, юмор, любовь к животным, умение разговаривать. Одной странички хватило автору, чтобы создать не только обаятельный образ дяди Жени, но и изобразить забавного песика Бобку и петуха Карлухана Карлухановича. Глава «Песик Бобка» — одна из самых занимательных, удавшихся автору. К сожалению, другим взрослым — воспитательнице Елене Александровне и ночной няне — тете Паше — не так повезло.

Хотелось бы, чтобы Г. Лагздынь продолжила свой рассказ о теленке, кролике, о маленьких ласточках, о семечках, посеянных на особой грядке. Рассказала бы о том, как начала взлетать ворона Глафира. Ведь вначале она лишь ковыляла по участку. Подружилась ли Глафира с другими воронами?

Безусловно, имеет полное право на издание и данная рукопись. Но, судя по этим страничкам, у автора есть и еще много

интересных наблюдений, и пером она хорошо владеет. Детям так нужна повесть о них самих, которую полюбят, которая заставит их о многом подумать. Например, об участи маленького лягушонка.

Г. Лагздынь хватает нескольких реплик для того, чтобы читатель увидел живой образ, эпизод...»

И на ту же самую рукопись рецензия другого литератора — Игоря Мазнина (июль 1986 г.).

Рецензия «Лето, лето, всюду лето»

Издательство «Малыш», 1986 г.

«Название рукописи Гайды Лагздынь «Лето, лето, всюду лето!» лишь на первый взгляд кажется чисто «природным», «пейзажным». По мере чтения собранных под этим названием рассказов для маленьких о маленьких начинаешь понимать, что за ним «скрывается» самое первоначальное, самое детское отношение к лету как к той поре года, к тому его времени, которое есть не что иное, как всегда — радость, тайны, игры, открытие мира. А мир летом действительно открывается детям и широко, и щедро, во всем своем — доступном для них — многообразии, хотя с точки зрения взрослого человека все это многообразие сводится в общем и целом к вещам, явлениям и предметам самым что ни на есть элементарным, обиходным, повседневным: дождь, ветер, вода, солнце. Грибы, ягоды. Мир растений, животных, птиц... Но ведь именно в этой «обиходности» и заключено очарование. Недаром один из крупнейших наших поэтов сказал: «Нагнись, поэзия, в траве...»

Целью повествования Гайды Лагздынь, как мне думается, и было открытие этой поэзии. Причем открытие ее устами и глазами самого — весьма маленького по возрасту — ребенка, что, как мы знаем, весьма трудно, но что в лучших рассказах рецензируемой рукописи автору удалось.

Произведения рецензируемой рукописи смотрелись бы еще более выгодно и были бы еще привлекательнее, если бы в некоторых из них для передачи речи детей Гайда Лагздынь не прибегала к подражанию ей, не отражала бы некоторую ее «нескладицу», а везде и всюду стремилась сделать свое повествование органически, внутренне детским, естественным и по своему языку и стилю, и по всем своим интонациям».

«Отзыв на литературные произведения Гайды Лагздынь»

***Марк Ильин**, член-корреспондент МАИ, начальник архивного отдела администрации Тверской области.*

«Изданные и неопубликованные произведения Г. Лагздынь, написанные ею в последнее десятилетие, представляют большой

интерес и для юного, и для взрослого читателя. Дети через ее стихи постигают мир простых и сложных вещей и понятий, познают действительность через кристалл чистой поэзии и учатся понимать и любить прекрасное в человеке и природе. Взрослым стихи Г. Лагздынь возвращают способность воспринимать мир с детской непосредственностью, незамутненной предрассудками и самомнением. Так может писать только очень талантливый и искренний поэт.

Современная русская литература и в том числе тверская областная литература чрезвычайно бедны детскими писателями и поэтами. Они насчитываются единицами. Для детей писать трудно, нужно иметь особый дар. Мне, воспитанному в детстве на великолепной детской литературе от сказок Андерсена, произведений Аксакова («Детство Багрова-внука») до стихов К. Чуковского, Маршака и Агнии Барто, искренне жаль нынешних детей, которые обделены многим, да еще и детской поэзией. В Твери для детей писали С. Дрожжин, позднее П. Дудочкин. Но все это в прошлом. А в настоящем мы имеем прекрасного детского поэта Г. Лагздынь, заслужившую всеобщую любовь детей, но не заслужившую внимания тверских издательств и писательского союза, которые просто обязаны заняться детской литературой и в первую очередь издать новые стихи Г. Лагздынь, переиздать наиболее популярные из опубликованных ее произведений.

Все это продумано и прочувствовано в общении с внуками и при чтении работ писательницы».

«О книгах Гайды Рейнгольдовны Лагздынь»

Детский писатель ***Виктор Голявкин*** *(г. Ленинград)*

«Собрались в кружок подружки», М., Детлит, 1982

«Тепики-тепики», М., Малыш, 1983

«Нам светит солнце ласково», М., Детлит, 1986

«Всюду лето», М., Малыш, 1988

«Аккуратные зайчата», М., Детлит, 1989

«Тайна зеленого золота», М., Московский рабочий, 1990

«Гайда Рейнгольдовна обучала в школе детей, растила своих дочерей и в процессе своей созидательной работы безошибочно поняла, как всегда не хватает детских книг. Даже если их много — нужно еще больше; но сколько бы ни было, никогда не может быть слишком много и всегда не хватает. Наверное, это была та мудрость, которая дается опытом непосредственной работы с детьми.

Деятельная натура не может терпеть недостатка. И ко времени своих внуков Г. Лагздынь уже издала целую библиотеку своих собственных книг для самых маленьких и чуть постарше.

Самые маленькие, конечно, не все умеют читать, но зато в эту пору ИМ НАДО читать беспрерывно. Нужда в теплых, ласковых, музыкальных словах, фразах — безгранична.

Вступив на новую, неизведанную дотоле стезю, Г. Лагздынь постигла еще одну мудрость — для верности опереться на фольклор. На крепком фундаменте традиционного народного творчества ей надо было написать новые стихи, баиньки, приговорки, поговорки, считалки, кричалки — жанр настолько короткий, что каждое слово на виду, на слуху. Среди них наверняка есть безукоризненные:

ДЕНЬ
Пришел денек,
Сел на пенек,
День сидел,
День глядел,
На ель залез,
Ушел за лес.

Поскольку читатель так уж мал, то можно каждую строчку вдобавок сопровождать устным рассказом. Для того и написано. В ее произведениях обыграно все, что нужно в первую очередь знать человеку: зима, весна, лето и осень; утро, день, вечер, ночь; метель, дождь и ведро, и что впервые видит глаз. Про то, как НАДО поступать, тоже есть строки безупречные:

Пять веселых лягушат
По делам своим спешат.
Пока мокро, пока лужно,
До реки добраться нужно.
Если встретишь лягушат,
Не мешай: они спешат!

Ну разве не наука? Настоящая материнская педагогика!

Ее герои растут от книги к книге. Вот они уже многое делают сами: моются, одеваются, узнают на улице деревья, животных, идут в детский сад, учатся дружить между собой в группе, в коллективе — все больше с воспитательницами да с работниками детсада, а не с мамой, папой, бабушкой. Писательница учит их глубже постигать, ощупывать обычную повседневную реальность. Она не считает, что эта реальность прозаична, а будничность однообразна, не считает, что от нее надо поскорее оторвать душу ребенка и унести в облака отвлеченных сказочных образов. Автор на собственном опыте знает: как следует познать окружающие бытовые предметы, дела, подробности — большой, важный, тщательный и обязательный труд, справиться с ним надо прежде, чем маленький человек догадается, что от трудного дела можно мысленно отвлечься и приятно витать в облаках фантазий.

Деловая целенаправленность — основная черта творчества писательницы. Но ведь и поэтичность не исключена:

Покрыта бисером трава,
Мышонок спит на кочке.
Роняют сонные слова
В березняке листочки.

В рассказе «Совенок» густота житейских подробностей, переданная через восприятие целого коллектива — в форме «мы» — естественно, кстати, как откровение вылилось в неожиданную ОТКРЫТУЮ концовку.

И хочется заглянуть за концовку этого живого, подвижного рассказа: как развиваются напряженные события дальше?

Как хорошо бывает в рассказе ВОВРЕМЯ остановиться, открытая концовка возбуждает большие переживания, чем весь предыдущий рассказ.

В книге «Тайна зеленого золота» автор ставит задачу обучать детей ДЕЛОВОМУ подходу к явлениям природы. Главные герои повествований: ель, сосна, осина, береза, тропическая гевея. Прекрасные сами по себе деревья используются людьми для изготовления бумаги, тканей, резиновых изделий и т.д. Лесные и луговые травы, грибы, ягоды — лакомство и лекарство. Автору удалось слить научно-техническую информацию с увлекательным сюжетом.

Рядом с деловой прозой автор помещает вполне художественные, вполне оригинальные по мысли рассказы о животных, растениях. В основу положены наблюденные или пережитые случаи. На душу ложится теплая авторская интонация, искренность, безыскусность рассказа. Иной раз прием очеловечивания животного срабатывает столь эмоционально, естественно, без нажима, что рад за автора от всей души. («Про муравья»): «Упираясь задними лапками, идя спиной вперед, упрямо тащил комочек соли. Сколько упорства! Мне стало жалко муравья... Я разломила комочек и самый маленький положил перед муравьем. Он обрадовался, схватил и побежал, прижав к груди так, как бегают маленькие ребята с мячом».

И опять же концовки завершают рассказ, но не прекращают происшествие.

Задачу, поставленную перед собой, автор успешно решает.

Конечно же, самое главное, во имя чего пишутся эти строки, — заметить, отметить, подчеркнуть качества, которые есть в книгах.

Но если бы наши книги обходились без недостатков!..

Последнее время берет верх мнение, будто настоящая литература не должна ставить себе целей, учить и воспитывать

— должна быть как можно более бескорыстной.

Но на деле в бурном потоке детской литературы цветные книжки «с педагогическим уклоном» создают свою необходимую и светлую струю. Книги Г. Лагздынь это подтверждают».

«О книге и ее авторе. «Тайна зеленого золота»

Писательница Анна Масс (г. Москва).

«Дорогие ребята!

Вы держите в руках книгу, полную необыкновенных историй, сказок, тайн и приключений. Написала ее Гайда Лагздынь. Она живет в городе Калинине на реке Волге и уже много лет пишет для вас книжки — толстые и тонкие. Но такая большая книга у нее вышла в первый раз. Это самая главная ее книга, потому что в ней собрано для вас все самое интересное, что написала Гайда Лагздынь за многие годы своей жизни.

А как писатели догадываются, что для вас самое интересное?

Очень просто. Для этого нужно хорошо помнить собственное детство.

Писатели, когда были маленькие, тоже читали книжки. Некоторые книжки им очень нравились, а некоторые не очень. И у каждого были свои любимые книжки.

И вот, став взрослыми и задумывая новую книжку, писатель всегда спрашивает себя: а если бы я был маленьким, мне понравилось бы то, о чем я пишу? Мне это было бы интересно читать?

Так и Гайда Лагздынь. Она пишет о том, что ей самой интересно.

Она, еще до того, как стала писательницей, много лет преподавала химию в школе. И очень хорошо знает и любит эту науку. А вы заметили, что если что-нибудь хорошо знаешь и любишь, то хочется об этом рассказать другим? Чтобы и другие тоже об этом узнали и это полюбили.

Вот Гайда Лагздынь и рассказывает. О том, как был открыт каучук. И что это такое — каучук. О том, как бабочка — тутовая шелкопрядница — научила людей производству искусственного шелка. О том, как обыкновенная речная песчинка превратилась с помощью науки химии в красивый наконечник для новогодней елки.

И о многом, многом другом.

Но как рассказывает?

Разве обыкновенная речная песчинка может носить звучное имя Силикона? Разве обеденный стол, чемодан, бумага умеют разговаривать, да еще и открывать друг другу тайны своего происхождения?

Умеют. В сказках.

Значит, это сказки?

И да и нет.

В сказках, когда открывают тайну, семь пар железных башмаков изнашивают, в подземелье спускаются, в горячую и холодную воду залезают.

В жизни, чтобы разгадать тайну, тоже сил надо много, знаний, труда, наблюдательности. А если о тайне рассказывает писатель, то тут и художественный талант нужен, и воображение, и фантазия. Если все это есть, то оказывается, что простая авторучка или шелковая нитка могут стать героями захватывающе-интересных рассказов.

Конечно, в книге есть и живые герои — мальчики и девочки, собаки и кошки, чайки и утки. И все они — и даже обыкновенный червяк или лягушонок — оказываются существами не такими уж обыкновенными — если их увидеть внимательными глазами, понять их и полюбить.

Кого полюбить? Червяка? Лягушку?

А почему бы и нет? И червяк, и лягушка, и паук, и крохотное хищное растение росянка — такие же обитатели нашей Земли, как и мы с вами. И даже по-своему мудрые и красивые. Относиться к ним пренебрежительно, свысока, могут только глупые и злые. А Гайда Лагздынь — писательница умная и добрая. Она умеет так все увидеть и описать, как будто у нее есть волшебные очки, и она в них видит то, что другие, невнимательные люди, не видят. И те, кто прочитает ее рассказы, — уж не пройдут мимо финиковой косточки, сосновой шишки, муравья, бегущего по дорожке. Потому что будут кое-что знать о них такое, о чем раньше и не подозревали. Будто писательница им подарила свои волшебные очки.

В общем, ребята, вам предстоит долгое и очень увлекательное путешествие по страницам этой книги. Вы только не торопитесь. Прочтите ее внимательно. И вот увидите, вы будете гораздо бережнее относиться к тому, что нас всех окружает. Будь это создание рук человека или самой природы. Это все равно: ведь природа и человек — неделимы. Человек — это создание природы. Недаром есть такое выражение: природа-мать. И тот, кто обижает природу, губит ее — тот сам себя обижает и губит.

Вот какие мысли у меня возникли, когда я прочитала эту книгу.

А какие мысли возникнут у вас?»

Редакторская рецензия на рукопись Г. Лагздынь **«Тайна зеленого золота».**

Бутузова А.С. (г. Калинин, 24.12.1986 г.).

«Рукопись Г. Лагздынь «Тайна зеленого золота» имеет прямой читательский адрес (дети младшего школьного возраста) и конкретную идейно-художественную задачу: путем увлекательного рассказа о сложных явлениях современного научно-технического преобразования общества, познания природы и ее тайн приобщить детей к реальному пониманию окружающего их мира, общественных отношений, моральных человеческих ценностей, воспитанию чувств. В период действенного осуществления реформы школы, задач социально-экономического ускорения нашего общества появление таких произведений для детей можно считать социальным заказом.

Эти моменты определяют отбор автором явлений и персонажей, язык и стиль повествования. Сказки, рассказы, стихи, включенные в рукопись, единые по замыслу: дать маленькому читателю как можно больше информации о труде и профессиях взрослых, явлениях природы и их использовании человеком, понять суть всех этих явлений. Познавательная ценность предложенной рукописи несомненна, особенно в плане профориентации подрастающего поколения. Маленький читатель узнает, что знакомые с детства окружающие его вещи и предметы — стол, шкаф, плащ, галоши, обыкновенная спичка и т.п. не сразу стали такими, как он их увидел. Чтобы в доме появился обеденный стол, очень многим людям пришлось потрудиться: вырастить деревья, спилить их, ошкурить, привезти на фабрику, превратить бревна в доски, покрыть их лаком, по чертежам изготовить стол и т.д. А как непросто изготовить самый обыкновенный лист белой бумаги, на которой можно рисовать, писать письма, стихи, сказки!

В рукописи умело сочетаются современные научно-технические сведения о предметах и явлениях с лирической интонацией, занимательным сюжетом, поэтикой повествования.

Как и в жизни, юные герои произведений Г. Лагздынь узнают обо всем их интересующем от взрослых — своих настоящих друзей и сообщников на пути познания. Поэтому в повествование включены и бабушки, и дедушки, и дяди, и тети, представляющие и объясняющие мир взрослых, вводящие в этот мир юного читателя.

Читатель с интересом узнает из книги о повадках животных, их отношениях с людьми, о пользе трав, деревьев и земли. Он познает и высокие нравственные категории: добро и зло («Черепаха», «Меховая рукавичка», «Сказ о двух сестрицах» и др.), он познает радость торжества справедливости, борьбы за нее.

Автору предстоит тщательная работа над языком отдельных рассказов (особенно в рассказах на производственные темы, то есть в так называемой деловой прозе), выравниванием стиля повествования (ведь автор один, а авторские интонации порой

неоправданно — в ущерб рукописи! — «перепрыгивают» от разговорно-бытовых до поэтично-сказовых). С точки зрения неоправданного смешения стилевых пластов следует просмотреть и отдельные фразы, слова и словосочетания, сравнения и ассоциации. Рукопись выиграет от более ограниченного употребления слов уменьшительно-ласкательной формы.

Безусловно, детское восприятие мира, отображение его всегда неожиданны (что тонко подмечает автор), но как бы ни были они необычными по форме выражения и столкновения привычных взрослым слов и понятий, они всегда логичны и реальны. В некоторых же произведениях рукописи автору — ведущему повествование от лица ребенка — изменяет это чувство, отчего появляются несколько надуманные выражения эмоций, сомнительные в своей реальности сравнения.

Но, пожалуй, самым сложным для рукописи такого рода является поиск ее композиционного решения. Эта сложность объясняется прежде всего тем, что в рукописи представлены в тесной взаимосвязи и проза, и стихи. Следует отметить, что органическое сочетание этих видов творчества в одной книге характерно для произведений Г. Лагздынь, и читатель воспринимает этот творческий синтез самовыражения автора положительно. Недавно в издательстве «Детская литература» вышла еще одна книга Г. Лагздынь «Нам светит солнце ласково», где автор также успешно (по отзывам критики) реализовала органическое взаимопроникновение прозы и поэзии в раскрытии темы. В предложенной рукописи стихи и проза также взаимосвязаны, одно дополняет другое, способствует более глубокому и полному раскрытию темы, увлекательному стилю повествования. Но пока из-за нечеткого композиционного решения всей рукописи, расположения разделов и отдельных произведений полного органического взаимопроникновения не достигнуто (см. стихотворение «Старушка-лесовушка» в рассказе Бумаги). Кроме того, стихотворные тексты «Старушка-лесовушка» и «Старичок-лесовичок», по-видимому, из-за однообразия заголовков словно повторяют друг друга, хотя на самом деле несут каждый разную познавательную информацию, по форме и содержанию представляют собой каждый оригинальное произведение. Автору следует подумать над заголовками этих стихотворений, последовательностью подачи разделов книги (их четыре в рукописи) и произведений внутри разделов.

После доработки рукописи по данным направлениям ее можно рекомендовать в план отделения, в серию изданий «Мальчишкам и девчонкам».

Рецензия на часть рукописи Г. Лагздынь ***«Обыкновенные и необыкновенные истории».***

Анна Масс (член СП СССР, 06.11.1987 г.).

«Книга была напечатана в издательстве «Московский рабочий» под названием «Тайна зеленого золота».

Необычное, даже, казалось бы, несовместимое смешение стилей, тем и жанров. Встретились два чемодана, и один рассказывает другому о производстве кожзаменителя. Вот приключенческая, но одновременно и научно-популярная повесть о том, как был изобретен искусственный каучук. А дальше — стихи, сказки, короткие рассказы...

Но эта несовместимость кажущаяся, потому что едина идея всей рукописи в целом. А идея заключается в том, чтобы раскрыть юному читателю душу вещей — бумаги и дерева, чемодана и елочной игрушки, резинового мяча и спички — всего того, что принято называть неодушевленными предметами. Это очень трудно — в доступной форме, с учетом возраста читателя, увлекательно рассказать о таких сложных вещах, как производство бумаги или химволокна, что дает древесина, и многом другом. Тут важно найти прием, а вернее — приемы, не ограничиваясь каким-нибудь одним. Отсюда и смешение жанров.

Основной, используемый автором, прием достаточно традиционен для детских, да и для взрослых, сказочно-философских жанров литературы («Синяя птица» Метерлинка и др.) — прием одушевления вещей, самых обычных, которыми мы пользуемся постоянно, забыв о том, что за каждой из них — увлекательная история их происхождения и открытия. Автор рассказал нам эти истории с той высокого качества научной и художественной достоверностью, которая говорит, во-первых, о глубоких профессиональных знаниях, а во-вторых, о понимании им детского восприятия, куда более образного, чем у взрослого человека. Автор умеет разговаривать с детьми, не присаживаясь перед ними на корточки, не подсюсюкивая, а уважительно, даже строго, иной раз суховато, но на лучших страницах — завораживающе-интересно.

В рукописи действуют самые разные «герои» — от пластмассового мышонка до таких мощных природных явлений, как газ или каменный уголь. Истории о том, как газ пришел к людям, как песчинка Силикона попала после долгих приключений на фабрику игрушек и превратилась в блестящий наконечник для елки, или о том, как бабочка Тутовая Шелкопрядница научила людей производству искусственного шелка — талантливы, зримы, образны, не говоря уже об их познавательности.

Интересен, хотя, быть может, излишне информативен и от этого суховат, рассказ о производстве бумаги («Рассказ бумаги»),

но зато вслед за ним, как веселая переменка после трудного урока — поэтическая, прозрачно-ясная сказка «Грибной старичок», с живым эхом, с симпатичным лесовиком, разворачивающим перед нами карту грибного и ягодного леса, с говорящей сорокой — а ведь и тут, если вдуматься, масса информации, всевозможных названий грибов, ягод, трав, их свойств, но поданная легко, поэтично, информация эта ложится в память ненасильственно, что называется, «запросто».

Там, где автор использует любую условную форму — сказки, фантастику, там, где есть элемент игры, там, где вещи наделены характерами, — получается и увлекательно, и доходчиво. В такую форму удобно, без трения, ложится любая информация, даже достаточно сложная. Прелестна в этом смысле повесть «Один день кота Антона» — о Прошке и Сеньке, двух забавных «ушанах-ушастиках», то ли мышат, то ли чертиков, то ли домовых — неважно, а важно то, что юмор, образное видение в сочетании с профессиональным знанием химических процессов дали в результате интересный и познавательный рассказ о целлюлозном комбинате. Сюжет незамысловат: Прошка и Сенька, спасаясь от кота, оказались на целлюлозном комбинате. Их глазами мы наблюдаем за всеми процессами — и движущуюся дорожку конвейера, на которую складывают еловую целлюлозу, и аппарат, где целлюлозу «шинковали на тонкие дольки, как капусту перед рассолом». Вместе с Сенькой и Прошкой мы оказываемся в ванне, где промывают бобины с вискозными нитками, и в перемоточном цехе, где после промывки и просушки вискозные нити перематывались с маленьких бобин на большие.

«Чистые и веселые, ушаны сновали между перемотчицами, крутили хвостами и озорничали. По белой шелковой нитке так здорово было скользить и подниматься с одной бобины на другую. Надо было только успевать вовремя подбирать хвосты, чтобы их не намотало вместе с шелком».

Безусловная удача и повесть «История каучуковой капельки», охватывающая громадный отрезок времени — от путешествия Колумба до наших дней. История каучукового дерева Гевеи, история о том, как постепенно, в течение столетий входила резина в быт европейцев, о том, как была изобретена искусственная резина — и вот что замечательно: подробное описание технологического процесса подготовления резины тут читается с неменьшим увлечением, чем описание путешествий, фантастических снов и прочих всевозможных приключений, которыми полна повесть. Дело, очевидно, в том, что найдены формы, соблюдены пропорции, и тем хорошо проявлен литературный вкус.

Сказка о лесе, о лекарственных травах («Старушка-

лесовушка») — очень хороша. Тут настоящая поэзия, раскованность и непринужденность, легкость и гибкость стихотворных ритмов. И как легко благодаря этому входят в сознание, казалось бы, чисто познавательные сведения о цветах и травах. Хочется назвать эту вещицу маленькой поэтической энциклопедией лекарственных растений.

Интересна часть рукописи, озаглавленная «Димкины рассказы». Крохотные сценки-наблюдения мальчика, внимательного натуралиста, любителя всего живого. И тут очень проявился авторский взгляд — добрый и созидающий, мягкий юмор, наблюдательность, умение выделить главную деталь. Наиболее в этом отношении удались рассказы об упрямом труженике-муравье, о лягушонке, «зеленом пузырьке», о хищной росянке, о «карлике водоемов» — ряске.

Хороши сказки — о курочке-кудахточке, о временах года. Вообще вторая половина рукописи, по моему мнению, больше удалась автору, в ней проявилось то лучшее, что есть в авторской манере — достоверность, облеченная в образную, ясную, поэтическую форму.

Рукопись заканчивается лирическим стихотворением, которое называется «Добрый день». В этом названии, как и в самом стихотворении, заключена ненавязчивая символика. В рукописи нигде специально не говорится о доброте, но доброта пронизывает ее страницы. Это строгая доброта авторской улыбки, авторского отношения к миру.

Выполнена благородная и актуальная задача: рассказано о тайнах природы, о ее силе и бессилии перед разумом человека. Рассказано умно, профессионально и — в лучших вещах — глубоко художественно. Высказанные же мною замечания касаются только формы и потому при доработке (если автор согласится со мной) легко устранимы. Остается пожелать, чтобы рукопись стала книгой и — в столь же талантливом художественном оформлении — пришла к юному читателю».

P. S. От автора...

Рукопись превратилась в книгу, которая была издана в 1990 году. К сожалению, стихи из нее пришлось изъять, и опять все из-за моего характера, так как я решила оставить «голодающим кусок». Пожалела. Есть такая поговорка: «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву». Святая наивность! Надо было «с волками жить, по-волчьи выть». Моя рукопись занимала 20 печатных листов, то есть столько, сколько отводилось издательством «Московский рабочий» на все писательское отделение в год. И я решила сократить рукопись на 8 печатных листов, чтобы кто-то

еще смог что-то опубликовать. А печатались одни и те же товарищи. Чуть-чуть подработают, добавят — вот вам и новая книжка стихов. Чего после драки кулаками махать! Умная мысля приходит опосля. Век живи, век учись, а все равно дураком помрешь. Видно, на тверской земле не в коня мне был корм. И стала я в Москве «чай пить и книжки рубить», до Твери только щепки летели, а в Москве звания давали, как там хотели!

По мере появления в печати моих книг московские писатели стали присылать свои книги. Особенно активен был Игорь Мазнин. Книги его мне в целом нравились, но не все стихи. Он, видимо, рассчитывал на ответные рецензии, статьи в печати. Московские писатели чувствовали, что я могу это делать. Но мне было просто некогда. Я работала в школе, всегда имела полторы ставки, а потом работа в зоне, пропаганда литературы от общества книголюбов и нашего СП. Проявил интерес к моему творчеству и Сергей Баруздин. Маленькие, затем большие заметочки о моем творчестве стали меня волновать. И тут возникла переписка. Многие письма потеряны. Тогда я не думала, что мы — исторические литературные личности. В своей автобиографической повести я публикую одно мое письмо Сергею Баруздину и одно его. Лично мы с ним так ни разу и не встретились.

Сергей Баруздин — Гайде Лагздынь

23 февраля 1987 г., Переделкино

Милая Гайда Рейнгольдовна!

Все же перед отлетом в Лондон, куда я отбываю завтра, я успел завершить заметки о Вас. Посылаю Вам копию.

Не сердитесь, ради бога, что не только похвалил, но и поругал Вас. Иначе я не умею.

Всего Вам самого-самого доброго!

Искренне Ваш Сергей Баруздин

Сергей Баруздин. «О книгах Гайды Лагздынь»

«Аккуратные зайчата». Стихи. Для дошкольного возраста. Тираж 300 тыс. экз., издательство «Детская литература», 1984.

«Целый день у нас работа». Стихи. Для дошкольного возраста. Тираж 150 тыс. экз., издательство «Малыш», 1985.

«Нам светит солнце ласково». Рассказы и стихи. Для дошкольного возраста. Тираж 300 тыс. экз., издательство «Детская литература», 1986.

«У автора этих книг Гайды Лагздынь любопытная судьба.

Латышка по отцу (он в прошлом балтийский моряк, рабочий,

участник революции), она родилась в Ленинграде. Еще до войны переехала в Калинин. Окончила государственный педагогический институт. Более тридцати лет преподавала в школе химию и биологию. Писать начала рано и, естественно, на русском языке.

Скажу сразу: лучшие стихи и рассказы ее очень русские — по языку, по духу, по близости к истокам чисто русского народного творчества.

Книжки для малышей не залеживаются у нас на полках магазинов. Их вечно не хватает. Судя по тиражам книг Гайды Лагздынь, у них большой читатель. Дети, родители, воспитатели детских садов.

К названным трем я могу добавить другие книги этого автора: «Весенняя песенка», «Во дворец влетел птенец», «Играю я», «Собрались в кружок подружки», «Тепики-тепики».

Но кто, где и когда сказал бы хоть одно слово о них?

Хороши они или плохи?

Надо было их издавать, да еще такими большими тиражами, или не надо, или, может, тираж их наоборот мал?

Ни слова.

Никто, нигде и никогда.

Даже в специальном, уважаемом журнале «Детская литература».

Увы, еще один печальный пример невнимания к литературе для детей.

А, между тем, поговорить о книгах Гайды Лагздынь стоит.

Это полезно и для автора, и для издателей, и для самой литературы.

Гайде Лагздынь свойственна афористичность, краткость, емкость поэтической строки, игра словом, неожиданность концовки:

Петушок, петушок,
Подари мне гребешок.
Ну, пожалуйста, прошу!
Я кудряшки расчешу.
(«Петушок»)

Или вот такие строчки:
Полосатые мурлышки
Водят носиком по книжке:
— Почему не пахнут мышки,
Нарисованные в книжке?
(«Полосатые мурлышки»)

Но в названной книге это исключение.

Даже отдельные удачные строчки, маленькие поэтические «изюминки» теряются в потоке невыразительного стихоплетства.

В книге «Нам светит солнце ласково» (признаюсь, не очень нравится мне это название) наряду со стихами Гайды Лагздынь появилась и ее проза.

Если говорить о стихах, то самое лучшее среди них «Ночной ветерок»:

Знаю, теплый ветерок
К нам летел на огонек!
Поскрипел оконной рамой,
Тихо форточку толкнул,
Поиграл моей панамой,
Под панамой и уснул.
Спал он тихо,
Спал спокойно,
Не вертелся, не мешал.
Сел потом на подоконник,
Чуть бумагой пошуршал,
Покрутил в углу вертушкой
И улегся за подушкой.
А меня он не заметил.
Ты устал, наверно, ветер?

Остальные («Прыг-скок», «Земляника», «Что растет?», «Встреча», «Красавка», «Светлячки») слабее: традиционнее, назидательнее, примитивнее.

Теперь о прозе.

Маленькие рассказы несут в себе тепло, доброе отношение к людям, вещам и явлениям природы. Удивительно тонок и чуток к душе маленького человека рассказ «Ночью мне страшно». Проникновенны и трогательны рассказы «Ежик», «В дремучем лесу», «Козленок», «Переполох», «Совенок», «Согласна».

В этих рассказах все точно, «ничего не придумано»: ни мысли, ни...»

От автора...

К сожалению, конец статьи утерян по неизвестной мне причине. Сожалею. А вот мой ответ на это письмо сохранился.

Гайда Лагздынь — Сергею Баруздину

1 марта 1987 года

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Я всегда благодарна своим рецензентам за помощь, любую критику принимаю, стараюсь пересмотреть свое творчество, делаю для себя выводы, зная свою слабую литературную

подготовку. Но зато никто никогда не обвинял меня в подражании. И вот накладка.

Действительно, «Потягушечки» Е.А. Благининой, моей крестной матери. Я их не знала, изобрела «велосипед», но зато чей? Но прожитые годы в литературе стали формировать меня, тем более что на одно и то же стихотворение было порой два-три разных суждения, особенно если оно выбивалось из ряда, не причесывалось. Сочинять (уточняю) я начала, когда сама ходила в детский сад, потом в школе, в младших классах, чуть — в институте, а потом пятнадцать лет не думала о сочинительстве. «Прорвало» позднее, когда попала с астмой в Крым, расширились мои горизонты. «Варилась в собственном соку», ибо в нашей писательской организации никто для детей не писал и не пишет. Мечтала прибиться к «московской стае», но... Работа в школе, семья, оставалась только ночь на сон и литературу. Результат: три операции, истощение нервной системы. Но я благодарна детской литературе за все. Как порой она уводила меня от грусти, от трудностей, от беды. Сейчас я не мыслю себя вне ее. Путь к напечатанию жесток был, труден. Да и сейчас в детский журнал не войдешь. Место? Площадь? А для «крохотушек» и всегда не было сантиметра квадратного. Мне везло, меня рецензировали Эмма Мошковская, Валентин Берестов, Эмилия Котляр, Елена Благинина, Всеволод Некрасов. Но почему-то не везло моим редакторам. Мой злой рок? Потом я поняла: у меня были хорошие, бескорыстные, любящие свое дело люди, идущие не всегда на поводу. Но они уходили, умирали, были биты.

О критике. Обо мне пытались писать. Журнал «Детская литература» (№11, 1978 г.), М. Борисова «Два лукошка со стихами»; о сборнике Д/л «Между летом и зимой»; Вы упоминали в №1 (1981 г.) о книге «Тепики-тепики» положительно. Был проявлен интерес к моему творчеству: Илья Абель, Игорь Мазнин спрашивали обо мне в двух издательствах, подготовили рецензии, как мне сказали, но их статьи не появились. Я всегда удивлялась: нас, пишущих для маленьких, так мало, а не замечают. Наверное, я «грешница»? «Хоть бы поругали», — думала я вслух. Но сейчас, когда вышло девять книг? Пожалуй, это меня спасло. Практика какая-то? Может быть, сейчас что-то изменилось? После поругания навряд ли издательство напечатает! На отчетно-выборном писательском собрании, более трех лет назад, я говорила, что наши «родные журналы и газеты»: «Детская литература», «Литературная газета», «Литературная Россия» совсем мало уделяют внимания пишущим для детей, а точнее — для самых маленьких. Мы — «малыши» — вне закона, о нас вообще не говорят, не пишут в плохом или хорошем освещении,

разве что перед писательскими съездами вдруг вспоминают, и опять ти-ши-на.

За эти годы я многому научилась. Чувствую ребенка, каждый его месяц, а не только возрастной год. Меня немного удивило Ваше выражение: «От чего, думаю, ей (то есть мне — автору) надо прежде всего освободиться? От умиления перед ребенком, от сюсюканья с ним, от приседания перед ним на корточки». А в рецензии «Детской литературы» на «Послушного зайчонка» (Вы прислали) вы пишете: «Очень важно, по-моему, и то, что автор разговаривает с маленьким читателем на равных, не подстраиваясь под него, не приседая перед ним на колени». Значит, я уже исправилась? Значит, уже не нужно об этом писать в рецензии сейчас? Так я поняла, Сергей Алексеевич? Вы пишете, что «я давно знаю стихи Г. Лагздынь для детей и высоко ценю их». Спасибо. Я Вам очень благодарна.

Последнее время меня очень волнуют два направления. Во-первых, воспитание ребенка в коллективе. От этого мы никуда не денемся. Ясли, сад, продленка. Время. Во-вторых, дети села. Это мои сейчас ведущие темы. Что написано для коллективного ребенка, живущего (работающего) в детском саду весь день, а то и всю неделю? Мало книг. «Наш сад», «Летовой», издательство «Малыш». Это история. А что еще? Сейчас главное: разложили и детей по годам, и классиков русской литературы: сюда Фета, туда Некрасова, Блока и т.д. Это очень хорошо. Но современному ребенку нужна и современная литература о его жизни, для детского сада. Мы живем в век комплексных бригад, освоения смежных профессий, в ранней профориентации, в век смешения жанров в художественной литературе. Наверное, и в детской?

Наряду с поэтическими стихами (кстати, издательства очень мало берут стихов о природе) современные поэты совсем не пишут стихи к праздничным датам в саду, где испытывается в этом голод. Появилась (и была) потребность в стихах-считалках, в стихах-игралках, в спортивных стихах, в стихах-правилах, в логопедических! Ведь не секрет, что маленький человек лучше запоминает рифму и любит стихи. Даже радионяня правила грамматики зарифмовывает. Появились (давно) книги-раскраски, а теперь сколько разновидностей в них? Так почему современному детскому поэту запрещено писать такие стихи? Почему поэты, воспитанные в старых традициях, занимающие крепкое положение в литературе, в издательском деле, имеют весомое слово и порой решают участь тех, кто выбился из этого ряда, обрушиваются на редакторов, на издательства? Сейчас это можно особенно! «Кто смеет смешивать жанры?» Если ты публицист, будь им! А если ты поэт? Если ты идешь на стыковку

жанров? Познавательная — художественная? Художественная — игровая?

Все свои стихи я проверяю на ребятах. Я часто бываю в детских садах города и области (а жителей у нас полтора миллиона человек). Дети — первые мои слушатели, первые рецензенты. По рукописи «Нам светит солнце ласково» один мальчик (5,5 лет) сказал: «Я считаю, этот рассказ надо отдать в печать. А этот, мне кажется, написан для моей мамы». Это был «Переполох». По просьбе воспитателей оставила в рукописи, а теперь в книге. Только пришлось редакции чуть изменить. Было — «И правда. Она — комиссия». Внесли слово «санитарная». Детский сад, воспитатели очень страдают от всяких комиссий, которые порой отвлекают (и надолго) отдел.

Сергей Алексеевич! Вы не должны были очень ругать книгу «Целый день у нас работа» (издательство «Малыш»), Она ведь резко отличается от всех моих книг!? И вот почему. Рукопись книги шла от программы детского сада, от потребностей воспитателей. Это смешанный жанр — книга-игралка, книга-считалка, книга-правило. Я не считаю, что БАМовская считалка не имеет права на жизнь. Я видела, с каким удовольствием ее читали дети, когда играли в поезд, сидя на стульях — паровозиком. В лицах! Хором — пыхтели и приговаривали: «Тук-тук» или «Туду-туда»... Или вот стихотворение «Прохожий»: «Я надел пальто в прихожей...» Да, назидательно, но это стихотворение-правило. Или такое: «Вот беру я карандашик...» Для чего оно, это стихотворение? В детском саду дети учатся считать до десяти. А еще учатся правильно держать карандаш и ручку. «Замечательная репка» — занятие по лепке, а заодно и про сказку вспомним. Стихи «Зайка, зайка, попляши...» (музыкальные занятия) — раздел программы — знакомство с мягкой игрушкой. «Универсам» — стихи-игралки. «Строим дом» — стихи-игралки. «Грядка» — учит не только трудиться, но и определенным правилам обработки, последовательности, навыкам сельского хозяйства. И рифмовка. «Про мандарины!?» — счет, но мораль: делись с ближним на равных. Сейчас в садах, как и в школах, возникла проблема, от жизни идущая. Дружить из-за интереса. Если у тебя есть что-то, то я с тобой сегодня дружу, вожусь. В этой книге «Целый день...» я преследовала и такую цель: чтобы детям хотелось идти в сад, чтобы дети потом, сами с собой или ребенок с куклами, с игрушками играл, без взрослых, в детский сад, в профессии. Дети разучились играть. А тем более не в модные профессии: в продавца, строителя.

Воспитатели детских учреждений ценят эту книжку именно с этих позиций, это мнение не одного человека, не одной группы

работников сада. Я не знаю точно, для какого журнала или газеты Ваши рецензии на мои книги. Но я думаю, простите меня за это, еще раз посмотреть Ваши записи, исходя из моего письма, исходя из подписей в тексте книги, да еще коллективной рецензии на мои последние две книги: «Целый день у нас работа» издательства «Малыш» и «Нам светит солнце ласково» издательства «Детлит». Сто человек воспитателей и заведующих дошкольных учреждений, слушателей курсов повышения квалификации при Институте усовершенствования учителей обсуждали книги, на суд которых в январе 1987 года я вынесла мои эти книжки.

Милый Сергей Алексеевич! Простите меня еще раз за мою откровенность, за минутные неприятные ощущения, что я Вам принесла этим письмом. Я маленький человек, но по-другому не умею жить. От этого страдаю. Да и давно, еще до пенсии, живу под своим лозунгом: «С пенсии не снимут, дальше фронта не пошлют». Но моя боль увеличивается еще и тем, что критика свой акцент все более и более переносит на редакторов. Это и понятно, без требовательности нельзя. Но часто подводные течения еще существуют. А они, наши редактора, — «рабочие лошадки», в общем-то, редактора детских издательств беззащитны, как дети. Их надо жалеть, щадить, а порой и понимать.

Я благодарна Вам за теплые записи, слова в мой адрес, за похвалу моих возможностей. Одно смущает: последняя строчка Вашего письма приговаривает меня к малой Музе, а я ведь тоже расту.

Похвалу читать всегда приятнее, чем другое. Уж так устроен человек и, наверное, навек.

С уважением, искренне Ваша Гайда Лагздынь

На это мое послание Баруздин ответил, но я его не нашла, потеряла. А вот в своем ответном письме позволила себе смелость даже критиковать «сильных мира сего». Я понимаю, почему Сергей Алексеевич не может остановиться в переписке. Он ведь главный редактор толстого всесоюзного журнала «Дружба народов», куда стремятся попасть со своими творениями многие писатели нашей огромной необъятной многонациональной страны. А тут какая-то мало еще известная Лагздынь не прогибается под власть, имеет свой голос и даже в чем-то перечит.

«НАМ СВЕТИТ СОЛНЦЕ ЛАСКОВО. Рассказы и стихи»

18 марта 1984 года. Рецензия-отзыв на рукопись Г.Р. Лагздынь. Автор — заведующая кабинетом дошкольного воспитания

Института усовершенствования учителей (г. Калинин) Нина Петровна Зуева. В 1986 году эта рукопись с таким же названием превратится в книгу, изданную издательством «Детская литература» в Москве

«Кабинет дошкольного воспитания Калининского областного института усовершенствования учителей ознакомился с рукописью Г.Р. Лагздынь «Нам светит солнце ласково».

Само название рукописи располагает на спокойное, эмоциональное восприятие, и это подтверждается после ее прочтения. Автор в коротких рассказах и стихах доходчиво, весело, интересно и просто рассказывает о жизни детей.

Рассказы носят познавательный характер («Красная книга», «Сыроежки», «Что растет», «Цыпленок Цып»),

Они будят мыслительную деятельность ребенка, заставляют задумываться над своими поступками («И чего боялась? Совсем и не страшно» в рассказе «Ночью страшно», «Я же не жадина? Поэтому конфету мы съели напополам: я, Мишка и Катя» — в рассказе «Соревнования»).

Учат делать выводы и обобщения («Занавеска на окошке двигается, и зайчик по одеялу прыгает. Я хотела его поймать, а зайчик не дается! Почему? Да потому, что это — солнечное пятнышко» — в рассказе «Солнечный зайчик»).

Способствуют развитию наблюдательности у детей («Крылья у стрекозы прозрачные, слюдяные и вздрагивают. А глаза — как фары у машины» — рассказ «В дремучем лесу». «Не будут уколы делать! Потому что от тетеньки пахнет не доктором, а духами» — рассказ «Переполох». Или: «Знаю, теплый ветерок к нам летел на огонек, поскрипел оконной рамой, тихо форточку толкнул...» — стихотворение «Ночной ветерок»).

Заставляют детей задумываться («А ночью совенок все видит? — спрашивает Мишка. — Он нашу группу рассматривает, да? Только как он может видеть, когда в комнате темно?» — рассказ «Совенок»),

Воспитывают чувство гражданской ответственности («Мишка хотел его погладить. Ежик свернулся в круглый колючий шарик. Сережка заявил, что возьмет его в группу. Он закатил шарик в свою панаму. А Марина Викторовна велела ежика из панамы выкатить. Пусть живет в лесу. Ежу здесь хорошо. Он — дома». — рассказ «Ежик»),

Воспитывают любовь к животным («Нам было очень жалко крота» — рассказ «Бедный крот»).

Способствуют развитию эстетических восприятий, воспитанию эстетического вкуса («Мишка нашел жука блестящего, блестящего. Сережка сказал, что это — навозный жук.

— Совсем и не навозный! Он хороший!» — рассказ «Жуки и ягоды». Или: «Солнце льется на полянку, солнце яркое печет. На полянке земляника краснощекая растет!» — стихотворение «Земляника»),

Рассказы «Согласна», «Козленок», стихотворение «Красавка» способствуют воспитанию любви к труду, что очень нужно и важно.

Хорошо, что рассказы и стихи у Г.Р. Лагздынь короткие, но так наполнены мыслями и различными действиями.

Но вот в стихотворении «Из сапог удрали ноги» я бы предложила изменить заголовок, сделать его более коротким и объемным.

Нам бы хотелось отметить, что еще мало литературных произведений малого размера, рассчитанных на современного ребенка садовского возраста. И очень хорошо, что наряду с такими авторами, как Б. Житков, С. Михалков, А. Барто, Е. Благинина, их программными произведениями появляются новые писатели, отражающие в своем творчестве жизнь детей.

Для того чтобы наши мнения не были голословными, мы провели обсуждение рукописи на встрече с детьми детского сада №110 города Калинина, где была прочитана проза, так как стихи Гайды Лагздынь дети знают. Интересно было узнать, как воспримут рассказы. А восприняли ребята так:

«НОЧЬЮ СТРАШНО»

— Я один раз тоже влез под одеяло с головой. Решил попробовать посидеть в темноте. И совсем не забоялся!

— И я не забоялся сидеть в темноте. Выключил лампочку и сидел.

«СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК»

— Я тоже ловила солнечного зайчика. Знала, что не поймаю, а интересно. Ладошкой накроешь, а он сверху сидит!

«ЗАРЯДКА»

— Я тоже помогаю взрослым, я даже свою чашку мою и подметаю пол, — сказал мальчик.

— А я, — заявила бойкая девчушка, — помогала нашей воспитательнице убирать посуду. Тетя Люба болела, а воспитательнице одной никак!

«КРАСНАЯ КНИГА»

— Ландыш не бывает красный! — заявил мальчик из средней группы.

— Здесь не про ландыш написали, а про то, чтобы его не трогали.

— Мне больше всех рассказов понравился рассказ «Красная книга». Мне папа рассказывал о животных, которых нельзя

трогать. Они тоже в Красной книге записаны.

«ЖУКИ И ЯГОДЫ»

— Я люблю землянику. Мама покупает.

— А у нас на даче растет.

— Это — клубника! А земляника маленькая!

— Я тоже видел навозного жука. Его просто так называют.

«СЫРОЕЖКИ»

— А мне сыроежки понравились. Они в лесу растут, я видел.

«ЕЖИК»

— Я тоже видел ежика. Зачем его брать? И правильно, пусть живет в лесу.

— Он очень колючий!

«В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ»

— Мне больше всех понравился рассказ «В дремучем лесу».

— И мне. Особенно про стрекозу.

— Я тоже стрекозу видела. Хотела поймать, а она улетела.

— Я видел кузнечика. Он зеленый!

«ДОЖДИК, ЛЕЙСЯ ПУЩЕ!»

— Мне мама позволяла по лужам топать летом, когда тепло.

— А мне нет. Мама сказала, что я заболею, если буду ходить босиком.

— А по речке летом можно? Значит, и по лужам можно!

«БЕДНЫЙ КРОТ»

— Жалко крота. Он слепой и утонул. Я видел слепого дяденьку. Он шел и попал в лужу.

— Крот умер от воды.

— Я не видела никогда крота.

«СОГЛАСНА»

— Мы с девочками тоже стирали куклам платья. Нам дали кукольные тазики, и мы стирали.

«КОЗЛЕНОК. КРАСАВКА. ЦЫПЛЕНОК «ЦЫП»

— Я люблю про животных. Интересно про козленка, про цыпленка.

— Про коровку Красавку тоже.

— Когда мы летом поедем на дачу, будем кормить животных.

«ПЕРЕПОЛОХ»

— Я умею нюхать.

— А я и не боюсь уколов.

— А я боюсь.

«СОВЕНОК»

— А у нас в группе попугайчики живут.

— А у меня дома есть кошка.

И так далее и тому подобные высказывания.

В проекте ЦК КПСС «Основные направления реформы

общеобразовательной и профессиональной школы» сказано:

«Целью трудового воспитания и обучения в школе должно быть привитие навыков любви к труду и уважение к людям труда».

Вопросы трудового воспитания детей дошкольного возраста отражены по каждой возрастной группе в «программе воспитания в детском саду».

В рукописи эта задача воспитания дошкольника решается правильно. Хочется пожелать Г.Р. Лагздынь и другим писателям больше создавать произведений для дошкольников о труде советских людей».

ИУУ. Н.П. Зуева

Солнышко, где ты?

Солнышко, где ты? Ну прямо беда!
Целое лето с неба вода!
Черные тучи, откуда явились?
Зачем над деревней у нас поселились?
Черные тучи, ну разве вы правы?
Смотрите, какие высокие травы!
И клевер румяный давно перерос.
Уйдите! Мы просим. У нас — сенокос.

Глава 9. «СЛАДКАЯ КАБАЛА» СТО КНИЖЕК ДАЛА, или В МОРЕ РУКОПИСЬ УПАЛА, ПОПЛЫЛА И КНИЖКОЙ СТАЛА

Позвольте сказать

Продолжая писать свою биобиблиографическую повесть, хочу попросить читателя, если он не устал от моего повествования, набраться терпения или читать по главам.

Характер написания приобретает все более хаотичный характер. Если все до этого придерживалось определенной хронологической автобиографической последовательности, кроме вставок: «Кстати», «Сказано по случаю» и т.д., то последующая часть книги распадается на тематические главы. Это уже не тонкие «стебельки фикуса Франклина Бенджамина», а толстеющий сросшийся стволик, в котором все воссоединилось в едином целом, подобно симбиозу гриба и водоросли, взаимной связи моллюска и рака-отшельника, неотделимом друг от друга. А потому пишу по разделам с разными заголовками и подзаголовками.

Особое место в биографическом своем писании мне хочется отвести людям, которые помогали создавать книги. Первый критик — Некрасов Всеволод Николаевич, преподаватель Московского университета. Обширные рецензии Некрасова, больше похожие на поучительные преподавательские семинарские конспекты на занятиях со студентами, были для меня полезны. Я как бы заочно находилась на курсах Литинститута, с той лишь разницей, что это были очень кратковременные курсы и требовали потом доработки в одиночку. В редакции Некрасов так отзывался о моем творчестве: «Лагздынь — необработанный алмаз». В среде тверских писателей не было пишущих для детей того возраста, для которого трудилась я. Незабываемы редактора издательства «Детская литература»: ныне уже покойная Леокадия Яковлевна Либет с неустанным желанием использовать мои произведения для печати, создать больше книг с моим участием. Она хорошо понимала, что среди московской литературной элиты у меня не было никого, кто бы способствовал этому, а наоборот. Когда стал вопрос о приеме в Союз писателей, она познакомила меня с

Валентином Берестовым, рекомендовала пообщаться с Еленой Александровной Благининой.

Валентин Берестов — очень доброжелательный человек, не завистливый, уже состоявшийся поэт, с удовольствием, долго не раздумывая, написал мне рекомендацию в Союз. Елена Благинина, никогда никого не рекомендовавшая, ознакомившись с моими стихами, это сделала, говоря о своей рецензии: «Писать такое не умею. Пишу вот так».

РЕКОМЕНДАЦИЯ ВАЛЕНТИНА БЕРЕСТОВА

Рекомендую принять в члены Союза писателей РСФСР детскую поэтессу Гайду Рейнгольдовну Лагздынь, автора двух книжек, выпущенных дошкольной редакцией издательства «Детская литература»: «Весенняя песенка» (1975 г.) и «Во дворец влетел птенец» (1977 г.). Большая подборка стихов Гайды Лагздынь опубликована в выпущенной «Детлитом» антологии «Между летом и зимой» (1976 г.). С 1972 года в «Мурзилке» и с 1975 года в «Веселых картинках» стали чуть ли не из номера в номер печататься короткие, звонкие, близкие по духу к народной потешке и к детской считалке стихи Г. Лагздынь, которые, как я заметил, очень полюбились художникам, ведь неисчерпаемая фантазия поэтессы открывает перед иллюстратором все новые и новые возможности. Есть у Г. Лагздынь стихи, где каждую строчку можно проиллюстрировать отдельной картинкой, а это в поэзии для малышей, столь популярной в нашей стране, большая удача.

Стихи-потешки, стихи-считалки, прибаутки, скороговорки для самых маленьких — это, если не считать поэмы-сказки, пожалуй, самый трудный жанр в детской поэзии, но как раз он-то дается Гайде Лагздынь легче всего. Стоило ей от лирических стихов и «взрослых» песен прийти к этой форме, как стихи такого рода посыпались у нее как из рога изобилия. Разумеется, не все они одинаково высокого качества, хотя все написаны с величайшим увлечением, — у Гайды Лагздынь совершенно не найдется старательных опусов, которые их автор в поте лицо своего складывал бы по образу и подобию стихов для детей. И в стопке небольших листочков с короткими стихами (Гайда Лагздынь всюду берет их с собой) и редакции популярных детских журналов, и издательства всегда могут найти стихи, которые хочется поскорей напечатать с красочными рисунками. А еще эти листочки нужны поэтессе, чтобы при любом удобном случае прочесть их маленьким детям, поиграть с ними в рифмы, позабавить их и при этом самой кое-чему поучиться у детей.

И теперь уже стало заметно, что в нашу детскую литературу пришел новый поэт, пришел без шума, неназойливо, опираясь

только на свои веселые, продиктованные сразу и фантазией, и здравым смыслом, строчки. С виду они так незатейливы:

— Лапки?
— Мыли.
— Ушки?
— Мыли.
— Хвостик?
— Мыли.
Все помыли.
И теперь мы чистые,
Зайчики пушистые.

Но это — поэзия. И люди, у которых есть малыши, будь это дети, племянники, прочитав такие стихи, не станут обсуждать их, вдаваться в тонкости, искать их место в иерархии поэтических ценностей, а просто возьмут стихи и побегут читать их малышам.

Валентин Берестов, членский билет №1136

РЕКОМЕНДАЦИЯ ЕЛЕНЫ БЛАГИНИНОЙ

Гайда Лагздынь — автор трех книг: «Весенняя песенка», «Во дворец влетел птенец», «Играю я». Кроме того, у нее опубликованы стихи в сборнике «Между летом и зимой» и заключен договор на новую книжку — «Собрались в кружок подружки».

Все эти вещи несомненно профессиональны, а некоторые из них, даже я бы сказала, многие, хороши свежестью приемов, точностью и той неуловимой прелестью, которая свойственна только стихам для самых маленьких:

Пять веселых лягушат
По своим делам спешат.
Пока мокро, пока лужно,
До реки допрыгнуть нужно.
Если встретишь лягушат,
Не мешай: они спешат.

То же можно сказать о «Крольчишке-трусишке», о «Петушке», о «Сказке о скворце», о «Телефоне» и других стихах.

Я считаю, что Гайда Лагздынь должна быть принята в число членов ССП. Это думающий, способный, и, главное, владеющий искусством писать стихи для наших маленьких читателей, автор.

Елена Благинина, чл. бил. №99/д
22 сентября 1979 г., Москва

Для вступления в СП СССР требовалось три рекомендации. Третья была от **Александра Феодосьевича Гевелинга.**

Московские руководители писательского союза в конце 80-х

годов мало внимания обращали на пишущих для детей, считая это не творчеством, а баловством. Только позднее стали говорить, что приобщение к литературе начинается с того возраста, когда человек еще поперек лавки лежит, то есть с младенчества. Леокадия Яковлевна способствовала тому, чтобы меня на заседании по приему в Союз представлял поэт **Яков Козловский.** Я с ним никогда не встречалась лично, не говорила по телефону. Знаю, что он рекомендовал меня достойно, за мой прием проголосовали все члены комиссии под председательством первого секретаря Союза писателей СССР Георгия Маркова.

С творчеством Якова Козловского я познакомилась позже. Это отличный поэт, прекрасный переводчик. И если звучал Расул Гамзатов в песнях, в поэтических сборниках на русском языке, то это заслуга поэтического перевода Якова Козловского.

Много повозилась с литературным материалом Титова Марина Ивановна, отбирая из большого количества написанного стихи для печати. Трудность состояла в том, что из общей массы произведений надо было выделить стихи для пустующей «малышовой ниши». Под редакцией Л.Я. Либет вышло несколько книг в издательстве «Детская литература», а позднее и в «Дрофе». По ее инициативе состоялось и мое участие в сборнике 1986 года «Апрельский дождь» с переводом литовской поэтессы.

Но что интересно! На многие стихотворения редактор не обращала внимания. А я их считала нужными. К написанию стихов-«малышек» меня подтолкнули молодые мамы. На одной из встреч в книжном магазине присутствовали женщины с младенцами на руках, детские коляски стояли возле широко раскрытых дверей, возле которых и другие мамы покачивали своих малышей. Шел разговор о детских книгах, о тематике. Вот тут-то женщины и высказали такую мысль: «У многих нет бабушек в семье. Если есть, то это еще молодые бабушки. А что говорить своим малышам — не знаем. А хочется. Вы напишите стихи, которыми могут пользоваться мамы, пока ребенок лежит в кроватке или коляске». И Марина Титова обратила внимание на такие стихотворения тогда, когда у нее появилась собственная дочь. Я послала ей поздравительную открытку с одним из стихотворений такой тематики. Особую группу составляют стихи тутухающие, баюкающие, сопровождающие кормление, игры с младенцем, его купание, одевание, гуляние и прочее. Они необходимы, как и народные песенки-«пестушки». Такие стихи никто из современных поэтов не писал и в печати их не было. Если не ошибаюсь, не пишут и сейчас. Это раздел «младенческих» стихов.

Кстати…

Книга «Послушный зайчонок» в 1989 году отмечена II Всесоюзным конкурсом Госкомиздата и Союза писателей СССР как одна из лучших книг для детей. Оформлена московским художником Сашей Рахштейном. Тираж таких подарочных изданий не превышал ста тысяч экземпляров. Всего всесоюзных конкурсов по детской литературе в СССР было два. Вскоре была напечатана книжка «Аккуратные зайчата», иллюстрировал ее ленинградский художник Вадим Гусев, отец четверых детей, изобразив детские игрушки, которыми пользуется младенец.

В издательстве **«Малыш»** в далекие семидесятые годы главный редактор, бывший педагог, в трудных условиях «непробиваемости» к литературному «престолу» способствовала созданию книги «Тепики-тепики». Правда, на это ушел не один год, прежде чем залежавшаяся рукопись стала книгой 1983 года. Но зато тираж в триста тысяч экземпляров был повторен в 1984 году и дал в мою числовую тиражную копилку шестьсот тысяч книг. «Тепики-тепики» получили хорошее художественное оформление, книга выглядела интереснее детлитовских книг, где постоянным художник был находящийся в штате Хайкин с его симметричными картинками, повторяющимися рисунчатыми образами.

Книгу издательства **«Малыш» «Тепики-тепики»** я люблю за долгострадальческое ожидание выхода в свет. Памятна она еще и тем, что вела ее редактор с большой жизненной бедой. Ушел из жизни, покончив с собой, ее шестнадцатилетний сын. А через год, в день его смерти, таким же путем ушла из жизни и моя редакторша. К этому времени в издательстве лежали мои новые стихи, среди которых сказочное стихотворение «День добрый». Цитирую фрагменты из этого произведения: «Сонно чирикала в гнездышке птица, вздыхала спросонья в кустах медуница, ромашка глазастая утро встречая, тихонечко пела, росинку качая. И вдруг, словно чудо, невесть и откуда, раздвинув траву-заплетушку, по сумрачным росам, без тапочек, босым День Добрый пришел на опушку» и так далее. А заканчивалось это длинное стихотворение о светлом дне такими строчками: «Лежал он малюсенький, славный такой, темнели цветные колечки, а солнце, склоняясь к нему головой, из рук вынимало уздечки». В редакции этого стихотворения не оказалось. Может быть, это и не так, но я всю жизнь корю себя за то, что, не зная ничего о редакторе, принесла и передала ей это стихотворение. Может быть, не будь этих последних строк, не произошло бы еще одной беды?

Издательство «Малыш» после смены места нахождения вошло в мою биографию новым и главным, и рабочим редактором. Оно также долго оставалось малодоступным для тех, кто жил не в Москве. Или издавался в «Детской литературе». То же было между «Молодой гвардией» и «Современником». Если издавался там, тебя не брали сюда. Однажды из Госкомитета по печати пришел запрос: «Почему у Лагздынь выходят книги и в «Детской литературе», и в «Малыше»?» Однако в 1985 году в «Малыше» издается книжка под названием «Целый день у нас работа» (редактор Ия Пестова), а в 1988 году — «Всюду лето». В 1991 году, как бы дразня всех, под аккорды уходящей эпохи господства двух детских издательств появилась книжка «У нас живет дразнилка», редактор которой — Ольга Альбертовна Муравьева. Планировалась книга и на 1992 год. Но в стране заиграла другая музыка.

После начала годов перестройки всего на все новое лучшее и на все новое худшее я оказалась в издательстве «Астрель», куда фрагментом определили издательство «Малыш». Опять общаюсь с Ольгой Муравьевой. Воистину, пути Господни неисповедимы! Только вот книг моих «Астрель» не издает, все присылают договора на издание переизданий в многочисленных сборниках и хрестоматиях. Не денежно, но весело. За рубли-гонорары надо расписываться в кассе издательства. Лучше сэкономлю на электричках, не еду. Гулять по России и ближнему зарубежью тоже приятно в толстых книгах и справочных томах.

Кстати…

Некоторые московские издательства предпочитают сейчас издавать переводную литературу. Оно и понятно: финансируют, и хорошо. Согласно данным, напечатанным в 2010 году в глянцевых журналах «Читаем вместе» — навигатора в мире в книг», из анонсированного списка ясно: примерно чуть ли не одна треть книг издается в переводе. Читать на русском языке авторов английских, немецких, французских, норвежских, польских и других, знать мировую литературу — дело хорошее, кабы она не стала доминирующей, не вытесняла бы нашу отечественную. А еще, и того хуже, раз пошла гонка за «зелененькими», не способствовала бы она замене русских традиций на чуждые нам? На осенней книжной ярмарке 2009 года я познакомилась с одной книгой и даже почитала ее на видеоносителе, пыталась понять суть. После чего подумала: я бы не хотела, чтобы такая мутная философия пришла к моему шестнадцатилетнему внуку.

В Москве, после издания в **«Детской литературе»** книжки-

малышки «Аккуратные зайчата» в количестве одного миллиона экземпляров, в 1992 году планировался выход книги уже трехмиллионым тиражом. Но наступил этот перестроечный год, и пошло все по-другому. В Москве, как гнилые грибы, возникали мелкие издательства. Изголодавшиеся по свободе авторы, естественно, бросились в их объятия Вновь возникшие книгопечатные органы, не имея опыта, не владея большими оборотными средствами, растворялись, исчезали. После того как «Детская литература» и «Малыш» притормозили работу, я решила предложить новому издательству напечатать логопедическую азбуку. Над ней работала не один год, некоторые стихи из тематической подборки были ранее использованы в моих книгах. Но этот печатный орган исчез вместе с редактором и рукописью. Тогда, чтобы сохранить за собой авторское право, я решила напечатать азбуку в Твери на свои средства. Тем более что у меня была мечта оформить книгу детскими фотографиями. В микрорайоне «Южный» на Октябрьском проспекте в квартире Юры и Гали Катрук, в окружении двух маленьких девочек, отца и мамы, и родился макет, по которому Тверская областная типография отпечатала «От А до Я» с фотографиями детей моих и Галины с Юрой. В издательстве «Лилия-Принт», где главный редактор Евгений Бондарев, редактор Александр Сергеевич Полосков, родилась в 1997 году книжка для более старшего возраста «Сколько в мире чудесного света». В 1998 г. — «Коробочка с разговорчиками», «Тетрадь в клеенчатом переплете». В 2000 г. под редакцией Юрия Катрука — «Птенцы», «Тайна голубого медальона», «Чаепитие у слона», «Меховая рукавичка». Оформляли эти книги тверские художники Инна Горцевич, Сергей Даниленко, Галя Катрук. В 2001 г. я издала, так же как и предыдущие свои книги, на свои средства, только тиражом уже не 200-300 экземпляров, а числом в тысячу — «Гипоталамус нервно бьется, поэт рыдает и смеется», в нее вошли стихи для взрослых, тексты песен. К этому времени готовились к изданию книги в книжно-журнальном издательстве, которым руководил Евгений Иванович Борисов, совмещая работу с руководством отделением Союза писателей СССР. В этом издательстве родились книги «День добрый», «От января до января», «Волшебные тропинки» тиражами в одну тысячу экземпляров. До Борисова увидела свет книга «Зона» тиражом в десять тысяч экземпляров.

В книжно-журнальном издательстве работали замечательные люди. Коллектив слаженный, знающий свое дело. Неоценимая поддержка мне оказана была при работе над трехтомником. Помогали бескорыстно все. Но особая (даже трудно выразить

словами) была помощь от Лилии Ахметовны Бадеевой. Я очень благодарна ей за все.

Я также благодарна семейству Катрук по созданию небольших книжечек, а также за песни, которые исполнялись на мои тексты автором музыки Галей Катрук. Это «Смешная улитка», «Старичок-грибнивичок», «Фея музыки», «Смотрит осень». Благодарна ансамблю многодетной семьи священнослужителя, где матушка Татьяна Шувалова была ведущей. Незабываемы в их исполнении «Облака».

Большие трудности мы испытывали, собирая первый том «Моя книга-1». Стихов много, надо было правильно их расположить, не говоря о хорошей корректуре и оформлении. Почти полгода ушло на это, а цены на бумагу и типографские расходы с каждым днем увеличивались. Делать большую книгу учились и Катруки, и я вместе с ними. Вроде все было, на наш взгляд, сделано правильно, но типография сказала: для производства не годится. Пришлось переделывать с участием работников профессионального книжно-журнального издательства, но частным порядком. Таким образом, получилась двойная оплата. Огромнейшая помощь была при создании томов «Моя книга-2» и «Моя книга-3» в лице Александра Степановича Михайлова, бывшего наборщика областной типографии. Благодаря его мастерству, благодаря способности разбираться с почерком, со всевозможными вставками и прочими издержками, идущими от автора, были созданы эти книги. Сейчас биографическая книга собирается тоже с его участием. Огромная безвозмездная помощь в оформлении второго и третьего томов была со стороны издательства «Лагуна» в лице главного редактора Валентины Алексеевны Никаноровой и дизайнера Михаила Чернова.

Еще хочется вспомнить великую труженицу, бескомпромиссную журналистку, моего редактора по Тверскому отделению столичного издательства «Московский рабочий» — Анну Степановну Зюзину, по мужу Бутузову, за активную помощь при создании книги «Тайна зеленого золота», что вышла в 1990 году, и за рецензии, статьи о моем творчестве.

Время стирает фамилии, постепенно забирает и уносит прочь все плохое, оставляя в памяти хорошие деяния людей.

Я снова возвращаюсь к издательской биографии. После затяжного молчания, неопределенности постепенно издательства завоевывали свои места.

«Алтей» вошел в мою жизнь в тот период, когда с издательствами была полная неразбериха. Главный редактор Оксана Геннадиевна Голенищева показалась мне надежным

партнером, и я доверила свои рукописи. Не ошиблась. С 1995 года началась дружба с этим издательством. Наиболее активно сотрудничество продолжалось до 2002 года. Кроме маленьких книг, таких как «Аккуратные зайчата», «Топ да топ», «Колыбельная», «Крохотули», «Поиграем в ладушки», «Целый день у нас работа», «Сказки-присказки», «Шутки на полминутки», «Почемучки», «Топают ножки», «Считалки» и другие, вышли книжки большого формата — «Загадочная азбука», «Веселый счет», «Приключение хлебного человечка по имени Пекарик», в которой рассказано, как делается хлеб.

Рассказано по случаю…

Для написания сказочно-документальной сказки о хлебе мне понадобилось познакомиться с мелькомбинатом, элеватором, хлебозаводом «ЗАО «Хлеб» города Твери. Главный инженер предприятия, что на проспекте Чайковского, которым многие годы руководит Нина Петровна Болгова, провел меня по всем цехам, лабораториям и подсобным помещениям. А потом работники этого производства удивлялись, как мне через сказку удалось правильно и точно рассказать и о хлебе, и о том, как он делается. Я благодарна этому предприятию и всем, с кем соприкасалась в этот период, за помощь, а еще за внучку Марию, что прошла шестилетний путь в своей жизни, окончив политехнический институт, от почти рабочей должности до инженера-эколога данного производства, которое стало для нее стартовой площадкой к дальнейшей работе.

Я помню то время, когда издательства «Алтей» и «Дрофа» располагались в маленьких комнатушках. Сейчас помещения, в которых они находятся, отличаются от прежних мест пребывания как небо от земли, как суша от моря. Помню первого и второго директоров «Дрофы». При издании моих книг единая «Дрофа» разделилась на **«Дрофу-Плюс»** и **«Дрофу-Медиа».** Туда, где издавались книжки-игрушки, книжки-подушки, книжки-вырубки, входя в высокое здание, идешь по лестнице направо, пешком, без лифта на пятый крутой этаж. Там Эмилия Михайловна. Пили с ней однажды кефир при встрече. За книжками шагаешь в детскую редакцию по лестнице налево, потом лифтом, можно через цех, оказываешься в благоустроенном хорошем помещении. Главный редактор издательства «Дрофа-Плюс» Татьяна Викторовна Нилова, редактор другого отдела, тоже Татьяна Викторовна, только по фамилии Носенко. Обе перешли из **«АСТ-Пресс».** По причине их перехода моя книга, хотя договор был подписан, не состоялась, но зато в «АСТ» я гуляю по страницам отличных

сборников, знакома с директором Сергеем Николаевичем Деревенко и его женой — главным редактором Татьяной Михайловной, которая подарила мне свою книжку «Про тузика и пузика» с прекрасными иллюстрациями. А вот читать книгу не хочется. Про таких авторов я говорю: «Сами с усами, но вот усы не растут». Издательство находится недалеко от Ленинградского вокзала, сразу за Казанским, в Рязанском переулке. Почему не тянет зайти? Совсем непрактичный я автор, даже возможности не использую. Все тот же характер хуторянки, однолюбки. Не хочу иметь много хозяев и много хозяйств.

Заведующей детской редакцией «Дрофа-Плюс» ранее была Нина Михайловна Иманова, теперь она в издательстве «Эгмонт». Сейчас заведует редакцией Анна Николаевна Печерская, редактора все молодые: Катя Баканова, Людмила Сидорина.

Меня нашла и позвала в «Дрофу» в 2000 г. Леокадия Яковлевна Либет после ухода из «Детской литературы», когда туда пришел директорствовать «мальчик», небрежно вертящий в моем присутствии ключиком от своего авто. Я тогда подумала: «Дела! То ли еще будет!» До прихода нового директора у издательства была попытка восстановить малышовую серию: «Мои первые книжки», куда вошла и была издана в 2000 году моя книжка под названием «Котик, котик, попляши» тиражом в десять тысяч экземпляров. Смехотворный тираж для совсем недавнего крупного «Детлита». Планировался выход в серии книг В. Даля, К. Ушинского, В. Берестова. Но вновь назначенный директор заявил, что такие маленькие книги издаваться не будут. Вот и пришел конец «малышовой редакции».

В «Дрофе» под редакцией Л. Либет в 2002 году была издана книга «Я скачу» в твердом переплете. Затем стали выходить книжечки разного формата и разной тематики примерно тридцати разновидностей. Почему примерно? Так как появились книжки-игрушки, книжки-погремушки, три вида «Бурундучков», даже с наклеенными меховыми ушами. Большой интерес вызвали книжки-подушки, созданные совместно с «Трехгорной мануфактурой». Они были небольшого размера, но для выставки за рубеж специально создали величиной в обычную подушку. В 2005 году появилось восемь взаимно тематически связанных книг для малышей, чуть позже — прекрасная, красочная, большого формата книга «Мой любимый малыш». Когда писались эти строки, позвонили. Почтальон принес заказную бандероль, в которой оказался толстый сборник стихов 2009 года издательства «Дрофа-Плюс» — «Мои любимые животные».

Кстати…

Вспоминаю, издатели просили написать еще и про свинок. Открываю книгу: помещены стихи про барана, про козла, про овец, зайчонка, красавца-петуха, утку и целых три стихотворения про свинок. Ну и Лагздынь, любительница домашних животных! А у меня есть стихи и про кошек, наверное, около тридцати. Целый кошачий дом! Про лошадей, про собак разной породы, про кур и цыплят, про коров и комаров, про тараканов и противную моль, про вонючего домашнего и даже лесного клопа. И про мух, и про тех, кто сидит в клетке: птиц, хомяков, морских свинок, кроликов. И про тех, кто начинает ходить, — детей!

— Хватит перечислять животных! Это уже не биография, а рекламный справочник зоотехника! А про детей уж слишком! — скажет читатель. — Хотя интересно!

Согласна! Возвращаюсь к книгам.

В 2004 году появились книги издательства **«Оникс-XXI век».** Больше всего мне нравятся «Крохотулечки». Очень хорошо оформлена, но в книгу, наполненную моими произведениями, поместили несколько стихотворений других авторов.

С 2004 года работаю в контакте с московским издательством **«Фламинго».** Много лет назад я зашла в это издательство. На стендах были представлены только книжки поэта Владимира Степанова. Мало зная о писателе, спросила:

— У вас что, частное издательство В. Степанова?

На что мне ответа не дали. Я на этом издательстве тогда поставила крест. «Зачем, — подумала я, — мне такой печатный орган, где любят, и верно, не случайно, одного автора?»

Позднее с поэтом Степановым познакомилась и общалась при случайных встречах на международных книжных ярмарках. Пишет он хорошо. На вид худощавый мужчина с незапоминающейся внешностью, чем-то озадаченный, что отражается на лице. А у детского поэта этого не должно быть. Писателям, живущим только на гонорары, не в пример нам, имеющим постоянный хлеб от основной профессии, в Москве приходится туго, но зато есть время для общения, поэтому стихи Степанова встречаются во многих печатных органах.

Издательство «Фламинго» неожиданно вошло в мою литературную биографию большим количеством изданных и переиздаваемых книг. Если не ошибаюсь, с 2004 по сей день напечатано свыше шестисот тысяч экземпляров, притом на нашем Тверском полиграфическом комбинате детской литературы. Несомненно, налоговыми отчислениями от издаваемых моих книг пополняется областная казна, а это значит, что есть польза землякам не только литературная, но и финансовая от моего

творчества.

В издательстве замечательно работается с Анастасией Милехиной, маркетологом-менеджером по развитию новых проектов — это очень активный, обходительный, общительный, знающий свое дело, несмотря на молодой возраст, специалист. Знакомство наше состоялось во время выступления моего театра в Москве. Таким образом, Настя увидела наш театр в работе на сцене, увидела и услышала один из моих музыкальных спектаклей. Мы три раза выезжали в Москву и три раза становились лауреатами Всероссийского фестиваля «Экология. Творчество. Дети».

Сейчас в издательстве «Фламинго» готовится к переизданию в четвертый или пятый раз (а оказалось, в шестой) легендарный «Кот Федот», так полюбившийся читателям, тиражом в тридцать-пятьдесят тысяч экземпляров. А не так давно, 26 ноября 2009 года, в библиотеке имени Горького прошел творческий вечер презентации многих моих книг и сборников, вышедших в этом же году. Издательство «Фламинго» приехало по моему приглашению и привезло в дар библиотекам города и области мои книги «Тритатушки», «Ладушки», «Послушный зайчонок» и красочные номера журнала «Колобок» в количестве трехсот книг и ста двадцати журналов.

В биографии моих издательств значится и **ЗАО «Центрполиграф»** двумя книжками, вышедшими в 2006 году: первая «Почему один Егорка», оформленная художником Владимиром Плевиным, который и пригласил меня в редакцию. Вторая книжка «В лукошке у грибника». Обе книжки тиражом по десять тысяч экземпляров. Книжки красивые, плотнокартонные. С издательством я, после ухода редактора Марины Гансовны Шмидт, творческих связей не поддерживала, потому что для работающего автора большое количество издательств иметь не под силу — для этого нужно иметь штат секретарей.

В издательстве **«Карапуз»** познакомилась с главным редактором Сергеем Николаевичем Савушкиным, с заместителем главного редактора Галиной Алексеевной Фроловой, много общалась с Ириной Александровной Лыковой, кандидатом педагогических наук.

Знакомство с издателями имело большое значение как для меня, так и для издательства. Создавались разнонаправленные серии журналов типа «Воробушек», «Мастерилка» для детей разных возрастов: от нуля до двух, с года до трех, с трех до пяти, с пяти до семи, специальные выпуски по работе со слогом, со звуковым анализом слов, с фонематическим слухом и по прочим вопросам. Изданные журналы часто не доходят до меня, как и

некоторые книги с моими стихами на картонных носителях-картинках. Пришла по почте книжка «У кого какие мамы», четыре издания по логопедической азбуке и сама азбука, собранная под одной крепкой обложкой. Оформление книг замечательное. Это надо сказать ото всех изданиях «Карапуза». Везде прекрасные рисунки. В отношении моей логопедической азбуки есть замечания. В некоторых изданиях мой «изюм» потерян из-за расположения текста по отношению к рисунку. К примеру, отсутствует стихотворение на букву «Ш» — «Шурик шариком шуршал, шарик Шурику шептал...», сокращено стихотворение на «Ж». А это самые главные стихи на каждую букву в логопедической азбуке.

Через Интернет в мою биографическую копилку издательств влетел **«Лабиринт-Пресс»** в образе руководителя направления детского книгоиздания Натальи Шутюк, чуть позже появился Михаил Пучков. Наталья позвонила, приехала в Тверь, но почему-то не захотела ни раздеться, ни почаевничать с дороги. Для меня до сих пор этот вопрос не закрыт. Издательство предложило мне выполнить заказ.

Заказ я выполнила в намеченный срок. Трудно было по готовым картинкам написать стихи в объеме не более четырех-шести строк, задать вопрос в стихотворной форме с загадочным содержанием и ответом при помощи отодвигающейся задвижки, не говоря о сложности и необычности вопроса.

Все это не в моем характере. Я детский поэт, вольный, пишущий не по заказу, а по велению своих чувств. Но книги получились. Принесла в отдел культуры «Тверской жизни». Заведующая отделом Наталья Зимина пошла фотографировать обложку для статьи и задержалась. Оказывается, она и другие журналисты играли с книжками-задвижками. Значит, мои книги интересны не только детям?

Когда с Натальей Шутюк познакомилась поближе уже в Москве (сначала в кафе на Старом Арбате напротив дома-квартиры А.С. Пушкина, потом на Международной книжной ярмарке), я шутливо сказала:

— Наталья, признавайтесь! Обпахали же всю Москву, никто не взялся или не смог выполнить заказ? Известное дело — сначала суетитесь среди московских авторов, а потом вспоминаете, что есть еще провинция?

Говорю постоянно себе: «Прикуси язык! Язык — твой враг». Видно, горбатого только могила исправит, если правильно положат. За мной в Москве закрепилась слава: «У Лагздынь все есть. Гайда все может». Эту оценку впервые дала на Санкт-Петербургском литературном форуме Лариса Алексеевна

Парамонова, доктор педагогических наук, действительный член РАЕН (что означает Российская академия естественных наук), руководитель Центра дошкольного воспитания имени Запорожцева в Москве.

Издательство «Лабиринт-Пресс» оценило мое творчество как высший пилотаж. Этот пилотаж принес в мой дом три красивые книги, сделанные в Таиланде, и четыре (на подходе пятая), напечатанные в Китае.

Издательство «Олма-Медиа-Групп» примечательно сборниками и знакомством с Ольгой Ивановной Корчагиной, с ее обещанием обязательно сделать из моих произведений книгу. А я ведь им трехтомник подарила да полгода работы по готовым картинкам из бывших книг, чтобы сократить расход издательства на художников. Сами просили. Это была трудная работа. Я сделала для себя вывод: никогда теперь не доверяй современным издательствам, не трудись без договора. Это тебе не бывшее государственное издательство «Детская литература», не «Малыш». Это издательство — частное, а еще и «дачное»: на 26-м километре автодороги «Балтия». Так что повидаться с Ольгой Ивановной Корчагиной едва ли удастся. Себе я сказала: «На Машку — промашка, а на старуху — проруха», но повременим с результатом: возможно, «хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Кроме тульского издательства **«Родничок»,** создавшего несколько сборников с моим участием, вышло на меня и крупное издательство «Росмэн». Прислало красивейшую книгу с моим участием. Но особенно порадовало издательство **«Аттикус»,** что объединило под своей крышей «Иностранку», «Колибри», «Махаон», а теперь и «Азбуку». Под Новый год пришла неподъемная посылка, в которой было 25 книг этого издательства. А производят свои книги у нас в Твери, недалеко от окружной дороги, и называется это производство «Парето-Принт».

Сборник 2008 года «Новогодние чудеса» был явно долг. В 2009 году вышли «Любимые стихи», «Новогодний хоровод», «Мы встречаем Новый год», «Круглый год». А еще по заказу **«Махаона»** я все прекрасное лето 2009 года провела над созданием книги «Мы играем и мечтаем». Написала стихи о семидесяти профессиях, а в книгу вошло тридцать три о том, кем мы будем, когда вырастем. Мой редактор, заведующая редакцией учебно-развивающей и досуговой детской литературы Ольга, Олечка Самусенко, постоянно «мучила» вопросами и допросами. А в целом все получилось нормально. Если художник Сергей Даниленко, которого я рекомендовала, постарается, то книга должна получиться отличной. А как же иначе? Одно из

стихотворений называется «Я буду президентом». Позвонили из Москвы, сигнальный экземпляр напечатан (август 2010 года).

Поразил всех, и меня в частности, сборник «Сто лучших стихотворений для малышей» издательства **«Планета детства»,** изданный в бархатном, клюквенного цвета, переплете весом в два килограмма. Сейчас на столе, рядом с тремя моими томами общим весом более трех килограммов, лежит книга, изданная в издательстве **«Контакт-Культура»** на средства правительства Москвы, тоже увесистая — в полтора килограмма. Оформлена она в известной **«Студии Артемия Лебедева»** при участии дизайнера Ирины Молодцовой. Иллюстрации Олега Тищенкова отодвигают в сторону каноны по оформлению книг, к которым мы привыкли за многие годы существования детской литературы: не отрицая старое, добавляют что-то новое. Пастельная тональность, не повторяющаяся ни на одной из трехсот пятидесяти двух страниц, успокаивающе действует даже при одном только просматривании книги. О текстах я как автор говорить не смею, а вот про обложку скажу: белая, гладкая, с золотым узорчатым тиснением, в блестящей суперобложке. Название подарочного экземпляра — «Моя книга».

Я теперь часто оцениваю свои книги по весу, ибо при такой тяжести их трудно переносить и использовать для показа. На книжные прилавки дорогостоящие книги попадают реже. Мало того что у них немалая себестоимость, так еще и торговая наценка — ой-е-ей! Эта книга представлена в библиотечной системе нашей области только четырьмя экземплярами.

В 2009 году в моем творчестве появились еще два направления. Это краеведение и фантастика. Все возникло само собой. Ко мне обратилось тверское издательство **«Рэд»** с предложением написать для детей путеводитель по музеям: «Кто написал про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу, тот может это сделать». Я всячески отказывалась: «Не мое, мол, это дело — краеведение. Я далека от истории Твери и музеев Тверской области». Но так как редактор Светлана Калинина очень хотела и ее поддерживало руководство Тверского государственного объединенного музея, к тому же во мне уже жил исторический вирус после написания этого самого Ваньки, я в конце концов согласилась. Два года работала с музейными материалами, общалась с музейными работниками, с генеральным директором Татьяной Владимировной Черных, с заместителем Еленой Валерьевной Вартановой, с работниками Музея Калининского фронта — Людмилой Ивановной Володиной, Галиной Константиновной Буковой, молодыми специалистами отдела развития Женей Громовой, Кириллом Бобровым и

другими сотрудниками и краеведами.

Странствия по музеям дали плоды — рукопись толщиной в 60 машинописных страниц. Рукопись сократила. Был создан путеводитель под названием «Путешествие пятиклассника Ваньки Коровицына по музеям Твери и Тверской области». Но возникли материальные затруднения у заказчика. И рукопись зависла в компьютере головного музея. Не трогая первого варианта путеводителя, делаю второй с другим ракурсом «Из века в век в легендах и сказаниях. Сказочно-документальный путеводитель по музеям Твери и Тверской области». Под таким названием в издательстве **«Линет»,** где главный редактор Юрий Кузьмин и его помощница Елена Жук, в 2009 году был издан путеводитель для детей и подростков на личные финансовые средства.

Фантастическое направление моего творчества было в зародыше, когда я создавала произведение под названием «Планеты Созвездия Сверкающих Звезд», напечатанное в третьем томе «Моя книга-3». И вдруг, совершенно неожиданно, появилось желание написать что-то подобное. Это желание воплотилось в книге «Загадки небесного замка», изданной в том же издательстве «Линет» в 2009 году. Рисунки по трем произведениям были созданы Андреем Юдиным — тверским художником, дизайнером, прекрасным руководителем и организатором разных художественных выставок в Твери и за ее пределами, отцом двух маленьких сыновей — Степы и Вани. С Андреем и его женой Леной я знакома давно. Памятна наша совместная работа над телепрограммами в период моей работы с театром. Замечательные съемки были и при создании других сюжетов. Тогда все делалось в магазинах кухонной мебели, в кафе, на фоне выставочных интерьеров. Незабываемые деяния! И вот десять картин — пастель, выполненная цветными мелками. Большие прекрасные картины перешли на страницы книг. Андрей Юдин выступил в качестве книжного художника. Рисовалось долго, как и печаталось. Книга получилась своеобразная, не совсем книжного вида снаружи, но с красивой загадочной иллюстрацией внутри. Особенно всем нравится изображенный в «Семи царских-королевских жемчужинах» повелитель морской стихии — царь Ером.

Знаменателен был уходящий 2009 год и выходом книги «Старые дневники и пожелтевшие фотографии» с подзаголовком «Из века в век в сказаниях» — автобиографической повести о жизни детей в предвоенные и военные годы. Книга была издана благодаря финансовой поддержке из фонда депутатов Законодательного Собрания от фракции КПРФ Людмилы Федоровны Воробьевой и Андрея Александровича Истомина,

первого и второго секретарей обкома этой партии.

Преподаватель Тверского университета Александр Михайлович Бойников на страницах газеты «Тверские ведомости» достойно представил книгу.

Вслед за «Маленьким чудом» в издательстве «Полипресс» (главный редактор Надежда Николаевна Алексеева) выскочила в 2009 году небольшая сюжетно-ролевая книжица в стихах — «Кукольная больница». Это — самый большой долгожитель из моего литературного архива. Оформлял книгу наш тверской художник Сергей Даниленко, печаталась на Тверской фабрике печати. Одна тысяча экземпляров разлетелась быстро, вернув мне затраты на издание. Цель создания двух последних книг на свои средства была одна — показать московским издательствам, какие книги надо издавать. А о моем доходе тут и речи нет. Сплошные нули плюс энергетические траты, но не в сторону плюсов к здоровью. В последнее время у меня одна «беда» — пишу больше, чем могу издавать. Систему связей не расширяю из-за бюджета времени. Лежит в рукописи познавательная сказка о том, как делают сладости — «Приключение толстого пирожка по имени Пончик», серия рассказов о животных и так далее. Пока пишу эту повесть, «Пончик» пошел в дело. 26 июня 2010 года вышла книжка с таким же названием в Тверском издательстве «Рэд» (редактор Светлана Калинина). Заказчик — «ЗАО «Хлеб». Спасибо Нине Петровне Болговой за двойную сладость!

Глава 10. ОДНАЖДЫ СКАЗАЛА ТВЕРСКАЯ СОРОКА: «СТАТЕЙКИ ПИСАТЬ ДЛЯ ГАЗЕТОК МОРОКА»

Мое творчество не ограничивается только написанием детских стихов, рассказов, переводов, спектаклей. Бывает, и статейку по случаю напишешь. Тематика совершенно разная. Когда между писателями происходит нестыковка по каким-либо вопросам, я не остаюсь в стороне, и как ответная реакция — статья, но чаще такие излияния остаются в личном архивном ящике. Статьи воспитательного плана иногда появляются в печати, но в последнее время реже. Преобладают статьи информационного характера, которые я и предлагаю прочесть. «Вез мужик горох» — документальный рассказ о моем старшем зяте Николае Кулагине. «Навстречу добру и миру» — об участии в учредительной конференции писательниц в Москве. «Цыганская радуга» — документальный очерк.

ВЕЗ МУЖИК ГОРОХ, или КТО ХОЗЯИН НА ТРАССЕ ТВЕРЬ — МОСКВА?

На правах фельетона

«Вечерняя Тверь» от 18.05.1998 г., автор — Марья Затверецкая (Гайда Лагздынь)

Живет в Твери, в затверецком посаде, Алеха, мужик крепкий, работящий. Полжизни положил, чтоб собрать машину МАЗ. Собрал, фургон поднастроил. Помаленьку и стал шастать по матушке-стране, грузы возить. Заработки верные, кабы поборы не безмерные, но жить можно. Да и домишко подлатать бы неплохо, пристроечку сделать. Избенка-то поизносилась. Пальцем в стенку ткнешь невзначай — соседа на огороде увидишь.

Известное дело — дороги. Чем дальше от дома, тем больше хлопот. Бесконечные проверки. Оно и понятно — чего везешь? Но вот придирок, а то и откровенных вымогательств служителей дороги Алеха переносить никак не может. Аллергия на дань, а уж на откровенные фразы: «Дэн-ги да-вай, а не права сюды» — совсем мужика извели. А потому Алеха теперь далеко от Твери не ходит. Не те времена. В ближайшие страны пути заказаны. Другое дело — Москва. Вроде рядом! А вот шоферы все же норовят

кучковаться, колоннами идти, не останавливать. А если ночевать — то у постов ГАИ. Какая-никакая, а надежа.

Вот и отправился намедни Алеха в Москву за горохом. На складе загрузили в пятницу. Пятница — неудачный день. Гаишники накануне выходных особенно бдительны. То и дело — стоп, в бумажки заглядывают. Едет Алеха с горохом, сзади машина из Краснодарского края пристроилась. Едет, горох не лущит, о доме вспоминает, о недоделанной пристроечке соображает, о малышке-дочке кумекает. Только нет покоя, частные номера на машине, верно, служивых привлекают. Норовят дань московскому царю заполучить. Документами, правами, накладными шуршат. Причину ищут. А ее, причины, вроде бы и нет! Нервы у Алехи растормошились: работа напряженная в потоке транспорта, бессонная полночь за нервные волоконца дергает, а тут еще за постами ГАИ успевай смотреть. Он возьми и скажи: «Что вы все правами да накладными на горох лузгаете? Если в чем подозреваете, так в кузов загляните! Али лень? Жирком обросли? Может, я там ракетную установку везу?» Тут и краснодарские мужики не стерпели, высказались. Такие высказывания не понравились. «Ах так! А может, у вас документы подделаны? Будем выяснять».

«А чего выяснять? Сколько можно держать? Москва, да и база, откуда горох, не за горами. Вот и телефончики!» — возмутился Алеха. «Хватит держать!» — опять подхватили краснодарцы. Ну и пошло-поехало. «Ах так! — снова возникли служивые. — Вот мы вас! Ишь, еще с приложением, мать вашу так!» А прав кто? У кого власть! И поставили машины на прикол. Делают вид, что другими машинами занимаются. Один час стоят, второй пошел. Алеха уже к родной Твери бы подъезжал. И тут мужики-шоферы смекнули: составили коллективное заявление о незаконном задержании, стали собирать подписи других водителей, которых останавливали, с указанием места задержания, времени, паспортных данных шоферов. К концу четвертого часа набрался приличный список. Когда это служивые увидели, то окончательно рассвирепели, стали искать противоядие. Заставили отогнать груженые машины на платную стоянку, а мужиков-бедолаг — в крытый транспорт — и в кутузку. Стали обыскивать, искать острые предметы и прочее, а точнее — бумагу-заявление — компромат. Но смышленый и тертый жизнью Алеха пакетик-то бумажный — заявление — к потной подошве приклеил. От носков пахло, потому и не проверили, что в них.

Вот так и попал Алеха тверской, мечтавший о доме, в камеру, где кроме них — троих плотных работяг-шоферов — сидели бомжи и прочие «московские гости». Помещение холодное, спать

почти негде, кормежка один раз в сутки да вечером вода на ужин. А ночью заставляли под конвоем чистить занесенные снегом, а точнее, грязной слякотью, московские земли. Вот так-то: и бесплатная рабочая сила за плошку жидкого супа и пустую воду, и поборы за платную стоянку в московскую казну. Какие там права, уважение человеческого достоинства рабочего человека?! Только в кино услышишь: «Я требую своего адвоката!» И никакой связи с «волей». А вдруг кто-то кому-то сообщит? Так спокойнее, прибрали мужиков, прикрыли, не найти!

На другом же конце дороги, в Твери, происходило следующее. Жена Алехи и дети были встревожены. Прошли сутки, наступили вторые. Вот и они на исходе. Если поломался, то позвонил бы. Такое бывало. Обеспокоенные хозяева — заказчики груза, не получив свой горох, вышли на трассу Тверь — Москва, проехали на легковушке до московской базы, удостоверились, что груз получен. Но сколько ни взирали дорогой по сторонам — шестнадцатитонной машины не обнаружили; обзвонили все московские больницы, морги, милиции, ГАИ — никаких следов. Куда подевался тверской мужик с горохом — неведомо никому. У жены давление, температура, у тещи — сердечный приступ, гипертонический криз. Вечером в субботу обратились в соответствующие тверские органы. Там ответили, что нет смысла оставлять заявление о розыске, так как и в субботу, и в воскресенье они не работают. «Да за двое суток, — пыталась возразить жена Алехи, — машину можно угнать за край российской земли!» В понедельник, к обеду, заявление о розыске человека и машины с грузом было принято.

Выпустили водителей в понедельник в обмен на заявление о незаконном содержании с многочисленными подписями, пригрозив: «Не отдадите — мы можем держать вас тридцать суток, используя для очистки улиц и других мест». Пришлось Алехе с бумажкой расстаться.

Заплатив за платную стоянку двести пятьдесят тысяч (а краснодарцы — триста), отправились водители из гостеприимной Москвы домой, сетуя на себя, что сразу по пятьдесят тысяч не выложили.

Но на этом злоключения Алехи не закончились. Не везло — сломалась машина. Остановился на обочине трассы, стал ремонтироваться. И тут откуда ни возьмись на красной «семерке» подлетели те, о ком говорят «люди кавказской национальности». Двое вышли из машины, третий остался за рулем. «Что, сломался?» — спросил один. «Сломался», — нехотя ответил Алеха. «А ты знаешь, что этот участок Московской окружной дороги — наша территория? Плати. Сто баксов давай!» — «Нет у

меня таких денег». — «Сейчас проверим!» Но это им не удалось, Алеха сильно разъярился: «Подходите, гады! — а сам за монтажку рукой. — Мне своих хватает. Еще вы к нам побираться явились! Х... я вам дам!»

«Ах так! — завопили оба. — Мы тебя проучим!» И, прыгнув в машину, умчались за подмогой. Вспомнив русскую поговорку «беда одна не приходит», наскоро закрутив болты, Алеха стал останавливать машины, которые, кстати, не отвечали на просьбы. Но худа без добра не бывает! Самосвал оттащил Алехину машину в сторону от трассы километров на двенадцать, и она растворилась среди машин какой-то промзоны. Пока ремонтировался, вернулся самосвал, водитель рассказал, что две машины рыщут, спрашивают, куда подевался МАЗ с зеленой кабиной. Да, русского умом не понять!

Закончилась гороховая поездка тем, что поздно вечером грязный, изголодавшийся Алеха, сняв раскисшие ботинки, поставил носки в уголок. А маленькая дочка никак не могла понять: почему папа отдирал их от грязных пальцев? Как это ему удалось так извозиться на центральной трассе России между Москвой и Тверью?

Ночью теще не спалось, одолевали думы: что же это такое творится на Руси? Одни мужиков злят, другие не выдерживают, высказываются, за это их в кутузку. Там мужицкую силушку задарма используют! А если бы зять без оповещения не на трое суток, а на тридцать был бы изолирован? Что же получается? Одни прячут, другие ищут? Все при работе. Небось, еще и премию получают? По-столичному работают! И не надо говорить «дэн-ги да-вай!» А еще надумала старушка рацпредложение в городскую Думу подать: пусть тверские московский опыт перенимают. Смотришь, и улицы чище будут, и городская казна пополнится. Мужиков только жаль.

Утром теща растолкала зятя: «Алеша, ты бы съездил к заказчикам, которым возил, купил бы мешок гороха, смастерил бы рогатку, стал бы отстреливаться от всех, кто будет посягать на твое человеческое достоинство. Послушай тещу, она плохого не посоветует».

Через неделю теще опять не спалось. Спозаранку к Алехе: «Слышь-ка, я сегодня гаишника на перекрестке наблюдала. Стоит родненький-худенький, маленький такой, штаны на коленках колесом висят. Дождь, ветер. Видно, умерз. Видать, трудная работа. Не всем хорошо-то, как и вам».

Моя статья об учредительной конференции под названием

«Навстречу добру и миру»

(была опубликована в «Калининской правде» 05.01.1990 г.)

С 6 по 7 декабря в Москве в Центральном доме литератора проходила учредительная конференция Ассоциации писательниц при СП СССР. Эта конференция была подготовлена очередным заседанием оргкомитета и Московским женским писательским клубом «Вестница», где и были обсуждены проекты программ и устава будущей Ассоциации писательниц страны.

Конференцию приветствовали С. Михалков, министр культуры Ю. Мелентьев, зав. отделом поэзии издательства «Советский писатель» А. Бобров, первый секретарь московской писательской организации А. Михайлов. С докладом выступила Лариса Васильева, четко определив цель ассоциации — утверждение женского начала внутри литературного движения.

В проекте программы сказано, что «в событиях отечественной истории женщина — носительница жизни — не сказала еще своего слова. Для создания здорового нравственного климата в стране необходимо побуждать женскую активность. Семья — капля океана. Если капля засорена, океан нечист». А нечиста природа — нечист человек.

Сегодня женщины-писательницы не могут не выходить из полупассивного созерцания происходящего и, используя все формы творчества, не могут не включаться в решение следующих проблем: ЭТИЧЕСКОЙ — духовное и душевное развитие, законы морали, нравственности, чести, совести, достоинства, милосердия, гуманности должны решаться в стране с учетом женской половины общества. «Дух — мужчина. Душа — женщина. Он руководит, она управляет». ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ — кто, как не женщина, прежде всего хранит в семье чистоту и порядок в доме, а эта ее особенность не используется в государственном масштабе. ЭТНИЧЕСКОЙ — веками не произносила женщина своего слова в межнациональных отношениях, а именно мать учит семью добрососедству. «Мужчина хочет мир перевернуть, а женщина — уравновесить». ЭКОНОМИЧЕСКУЮ — всестороннее женское участие способно приучить общество к аккуратности, бережливости, хозяйственности во всех областях экономики, ибо кто, как не женщина, держит в руках экономику семьи.

Долгие годы писательницы были «частью литературного процесса», который не касался женских тем, своеобразия женского искусства. Но XX век — прорыв женщин в литературу. Ассоциация писательниц страны отчетливо осознает, что здоровый нравственный климат могут создать в обществе лишь нравственно здоровые люди, и ставит в центр внимания: женщину

как личность, семью — как главную ячейку общества, планету — как наш общий и единственный дом. Ассоциация писательниц осознает, что «литература — жесткий закон умной конкуренции между мужчинами и женщинами», но стремится к взаимопониманию среди своих членов, провозглашает неприятие начальственных синдромов, субординарных привязанностей. Ассоциация также считает, что все начинания невозможны без поддержки, понимания, участия и прямой помощи со стороны мужчин — как литераторов, так и всех остальных.

Ассоциация писательниц предлагает своим членам на местах способствовать открытию клубов с привлекательными названиями и собственными программами, приглашая для участия в них женщин разных профессий. Эти женские «земства» могут стать опорой обществу в его нелегком процессе духовного возрождения.

Ассоциация писательниц будет всемерно поддерживать инициативу клубов по созданию местной женской прессы: журналов, газет, альманахов, страниц в воскресных газетах, еженедельниках, отдельных сборников женского творчества; вступления в содружества и деловые отношения со всеми организациями, занимающимися проблемами экологии, культуры, семьи, школы, милосердия как в стране, так и за рубежом.

Писательницами страны накоплен огромный опыт, требующий его передачи по назначению, поэтому они готовы принять участие в работе радио, телевидениях на всех уровнях, разрабатывать идею видеоканала о женщинах и для женщин, а также программ, способных дать широким слоям общества элементарные, часто забытые, во многом неизвестные знания о быте, воспитании, взаимоотношениях внутри семьи и между людьми. Организационное и творческое участие писательниц, журналисток в таких программах трудно переоценить. Общество нуждается в издательской деятельности и журналистике нового типа, издании книг, необходимых обществу и времени, направленных на совершенствование человеческой личности.

Ассоциация поддерживает и рекомендует издавать антологии и сборники писательниц разных поколений, времен и народов, а также начинающих талантливых авторов — женщин; выступает инициатором привлечения в свои члены редсоветов издательств и комитетов при СП СССР, а также налаживания связей с писательницами разных стран. Все акции Ассоциации писательниц не преследуют целей сепаратизма и направлены навстречу Добру и Миру.

При обсуждении проекта резолюции было предложено и

утверждено слово «Ассоциация» заменить словом «Федерация». Председателем совета Федерации писательниц при СП СССР была выбрана Лариса Николаевна Васильева.

К слову…

При встрече Лариса Николаевна спросила: «А вы почему не приезжаете к нам на заседания как член СП от вашей писательской организации? Мы вам телефонировали и приглашение присылали». Ответила: «Неужели неясно? У нас только два члена могут быть на заседаниях в Москве! Вот вам и пример начальственного синдрома».

«Цыганская радуга»

В статье под таким названием в «Калининской правде» от 28.08.88 г. хочется рассказать об участии ансамбля «Бахтари» на Международном фестивале фольклора в Москве. Напечатана в сокращении.

К малой национальности — цыганам — отношение в народе однозначное, оно складывалось веками. Поэтому неудивительно, что шумная, многоголосая, ярко одетая толпа привокзальных цыган, цыган, торгующих возле магазинов, у нас ассоциируется с одним словом: «А, цыгане!» Некрасивы цыгане в добыче хлеба насущного таким путем. Нам непонятен и чужд цыганский образ жизни, о нем мы больше судим по фильмам и художественной литературе. Но кто ближе знаком с цыганами, тот знает, сколько в этих людях целомудрия, уважительного почтения к старшим, сколько сохранилось чистоты во взаимоотношениях. Красивы цыгане в огненном стремительном танце, в прекрасных старинных песнях — они на слуху: «Ручеек», «Да ну, да ну» и др.

С цыганскими песнями и плясками мы тоже больше знакомы по телевизионным зарисовкам, кинофрагментам, по выступлениям единственного в мире цыганского театра «Ромэн». Колоритный, всеми любимый цыганский фольклор уходит. Молодые цыгане под звуки гитар бренчат популярные, порой пустяковые, эстрадные песенки, подражая рокерам. Поэтому не случайно для сохранения этих уникальных родников народного творчества в нашей области стали создаваться цыганские ансамбли.

Интерес к калининскому фольклорному ансамблю «Бахтари» на международном фестивале в Москве был огромен. Людей интересовало все, но главным вопросом был один: «Неужели

работают? А мы думали, что только пляшут!» И еще: «Это непрофессионалы? А похожи! Очень правдоподобны!» Вопросы задавали не цыганам, а руководителям: директору областного Дворца культуры профсоюзов Л.П. Коклюшкиной, зам. директора С.В. Даландуцкому, зав. театральным отделом В.В. Поляниной, Н.Н. Чумаковой — педагогу, организатору вышневолоцких цыган. Они приехали с ними, они знают цыган, им верили.

Да, артисты ансамбля «Бахтари» живут оседло и трудятся. Кто-то из них работает в клубе, кто-то в детском учреждении или в совхозе, в кооперативе, на стройке. В ансамбле есть дети восьми-десяти лет — Злата, Анжела, Женя. Олег из семьи Петровичей, гитарист, пишет стихи и музыку. Его песня «Двенадцать лет» прозвучала в прошлом году на отчетном концерте ансамбля в театре «Ромэн».

«Двенадцать лет бродил по жизни. Исколесил весь белый свет. Ведь я рожден цыганом. Мне без кочевья счастья нет». Еще строки: «Мне часто снится степь, и в той степи туман, и слышно льется медь, и в бубен бьет цыган», «Я искал и сам не знаю, что такое счастье. Жил в «богатстве», презирая горе и несчастье». «Все люди на земле равны. Все способны и умны», — пишет Олег Николаевич из семьи Петровичей.

«Что ни актер, то индивидуальность, — говорит о членах коллектива художественный руководитель, балетмейстер цыганка Ганга Баталова, воспитательница детского сада. — Каждый цыган светится своим светом. А вместе мы — ЦЫГАНСКАЯ РАДУГА».

А все-таки кто такие «Бахтари»? «Бахтари» — это объединенный цыганский ансамбль, лауреат Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, возникший в 1987 году на базе Калининского областного дворца культуры профсоюзов. Создан он из семейных цыганских ансамблей клуба КСМ-2 г. Калинина, ансамбля из Вышнего Волочка, Ржева и других. В него входят семьи Дубковых, Петровичей, Рыбниковых, Баталовых. Основной состав — молодой: сестры, братья, старшие из семьи. Слово «бахтари» в переводе с цыганского означает «счастье».

На Международном фестивале фольклора нашему коллективу «Бахтари» была предоставлена возможность участвовать в торжественном цыганском ритуале «Свадьба» совместно с украинскими цыганами из ансамбля города Николаева «Тэрнэ-Рома», что означает «Молодой цыган». Театрализованное представление должно было проходить в Москве на территории музея-заповедника «Коломенское». Кроме того, был запланирован ряд концертов, в том числе в Парке культуры и отдыха имени М. Горького. Как же проходили выступления ансамбля «Бахтари»?

Из Калинина артисты выехали 13 августа. Из ансамбля неожиданно выпала одна семья из-за смерти близкого человека. На ходу формировался другой состав — из пополнения. Поэтому на одной из зеленых остановок в пути пришлось срочно проводить дополнительную репетицию. Я всегда удивлялась и удивляюсь способности директора Дворца культуры профсоюзов Л.П. Коклюшкиной, много лет проработавшей режиссером народного агиттеатра, ее умению быстро организовать людей. Работа с массой всегда трудна. Работа с цыганскими семейными ансамблями объективно оправдана, но специфична.

И вот Москва, Парк культуры имени М. Горького. Концерт на одной из больших эстрад. Перед огромной зеркальной водной поверхностью на ладье — сцена. На ней — наш ансамбль «Бахтари». Как только запели артисты и бубен взметнулся над головой юного Жени Дубкова, уже лауреата Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, как со всех концов парка, от других сценических площадок хлынул к нашей эстраде народ. Всем удобно возле сцены. Плотной стеной встали зрители вокруг ладьи. И невольно вспомнились напутственные слова Ганги Баталовой: «Цыгане — вольный, свободолюбивый, миролюбивый народ! Взмах рук, быстрые движения, гордая прямая осанка! Мы — дети природы. А ну давай, рома! Все отдадим зрителю!» И полились песни, заплясали «Бахтари». А Ганга, ведущая концерт, огненная танцовщица, подбадривала своих товарищей, обращаясь к зрителям: «Не жалейте рук! Хлопайте, танцуйте с нами. Вам хорошо, и нам хорошо!»

Более часа шел концерт. Оставлена сцена, на ней идут выступления других фольклорных коллективов, а «Бахтари» все не отпускали. Возле автобуса, которому разрешили въехать на территорию парка, продолжаются выступления артистов. Ансамбль распался на отдельные коллективы, возникли малые сценические площадки: семья Дубковых, семья Рыбниковых, семья Петровичей, и снова все монолитно, вместе. И опять плотная стена зрителей и многочисленные вопросы. Вот в круг танцующих ворвался гость Москвы белозубый кубинец Андрэ, но он не поспевает за танцорами. Фотограф влетел на крышу нашего автобуса. Уже танцуют зрители разных национальностей. Плотные круги вокруг исполнителей смыкаются все туже, приходится силой, уговорами расширять сценические площадки. «Бахтари» танцуют час, затем второй. Они как бы перезаряжаются на еще большие скорости. На малых сценах не снижают самодеятельные артисты художественного уровня, наоборот, выплескивают на зрителя все свое национальное исполнительское мастерство.

Цыгане не предоставили своего материального воплощения творчества в виде сувениров и поделок, как многочисленные национальности нашей Родины и других стран. Творчество цыган — это песни и танцы. И они отдавали его сполна зрителям!

Ночевали «Бахтари» у Борисовских прудов, недалеко от Коломенского музея-заповедника, раскинув свои «шатры» — спортивные палатки. Как шутили артисты: «Они сегодня на прудах в шатрах изодранных ночуют». До рассвета на высоком берегу возле костра не умолкали цыганские песни. А впереди — новый день. День участия в торжественном ритуале «Свадьба» — по плану фестиваля, праздник народного обряда «Лето в Коломенском».

Дождливое пасмурное утро сменилось ярким солнечным жарким днем. Сценические площадки на территории музея-заповедника «Коломенское» расположились на высоком холме. Наступил час открытия. На церковной башне пробило двенадцать часов пополудни. Центральные телевизионные камеры огромными глазами смотрят в мир. Длинные, словно дальнобойные пушки, микрофоны чутко вслушиваются в звуки. Начались выступления фольклорных коллективов.

А примерно за час до торжественного начала выступления «Бахтари» вместе с николаевцами ушли «в народ». И когда наступила очередь им играть «Свадьбу», они, исплясавшиеся на холмах заповедника, стали демонстрировать свое мастерство.

Роль нашей группе была выделена незначительная, как говорят профессионалы, участвовать в массовке. Но наши «Бахтари» во время выступления все незаметнее, но все больше и больше занимали свое достойное место в таборе. Невольно подумалось: идет не спектакль, а жизнь цыган на сцене. Наша Ганга Баталова, танцуя, вступила в спор с ведущей танцовщицей из николаевской труппы. Цыган развел их в минуту танцевального спора. А весь табор признал право за Гангой.

Ушли телевизионные операторы. Пусть неудобна травяная сцена под деревьями, далека от центральных телевизионных установок, но основная масса — здесь. И опять плотная стена. Бесполезны наши совместные с милицией усилия расширить сценическую площадь. Идет третий час, как наши «Бахтари» отдают себя зрителю. Подошли начальник Управления культурно-просветительных учреждений Л.В. Тютиков, инструктор ЦК КПСС и другие. Наконец буквально силой уводим ансамбль на отдых.

Большая эстрада с микрофонами отдана Российской Федерации, нашим цыганам предлагают дать еще концерт. Велик соблазн, но нет уж сил. Артисты так устали, что даже побледнели. «Я похудел, еле держусь на ногах!» — говорит один

из гитаристов. А что тогда говорить о танцорах и певцах? Было принято совместное решение закончить выступление ансамбля.

По дороге домой не слышно песен. Все силы отданы международному фестивалю, отданы людям. И почему-то снова вспоминаются строчки из стихов цыгана Олега из семьи Петровичей:

Пусть застынут цифры на ракетах.
Нету страха в утренних газетах.
И команды нет за океаном,
Чтобы Хиросима повторилась утром ранним.
Мы верим в разум, а не в силу зла.
Ведь человек рожден для красоты!
Ты — царь природы! Будь же честен ты!

Глава 11. КАПЕЛЬКА ДЕГТЯ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗНА, НО НЕ ВСЯКОМУ ЭТО ИЗВЕСТНО

Мой архивный ящик

Мне немного хочется поговорить о критике, конечно, не всей системы книгоиздания, а об отдельно издаваемых книгах. Хотя лично я считаю, что лучше это делать на литературных сборищах, где собираются люди этого круга. Зачем выносить обсуждение на страницы газет, которые читают, образно говоря, «и стар и мал»: и академики-электронщики, и слесари-сантехники. Обычные люди далеки от наших писательских проблем. Но редакторы газет, возможно, думают, что читателю будет интересно читать о внезапно вспыхивающих литературных войнах. А затевают их у нас одни и те же авторы, ущемленные чем-то, задетые кем-то за краешек тщеславного самосебялюбия, и пошло-поехало. Давно ли отшумела битва в «Тверской жизни», связанная с Валерием К., с Александром О., с Константином Р. в Союзе писателей?

Если возникает какой конфликт между пишущими собратьями, то борьба мнений порой идет врукопашную. Иногда появляются в газетах статейки кого-то на кого-то, то под чужим именем, то под именем какой-нибудь дурочки-журналистки. И тут уже нет удержу на искажение фактов, на описание непроизнесенных слов и в оценках происходящих сцен. Все это — пустомельство! Суета сует! А вот о выходящих из печати книгах, об оценке тех произведений, которые получают гранты, губернаторские премии, нет информации. Есть только констатация фактов. А если и появятся, то я не уверена, что это будут научно-правдивые оценки, а не лилейно-заказные. Уж очень много у нас развелось лис-подлиз, околопечатных приспособленцев. В нашем «подмосковном болоте» отсутствует профессиональная критика. Была в свое время, а потом куда-то подевалась. Всякую информашку печатают газетные сотрудники-журналисты, не отдавая никому свою площадку, свой хлеб насущный. Много в редакциях молодых специалистов, которым приходится диктовать фамилию по буквам. Спрашиваешь: «Приезжая?» Ответ: «Тверская. На филфаке училась». Горе-журналистка, а берется писать, не зная таких азов, как то, что газета — это исторический документ, а не клок бумаги для

селедочных остатков.

В далеком прошлом пытался, к примеру, В. Кокин чуть эпиграммками покритиковать, так врагов нажил. Евгений Клюев пробовал, и неплохо писал, да уехал за моря-океаны. Владимир Кузьмин взялся было за критику, да вот в Москву подался — не везет тверской литературе.

Из современных критиков ощущаю присутствие в литературе Александра Михайловича Бойникова, кандидата филологических наук, доцента кафедры журналистики и новейшей литературы, члена Союза писателей России. Как о человеке хочу сказать: открытый, бескомпромиссный по характеру, чем-то схож со мной. Он, что соответствует фамилии, из породы бойцовых — таких в дипломаты не берут, так как нет полутонов, а есть либо белое, либо черное. Мне нравятся люди такого склада. С ними все ясно, они не играют с тобой в кошки-мышки. От этих кошек-мышек я устала при общении с москвичами, пока не поняла наконец: говорят одно, думают другое, делают третье.

В нашей «большой деревне» все обо всех знают, не хотят портить отношения; если уж собрались с духом, то собираются в кучку по принципу сговора. Отведи нас, боже, от этих нечистых душ!

Продолжая разговор о критике, хочу сказать: не любим критику, да и кто ее любит? Не привыкли к ней, болезненно реагируем. Иногда считаем себя недоступными, недосягаемыми для пера других. А потому нет у нас настоящих критических статей ни на изданные книги, ни на театральные постановки, ни на игру актеров. Театры вообще вне обсуждения, где «элитные, старые, народные», к которым нельзя прикоснуться не только критическим словом, но и частью слова — слогом. А возможно, и специалистов для этого нет? А может быть, и есть, да ворота закрыты?

На события, происходящие в нашем литературном мире, я реагирую своеобразно. Пишу статью и отправляю в свой архивный «ящик». Почему? Не трачу времени на посещение редакций, не уверена, что возьмут из-за темы, а если возьмут, то с большим сокращением или вообще не опубликуют. А вот сейчас «рука — владыка»: помещаю в свой печатный труд две такие старенькие статьи, давно написанные в бытность руководства организацией Е. Борисовым.

По следам критических выступлений

С появлением книги В. Редькина «Поэтическое Верхневолжье», естественно, каждый, считающий себя поэтом, тем более печатавшийся в газетах или имеющий пусть одну, но авторскую книжку, ищет свое имя на страницах издания. Ведь книга задумана как анализ творчества поэтов Верхневолжья. Книга оценки литературного движения тверского края. И, не находя себя, понятно, негодует. Вот, видимо, причина того, как пишет в своей статье В. Карцев-Кузьмин («Тверская жизнь» от 17.03.1998 г.): «...и тут же опять заговорили, если не сказать — зашумели — местные поэты». И справедливо зашумели. Если за такой труд взялся не дилетант, а профессор-филолог, да еще рассчитывающий после выхода книги в свет стать членом Союза писателей, то уж, извините, нужно было глубоко попахать. Но, похоже, автор книги шел по легкому пути исследователя: писал о тех, кого знал, с кем общался, а возможно, о тех, кого рекомендовали руководители Тверской писательской организации. Александр Гевелинг, член бюро, по должности занимающийся в организации анализом творчества тверских литераторов. В одном лице: ответственный секретарь Союза, директор издательства, руководитель редакционного совета, он же и редактор книги — Евгений Борисов. Я не знакома с поэзией Е. Беренштейна, но по стилю оценки его творчества почувствовала, что отношение к поэту у автора специфично. Непонятно и то, как автор монографии относится к женщинам-писательницам, покинувшим Тверь. Бросается в глаза некий налет мещанского провинциализма. А за биобиблиографический указатель, вышедший в 1988 году благодаря библиотеке имени Горького и стараниям наших руководителей, карается Г. Лагздынь — единственная женщина-писательница, сумевшая туда попасть.

Воистину полная неосведомленность профессора. В указанный справочник, о чем ясно пишет составитель, тогда были включены только члены Союза писателей СССР. А среди этих членов Союза в тот исторический отрезок времени была только одна женщина-писательница — Гайда Лагздынь.

В другой статье на данную тему «Иллюзии тверской литературы» («Вече Твери» от 20.03.1998 г.) Владимир Кузьмин пишет, что писателей и писательниц у нас около тысячи. Прежде всего хочется уточнить понятия: пишущий и писатель. Раньше как-то люди были скромнее, что ли? Не решались называть себя этим титулом, не будучи принятыми в Союз писателей. Другой вопрос: каждый ли писатель достоин этого звания? Все мы, кто меньше, кто больше, кому как повезло, ходили в литераторах. Поэтому понятие «около тысячи писателей и писательниц» не

совсем верно. А говоря о литераторах, можно сказать: их гораздо больше.

Вот тут-то при оценке, анализе творчества тверских авторов у создателя книги и возникли трудности. Нужен был титанический труд, чтобы разобраться во всем потоке тверской литературы, возможно, коллективный труд филологов. Уважаемый профессор пошел по тому же пути — пути поверхностного исследователя. Те авторы, что подсуетились, вышли на связь, подарили свои книги, публикации, стали счастливчиками, попали на страницы «Поэтического Верхневолжья». В этой части — полный хаос, смещение времен, недооценка оставшихся «за кадром». Если М. Петров рецензировал рукопись, может быть, анализировал книгу? Это разные вещи. Если он обнаружил, как пишет автор статьи В. Карцев, «множество повторов» и других недостатков, то почему эти огрехи остались в книге? Не были доведены до автора рукописи и редактора? Не были исправлены? Тогда бы книга, как пишет В. Карцев, «не разрослась бы до объема монографии просто литературно-критического обзора» (а это уж не книга творчества, а справочник), не стала бы гимном тверских корифеев, а превратилась бы в нужную книгу информационного анализа старого и нового поколения поэтов. Достойных имен набралось бы предостаточно. Как же прав В. Карцев, говоря, что «критика заговорила, но, к сожалению, пока в одной тональности — главной скрипки». А я бы добавила: не совсем полноценного соло. Что касается оркестра — говоря языком тех же авторов статей, что мешает взяться за дело? Леность или некомпетентность? «Только докторов филологических у нас около двадцати наберется, а кандидатов, боюсь, перевалит и за сотню» (В. Кузьмин). «Или до тверской литературы им никакого нет дела?» С этим я тоже согласна. Надо только оркестру почистить инструменты, смахнуть застаревшую пыль. И предложить оркестровую обработку, чтобы было меньше иллюзий, а больше правильной чистой музыки.

Позвольте высказаться

16 февраля 2000 г.

Серия статей в печати о писательских делах возникла задолго до выборов ответственного секретаря. Выборы прошли. Преобладающая масса тверских писателей вновь проголосовала за Е.И. Борисова, но публикации в адрес писателей продолжаются. Перелопачивают, перекладывают, муссируют давно уже всем известные факты.

На каждую статью в прессе писатели реагируют по-разному. Я, к примеру, фиксирую свое мнение на бумаге, оставляя

черновики в личном архиве. Но надоело, потому высказываю свое мнение.

Длительное руководство писательской организацией и издательским делом в одном лице при попустительстве, а точнее, при равнодушном отношении к тверским писателям со стороны руководящих органов, сформировало личность руководителя как таковую. Меня как члена писательского союза это затрагивает, но больше беспокоит другое. В любой организации есть свои издержки, недочеты, недоработки и явные перегибы. Но почему все дела надо решать через прессу? Благо умеем писать? Зачем нагружать рядового читателя нашими узкими писательскими проблемами, а не использовать административные органы?

Вокруг «писательского дела» крутятся одни и те же имена. Оно, конечно, понятно. Для одних тема статьи — хлеб. Для других — желание появиться на страницах газет. А для третьих? Через первых и вторых достигнуть определенно поставленной цели.

Беспокоит и другое: для чего нас, тверских писателей, выставлять для достижения этих целей в некрасивом виде? К примеру, отчетно-перевыборное собрание на страницах тверской газеты было описано как одно из буйных заседаний Государственной Думы! Да, было два эпизода. В одном бузу затеял профессор, доктор наук, академик В. Юдин, предложив даже поэту В. Токареву помериться физической силой. Куда ни шло, Токарев из рабочих. Но В. Юдин? Столько званий. Или на кафедре филологии и журналистики такая методика обращения приветствуется? Бедные будущие журналисты!

В одной из статей в «Тверской жизни» В. Юдин, разглагольствуя об этике и нравственности, бестактно спрашивает: «Многие ли печатались в центральных журналах или издавались в центральных издательствах?» Что он этим хотел показать? Что печатается? Отлично, мы рады за собрата по перу. Тверские писатели не так часто, как хотелось бы, появляются на страницах центральной прессы. Хотя что представляет собой центральная печать? Центральная — то есть с московской пропиской? Сегодня не поймешь, где эта центральная печать. В основном литература рождалась и рождается в глубинке, а презентуется в столице. Далее уважаемый автор статьи пишет о том, что «писатели изыскивают, изгибаясь в три погибели, лазейки к руководителю книгоиздательства, то есть к Е. Борисову. Опять не надо оскорблять достоинства писателей. В ответ они молчат не потому, что волнуются за судьбу своих рукописей (я не исключаю и таких) — нужное творение найдет, рано или поздно, свое место в литературе; а потому, что

занимаются своим делом — писательским, считая работу журналиста ремеслом журналиста. Кстати, говоря о лазейках к руководителю, хочется спросить уважаемого педагога В. Юдина: почему он был милым человеком, играл на гармошке в писательской организации, налаживая контакты, пока ходил в кандидатах в Союз писателей? Разве он не владел информацией? А вот заявления коллег о приостановке членства в писательской организации как формы протеста, я думаю, надо заменить голодовкой.

Любое занятие (к нему я отношу и увлечение сочинительством) требует уважительного отношения и к состоявшимся писателям, и к начинающим. Сколько новых имен! Лавина публикаций на страницах газет. Всех желающих, при всем уважении к авторам, вокруг местной издательской «кормушки» не разместить. И не надо внушать авторам, что во всем виноват Е. Борисов. Пройдут года, и не у каждого, но сложится достойная к печати книга. А кто торопится — за свой счет. Время-терпение — вот что пережил каждый из нас и переживет в жизни всяк идущий по писательской тропе.

Я согласна с автором статьи В. Юдиным, что творческие мастерские, или, как их называли, секции, в писательской организации надо создавать. И не только для поэтов, прозаиков, пишущих для детей, но и для детей и подростков. Смешно ведь, что детским творчеством занимается общество книголюбов, основная работа которого — пропагандировать книгу, не превращаясь при этом в большой книжный магазин под козырьком общества. Конкурсы рукописных книг — не работа с творчески одаренными детьми, а фиксация работы. Работа с литературным материалом детского творчества — очень трудоемкое, кропотливое занятие, особенно с поэтическим. Неудивительно, что для областного конкурса книголюбов была выбрана форма работы с рукописными книгами-сказками. Столкнувшись с трудностями, общество книголюбов перешло на конкурс рисунков, тем самым опять подменяя работу других организаций.

Разговор о «создании в тверской писательской организации творческих мастерских, материально независимых друг от друга групп, по типу литературно-критических организаций двадцатых годов», о том, что будущее — за региональными общероссийскими журналами, путь к разрушению единого писательского союза, мизерной издательской «кормушки», финансируемой из областного бюджета, растаскивания книжного издательства по журналам. А не лучше ли собраться и решить на соответствующем уровне, как распорядиться финансами,

согласовать планы? Тем более что выборы прошли, и в писательской организации создано расширенное бюро из семи человек.

Пора по-деловому решать наболевшие вопросы, а не выпускать серию пустозвонных статей, за строчками которых все время висят чьи- то недовольные уши.

Моя капелька

Неоспоримо, что Агния Львовна Барто является классиком современной детской литературы, и никто не смеет посягать на это звание. Так было принято считать со времени уже уходящего в глубь истории XX века. Тогда во всей власти существовал культ на все, в том числе и на литературные персоны. А. Барто взяла от мужа все: имя, часть его литературных способностей. Он, Павел Барто, не смел при ее жизни и заявить о себе — просто не дали бы. После ее кончины он пытался восстановить свои литературные права. В издательстве «Детская литература» была издана книга стихов для детей, в которой авторами были обозначены Агния Барто и Павел Барто. Но вскоре Павел умер, и, видимо, наши литературные, а может быть, и не литературные, власти решили: всем известна только Агния Барто, какой там еще Павел Барто?! И все стихло.

Меня как детского поэта всегда удивляла двойственность стихов А. Барто. Одна группа — стихи-«игрушки», которые в книгах без конца печатают и перепечатывают. Другие стихи больше похожи на фельетонные вирши для детей. Вообще мне всегда казалось, что Агния Львовна не очень любила ребят! Смотрите, какие строчки она писала, которые не радуют ребенка в начале его жизни, а заставляют содрогаться его еще неокрепший чувственный мозг. И пусть на меня обрушится шквал сторонников «классицизма», и пусть шумит родня и критика, но я всегда хотела это сказать. Только цензура не пропустила бы столь крамольные высказывания. Мои ощущения как-то раз были подкреплены детским лепетом в автобусе: совсем еще маленькая девочка пыталась продолжить стихи Барто более ласковой, оптимистичной концовкой. Я не запомнила ее лепета, но была с ребенком вполне согласна. И как-то сама тоже решилась дописать стихи-«игрушки», хотя понимала, что наследные родственники никогда не позволят опубликовать. Да я и не претендую на такую публикацию. Просто рассуждаю, высказывая свои мысли на бумаге, имея право на критику. Итак: «Идет бычок, качается, вздыхает на ходу. Ой, доска кончается, сейчас я упаду». Сердце малыша сжимает страх за бычка. Да и сам он не раз падал. А потому хочется добавить: «Ты, бычок, не упадешь. И по горочке

пройдешь». Другое стихотворение: «Зайку бросила хозяйка — под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не мог, весь до ниточки промок». Ребенок готов плакать, но он мужественно скажет: «Зайка, зайка, не реви, а меня в друзья бери». Еще: «Уронили мишку на пол. Оторвали мишке лапу!» — до чего черные строчки для малыша! «Все равно его не брошу, потому что он хороший!» — «Я возьму иголочку, нитку-сороковочку. Вот и лапочка пришита. А плохое все забыто. Улыбнись же мне скорей, буду мамочкой твоей».

Нужно ли готовить ребенка к превратностям судьбы? Нужно, но не с младенчества. Не омрачать его мир с первых месяцев жизни. Кстати, дети не любят этих стихов. Слушают, читают, механически запоминают, а вот декламируют с неохотой. Стихи — простенькие, и заучить просто, но однако!

В чем состоит ошибка пишущих для детей? Многие поэты остаются не поэтами для детворы, хотя вроде бы все на месте. Дело в том, что они пишут как бы глядя на ребенка со стороны, чаще в третьем лице. Отсюда и стихи получаются о детях, а не детские. Умение перевоплощаться в ребенка дается не всем. А потому и не получаются стихотворения. Надо войти в состояние ребенка, почувствовать его возраст и заговорить его языком.

Кстати…

По поводу детского воспитания и вообще по вопросам педагогики мне приходилось по жизни писать много статей. В биографической повести я позволила себе и такую вольность: включить некоторые из них.

Мнение по поводу последних событий
Чтобы редька стала слаще хрена
Июнь 2010 года, Г.Р. Лагздынь

После того как писательская организация потеряла свое место расположения на улице Правды (ныне Новоторжской), адресной пропиской стала библиотека имени Горького. Но прописка еще не означает, что у писателей есть постоянное жилье. Иногда «ночуем» по месту регистрации, то есть проводим наши собрания, творческие вечера. Но желательно, как всякому уважающему себя сообществу, иметь свою точку взаимосоприкосновения.

В.А. Редькин, новый руководитель, делает все возможное для сплочения, по мере своих способностей и своего авторитета, рассыпавшейся на крошечные фрагментики бывшей писательской организации. Стать генералами, хоть и маленькими, так хочется некоторым!

Деятельность В.А. Редькина совпала и с таким временем, когда губернаторская власть наконец обратила свой взор на писателей. В этом деле, я считаю, немалая заслуга и самих писателей, которые, несмотря ни на что, наполняли своими книгами полки не только тверских библиотек.

Новым руководителям не надо забывать о тверском фундаменте, на котором базируется, возрождаясь, писательская организация, использовать опыт прежних руководителей, их наработки, не забывая, не скидывая со щитов, в угоду молодым и бойким, далеко еще не ставшим профессиональными писателями, а лишь имеющими в карманах писательские билеты. Пусть время Борисова и Гевелинга ушло, пусть наступило на какой-то период время Редькина, но оно не должно быть, как говорят, «хрен редьки не слаще», а быть временем, где «редька слаще хрена». А «хреновая» прежняя тенденция пока прослеживается. Это показало празднование пятидесятилетия писательской организации. На празднике отсутствовали Е. Борисов, М. Петров, В. Исаков, Ю. Красавин, В. Кириллов, В. Штубов и другие, в гневе ушел старейший из старейших членов и бывших руководителей СП — А. Гевелинг. Праздник должен был стать праздником в первую очередь старшего поколения писателей, а не тех, кто еще ничего или мало сделал для союза тверских авторов, а тем более не праздником тех, кто трудится в области научно-методического направления. Это уже удел и награждение по линии научной жизни университета. И Е. Борисову не следует обижаться на В.А. Редькина. Не поссорились «Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»! Просто Редькин — плод борисовского воспитания. Породил по образу и подобию.

Когда рассеялся пиаровский туман…

Александр Бойников

Собрание тверских писателей по поводу полувекового юбилея своего творческого сообщества (сегодня это Тверское региональное отделение Союза писателей России), состоявшееся 16 июня 2010 года в зале искусств областной библиотеки имени Горького, с полной ответственностью можно именовать съездом. Отдадим должное его организаторам: в зале присутствовали первые лица города и области — Д. Зеленин, О. Пищулина, В. Бабичев, первый секретарь правления Союза писателей России Г. Иванов, большая часть самих тверских писателей и немало иных гостей с общественно-властных волостей. Не только яблоку — горошине негде было упасть. Каждый официально приглашенный участник получил подарочный комплект в фирменном пакете — 11-й выпуск альманаха «Тверь», красочный буклет и шариковую

ручку, запечатлевшие столь знаменательное событие в истории тверской литературной жизни.

Этот писательский съезд, как грамотная и хорошо срежиссированная (хотя и с элементами импровизации) пиар-акция, безусловно, удался на все сто процентов. Во-первых, на всю губернию тверские писатели заявили, что они по-прежнему творят, следовательно, существуют. Правда, одна из фраз в речи ведущей, которая читала заранее отредактированный (кем именно?) текст, насторожила: «В настоящее время на учете в ТРО СП РФ состоят 57 поэтов, прозаиков и драматургов». А куда же подевались критики? То ли их в этой организации реально нет, то ли критик там не считается писателем, не ведаю. Но факт остается фактом.

Во-вторых, на них принародно обратил внимание губернатор Тверской области Д. Зеленин. Крест Святого Михаила Тверского получил председатель правления ТРО СП РФ Валерий Редькин, «очень значимый человек для всей нашей области», чье избрание на этот пост прошло с вопиющими процедурными нарушениями и при котором тверские писатели лишились последнего своего помещения. Звания «Почетный работник культуры и искусства Тверской области» удостоен Олег Горлов, заместитель Редькина, автор нескольких поэтических книг, по своему художественному и содержательному уровню балансирующих между дилентантизмом и графоманией. Остальным писателям вручили почетные грамоты и иные письменные благодарности — от властей и от правления СП России. Однако и здесь блистали не заслуженные писатели, как, скажем, широко известная в России и за рубежом Гайда Лагздынь (ее книги непрерывно издаются в ведущих столичных издательствах огромными тиражами), а Галина Брюквина из Удомли да наш главный каблуковец Владимир Львов, которым даже подобие такой славы и во сне не привидится.

В-третьих, Д. Зеленин пообещал погасить писателям «долг» своей администрации — наладить выпуск дешевого, каким когда-то была «Роман-газета», литературного журнала и выбрать с их помощью редактора. Отрадное, животрепещущее и очень своевременное предложение! Возможно, оно претворится в жизнь уже в текущем году. А пока почему бы тверским писателям, кои были названы «визитной карточкой Тверского края», не дать возможности печататься на страницах цветного и полиграфически великолепного областного журнала «Реноме»?

Оживление в зале вызвало конструктивное и азартное выступление московского гостя Геннадия Иванова. В частности, он предложил провести в Твери, разумеется, при поддержке

областной администрации, Дни российской литературы и совещание молодых писателей, на котором принять в СП 5-6 человек. Вспомнил Г. Иванов и о премии имени Николая Гумилева, которой в Тверской области еще нет. Однако губернатор Д. Зеленин тут же возразил: «Есть такая премия!» и подчеркнул, что она вскоре будет вручена. Увлеченные спонтанной дискуссией между Г. Ивановым и Д. Зелениным, писатели как-то не задумались над простым естественным вопросом: а кому же именно будет вскоре вручена Гумилевская премия? Уж не дорогому ли Валерию Александровичу Редькину, с недавних пор быстрее всех успевающему к местам раздачи всевозможных отличий? А информация о том, чьи книги (или книга?) и кем выдвинуты на эту премию в текущем году, осталась по старой традиции в тени писательского правления.

Юбилейный съезд тверских писателей кроме представительской цели имел еще одну — объединительную. Персональное приглашение на праздник получил каждый член ТРО СП РФ независимо от характера его отношений с правлением и отдельными коллегами по перу. Например, я встретился с поэтом из Белого Алексеем Роженковым, который ранее ходил в «официально непризнанных» и потому не приглашался на писательские собрания. Живой эмоциональный диалог вели друг с другом многие писатели — и до начала собрания и после, что создавало впечатление дружбы, сплоченности и взаимопонимания.

Но стоило рассеяться быстротечному пиаровскому туману, как впечатление это, словно по взмаху волшебной палочки, показало всю свою призрачность. Сразу после губернаторских награждений встал и покинул зал патриарх русской поэзии Твери и один из основателей местной писательской организации Александр Гевелинг, бросив в лицо ее нынешнему руководителю В. Редькину горькие слова: «А ты меня обманул!»

Запоздалой реакцией на уход А. Гевелинга стали призывы к необходимости «жить дружно», «оставить обиды друг на друга в прошлом 50-летии» и т.п., прозвучавшие из уст ряда писателей как во время официальной церемонии награждения, так и после нее — в неформальной обстановке. Однако и эти пламенные и, бесспорно, искренние призывы стушевались и не достигли своего результата перед неумолимо-безрадостной действительностью. Годами конфликтующие друг с другом тверские инженеры человеческих душ вот так — чохом и в одночасье — не помирятся и уже никогда не преодолеют разверзшуюся между ними бездну личной неприязни, если не вражды и ненависти. Исключительно этой причиной объясняется отсутствие (считаю, что

демонстративное) на съезде Е. Борисова, В. Юдина, Ю. Красавина, В. Кириллова, В. Токарева и некоторых других.

Вот вам и единение писательских рядов! Одними голыми призывами в духе кота Леопольда его не создать и не укрепить. По моему скромному разумению, сейчас нужна кропотливая, точечная, индивидуальная работа с каждым членом Тверской писательской организации на основе разумной консолидирующей идеи. Только так можно будет сгладить разногласия, примирить позиции или, по крайней мере, обеспечить спокойствие ее творческих рядов. Но, очевидно, вести разговор на эту острейшую и неотложную тему В. Редькин и его правленцы не собирались, дабы не разрушать запланированный парадный официоз. Не зря позже в коридоре один из поэтов сказал мне: «Теперь я приеду сюда только в перевыборы».

Та же демонстративная разобщенность наших писателей увековечена в 11-м номере альманаха «Тверь», презентация которого стала частью торжественного мероприятия. Услышали мы от О. Горлова, конечно, одно, а увидели совершенно другое. Что же? Из всего количества тверских членов СП РФ в альманахе опубликовали свои произведения чуть больше половины. Да и отбор материалов, мягко выражаясь, оставляет желать лучшего. Непонятно, зачем редколлегия в составе В. Редькина, С. Николаевой (к тому же не являющейся членом СП РФ), Е. Борисова, В. Годовицына, О. Горлова и В. Исакова в год 65-летия Победы над гитлеровской Германией включила в альманах отдающую кощунством статейку Т. Михайловой, где она подробно и с явным упоением от обладания этими знаниями взахлеб расписывает фашистскую награду — «перстень чести», который мыслился как «знак особой верности фюреру и его мировоззрению». Это — плевок в сторону ветеранов Великой Отечественной войны накануне 22 июня, Дня памяти и скорби.

Даже не пахнет в альманахе литературной критикой.

Сразила наповал своим качеством редактура альманаха. Его ответственным редактором указана Светлана Николаева, доктор филологических наук, профессор ТвГУ. Не так давно она выступила в «Тверских ведомостях» со статьей «Тверской книге нужен редактор», где обвинила ряд местных изданий в тиражировании безграмотности. И потому, листая альманах, я был уверен, что пройду мастер-класс в высшей степени квалифицированного редактирования. Прошел, и душа моя уязвлена стала...

На 20-й странице сего коллективного труда опубликовано стихотворение Надежды Веселовой, снабженное фотографией... Людмилы Прозоровой. На соседней, 21-й странице, краткая

аннотация гласит, что поэт Сергей Герасимов является автором трех моих книг «Поэзия Спиридона Дрожжина», «Апполон (именно так! —*А.Б.)* Коринфский: неизвестные страницы биографии, письма, стихотворения», «О поэзии, критике и дегенерации». Аннотация о поэте Юрии Смирнове почему-то удвоилась, одновременно представив нам и Любовь Старшинову. Кстати, она и Галина Киселева названы «поэтэссами». Поэт Валентин Штубов с легкой руки ответственного редактора превратился в Валерия. А Евгений Борисов, ставший членом Союза писателей России в 2003 г., при этом, оказывается, руководил Тверской писательской организацией… аж с 1977 г. О Владимире Исакове сказано «автор 21 одной книги». Далее идет повесть Юрия Красавина «К великому морю», а в колонтитулах мелькает все тот же В. Исаков.

Плывем, господа писатели… Куда ж нам плыть? Да к следующему юбилею…

Глава 12. ЧТО СПРАШИВАЮТ И ЧТО ПИШУТ ПРО МЕНЯ ЖУРНАЛИСТЫ?

Вопрос журналиста, заданный в далеком уже 1978 году, а точнее, 22 декабря

— *Чем примечателен прошедший старый год?*

— Когда задают этот традиционный вопрос, невольно начинаешь перебирать все пережитое, рассматривать год по сезонам и месяцам, вспоминать события, даты, людей, с которыми встречалась.

1978 год для меня был интересным. Побывала в ПНР и ГДР. Памятны встречи с читателями — большими и маленькими. Надолго запомнилась интересная беседа с детьми яслей-сада: сто слушателей от 2-3 лет сразу. Вспоминаются напряженная работа по заданию журнала «Веселые картинки», участие в создании пионерского песенника «Красные следопыты» (издательство «Музыка», г. Москва) и, конечно, люди, с которыми сталкивала меня жизнь в радостные и горькие мгновения 1978 года.

Хочется поблагодарить своих коллег-учителей, учителей-химиков, которые побывали на моем открытом уроке в школе в феврале 1978 г., за теплоту и доброжелательность, и пожелать всем здоровья, счастья, ладности да складности во всем!

— *А ваши планы?*

— Есть поговорка: «Хотите рассмешить Бога, расскажите о своих планах». Но я попробую вызвать у него улыбку. В 1979 г. в московском издательстве «Детская литература» выходит книжка стихов «Играю я». Сейчас меня волнуют олимпийские мотивы, создаю очередную азбуку в стихах, продолжаю работать над темами: «Бережливость», «Правила, как себя вести правильно (для детей)», думаю привести в порядок рукописи для детских музыкальных постановок.

А в общем, поживем — увидим. Мечтать не запретишь!

Веселое совершеннолетие

Лидия Гаджиева, «Тверская жизнь», 15.10.2005 г.

«Вот такая, гой-еси, поэтесса всей Руси!» — провозгласил кто-то из подросших, но по-прежнему преданных друзей детской книги, и зал взорвался смехом и овациями. На днях в библиотеке имени Горького Тверь читающая праздновала юбилей Гайды Лагздынь.

Поздравить Гайду Рейнгольдовну хотелось очень многим, так что стульев в зале не хватило, и народ подпирал стеночки. Я

насчитала три поколения ее читателей, а четвертое — которое еще пешком под стол ходит, но уже любит читать ее книжки-погремушки — присутствовало заочно, в рассказах мам и бабушек.

Юные артисты из ее детского народного театра подготовили прекрасную концертную программу. Пришли ребята из школ, где она работала, и маленькие солисты из Дворца культуры «Металлист». Взрослые исполнители не отставали. Все пели песни на слова Гайды, читали ее стихи и объяснялись в любви соло, дуэтом, квартетом и даже хором.

Вообще-то для любви не нужно никакого повода, но на этот раз он был, и даже не один, а целых три!

Во-первых, Гайде Рейнгольдовне исполнилось... Ну, в общем, это очень солидное и даже, я бы сказала, эдакое академическое число. Во-вторых, это был еще и пятидесятилетний юбилей ее педагогической деятельности — она учитель химии, причем очень хороший. Наконец, ее детский театр достиг совершеннолетия — ему уже восемнадцать лет. Одним словом, юбилей получился аж тройной. Спорили, какое из упомянутых чисел считать приоритетным и официально-юбилейным. Пытались и саму Гайдочку поздравить с восемнадцатилетием, но она заявила, что ей пора быть солидной. Правда, тут же об этом забыла и принялась прыгать и плясать со своими ребятами. Гости подпевали, притопывали и прихлопывали: уж они-то хорошо знали, что долго быть солидной у Гайды Рейнгольдовны никогда не получается.

Прозвучало много добрых и справедливых слов. Свои поздравления Гайде Рейнгольдовне направил губернатор Дмитрий Зеленин, представивший ее к награждению памятной медалью Михаила Шолохова за большой вклад в развитие культуры. С теплыми поздравлениями также обратилась к ней администрации Твери, Центрального района нашей областной столицы, департамент образования области и городское управление образования, областной комитет по делам культуры и многие-многие другие — как официальные лица, так и просто друзья-читатели (хотя сразу было заметно, что эти две категории сегодня пересекаются).

А известный литературовед профессор ТвГУ Михаил Строганов сказал так:

— Мы еще сами не понимаем, как нам всем повезло, что мы ходим по тверской земле в одно время с Гайдой Лагздынь!

Гости встретили эти слова аплодисментами.

С юбилеем, Гайда Рейнгольдовна! Оставайтесь такой же молодой, как сегодня, еще долгие-долгие годы!

...Среди подарков, врученных ей в этот день, была очень красивая авторучка знаменитой фирмы. Гайда открыла коробочку, осмотрела перо и тоном знатока сообщила:

— Лет на пятьдесят хватит, а там посмотрим!»

Глава 13.ПЕРЕВОДЫ — ДЕЛО НЕПРОСТОЕ, НО ЖАЛЬ ТЕРЯТЬ МНЕ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ

Специально заниматься переводами я не считала нужным. Зачем чужие стихи, если не хватает времени на написание собственных! Но пришлось. На это меня спровоцировали сами авторы-писатели. Все складывалось судьбоносно, как и вся моя творческая жизнь. Я никогда ничего не форсирую, не ставлю цели завоевывать внимание человека, издателя, издательства. Как получается, так и получается.

Творческий союз в СССР имел для отдыха и работы писателей Дома творчества под Москвой, Ленинградом, в Крыму, на Кавказе, в Латвии, Белоруссии. Писатели, общаясь между собой, невольно оказывались не только связанными узами дружбы, но и взаимопереводческими работами.

Пицунда

На берегу Черного моря, вдали от поселений, возвышался многоэтажный отель. Стоило только спуститься на лифте, пройти узкую полосу бамбуковых зарослей, сквозь которую пролегала по-европейски ухоженная дорожка, как через пять минут оказывался на чистом песчаном пляже. Народа у моря всегда мало. В основном отдыхают писатели, а они, как известно (я говорю про настоящих писателей), не умеют отдыхать. Все время что-то кропают у себя в номере или в тенистом уголочке парка.

Если шагнуть от отеля через тропу в другую сторону, то попадешь к зарослям ежевики. Колючие кусты переплелись между собой так плотно, что даже не помышляешь в них влезать. Но хочется сладких сочных ягод, по форме похожих на малину, только темно-синего цвета.

В Доме творчества большая, украшенная экзотическими растениями, столовая-ресторан с выбором меню по вкусу. В распоряжении писателя отдельный номер — отличная однокомнатная квартира, а для семейных — многокомнатная.

Однажды в лифте познакомилась с азербайджанским поэтом Рамизом Гейдаром, затем более предметно узнала его на творческом вечере, в котором участвовали отдыхающие писатели.

Я дала согласие переводить на русский язык его стихи для детей. Взаимная переписка и публикация сравнительно долго продолжались и после встречи в Пицунде. Его стихи в моем переводе печатали в Баку. Приближался 1983 год.

В Пицунде я также подружилась с семейной парой поэтов — Галей и Володей Романовыми из города Ижевска. Романовы очень хотели перевести на удмуртский язык мою сказочно-документальную повесть «История каучуковой капельки». В газете «Даась лу» в нескольких номерах 1989 г. повесть в сокращенном виде была опубликована. Позднее в моем трехтомнике она была представлена полностью. Получив от Романовых перевод, удивилась, что свободно читаю по-удмуртски. Буквы в словах — русские. Оказывается, Удмуртия не имеет своего алфавита. Вспоминая то время, как-то написала рассказ про странную ворону, напавшую на меня в тех зарослях ежевики, где мы с Галей и Володей «паслись» на ягоднике.

Юрмала. 1983 год

В Латвии, в Доме творчества «Юрмала», в 1983 году нежданно подружилась с кумычкой Умукурсюн Арзулумовной Мантаевой, с Умой. В том юрмальском заезде было много москвичек, знакомых друг с другом. Московские писатели не любят расширять круг своего общения. Это я подметила давно. Мантаевой с ее внешностью и национальной одеждой было одиноко, поэтому я обратила на нее внимание, чтобы как-то поддержать общительную кумычку.

Мы часто беседовали о литературе, о творчестве. Согласно ее предложению, ночами в своем номере она писала подстрочники. Утром встречались, уточняли детали. Так впоследствии возникли рассказы на русском языке о людях ее края, где проживает около ста народностей, имеющих каждый свой национальный язык. Союз писателей Дагестана возглавлял тогда Расул Гамзатов. На вопрос о том, как они общаются между собой, если столько культур и языков, отвечала: «На русском».

Ума была лидером, известной на родине писательницей, как редактор журнала «Женщины Дагестана» много ездила по республике, общаясь с женской частью населения, понимая полную зависимость женщин от мужчин: отцов, мужей. Сама имела большую семью, огромное количество родственников. А потому мы часто совершали поездки в Ригу и ее пригороды. Мантаеву тянуло в магазины, так как всей родне положено

привезти подарки. Мне же больше хотелось познакомиться с городом, побродить по узеньким улочкам Риги, побывать в костеле, послушать органную музыку. В католических церквях я чувствовала себя превосходно. Это была родина моего отца.

Потом из Калинина я выслала ей целую серию рассказов. Напечатать их где-то мне не удалось, а на Всесоюзном радио, при участии диктора Валентины Богушевич, они прозвучали. Кассета с записью лежит в моем фонотечном архиве. Копию отослала в Дагестан в Махачкалу. В ответ получила большую посылку — ящик, набитый твердыми крупными плодами айвы. Этот фрукт нам в те годы был мало знаком. Я не знала, что делать с жесткими зелеными дулями. Уме пришлось прислать рецепт, как из айвы варить варенье.

Под впечатлением одной из поездок я написала рассказ «Розовый берет».

Латвия. Латыши

Юрмала памятна тем, как впервые, в лице Дома творчества, встретила меня Латвия — родина моего отца. Приветливо. Впоследствии мне рассказывала горничная по номеру Айна:

— Знаем, что из России приехала латышка: Гайда Рейнгольдовна Лагздынь. Вошла в столовую, кивнула головой и гордо прошла к столику. Осанка, манеры, жестикуляция — все говорит о том, что она нашей национальности. Но на обращение по-латышски не реагирует. Настоящая латышка! Но странно себя ведет.

Я то время хорошо запомнила. Врач на листочке по-латышски написала приглашение на прием, так как в путевке было помечено, что я — после операции. Не владея латышским языком, я вела себя соответственно. Врачиха впоследствии очень негодовала: «Как? Не знать своего родного языка?!»

Больше с врачом я не встречалась. Как ей объяснить? По имени, отчеству и фамилии я — латышка. Но родилась в Ленинграде, меня лишили отца в семь лет. Росла в Калинине-Твери, где только русский язык. Хвалят меня критики за русскую фольклорность в творчестве. Откуда более четырехсот поговорок уместилось в моей голове? Да все от окружающей русской словесности. А вот гены во мне латышские. Ну, право, сидят в моих корнях немцы, к ним ближе латыши как нация. До пунктуальности точна, исполнительна, хотя бываю жестковата, но сентиментальна.

Вспоминаю горничную Айну Стуче. Мы с ней долго переписывались. Она после нашего первого знакомства, узнав, что я не знаю латышского языка, сказала: «Все равно — наша кровь! Наша кровь! — убежала и принесла новое большое махровое полотенце. — Ты — наша. Ты — латышка. Родная нам!»

Позднее, в августе 1991 года, находясь во время путча в Доме творчества в Юрмале, я ощутила всю скрытую ненависть латышей к русским. Все, работающие в доме, разделились на «за» и «против». Вокзал в Риге сразу блокировали. Водитель автобуса Дома творчества, оказавшийся там, был убит. Дом оцеплен, любая связь перекрыта. У кого-то оказался маленький приемничек, и мы, писатели, находящиеся в доме, собирались кучками, словно подпольщики в годы войны, и ловили сообщения из Москвы, не зная, как нам поступать в такой ситуации.

Обычно, уезжая, я пересылала чемодан по почте, так как всегда его вес увеличивался за счет подарков из Риги. И вдруг! Я была поражена возникшей бестактностью молоденькой работницы почты, всегда улыбчивой, доброжелательной. Работники связи заставили вскрыть чемодан и выбрасывали из него вещи, купленные в Латвии, даже крем и начатую латвийскую зубную пасту.

Прочитав на бланке мою латышскую фамилию, девушка смягчилась. А я в запальчивости сказала: «Как я сейчас ненавижу свои латышские гены! Что с вами случилось? Что произошло?»

Рассказано по случаю…

Размышляя над тем, почему так себя повели латыши, подумала: «Я ведь такая же. Не могу прощать подлость, предательство. Никогда, вопреки разуму, не смирюсь!» И они не забыли загубленных политкаторжан, безвинно уничтоженных латышей и тех парней, что не желали идти на фронт. Этих хуторян, которых отрывали от скотины, от нескошенного поля.

Я вспоминаю. Шла война. Наш город Калинин был только что освобожден. В церкви Екатерины Мученицы, что за Тверцой, жили военнопленные, среди них — молодые латыши-дезертиры. Как с ними мама познакомилась, я не знаю. Но они приходили к нам на Новобежецкую, ныне улица Шишкова, в дом №8, на «вышку». Что их притягивало? Видимо, то, что здесь живут ребята, тоже латыши: мальчик Феликс и девочка Гайда. Какой-то кусочек их родины. Однажды поздним вечером принесли вещи: плошки, кружки и прочее, сказали: «Сегодня ночью совершим побег. Бежим к себе в Латвию. Все лишнее оставляем вам». Вот она, латышская кровиночка, так знакомая мне. Я ничего не могу бросить. Надо все по-хозяйски пристроить. Удался ли побег тем

ребятам или их всех расстреляли? Мне неизвестно. Вот потому и сохранилась в сердцах всенепрощающая горечь, передавшаяся новому поколению. Путч в Москве начался 19 августа 1991 года.

Абхазия. Сухуми. 1983 год

В Сухуми жизнь меня свела со старейшей писательницей Гушей Папаскири. В литературной Абхазии было несколько писателей с этой фамилией — целый род Папаскири. Позднее одного из них я познакомила с нашим ответственным секретарем писательской организации — с Евгением Борисовым. Он перевел целый роман, но почему-то об этом умалчивает. Трудно переводить незнакомую жизнь, тем более по скудным тощим подстрочникам, где и темы мелковаты, да и повествование не образно, как говорится, на тройку. Но литературу наших окраин Советский Союз старался поддерживать. Однако Литфонд Союза писателей пополнялся в основном за счет отчислений от изданий русских литераторов. Писателей в республиках было много, а известных — мало.

В 1983 году в издательстве «Алашара» г. Сухуми вышла книга прозы для детей Гуши Папаскири «На берегу моря» в моем переводе с абхазского на русский, тиражом в две тысячи экземпляров. На мою просьбу прислать немного книг Гуша ответил: «Ищу днем со свечкой», что значит по-нашему «днем с огнем». Книги быстро разошлись, ибо в Грузии проживало много русских, да и многие говорили и читали на русском языке. Цена книги — десять копеек, что по стоимости равнялось двум трамвайным билетам. Только в Сухуми трамваи отсутствовали.

Литва. Детская литература. 1986 год

В квартире на проспекте Победы, где проживаю я с детьми, затрезвонил телефон. По звуку понимаю — междугородный. Звонила Леокадия Яковлевна Либет — заведующая дошкольной редакцией издательства «Детская литература». К тому времени в московском издательстве было издано шесть моих книг.

«Уважаемая Гайда Рейнгольдовна, нам нужно срочно перевести на русский язык литовскую поэтессу Зиту Гайжаускайте. Издается поэтический сборник, куда включены молодые поэты всех республик Советского Союза. Издание

связано с празднованием 60-летия образования СССР. Ранее я не смогла с вами связаться. Ваш телефон не отвечал. Нужно и очень скоро».

При всем уважении к редакторам и издательству я сочла невозможным принять это предложение. Пробовала себя в переводческой прозе, чуть в поэзии, но участвовать в таком государственном заказе считала преждевременным. О чем и уведомила звонившую.

— Но вы попробуйте! — попросила Леокадия Яковлевна. — Подстрочники высылаю.

И вот тексты лежат передо мной. Перевела кое-как, думая, что там, в Москве, убедятся в моей малоспособности и передадут заказ другим. В столице много поэтов и переводчиков. Но из редакции позвонили и сказали, что сойдет.

— Как сойдет? В таком-то виде?

Звоню, прошу дать еще немного времени. А тут поездка к брату в Ленинград. В поезде знакомлюсь с человеком. Ленинградец высылает мне в Калинин книгу, из которой узнаю, как работали переводчики с рукописями, в частности, со стихами. О! Что читаю? Размер стихотворных строк не тот, мысль в тексте порой искажена до неузнаваемости. Полный разгуляй! Вспоминаю Якова Козловского, переводившего Расула Гамзатова. Тема — Расула, стихи — Якова. Гамзатов пишет то, что видит, порой без рифмы, порой используя легенды, как в песне о лебедях. А вся прелесть звучания его стихов — это поэзия Якова Козловского. Берусь за переводы пяти стихотворений Зиты на выбор. Соблюдаю размер, ударность слога, точность мысли. После долгих стараний родились стихи. В сборнике «Апрельский дождь» тиражом в сто тысяч — обычный тираж для подарочных книг (не триста и не шестьсот тысяч, как для обычных изданий) появились произведения Зиты в моем переводе: «Вьюга», «Часы». Леокадия Яковлевна только спросила:

— Не жалко дарить свои стихи?

— Козловскому было не жалко, а почему мне должно быть жалко?

Молодых надо поддерживать, иначе стихи Зиты Гайжаускайте не появились бы в таком шикарном сборнике Советского Союза.

Узбекская, венгерская литература. 1984 год

Печатали мои стихи и на узбекском языке. От издательства «Ленин байрагы» от 01.12.1984 г., как и в последующих изданиях,

пришла почта со стихами. Так как все там было на узбекском, я не смогла определить, кто переводчик и что было переведено на язык этой республики. Такие же сложности возникали позднее с итальянским и венгерским языками, когда, в отличие от других языков, в написании нельзя догадаться, какое твое стихотворение переведено. Особенно непонятен венгерский язык.

Вспоминается группа венгерских писателей, приехавших к нам из города-побратима Капошвара, по имени которого в Твери названа площадь, где пересекаются трамвайные пути, идущие с четырех конечных точек тверской столицы.

В помещении Калининского отделения Союза писателей СССР проходила встреча с венгерскими товарищами по перу. С их стороны было предложено перевести часть произведений калининских писателей на венгерский язык.

В 1984 году из Капошвара была получена изданная там книга, в которой были представлены поэты: А. Гевелинг, А. Скворцов, М. Суворов, В. Соловьев, М. Аввакумова, Л. Прозорова, В. Токарев, Н. Попов, А. Пьянов; прозаики: Б. Полевой, Е. Борисов, В. Камянский, В. Исаков, М. Петров, Ю. Козлов, В. Крюков, П. Дудочкин, И. Васильев. Мои детские стихи перевел поэт Имре Керек. Имре закончил пединститут по специальности «русский язык и рисование», отец его погиб в годы войны, воспитывала его одна мать; он работал преподавателем, сотрудником газеты, библиотекарем в восьмилетней школе, писал детские стихи. Естественно, что он всех ближе был к моему творчеству. Подробности биографии своего переводчика я узнала, прочитав книгу «В защиту продолжения», вышедшую в 1985 году в издательстве «Молодая гвардия» ЦК ВЛКСМ совместно с издательством в Будапеште.

Мы долго с писателями вспоминали и приезд венгров, и встречи. А я до сих пор храню в памяти последние минуты расставания на вокзале, когда один из членов делегации вдруг передал мне предметы туалетного характера. То ли от того, что они ему не нужны, а из писателей только я женщина, следовательно, хозяйка? То ли от того, что посчитал нас бедными? Верно одно: в то время мы не имели возможности покупать такой импорт. Просто его не было в продаже. Наверное, он в этом убедился. Тогда мы с удивлением переглянулись с Александром Евдокимовичем Смирновым, что курировал нашу писательскую организацию от обкома партии, улыбнулись после отъезда гостей по поводу необычных сувениров, и я отнесла подаренное «добро» для общей нужды в писательскую организацию.

Белоруссия

С поэтами из Белоруссии меня свел Дом творчества под Минском. Это было вскоре, а точнее, через год — в 1987 году — после аварии на Чернобыльской атомной станции, которая произошла 26 апреля 1986 года. Ни в Москве, откуда шло распределение путевок, ни в других регионах писатели не хотели ехать в Белоруссию. Получить путевку (а их распределяли по разнарядке в определенном количестве) всегда было трудно, тем более что Василий Камянский закрепил за собой Крым, куда каждый год выезжал с женой Евгенией. Путевки южного направления в сторону Кавказа к нам попадали редко. Почему-то Литфонд предпочитал отдавать их московским писателям. Хорошо еще, что у А. Гевелинга была за городом дача, участок в товарищеском кооперативе, где он трудился с женой Ольгой Ивановной и дочерью Еленой. У Петра Дудочкина — дом в Чуприяновке, хоть и дощатый, но домик. Несколько раз он пытался превратить его в жилище покрепче. Но ему просто не давали — разрушали. Тогда не полагалось иметь в садово-огородном товариществе другого дома. Дом должен быть стандартный, определенного размера, без излишеств. И все!

Руководитель писательской организации Е. Борисов целый год имел возможность располагать жильем в государственной даче в д. Рябеево на Волге, как говорили, «в правительственных рябеевских дачах».

Вообще, по современным меркам, у чиновников особых привилегий и не было — шапки да пайки не в счет. Одним словом, желающих ехать в Дома творчества Белоруссии не было, а потому путевку мне предоставили с удовольствием.

Дом творчества под Минском был интересно построен — в виде квадрата, с длинными балконами внутрь дворика и окнами в другую сторону, глядящими в лес. Дикорастущие деревья, пышные кусты, ягодники росли прямо на территории и возле стен здания. Черника была очень крупной, сочной, сладкой. Оказывается — я тогда не знала — это результат чернобыльской аварии.

В следующий раз, побывав в Белорусском доме творчества, я познакомилась с милой, обходительной, уже немолодой поэтессой Эдди Огнецвет и ее мужем Михаилом Соломоновичем. Эдди произвела на меня неизгладимое впечатление и осталась в памяти с изящной интеллигентностью в разговоре, манере общения. Я почему-то всегда привлекала писателей к взаимотворчеству. Возможно, это было из-за моего простосердечного поведения без высокомерия и жеманства

московских писательниц. С Огнецвет завязалась переписка, затем публикация моих стихов в переводе на белорусский в журнале «Веселка». Позднее Сергей Граховский, с которым мы творчески подружились, также перевел мои детские стихи для того же журнала.

В Доме творчества я познакомилась с Максимом Лужанином, он же Александр Амвросьевич Каратай. Со своей супругой в столовой он сидел недалеко от моего столика. Я обратила внимание на седого, добротного телом, с волевым широким подбородком старика. Белорусские писатели, частые гости в своих Домах творчества, рады были пообщаться с новыми писателями. При более близком знакомстве с Максимом Лужанином он, несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, был, как и все белорусы, очень обходительным и доброжелательным человеком. Узнав, что у меня пошаливает печень, после того как я вернулась домой, прислал небольшую посылочку с природным желчегонным средством. Я им не воспользовалась — все это наше «авось пройдет и так», но много лет в своем кухонном шкафчике среди лекарств хранила блестящие овальные коричневые палочки. Рука не поднималась на материальную память. Автограф поэта на титульном листе томика его стихов «Когда рождается новый мир», изданного в Минске в 1984 году в серии «Белорусские поэты», сохранилась: «Рады вспомнить

Вас, услышать Ваш милый голос. Гайде Рейнгольдовне Лагздынь — душевно. Максим Лужанин. 3 октября 1988 года».

Хочу и я сказать…

Поэтические слова поэта Лужанина: «Мой долг сказать про все, что видел…» так сейчас понятны и так созвучны с теми чувствами, что обуревают меня в эти дни. Я должна дописать повесть, большую по объему, с громадой пережитых чувств, тяжелых воспоминаний и прочим, закончить плавание в мире архивных документов, рукописей, статей, рецензий, характеристик, библиографических справок, критических записей, информаций о людях и событиях, порой вытаскивая их из почти забытых глубин памяти. Слова поэта Лужанина поддерживают меня морально, когда болят глаза, когда свет застит развивающаяся катаракта и давит возникшая глаукома, а врачи настаивают на операциях. Надо успеть до лазерного вторжения в стекловидное тело глаза дописать. «Мой долг сказать про все, что было».

В Минске я познакомилась с издательством «Юнацтва», где в 1990 году опубликовали мое стихотворение из серии считалок:

«Вот беру я карандашик, раз и два...» Стихи и рассказы в сборнике печатались на русском и белорусском языках. Из двух экземпляров, что прислало издательство, одну книгу я подарила в Москве библиотеке, где состоялся творческий вечер в связи с моим 60-летием.

Республиканский День поэзии. 17.07.1987 года

Заканчивая главу с рассказами о переводах и переводчиках, я не могу не вспомнить о республиканском Дне поэзии, приуроченном к 105-летию годовщины со дня рождения замечательного белорусского поэта Янки Купалы. Шел 1987 год, я находилась в Доме творчества, откуда меня и привезли на праздник. На обширной, но невысокой открытой сцене находились в свободном размещении на стульях руководители — первый секретарь правления Союза писателей Белоруссии Нил Гилевич, заведующий отделом культуры ЦК КПБ И.И. Антонович, министр культуры БССР А.И. Бутэвич; белорусские поэты, гости из Российской Федерации, Украины, Литвы, Молдавии. Стихи читали белорусы Рыгор Бородулин, Максим Лужанин, лауреат Ленинской премии Максим Танк. Личное общение с этим человеком произвело на меня сильное впечатление: мощная фигура, твердый, уверенный, сильный голос. Образ этого поэта можно охарактеризовать одним словом: это действительно Танк.

Читали стихи украинский поэт Дмитрий Чередниченко, молдавский поэт Андрей Храпацинский, литовский Гедыминас Астрайскас, Сергей Законников и многие другие. Во время своего выступления, поздравив белорусов с прекрасным поэтическим праздником, с успехами, я прочитала стихи про Хатынь.

После торжественной части было знакомство с экспонатами литературного музея Янки Купалы в Вязынцах, где мне подарили круглую выпуклую медаль с изображением лица поэта.

Под огромным походным шатром проходило скромное чаепитие. На территории повсюду выступали многочисленные коллективы. И никаких базаров с украшениями и одеждой. Только картины группы молодых художников. Представленные работы никто не покупал. Я решила ребят поддержать и приобрела три небольших этюда в багетных рамках. С ними мне потом пришлось нелегко, так как кроме Дома творчества их надо было самолетом везти в Москву, а потом в Калинин. Эти картины до сих пор висят в моей квартире: два зимних пейзажа. Я люблю снег, тем более что он лежит среди деревьев. На третьей картине

изображен луг, стог и небо.

Кстати…

Белоруссия оставила светлые воспоминания. Очень миролюбивый, добрый народ. Еще долго продолжала я переписываться с новыми друзьями. Однажды мне прислали резинового Карлсона с желтыми волосами. С 1984 года стоит в книжном шкафу за стеклом Карлсон, улыбается — словно шлет бесконечные приветы от родины моей мамы, уроженки Витебской области. Где жили и мой дед Константин Перфильевич Бородиновский, и бабушка Елена Харитоновна Ряпушева, и мамин брат Ефим Константинович Бородиновский, уничтоженный в Ленинграде органами НКВД, и другой мамин брат — Варфоломей Константинович Бородиновский, имевший дочерей Валентину Варфоломеевну и Раису Варфоломеевну, младшего сына Леонида и старшего, который был схвачен немцами при облаве на партизан в годы Великой Отечественной войны и после пыток с вырезанными на спине звездами расстрелян фашистами. Многострадальный белорусский народ, но добрый. Я счастлива тем, что во мне течет не только латышская кровь. Оттого и смешение чувств и поведение, свойственное характеру. Об этом однажды так высказался директор школы Алексей Иванович Селянкин:

— Вы — то как раскаленный уголь, то как мягкий снег. У меня иногда возникают два желания: ударить по одной щеке и тут же погладить по другой!

Ну что со мной сделаешь! С одной стороны, откровенно критична. А кто это любит? С другой стороны, если меня о чем-то просят, я не могу отказать.

Украина. Киев — без меня

Неожиданно по предложению издательства «Детская литература» я стала переводить стихи для детей украинской поэтессы Любови Забашты. Редакция представила ряд ее книг с целью из нескольких сделать одну. Видимо, дружба народов требовала этого от издательства. Я стала изучать украинский язык. На первый взгляд — все понятно, когда читаешь с украинского, даже не зная толком языка. Очень схож с русским. А вот для перевода, как и близкого белорусского, не так и просто. Например: «А та ворона чорна нехай покрутить жорна». Ясно: «Та черная ворона пусть покрутит жернова». Но, соблюдая все

правила перевода, намучаешься. Я написала много стихов, но они мне показались мелкотемными по содержанию, по образности, по поэтическому звучанию, старчески-примитивными, о чем я и высказалась в издательстве, отказавшись от детлитовской затеи. Я не хотела свое творчество воссоединять с творчеством пусть и известной писательницы на Украине. Когда читают стихи, не смотрят на первоисточник, а судят по конечному результату. А писать на заданную тему и отдавать свои стихи другому поэту я не стала. Простите меня, светлая вам память, Яков Абрамович Козловский, что такого детского поэта вы представили на заседании при приеме в Союз писателей СССР.

Глава 14. БЛАГОСЛОВЕННОЕ ПЕРО, или АВТОГРАФЫ ЧТО ИЕРОГЛИФЫ

Процесс сотворения

На встречах и во время разговоров часто задают один и тот же вопрос:

— Откуда берется тема для написания? Как возникают строки в стихосложении?

Могу только сказать: если этот процесс мучительно долог, это не творчество, а желание написать что-нибудь на определенную тему.

В творчестве важно состояние души — возвышенное рождает строчки, которые пишутся как бы без участия автора. Это внутреннее состояние невозможно передать словами. Оно отдаленно напоминает работу переводчика, не знающего языка переводимого произведения, а лишь пользуясь тощими подстрочниками. Могу сказать только одно: при написании стихов душа плывет, поет, купается, парит над землей. Чувства напряжения никакого, лишь ощущение себя в безднах космоса. И чем дальше, тем больше трепещет душа и сильнее охватывает непонятное, неосознанное чувство затягивания во вращающуюся воронку, чувство расслабления и жизни в ином мире, а рука порой списывает образы, возникающие откуда-то, и с кончика пера переводит их на чистый лист бумаги. При написании детских стихов это ощущение тихой радости у самой поверхности земли, подобно той, которую испытывают дети, играя в куличики. Причем надо сказать, что творческое чувство многогранно в своих разноплановых состояниях. Таинство писания — дело весьма индивидуальное, оттого и авторы столь различны и по стилю, и по звучанию, имеют свой определенный поэтический голос. Современных поэтов подразделяют на лирических, драматических, детских, подростковых, с исторической, военной, гражданской тематической направленностью. Мне всегда казалось, что все это искусственное подразделение, подделывание в зависимости от знаний автора в той или другой области. Поэты могут быть либо детские, либо взрослые.

Рассказы пишутся с учетом различных познаний под контролем разума, являются продуктом размышления, обобщения и осмысления, логического измерения при написании.

Сказки ближе к рассказам. Фантастика — к стихам; она

является также плодом космической связи между разными мирами, ибо приходится витать где-то, возвращаться порой из астрального пространства в свое бренное тело.

Повести, романы — четкая работа разума человека, сознающего хотя бы то, для чего и для кого он пишет. Но в написании большой прозы не всегда все идет по четко намеченному плану. Иногда так захлестывает необычность возникшего поворота повествования, что в корне меняет задуманное, и тогда работа снова начинается с перестройки сюжета.

Написание статей требует чисто документального творчества плюс умения рассказчика, не забывая о том, что газетная или журнальная статья — исторический документ, которым пользуются не один год. И никакого вранья и прогибания под власть.

Переводы прозы — это работа, переводы поэзии — это уже соперничество. Такого мнения я придерживаюсь. Возможно, кто и скажет моими поговорками: «Не лезь в директора, коли не так повернута голова», «Кабы не было дела, в другие сани бы села», «Как ни крути, мне все не по пути», «Скажу — хоп! Попаду в лоб», «Сочинять не гоже, коль крива рожа», «Коль нет огласки, сочиняй сказки, а коль огласили — молчать попросили». Вот такие поговорки пишу сейчас прямо под стук пишущей моей машинки с именем «Унис». А вот куда определить эту серию сочинительства, затрудняюсь.

Писательских имен много. Возьмешь бывший справочник членов Союза писателей — толстая книга. Прием в СП был очень качественным. На слуху сейчас кто? Больше классики прошлого. Их изучают в институтах на филфаках, согласно давнишним программам, в школах. А уж нынешний век так богат писателями, что имена их и в многотомники не поместились бы. В союзы, а их стало большое количество, принимаются даже по самиздатовским книгам. Активные издательства создают именитые сборники «талантов». Попробуй тут разберись, кто чего стоит, когда критика почила. Разговор в этой главе пойдет о писателях, с которыми мне посчастливилось жить в одно время, — это достойные члены СП СССР и РФ.

Писатели и их автографы

С каждым днем усиливается ощущение потери жизненного времени. Надо сказать, что и чувство времени тоже изменилось.

Теперь уже неопровержимо доказано, что меняется климат, сдвигаются полюса Земли. Но я давно чувствую и другое. Пусть так же восходит солнце, так же оно опускается за горизонт. Но происходит это с большей скоростью. Говорят, люди стали дольше жить. А мне кажется, не дольше, просто быстрее по времени протекает год. Может, это от быстротечной жизни города? С большой загруженностью, когда забываешь: сколько времени? Но ведь то же самое происходит со мной вне города на отдыхе!

А как время летит, когда сидишь за письменным столом! Было утро, глянул — уже обед. И вечер подкатил. Если бы не позывы желудка, не было бы ощущения прожитых часов.

Ощущая стремительность потери жизненного времени, решаюсь еще раз просмотреть книги в домашней библиотеке. Те, что вроде мне уже не нужны, особенно детские, передать тем, кому они нужнее. Снимаю с полок, углубляюсь в чтение. Меня особенно взволновали книги с дарственными надписями от живших и живущих авторов. События, встречи, история каждого автографа, воспоминания захватывают меня. Решаю: пусть эти короткие надписи на подаренных книгах воскреснут на страницах автобиографической рукописи вместе с именами писателей и их книгами.

Старейший тверской писатель ПЕТР ПЕТРОВИЧ ДУДОЧКИН, суховатый, подтянутый, умеренный в оценках, неторопливо, солидно периодически прогуливающийся по улице Советской. И всегда встречаешь его в обществе кого-то. Квартира писателя находилась на Свободном переулке, напротив горсада, рядом с библиотекой имени Горького. Жена — страховой агент, сын, дочь замужем, живет в Москве. Маленькая квартирка из двух комнат. Мог бы иметь другую жилплощадь. Тогда государство занималось этими вопросами, точнее, Литфонд СП СССР, выделяя из бюджета деньги на строительство квартир для писателей. Но Петр Петрович отказывался — не хотел менять место, удобное для него. Мы, писатели, ведь эгоисты! Чаще — надомники-одиночки. Судя по количеству написанных и напечатанных книг, доход был невелик, видимо, жил на средства, которые зарабатывала жена. Знакомство с Петром Дудочкиным было непродолжительным, уличным, как и краткие разговоры. Я только вставала на писательский путь и не предвидела, какой будет эта тропа от письменного стола до книжного прилавка и библиотечной полки.

Мне были подарены книги: «Бельские новеллы» (1967 г.), «Необычное в обычном» (издательство «Просвещение», 1967 г.) с автографом для моей младшей дочери: «Тамаре Вахровой,

хорошей девочке, с пожеланием быть всегда хорошей. С днем рождения! Петр Дудочкин. 13 сентября 1968 г.»

Подпись в подаренной 12 марта 1980 г. книге «Ее судьба» (издательство «Московский рабочий», 1971 г.) гласит: «Г.Р. Лагздынь. Дорогая

Гайда! Я рад, что сбылось мое желание: ты пишешь для детей, и хорошо». В издательстве «Правда» (М., 1966 г.) в «Библиотечке «Крокодила» в маленькой книжонке «Горсть крапивы» чувствовался бойцовский дух этого писателя. Я ему симпатизировала, он мне тоже.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПОПОВ встретил мой приход в литературу чуть враждебно. Этому способствовали его жена и мои успехи в песенном жанре. Песни на мои стихи в то время исполнялись многими коллективами. Кстати, я начинала свое песенное творчество в работе с хором вневедомственной сторожевой охраны города Калинина. Руководил им участник ВОВ, инвалид, композитор-самоучка Анатолий Рощин. В хоре пела моя мама Феврония Константиновна Бородиновская. Это были трудные годы в моей жизни — одна, с двумя детьми, с маленькой зарплатой учительницы, преподавательская работа в Учреждении ОН-55/1, работа с осужденными, лишенными прав по суду. Н. Попов тоже писал тексты для песен, но мои исполнялись чаще, а однажды на концертном фестивале, который проходил в драматическом театре, в программке вместо Попова впечатали Лагздынь. Жена его Зинаида негодовала. Позднее я поняла, что писатели очень ревностно относятся к собратьям по перу, особенно если их жанры совпадают. Но в книге, подаренной мне в 1980 году, когда я уже была принята в члены СП СССР, появился такой автограф: «Гайде Рейнгольдовне с пожеланием новых творческих удач на благо младших и старших читателей. Н. Попов. 12 марта 1980 г., г. Калинин (быв. Тверь)». Страсти улеглись. Я определила свое основное направление творчества: ушла с пути песенного творчества, но, как оказалось потом, совсем не навсегда, ушла из взрослых стихов в детскую литературу. Жить мне стало в Твери спокойнее: у меня была своя ниша, в которую никто не мог, да и не стремился, попасть, так как пишущих для детей не считали писателями.

Большую роль в становлении моего творчества сыграл АЛЕКСАНДР ФЕОДОСЬЕВИЧ ГЕВЕЛИНГ. Именно к нему пришли мои первые строки. Он возглавлял в газете «Калининская правда» отдел культуры, позднее эту должность занимала замечательная журналистка Марина Владимировна Мотузка, полненькая,

красивая, улыбчивая женщина. Какие у нас тогда были прекрасные, отзывчивые журналисты, и не только в «Калининской правде», но и в молодежной газете «Смена»! Как могут не порадовать такие дарственные строчки Марины Мотузки в книжке «Твой добрый след»: «Родному мне человеку, очень-преочень теплому — Гайде с любовью. Марина. Декабрь, 1985 г.». Я печатаюсь давно, но много лет спустя ощутила, что эти добрые чувства Марины угасли. Я все время задаю себе один и тот же вопрос: «Я ли виновата? Или время? Съедает, рушит связи и чувства людские?»

Простите! Убежала от темы.

Приятно читать дарственные строки Гевелинга:

1974 — «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь с чувствами самыми добрыми и пожеланиями самыми смелыми».

1976 — «Убедительный поклонник вашего дарования».

24.10.1979 г. — «С некоторой отеческой гордостью за несомненные успехи на поэтической пашне».

Февраль 1986 г. — «Малышке Гайде от взрослого дяди. Пожалуйста, не взрослей, но расти!»

Кстати, все пишущие для взрослого читателя меня упрекали за желание делать то же, что и они. Может быть, не хотели? Чтобы писать для детей, надо находиться все время в этом возрасте, то есть от нуля до трех, четырех, пяти, шести лет. Надоедает. Я же ребенок. Во мне бушуют чувства в соответствии с возрастом. Однажды на выезде, при встрече со взрослыми читателями я позволила себе прочитать недетские стихи. За спиной хихикал Валерий Токарев, сам пишущий тогда на тройку. И, к моему удивлению, его поддерживал А.Ф. Гевелинг. Им не давали покоя мои стихи. А почему тогда Гевелинг не глумился над стихами Киселевой из Лихославля и того же Токарева? Я стала порой выходить из пеленок детского творчества и обнародовала свои взрослые произведения, а мой сборник женской поэзии очень любят за его напевность и песенность.

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ КАМЯНСКИЙ жил в том же доме, что и П.П. Дудочкин, на Свободном переулке. Маленький, кругленький, с розовыми щечками, спокойно-уравновешенный в выступлениях. Как говорила наш самый главный человек в писательской организации, рабочий секретарь Елена Михайловна Косарькова: «После обеда ему не звонить. Он спит». Во время ВОВ был на фронте, писал неторопливо, взвешивая каждое слово. Его «Половецкое поле», изданное в 1978 году в издательстве «Московский рабочий» по мотивам «Слова о полку Игореве», как и «Недоброе небо», «У стен Кремля», интересно читаются и теперь.

В основе этих произведений — тема освобождения русских земель от иностранных захватчиков, объединения вокруг Москвы — единого политического, национального и культурного центра. Автограф: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь на добрую память. Июнь, 78 г., Калинин. В.К. Камянский» — выведен четким (особенно мое имя) почерком. Я в какой-то степени училась у него, излагая мысли, продумывать каждое слово в предложении.

Приход мой в поэзию МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СУВОРОВ встретил спокойно, без эмоций. Его супруга веселая Ирина Анатольевна похихикивала от моих детских стихов. Особенно мне запомнилась моя первая презентация в филармонии. Рекламы никакой, зрителей, кроме тех, которых я пригласила, никаких. Время выступления было дневное, за сценой все время передвигали то рояль, то кресла. В организации встречи никто не участвовал. Я не имела никакого опыта. Одним словом, это была маленькая репетиция для больших последующих выступлений, когда однажды зал в шестьсот человек в ДК «Пролетарка» я держала на интересе более двух часов. А представитель профсоюза, фиксирующая вопросы слушателей, насчитала их 99. «Одного до ста не хватило!» — улыбались организаторы Пролетарского района. На встрече были дети детских садов.

Не могу не вспомнить ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ХОМЯЧЕНКОВА, крупного мужчину с детской душой. Прошел фронт, писал стихи для ребят. Понимал, что не совсем у него получается, но не огорчался, не завидовал, просто жил с тем, что имел.

Знакомство с прозаиком ГРИГОРИЕМ ИВАНОВИЧЕМ КИРИЛЛОВЫМ проходило в рабочем порядке. Крупный, полный, добродушный, бывший рыбак, водолаз, служил в военные годы в морском флоте. Жил в Заволжском районе в пятиэтажке недалеко от дома, где мне судьбоносно предстояло жить в будущем. Однажды Григорий Иванович пригласил меня встретиться на берегу возле волжского моста у речного вокзала. Мы долго гуляли по набережной, говорили о литературе. Мне тогда показалось, что ему не хватает литературного собеседника. Со временем, проживая жизнь писателя, я стала более остро понимать его и своих сотоварищей по писанине. Особенно поэта АНАТОЛИЯ СКВОРЦОВА. Очень чувствительный, ранимый человек. Последние годы работал в газете «Калининская правда» зав. отделом культуры, с журналистом Валерием Буриловым, был немного ироничен, но почему-то, печатая мои стихи, Анатолий

Михайлович по ошибке или случайно портил: то голову, то хвост стиха отрежет. Как-то раз мы были с ним на выступлении в городе Бежецке. Стихи его мне нравились, читал он их хорошо. Через сутки, после очередного последнего выступления, вернулись в Калинин. Тогда я поняла, что он пьет. Мое творчество, как я уже писала, было тесно связано с «Калининской правдой». Впервые меня напечатали, когда главным редактором был Лапшин. Случилась беда: на Волге у рябеевских дач он утонул. Помню редактора Иванова. С ним Анатолий Скворцов дружил. Когда Павел Иванов умер, Анатолий настолько переживал, что на похоронах обещал его не оставить. И действительно, он вскоре покончил с собой, повесившись дома в своем туалете. Кризис в здоровье, в семье, в отношениях, видимо, толкнул к этому. На кладбище стоял открытый гроб, никто ничего не говорил. Как будто боялись чего-то. Словно трусливая сетка была накинута на провожающих. Это вызвало мое возмущение:

— Что ж вы, товарищи, молчите? Уходит ваш товарищ по работе, наш поэт!

И только тут один из сослуживцев произнес прощальные слова. До сих пор не понимаю, только догадываюсь, почему было такое всеобщее молчание.

Впервые с ВОЛОДЕЙ СОЛОВЬЕВЫМ мы встретились в коридоре Дома офицеров. Могла ли я тогда предполагать, что много лет спустя, а точнее, в 2000 году, состоится здесь мой большой творческий вечер, организованный Тверским городским отделом культуры, отделением СП, народным образованием, при участии творческих союзов и огромного количества коллективов, работающих с моими произведениями. Что на сцене будет выступать хор Дома народного творчества под руководством Геннадия Строганова, танцевальный коллектив ДК «Пролетарка» под руководством Евгения Ивановича Комарова, детский хор ДК «Металлист» под руководством Ирины Борисовны Галановой, мой авторский детский музыкальный театр, открывший начало праздника. Со сцены будут приветствовать начальник городского управления культуры Оксана Николаевна Ломакова, заведующие четырех районных муниципальных образований вместе с Анатолием Петровичем Павловым, директором школы №53, где будет находиться мой театр, а ответственный секретарь писательской организации Е.И. Борисов преподнесет мне губернаторский нагрудный знак «За вклад в развитие Тверской области». Что на вечере будут композиторы, поэты, солисты, исполнители, а встречу поведет радиожурналистка

радиовещательной компании «Тверь» Виолетта Дмитриевна Минина.

Разве я тогда в середине XX века при встрече с Владимиром Соловьевым могла предположить такое? Как и то, что придя в литературное объединение, познакомлюсь с Людмилой Прозоровой, ставшей позднее тоже членом Союза писателей. Но главное, я запомнила слова Соловьева: «Вы можете не писать?»

Я не придала значения этому вопросу. Только много лет спустя осознала, прочувствовала всю суть вопроса. Какую? Я попала в кабалу: литературное пристрастие хуже всякого наркотика. Ни часа, ни дня, не говоря о праздниках и отпусках. Ты все время в этом наркотическом опьянении.

Сейчас передо мной книжечка со стихами Владимира Соловьева «Верхневолжье» («Московский рабочий», 1968 г.). Автограф: «19.07.73 г.

Гайде на долгую дружбу с пожеланиями завоевать симпатии всех ребятишек, и больших, и маленьких». Володи уже нет, а память есть. Улетела после Скворцовчика еще одна птаха верхневолжская — Соловейчик.

«Ты не забудь меня?» — ГАЛИНА БЕЗРУКОВА. Нет, не могу я тебя, Галя, Галочка, забыть. Нашу встречу в крошечной комнатке у Марии Аввакумовой где-то возле вагонного завода. Комната настолько была мала, что не было в ней ни кровати, ни стола. Сидели на полу и читали стихи. Тебе очень тогда понравилось мое взрослое: «Смотрит осень глазами туманными, журавлей провожая на юг, догорает в осиновом пламени медью кованный солнечный круг. Но пока не побита морозами позолота на каждом шагу, а рябина румяными гроздьями полыхнет вдруг на белом снегу». Недавно зашла в помещение, где ранее размещалась газета «Смена», хотела заглянуть в твою «Светелку», в твой поднебесный закуток. В большой комнате между кабинетами молодые, чужие, выхоленные человеки. А ведь тут стоял гроб с телом Юры Яковлева. А в этих комнатах мы пили «чай» из чашек и были такими счастливыми! Потом ты внезапно исчезла и также внезапно появилась, уже с доченькой.

И вот передо мной твоя книга с автографом — все, что от тебя, кроме книг и дочери, осталось: «Новых стихов, прекрасных книжек, счастья, здоровья. 25.07.79».

Пока живу, помню прекрасного, не стремящегося к славе, друга-поэта.

Впервые познакомившись с ВИКТОРОМ ИВАНОВИЧЕМ КРЮКОВЫМ, подумала: какие писатели в организации разные.

Если В.К. Камянский — сдержанный и в выражениях, и в поступках прозаик, то Крюков — полная ему противоположность: тоже небольшого росточка, но худощавый, подвижный, с элементами перевозбужденной агрессивности. Потом мне стало понятно: разный тип нервной системы — меланхолик и холерик: тот сидит в обнимку с историей, этот — с современностью, а больше литературно связан с производствами. В.И. Крюков часто использует в качестве действующих лиц в своих романах образы окружающих его людей, меняя только фамилии, но очень узнаваемые. Неблагодарное это дело, тем более если персонаж представлен с червоточиной. Помню, как разгорелась битва между Виктором Крюковым и Владимиром Пальчиковым, которого он описал почти один к одному, поменяв первую букву фамилии с «П» на «М», то есть Пальчиков стал Мальчиковым. Битва закончилась ничем. В повести был Мальчиков. Потом Пальчиков отбыл на жительство в Москву. Больше об этом писателе я ничего не слышала, но вспомнила сейчас по такому поводу. Надо было представить мое творчество на оценку А. Дементьеву, уже тогда живущему в Москве. Оно и понятно: хлебушек постоянный там, а вот маслице — здесь. Здесь — генерал, а там — сержант. Гевелинг, несмотря на, казалось бы, доброжелательное ко мне отношение, скрылся в «кустах», передав дело Пальчикову. Тот отобрал стихи, часть из которых представил огрызками. Одним словом, оба прекрасно сработали. В отзыве о моем творчестве Дементьевым была ясно высказана мысль: чтобы быть поэтом, надо им родиться. Теперь-то мне все ясно. Гевелинг под влиянием своей жены Ольги Ивановны или еще из-за каких-то скрытых чувств не хотел общаться с Андреем Дементьевым, тем более что-то просить. До сих пор нет дружбы бывших тверских руководителей с тем, кого они считают выскочкой. А Пальчикова верно Крюков представил через образ Мальчикова. Автограф Виктора Ивановича в подаренной мне книге «Открытое сердце» гласит: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь — талантливому поэту и доброй души человеку с пожеланием радостей в творчестве и бытии. От автора. Виктор Крюков. 1980 год».

Рассказано по случаю…

Случилось это где-то перед семидесятыми годами прошлого столетия. Рабочим секретарем в писательской организации была очень справедливая, доброжелательная, понимающая Елена Михайловна Косарькова, жена бывшего директора первого в Калинине книжного издательства Александра Косарькова. Всю свою жизнь Елена Михайловна в должности секретаря-

машинистки проработала в нашем отделении Союза писателей. Мы очень с ней дружили. Тогда в писательской организации была только одна женщина-писательница — это я. Я доверяла ей и мысли, и чувства. Она была надежным человеком. Елена Михайловна умела гасить писательские страсти — порой мне казалось, что руководит организацией не Борисов, а она. До Борисова Тверское отделение Союза писателей возглавлял Гевелинг, до Гевелинга — В. Камянский, а до Камянского — Парфенов. Я его не застала. А вот смену руководства Гевелинга на Борисова помню ясно. Между ними была борьба за власть. Умный, тактичный Александр Феодосьевич понимал, что у Борисова есть «лапа», и отступил. Я думаю, не без участия Е.М. Косарьковой. С тех пор, как говорится, жили дружно, как «сладкая парочка». Вместе ездили на все российские «тусовки», занимали нужную им площадь на отведенных страницах в Тверском отделении издательства «Московский рабочий», не забывая оставлять место В. Исакову, выборочно допуская и других. Если бы Камянский больше писал, то тоже получал бы кусок надела. Самим руководителям бог не дал обильного урожая в сочинительстве. К чему этот разговор? Я его затеяла так, для информации.

Продолжаю рассказ о Елене Михайловне. Так вот, она пишет письмо Андрею Дементьеву и вкладывает в конверт мои стихи. Дементьев передает их в детский журнал «Мурзилка». Так в 1972 году впервые были опубликованы в этом журнале стихотворения о солнышке. К этому времени мои произведения печатались в методическом журнале «Дошкольное воспитание». Первая публикация в центральной печати 1966 года стала, так было положено, началом писательского стажа. Весной 2003 года Елена Михайловна умерла — я не была на похоронах, не знала, так как в это время умер мой единственный брат Феликс Рейнгольдович Лагздынь в Санкт-Петербурге, где я и находилась.

Автографы ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА БОРИСОВА мне очень дороги. Они были искренни, доброжелательны, не испорчены властью. На них можно и библиографию прозаика проследить, и отношение к собратьям по перу. Умный, отзывчивый, незлопамятный — этими замечательными качествами он обладает сполна, кабы только не было под боком Н. Хониной. (У актеров, видно, всегда заморочки, а в тверских актрисах всю жизнь быть — несладко.) Умеющий к тому же незаметно, тактично использовать свое положение с пользой, и большой, не только для себя, но и для организации. За последние годы, я

заметила, появилось (он думает, этого никто не видит и не знает) большое само-себя-любие. Ничего не сказав, может только хмыкнуть и бросить этим самым тень на авторитет другого. Мы, писатели, не можем ему простить и того, что бросил организацию в трудную минуту. Не стало выгодно, вот и оставил, а в то же время получил еще одно денежное звание. Да, чему удивляться! Верно, мало знали своих руководителей. Кто первый побежал класть партийный билет и отрекаться от партии, за счет которой жили и росли? Эти наши руководители: Борисов и Гевелинг.

1974 год. Я еще не член СП. Через год выйдет в издательстве «Детская литература» моя первая книга «Весенняя песенка», но не при участии нашего творческого союза. В Москву отослала рукопись учительница начальной школы Зинаида Якубова, с которой мы работали в школе. Оттуда позвонили: «Почему не приезжаете? В 1975 году выходит из печати ваша книга».

Тогда из издательства «Детская литература» начиналась моя дорога в писатели. Это долгий, трагичный по событиям в жизни, путь. Он сопровождался не только счастливыми полетами, но и смертельными виражами в здоровье, в судьбоносных событиях. Спасибо хобби. Хобби спасало.

Итак, 1974 год. Евгений Борисов, «Теплые звезды»: «Дорогая Гайда! От автора «первокнижника» с самыми добрыми пожеланиями. В одном из них — поскорее оказаться в том же качестве — «Первокнижницы». 5 мая 74. Евгений Борисов».

Жаль, что время так меняет людей. Я еще думаю: не меняет, а выпячивает то, что было сокрыто.

1979 г. — «Иду искать»: «Гайда, на добрую память, с пожеланиями самыми сердечными». «Медовые пряники»: «Гайда, прими эти пряники как скромный подарок на старый Новый год. С любовью и добрыми пожеланиями. 14.01.1981 г.»

В мое литературное сообщество ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ ТОКАРЕВ вошел двойственным человеком. Помню его молодым, неоперившимся птенцом, совместную поездку куда-то в глубинку на выступление. Общаясь в рейсовом автобусе, я поняла, что он уважительно относится ко мне как к более старшему по возрасту и по писательской деятельности человеку. И помню Токарева затем уже зрелого, достигшего материального благополучия, умеющего делать деньги, но растерявшего то, что было в нем. Мое отношение к нему стало еще более негативным, когда я узнала, что он оставил жену и двоих сыновей в частном неблагоустроенном доме. Может, это случилось со мной потому, что и у меня была трагедия? Одна с двумя дочерьми-школьницами третьего и девятого классов? Токарев писал стихи-

поделки по событиям. Однажды, встретив меня, когда я шла от Елены Михайловны, вдруг остановился и зло сказал:

— Вечно вы у меня на дороге!

Почему? На какой дороге? Правда, в отличие от него, я не пресмыкалась перед нашими руководителями. Но ко мне все относились ровно. Я только что пошла в гору по умножению количества изданных книг. Хотя в жизни я ничего не форсировала и не форсирую до сих пор. Все мои дела, если есть бог и видит мой ангел-хранитель, только судьбоносны. Движение верное, но медленное.

Сейчас Валера — спокойный, уравновешенный, знающий себе цену человек, не теряет связи с сыновьями. Хвори да возраст, видимо, приводят к этому. Но воспоминания меня не отпускают. На одном из выборов писательского бюро я предлагала расширить его за счет Л. Нечаева и еще кого-то. За моей спиной Валера убедил Гевелинга в том, что я пыталась настроить писателей на изменение состава руководства. Потому и возникла временная напряженность между Александром Феодосьевичем Гевелингом и мной. Оказывается, мужчины иногда ведут себя, я бы сказала как, но лучше промолчу.

Однако в подаренной книге «Послевоенные яблоки» Валерия Максимовича подпись такова: «Гайде Рейнгольдовне с пожеланием выпустить еще десятка три талантливых книг. Будьте счастливы. 24.10.79 Вышедшую из печати в 1986 году книгу подписывает: «Дорогой Гайде Рейн. — сердечно, с пожеланием счастья. И — спасибо! В. Токарев». За что спасибо? Или это дежурные фразы или признание своей неправоты в содеянном? Чужая душа — потемки.

С ВАЛЕРИЕМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ КИРИЛЛОВЫМ как журналистом, главным редактором, писателем меня свела молодежная газета «Смена». Открытость в статьях, нежелание прогибаться под власть при секретаре обкома партии Леонове привели к тому, что его вынудили уйти из газеты, даже настаивали на смене места жительства. Но времена менялись, секретари и руководители тоже. В. Кириллов — главный редактор газеты «Тверская жизнь». В газете много интересных публикаций, выделялось место поэтам, прозаикам. Не упускал своих возможностей и пишущий

В.Я. Кириллов. Обретая власть, материальную поддержку, более широко стал печататься, издавать книги. А почему бы и нет? Раз пишется и есть возможность. Но снова изменения, вновь новое отношение к газете. После отстранения от должности главного редактора Валерий Яковлевич чаще бывает в отцовском

доме на родине в Андреаполе. Во многих подаренных автором книгах примерно одна и та же стандартная надпись: «Гайде на добрую память с уважением от автора. В. Кириллов».

ЛЕОНИД ЕВГЕНЬЕВИЧ НЕЧАЕВ подарил две книги. Одну, с автографом, попросила на время Т. Пушай, да и с концами. «Конь Голубь» есть, но без автографа. Л.Е. Нечаев писал рецензии на мои спектакли, мы вместе участвовали в оценке детского творчества. Делал он это честно и безотказно. Вообще он замечательный и писатель, и человек. На сегодня — автор семнадцати книг.

ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА ПУШАЙ в своей книжке «Светотени» пишет очень коротко: «Дорогой Гайде с любовью. — Т. Пушай, 15.02.05».

Наконец-то Таня решила напечатать свои стихи и поставить на этом точку. Как активному, целеустремленному человеку ей некогда заниматься пустяками — писать стихи, печатать их. В прошлом активная, точнее, сверхактивная работа в областном обществе книголюбов, затем руководство Фондом культуры с его коммерческой деятельностью полностью поглощают Танин талант. Но зато держит она на плаву, что очень трудно в наше время, журнал «Тверская старина». Я ее еще больше стала понимать, когда по настойчивой просьбе редактора издательства «Рэд» Светланы Калининой написала детский путеводитель по музеям Твери и Тверской области. Работая над темой почти два года, более глубоко войдя в историю Твери и тверского края, в жизнь людей, живших до нас, в их деяния, стала ощущать каждой клеточкой тела всю суетность современной жизни, порой пустую никчемность наших дней и творческих трепыханий.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ МАЗУРИН, журналист от бога, активно возглавлял в один из периодов жизни бюро по пропаганде литературы, совместно со Смоленским отделением Союза писателей организовывал встречи с читателями. Сам много ездил и писал. Тематика его книг разнообразна — интересовался всем, создавал много сборников по краеведению. Передо мной «Деревенские будни» с хвалебной одой в мой адрес: «Добрейшей из добрейших, прекраснейшей из прекраснейших Гайдочке Рейнгольдовне от составителя сей книжицы сердечно. 31.12.82. Н. Мазурин, г. Калинин».

К слову…

Интересно в этом послании то, что многие по жизни

называли меня не Гайдой, а Гайдочкой. Только брат в детстве иногда обращался: «Гайка!» А я в ответ говорила не Феликс, а Фелька. Иногда он величал меня и Гаечкой, а вот муж чаще нежно называл «Бусенька» от слова «Бука». Последний раз меня принародно Гайдочкой назвала Лидия Гаджиева в статье «Веселое совершенство» от 15 октября 2005 года в «Тверской жизни».

Приятное воспоминание, и не только от уменьшительно-ласкательного имени, слышать от Лиды, которую я очень люблю, обожаю, как и милого супруга ее Эльдара Гаджиева, за стойкость духа жить и работать среди своих, а восприниматься незнающим окружением как чужих. Да простите неучей, талантливые наши журналисты, а также работающая на радио Аня Бабаева, специалист областного управления по делам культуры Таня Ли. Я тоже — Лагздынь. Но мы не чужие среди своих!

Николай Иванович Мазурин был удивительным, настоящим журналистом, успевал всюду и обязательно с фотоаппаратом. Оттого-то и фотоархив у него был богатый. Снимки со многими командующими войсками в годы Великой Отечественной войны, когда пришлось быть и защитником Родины, и корреспондентом. Он оставался многоплановым журналистом до конца жизни.

Памятен образ ВАСИЛИЯ НЕСТЕРОВИЧА МАКАШОВА: «Гайде Рейнгольдовне с любовью и почтением, как к женщине, личности и поэтической самобытности. Василий Макашов. 2 марта 1990 г. Город Тверь». Василий был другом Миши Суворова и его супруги Ирины Анатольевны, артист, певец, воплотивший образ Афанасия Никитина на всех праздниках в Дни города. К тому же, руководя пропагандой художественной литературы при писательской организации в активный период ее жизни, однажды обнаружил рукопись своих стихов в мусорной корзине, что стояла в буфетном помещении Союза писателей. Недолюбливал Макашова Гевелинг, за что — неизвестно. Василий писал стихи, тексты песен. Гевелинг считал себя главным критиком. Тогда мне было непонятно: почему он хвалил поэтессу из Лихославля Галину Киселеву, которая писала не лучше, но была введена в бюро, что прибавляло лишний голос при оформлении нужных бумажек. Всем от этих каких-то «люблю — не люблю» живется на Руси плохо.

Василий Макашов издал книгу «Поединок с собой». О его творчестве можно судить по печати. Он очень помогал мне при создании театра, добывал ткани для оформления сцены, пошива костюмов. Был веселым, красивым, общительным; жаль, что умер рано. Возможно, Морфлот, где он служил долго, да филармония

подточили сердце? Бурная активность порой нас и губит.

АЛЕКСЕЙ АЗАРЬЕВ, бывший строитель БАМа, работал в пресс-службе УВД Тверской области, журналист. Ко мне обратился с просьбой прорецензировать его книгу стихов «Планета любви» и написать вступительное слово. Что я и сделала, получив в подарок книгу с автографом: «На добрую память Гайде Рейнгольдовне от автора. 01.11.93 г.»

Сказано по случаю…

Как полезно иметь дарственные книги с автографами! Читая их, вспоминаешь людей, жизнь по годам. Не ведем ведь дневников! Надо бы брать пример с Валерия Кириллова или с Владимира Исакова. Как говорится, «мы умные вчера». Но, размышляя, реабилитирую себя. Они занимались только одним делом — журнально-писательским. А у меня параллельно 59 лет работы с планами уроков, с программами, отчетами, с освоением нового в педагогике, а потом работа с театром, с детскими рукописями, с активным участием в жизни по разным направлениям и проблемам. Даже не могу тихо сидеть и писать эти строки. Кто думал, что в июльскую погоду 2009 года в душной квартире начну корпеть! Но вот-вот позвонят откуда-либо. А отказывать не умею. Да и собственных детей, внуков, уже есть и правнучка, нельзя оставлять без внимания. Это требует общения, и большого. И не только общения, но и материальных издержек. А эти договора, звонки, переписка с издательствами? Их уже на моем счету девятнадцать. Какие тут дневники? Возникает сомнение: успею ли дописать рукопись? Значит, мимо восьмидесятилетнего юбилея пролечу без финансирования. Под вопросом существование книги «ДВЕ ЖИЗНИ В ОДНОЙ». Сидят же спокойно пишущие мужички, работают только на себя, жены им помогают. Книги издают вовремя и не на свои средства. И со знанием дела заполняют анкеты и становятся носителями денежных премий и наград. Простите, занесло не по делу!

Когда я о чем-то серьезном размышляю, то обязательно в памяти всплывают почему-то мелочи жизни. Вот сию минуту я думаю о цветах. Сколько роз было куплено и передарено мне на протяжении многих лет?! Целая охапка белых чайных роз от журналиста газеты «Смена» ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА и его автограф на сборнике «Рассказы о калининцах» («Московский рабочий», 1978 г.): «А яблонька и говорит: — Попробуй мой фрукт. — Вот еще! В доме моего родимого батеньки и я и антоновку не ем… — Отпробуй, отпробуй кислятинки, Гайда… С уважением Ю. Як.

25.6.79 г.» К чему бы это? А сейчас, когда пишу эти строки, начинаю понимать покойного Юру.

В этом же сборнике напротив заголовка статьи «Наставник» автограф поэта АНАТОЛИЯ СКВОРЦОВА: «Слово наше — с вами средство, на мысли я себя ловлю. Не выходите вы из детства, такой я, Гайда, вас люблю. Добавить нечего. А. Скворцов. 12.3.80 г.» Отчетно-выборное собрание. Первое.

И вновь захлестывают воспоминания о розах.

Вспоминаю по случаю…

На юбилейных вечерах, на творческих встречах — море цветов, в машину не влезают букеты, а дома ваз не хватает. Но среди этого обилия всплывают в памяти маленькие белые розочки, подаренные тридцать лет назад, которые на коротких стебельках опускала в хрустальную лодочку Таня Пушай. Они, словно на кораблике, плыли по блестящей поверхности пианино, радуя своей свежестью и изумительной красотой.

Я не люблю крупных цветов, как и крупных игрушек. Все маленькое, все изящное — это по мне. Не случайно коллекция из мелких предметов расположилась на стеклянных полках мебельной стенки, где среди покупных экспонатов достойное место занимает собачка, сделанная из теста и раскрашенная, пришедшая двадцать лет назад от Анны Бутузовой-Зюзиной. Иногда я любуюсь и крошечными собачками, осликами, кошечками, рыбками — всего семь предметов, подаренных мне на юбилей в связи с 75-летием, созданных руками Виктории Васильевны Емельяненко, участницы многих региональных выставок, врача по профессии. Неудивительно, что у такой мамы и дочь Касеян Наталья Витальевна — замечательный преподаватель музыки в Детской школе искусств №1, которой более сорока лет руководит заслуженный работник культуры, очень хороший человек по всем параметрам Блинова Регина Николаевна. Кстати, хочется упомянуть и другого общественно активного педагога Лойтерштейн Евгению Иосифовну.

А вот фрукты я обожаю крупных размеров: большие яблоки, груши, сливы, цитрусовые. Гроздья винограда чтобы были действительно гроздьями.

ЕВГЕНИЙ БУТУЗОВ, супруг Анны Бутузовой-Зюзиной, бывшей моей редакторши по Тверскому отделению издательства «Московский рабочий». Надпись Евгения на книге «Автограф на мерзлоте» напоминает о том времени, когда существовало и издательство, и жив был его автор: «Гайде Рейнгольдовне

Лагздынь на строгий, но доброжелательный суд. Тверь. 1998 год». Хороший был человек, работал журналистом в газете «Тверская жизнь».

Книга без автографа ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА РАЗЛОМОВА «Долгие прогулки», стихи, напечатанные у Миши Петрова в издательстве «Русская провинция». Поэт не очень разговорчивый, познакомилась с ним в управлении культуры администрации города в тот период, когда в научно-методическом центре гороно вела детское литературное объединение «Курочка Ряба». Мои цыплята, начинающие еще сочинять, на конкурсе получили хорошие оценки. Готовился к выпуску очередной альманах «Родной край» №13 с включением в него литературных произведений победителей. Увы! Наверное, из-за числа 13 выпуск в 1995 году не состоялся, но дипломы мои юные поэты получили. При самом активном участии Разломова альманах №12 в 1994 году опубликовал лауреатов литературных конкурсов, в числе которых значилась и моя работа. Была впервые в сокращении напечатана историческая сказка «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу».

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕМИДОВ вошел в мою биографию с парадного крыльца Театра юного зрителя. Будучи директором ТЮЗа, подарил для моего театра огромные красочные задники для сцены. С ними я жила во Дворце культуры профсоюзов, где находился театр. Затем с одним из подаренных панно переехала с актерами в среднюю школу N29, потом в 53-ю. Наколоченный на стену сцены задник, попав под прорвавшуюся горячую воду, льющуюся с потолка, чуть поблекнув, работал еще семь лет. Автограф Ивана Демидова в книге «Лимит любви» краток и лаконичен, как и сам автор: «Любви и удачи». Замечательный человек Иван Владимирович: строгий, четкий, исполнительный. Счастья ему!

За БОРИСА МИХНЮ на его книге «Освещенный затмением» поставил подпись художник Александр Фролов, датировав ее 1993 годом.

КОНСТАНТИН РЯБЕНЬКИЙ — сложной судьбы поэт. А сложности часто создает сам. Когда возник вопрос о его приеме в Союз писателей, я была за. Работая педагогом в зоне, видела столько поломанных судеб из-за безволия. Костя — именно поэт, с мягкой чувствительной душой. Автографы его полны доброжелательности, а вот общение — какое-то напряженное. Мы

по-разному живем, по-разному строим свое книгоиздание. Меня, как правило, берут издательства, детские стихи востребованы.

Пока рождаются дети, а они будут рождаться, доколе живет во Вселенной наша планета, будет жить и детская литература. Финансирование у К. Рябенького связано с положением униженного поэта. Часто приходится кому-то кланяться. А те, понимая, что поэзия достойна печати, иногда из-за других чувствительных эмоций, с барской руки подают на книгу. Не случайно на некоторых изданиях в конце или в другой части вписаны фамилии людей, пожелавших на горбу писателя въехать в историю. Но читатель эти строки не читает, кроме самого подателя или его родни. Поэта Константина Рябенького обожаю, сочувствую ему и радуюсь за все то хорошее, что возникло сейчас. Я не знаю, что это, но по Косте вижу, что это есть.

Автограф 2000 г. на книге «Исповедь»: «Гайде Рейнгольдовне — чудесному детскому поэту с пожеланием творческих удач, счастья, любви. 2002 год». 2002 год, «Черемуховые облака» — в надписи тот же штамп.

Кстати…

Работая над главой «Писатели и их автографы», я обратила внимание, что у многих писателей один и тот же текст: ФИО, пожелание здоровья, если писателю, то и творчества. Книги чаще подписываются на встречах, на вечерах творчества, а потому впопыхах. Если незнакомому человеку, то от незнания его характера и рода деятельности просто для проформы, один росчерк. Подпись «своему» человеку может быть двоякой: либо штамп — тому, кого мало знаю или не люблю, но жизнь обязывает, либо — с автобиографической направленностью. По автографу можно судить о писателе, о его характере, об отношении к одариваемому. Причем текст при длительном знакомстве отражает и личностные изменения в человеке. Подписывая книгу читателю, надо помнить, что многие хранят твой автограф, показывают знакомым, родственникам. Автограф в конечном счете может стать музейным, краеведческим документом. А потому, ставя свою подпись, не надо забывать того, что написание автографов — не просто строчки на книге, а целое литературное творчество. Вот что я уяснила для себя, работая над этой главой.

Поэт ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ СИГАРЕВ — новый, но уже старый в наших творческих рядах поэт. Автограф большой, словно предисловие к книге или публикации. Понимаю: выработан в результате работы с большим количеством

начинающих поэтов, с желанием им помочь. Но мне приятен автограф к книге «Рожденный под песни России»: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь! Автору сборника «Моя книга», детской писательнице, с недетским упорством защищающей и воспитывающей обделенное нашим временем «племя младое, незнакомое» с поклоном за ее подвижничество и талант. 25.05.05». Это было пять лет назад, а кажется вчера. И вот пришла весть о его кончине в апреле 2010 года.

НАТАЛЬЯ ВЕНИАМИНОВНА ЛОСЕВА, как и многие, годами стремится быть понятой, принятой в мир поэтический. Путь долог через чувства, унизительные прошения о помощи в издании, через радость ощущения шелеста первых, пусть маленьких, но таких желанных книжечек. «Стеклянные зонты», «Лепестки чайной розы» — не шедевры, но что-то и значат для поэзии. Милые, незатейливые автографы: «Уважаемой Гайде Рейнгольдовне с восхищением и пожеланием успехов, с почтеньем к творчеству, счастья и здоровья. 16.11.2002 г.» Милая девочка Наташа, трудяга, счастья тебе!

Дорогой ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СМИРНОВ. Сколько лет, сколько зим длится наше знакомство? Первая встреча на страницах тверского альманаха «Родной край» — в сборнике работ лауреатов литературно-художественного конкурса «Город Тверь», изданного в 1994 году отделом культуры администрации города при самом что ни на есть активном участии Василия Разломова. На 108-й странице альманаха ваши стихи, а на 131-й — Г. Лагздынь, тверская сказка «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу», правда, представленная в сокращенном виде.

Юрий Николаевич очень доброжелательный человек. И не удивительно, что в отделе подписки на газету «Тверская жизнь», где он трудился, все время собирался пишущий народ, порой даже мешая его работе. Но он никогда, ни под каким видом, ни словом не подавал этой мысли. Куда обычно тянутся люди, когда вокруг холодно? К теплу. Писательская организация уже на нулях в неуютной грязной квартире, что издавна находилась на улице Правды, ныне Новоторжской. В подаренных книгах — автографы поэта:

«Вечные слова» — «Прекрасному человеку, поэту с чистой светлой душой Гайде Лагздынь. На добрую память от автора. 27.06.98».

«Годы роковые» (6.12.2001) — «Дорогому человеку Гайде Лагздынь с уважением от собрата по перу. Юрий Смирнов».

С ЛАРИСОЙ БОРИСОВНОЙ ОРАЕВСКОЙ я познакомилась через альманах «Родной край» (1994 г.), затем, купив ее книгу «Преображение любви» на вечере памяти о ней, услышала и прочла замечательные стихи. Вот ведь как бывает.

Тот же альманах свел меня с МАРИНОЙ БАТАСОВОЙ, с БОРИСОМ МИХНЕЙ, с ТАТЬЯНОЙ ЖИВОВОЙ. Таня была частью творческого коллектива при Дворце культуры профсоюзов на улице Вагжанова, где находился в те годы мой авторский Детский музыкальный театр. Она запомнилась в роли Старухи-Лесовухи в спектакле «Шоколадная страна» игрой вдохновенной, задиристой. На репетициях в перерывах читала ребятам свои стихи. Я, занятая разными хозяйственными делами, а их в театре пруд пруди, не уделяла ей должного внимания. О чем сейчас сожалею и ругаю себя.

С МАРИНОЙ БАТАСОВОЙ первая встреча произошла на страницах альманаха «Родной край» (1994 г.), более близко познакомились позднее. Она очень помогла мне при издании одной из книг. Очень милый, отзывчивый человек, способный сострадать и помогать. И лауреатом «Золотой тыквы» я стала при ее участии как редактора и руководителя издательства. Спасибо тебе, Марина. Счастья и здоровья тебе и твоей маме. Сейчас передо мной лежит на столе книжка стихов Марины Батасовой «Путешествие к морю»: «Прохладна глиняная чаша с глазурью синих осьминогов. Все брызги — море...» и т.д. — звучат стихи Марины, обрываясь в моем сознании. Нет, не понять мне настоящих взрослых поэтов, лучше уж я пойду к своим детским строчкам.

АННА МИХАЙЛОВНА КУЛАКОВА. С ней меня связывают три нити: членство в Союзе писателей, образование на базе химфака и увлечение детским писательством. Отношения между нами почему-то скованно-холодно-нулевые. Кто из нас виноват? Я думаю: обе хороши. Да и места для контактов отсутствуют. Автограф 1990 года к книге «Попытка» гласит: «Уважаемой Гайде Рейнгольдовне от автора. А. Кулакова». «Маленький рыцарь на железном коне», 1994 г. Она сильна взрослыми стихами.

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕТРОВ. 1983 г. — автограф к книге «Иван Иванович»: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь, прекрасному поэту с воспоминаниями о совместной работе в газете «Смена» от автора». Моя память отлично сохранила взаимоотношения с

молодежной газетой. Миша Петров — человек интересный, сложноватый, ищущий и в творческом плане, и в форме проявления себя в работе, имеет отклонение в пользу журналистики и издательского дела. Уважительно относимся друг к другу, но наши отношения всегда какие-то отдаленно-настороженные. Я не примыкаю ни к каким группировкам, гуляю, как кошка, сама по себе, ибо мне не хватает суток для творчества, руководства театром, для своих детей и внуков, а теперь еще и правнуков. И то, что еще сжигает часы жизни, — издательские дела и трудоустройство тех книг, которые издаю. А вот почему я их издаю — ответ в других главах. Сейчас идет речь о писателях и их автографах.

С поэтом ВЛАДИМИРОМ ПАТАРАЛОВЫМ, летчиком, знакомство проходило в литературном объединении при Доме офицеров, куда, кстати, я редко заходила. Руководил этим всем делом бывший военный Петр Михайлович Лукин. Народ собирался разный — и поэты, и так, интересующиеся. Читали творения вслух, буйное обсуждение, хорошая рабочая критика.

В 1983 году в серии «Новинки «Современника» у Патаралова в Москве вышла книжка стихов под названием «Крылья». А вот и автограф: «Дорогой Гайде Лагздынь! Дарю сердечно! Автор Владимир Патаралов. 23.02.83». Потом у Владимира были книги, уже изданные в Тверском книжно-журнальном издательстве.

Рассказано по случаю...

Завсегдатаями литклуба были Людмила Прозорова, Нелли Кузнецова, Геннадий Никитин, Людмила Мадодова и другие. Прозорова была хорошенькой, молоденькой женщиной, да и сейчас, несмотря на возраст, сохранила миловидное личико. Помню, как «пировали», когда женился сын Нелли Кузнецовой.

Жила поэтесса НЕЛЛИ КУЗНЕЦОВА на проспекте Чайковского. В большой комнате стояли длинные столы, и было много народа. Меня, как не признававшую алкоголя, считавшую, что это — химреактив, уговаривали выпить хоть рюмочку за здоровье молодых. В те времена, если уж попал на праздник, так должен хорошо «нагрузиться». Помню, как-то Петр Дудочкин высказался по поводу таких событий: «Если человек не напьется до выхода продуктов обратно, считай, что не был на свадьбе». Я всячески сопротивлялась, а потом сказала:

— Да не берет меня алкоголь! Сколько ни выпью, все равно буду трезвой.

— А слабо, — говорят, — бутылку выпить?!

И тут меня взял азарт. Помню, поставили передо мной

«Старку» емкостью в 0,5 литра. Осилила. Сижу, улыбаюсь:

— Что, — говорю, — проспорили? Видите, трезвая.

Из-за столов поднялись, вышли во двор дома. Мужчины начали курить. Я, никогда не бравшая в рот сигарету, тоже закурила. Причем выкурила целую до ошпырка. И только тогда почувствовала, что хочу сесть на подножку грузовой машины, стоявшей у подъезда. Как добиралась до микрорайона «Чайка», где жила с дочерьми, не помню. Только, поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, почему-то хохотала. Потом был еще случай, но уже связанный с поминками нашего прозаика Рустама Агишева. Мне тогда было немного за сорок лет. Алкоголь действительно мало действовал на меня и не привлекал. В нашей семье все были непьющими, и по отношению к спиртному я так и оставалась того же мнения: это все — химреактив, вредный, как и никотин, для здоровья.

Когда появились книги Патаралова, я уже печаталась в крупных московских издательствах. Написано много стихов, рассказов. Однажды я предложила тверскому издательству, а оно было у нас одно, опубликовать стихи и рассказы для детей. Со стороны главного редактора и директора Евгения Борисова возникло сопротивление по поводу включения прозаических произведений. Ибо, как он говорил, в одной книге сразу не могут сосуществовать стихи и рассказы одного автора.

— Но ведь во всесоюзной печати они сосуществуют! — доказывала я. — К примеру, «Всюду лето», «Нам светит солнце ласково».

Борисову пришлось согласиться, но он дал указание работникам издательства подготовленную к печати рукопись мне не показывать. Но, как говорится, черт шельму метит! Борисов заболел, редактор Лилия Ахметовна Бадеева, ответственная за выпуск, согласно положению о печати, будучи профессиональным сотрудником, переработанную рукопись мне все же предложила посмотреть. И что я увидела? Там были такие правки, после которых прозаиком была не Лагздынь, а сам Борисов.

С некоторыми мелкими поправочками в словах я была согласна и благодарна за это Борисову, но в целом? Каждая моя строчка была им переписана. Это меня никак не устраивало. За одну ночь я восстановила свой труд в прежнем виде. В отдельных местах редакторские правки или не заметили, или поленились устранить. Надо было очень много перепечатывать. Исправленную мной рукопись Борисов не увидел. У него на боку возник фурункул. Мой ангел-хранитель его пометил. К чему это я все говорю? Да к тому, что после выхода книги «Волшебные

тропинки» Борисов высказался:

— Книжка должна была быть хорошей!

— А получилась отличной! — сказала я.

— Я всех правлю! Вот и Патаралова всего переписал. Тот был доволен.

— Будешь доволен, коли зависим. А я независима. Пусть проза будет на оценку «3», но это моя писанина. И походить ни на кого не хочу! — А еще добавила: — Переписывайте других и свою Хонину.

Сама себе беда! Живу с языком без костей! И чем старше, тем выше поднимаю забрало. Просто какое-то наказание. Надоело от кого-то зависеть. Сказывалось долгое закрытое состояние, в котором находилась как «дочь врага народа». Взбунтовалась, видно, душа, запросила свободы. Тем более что в данном случае я была права. Мою книгу критика встретила достойно. А вот почему опытный редактор, писатель с хорошим вкусом, портил мою прозу, непонятно!

В некоторых рассказах изменился стиль повествования, даже текстовое тематическое звучание. Например, в борисовской правке поросенок Боря уже предстал «здоровенной свиньей».

Мой текст в том же рассказе:

Раз с Борей приключилась история. Бегал он, бегал по улице, свернул в переулок — почуял вкусный запах. Возле речки туристы развели костер, жарили шашлыки. Шашлыки — мясо с луком, надетое на длинные железные палки — шампуры. Поджарили туристы на углях шашлыки, положили на большие лопушистые листья, сами отправились за водой для чая. Тут Боря и подобрался к шампурам. Содрать мясо с железных палок не может. А пахнет вкусно, и есть хочется. А туристы возвращаются! Боря не растерялся, рылом подхватил две шампурины и — наутек! Бежит по дороге к свинарнику, в зубах шашлыки несет. Ну и смеху было!

Потом туристы пришли Борю фотографировать. Очень сожалели, что нет цветной пленки. Так им Боря понравился. А один, самый старший из туристов, все приговаривал: «Ну и свин — пестрый, курносый! Тебе бы в цирке выступать. Цены бы тебе не было!».

А вот строки, которые должны были быть напечатаны (в редакторской правке Борисова):

Туристы закричали, замахали руками, стали гнать непрошеного гостя, а наш Борька и тут не растерялся: ухитрился-таки подхватить своим рылом два шампура — и наутек. Бежит по деревенской улице, а в зубах шашлыки... И смех, и грех!

На следующее утро горе-туристы на ферму пришли с фотоаппаратом. Попросили, чтобы им Борьку показали. Решили

себе на память сфотографировать. «В город приедем, — сказали, — будем рассказывать. Еще не поверят. Вот мы и покажем его портрет. Героев должны знать в лицо».

А кто-то из них предложил:

— Вашего бы Борьку в город, в шашлычную устроить. В качестве саморекламы. От клиентов отбою бы не было.

Что тут скажешь? И я, и не я.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ОГНЕВ, член СП, доктор филологических наук, автор многих книг, более 200 научных работ и монографий, человек, знающий про Отечественную войну не понаслышке, продолжает преподавать в университете. В книге «Любовь, семья и судьбы России» пишет: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь с добрыми пожеланиями. 16.03.2001. А. Огнев».

С НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ СЕМЕНОВЫМ знакомство было мимолетным, но запоминающимся. Встреча проходила в политехническом институте со студентами и преподавателями, с проректором по учебной работе Аллой Алексеевной Кудрявцевой, с которой меня связывал в прошлом Театр кукол, затем учеба моей внучки в политехе. Было время, когда мы очень дружили с Аллой. Живя в «Чайке», нередко встречались в Бобачевской роще. Она, наверное, тоже помнит, как я читала прямо с рулончика бумаги, стоя на стволе поваленного дерева, сказку «В царстве Мрака, Теней и Света».

На встрече в институте Н.А. Семенов подарил книгу «Дракон и дева»: «Гайде Рейнгольдовне с наилучшими пожеланиями. 2.26.2001». При следующей встрече вручил новую книгу стихов «Дежа-вю»: «Гайде Рейнгольдовне — прекрасному человеку с наилучшими пожеланиями. 14.08.2005. Н. Семенов».

Как видите, автографы обычные, стандартные, как правило, об этом уже писала, появляются на книгах, когда люди мало друг о друге знают. После встреч мне стало известно, что он доктор технических наук, профессор, специалист в области информатики и маркетинга, поэт-лирик. Воистину: единство «физиков» и «лириков». Замечательное сочетание!

ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ ШТУБОВ. На его книге «Время поющих соков» нет автографа. Хороший поэт, живущий в глубинке нашей области. Жаль, что встречаемся так, словно плывем по реке, но в разных струях. Его поэзия настоящая, искренняя.

ВИКТОР ЧУДИН: «23.05.2001. Уважаемой Гайде Лагздынь на

добрую память от автора».

МАРИНА ПАВЛОВНА БОРИСОВА из Удомли, книга добротных детских стихов «Первый полет»: «Гайде Рейнгольдовне с наилучшими пожеланиями от поклонницы и ученицы. 2002 г.» Так прекрасно ощутить себя среди других поэтов, пишущих для детей, когда появляется чувство, что ты не совсем примат! Дай бог детским поэтам идти по творческой жизни более легким путем, чем тот путь, по которому шла я.

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОДОВИЦЫН. Его детская книжка-раскраска «Про маму, бабушку и носорога». Замечательный поэт, но не детский, а глубоко знающий историю, религию Руси, прекрасный врач, под руководством которого многие годы работает дочь нашего друга-сокурсника, уже ушедшего из жизни, Евгения Яковлева. Ниночка Евгеньевна Яковлева — достойная продолжательница докторской деятельности мамы Ады и своего руководителя Валерия Васильевича, скромного, интеллигентного, заведующего аллерго-пульмонологическим отделением областной больницы. Годовицын — заслуженный врач Российской Федерации, поэт и прозаик, автор многих книг, отец двоих сыновей и дед троих внуков. И снова: тверской писатель — изумительное сочетание практического ума и литературного дарования. Нашей писательской организации хочется пожелать иметь в своих рядах побольше талантливых, знающих поэтов и прозаиков с чистыми душевными помыслами.

Автор ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВНА САЛТЫКОВА из Рязани на подаренной книге «Сапоги продыркались» оставила автограф: «Гайде Рейнгольдовне в хорошую погоду в любое время года. 21.12.02».

А вот книжка АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФИЛИППОВА «Зов стрельца», подписавшего книгу теми же словами, что и ЕЛЕНА АНТОНОВНА МИЧУРИНА: «Уважаемой Гайде Рейнгольдовне от автора с наилучшими пожеланиями. 26.03.07».

Книга умного шутника ВЛАДЛЕНА ИВАНОВИЧА КОКИНА, критика, юмориста, с мальчишечьим желанием похулиганить, но по делу! «От всей души и с глубоким уважением. Автор. 20.09.94».

ВЛАДИСЛАВ КОНСТАНТИНОВИЧ АРТЮШАНСКИЙ прошел по

памяти одним мгновением, одним присутствием на одном из писательских собраний, оставив книжку «Живая нить». Улетел вместе с супругой в Америку заработать на квартиру. На ферме как поденщик перетрудился и, купив квартиру, умер на тверской земле прямо на могиле матери. Такая печальная судьбинушка у нашего поэта.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОРОВА подарила мне строки вместе с книжкой стихов для детей под названием «Веснушки», «Дюжина румяных колобков». Замечательно, что кто-то живет в детстве: «Гайде Рейнгольдовне с благодарностью, с почтением, благоговением на добрую память от автора с пожеланием счастья, творческих успехов. 31.03.2002». А за что благодарность? То ли за внимание к автору, то ли за толчок к написанию стихов для детей? Такое я за собой замечаю. Авторы, способные писать для детей, порой затрудняются, как воплотить свое желание в печатном виде. Общение личное, через почту, через публикацию моих стихотворений помогли Нине Пикулевой из Челябинска, Татьяне Коваль из Москвы стать печатающимися авторами.

Сказано по случаю…

Татьяна Коваль после того, как я ей выслала свой трехтомник, подготовила несколько проектов для издательства «Фламинго».

Относительно Нины Пикулевой. Однажды Л.Я. Либет при встрече в издательстве сказала:

— А у вас появился конкурент среди дошкольнопишущих!

На что я, не задумываясь, ответила:

— Я знаю. Это Нина Пикулева.

До этого поэтесса из Челябинска прислала мне в Тверь книжки «Играй-городок», «Улыбка и слезы» с автографами: «Переулком прибауток попадаем в город Тверь. Гайда Лагздынь, Гайда Лагздынь нам сейчас откроет дверь. Октябрь 1990 г.» Однажды в телефонном разговоре пожаловалась на то, что ее дети подросли, и она теряет способность писать для маленьких.

Это зачастую происходит с писателями и очень даже талантливыми. Трудно оставаться в детстве. Я вот как-то сохранилась, несмотря на то, что часто убегаю из малышового творчества в школьную, а иногда и во взрослую поэзию. После телефонного разговора в письме я изложила все секреты своей «детскости». В ответ получила книжку с автографом: «Милой, доброй Гайде Лагздынь и ее «внучатам аккуратным» и «послушным зайчикам-зайчатам». И. Пикулева». Впервые с этим автором мы увиделись в Москве на Международной книжной

ярмарке около двух лет назад. Она очень активно участвует в издательских делах, сотрудничает со многими издательствами книг и журналов. В отличие от меня, занимающейся театром, детским творчеством, не расширяющей связей, не выходящей на издательства, а больше их теряющей из-за дефицита времени.

Кстати…

Моя общественная позиция и сейчас, когда работа с театром уходит в двадцатилетнюю биографию, не приносит мне личной пользы. Вместо того, чтобы к сроку дописать эту рукопись и получить финансовую поддержку на ее издание, я бегаю по выступлениям, по всевозможным мероприятиям, участвую в разных кому-то нужных акциях (не умею отказывать), в то время как желающие получить такую же поддержку сидят и молча в уголке строчат свои вирши. Все это может стать пролетающим финалом для меня и победным маршем для других.

Несмотря на это, на меня вышло восемнадцать издательств, я связана договорами на книги, но больше на участие в сборниках. Мода сейчас такая. Сборники толстые, тяжелые, очень красочные. Участие в них престижно, но малообъемно. Чтобы создавать авторские книги, надо запускать серии, а это дорогостоящее дело. А еще, видимо, издательства не уверены, что найдут авторов на эти серии, боятся оторваться от известных классических имен, потерять доход. В итоге таких сборников у каждого издательства с одними и теми же стихами и сказками столько, что их трудно будет реализовывать. Хорошо пишущих для детей становится все меньше и меньше. Молодые специалисты работают с Интернетом, ищут авторов, их произведения. Я пишу много и, как показала критика и востребованность моих стихов и прозы, неплохо. Но свое творчество я не помещаю на информационных страницах.

Вот и получается, что скоро будут гонять по сборникам одни и те же стихи, не зная, что я располагаю большим количеством их на разные случаи жизни ребят дошкольного и школьного возраста. Дети любят стихи, рассказы и сказки. Если говорить о классических произведениях, то для ребенка они нужны, но как же нужна и современная создаваемая литература! Малышовую прозу писателей нашего времени печатают крайне редко. Вот ведь какая беда! Правит балом все тот же рынок. Боятся издатели новых имен. Они есть. Их только надо разрекламировать.

ТАТЬЯНА АРЧИЛОВНА МЧЕДЛИШВИЛИ. Книжечка «Кукольные домики» издана Тверской специальной библиотекой для слепых с именем нашего поэта Михаила Ивановича Суворова. Автограф: «Гайде Рейнгольдовне от Татьяны Мчедлишвили в

память о встрече в Берново. Лето 2006 г.» Фамилия Татьяны почему-то вдруг приоткрыла маленькую щелочку памяти, всколыхнула забытое и выдала имена: Мария Тенази, Ната Вачнадзе, Мэри Пикфорд, Лия Диппути. Что бы это значило? Почему лежали на полочках в нервных клетках с самого раннего детства имена этих актрис? Но мой мозг снова молчал.

МАРГАРИТА ИВИЦКАЯ! А все-таки она Людмила Алексеевна Кульпина! На прекрасно оформленных книгах прекрасные фотографии поэтессы и короткие строчки: «Гайде Лагздынь — с признанием и признательностью. 10 января 2005 г.» Искренние ее стихи порой требуют осмысливания. О таких произведениях я говорю: доходят до головы словно идут по шее жирафа. Название стихотворения «Кресту не надо пьедестала» вошло в мою частую поговорку и породило однажды, пусть не классическое, но стихотворение для взрослых. Маргарита Ивицкая была очень активна, приходила на многие творческие встречи, а потом вдруг растворилась в своих эмоциях, но на телефонные звонки отвечает. Чем-то ее очень обидело общество пишущих. Если так, то напрасно. «На каждый роток не накинешь платок».

С ВЛАДИМИРОМ МАЛИНОВСКИМ мне кажется, что знакома целую вечность. Часто разговариваем по телефону. Читаю его рукописи, даю советы. А он всю жизнь стремится к совершенствованию. Литературный язык его необычен, сочен, интересен. Что ни слово — находка! А образы? Фантастика — на грани безумия. Замечательный человек Володя Малиновский! Книга «Касатик» — «Гайде Рейнгольдовне от автора на добрую память. 30.03.04». Действительно, на долгую. И сегодня поздний звонок: «Я дописал свой шестилетний труд. Хочу издать через Тверской университет». И вновь телефонная новость: «Книжечка «Железный город» вышла. Куда занести?» — «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь от автора с благодарностью за поддержку. 26.05.2010 г. Владимир Малиновский» (подпись — закорючка).

А недавно получила в подарок изящно оформленный сборник стихотворений «Родина» от нового члена писательского сообщества ГОРЛОВА ОЛЕГА ВАСИЛЬЕВИЧА: «Г.Р Лагздынь от автора на добрую память о наших совместных творческих посиделках. 28.08.2009. О. Горлов».

Сказано по случаю…

Почему я писательскую организацию назвала сообществом? А

как еще называть? Брошенная Е. Борисовым и В. Самуйловым на произвол судьбы, детище было поставлено в очень трудное положение. Словно хотели того: «Я тебя породил, я тебя и убью». Спасибо писателям Вере Петровне Грибниковой, Александру Михайловичу Бойникову и другим помощникам, что после изъятия помещения, в котором многие годы жила и работала организация, осуществили перевозку документов, мебели, картин, музыкальных инструментов, книг писателей и прочего имущества в комнатушку без света и телефона на территории областного управления культуры. Сейчас на Новоторжской (бывшая улица Правды) в помещении, которое могли бы сохранить, расположился так нужный всем ювелирный магазин «Роскошь».

Знакомство с поэтом получилось необычным и в тот час, когда должно было состояться собрание по выбору нового состава нашего творческого союза. Не зная о том, что это происходит в библиотеке имени Горького, мы с Олегом Васильевичем, взяв ключи у вахтера, сидели среди перевезенных вещей в полумраке (помещение было обесточено) и рассуждали о судьбах писателей, о необходимости сохранения Союза, ждали сотоварищей. Но выборы были там, а мы были тут.

С 11 по 13 мая 2006 года при поддержке Федерального агентства по образованию, Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тверского государственного университета», педагогического факультета проходила III Международная научно-практическая конференция по теме: «Детская литература и воспитание». Для участия в ней была приглашена и я. К этому времени был издан второй том «Моя книга-2». На этой конференции я познакомилась со многими интересными людьми, как преподавателями — учеными университета, так и со студентами, а также с гостями из других городов и стран, работающими над проблемами детства. Я не буду перечислять их научные степени и звания, ибо каждый из них достоин не одной страницы. Но фамилии, с их позволения, назову: Т.В. Бабушкина, Н.Ф. Нестерова, Е.Г. Данелян, Ю.А. Корпусова, Н.Ф. Крюкова, А.М. Бойников, С.Е. Горшкова, В.Г. Малышева, Е.Г. Милюгина, В.А. Редькин, Г.А. Толстихина, А.Г. Степанова, Г.П. Велиева, Л.Ю. Чунева, Л.Ф. Корепина, Е.А. Ничипорович, О.О. Копкарева, С.Ю. Николаева, И.Ф. Комогородцев, К.А. Фролов, А.Б. Турин, М.Б. Оборина, В.А. Жаров.

Кроме Александра Михайловича Бойникова, Валерия Александровича Редькина, сотоварищей по писательской организации, я хорошо была знакома с деканом педфака Галиной

Аркадьевной Толстихиной, со Светланой Евгеньевной Горшковой. Жизнь меня свела и со Скаковской Людмилой Николаевной, когда она еще была деканом филфака. Людмила Николаевна знала мое творчество, ценила, писала рецензии и характеристики для издаваемых книг, способствовала пропаганде моего творчества. Сейчас этот замечательный человек — проректор по учебно- воспитательной работе Тверского государственного университета.

Все мое повествование о международной конференции 2006 года в микроусеченном варианте связано еще с одним автографом, что высветил события конференции на педфаке годом ранее, в 2005 году.

ВЛАДИМИР ДАВЫДОВИЧ ПУРИН. Его небольшая книжечка «Стихи о России» стоит среди других знатных имен. «На память о конференции в ТвГУ. 13.05.05». В книжке скромный педагог, кандидат педагогических наук собрал стихи, написанные с 1973 по 2003 годы.

С В.Д. Пуриным меня сводила жизнь и ранее: на фестивальном смотре театральных коллективов. Под его руководством школа №29 показывала спектакль «Кошкин дом». Спектакль был хорошо поставлен, дети играли неплохо, но на том смотре было много и других отличных постановок. Три же ведущих места не могли вместить все, что было показано коллективами. Почему я все время ратую против деления творчества детей и работу их руководителей на позиции: первый, второй, третий. Каждый должен получать диплом, но с разными творческими характеристиками.

ЭДУАРД МОИСЕЕВИЧ МАМЦИС, врач по профессии, на моем зрительном поле появился неожиданно. У автора книги «В натуре» возникло желание стать членом Союза писателей. На собрании по рекомендации в Союз меня почему-то не было. Не известили по той причине, что не отвечала на телефонные звонки, хотя я всегда ночую дома. Его рассказы больше похожи на журналистские фотоработы в «натуре». Но, в отличие от них, более откровенны, правдивы и частенько с большим юмором. Обречен писать долгие годы, если в обнимку с матушкой-ленью не будет отсиживаться дома или на даче. Тем вокруг, что мальков — только успевай сачком отлавливать.

ЛИДИЯ БАЛИНА. «Духовный след» — «Дорогая Гайда Рейнгольдовна, от души желаю вам и всей вашей семье большого семейного счастья, огромного как солнце, большой удачи во всем

и крепкого здоровья. 2001 г.» «Окно в жизнь» — «Желаю вам и вашей семье благ духовных и материальных, успехов во всем, большого семейного счастья, несокрушимого здоровья, и от всех людей тепла и понимания. 2002 г.»

Я никогда не видела Лиду, только на фотографии в альманахе. Будучи инвалидом с детства, лишенная возможности общаться, когда даже на улицу выйти трудно, в своих автографах она желала всем того, чего была сама лишена, а любовь к миру и людям изливала через свое творчество. Мама ее, моя соседка по даче Зоя Михайловна, как может, помогает дочери. Благодаря ее усилиям появилась публикация стихов в журнале «Домовой». На средства от сбора ягод, грибов помогла издать дочери книги. Стихи Лидии Балиной были помещены в альманахе творческих работ инвалидов клуба «Виктория плюс». В этом деле была оказана помощь от бывшего губернатора Владимира Платова.

Кстати…

В период руководства областью Платовым я была отмечена нагрудным знаком «За вклад в развитие Тверской области». Не знаю, какие за ним водились грехи (а кто безгрешен?), но губернатор творческим союзам уделял внимание. Почему-то на память вдруг приходит поговорка (чтобы она значила?): «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло!» и другие — «Не ошибается тот, кто ничего не делает» или «Ошибается тот, за кого делают».

В руках у меня альманах «Новоселье» издательства «Московский рабочий» за 1988 год, кем-то подписанный: «Гайде Рейнгольдовне с неизменным уважением». Стоят автографы тех, кто стал в будущем профессиональными писателями: Леонид Нечаев, Нина Алексеева, которую наши мэтры долго не пускали на порог СП, Александр Душенков, бывший редактор Тверского отделения «Московского рабочего», секретарь партийной писательской организации СП, ныне священнослужитель в соборе Вознесения, что на улице Советской.

Напечатанный раздел книги интересен больше тем, чьи имена легли на бумагу. Но в какой-то мере, возможно, пригодится для архива, истории литературной жизни на тверской земле. Далее я обращаю внимание на автографы писателей, живших или живущих в других местах нашей страны. Больше, конечно, это касается москвичей: чаще общались и общаемся.

Автографы более именитых

Рассказ по случаю…

АННА ВЛАДИМИРОВНА МАСС — коренная москвичка, дочь известного эстрадного драматурга Владимира Захаровича Масса, имя которого известно в сочетании с его соавтором — Михаилом Абрамовичем Червинским. На слуху старшего поколения Масс и Червинский звучат как Миронова и Менакер. Как прозаик Анна вошла в мою жизнь как-то незаметно и надолго, приезжала в Тверь для совместных выступлений. Проста в общении, мать двоих сыновей — Андрея и Максима. Однажды мы с дочерью Тамарой ночевали в ее большой высокопотолочной московской квартире. Огромную комнату можно было перегородить задвигающейся складной стеной. В маленькой комнате стоял диван и обшарпанный письменный стол, скромно, мрачно, неуютно. Я оставила в подарок на кухне большой искусно сделанный подсолнух. Не знаю, нужен ли он ей? В квартире хозяев не было. Анна, уезжая накануне куда-то, ключи просила положить в почтовый ящик. Анной написано много разнотемных книг. Не удивительно. По образованию филолог, но как геолог с поисковыми партиями исходила всю Сибирь. Она рассказывала о местах, куда в семидесятые годы не ступала еще нога трудового человека, рассказывала о богатствах, о секретных картах, которые составляли они — первопроходцы. Судьба забрасывала Анну в самые отдаленные уголки страны: в Калмыкию, Якутию, на Мангышлак и в Забайкалье, к нефтяникам и золотоискателям. Как-то она мне поведала: «Я знаю, где вершина горы состоит почти из золота, в тех местах нет дорог, даже волчьих троп. Это наши законсервированные богатства». Сейчас пришло время эти сокровища брать для блага страны.

С Анной в составе группы московских писателей выезжала на Рыбинское водохранилище. Несколько дней жили в научном городке Борок. Городок, скорее поселение в основном из одноэтажных домов, населен учеными из Москвы, Ленинграда и других крупных научных центров. Приехало нас много, но память о других писателях, кроме Анны Масс и Ирины Пивоваровой, ничего не сохранила. Просыпаясь, я всегда видела Анну сидящей с ручкой и блокнотом, словно она и спать не ложилась. В Борке я впервые познакомилась с большим громоздким электронным микроскопом. Никто из сотоварищей не проявлял к нему никакого интереса. Будто видели его в Москве каждый день. Я просто удивлялась лености писателей. Это был уникальный микроскоп. Мне как биохимику по образованию очень интересно взглянуть и разглядеть клетку, увидеть ее строение, те органоиды, из которых она состоит. О них пишут в учебниках средней школы по биологии. Мы же из них состоим! Это же так

интересно!

Еще я была потрясена в подземном аквариуме огромной щукой, возраст которой более трехсот лет. Когда я подошла очень близко к стеклу, то была поражена взглядом рыбы, одетой словно в золотую чешую. Сатанинские глаза щуки смотрели в упор так, что мне стало жутко. Я не выдержала ее взгляда. Образ этой хищницы, обитательницы Рыбинского водохранилища, переместился в будущем в образ злой обитательницы моря в сказке «В царстве злой Мурены».

Дурманные травы

Документальный рассказ

Каждый день нашего пребывания в научном центре был расписан по часам, включая и вечернее время. В один из таких вечеров мы были приглашены в гости к ученому. У каждого сотрудника этого научного мира был, пусть даже маленький, но отдельный домик.

Хозяин вокруг нас расположил в ладанках травы, которые тлели и обволакивали наше сознание. Вскоре все спали, а я усилием воли, иногда руками, пыталась не дать векам сомкнуться. А пригласивший нас в гости ученый рассказывал о далеких степях Калмыкии, о законах народов, населяющих нашу землю. Но память, одурманенная травами, не удерживала ничего. А он все говорил и говорил, сам продолжая бодрствовать. Наверное, проводил какой-то эксперимент. Иначе как объяснить такое, что с нами случилось? Передо мной семь книг Анны Масс с текстовыми автографами, что помогли вспомнить маленький мирок ученых, живущих вдали от больших центров, где остались квартиры, а у многих и семьи. Здесь ведутся научные работы. Эти автографы помогли установить и даты кусочков моей жизни.

«Милая Гайда! Прими эту книжку в знак искренней симпатии, в память о нашей дружбе и счастливой жизни в Борках. Желаю вам побольше таких дней! Аня. Борок. Март 1979 г.»

«Милой Гайде Лагздынь с искренней симпатией на память о нашей встрече в Калинине — с пожеланием дальнейшей дружбы. Март 1981».

Анна Масс. 31.03.81 — «Милой Гайде на добрую память с надеждой получить и от вас что-нибудь в этом роде. Аня. 82».

«Гайде Лагздынь — в знак дружбы. Аня. 82».

«Гайде Лагздынь в знак дружбы с пожеланием радостей во всем. Аня. Октябрь 84».

«Дорогой Гайде, замечательному человеку, на память о дорогах и тропинках, по которым дружно довелось шагать. С любовью и уважением от автора. Аня Масс, сентябрь 1990».

Потом мы потерялись во времени. Кто-то сказал, что она в Израиле. Адрес потерян.

Будучи в гостях у своего свекра в Калининграде, я познакомилась с детской писательницей ГАЛИНОЙ НОВИЦКОЙ. Знакомство было недолгим, но оставило след в моем творчестве. В подаренной книжке «Лужайкины сказки» в автографе было написано: «На добрую память Гайде Лагздынь с самыми добрыми пожеланиями и с надеждой выйти на свою поэтическую дорогу. С уважением Г. Новицкая, 3 августа 1971 г., Калининград».

С Новицкой мы встретились намного позднее, если не ошибаюсь, возле Дома творчества в Комарове, что под Ленинградом. Она жила или снимала дом для жилья поблизости. Ей не верилось, что я тогда, при первом знакомстве, была уже не юная, сумела занять высокую и широкую нишу в здании детской поэзии.

Я никогда ни на какого писателя не была похожа в своем творчестве. Объясняется все очень просто. Мое литературное образование закончилось в седьмом классе. Тогда были не девятилетки, а семилетки. 1945 год. Только закончилась война. Учеба в техникумах, в пединституте с химико-биологическим направлением побуждала меня интересоваться технической литературой. Позднее, став профессиональным писателем, я много читала, но отдавала предпочтение познавательной литературе.

А вот с такими писателями, как ЛАРИСА ТЕОДОРОВНА ИСАРОВА, ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА РАКША, ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ АСТАХОВ и его жена ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА, ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ, ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА ШЕБЕТЕНКО, поэт из Магаданской области из города Анадырь ГЕННАДИЙ АФАНАСЬЕВИЧ НЕНАШЕВ, называвший себя Гришкой Распутиным, МАНУКЯН из Армении из Дома творчества писателей Цахкябзор, ЭДУАРД ФИЛИППОВИЧ МЕДВЕДКИН из Алма-Аты и другие, свело меня совместное путешествие по Средиземному морю на теплоходе «Михаил Суслов», на котором мы отправились знакомиться с 1 по 24 ноября 1985 года со странами Европы. В этой поездке были и Михаил Жванецкий, и Роман Карцев (Кац), известный актер Сергей Сергеевич Яковлев с супругой поэтессой Натальей Вениаминовной. На теплоходе было много художников — Андрей Иванович Портнов, Израиль Иосифович Зульберман (на фото рядом и справа).

Ирина Ракша, душа круиза, в памяти запечатлелась как изящная, в красивой одежде, дама с украшениями. Особенно

поразила меня в ее руках почему-то широкая кисточка для нанесения на щеки румян и всего прочего. Деревня я! Среди москвичек.

Книжка «Задача со многими неизвестными» Ларисы Исаровой с автографом: «Милой Гайде, двойной коллеге по учительской и писательской судьбе. С симпатией и уважением. 20.XI-85. Л. Исарова» действительно в круизе соответствовала этой писательнице. И запись в блокноте: «Спеши, спеши домой с лимоном за щекой!» (во время качки в море — 9 баллов).

У ней был опыт в загранпоездках. Нам было разрешено взять только 46 долларов на все страны. А потому Лариса вооружилась обменным товаром. Как говорится, бог с ней. «Хочешь жить, умей вертеться». Но что заставило меня сейчас написать эти строки? Да потому, что она всюду таскала меня, говорила, что я ей очень нравлюсь, а за моей спиной делала свои дела. Когда же мы вернулись в Одессу, резко отмежевалась, словно со мной и не знакома. Наверное, боялась, что я приеду к ней в Москву. Она просто меня не знала. До сих пор я сохранила блокнот с телефонами и Жванецкого, и Карцева. Лишь только с Евгением Астаховым велась переписка, и то лишь по инициативе этой пары. Позже

Астахов прислал книгу «Старый двор» с автографом: «Своему человеку с броненосца «Суслов», нашей Гайде от автора. 8 марта 86. Куйбышев». Строителю Волжской ГЭС и города Тольятти, автору более двадцати книг, главному редактору областного телевидения в ответ на приглашение «В гости на Волгу» я ответила строками: «Чудесный праздник солнца, света, // уже рукой подать до лета! // Но Волга ветреной порой / /полна студеною волной // и катит воды, чуть спеша, // зарею утренней дыша, // где словесов ажурна вязь, // где проживает волжский князь».

Рассказано по случаю…

Собирая документы для написания автобиографической повести, перебирая книги с автографами, я обнаружила в закромах поэтическую книгу Юлиана Тувима «Письмо ко всем детям» издательства «Малыш», 1979 г., где на титульном листе была написана фраза: «Пусть веселое письмо к Гайде прилетит само. Владимир Приходько. 26.V.1982 г., Москва». А еще значилась моя приписка: «Так сказал Приходько с именем Володька». На обложке скромный автограф поэта Л. Мезинова. Имена этих писателей всколыхнули забытую страничку о совместной встрече московских и калининских авторов с детьми нашего города. Именитые поэты читали стихи. Я, боясь

показаться в худшем качестве, чем столичные гости, читала очень вдохновенно, да и стихи, верно, были неплохими, чем и поразила гостей. Потом стол с яствами, с задушевной беседой. Под руками была только книжка Ю. Тувима. Она и сохранила, воскресила в памяти ту доброжелательную веселую поэтическую встречу. Сейчас я задумываюсь над тем, кого можно пригласить из детских писателей к нам для встреч с детьми. Проезд — дорог. Командировочных — никаких! По оплате, сами знаете, туго. Почти одни нули. Раньше об этом не было и речи.

Недавно по приглашению Центральной библиотеки г. Лихославля была в гостях, встречалась с ребятами города и прилегающих районных центров. А какой интерес был к книгам?! Пусть говорят, что дети мало читают. Читают дети. В крупных городах меньше, так как есть чем увести ребят от книг. А в районе, в селе книга еще занимает достойное место в жизни ребенка.

ЛЮДМИЛА ШИКИНА — безымянная ниточка в моей памяти, а слова добрые, запоминающиеся. Книга «Истоки» (издательство «Правда»): «Сестре по цеху, милой Гайде. Л. Шикина. 18 октября 1985 г. Калинин». Замечательные стихи, изданные «Библиотекой издательства «Огонек», 1984 г. Где ты сейчас со строгим лицом, милая Людмила? Надо, думаю, поместить в издаваемых книгах и свое лицо. А я бастую, говоря: «Нефотогенична!». «Надо! — как-то сказали студентки в библиотеке. — Мы хотим, читая книги, видеть автора!»

Московская звездочка ИРИНА МИХАЙЛОВНА ПИВОВАРОВА, автор легких, невесомых детских стихов. Так радостно читать их и, конечно, надписи на книгах: «Милая Гайда, мы друг друга так долго искали, слава богу, нашли! А теперь будем долго вспоминать нашу совместную поездку в Борок. Ира Пивоварова. 23.3.79 г.»; «Желаю счастья и в этом, и во всех последующих годах. 24.3.79».

Кстати...

Когда читаешь автографы детских писателей, лучше поэтов, то душа наполняется чем-то воздушным, ласковым, сладким. От детских стихов, написанных добрыми писателями, идут тихие, умиротворяющие флюиды, чем-то схожие с теми, что ощущаешь при созерцании икон.

Литовская поэтесса РАМУТЕ СКУЧАЙТЕ написала пожелание в книге «Под зеленым зонтиком», ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

НИКОЛАЕНКО — «Летит семечко» — «С радостью в коллекцию Гайды».

Московский прозаик СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ЛЕТОВА на книге «Дед Мороз приглашает всех» поместила автограф следующего содержания: «Гайде Рейнгольдовне — удивительному, прекрасному человеку. Автор. 31.3.78».

Я всегда думаю, получая надписи от разных писателей в разных местах их нахождения: почему пишут мне с такими эпитетами? Наверное, потому, что я незлой человек, открытый, без «подляночных» мыслей. А поэты, как и дети, это остро чувствуют.

Со Светланой мы часто встречались в дошкольной редакции «Детлита». Даже темы у нас однажды совпали. У меня в издательстве «Малыш» вышла книжка со стихами о современном детском саде «Целый день у нас работа», а у ней в «Детской литературе» книжка «А у нас в детском саду» в прозе, книга-воспоминание о детстве. О садах в то время никто не писал. И ленинградский художник Вадим Гусев стал общим художником: по нашим текстам погулял.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА АНДРЕЕВА. Помню эту улыбчивую женщину-прозаика, ее книгу «Зимний вечер» (издательство «Правда», Москва, 1985 год). Книга сохранила подаренный автограф от 05.03.1987 г.: «Милой Гайде Рейнгольдовне в надежде на то, что все реже мы выступаем вместе и с благодарностью за добрую память, сердечно. Ваша Елена Андреева».

Книга стихов «Линия жизни» ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА КУЧИНА пришла ко мне с автографом: «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь на добрую память о встрече в Тамбове. 24.10.84. Иван Кучин». Действительно памятные даты. По автографам можно сверять свою историю перемещения. В Тамбов вышла замуж моя младшая дочь Тамара, а потому, приехав туда, познакомилась с тамбовской писательской организацией. Все там как у всех, ничего запоминающегося.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗНИН прислал мне сначала одну, потом вторую и третью книги. «Я склонился над цветком», «Фотоснимок на охоте» — «Гайде Рейнгольдовне Лагздынь с уважением и самыми добрыми пожеланиями. 19.2.87». «Удивительный слон» — «Гайде Рейнгольдовне с признательностью. 6 декабря 2004 г.».

Он был и моим рецензентом, и товарищем по совместному выступлению перед детьми, и, наверное, надеялся, что я напишу в критический журнал «Детская литература» о его творчестве, куда главный редактор все время меня приглашал к сотрудничеству. Кстати, многие писатели видели во мне критика. Иногда, когда я встречалась с подделками под детские стихи, мне хотелось это сделать. Но все тот же дефицит времени мешал. Да и желание было минутной вспышкой.

Крупной полосой по памяти жизни прошел писатель НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СТАРШИНОВ. Он часто приезжал к нам в Калинин. Вокруг него всегда были люди и всегда присутствовала Прозорова. Необъяснимое обаяние притягивало к этому скромному, можно сказать, застенчивому человеку. Николай Константинович присылал мне свои книги, изданные в крупнейших издательствах, но не «пачкал» их ни пером ручки, ни пастой шарика. Он просто вкладывал открытки с одобрениями, поздравлениями. Его полная мужества жизнь была наполнена чувствами, стихами, нежностью и переживаниями, а еще многочисленными переводами стихов поэтов разных национальностей, но не по заказу, не для заработка, а по велению сердца. Вот его книги: «Поле жизни» (издательство «Советская Россия», 1979 г.), «Избранное» (Москва, издательство «Художественная литература», 1980 г.). В последней книге есть и его автограф: «Гайде Лагздынь с пожеланием новых славных книг и всех радостей. 4.11.80».

Пролетел мимо меня воробышком счастливый автор, держа в клювике новую книжку. Это было в издательстве «Оникс» 16.08.2001 г. С МИХАИЛОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ ГРОЗОВСКИМ я встретилась в коридоре. Видимо, он решил подарить свою только что родившуюся книжку первому, кого встретит. Книгу «Мой зоопарк» подписал так: «Гайде от Михаила на доброе знакомство».

Между прочим…

Я тоже иногда так делаю. А когда издательство в прошлом выдавало дешевую продукцию, я покупала, а порой с тверской базы забирала все книги, что присылали по разнарядке в Тверь, и раздавала. Особенно мне нравилось подкладывать книжечки в детские коляски. Вот потому тогда и не попадали на книжные прилавки магазинов мои в мягких переплетах красочные книженции, а потому и в библиотеках их нет.

Кстати…

Изданные в книжно-журнальном издательстве книги я стремилась распространять, не зная, что финансирование из областного бюджета дает книгам возможность оказаться в библиотеках, а не расходиться по частным рукам. Я видела, что книги других авторов лежали в издательстве навалом, а потом исчезали. Я удивлялась, что сборники Гевелинга, Исакова, Борисова так быстро реализовывались! А они просто передавались в библиотеки. Так я сама лишала присутствия своих книг на книжных полках библиотечной системы. «Век живи, век учись».

Симферопольский товарищ

Гость из Симферополя АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВИЧ ЧУКСИН. Вспоминаю первую встречу. Захожу в писательскую организацию, вижу: возле дверей топчется маленький, сухонький, как он мне тогда показался, немолодой мужчина, а точнее, старичок. В Калинине проездом, решил посмотреть на землю, над которой летал в годы войны. Гость особого интереса у наших руководителей не вызвал. Чуть еще потоптавшись, тихонько вышел. Я сама тогда не была в полной мере вхожа в Союз. Но меня охватило чувство неловкости: ведь приезжий? Хоть бы чашку чая предложили! Но все были заняты своими делами. Я догнала старичка во дворе. Познакомились, спросила, есть ли у него в городе друзья или знакомые. Тогда получить номер в гостинице было сложно. Приняла гостя в свою семью. А.Н. Чуксин в прошлом военный летчик, полжизни отдал службе в авиации. В годы Великой Отечественной войны был «летающим» комиссаром авиационного полка, награжден медалями и многими орденами, в том числе орденами Ленина, Красного Знамени; полковник в отставке. Не все в части знали, что их боевой товарищ является членом Союза писателей СССР, что его перу принадлежат десятки книг об авиации, о детях и подростках. Жизнь свела его еще в тридцатые годы в Харькове, молодого украинского поэта, начинающего прозаика, авиатора А. Чуксина со Степаном Крыжановским, позднее ставшим доктором филологических наук, профессором, лауреатом премии по литературно-художественной критике. В предгрозовые довоенные годы смоленский поэт Николай Рыленков рекомендовал армейского автора в члены Союза писателей СССР.

С Александром Чуксиным мы переписывались, он присылал

свои книги, заезжал в Калинин, когда бывал в Москве. Я его встречала на вокзале. Но в организацию писателей зайти отказывался. Передо мной на письменном столе книги с его автографами. «Однополчане» (издательство «Таврия»): «Дорогой Гайде Рейнгольдовне с пожеланием здоровья и радостей, новых взлетов с издательских аэродромов. А. Чуксин. Г. Симферополь. 1982 г.» И вложенное в книгу короткое письмо: «Я закончил большой роман. Сейчас заново прочитаю, а уж потом отдам машинистке. Если буду в Москве, то заеду в Калинин. С приветом. А. Чуксин.

1987 год. Письмо: «Дорогая Гайда! Почему долго нет весточки? Как твоя жизнь и твои творческие успехи? Что у тебя нового? Была ли в Доме творчества и где?» В присланной книге автограф: «Дорогая Гайда Рейнгольдовна! Дарю тебе на долгую и добрую память, с пожеланием здоровья и радостей, новых штурмов и побед в творчестве. А. Чуксин. Симферополь. 1987». Через какое-то время получаю письмо следующего содержания: «Дорогая Гайда! Я в конце октября был девять дней в Москве, дважды звонил, хотел приехать в Калинин. Жаль, что не получил ответа, думал, тебя нет дома. Сейчас у тебя новый адрес. Что заставило сделать обмен? Поздравляю всех с праздником, желаю вам всего хорошего. Обнимаю. А. Чуксин». А потом наша связь оборвалась.

Рассказано по случаю…

Что заставило? Маленькую квартирку пришлось поделить на две. Старшей Лене с дочкой Машей — комната в коммунальной квартире. Мне с младшей и еще в придачу с ее молодым мужем из Тамбова — однокомнатную «хрущевку». Разборки со старыми и новыми зятьями, работа с только что созданным авторским театром, писательская писанина, участие в разных фондах, во всяких акциях забирали все мое время. А ведь могла с Чуксиным быть в высших московских кругах. Он приглашал поехать с ним в Москву на большие торжества. Написать на домашний адрес в Симферополь стеснялась. Ранее связь шла через писательский союз. Что подумают его крымская жена и дочери? Правда, в разговоре он однажды сказал: «Всех в семье интересуют только мои гонорары». Разве тогда им понять, что наши отношения были чисто товарищескими? Я вообще люблю дружить с мужчинами не как женщина. Такая дружба крепка и надежна, но больше со стороны мужчин. Печальная мысль, но она ассоциируется с мыслями других писателей: нас захлестывает писательский эгоизм, мы всю жизнь начинаем посвящать только своему творчеству. Меня все эти годы не покидают чувство вины и

желание исповедаться. Чем я отличаюсь от тех, которые так глухо впервые приняли Александра Никифоровича Чуксина? Вот они, издержки. Годы подведут и вас к откровенности.

С ЕВГЕНИЕМ КЛЕОНИКОВИЧЕМ МАРЫСАЕВЫМ меня свело общество книголюбов. Я входила в состав его правления с момента организации с 1974 года. Руководила в тот момент обществом улыбчивая, очень чуткая ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ЛАВРЕНТЬЕВА. При ее самом активном участии проходили в Калинине и в районах области всевозможные мероприятия. Одним из них был автопробег на машинах с участием калининских и московских писателей, среди которых были Марысаев и Яков Шведов.

Е. Марысаев подарил мне незабываемую по сюжету книгу «С морем обрученные». Я часто ее перечитываю. Однажды поделилась с ним, что хочу издать повесть «Зона», которую переписывала не раз, все время что-то добавляя и убавляя. Он всячески пытался меня отговорить: «Тема — закрытая, не напечатают!» И точно. Встретившись в Москве с издательством журнала для учреждений ОН, была отвергнута и почти уничтожена заявлением редактора: «У нас такого на зоне не бывает!» Я спросила: «И матом не ругаются?» — «Что вы!» — возмутился законопослушный служака. — «Так я вас разочарую: у вас и начальники отрядов трехэтажными матовыми сооружениями кроют! Вы лапшу кому-либо другому на уши вешайте, а не мне». Рано ушел из жизни Е.К. Марысаев. Так и не увидел мою книгу «Зона», вышедшую в Калинине в издательстве тиражом десять тысяч экземпляров. Прошло совсем немного времени с момента нашего знакомства, когда Евгений Марысаев трагически погиб.

О Марысаеве

«...На Севере Евгения Марысаева встретила трудная работа и жизнь плюс ироническое отношение старожилов к зеленым мальчикам, приезжающим сюда «за туманом и за запахом тайги». На глазах у Евгения Марысаева отбывали на материк неженки и неумехи, нахлебавшиеся «романтики». А он прикипел к Северу. Он доказал коренным северянам, что может справиться с трудностями не хуже других. Работал с геологами, освоил специальность буровика, потом взрывника, строил в Якутии Вилюйскую ГЭС, в Карелии — железную дорогу. Поехал на строительство Саратовской ГЭС и поступил рабочим на бетонный завод. И опять потянуло на Север. Евгений Марысаев едет в качестве маршрутного рабочего с экспедицией на Камчатку.

За годы странствий он в точности определил, куда пойти учиться. Отнес в Литературный институт имени М. Горького свои первые произведения, прошел творческий конкурс, успешно сдал экзамены и несколько лет работал в родном городе слесарем в одном из научно-исследовательских институтов и учился на заочном отделении Литературного института.

За эти годы им и была завершена первая книга «Одна луна пути». Следующую книгу Евгений Марысаев написал, тоже еще будучи слесарем и студентом, это была повесть «Только один год», она вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1967 году. А в 1970-м вышла в издательстве «Детская литература» первая книга Евгения Марысаева для юных читателей «Москвичка».

Став профессиональным писателем, он продолжает ездить по стране. И тут Евгению Марысаеву всегда помогают освоенные с юности рабочие специальности. Так, например, в Среднюю Азию он ездил с геологами как буровик. Зато на БАМ он получил писательскую командировку от столичного журнала. А потом поступил рыбаком на траулер, добывающий рыбу в Баренцевом море. Через год отправился в Ханты-Мансийский национальный округ к работникам рыбоохраны, участвовал в борьбе с браконьерами, написал для «Литературной газеты» статью об этом всем, об ужасающей опасности браконьерства и для природы, и для человека, для его души. Затем Евгений Марысаев побывал на острове Врангеля, где ученые занимаются вопросами охраны арктических животных...» (И. Стрелкова)

В 1979-м я познакомилась еще более близко с другим участником автопробега — наши выступления фиксировались фотокорреспондентами и журналистами на страницах районных и областных газет. Это был известный поэт, легендарный автор текстов песен «Орленок», «Смуглянка» — ЯКОВ ШВЕДОВ. Он доброжелательно относился к моему творчеству, с ним была переписка. Пожелтевший от времени конверт и письмо хранятся в моем архиве; в письме он излагает ряд рекомендаций в отношении печати в Москве.

На встрече в пионерских лагерях вместе с Марысаевым были и другие московские поэты — ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ГРАДОВ, подаривший сборник стихов «Доброта», ЮРИЙ РАЗУМОВСКИЙ произвел впечатление милого собеседника, неплохого поэта.

Книги стихов еще молодых супругов из Ижевска ГАЛИНЫ и ВЛАДИМИРА РОМАНОВЫХ, приславших книги с автографами: «Гайде от Гали и Володи, с пожеланием всего доброго. 28.02.80»;

«Гайде с добрыми пожеланиями от автора. Галя. 9.9.82».

Что можно сказать в автографе, если мало знакомы. Вскоре переписка стала увядать. Знаю из писем от Гали, что они разошлись, а Володя вскоре умер. Их переводы «Као-чоу» я храню среди других переводческих документов.

Город Петрозаводск (Карелия) подарил мне кроме музыки к спектаклю замечательные рассказы о животных прозаика ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОТИЕВСКОГО с автографами: «Ночная тропа», «Огненная ловушка»: «Гайде Рейнгольдовне на память сердечно. 84 г.» И снова такая же надпись на другой книге с добавлением: «На добрую, с уважением, Петрозаводск».

Благодаря этим автографам я точно зафиксировала начало своего творчества как драматурга. В Петрозаводске совместно с композитором Георгием Асламовым началась работа по созданию спектакля «Добрая зимняя сказка» для Музыкального театра Карелии.

Литературная родословная

В Союз писателей СССР меня рекомендовали три писателя, три поэта: В. Берестов, Е. Благинина, А. Гевелинг.

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ. С ним я познакомилась в Москве в издательстве «Детская литература». Оказывается, он давно следил за моим творчеством, был знаком с моими стихами. Леокадия Яковлевна Либет, зав. дошкольной редакцией издательства «Детская литература», посоветовала попросить у Берестова рекомендацию в Союз. И первая, и последующие встречи сохранили в памяти образ доброжелательного, открытого, откровенного, внешне немного грузноватого человека, про которого можно сказать: «большой ребенок». Помню, приехала, супруга-художница Татьяна Александрова встретила меня очень ласково, пригласила на чай. На окне маленькой кухни стояли стеклянные молочные бутылки с широкими горлышками, в которые вкладывали тогда в качестве крышек плотные картонные кружки. Валентин Дмитриевич, указав на ряд бутылок, пошутил: «Богато живем. Бутылки сейчас не сдаем». В это время у него гостила дочь. Она вышла замуж за иностранца. Если не ошибаюсь, он был из Анголы или Нигерии, руководил там повстанческим движением. Был героем страны, часто подвергался опасностям. В маленькой комнате на диване лежал малыш — внук Валентина Дмитриевича в возрасте примерно семи месяцев.

Темнокожий, с огромными черными глазами, со взглядом взрослеющего умного человека. Малышу не лежалось, он пытался вставать.

Мне запомнился Валентин Берестов склонившимся над ребенком с каким-то необъяснимо-счастливым выражением лица. А как он с ним разговаривал?

Рассказано по случаю…

Когда я пишу эти строки, в памяти всплывает бабушка, сидящая на раскладном стуле среди пустыря возле больших домов нового микрорайона «Чайка», где я живу. В богатой коляске лежал ее внук, сын ее дочери, родившей от темнокожего студента. Все ее существо выражало чувство, которое она испытывала. Белая бабушка и до черноты смуглый ее родной внук. «Почему он не такой, как у всех?» — можно было прочесть на ее страдальческом лице. Она пряталась от людей, а они подходили, заглядывали в коляску, сочувственно что-то говорили. В то время (в далекие уже семидесятые годы прошлого столетия) это было необычно — новое в жизни русского общества.

Когда прощались, Валентин Берестов стоял в проеме входной двери, как бы стремясь остановить меня, не выпустить из квартиры. Он возбужденно, эмоционально говорил, энергично потрясая руками, уверял, что он не только детский поэт. И читал мне свои взрослые стихи.

Как это мне понятно и близко! Утвердившись раз и получив звание детского писателя, тебя не воспринимают как пишущего для более старших возрастов, для взрослых. Берестов дал мне рекомендацию, о чем я уже писала. Валентин Дмитриевич несколько раз приезжал в Калинин. Мы выступали на разных площадках, даже за Тверцой, перед детьми рабочих стекольного завода. Последняя встреча состоялась 20 апреля 1997 года на сцене Театра юного зрителя. Читали стихи, было выступление старшего состава моего Детского авторского музыкального театра, зафиксированного и представленного фотоматериалами в тверских газетах. На сцене ТЮЗа состоялась презентация и младшей театральной студии «Тверские колокольчики». Городской отдел культуры преподнес такой огромный торт, что его хватило на всех участников литературно-музыкального шоу.

Рассказано по случаю…

В одно время В. Берестов приглашал меня переехать в Москву.

— Вы будете звездой телевидения и литературы! — говорил

Валентин Дмитриевич.

А Ирина Токмакова тогда, с которой и по сей день по телефону редко, но разговариваю, называла меня «тверской звездочкой».

С квартирой в те времена через Литфонд можно было уладить. Но как поступить с семьей, с детьми? Время для действия было благоприятным. Ведь по другому руслу потекла бы моя жизнь. Возможно, по-другому сложились бы судьбы моих дочерей. Но, как говорят, «умная мысля приходит опосля». Не могла я решиться поменять свою провинциальную жизнь на столичную. Конечно, будоражила перспектива. Москва — не подмосковное болото между двумя столицами, все дела там. Многие, почувствовав узость творческого круга, уезжали. В Москву подались Маша Аввакумова, Людмила Прозорова, Владимир Пальчиков, из ДК профсоюзов

Вера Полянина. Уехали в Израиль работники культуры ДК «Химволокно» — семейная пара. Позднее журналист «Тверской жизни» Владимир Кузьмин. Да хватит перечислять! Внутренний голос говорит: «Жила и буду жить в Твери, театр мой, и семья моя тут. Время ушло. И точка».

Прочитывая вновь подаренные Берестовым книги, беру ручку и списываю тексты автографов: «Лето, лето к нам пришло. Д/Л, 1975 г.»; «Дорогой Гайде Рейнгольдовне Лагздынь, сумевшей написать для самых-самых маленьких, с глубоким уважением, симпатией и пожеланием всяких удач. 2.11.77. В. Берестов».

«Приятная весть» (издательство «Карелия»): «Чудесной Гайде Лагздынь по старой дружбе. 17.06.89 г.»

«Я иду учиться» (Москва, Малыш, 1980): «Тверскому музыкальному театру для детей и юношества с пожеланием успеха, счастья и процветания в сезоне, который я открыл, и во всех остальных сезонах. С восхищением. 6.10.91».

«Парад Алле» (Москва, Книга, 1988), «Азбука с играми»: «Дорогой Гайде Лагздынь и еще одному театрику с добавлением к ее чудесным театрам, Большому и Малому, от всей души. В. Берестов. 20.4.92 г.»

«Катя в игрушечном городе»: «Дорогой Гайде Рейнгольдовне Лагздынь — великой энтузиастке творчества детского и для детей в знак уважения и восхищения. В. Берестов. 6.10.91».

На вопрос: «Каких вы знаете писателей?» дети, не задумываясь, ответят: Агния Барто, Корней Чуковский, кто-то добавил — Самуил Маршак. Я же первой назову имя ЕЛЕНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛАГИНИНОЙ.

С Еленой Александровной я познакомилась тоже благодаря московскому издательству «Детская литература». Я уже не помню, кто ей позвонил, наверное, мой редактор МАРИНА ИВАНОВНА ТИТОВА. Благинина предложила приехать к ней домой. От метро тридцать минут ходу. А вот и большой серый мрачный дом, квартира на первом этаже. В ней темновато из-за деревьев, растущих под окнами. В длинной прихожей на стене висит ящичек с надписью «Для бездомных собак и кошек».

— Входной билет, — смеется Благинина, маленькая худенькая женщина с немного грубоватым голосом оттого, что много курит. — А еще, — призналась Елена Александровна, — оттого, что коньячком балуюсь.

Несмотря на свой возраст, подвижна, импульсивна. Живет с сестрой Александрой.

— Детей, — говорит, — бог не дал. Племянничек иногда захаживает. Снабжает! — опять смеется писательница. — Мне ведь и кошек надо кормить.

А кошек у Благининой две — кошка Настя и кошка Устинья. Они как две крутые пушистые лепешки, свернувшись клубками, лежат на стульях. Когда же, нехотя поднимаясь, идут к тарелкам со специально приготовленной для них едой, то несут над собой величественные, пушистые, словно огромные веера, хвосты. Кошек с такими хвостами я никогда не встречала. И до сих пор не знаю, почему у всех благининских кошек были такие хвосты. Может быть, от того, что кошки стерилизовались? Как-то, приехав в очередной раз, я увидела еще одну кошку. Небольшая, узенькая телом, видно, молодая еще. А хвост? Веером как у павлина. Елена Александровна обожала животных, заботилась о бездомных, подкармливала. Однажды сестры пригласили меня в гости. Я тогда находилась в Доме творчества в Переделкино. Каждую неделю по четвергам в квартире у Благининой собирались дамы. На диване полулежала сестра Благининой Александра. Вокруг круглого стола расположились приглашенные. Пили чай с вареньем и конфетами. Я с собой прихватила магнитофон «Спидола» и записала на магнитную пленку разговоры. Более тридцати лет старая аудиокассета хранит запись голоса Елены Александровны Благининой, часть разговора и литературного чтения этого удивительного, интеллигентного московского старушечьего четверга, в котором участвовали те, кому было за восемьдесят. На своеобразной вечеринке в тот день много говорилось о конфетах. Я воспроизвела часть этого разговора в том виде, в каком он происходил.

Запись на кассете

— Очень хорошие конфеты. Но хочется еще попробовать, — мягким голосом говорит гостья по имени Зина.

— Кушайте! Кушайте! Ну как конфеты? — спрашивает сестра Благининой Александра.

— Обворожительные, — отвечает Зинаида.

— И я попробовал, — добавила Елена Александровна.

— Ну как?

— Как попробую, тебе скажу, идол! — так она назвала магнитофон. — «Спидола» — порождение Идола, — тут же зарифмовала Благинина.

Гости не спеша пробовали разные конфеты, пили чай и читали стихи:

Благинина начала:

— Чего тебе надобно, старче? // Жизни немного поярче... — Елена Александровна замешкалась, а Александра ее подбадривала:

— Лен, давай про шинель.

— Нет, я прочту из тетради после поездки в Орел, после того, как мы его взяли обратно. Это октябрь 43 года. Вечерами ранними... на окно с геранями (споткнулась)... не помню ни черта.

— Может быть, с середины начнете? — подсказываю я. Мне так хочется записать голос Благининой, чтение ею стихов.

— Ну, не знаю. Мне уже неинтересно.

Но вдруг собралась и полностью прочла стихотворение. Чуть подумав, продолжила:

— Прочту стих Анны Андреевны. А вот «Памяти Миши, младшего брата». Все! Хватит!

И вдруг, словно скинув с себя несколько десятков лет, с веселым бодрым звучанием, чеканя каждое слово, каждую букву, читала:

Пошел, пошел, пошелочка,
В руках пуста кошелочка,
Пустым-пустым-пуста!
Пришел, пришел, пришелочка,
Полным-полна кошелочка
Боровиков полста!

Это — новый стих!

Потом читала свои произведения добротная интеллигентная старушка ЮЛИЯ МОИСЕЕВНА НЕЙМАН, в том числе стихотворение «Здесь мой дом стоял», посвященное памяти АРКАДИЯ ШТЕЙНБЕРГА. И опять читала стихи Елена Благинина:

— У яблонь на припеке порозовели щеки.

— Давай про чертополох, про паука! — подсказывает Елене

сестра.

— А, о ясень-ясеньке? Или: «Где гудит виолончель? Это солнце славит шмель».

— А говорите, что ничего не пишете?! Что Благинша ничего не пиша! — вставляю я словечко.

— Пиша, пиша! — добавила сестра. — Еще как пиша! Давай про кошку! С павлиньим хвостом!

— Не с павлиньим, — поправляет Елена Александровна, — а с хвостом словно лира. Я уже вспотел! — и неожиданно прерывает чтение.

Она все время говорит о себе, словно она мужского пола: попробовал, вспотел, пошел.

А вскоре объявляет:

— Итак, заседание поэтической секции считаю закрытым.

Позднее, встречаясь с Благининой, мы говорили о поэзии, но больше о животных, о деревьях под окнами, что превратили квартиру в темницу. Елена Александровна чаще жила на даче, болела, от курева страдали дыхательные пути. Как-то, затронув тему смерти, высказалась одним словом: «Трепещу!» Умерла от инфаркта не сердца, а легких. Она была того же года рождения, что и моя мама — 1903.

И вот памятный автограф на книге «Хорохор», изданной в «Детской литературе»: «Милой Гайде Лагздынь — сердечно. Елена Благинина. 1979».

Давно нет на свете этих милых старушек, и я приближаюсь к их возрасту. Но вот сейчас в моей квартире на бульваре Шмидта в Твери снова звучат их живые голоса, ясные, с четкими строчками ими созданных стихотворений. И слышится шелест фантиков тех конфет, и сказанное слово: «Обворожительные».

Сказано по случаю…

С тех пор минуло более тридцати лет, но, прослушивая запись с аудиокассеты, я словно побывала в прошлом. Увидела себя в обществе этих доброжелательных по возрасту, но не старых по духу, людей. Выключив магнитофон, продолжала ощущать присутствие Благининой, с которой только что разговаривала на магнитной записи. Чистота звучания, своеобразный голос Благининой, словно она только что вышла из комнаты. «Наверняка не было и нет таких записей ни у кого, даже на Всесоюзном, тем более Российском радио!» — говорю сама себе вслух.

Итак, в заключение хочу сказать. Если считать Валентина Дмитриевича Берестова моим крестным отцом, а его

рекомендовал в Союз писателей Валентин Катаев, а Елену Александровну Благинину — моей крестной матерью, то получается, что Валентин Катаев — мой творческий дедушка? Вот такая получилась у меня родословная!

А еще мне хочется вспомнить Юлию Моисеевну Нейман. Но этому предшествует другое повествование.

Встреча с прошлым

Рассказ

На днях в библиотеке имени Герцена, участвуя во встрече со школьными библиотекарями, услышала от заведующей сектором фонда редких книг Галины Александровны Барановой, от заведующей краеведческо-информационным отделом Антонины Александровны Ключкиной и других коллег отдела в документально-художественном монтаже устного журнала «Печатные страницы войны» имена ребят, замученных и расстрелянных фашистами в Калинине во время оккупации города: Бориса Полева, Виктора Пылаева, Федора Хохлова, Евгения Логунова, Евгения Инзера, Василия Павлова, Юрия Иванова, Сергея Карпова. Их имена высечены на обелиске, открытом 6 мая 2010 года на Смоленском кладбище. Подумалось: а сколько еще и не шестнадцатилетних ребят погибло, защищая страну и наш город. Вспомнила Симку Парменову, что жила на Новобежецкой, с которой сиживали на широкой русской печке в их доме, где нас, выброшенных из Ленинграда в 1938 году на 101-й километр, приютила их семья. Во время оккупации сгинула Симка, и следочка не осталось. А ведь ходила за линию фронта! Не все еще герои известны.

В устном журнале военной тематики прозвучали и имена поэтов, с которыми я лично была знакома: Яков Шведов, Юлия Нейман (1907-1994). Ее лирический поэтический голос, записанный на кассете в квартире у Благининой, звучал рядом с голосом Елены Александровны. Что я о ней знала? Москвичка, также бывает по четвергам на литературных посиделках у Благининой. А сегодня? Благодаря встрече в Герценовке, благодаря Саше Михайлову, Интернету и библиотекарям из отдела краеведения знаю, что Юлия Нейман в 1930-1934 годах закончила литературный факультет МГУ, была писателем, поэтом, переводчиком, с ее именем связаны и Полежаев, и Шварц, и целый ряд других писателей. А еще то, что среди редких книг в библиотеке имени Герцена есть небольшая книжечка в корочке, изданная в 1942 году журналом «Смена» при издательстве «Молодая гвардия», и называется она «Калининцы». В ней описаны подвиги наших молодых шестнадцатилетних тверских

мальчишек. Следовательно, Юлия Моисеевна Нейман как журналист-писатель была в нашем городе сразу после его освобождения.

Встреча со многими известными писателями у меня происходила часто незапланированно. Судьба свела меня с такими известными детскими писателями, как Зинаида Александрова, Ирина Токмакова, Сергей Баруздин, Валентин Берестов, Елена Благинина, Виктор Лунин, Эдуард Успенский, Эмма Мошковская, а также с Яковом Шведовым, Радием Погодиным, Олегом Волковым, Виктором Голявкиным, Глебом Горышиным, Эдуардом Асадовым, Петром Проскуриным и еще с очень многими достойными пера поэтами и прозаиками.

Знакомство с ПЕТРОМ ПРОСКУРИНЫМ происходило при очень печальных событиях. Умер отец его жены Лилии наш тверской писатель Рустам Агишев. Супруга Агишева, как ее называли, «Мадам», Плесецкая Серафима Клавдиевна, работала в драматическом театре в должности зама по литературной части, затем помощником главного режиссера. Это была худощавая, интеллигентная, своеобразная дама, как говорили, очень ревнивая, в особенности по отношению к своему мужу Рустаму. Она контролировала каждое его перемещение — этим, видимо, очень травмировала писателя, в прошлом простого алтайского лесоруба. Рассказывали, что он не один раз пытался от нее сбежать, но безрезультатно. С Рустамом Агишевым я познакомилась в период вхождения в литературу. Это был уже немолодой, крепкого сложения, но, как оказалось, очень больной человек. И вот Агишева не стало. На похоронах присутствовал Петр Проскурин с женой Лилией Рустамовной, такой же на вид, как и мама, «Мадам». Как сейчас вижу рядом с могилой детей Проскурина — девочку и мальчика. Меня удивила одежда ребят, очень строгая и очень старомодная. Еще врезались в память ступни ног Агишева: настолько большие, что не давали возможности закрыть крышку гроба, и как рабочие остервенело вбивали длинные гвозди в крышку прямо в ноги умершего. В прощальном слове Плесецкая без слез, с жесткой методичностью дала клятву, что сделает все, чтобы издать рукописи писателя. Были они опубликованы или нет, я не знаю. Поминки проходили на втором этаже столовой, что на площади Капошвара. Там и сейчас ресторан. Со мной рядом за столом по разные стороны сидели поэты Анатолий Скворцов и Владимир Соловьев, все время провоцируя меня выпить рюмочку за покойного товарища по перу. С Петром Проскуриным мы говорили немного, ибо тема встречи была не та. Но он обо мне и моем творчестве был

осведомлен хорошо. Рустам Агишев при жизни ценил меня как детского поэта.

С поминками связаны не только грустные воспоминания. Дело в том, что я тогда как учитель химии преподавала в Учреждении ОН-55/1 и была очень загружена учебными часами. Одна растила двух дочерей, а потому трудилась, работала с перегрузкой. На поминках своим соседям по столу, двум поэтам, не дуракам выпить, на их настойчивые предложения помянуть отвечала:

— Мне через час стоять у доски перед преступниками, многие из которых сидят вот из-за этой самой жидкости-гадости — алкоголя!

Но… пришлось. Поминки ведь! И действительно, через час, проехав троллейбусом №4 через жилой микрорайон «Чайка», пройдя через поле, оказалась в колонии. Выпитый «поминальный» напиток завладел моим организмом: объясняя тему, записывая на доске химические уравнения, я при помощи мелка, которым упиралась в доску, удерживала равновесие. А мои учащиеся, прожженные рецидивисты, даже не догадывались, что я — подшофе. Вот что значит иметь авторитет и звание непьющего человека. Я тогда в третий раз в жизни поняла, что такое состояние опьянения. Первый раз после окончания десятого класса ШРМ на выпускном вечере, когда, попробовав сладкий ликер, будучи самыми младшими из выпуска, мы оказались на крыше школы

И как только туда попали? Второй раз на свадьбе у сына поэтессы Нелли Кузнецовой. В третий раз организовал это дело сам Агишев на своих поминках.

Сказано к слову…

Кто-то, возможно, за последние строчки осудит меня, не к месту, скажут, юмор. Но ведь и смерть всегда не к месту, так не будем печалиться!

Еще немного о писателях

Заканчивая главу о писателях и автографах, я хочу поблагодарить авторов. Читая надписи, естественно, листаешь вновь и подписанную книгу, вспоминаешь писателя, обстоятельства, при которых пришел к тебе этот подарок, переживаешь снова прожитые мгновения. И возникает ощущение, что жизнь была не мигом, а огромным наполненным резервуаром,

в который вместилось множество событий, непомерное количество персонажей, жизненных сцен. Но самое главное, и то, что важно для меня сейчас, — документальное восстановление дат тех или иных жизненных мгновений.

Анализируя свою творческую деятельность, просматривая архивные материалы, обнаруживаю и других писателей, с которыми сводила меня жизнь. Пусть информационно, но имена их я перечислю: Анатолий Павлович и Маргарита Сергеевна Василевские из Владимира, Рамукас и Рамуте Скучайте из Вильнюса, Екатерина Нестеровна Джиоева, Анатолий Георгиевич Алексин, Павел Яковлевич Матковец из Еревана, Анаида Тарян из Мнацаканева, Аверьян Дружинский из Минска (писатель-песенник, все время в Ялтинском доме творчества пел мне песни), Оразгулы Аннаевич Аннаев из Ашхабада, Лидан Мухамедович Губжаков из Нальчика, Борис Репин с южного Сахалина, Ираида Потехина из Москвы, Александр Александрович Соболевский из Саранска, Эмма Марченко из Ярославля, Николай Егоров из Челябинска, Геннадий Афанасьевич Ненашев из Анадыря, Мова Манукян из Армении — Уахкадзара, киевлянин Всеволод Зиновьевич Нестайко, с которым мы много беседовали, находясь в Малеевке. Он очень интересовался тем, что я пишу, особенно по спелеологии. Как потом оказалось, он тоже пишет о пещерах, и также в сказочном ключе. А я-то как раскрывала тему!

В заключение рассказа о писателях хочется доверить бумаге печальную дату смерти Сергея Алексеевича Баруздина. Хоронили его 7 марта 1991 года. Так мы при жизни с ним и не встретились, а только общались через письма.

Еще немного об издательствах

Говоря про автографы и про писателей, нелишне вспомнить и про издательства и издателей, упомянуть такие печатные органы, с которыми меня сводила и разводила жизнь. В силу своей занятости на рабочем учебном фронте я часто, завязав знакомства, сама же их и прерывала. Так произошло с издательством «Молодая гвардия» с участием поэта, редактора Михаила Александровича Беляева, с издательством «Советский писатель», в котором уже тогда возникло подиздательство «Интер-Весы», где шел разговор с Аркадием Ивановичем Каньякиным о публикации. После знакомства с главным редактором издательства «Просвещение» Александром Петровичем Судаковым, после его предложения чуть изменить

стиль повествования рассказов о растительном мире, я тоже тихо исчезла, так как не считала нужным приспосабливаться к издательству. Совершенно не поддерживала связи с журналом «Дошкольное воспитание», где впервые были опубликованы мои стихи. Также ничего не делаю для того, чтобы появляться на страницах журнала «Музыкальный руководитель». А этот журнал из месяца в месяц, и не первый год, публикует мои стихи. После авторской статьи о театре «Спектакль состоится при любой погоде» в журнале «Клуб» один раз позвонила его редактору Валерию Михайловичу Халонену, и то это было очень давно. Прервалась связь с минским издательством «Юнацтва», со старшим редактором Владимиром Ивановичем Корзиным. В Белоруссии давно прошли преобразования, возможно, такого печатного органа уже и нет. Недавно мне прислали сборник издательства «Белфакс» с одним моим стихотворением, которое попало к ним через Москву из филиала «Юнион». Несколько лет назад я очень подружилась с издательством «Бэмби», с его главным редактором — замечательной Татьяной Германовной Кутуновой и ее помощником Михаилом Борисовичем Новышем. Знакомство состоялось в Москве в Детском фонде и продолжилось в большой хорошо отремонтированной квартире, которая была буквально завалена книгами, буклетами, среди которых разгуливали две большие добрые собаки. Конец нашей дружбе положила смерть Тани от неизлечимой болезни века. Как-то на переходе в метро купила красочный плакат, на котором были опубликованы крупные буквы, а мелким шрифтом напечатаны стихи моей «Азбуки».

Затихла связь с ленинградским журналом «Костер» (главный редактор Святослав Владимирович Сахарнов), с рижским журналом «Лиесма» (старший редактор Ласманис), с журналом «Карусель» (ответственные редакторы Галина Ивановна Путинцева, Сергей Владимирович Тупиченков) после публикации «Загадочной азбуки» с рисунками

Сергея Даниленко. Я совершенно забыла о журнале, с которым много работала и где было напечатано большое количество стихов: это «Мурзилка». Руководители журнала приезжали ко мне в театр на спектакли: главный редактор Татьяна Филипповна, зам. главного редактора Ирина Семеновна. Редактор Кира Николаевна Орлова тогда не смогла приехать. Так же оборвалась связь и с «Веселыми картинками». Чтобы автора печатали и не забывали, надо обязательно появляться в издательствах. Это знаю, но этого правила не придерживаюсь, тем более что и количество издательств, с которыми я работаю, возросло. Пусть снова повторюсь: надо или бросить основную

«хлебную» работу, или иметь штат секретарей.

Время

Поэтическая зарисовка

Тихий вечер. Все вокруг спит. Огромный жилой дом, стоящий на песчаном холме, погружен в ночной сон. Время неясных видений, необычных мечтаний и ощущений. Перед широко распахнутым окном — прекрасная ночная панорама: высокое звездное небо и спящая под ним земля. Видны неясные очертания старых садов и ветхих домишек. Их пока не снесли. Хочется бесконечно смотреть на не застроенное высотными домами открытое пространство, на котором жили наши предки в прошедшие века.

Обычный, казалось, поздний вечер. Тишина. Но почему-то тревожно. Перевожу взгляд на письменный стол. Свет настольной лампы обозначил на полированной поверхности расплывчатый круг. Круг вдруг стал съеживаться, превращаться в серебристое светящееся пятнышко. Что это? Взглянула на небо. Оно продолжало искриться мерцающими звездочками. Лунная дорожка пролегла между мной и распахнутым небесным пространством. И вдруг! О чудо! Я, влекомая непонятной силой, покидаю свою земную светящуюся точку. Неясные тени окружают меня со всех сторон, обволакивая, превращают в комочек, в капельку жизни. Такая круговерть зарождения и формирования. Ощущаю муки появления на свет, себя крошечным младенцем в звездной колыбельке. Я поплыла среди легких, как пух, пушистых бесформенных мягких белоснежных глыб. И тут все вокруг закружилось. Я стремительно двигаюсь не по кругу, а по спирали. С каждым мгновением ощущаю себя более взрослой. Вокруг меня, я поняла, вращается время.

Еще миг. Тишина ночи. Передо мной на письменном столе светящаяся точка, превращающаяся в расплывчатый круг. Не сон и не явь, что-то астральное взяло меня на время в свои объятия.

Глава 15. КАК ХОРОШО, ЧТО, СВОБОДНО ЛЕТАЯ, В ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ПОПАДЕШЬ КАК СВЯТАЯ

Комарово

— Я еду в Комарово, — сообщаю родным и знакомым. В ответ ото всех слышу одно и то же:

— На недельку, до второго, я уеду в Комарово. — На что отвечаю:

— Не на недельку, а на двадцать шесть дней! И не до второго, а...

А вот число забыла. Ведь двадцать пять лет прошло. Забыла — и все, а вот как скорый поезд мчится в сторону Ленинграда, помню, словно это было вчера. Плацкарта, напротив меня мальчуган лет восьми-девяти. С детьми я быстро нахожу тему для разговора. Из беседы узнаю, что живет мальчишка в деревне, у него много друзей, что становится их больше, когда приезжают дачники, и что помогает маме на ферме, что едет с мамой в город на Неве. Пацан взахлеб рассказывает о гусях, утках, курах и прочей птице и как выращивают кроликов. Интересно же? Что, например, мы знаем о новорожденных крольчатах? Какие они? Голые или меховые? Или о кроличьих зубах? Я давно мечтала создать повесть о детях, живущих в селе. Материала накопилось много, но как его ухватить? Чем сцементировать? Прозаики больше пишут о жизни городских ребят, о школе, часто глядя на происходящее как бы со стороны. В моих рассказах главными героями являются тоже не взрослые люди, а дети, подростки, но я, перевоплощаясь, совершаю поступки, говорю языком в соответствии с тем, в кого я играю при написании произведения.

Эта встреча с маленьким пассажиром, с его рассказами о ферме стала драматургическим узелком для начала повествования, где одним из главных действующих лиц является Барбоскин. Почему я наделила мальчишку такой не совсем звучной фамилией? Я хотела показать, что не фамилия красит человека, а его поступки. Если у кого-то фамилия Нехорошев, то это не значит, что человек он нехороший. Итак, в Комарове за две недели была написана повесть «Барбоскин и компания».

Дом творчества «Комарово» представляет собой старые

строения недалеко от мелководного Финского залива, от края которого можно долго-долго идти, пока не добредешь до пригодной для купания глубины. В небольшом дворике обычно собираются писатели, спутницы писателей, гости дома. Здесь я познакомилась с Виктором Голявкиным и его супругой Людмилой Бубновой. Виктор — душевный, добрый человек, крупного размера, как и его (в творческом отношении) проза для ребят. Но активному образу жизни мешает паралич, а потому Людмила — это руки и все литературные дела Виктора Голявкина. Я с ними переписывалась. Они присылали рецензии на мои книги и просто житейские письма.

Рассказано по случаю…

Позднее, в 2003 году, когда умер мой брат Феликс, живший тоже в Санкт-Петербурге, и не было уже Виктора Голявкина, я с Людмилой разговаривала по телефону. Мне показалось, что она находится в глубокой депрессии, в какой находилась тогда и я. Смерть брата я переживала сильнее, чем уход из жизни мамы в 1996 году. Ей тогда было 93 года. Утешала мысль, что возраст — это неизбежность. Незадолго до смерти она меня спросила: «Ты кто?» Почему-то эти слова для меня были утешительными. Значит, не было тяжких дум, размышлений, преждевременных переживаний, что скоро покинет этот мир. Но смерть брата — полная неожиданность!

В Комарове я впервые познакомилась с ленинградским писателем Глебом Горышиным. Высокий, подтянутый, редко выходил из второго корпуса, более благоустроенного, направлялся в сторону залива. С обитателями писательского мира не вступал в разговоры. Такое бывает с писательским братом. Не случайно прозаиков часто называют «кустарями-одиночками» или «надомниками». Поэты более общительны. Написал чего-то и гуляй с улыбочкой. А вот серьезные прозаики часто — гора молчания. Однажды я слышала, как известный писатель из Сибири чуть ли не матом выгонял из комнаты жену, которая пыталась его накормить. Пишущий, с головой, плотно набитой возникающими мыслями, фразами, образами, превращается порой в страшно замкнутого эгоиста. «Все мешают! Уйдите все! — хочется крикнуть и мне сейчас. А потом будем удивляться, что нет внимания детей, внуков, близких, а порой и семьи теряем.

Карачарово

Вторая встреча с Глебом Горышиным была в пансионате «Карачарово» Конаковского района Калининской области. Это было 31 мая 1982 года, когда группа писателей из Ленинграда и Москвы, возглавляемая Калерией Жеховой, собралась вместе в связи с памятной датой — девяностолетием со дня рождения писателя И.С. Соколова-Микитова (1892-1975).

На форзаце книги «Звуки земли», изданной в 1978 году, храню я автографы Г. Горышина, писателя Олега Волкова, внука Микитова — подростка Саши Соколова, писателя Вадима Чернышева и других.

Тогда из Калинина приехала я на быстроходном судне «Ракета». И куда сейчас подевались эти быстроскользящие по воде экипажи? Теплоход «Радищев», ясно, давно ушел на металлолом. В те памятные дни проходили встречи с отдыхающими. Горышин запомнился таким же неприступным и важным, как и Олег Волков. Разместили нас, гостей, в доме, ранее принадлежащем хозяину имения Гагарину. Все расположились на втором этаже. Мне предоставили первый, зато со вторым выходом на Волгу через небольшое крылечко, обрамленное чугунной вязью.

Таинственный дом

Документальный рассказ

В доме Гагарина все было таинственно-загадочным. Высокие потолки, тяжелые занавеси, старинная мебель. С наступлением ночи, как только дом погрузился в темноту, возникло ощущение присутствия кого-то. В большой комнате с плотно зашторенными окнами стояла огромная кровать. На ней я и расположилась для сна. Ощущение присутствия нарастало. Я поднялась, заглянула за занавеси. Возможно, кто-то решил подшутить? Но там никого не было. Ощущение присутствия не проходило.

«Что за наваждение? — подумала я. — Верно, перегрелась на солнце». День был солнечный и насыщен событиями. Много разговоров, выступлений, общение с высокими гостями. А может быть, крошечная рюмочка расшалилась? Успокоив себя, накрылась тяжелым одеялом. И только сомкнула глаза, как почувствовала, что с меня, с левой стороны ниже колен, кто-то стаскивает одеяло. Я соскочила с кровати со словами:

— Хватит шутить!

Мужественно заглянула под кровать. Там никого не было. «Что это? — спросила сама себя. — Наверное, показалось. Видимо, стала засыпать, и возникло мгновенное сновидение». Опять успокоив себя этими новыми мыслями, легла. Через некоторое время все снова повторилось. «Дьявольщина какая-то!» Спать ложиться больше не решалась. К тому же небо слегка

порозовело, занимался ранний рассвет. Я вышла на маленькое заднее крылечко, стала рассматривать чугунное литье. Мне из сплетенных металлических форм стали чудиться меняющиеся изображения лиц с разными выражениями.

— Дом Гагарина с загадками, — сказала я Калерии Жеховой за завтраком в столовой пансионата.

— Да, — спокойно ответила Калерия Ивановна, — водится такое за ним. Потому мы и поселились на втором этаже. Его-то перестраивали, а первый этаж — нет! Говорят, что этот дом Гагарина с привидениями.

Сам пансионат «Карачарово» в те годы был простеньким, обычным для отдыхающих на Волге. Еще не были открыты источники целебных вод. А в маленьком домике жил писатель Соколов-Микитов, с которым мне посчастливилось встретиться и беседовать. Сейчас у меня одно желание: посмотреть на дом Гагарина и на ту чугунную вязь его запасного хода, если она уцелела.

Несколько предложений о писательских доходах…

В 1983 году после долгих колебаний решаюсь оставить школу, уйти с преподавательской работы за выслугу лет. Это два года до пенсии, в течение которых мне будут платить 52 рубля в месяц, а потом я буду получать, без стоимости одной бутылки кефира, пенсию в 130 рублей. Это — самая большая учительская пенсия. Иногда нас спрашивают: а за звание члена Союза писателей вам доплачивают? Нет, не доплачивают. Что напечатали — за количество строчек и заплатят, или аккордно за все сразу, один раз. Детская литература никогда никому не приносила большого дохода. А самиздатовские книги тиражом в одну тысячу не дают прибыли. Только тираж свыше пяти тысяч может дать бонусы.

Малеевка-83

Оказавшись летом под Москвой в Доме творчества в Малеевке, я вдруг почувствовала освобождение от дум и обязанностей по поводу начала нового учебного года, об участии в Дне знаний, от тематических планов и поурочных, которые тщательно писала каждый день для каждого урока в течение более чем тридцати лет. И даже, откровенно говоря, уйти из общества «синих чулков», из среды учащихся-недоучек, в которых после общения на более высоких уровнях в культуре и

образовании становилось тесно и душно.

Учителей много, а педагогов, как золотые крапинки среди кварцевого песка, нужно искать. В моей жизни были эти золотые россыпи, за что я их благодарю и о некоторых и пишу. Но тематика рукописи так меня захлестывает, что порой начинаю паниковать, что не всех и не все охватила, что сбиваюсь с ритма и тематики, с логичности изложения и чистоты написания текстов. Если что увидите в книге, простите меня: помните, что пишу по памяти и в таком возрасте.

В Доме творчества, рядом с выездным на лето детским садом, рядом с полем и лесом, с обычным пейзажем, среди простеньких, без излишеств, зданий я чувствовала себя простовато-свободной. Поселили меня в комнате с общественной, никому не нужной кухней, ибо до столовой всего-то пять минут ходьбы.

И вдруг на меня нахлынуло жаждописание. Я, подобно тому сибирскому писателю, с утра до вечера, словно зомбированная, не видя никого, почти наощупь, ходила в столовую и опять садилась за письменный стол. Ни с кем не знакомилась, не общалась. Через две недели познавательная сказка «В царстве Мрака, Теней и Света», почти без правок, была закончена. После того как была поставлена точка, я три дня чувствовала освобождение от ощущения присутствия себя в недрах земли. А потому гуляла по ночному лесу, возле детского сада, наблюдая жизнь детей через редкий штакетник забора, не думая, что в будущем, воссоединив жизнь детей на даче с опытом работы в пионерских лагерях, создам две книги — «Всюду лето» и «Нам светит солнце ласково». Мой мозг напитывался, вбирал все увиденное, все окружающее, в том числе звуки ночного леса с его пугающими шорохами гуляющих во мраке ежей, с уханьем сов, не предвидя, что это потом все выльется на часть страниц повестей и рассказов для детей.

В эти дни я познакомилась с украинским детским писателем Всеволодом Зиновьевичем Нестайко. Он все выспрашивал, о чем я пишу, какие поднимаю темы. Я тогда еще не знала, кто он такой. И, как всегда, взахлеб рассказывала о своих сюжетах.

Через три дня жаждописание вновь плотно усадило меня за стол. Познавательная сказка «В царстве злой Мурены» написана была тоже на одном дыхании. Вот что значит чувствовать свободу от долгих, «замыливших» мозг школьных однотипных обязанностей.

В создании познавательной литературы помогали мне знания в области химии и других естественных наук, а Дом творчества «Малеевка» стал большой стартовой площадкой для таких с познавательной направленностью сказок, многие из которых

вошли в третий том «Моя книга-3».

Маленькое пояснение

Для закрепления в памяти места, где создана сказка «В царстве злой Мурены» и даты ее написания, в текст была вписана следующая фраза: «Утром персональная машина «Краб» модели М-83 остановилась около здания, где учились осьминожки». М-83 означало: Малеевка, 1983 год.

Однажды тишину моего малеевского кабинета нарушили гости Неожиданно приехала младшая дочь Тамара с дочкой Машей. Я была рада, видно, устав от своего самозаточения. Не зная порядков в творческих домах, мои дети, словно мышки, жили в моем номере несколько дней. Вот тут и пригодилась кухня, которую я считала ненужной. Эти дни оставили в памяти тревожный след, что я нарушаю правила проживания. Я была еще мало знакома с законами Домов творчества, по- учительски зашорена. А сейчас думаю, что этот памятный тревожный след — мелочь бытия по сравнению с тем, что было создано двадцать семь лет назад свободным полетом мысли, фантастическим путешествием по недрам земли и в глубинах океана. И задаю себе вопрос: почему эти фантазии именно по спелеологии и мореведению возникли в Малеевке среди полей и лесов? Вот это и есть загадка истоков нашего творчества. Она порой непонятна и самому пишущему автору.

Переделкино

По путевке Литфонда Союза писателей СССР нахожусь в Доме творчества «Переделкино» в незначительном отдалении от железнодорожной станции, связывающей живущих здесь через электричку с Москвой. Здание писательского дома старой застройки, в котором на первом этаже, в продолговатой комнате с кроватью и столом, я и нахожусь. Все удобства в конце коридора. В комнате темновато, но работать можно. Здание и окрестности наполнены писательским возрастом. По аллеям прогуливаются пожилые мужчины с дамами, как правило, намного моложе своих спутников. Догадываюсь — жены, тоже, как правило, вторые или третьи по счету. У некоторых писателей есть такая манера — заводить новых жен. Что толку от старых? Молодые — быстрые, прыткие. А писатель — это такой типаж, который стремится в своей жизни, создав произведение, обязательно превратить его в

книгу. Жены выполняют роль секретарш, критиков, помощниц по печати, доставщиков почты, курьеров, но, самое главное — в умельцев трудоустраивать написанные произведения. Все сосредоточено в руках таких жен. Если не жен (часто писатели по физиологическим качествам импотенты), то в руках молодых помощниц с их явным желанием вращаться в кругу знаменитостей. Многие в Доме творчества «Переделкино» живут годами, даже имеют свои номера, закрепленные за ними. К примеру, поэт Эдуард Аркадьевич Асадов, подаривший мне много часов внимания, а также изданный в 1983 году Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы СП СССР свежий буклет-рекламу со стихами и витиеватым автографом. К этому году у Э. Асадова вышло из печати 22 книги. Во время Великой

Отечественной войны, будучи наводчиком, а затем командиром батареи прославленных гвардейских минометов — «Катюш», в боях за Севастополь в 1944 году получив ранение, навсегда потерял зрение. Горячие стихи, страстные, мужественные и глубоко оптимистические, даже в небольшой брошюрке поразили меня. Наш тверской поэт Михаил Суворов, тоже потерявший зрение в годы войны, передавал мне потом приветы от Эдуарда Аркадьевича. Чем-то я ему тоже запомнилась.

В период нахождения в Переделкино я обратила внимание на часто сидящего на обширном крыльце в широком кресле закутанного в плед крупного мужчину. Каждый день, и не один раз, к дому подъезжали легковушки. Люди разных возрастов подолгу беседовали с этим человеком. Однажды мне пришлось даже помассировать ему грудь. А получилось это так. По коридору мимо меня спешила сравнительно нестарая женщина. На тарелке она несла вареную свеклу.

— Ой! — воскликнула она, нечаянно задев меня этим овощем. — Простите!

— Да что там! — ответила я. — Свекла — продукт пищевой, полезный, отстирается.

Одним словом, мы разговорились, но не о литературе, что является темой здешних дискуссий, а о болезнях. Это волновало ее больше, чем местная тематика.

— У Михаила, — посетовала собеседница, — упадок сил. Похоже, что и простудно заболевает!

Тут я ей и посоветовала помассировать иммунные точки.

— А вы не покажете, — попросила дама, — где эти точки?

Так я и коснулась точек на груди, затылке и руках известного режиссера Михаила Ромма. Он, видимо, был очень болен: тело влажное и скользкое. Вот что запомнилось и осталось в памяти от общения со знаменитостью.

В Переделкино я почти не писала, больше знакомилась с окрестностями. С высокими заборами возле одних домов писателей и совершенно отсутствующими как таковых возле других: Валентина Катаева, Корнея Ивановича Чуковского. В них проживали их наследственные и далеко не наследственные родственники. Меня как провинциального жителя удивляло то, что, имея землю, ею не пользовались обитатели этих домов. Ну как можно смотреть на неухоженные лужайки без клумб и грядок? Бегать на рынок за редиской и зеленью? Такое отношение к земле именитых наследников, детей, внуков, правнуков и родственников по боковым наследственным линиям не укладывалось в моем сознании: меня это так удивляло, что я вынесла им судейское заключение — лодыри, белоручки!

Пребывание в Переделкино запомнилось посещением дома Корнея Ивановича Чуковского. Небольшие комнатки первого и второго этажа, очень крутая лестница, которая чуть не причинила мне увечья. Поскользнувшись на ступеньках, отполированных от частого посещения экскурсантов, желающих посмотреть, где пребывал Чуковский, я чуть было не слетела Мухой-Цокотухой с поломанными крыльями. Но в целом это был теплый дом с теплым биополем.

Рассказано по случаю…

Живя в Переделкино, я часто ездила в Москву. Она ведь рядом. Однажды, зайдя в издательство «Литературная газета», была шокирована предложением одного немолодого редактора обменять стихи на его мужскую добродетель, причем тут же, в кабинете. Удивленный отказом, спросил:

— Вам не надо увидеть себя в печати?

— Не надо. Я себя видела в печати, даже в книгах.

— А быть членом Союза?

— Я и так член Союза писателей.

— А спектакли? Завтра, если захотите, их будут ставить в Москве!

— Не хочу. Мне и в Калинине привольно.

— Ну знаете! — удивленно и недоуменно сказал этот Дон Жуан. — Я удивлен. Обычно никто не отказывает из молодых поэтесс. Насильно мил не буду!

Возвращаясь к себе в номер творческого дома в Переделкино, думала: одна из наших девиц с плохими стихами, что приехала из Кирова, сбежала в Москву. Ее, видите ли, здесь недооценили, потом показывала свои публикации в этой же самой газете. Вот, значит, как пролегла у ней дорожка к «престолу»? Но надолго ли? И где вскоре будет этот обольститель? Пусть буду идти

просеками и проселочными дорогами, но подойду к асфальтированному шоссе только без такого содействия. А впрочем, главное завоевание есть: я — член Союза писателей СССР с 1980 года, а теперь и Российской Федерации.

Между прочим…

Сейчас это не имеет никакого значения. Печатают в издательствах не из-за красных корочек Союзов, а руководствуясь качеством написанного. А еще, что тормозит процесс создания большой литературы, — это потребитель рынка, а этот самый рынок формирует не писатель. Книга стала в наше время товаром. Как любой товар, нуждается в рекламе. А заниматься рекламой и творчеством настоящий писатель просто не умеет, да и средствами для этого не располагает.

Чем отличается писатель от руководителя?

К примеру, в одно и то же время живут и писатель, и руководитель. Главенствующее место занимает, несомненно, руководитель. Писатель либо живет сам по себе, либо служит руководителю. Я пытаюсь вспомнить имена и хороших, и бесталанных людей. Время прошло, и ушли со сцены вместе со своими именами руководители. Но остались имена писателей и их труд: историко-документальные, архивные, художественные. Вот тут главенствующее место занимает уже не руководитель, а писатель.

Писатель, создавая свои произведения, либо фиксирует имена, оставляя жить в памяти народной, либо забывает или не желает этого делать. А может представить того или иного руководителя (а также и писателя) по своему желанию, а порой по прихоти или указанию свыше, и в таком виде показать человека, что последующие библиографы будут только гадать: какая точка зрения верна? Где правда, а где ложь? Писатель, особенно при написании документально-художественных произведений, должен быть предельно честным.

Я в своей автобиографической повести, как детский писатель, придерживалась пословицы «Устами младенца глаголет истина». А еще хочу сказать, какая возможная опасность подстерегает при оценке как писателя, так и руководителя. Это зависит от определенных взглядов пишущего. А потому могут возникнуть многогранные определения. Я, писатель от детской литературы, часто мыслящий подобно подростку, без всякой дипломатии, но

искренне и честно, оцениваю людей с точки зрения их духовности, субъективного обаяния, рассуждая не взвешенной практичностью, а с помощью чувств. Этим самым, естественно, наношу сама себе вред, увеличивая количество завистников и недоброжелателей. Те, кто живет в мире доброты и согласия, не смогут и не причинят неприятности другим, не совершат подлых, пусть даже скрытых, поступков, не волнуются, зная, что я пишу эту книгу при всей моей открытости в оценках правильно. А фамилий и имен в ней будет упоминаться много. Книгу, если допишу, все равно издам. Смогла же я создать, ни у кого ничего не прося, трехтомник своего творчества, собрав воедино стихи, прозу, драматургию, и получить на высших ступенях лауреатские оценки! Жаль, что не все вошло в эти тома, а число написанного преумножается. Какие наши годы?!

Глава 16. ПЛЕННИКИ МУЗЫ

У кого есть рояль

Воссоединение поэзии с музыкой началось в шестидесятые годы. Мама пела в хоре, я заходила на репетиции, бывала на концертах коллектива, которым руководил АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ РОЩИН. С этого хора при Управлении внутренних дел и начался мой путь от поэтической строчки к музыкальной ноте. В содружестве с Анатолием Ивановичем было написано много песен для хора и солистов: «Льняное поле», «Русская зима», «Окопы», «Раскидали клены листья золотые» и другие. В эти годы происходит знакомство с Калининским областным Домом художественной самодеятельности, с хоровым обществом, что располагались в здании Дома учителя на Советской улице.

Калининским хоровым обществом руководил председатель ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ГРАБ, заслуженный работник культуры.

Немного о музыкальном прошлом

Древняя тверская земля взрастила целую плеяду музыкантов, имена которых вошли навечно в отечественную культуру. Имя Ивана Андреевича Крылова известно всем, но мало кто знает, что он был прекрасным скрипачом, блестящим музыкальным критиком, боровшимся за утверждение русского национального музыкального искусства против засилья иностранщины. И до того, как увлекся баснеписанием, создал комические оперы «Кофейница», «Бешеная семья», «Американцы», волшебно-патриотическую оперу «Илья-богатырь», перевел с французского на русский язык итальянские оперы. Дочь беглого крепостного из Осташковского уезда Дарья Михайловна Леонова совершала концертные турне, по всей планете пронесла русскую музыку и песни. А в шестидесятые годы XIX века дочь кашинского чиновника Елизавета Андреевна Лавровская бархатным контральто покоряла Москву, Вену, Лондон, Париж, Берлин. В Италии в ее честь выпустили даже серебряную медаль. А уроженец Бежецкого уезда Василий Васильевич Андреев, создавший первый в России оркестр народных инструментов? Он же вывел балалайку на мировую сцену! Мне очень приятно об

этом писать потому, что мое произведение «Что ты, полюшко, затуманилось?» ленинградского композитора Владимира Еремина исполнялось в 1970 году в сопровождении оркестра, звучало по радио. В Твери начинал свою творческую деятельность основатель прославленного Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии Александр Васильевич Александров, передав потом руководство ансамблем сыну Борису Александровичу. Можно до бесконечности перечислять имена музыкантов, внесших вклад в развитие русского искусства.

Я остановлюсь на тех именах, с которыми меня связывало творчество.

Между прочим…

Первый заказ на сценарий от Дома народного творчества был в 1969 году к столетию со дня рождения В.И. Ленина «Первый раз в первый класс привели сегодня нас». Отвечала за выпуск замечательный специалист, с которой мы потом общались по училищу культуры Алла Стрекаловская.

Со многими самодеятельными композиторами тех лет я была знакома не только по их выступлениям, но и по тому интересу, которое они проявляли к моему творчеству. Причем тексты песен становились достоянием многих. Это часто приводило к тому, что на одни и те же стихи рождались разные мелодии. К примеру, «Саяны»: «За окнами, распахнутыми настежь, неугомонный шепот кедрача. Здесь помнят сосны, пихты вековые зеленый свет от лампы Ильича!» Припев: «Саяны! Саяны! Саянские сопки! Восходы под цвет кумача! Стоят часовыми Саянские сопки, любуясь мечтой Ильича! Здесь Ленин жил, здесь думал о России» и т.д. «Саяны» были озвучены тремя музыкантами — ВЛАДИМИРОМ МЕФОДИЕВИЧЕМ ГУБЧИНЫМ, АНАТОЛИЕМ ГОРШКОВЫМ, АНАТОЛИЕМ РОЩИНЫМ.

Песни звучали по-разному, но были чем-то похожи, ибо возникли на едином фундаменте — на одном тексте. Я с удовольствием промурлыкивала все три варианта, не отдавая никому предпочтения. Все по-народному звучали хорошо. Да и композиторы, руководя большими коллективами, относились друг к другу не ревностно. Всем было даже интересно, что получалось в результате работы с текстами. Золотое время расцвета народной культуры! Жаль, что сейчас стало меньше таких очагов, ибо финансирование — немаловажный фактор. Лучше будем делать шикарные показухи, удивлять мир, но не конечными результатами, а дорогими банкетами по разным поводам, увлекаться то дзюдо, то парусными регатами, то

теннисом в зависимости от чьих-то пристрастий, выкладывая за сутки пребывания в гостиницах по двенадцать тысяч рублей за душу участника, а то и того поболее, но скудно финансируя творчество.

Но природа русского человека такова. Подобно дикорастущим рас тениям, пробивающимся сквозь асфальт вопреки раскрученному шоу-бизнесу, этим монополистам культуры, возрождаются коллективы, пусть не в творческих дворцах, поодиночке, маленькими группками, при библиотеках, где работают, как говорил Д.С. Лихачев, «святые люди».

С Владимиром Губчиным, его женой Тамарой и двумя сыновьями мы дружили семьями. Нами было написано много совместных песен, особенно любимы «Лебедушка», «Сети-невода», «Лен — неделен».

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ ПОДГУРСКИЙ, занимаясь творческой работой, создавал сборники песен; если не ошибаюсь, написал музыку на стихи «Хлебное поле».

С НИКОЛАЕМ ИВАНОВИЧЕМ РЫЖАЕВЫМ, уроженцем города Кимры, учителем пения (я познакомилась с ним в хоровом обществе), были написаны песни «Поют узорные гармошки», «Хлебное поле» и еще что-то.

АНАТОЛИЙ ГОРШКОВ, руководитель инструментального оркестра ДК «Химволокно», предлагал писать песни на так называемую «рыбу», то есть на уже готовую музыку. Я однажды создала такой текст, не помню уж какой, но это не творчество, а ремесло подельника. Я не сторонница писать как на готовую музыку, так и по готовым картинкам. Бывает, что рисунки вдохновляют, рождают тему. Но все же это — не мое. С А. Горшковым шла работа по созданию фонограмм постановки «Доброй зимней сказки», а затем была написана «Песня о Волге», «Любовь тропиночку найдет».

С другим тверским композитором ВЛАДИМИРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ УСПЕНСКИМ был опыт в написании одной из песен, которую куда-то представляла на какой-то фестиваль в далекие семидесятые годы, но она никак не была отмечена. В. Успенский — серьезный композитор, не песенник с народным уклоном, в котором я пишу тексты.

Много песен было создано руководителем народного хора ГЕННАДИЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ СТРОГАНОВЫМ. И не только написано, но и исполнялось коллективом, и печаталось в разных сборниках. В «Разговор с березой» (2000 г.) вошли песни: «Мне бы не печалиться», «Тополь мой». С баянистом БОРИСОМ ВОРОБЬЕВЫМ были написаны песни «Калязинские кружева», «Я люблю, я всем сердцем люблю» и ряд других произведений для

коллектива Дома культуры профтехобразований.

С Л. ГОРЯЧЕВЫМ — «Дороги сыновей». С ЯКОВОМ АУСАКСОМ — «Колобок», сказка. Разными музыкантами в разное время были созданы и в авторском, и в актерском исполнении более тридцати песен, в том числе такие: «Виновата пурга», «Песня ожидания». Осталась в памяти «Песня о дружинах», написанная тверским музыкантом Дмитрием Лаптуровым и московским композитором Тамарой Александровной Попатенко, с которой мы были знакомы много лет, общались по творческим делам. Однажды, когда был VI Всесоюзный съезд композиторов, я даже ночевала у нее. «Песня о дружинах» была напечатана в пионерском сборнике «Красные следопыты» в Москве, в 1978 году, в издательстве «Музыка».

С ТАМАРОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ ПОПАТЕНКО мы стали лауреатами конкурса на лучшую песню о шахтерах. В журнале «Я по званию шахтер» в издательстве «Советский композитор» в 1982 году и была напечатана песня «Шахтерская слава». Т.А. Попатенко не раз приезжала в Калинин и по приглашению ДК «Металлист», и по приглашению Детского музыкального театра после постановки «Доброй зимней сказки».

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТИМОФЕЕВ, наш земляк, создал тоже ряд песен на мои слова. Особенно все обожают песню о нашем городе «Тишина». Она в исполнениии певицы Валентины Толкуновой помещена Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия» в 1981 году, вместе с другими произведениями в сопровождении вокально-инструментального ансамбля «Россияне» и ансамбля народной музыки «Истоки» под управлением Владимира Васильевича Травникова, на пластмассовый носитель выпуска 1980 года. Тогда это было круто. Произведение звучит и сейчас в исполнении тверских певцов. А когда вводили в эксплуатацию большой стадион, песня звучала несколько раз в течение дня.

Такие замечательные, одержимые творчеством люди, как ЛЮДМИЛА СОРОКИНА и ее сын РУСЛАН, по профессии врач-стоматолог, в сообществе «Странник» вошли в мою композиторскую биографию с первого знакомства в библиотеке имени Горького, когда я подарила им сборник своих более взрослых стихов под названием «Гипоталамус нервно бьется, поэт рыдает и смеется». Тексты на мои стихи писали и пишут многие авторы музыки. В «Страннике» такими авторами стали РУСЛАН СОРОКИН, ВАЛЕРИЙ КУДИНОВ, ВЛАДИМИР МЕЖАНИН, затем НАТАША РАХИМОВА и другие.

Много песен создал руководитель хоровых ансамблей НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ИВАНОВ, многие годы работающий в ДК «Пролетарка». При его активной помощи славно поет Галина

Ивановна Никрашевич. Десять песен на диске на мои тексты можно прослушать в любое время суток.

Много музыки написано музыкальным руководителем моего театра ЮРИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ тоже по фамилии ИВАНОВ. Последняя его работа — это создание детского спектакля-шоу, почти мюзикла, «Приключение цыпленка по имени Желток». Спектакль ранее ставился в театральном коллективе средней школы №53, а сейчас воссоздан силами поющих, играющих, танцующих коллективов Дворца детей и молодежи под руководством замечательной певицы и музыканта Надежды Сергеевны Пашинцевой. Но я думаю, что этот коллектив, несмотря на то, что дал несколько представлений во дворце и на других городских площадках, скоро перестанет существовать. Сводные коллективы — не долгожители. Да и большого энтузиазма со стороны дворца не чувствуется. Культурные очаги, в которых существуют недоброжелательные, конкурирующие начала, требуют очень большой силы воли и противостояния со стороны руководителя, а его, похоже, нет. Дай бог, чтобы мое пророчество не сбылось!

Знакомство с семьей ЮРЫ и ГАЛИ КАТРУК привело не только к изданию нескольких авторских книг, но и к написанию Галей песен на мои стихи. Вышла целая серия, о которой можно долго писать. Скажу только, что они особенно хорошо звучат в авторском исполнении благодаря особенному голосу автора песен. Подросли у Катруков и три дочери-певички. Желаю я им ангела в дорогу.

Хороши «Облака» в исполнении семейного ансамбля «Лампада» под руководством матушки Татьяны Шуваловой, в православной семье которой десять поющих детей.

В сборнике «Поем, танцуем и рисуем» (Москва, 2004 г.) и в журнале «Музыкальная палитра» издательства «ТЦ Сфера» опубликованы песни «Кукушки», «Старичок-грибнивичок» и «Облака».

Основная же работа шла с такими тверскими композиторами — с АНАТОЛИЕМ ИВАНОВИЧЕМ РОЩИНЫМ, ВЛАДИМИРОМ ГУБЧИНЫМ, ЮРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ШТУКО, ЮРИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ИВАНОВЫМ, с петрозаводским композитором ГЕОРГИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ АСЛАМОВЫМ, ТАМАРОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ ПОПАТЕНКО.

Круг знакомств с музыкантами расширялся каким-то образом сам по себе. К примеру, такой известный композитор, как МИХАИЛ РАФАИЛОВИЧ РАУХВЕРГЕР. Мне его адрес дали в Детском музыкальном театре у Наталии Ильиничны Сац. Хотя рекомендатели не были уверены, станет ли он работать с пусть и

подающим надежды, но малоизвестным автором, начинающим драматургом, тем более, как говорится, возраст его был «на исходе дня». Это был крупный, очень впечатляющий мужчина-старик. Прекрасная старинная квартира. Чуть не половину комнаты занимал огромный, как мне показалось, концертный рояль. Из боковой дверки выглянула на секунду с любопытными глазками сухонькая старушка, видимо, супруга. Первые слова, которые я услышала от Михаила Рафаиловича: «Ничего не предлагать!» А я и не думала что-то предлагать. Меня волновал только вопрос творчества. Узнав о цели моего визита, смягчился и по отечески сказал:

— Трудно будет вам пробиться! Я много лет работаю, знаю. А что они вас ко мне направили, практика известная. Хотят быть хорошими.

Меня удивила его откровенность. А все-таки это замечательно! Я ушла счастливая даже от мысли, что пообщалась с такой знаменитостью.

В течение своей жизни мне пришлось, а порой посчастливилось, встречаться со многими известными людьми. Например, с актером и певцом Владимиром Винокуром. И не на улице, не на вечерах, а в каком-то из творческих домов в обычных условиях. Не помню сейчас где, но хорошо запомнила его с вечно дурацким улыбающимся лицом в окружении хохочущих девиц. Он мне показался и запомнился как балагур, задавака, вроде и не злобный, но нахальный упитанный тип. Я как учительница подумала: «Ну и франт! Откуда только такие берутся? Живет, видно, в достатке, здоров и пьян. И вечно нигде не работает». Мало я тогда знала об артистах эстрады.

С певцом ЛЬВОМ ЛЕЩЕНКО и композитором ВЛАДИМИРОМ ШАИНСКИМ познакомилась в Калинине во Дворце культуры «Пролетарка». Приехали они на гастроли. По моей просьбе Лещенко представил меня Шаинскому. «Маленький генерал», как его называли в Москве, был любезен, но сдержан.

— Сейчас у меня, — сказал Шаинский, — намечается торжество в связи с моим пятидесятилетием, а уж потом я буду рад с вами поработать.

Владимир Яковлевич Шаинский 1925 года рождения. Следовательно, наше знакомство состоялось в 1975 году. Я тогда еще недооценивала его как композитора и, возможно, как интересного партнера в будущем, а потому все пустила на самотек. А как известно, мой самотек всегда заканчивается одним и тем же.

Была очень хорошо знакома, бывая в Риге, с известным латышским композитором РАЙМОНДОМ ПАУЛСОМ.

Кстати…

В жизни я много теряла перспективных возможностей из-за своего недопонимания того или другого знакомства, но чаще из-за учительской перегруженности уроками. В школах я работала всегда на полутора ставках. Растить одной двух дочерей было трудно. А творчество тогда не приносило никаких доходов, одни расходы от поездок и общений.

Такие композиторы, как ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЕРМОЛАЕВ, ЗОЯ ТИХАЛОВНА ЗОРИНА-ФУКС, ЖАННА ЛАЗАРЕВНА МЕТАЛЛИДИЯ, ВЕРА ПЕТРОВНА ГЕРЧИК, ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЩЕКОТОВ, БОРИС ПЕТРОВИЧ КРАВЧЕНКО, ВАЛЕНТИНА ЯКОВЛЕВНА ЖУРБИНСКАЯ и другие, прошли через мою судьбу эпизодично. Не так волнуют воспоминания и о других музыкальных творцах.

Первый глубокий след оставил ленинградский композитор ВЛАДИМИР ЕРЕМИН. В программе Ленинградского радио и телевидения от 5 июня в 19.50 от 30.05.70 г. в статье «Играет РНО имени Андреева» было напечатано следующее:

«Композитор Владимир Еремин только что написал песню «Что ты, полюшко», текст которой записан в деревнях Калининской области учительницей Г. Вахровой (фамилия по мужу). Песня получила высокую оценку худсовета Ленрадио и включена в репертуар Русского народного оркестра имени В.В. Андреева. «Что ты, полюшко» прозвучит в исполнении молодой певицы Валентины Абросимовой в сопровождении Русского народного оркестра имени Андреева».

Так в творчестве этого композитора я была представлена как собирательница народного фольклора.

Между прочим…

Такое случается со мной не впервые. Тверской университет, создавая серию «Тверской фольклор», поместил в книге «Тверской детский фольклор» под номерами 434, 465, 470 и 487 мои стихи, якобы записанные студентами в гуще народной как игровой фольклор. А на днях издательство «Фламинго» прислало статью Аси Штейн, специалиста по раннему развитию детей, опубликованную в «Московской неделе» от 9 апреля, в которой есть такой абзац: *«Книги Гайды Лагздынь «Потягушечки», «Послушный зайчонок», «Бурундук», «Топотушки» — семейный вариант потешек. Сохранив традиционную форму материнского фольклора, автор наполняет ее новым, более понятным и актуальным для сегодняшнего ребенка содержанием».*

Спасибо критику. Приятно о себе такое прочитать. Но почему

в семидесятые годы, когда я непосредственно общалась с В.Г. Ереминым и он знал, что это мои стихи, выдавал за калининский фольклор? Этот же вопрос я ему и задала в Ленинграде, куда приезжала в гости к брату и маме. Все оказалось очень просто. Художественный совет Ленрадио воспринял мой текст как фольклорный, без всякого сомнения не подозревая о моем авторстве. А Еремину нужен был единоличный гонорар, а чтобы песня прошла прием, выдать как произведение, созданное на родине известного бежецкого музыканта В.В. Андреева. Вот такие случаются перипетии.

Творчество связало меня с композитором из г. Бердянска ВАЛЕНТИНОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ИЗОТОВЫМ. Он даже напечатал несколько песен в Киевском музыкальном издательстве, но на русском языке, и в Москве. ВИКТОР ПРОХОРОВИЧ ГОЛИКОВ, еще будучи не жителем

Москвы, а Калинина, где дирижировал оркестром Военной академии, написал песенку о солнышке, затем о зайчонке — так он эти песенки в Москве и печатает в сборнике «По лесенке» (Москва, 2009 г., издательство «Классик-стиль»). В печати появились детские песенки «Прыг да скок», «В мамин праздник», «О маме» в издательстве «Композитор» (Санкт-Петербург), в сборнике «Ладушки» — «Солнечный зайчик». На его предложения поработать над другими текстами я отмалчивалась по той причине, что он — не детский композитор. А когда он занимал большой пост в Министерстве культуры, могла бы иметь большой выход в печать. Но я не отдаю своих текстов тому, кто пишет плохую музыку или далеко не авторскую. Мной руководит не выгода, а стремление к созданию качественных произведений. Как окончила институт с отличием, так и живу по этим же меркам, даже в песенном творчестве.

Музыканты не могут существовать без композиторов, как и композиторы без участия музыкантов, музыкальных работников. В моей практике было много и хороших, и плохих. Я пишу только о хороших. О некоторых уже рассказывала, а о других поведаю в последующих главах.

Не могу сейчас не вспомнить о тверском композиторе ВЛАДИМИРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ УСПЕНСКОМ, с которым меня познакомила совместная работа по первой пробе участия в больших фестивалях.

НА ФЕСТИВАЛЬ ПЕСНИ

Ю. Желамский, «Смена», 22.06.1969 г.

С третьего по шестнадцатое августа в Челябинске будет

проводиться Всесоюзный молодежный фестиваль песни под девизом «Пою мое Отечество».

От нашей Калининской области к участию в фестивале готовится молодая певица Елена Романова. Елене Романовой 25 лет. В 1965 году она окончила вокальное отделение Бакинской государственной консерватории. Сейчас — артистка Калининской областной филармонии.

В конкурсе фестиваля на лучшую новую песню будут участвовать калининский композитор Владимир Успенский и поэтесса Гайда Лагздынь, написавшие специально к фестивалю песню «Полюшко».

Не могу не вспомнить также о МАРИНЕ РОДОСЛАВОВНЕ ЧЕРНОЙ, с которой, при участии театрального актера и звукорежиссера Жени Барекяна, были записаны ранние произведения Моцарта для спектакля «Юный Моцарт». При записи Марина очень устала играть, а я настаивала: она не знала, что на другой день Женя уходит по призыву служить в армию. Сожалею, но в стремлении поставить спектакль я была одержима.

Вспоминаю ТАТЬЯНУ ВЛАДИМИРОВНУ ГОРОХОВУ (КАРПОВУ), подарившую нам свой лучший голос на начальных этапах создания театра, НАТАШУ ЗОЛОТАРЕВУ, что пела арию Медведицы, Медвежонка для спектакля «Шоколадная страна». Запись делалась тоже при участии ЕВГЕНИЯ БАРЕКЯНА. А какой у Натальи прекрасный голос! А какая способность к перевоплощению! Петь то за Медвежонка, то за Белочку.

Не могу не вспомнить музыканта и начинающего композитора АГАВНИ ОВСЕСЯН, ОЛЬГУ РУБЛЕВУ из коллектива школы №9, ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ТРАВНИКОВА и как директора Школы искусств №2, и как руководителя ансамбля «Истоки», ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНУ БОГДАНОВИЧ, музыканта-болельщика за наш театр и за мое творчество. А еще она отличная бабушка. ТАТЬЯНУ АНАТОЛЬЕВНУ КОНШИНУ благодарю за то, что научила моих студийцев правильно дышать, а потому и петь. Прекрасного музыканта, исполнителя авторских произведений ГЕННАДИЯ УЛЬЯНИЧА, отца, иерея, настоятеля храма Иосифа Волоцкого (пос. Сахарово), выступавшего на совместном творческом вечере и с театром, и с ОКСАНОЙ АНИСИМОВОЙ — художницей, работает в Твери в издательстве «Ушаков и К°». В Москве в издательстве «Алтей» вышло несколько моих книг с ее оформлением.

Незабываемо знакомство с ГЕОРГИЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ СТРУВЕ, заслуженным артистом РФ, композитором, дирижером; с БОРИСОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ТЕВЛИНЫМ, руководителем и

дирижером огромного хора, исполнявшего на Шестом съезде композиторов СССР в 1979 году хоровое произведение «Что ты, полюшко, затуманилось» композитора Тамары Попатенко.

А недавно я снова встретилась с АЛЕКСЕЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ МИХНО. По документам, как он узнал, когда ему было уже двадцать лет, он не Алексей, а Леонид. Но эта ошибка не помешала стать заслуженным учителем России, членом-корреспондентом разных академий, руководителем губернаторского хора, носителем других званий, а главное — быть директором Тверского педагогического колледжа, под крышей которого трудится композитор нескольких наших совместных спектаклей ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ШТУКО.

Вот такие музыкально одаренные люди у нас в Твери и в стране — пленники Музы.

Вспомнила по случаю…

Хотела подвести черту под последней написанной строкой главы, да как та ворона из басни, «призадумалась». А мысль пока держала, вдруг памятная строчка набежала. И почему-то запелось «Не кочегары мы, не плотники, а музыкальные работники». Все произошло от того, что позвонили и сказали:

— В День города на Трехсвятской снова, при участии Людмилы Коклюшкиной, установили большого деревянного козла, которому в прошлом году оторвали голову. Надо почитать по теме. У вас, мы знаем, в книге есть пять легенд, почему тверяков называют «тверскими козлами». Не откажите!

Не было печали, так черти, простите, работники культуры, накачали! А я вот сейчас собралась писать о VI съезде композиторов СССР. Памятная строчка на листок сбежала! Я подумаю, тверские уважаемые козлы!

О композиторском съезде

Тамара Александровна Попатенко, член Союза композиторов СССР, автор более пятисот песен, на мои слова создала произведение, которое было опубликовано в журнале «Музыкальная жизнь» (№5, 1976 г.). Мы с ней встречались, переписывались. Она неоднократно приезжала в Калинин.

Статья «Встреча с композитором»

Овчаренко, руководитель хора «Радуга», «Смена», 05.05.1981 г.

Программа отчетного концерта Детской хоровой студии

«Радуга» Дворца культуры «Металлист» была составлена из произведений заслуженного деятеля искусств Тамары Александровны Попатенко, чьи первые произведения были написаны еще в тридцатые годы. В зале кроме привычных зрителей находились гости — Тамара Попатенко и поэтесса Гайда Лагздынь. Исполнялась новая «Песня о дружинах» на стихи калининского автора Г. Лагздынь.

Однажды (это было еще в 1979 году) получаю такое сообщение: лауреат премии Ленинского комсомола и международных конкурсов Московский хор молодежи и студентов под руководством художественного руководителя и дирижера Бориса Григорьевича Тевлина будет исполнять нашу совместную работу «Что ты, полюшко, затуманилось» на VI Всесоюзном съезде композиторов СССР, и произойдет это по программе 23 ноября 1979 года. Так я оказалась в Москве на открытии съезда в Колонном зале Дома союзов. Пригласительный билет на меня Т. Попатенко забыла взять. Чтобы пройти в зал, меня конвоировали с одной стороны Тамара Попатенко, с другой — известный композитор Александра Пахмутова. Шли две маленькие женщины, а между ними шагала каланча — Лагздынь. Естественно, никто и не подумал спросить у меня приглашение. По широкой лестнице поднялись в зал. В зале было столько участников, что пришлось рассредоточиться по разным местам. Я оказалась во втором ряду между посланцами союзных республик, смотревших на мир через узенькие щелки глаз. Вокруг нас суетились фотокорреспонденты (телекамер тогда не было) и все снимали меня, не зная, что я из себя представляю, на всякий случаи Съезд открывал и вел композитор Тихон Хренников. Съезд продолжался на следующий и в последующие дни, но в разных местах Москвы. С Тамарой Александровной присутствовали на всех концертах. Песню «Что ты, полюшко, затуманилось» исполнял шестиголосый хор в Концертном зале имени П.И. Чайковского. Музыкальное звучание было почти речитативным.

По случаю…

Позднее это произведение озвучивали многие музыканты. Однажды, после публикации песни в журнале «Музыкальная жизнь», пришло письмо с Украины от композитора Валентина Изотова с просьбой на получение разрешения от автора текста на написание новой музыки на текст «Полюшко». Впоследствии эти стихи положили на музыку многие музыканты. Но до сих пор эта песня звучит не так, как слышу в себе. Должно быть что-то широкое, протяжное, настороженно-трагичное.

Заключительный концерт VI съезда композиторов проходил в Доме творчества композиторов. Зал был переполнен. На балконе — студенты консерватории и других музыкальных учебных заведений. Концерт шел долго. Несмотря на то, что звучало много громкой музыки, часть старейших композиторов от усталости засыпала. Задремала и сидевшая рядом со мной Тамара Александровна. Стрелки часов двигались к полуночи. А на сцене, сменив Государственную хоровую капеллу Грузии, пел хор имени Калныня Латвийского телевидения, затем хор Всесоюзного радио, хор под управлением А.В. Свешникова.

И вот последний удар музыканта по круглому тамтаму. Войлочная головка, оторвавшись от колотушки, летит через всю сцену, буквально мимо носа Свешникова, ударяется в другой тамтам, что находится на противоположной стороне сцены. Раздается не запланированный ни одной ноткой очень громкий ударный звук «Бум!»

Взрыв смеха. Латышские певцы от хохота буквально переломились пополам. Хористки молодежного коллектива смеются, двигая всем телом. Лишь хор Всесоюзного радио, словно каменный, не шелохнулся. Какая выдержка, тренированная муштровка!

Волна смеха покатилась по рядам и балконам, накрыла зал.

— Что это? — спросила Тамара Александровна, очнувшись от дремоты, не видевшая смешного заключительного аккорда.

— Это, — смеясь, ответила я, — закончился VI съезд композиторов СССР. А нам надо торопиться, пока работает метро. А кажется, — добавила я, взглянув на часы, — мы давно опоздали.

О театрах…

Мысли и мыслишки

Театр. В сознании возникает московский Большой, ленинградский Мариинский, театр моего детства. Всплывают в памяти театры нашего города: драматический, юного зрителя, кукол. Трещины-раны на теле нашего драматического, фигурки мальчишек, бегающих по обгоревшим стенам. Помещение ТЮЗа, где идут спектакли театра драмы, толстая приезжая поющая актриса в образе Татьяны Лариной. Крошечная комнатушка замечательного театрального человека, директора Александра Мироновича Ильвовского, заказавшего мне книжку-раскладушку

по правилам поведения детей в театре. Рождение нового здания Театра кукол. Слово «театр» ассоциируется с огромной, необыкновенной красоты чашей, переполненной человеческими чувствами. Позднее я стала понимать: театр — организм волнующий, пульсирующий, симбиоз талантливого труда актера и художественной жизненной правды писателя. А вообще-то адова кухня!

Ближе всего ко мне стоял Театр кукол. «Правила поведения» в театре сделала, а договор не заключила. После смерти А.М. Ильвовского не была признана новым директором Дмитрием Мининым. Говорят: «Бог любит Троицу, а еще Богородицу». Вот и у меня в жизни с Театром кукол тоже получилась Троица, только немного другая Богородица. Не везет в любви!

Главный режиссер Владимир Архипович Никитин сделал заказ на инсценировку «Гуттаперчевого мальчика» Д.В. Григоровича. Начинаю работать. Приезжает из Москвы поэт М. Яснов с подписанной там, в столице, бумагой, что это дело поручают ему — Михаилу. С тех пор не хочется с ним сидеть рядом в сборниках разных издательств, а приходится. Хорошо, что на разных страницах. Подсижной питерский мужик. А еще говорят, не одну утку из гнезда выкинул.

И с третьим — Сергеем Львовичем Белкиным — вышла неувязка: писали, писали спектакль с Мариной Черной «Моцарт», причем юный, да так бы и ходили по Зальцбургу в лаптях, кабы ребятки из казарм «Пролетарки» не приютили. А вообще-то я Театр кукол обожаю, и при случае, каком-никаком, на полном серьезе подмогну.

Про драмтеатр, Н. Хонину, Г. Пономарева и других поведала. Про ТЮЗ могу, но оставлю на попечение критиков, которые в конце концов возникнут в нашем писательском театральном тверском государстве. А то ведь без критики нет движения по спирали! А все по кругу, по кругу! Вот такие приходят мыслишки, дорогие мои парнишки. Наверно, опять в рассужденьях излишки.

Глава 17. ЗВУКИ ВСЕЛЕННОЙ

Нужен ли детский музыкальный театр?

Воспитать новое поколение, людей будущего, — значит, строить завтрашний день. Это забота и родителей, и всего нашего общества. Родившийся человек формируется физически, эстетически, психологически-нравственно. Ученые подсчитали, что родившийся человек несет в себе всю сумму нервных клеток коры головного мозга, шесть с половиной квадриллионов клеток тела, наращивает до ста тысяч километров кровеносных сосудов. Идет гигантская работа мозга, такая работа в первые годы жизни, какой не знает человек в последующие. Эксперименты показали, что реакция детей на звуки очень ранняя. Стоит в палате с новорожденными включить магнитофон с записью Брамса, Генделя, Моцарта, Чайковского, как дети успокаиваются и засыпают. Джазовая же и поп-музыка явно не отвечают вкусам новорожденных, о чем они сообщают дружным плачем. И вот ребенок держит головку, смотрит на нас умнеющими глазенками, следит за нами, прислушивается к музыке, улавливает нашу речь. Поэтому невозможно недооценивать роль звуков, поэтических словесных сочетаний на ранних стадиях формирования человека.

Общение с детьми младшего дошкольного возраста еще и еще раз убеждает, сколько всего заложено в человеке! Как тянутся эти нежные душевные проросточки ко всему светлому, радостному! Сколько желания познать, постичь, завоевать! В жизни человека изначально заложено стремление к самовыражению, утверждению своей личности. Как только дитя выходит из грудного возраста и начинает говорить, первое, о чем он заявляет, это: «Я сам!» Поэтому неудивительно, что с первых шагов у ребенка есть желание пробовать и показывать себя в декламации стихов, в исполнении незатейливых мотивчиков, элементов танцевальной ритмики, в сочинительстве, в рифмовке слов, что в свою очередь стимулирует и побуждает родителей от восторгов перейти к практическим желаниям куда-то повести ребенка, дать ему музыкальное, хореографическое образование. Но не все родители по разным причинам удовлетворяют желания ребенка. Зачастую, наигравшись с ребенком в ранние годы, отдав в детсад, а затем в школу, пускают все на самотек. Поэтому неудивительно, что много детей оказываются не охваченными частным эстетическим образованием, а их дальнейшая жизнь в этом плане ложится на плечи детских организаций.

Дети тяготеют к творчеству. Одна из форм творчества — театр. Что дает театр ребенку? Театр развивает чувства, учит правильно говорить, оттачивать дикцию, учит умению слушать другого, помогает развивать культуру общения, помогает прочитывать мир в подлиннике. Под влиянием театра формируется гармонично развитая личность.

Музыкальный театр, как более сложная форма театральной деятельности, способствует развитию музыкального слуха, вкуса, пластики, умению владеть своим телом. Но, что самое замечательное в занятиях в театре и литературных кружках, так это развитие образного мышления. Образное мышление поможет ребенку и при освоении школьных предметов: представить строение атома и движение звезд галактики, биосинтеза в клетках, суть законов химии, физики, астрономии, биологии, да и страницы учебников будут доступнее при развитом образном мышлении.

А для создания детского театра что требуется? Первое — дети-актеры. Соединить драму, балет, вокал было моим острым творческим желанием, как и то, чтобы актеры театра умели это делать все сами. Легко об этом мечтать, труднее писать. А воплощать? Возводить в высокую степень труда свои чувства, желания, потенциальный энергетический запас? Несоизмеримо, сверхтрудно!

Детский музыкальный театр (ДМТ) возник в 1987 году на базе ДК профсоюзов, затем, после преобразования ДК в Тверской народный дом, существовал до февраля 1996 года, но в течение трех лет имел театр-спутник в средней школе №9 Пролетарского района г. Твери, куда и перебазировался в феврале 1996 года. В 1991 г. получил звание народного, после перемещения получив также звание образцового, став единственным школьным театром с таким званием.

Рассказ из личного опыта…

Для жизни ДМТ большое значение имеют кадры руководителей, тем более для детского музыкального театра, и материальная база. Финансирование театра всегда было слабым, а в последние годы почти никаким. Малая оплата труда была часто причиной ухода совместителей-полуставочников. А также отторгались от театра люди ленивые, нетворческие, морально неустойчивые, тщеславные. Поэтому отсутствие режиссера, хореографа, а порой и музыканта создавало большие трудности в работе с театром. Приходилось делать все самим. Однако это имело и свои положительные стороны. Без навязывания юным актерам прочитывания образа персонажа спектакля ребята сами

искали, фантазировали, придумывали танцы, делали костюмы, элементы к ним. В результате многие спектакли были поставлены почти полностью благодаря энтузиазму детей и руководителя — автора постановок. Непосредственное участие актеров в творческом процессе, бесконечные выступления на большой сцене, выезды на разные уровни, приглашения гостей в лице выездных редакций детских издательств, журналов «Мурзилка», «Веселые картинки», «Вожатый», «Карусель», «Клуб», писателей, композиторов, записи на радио и телевидении, отражение работы театра в печати, в дипломах и грамотах, звание «Народный» стимулировали творчество ребят. Поэтому не удивительно, что кроме спектаклей профессионального автора и профессиональных композиторов возникали детские работы, такие как «Черная лилия». Сказка была написана пятнадцатилетней Наташей Ворошиловой, музыка — десятилетней Яной Стратонитской, создавшей также музыкальный материал и к спектаклю «Красный, желтый, зеленый».

Кстати…

Наташа Ворошилова — врач, фотохудожник, Яна Стратонитская — композитор.

Глава 18. ИЗ ИСКОРКИ ДА БУДЕТ ПЛАМЯ

Как себя помню, я хотела играть на музыкальных инструментах. Вернувшись из эвакуации в сожженный разрушенный город, мы искали любую крышу. Такой крышей оказалась больница, располагавшаяся напротив нашего сгоревшего дома на улице Кропоткина в деревянном доме, чем-то похожим на церквушку. Это здание и сейчас сохранилось. Поселились во врачебном кабинете. Затем нас переселили. Восьмиметровая комната на «вышке» — так называли второй этаж надстройки деревянного дома по улице Новобежецкой, ныне улица Шишкова. Раньше в этой комнате жила старушка. Во время оккупации города она умерла. Своей ли смертью или насильственной, никто не знал. Знали только, что похоронили ее тут же, в огороде. В каком месте? Неведомо. Я думаю, там, где сейчас, после строительства средней школы №3, между забором и огородом осталась ничейная земля в виде прямоугольника. Раньше на этом месте соседка Грачева выращивала капусту. Я уверена, что это оберегаемая могила той старушки. Нашу узкую комнату с боковым окном на крышу отделяла от крошечной кухоньки печка. Тепла от нее хватало только на часть ночи. Комната промерзала насквозь. К утру стекла покрывались толстым слоем инея. Я часто просыпалась не только от холода, но и от того, что звучала музыка. Неизвестная мелодия в исполнении неведомых мне тогда инструментов. Что это? Симфония? Музыка Вселенной? Записать бы ее! Но я не знаю нотной грамоты! Музыкальные звуки затихали. Замерзшие стекла, окоченевшие руки, онемевшее от холода лицо и ничего более. Откуда музыка? Из репродуктора? Но его нет, город только освобожден от фашистских оккупантов. Впоследствии я думала: если бы я не стала писателем, я бы стала композитором. Не потому ли на мои слова музыканты с удовольствием сочиняют музыкальные произведения, уверяя, что в тексте уже заложено звучание! А художники, создавая иллюстрации к моим произведениям, признаются, что текст надо только срисовывать. Сама же, к сожалению, рисовать совершенно не умею. Меня и не тянет к этому. Но музыка? Когда я смотрю на музыканта, который только что положил руки на клавиши, я делаюсь его рабой. Наверное, поэтому, работая с театром, я совершала много ошибок, мучаясь потом и с неопытными, и безграмотными руководителями, а порой и с шизофрениками. Но все равно я

благоговею перед умеющими играть на музыкальных инструментах и остро чувствую свою неполноценность

Хотя композиторы, работающие со мной, этого не замечают и не подозревают, что я музыкально мало образованна. О моем желании получить музыкальное образование изложено в книге «Тетрадь в клеенчатом переплете», изданной в 1998 году.

У меня нет рояля…

Отрывок из книги

Мне очень хочется учиться в музыкальной школе. Моя новая подружка Ира играет на рояле. Живет Ирка с мачехой в белом каменном одноэтажном доме. Иркин отец на фронте. Она, как и мы, всегда голодная. Но с нами ей веселее. Мачеха ее, Софья Леопольдовна, всегда где-то пропадает.

— С вами хорошо, — говорит Ирина, — вы хозяйственные. А мы с мамой Соней неприспособленные. Мерзнем, голодаем. Нам по папиному аттестату еще кое-что дают. А то бы совсем с голоду умерли. Моя мама Соня разве догадалась бы торф на болоте сушить или огород в переулке делать?

Мы часто бываем у Ирки, слушаем, как она играет на рояле. Мне тоже хочется научиться. Я часто просыпаюсь оттого, что в голове у меня играет симфонический оркестр. Может быть, радио? Но радио выключено, молчит. Или вот какая-нибудь хорошая мелодия привяжется или приснится. Если бы я могла записать! Но я не знаю нотной грамоты. Наш учитель пения Яков Осипович, по прозвищу «Доремифасоль», раньше был известным музыкантом. У него жена и дети погибли во время бомбежки. На уроке музыки учитель играет на скрипке. А когда он играет, то забывает о нас. Мы молча сидим и слушаем. И не знаем нотной грамоты.

В другом районе нашего города, за Волгой, есть музыкальная школа. Однажды, никому ничего не сказав, иду в эту школу, поднимаюсь по скрипучим деревянным ступеням. Вдоль коридора — классы. Здесь поет скрипка, там слышна игра на рояле. Я робею. У меня даже нет записки от мамы! А без записки — страшно.

— Ты опоздала? — спрашивает меня маленькая женщина в черном платье с белой кружевной манишкой. — Ты у кого учишься?

— У Ксении Ивановны.

— У Ксении Ивановны? — переспрашивает удивленная женщина в черном. — У нас нет Ксении Ивановны!

От робости я не решаюсь объяснить, что Ксения Ивановна наша учительница.

— Ты на каком инструменте играешь? — Я молчу. — У тебя дома есть рояль, скрипка? — продолжает допытываться женщина. — Кто у тебя играет? Бабушка, мама?

Никто у меня дома не играет. У меня нет ни рояля, ни скрипки, у нас только две железные кровати, а вместо стола — деревянная тумба, на которой лежит перевернутое оцинкованное четырехугольной формы корыто. Чтобы не было видно медных кранов, корыто покрыли простыней. А сейчас и корыта нет. Мама его недавно выменяла на конину.

Женщина продолжает спрашивать. Мне непонятно, для чего она говорит о каких-то безлошадных крестьянах, которые хотят сесть на скакуна. При чем тут лошади и скакуны? Я молча ухожу из музыкальной школы.

«Вот кончится война, возьму от мамы записку, наберусь храбрости, приду и поступлю! — думаю я дорогой. — А пока буду учиться у Ирки».

Из репродукторов большую часть дня лилась музыка. Никаких реклам о болезнях, лекарствах, куда позвонить, что купить. Чистый свободный эфир, где много-много музыки, прекрасной классической музыки. По радио передавали целые спектакли, шла трансляция оперетт, опер с прекрасными голосами и натуральным звучанием. И мы, голодные, неустроенные, несмотря на то, что была жестокая кровопролитная война, пели, подпевали певцам, не стесняясь, что скажут соседи. Наоборот! В нашем деревянном доме жило много семей. Одна из женщин так пела, что, заслышав ее голос, весь дом замирал и слушал.

«О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить!» — горланила я во всю глотку свою любимую арию князя Игоря. «У любви, как у пташки крылья!» — обернувшись старым платком, превращалась в Кармен.

На днях в доме, где я сейчас живу, услышала, как женщина, видимо, купив караоке, пыталась стать певицей. Так по трубам отопления начали стучать чем-то металлическим. Что это? Прогресс в сторону регресса? Слушать ругань соседей в блочном доме — норма? Орут, кричат, порой бьют детей за детские проказы и непослушание вместо воспитания полезными творческими делами? А вот пение — непозволительно.

На формирование меня как будущего драматурга музыкальных спектаклей положительное влияние оказывало как народное музыкальное воспитание, так и радиопередачи тех далеких сороковых годов. Позднее, подростком, оказавшись в Ленинграде в Мариинском театре, мне посчастливилось

лицезреть артистов балета в «Лебедином озере» на «хрустальном полу» с участием легендарных балерин двадцатого века Майи Плисецкой, Галины Улановой, Натальи Дудинской, видеть и слышать «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, «Князя Игоря» А. Бородина, «Хованщину» М. Мусоргского, «Евгения Онегина» и «Иоланту» П. Чайковского. Однажды я оказалась в небольшом зале у Аничкова моста. Как я туда попала, не помню, но образ знаменитого певца, голос Марка Рейзена очень хорошо запечатлены моими памятными точками: статная, прекрасно одетая, великолепная фигура. А голос?!

Жаль, что мы не слышим Марка Рейзена в записях российского радио. Хотя бы «Маяк» помаячил! По утрам и поздними вечерами радиостанции транслируют больше голоса зарубежных певцов. Видимо, из-за бюджета? Обидно за страну.

Как результат раннего, никем не регулированного воспитания я люблю оперу, балет. Кто говорит, что не понимает этого вида искусства, тот просто не видел и не слышал всего этого великолепия в прекрасном исполнении. Я как-то не очень обожала струнные квартеты. Но на Шестом съезде композиторов в Москве в 1979 году, куда я была приглашена как автор текста песни «Что ты, полюшко, затуманилось», в Концертном зале имени Чайковского увидела и услышала грузинский коллектив. Это было чудесное исполнение, не сравнимое с тем, что ощущаем, слушая и глядя в «окно телевизионного ящика». Нужно все воспринимать, как говорят, «живьем». Но бывает и такое. Как-то раз в Калинин приехал на гастроли Московский музыкальный театр. Показывали «Евгения Онегина» в здании ТЮЗа, видимо, решили «срубить халтурку». Я с нетерпением ожидала увидеть и услышать снова чудо. Но когда на сцену вышла в роли Татьяны актриса весом более ста килограммов, а ее пение сопровождалось не оркестром, а единично звучащей в оркестровой яме скрипкой, разочарование было полным. Тогда я решила: только Большой театр в Москве или Мариинский в Ленинграде! И только в качественном исполнении. Однажды и московский театр меня разочаровал. Все шло под фонограмму. Не обошлось и без комического случая. Решили со школьными учителями побывать в Москве в Большом театре, послушать оперу. Нам заказали билеты и место в пригородной гостинице, чтобы после позднего спектакля переночевать. Приехали поездом в Москву, вошли в Большой театр. Времени с запасом. Заходим в буфет. «Давайте по коктейлю!» — предложил кто-то. «Давайте!» Красивые фужеры, радующий глаз напиток. Соломина, упирающаяся концом во фрукты. Дорого. Но гулять так гулять! Сидим, потягиваем через трубочку. Звонок известил: время идти в зал. Вошли, сели. У нас

первый ряд. Довольные! Ждем начала спектакля «Петя и волк». Видели, как волк появился на сцене, а потом как вынесли волка привязанным к двум деревянным палкам. И все! Весь спектакль мы проспали, так как коктейль был с большим градусом. Вот так побывали в гостях и у волка, и у Пети в Большом театре в Москве.

Чтобы люди понимали классическую, оперную, балетную музыку, фундамент надо закладывать в детстве. Попса, рэп, по моему мнению, для безголосых, но часто и чисто говорящих, лишь пощипывание кончиков нервных окончаний, не формирует, а огрубляет человеческие чувства. Как и одностороннее занятие спортом. Спорт как таковой, никто не спорит, — дело нужное и полезное. Нужны чемпионы, нужны призовые места для России. Но спорт сотворяет порой и ужасное. К примеру, ранний уход из жизни Турчинского тому подтверждение. Для народа должна быть массовая спортивная культура под названием физ-куль-тура. Нельзя спорту отводить весь главный красный угол в жизни. Воспитание чувств — удел литературы и музыки. Только соединив силу с развитым чувством, породим гармонически развитую личность.

Первые шажки

К практическому решению увидеть себя в тесном контакте с музыкальным озвучиванием текстов подвигла меня моя мама Феврония Константиновна Бородиновская. Она пела в хоре более двадцати лет. Певица не сильная, просто хористка. Но очень любила ходить и на репетиции, и на выступления. Поющим коллективом при Управлениии внутренних дел тогда руководил Анатолий Иванович Рощин, баянист-самоучка, участник, инвалид Великой Отечественной войны, в полном смысле народный композитор. Он и мама подтолкнули меня к написанию текстов для песен. К сожалению, нотный материал А. Рощина и других самодеятельных композиторов до сих пор лежит в рукописях.

Детским поэтом, как и поэтом-песенником, становится не всякий поэт. Здесь тоже есть свои особенные заморочки. Еще хочу добавить, что хоровое пение, как и всякое пение, улучшает дыхание. А хорошее дыхание — это хорошее кровообращение, в конечном счете — неплохое здоровье. Все солистки и хористки маминого хора жили долго, многие тогда уже имели возраст, значительно превышающий восьмидесятилетнюю отметку. Мама умерла в 1996 году. Ей было почти 93 года.

Со временем увлечение песенным творчеством и привело

меня к созданию музыкального театра. Какое направление он должен иметь? Быть оперой, опереттой? Для создания театра нужна была творческая группа детей и подростков! Нужны специалисты! Нужно финансирование! Нужен репертуар! В Твери не нахожу литературного материала для пьес. Еду в Москву в Министерство культуры. Как тогда, в восьмидесятые годы, было все просто. Общаюсь с министром культуры Ю.М. Соломиным, с репертуарным отделом. Ни пропусков, ни телефонных разрешений! Только дежурный у входа с вопросом: «Вам к кому? Сейчас позвоним, уточним, на месте ли, чтобы вам зря не подниматься».

Репертуарный отдел предлагает познакомиться с текстами.

— Но они же все не для детских постановок! А для детей что есть? — спрашиваю я у Светланы Владимировны Титовой.

— Пожалуйста, для детей!

— Это разве для детей?! — удивляюсь я. — Чушь какая-то.

— Что вы! — удивляется Феликс Алексеевич Монахов, заведующий репертуарным отделом. — Репертуар создавали известные авторы.

— А тема? А язык? — возражаю я. — Авторы сценариев постановок совсем не чувствуют возрастных категорий!

И тогда я сама себе сказала: «Стихи? Пишу. Сказки? Пишу! Песенным жанром владею! Сценарии — создаю! А если все это воссоединить? Получится либретто, музыкальная сказка, целый спектакль. Остается совсем немного: нужен композитор и целый детский театральный коллектив! Но, как показало время, без хореографов-балетмейстеров, музыкантов и... многого другого не обойтись. Создать детский музыкальный театр с нулевой отметки оказалось делом очень трудным. Но тогда я об этом не думала. Не случайно, родившись по гороскопу под знаком Льва и в год Лошади, иду по жизни как зашоренная, не сворачивая с пути. И мое богоугодное начинание складывалось само собой. Часто мои желания становились судьбоносными.

Первые аккорды

Из Карелии в наш город на гастроли приехал Петрозаводский национальный музыкальный театр. Происходит встреча в Калининском драматическом театре с музыкальным руководителем Георгием Петровичем Асламовым. Фамилия вроде восточная, но сам он — вологодский парень. Георгий, оказывается, мечтает, как композитор, написать музыку к

спектаклю, но не имеет подходящего литературного материала.

Кстати…

Впоследствии, когда композиторы Карелии узнали, что я пишу либретто по книге А.К. Толстого «Князь Серебряный», многие хотели приехать ко мне в Калинин, чтобы заполучить тексты. Несомненно, после «Хованщины» и других опер композиторов «Могучей кучки» трудно было решиться на такое. Но мое выступление в Петрозаводске на встрече с композиторами после прочтения вступления к спектаклю, в котором говорится о возвращении князя из Литвы, очень взволновало музыкантов.

Виденье старины глубокой
Лишь только ночь земли коснется,
Лишь заплетет туман узор,
Роса жемчужная проснется
И устремит к Вселенной взор.
Лишь только свет звезды далекой
Сольется с шепотом ключа,
Лишь колокольчик синеокий
Замрет у спящего ручья,
Курган откроется двуглавый,
Вбирая лунные лучи,
Блеснут кольчуга, шлем, забрала,
И богатырские мечи.
Дружина встанет из кургана,
В пустых глазницах блеск очей,
Горят кровавым цветом раны,
Лампад огонь и жар свечей!
Ты слышишь? Реквием былинный?
Ты видишь? Витязь на коне?
Ты — русский князь, краса дружины!
Знамена вражьи на земле.
Заря бледна. И саван белый
Прикрыл задымленный курган.
Дружина где? Где витязь смелый?
Ползет лишь призрачный туман.

Но я не закончила написания этого либретто. Не было еще опыта, не давались отрицательные персонажи. Мои стихи ведь всегда по-детски доброжелательные. К тому же я тогда создавала свой театр. Так и лежит у меня в архиве недописанное либретто к спектаклю «Князь Серебряный». Много чего лежит. Не хватает времени.

Встреча с Георгием Асламовым была началом нашего творческого союза, а для меня еще и началом двадцатилетнего пути работы с детским авторским музыкальным театром, породившим более двадцати спектаклей и целую серию тематических сценариев. Плодом совместного творчества с Асламовым стала новогодняя «Добрая зимняя сказка», позднее им была написана музыка к спектаклю «Медведь и лиса», а также ряд песенных мелодий.

Для работы над спектаклем мне была предоставлена месячная командировка от Союза писателей СССР в Карелию. И вот я живу в гостинице города Петрозаводска, совместно с композитором пишем спектакль для национального музыкального театра Карелии. Асламов как концертмейстер днем на репетициях, вечером на спектакле. Ночью занят сочинительством музыки к «Доброй зимней сказке». Хоры, балетные сцены озвучивают солисты. Хореографические сцены осваивают, создают танцоры театрального балета. Напряженная обоюдная трудная творческая работа.

Приятные воспоминания

В Петрозаводске много музыкальных учреждений. В Союзе композиторов Карелии сорок членов. Поэтому меня не удивил интерес к моему творчеству. В ту поездку посчастливилось увидеть рождение спектакля карело-финского эпоса «Калевала». А в 2006 году, 26 февраля, в ОДК «Пролетарка» по приглашению постановщика — режиссера театра Карелии Сергея Пронина и директора дворца Ивана Ивановича Гультяева в связи с празднованием 170-летия эпоса я присутствовала на спектакле «Творение мира» Государственного национального театра Карелии. Удивительно сильная постановка, прекрасная режиссура, изумительные световые эффекты и мощная энергетическая игра актеров. От всего увиденного и услышанного у меня даже начались перебои в сердце. Пришлось прибегнуть к корвалолу. Вот он, народ Севера, сильный, твердый, жесткий, эмоциональный. Карелы, живущие на тверской земле, генетически унаследовали характеры своих предков.

После спектакля Сергей Пронин подарил небольшую книжку своих стихов вместе с диском, так что я смогла не только ознакомиться с поэзией поэта, музыканта и актера, но и послушать живой голос исполнителя своих произведений под гитару.

Счастливые мгновения жизни

К концу месячного пребывания на петрозаводской земле состоялась незабываемая встреча с артистами музыкального театра. Проходила она в Доме творчества после вечернего спектакля. Под аккомпанемент композитора исполнялись выученные партии. Певцы пели, я записывала на простенький мономагнитофон «Электроника». Эти записи еще и сейчас сохранились. Как здорово! Практичная, энергичная работа проходила без винопития, процветающего ныне при всяком, даже мелком, литературном и нелитературном событии. Встреча закончилась поздно ночью. Меня провожали до гостиницы всей актерской труппой. На тротуаре лежал только что выпавший первый снег. По белому тонкому покрывалу вытанцовывали ноги солистов и солисток балета музыкального театра Карелии. Это можно представить, но не прочувствовать всей прелести той балетно-музыкальной ночи: видеть рисунок на белоснежной дорожке, созданный музыкальными людьми этого замечательного города, где музыкальная жизнь, словно большой фонтан, огромным веером бьется днем и ночью, рождая новые эмоции. А потому помнится так ярко эта встреча! И пишется о ней легко и радостно.

У медали две стороны

Поездка в Карелию вдохновила меня и к написанию познавательных сказок о бумаге и спичках. Дело в том, что при преподавании органической химии в школе мы много говорим о целлюлозе, о том, что делают из нее. Поэтому в один из дней я не упустила возможности съездить в Кондопогу, где производят бумагу. Кондопожскую бумагу использовали почти все издательства Советского Союза, не говоря о газетах и журналах. В Петрозаводске глубокая предзимняя осень. В Кондопоге — уже снежная, холодная, ветреная зима. От комбината приятно пахло Новым годом. Там перерабатывают еловую древесину. Главный инженер показал мне импортную бумагоделательную машину. В один конец машины длиной в двести метров влетают ошкуренные бревнышки, с другого конца на широкий рулон наматывается бумага. За одну маленькую минуту почти целый километр! А на

стенке машины информацию выдают только огоньки, огоньки. Процесс изготовления бумаги не виден!

— А вы мне покажите, — прошу инженера, — старую отечественную маму-машину!

Показали. Здесь все на виду, все понятно. О чем в сказке «Рассказ бумаги» в книге под названием «Моя книга-3» на странице 187 я и рассказала в сказочно-документальном изложении, как делается бумага.

Судьба же написанного спектакля «Добрая зимняя сказка» оказалась печальной. Шел 1985 год. В Карелии раньше, чем у нас в Центральной России, началась перестройка. Заменялось руководство, предпочтение отдавали людям карельской национальности. В музыкальном театре возник бунт. Из негласных источников знаю, что примерно двадцать пять танцоров уволилось и уехало работать в другие города. Не случайно говорят, что у каждой медали есть оборотная сторона, как и во всяком деле есть плюсы и минусы. Главным плюсом для меня было написание первого совместного музыкального спектакля, положившего начало возникновению моего театра. Половина дела сделана. Теперь нужен был постановочный коллектив.

Первенец

Идею постановки спектакля поддержали директор Дворца культуры «Химволокно» Александр Васильевич Буслов, Наталья Викторовна Сысоева, замечательный руководитель певческого ансамбля, Анатолий Горшков, музыкант-аккордеонист, ныне покойный, руководитель инструментального оркестра, а также другие руководители коллективов дворца. Первой солисткой в роли вороны Карлуши Карлухановны была Оля Рожкова. Много потом было ворон, но такой?! Просто чудо-ворона! Что поступь! Что поворот головы! Движение рук-крыльев! Это невозможно передать через бумажную печать. Роль Лиса-маркиза играл Стас Агафонов. Не просто играл, но и танцевал. Его озвучил Володя Филиппов, в будущем Владимир Васильевич Филиппов — директор ДК «Химволокно» на площади Гагарина. Лис-маркиз, он же Гоша, Жора, под угрозой отказа от участия заставил Анатолия Горшкова переписать музыку под себя. Среди молодежи уже тогда утверждались рэп и брейк-стэп. Роль Морозика, внука Деда Мороза, играл Гоша Вакулин в шикарном живом исполнении. Георгий ныне — профессиональный солист.

Между прочим…

Георгий Вакулин потом озвучивал роль Трубадура, которого играл Владимир Есаков — со слабоватым голосом, но хорошими актерскими данными, выпускник музыкально-педагогического училища. Роль принцессы в спектакле неплохо исполняла и пела без фонограммы Светлана Михайлова, прекрасная виолончелистка. А насчет подстав надо сказать, что их никто и не заметил — настолько все было крепко сколочено.

Я понимала (и практика это подтвердила), что слепленный коллектив недолговечен и обречен на гибель, так как каждая ячейка имеет своего руководителя-лидера (здесь каждый генерал). Особенно это касается давно существующих коллективов. А театр — это единое составное целое. И действительно, после многочисленных новогодних представлений для города, на которые приезжал композитор Георгий Асламов, коллектив рассыпался на звенья. Всем руководителям вдруг захотелось иметь свой театр. Прошло двадцать лет, но в ДК «Химволокно» до сих пор нет театрального коллектива.

После «Доброй зимней сказки» я окончательно сделала для себя вывод: нельзя пользоваться готовыми поющими, танцующими группами. Это пригодно только для концертов. Надо создавать свой театр, и с нуля. Сейчас, когда накоплен большой опыт в решении этого вопроса, смотришь на себя в глубь времени, и становится страшно. И опять задаешь себе вопрос: с чего бы я начала сейчас, когда поменялись и люди, и ценности?

Глава 19. СОЗДАНИЕ СВОЕГО ТЕАТРА

«Сила театра в том, что он — коллективный художник»
К.С. Станиславский

Свое желание создать в Калинине детский музыкальный театр я высказывала принародно в писательской организации. В ответ — снисходительные улыбочки. Никто, видимо, не верил в мою затею. Действительно, затея оказалась очень трудоемкой. Если бы мне тогда помогли, я смогла бы создать в Твери большой профессиональный детский музыкальный театр. Сейчас, вспоминая путь, по которому прошла, мне становится страшно, и я себя спрашиваю:

— Как только я смогла это сделать? Не только создать театр, выступления которого помнят многие уже немолодые мамы и очень старые бабушки! А создать авторский музыкальный с его собственным репертуаром, обогатить российский репертуар. Получить за «Тайну голубого источника» первое место в стране среди профессиональных драматургов и композиторов. Сотворить с детьми и композиторами более двадцати спектаклей, не считая многочисленных концертных праздничных сценариев? Получить звания: «Народный», «Образцовый коллектив» после постановки спектакля «Юный Моцарт» — единственный школьный коллектив в области с таким званием!

Тогда, в теперь уже далекие 1986-1987 годы, желание создать театр обуревало мною. Я мечтала и работала. Движение в искусстве начинается с мечты. Упертый характер — гены латышские. Хотя всю жизнь придерживаюсь судьбоносности, не форсируя возможностей. Однажды на открытом партийно-писательском собрании, на котором присутствовал Сергей Леонтьевич Киселев, при разговоре о творческом воспитании младшего поколения, я заявила о своем желании. Снова ухмылочки собратьев по перу. «Утописты, надомники», — подумала тогда. Только серьезный вопрос со стороны партийного руководителя города погасил усмешки:

— А где вы думаете разместить театр? — спросил Киселев.

Я, будучи тогда секретарем писательской партийной организации, относя партийные взносы во вновь отстроенное под райком здание, не задумываясь, ответила:

— В новом помещении райкома Центрального района на площади Славы, что супротив Музея имени Л. Чайкиной. Здание с его планировкой словно под театр выстроено: парадный вход, налево и направо раздевалки. И небольшой, но уютный зал. Вдоль коридора расположены комнаты. Как раз подходят для костюмерных. Вот только сцена маловата, но ее можно чуть выдвинуть вперед и чуть удлинить заднюю стенку.

— Надо подумать! — был ответ Сергея Леонтьевича.

Через какое-то время мы снова говорили с ним на эту тему. Но сил у города, как видно, для нового проекта в плане не было! Точнее, указаний сверху. Тогда я и предложила передать помещение хотя бы под Детскую музыкальную школу №1, с коллективом которой уже начала работать. В то время я не просто абстрактно мечтала о театре. Я писала либретто для нового спектакля, подключив к своей работе преподавателя музпедучилища, члена Союза композиторов СССР Юрия Петровича Штуко. В то время училище еще не было изгнано Тверьуниверсалбанком с улицы Володарского в спальный микрорайон города «Южный». Новый спектакль назвала «Супер-купер, прим-грим».

Рассказано по случаю…

О музыкальной школе хотела бы рассказать отдельно. Школа искусств уже стала колыбелькой для моего авторского театра. Руководство этой школы находилось на Трехсвятской улице — там, где сейчас расположено городское управление образования. Классы для занятий разбросаны по всему городу, порой ютясь в малоприспособленных помещениях. Записывая первую музыкальную часть к новому спектаклю «Концерт на лесной поляне» на тот же мономагнитофон «Электроника», я была близка к проблемам этого детского учреждения. И сейчас не могу не вспомнить замечательных педагогов — двух музыкальных Татьян: Санькову с отчеством Викторовна и Дьяченко с отчеством Александровна, а также одного из солистов — мальчика по имени Сережа Воронов, ныне ставшего известным на всю страну пианистом. Голос Сережи записан и сохранился на магнитофонной ленте. Старые ленты аудиокассет, даже ранее использованные (а это были 1986-1987 гг.), были прочными и долго сохраняют запись. Только вот с перепиской с них — проблема.

Политические же события в стране стремительно развивались. По указанию Горбачева передавали здания райкомов детским учреждениям. Старейший журналист Аркадий Ростков

как-то с улыбочкой спросил:

— А вы что, с генсеком телефонным проводочком были связаны?

На что я ответила:

— Просто чувствую время, ощущаю необходимость жизненных перестроек в обществе.

К этому времени и первый секретарь райкома партии Центрального района Брагин заявил, что отказывается от большой зарплаты и желает передать здание райкома музыкальной школе №1, где, кстати, работала его супруга. Регина Николаевна Блинова, замечательная женщина, прекрасный давний директор музыкальной школы, позднее, не зная о всех перипетиях, удивлялась: «А я думаю, откуда на нас небесная манна свалилась?»

И загремел оркестр стозвонный!

Несмотря на трудности, я не отказывалась от идеи создания театра и делала все возможное и невозможное для этого. Заходила в школы, разговаривала с учителями, с ребятами. Особенно активными оказались шестиклассники школы №27, что на улице Орджоникидзе недалеко от торгового центра. Впоследствии большая группа этих ребят так и росла с шестого по одиннадцатый классы вместе с трудностями и успехами театра. Секрет сохранения первого состава актеров в том, что они вместе учились, рядом жили, а местом обитания стал прекрасный Дворец культуры профсоюзов.

Рассказано по случаю…

Идею по созданию своего детского театрального коллектива приветствовала директор Дворца (тогда еще народного дома творчества) Людмила Петровна Петухова, по мужу Коклюшкина. Вместе с Максимом Коклюшкиным они учились в вечерней школе №5 при комбинате «Искож», где я преподавала химию. Их сын Павел короткое время был режиссером у меня в театре, затем работал на разных постах. В последние годы — в областном комитете по делам культуры. Сейчас он директор училища культуры имени Н.А. Львова.

Во Дворце культуры профсоюзов года два мы не имели самостоятельного помещения для занятий, как говорят, своего угла. Поэтому я часто ходила по дворцу с кипой бумаг в руках —

с текстами сценария. Спектакль «Супер-купер, прим-грим» был мной написан совместно с композитором Юрием Штуко. Об оплате нашего авторства разговора не заходило. При занятости Юрия Петровича я буквально теребила его. Он проигрывал фрагменты фрагменты спектакля на фортепиано, я записывала звучание музыки будущих арий, дуэтов, хоровых произведений на магнитофон. С музыкантами занимались разучиванием партий. Многих вокалистов мы еще не вырастили. Поэтому, к примеру, арию Яги озвучила солистка филармонии Люсия Максимовна Петровская, впоследствии наш друг и соратник на многие годы. Арию Лешего также пел ныне покойный солист филармонии Александр Годун. До сих пор они звучат в записях на кассете. Чтобы записать их голоса, мне приходилось приглашать их в ДК профтехобразования, который тогда располагался на набережной Афанасия Никитина, рядом с его памятником, там, где сейчас находится часть Художественного училища имени А.Г. Венецианова, которым руководит замечательная Наталья Георгиевна Сиротина.

А вот с записью арии Гусеницы было намного труднее, особенно припева. На «голос» была приглашена Ганга Баталова. Приходилось это делать рано утром, пока не проснулся ее цыганский темперамент, иначе в танце гусенички не успевали, согласно пению, превратиться в клубок вокруг своей главной гусеницы, которую танцевала Елена Ахметова! Как она красива была в танце!

Во дворце, кроме нас, было много других коллективов, но детских два — наш театр и цыганский, им руководила Людмила Коклюшкина. Поэтому — не специально, а подсознательно — тормозила процветание нашего театра, стараясь показать свой коллектив, не пропагандируя наш. Реклама была слаба. Кабы не мои усилия… Вот сейчас бы с моим опытом и волей к победе!

В свой театр я принимала всех желающих, придерживаясь теории: все дети, если не больны, талантливы. Мы не отказывались ни от какой помощи в пошиве костюмов, изготовления масок, реквизита. А помощь эта была неоценима. Об этом можно долго говорить и писать.

После двух лет скитаний по коридорам нам наконец выделили комнату за сценой. Но размещаться в ней было очень сложно. Коллектив состоял почти из ста участников. К нам приходили дети, мы брали всех. Обучение было бесплатным, выступления, между прочим, на протяжении двадцати лет были тоже бесплатными. Этого я придерживалась до последней минуты руководства театром, что давало возможность всем детям заниматься театральным искусством. В то же время создавало и

большие трудности. Нередко сквозняк детского легкомыслия, или родителям надоедало водить младших на репетиции, выносил из коллектива ребят, на которых было потрачено много сил. Но все равно основной костяк у нас был крепким. За двадцать лет работы театра сменилось только пять составов. Ребята просто вырастали и шли учиться дальше. Их уход был болезненным и для них, и для меня. Многие после окончания школы продолжали участвовать в театральных постановках, и даже перемещение театра в другие районы города не становилось для них препятствием. Тем самым сохранялся спектакль, концертная программа, но особенно рисунок групповых танцев-разминок, танцев для театральных шоу.

Наличие большого количества актеров, чтобы каждый ребенок чувствовал свою нужность в коллективе, побуждало меня при написании спектаклей создавать большое число ролей и массовых сцен. Позднее, когда заходил вопрос о постановке моих спектаклей профессиональными театрами, то они оказывались неподъемными, где в основном играют 5-6 актеров. Решая вопрос о занятости детей в театральных действиях, мне приходилось часто ставить в год не один, а два спектакля, создавать несколько сценариев для концертных программ и еще создать литературный театр. Так возник детский творческий центр, в состав которого позднее вошло и детское литобъединение «Курочка Ряба». Параллельно со спектаклями проходили литературные вечера с театрализацией, с использованием музыкальных, танцевальных и певческих фрагментов. В дальнейшем это привело к созданию мюзиклов. А однажды я стала «матерью» и второго театра — «подкидыша» — «Тверских колокольчиков».

Рассказ по случаю…

Звенят «Тверские колокольчики»

История этого малого театра такова. Ко мне обратилась Екатерина Нечаева, живущая в микрорайоне «Южный». Работая музыкальным руководителем, она создавала группу поющих детей из детсадовских в возрасте 6-7-8 лет. Коллектив состоял из девяти человек, но не было репертуара. Тексты песен были мной написаны, положены на музыку руководительницей. Затем зашел разговор о выступлении коллектива. Потребовалась сценическая одежда. Я опять помогла. Архитектурное объединение «Тверьархпроект» выделило средства, на которые мной были заказаны в детском ателье костюмы, в областной типографии — пригласительные билеты и афиши.

И вдруг Е. Нечаева заявляет, что по семейным обстоятельствам отстраняется от работы с коллективом. У меня

до сих пор не укладывается в сознании: как можно создать коллектив и его бросить? Да на того, кто помогал? А обязательства перед архитекторами? Шьются костюмы для выступлений, я хожу с ребятами на примерки в ателье. При содействии главного благотворительного руководителя Валерия Ованесовича Тарасьянца в клубе «Октябрь», что у вокзала, коллектив Миши Саламова пишет фонограммы девяти песен. Мне отступать было некуда. Да и не могла я бросить детей с их родителями на полпути. И я забираю театр из квартиры Нечаевой к себе во Дворец культуры профсоюзов, нахожу полставки для молодого хореографа Светланы Жуковой и довожу малый театр до съемок на телевидении. Девять «шпонок», как я их называла, в возрасте 6-8 лет, доказывают мою теорию: ребенок может все сразу — петь, танцевать и играть. И зазвенели «Тверские колокольчики». Так два театра легли на мои плечи. Только у меня началось истощение нервной системы.

Иметь на руках два театра, а сбоку работающую на себя, по своей программе, хореографа Ахметову и приходящих на время полустаночников — музыкантов и режиссеров? Вот такова обратная сторона моего известного театра. Пишу и удивляюсь: как я могла при такой нагрузке еще и спектакли писать? И выезжать на гастроли? Воистину, «зашоренная лошадка».

Чтобы детский коллектив был прочным, надо самому гореть, зажигать примером. А еще я обращала внимание на то, где ребенок проживает. Особенно это важно в наше время. Детский центр должен базироваться рядом с жильем. К примеру, Дворец творчества детей и молодежи. Обучение в кружках вроде бесплатное. Но все ли дети могут сами туда приезжать? Нужны свободные мамы и бабушки. А занятость в учебе? А темное время суток? И проезд нынче дорог. Да и костюмы для артиста родители должны сшить или заказать. Это не всем по карману, особенно для малоимущих семей. Вот вам и бесплатное эстетическое воспитание! Выходит, что опять же не для всех. А где остальные ребята в свободное время? Бегают вокруг домов? Хорошо, что появились игровые площадки. Но на них в основном мамы с малышами. В школах есть кружки, но они, как правило, платные и больше для физического развития: гимнастика, боевые искусства. В городе почти не стало школьных театров, а так себе — временные группировочки. Если поют, то хором и по программе. Это не всегда детям интересно. Нет литературных детских объединений, нет конкурса чтецов, певцов. На фестивалях детского творчества — одни танцы! Это хорошо, но для ребенка этого недостаточно. Мы говорим много, а на самом

деле делаем мало. Что погубило мой театр в конце жизни второго десятилетия? Сократили, считай, убрали, часы дополнительного образования. Такое впечатление, что и общество, и государство против эстетического развития общей массы ребят! Несколько лет я работала одна на четверть ставки учителя высшей категории. А какой музыкальный театр может работать без музыканта и хореографа? Хороших хореографов по театральной пластике, кстати, мало, да и те разбежались по платным кружкам. Я не могла бросить коллектив, пока пятый состав не вырос и не пошел учиться дальше.

А Москва все шлет и шлет нам приглашения для участия в российских фестивалях, где наш театр, трижды выезжая, становился лауреатом в номинации «Экология. Творчество. Дети».

История суперов и куперов

Первый спектакль, поставленный во Дворце культуры профсоюзов, был назван «Супер-купер, прим-грим». Тема: экология, вежливость, честность. Почему так был назван спектакль? Откуда пришло название? Как оно повлияло на что-то?

Закончив пединститут, факультет естествознания, более тридцати лет назад, будучи школьным преподавателем химии, я имела дело с разными химическими названиями, такими как удобрение — суперфосфат. Есть и двойной суперфосфат, то есть с повышенным содержанием фосфора, сверх-супер! Мой персонаж — Екатерина Травница, превращенная в старуху-Лесовуху, болотную старуху, хочет стать Ягой и, конечно, сверх-Ягой, супер-Ягой, самой первой в своем болотном лесничестве. Слово «супер» хорошо рифмуется со словом «купер». А где премьера, там и слово «прим», а где «прим», там в театре и «грим». Вот так и возникло название спектакля «Супер-купер, прим-грим». Леший так и кричит Лесовухе: «Супер ты, купер!» Спектакль ставился в 1987-1988 гг. К нам на выступления со своими программами во дворец приезжали московские артисты. За чаем я как-то спросила:

— Как лучше назвать нам театр? У него до сих пор нет имени.

— Вот и назовите «Супер-купер», — посоветовали гости, — или «Прим-грим».

Мы часто выступали по Тверскому радио. О театре я рассказывала в московских издательствах, где с 1975 года стали

издаваться мои книги тиражами в 300-600 тысяч экземпляров. Никаких супермаркетов не было и в помине. А потом, после передачи по Всесоюзному радио, где звучали мои стихи и вечерние сказки для детей в исполнении известных чтецов Николая Литвинова, Зинаиды Бокаревой, я как-то услышала сочетание слов «супер-пупер». Значит, или не расслышали, или для прикола заменили слово «купер» на слово «пупер». А потом эти «суперы» в названиях пошли по стране лавиной. Напрашивается вопрос: кто прародитель? Или это время, рождающее одновременно мысли разных людей?

Создатели-ваятели

Для оформления ситцевого леса в спектакле «Супер-купер» использовались ткани. Рулоны разных ситцев и мягкой байки притащил во дворец актер, поэт и певец Василий Нестерович Макашов, игравший на всех городских праздниках роль Афанасия Никитина. В театре он был оформлен на маленькую часть зарплаты. Ткань нам выделил бесплатно хлопчатобумажный комбинат «Пролетарка». Позднее при активной помощи Макашова были приобретены и огромные пенопластовые пластины для оформления спектакля «Сорочий РКЦентр».

Должностей, как и в любом театре, много, а средств, заложенных в бюджет дворца, катастрофически не хватало. Музыкальный театр имел свой хореографический коллектив, численность которого доходила до семидесяти человек, которым руководила Елена Ивановна Ахметова. Помогал ей прекрасный хореограф, красивый мужчина, ее муж Тахир Фазилович Ахметов. Елена, бывшая гимнастка, прекрасно владея телом, будучи ведущей в танце, через пластику передала литературный незабываемый образ персонажа спектакля — танец Гусеницы, затем образ Феи в спектакле «Прекрасная принцесса и ее друзья».

В озвучивании многих массовых сцен участвовал хор под руководством Татьяны Константиновны Гаккаевой — отличного музыканта, организатора и руководителя, человека трудной судьбы. Не случайно говорят: «Каков характер, такова и судьба». До сих пор в записях двухголосьем замечательно звучат «Хор зайцев», «Весенний сонет», которые мы записывали на студии Михаила Саламова. Кстати, там же, в это же время, приезжали на запись певцы Алла Пугачева и Филипп Киркоров. И пусть я повторюсь еще раз: когда возник у меня младший театр «Тверские колокольчики», как сейчас говорят, при спонсорской помощи

архитекторов, в студии «Салам» были записаны и девять моих детских песен. Сохранились записи аудио и видео по Тверскому радио и телевидению. А в душе не гаснет благодарственный огонь признательности Валерию Тарасьянцу, Мише Саламову и Валерию Демьянову, музыкальному другу нашего театра еще и по Дворцу культуры профсоюзов.

Театральными режиссерами в театре поработали Павел Максимович Коклюшкин, Ислам Закирович Бачеев, преподаватель училища культуры, с режиссурой которого я часто была не согласна. Последние годы, работая совершенно одна с театром, я освоила и эту профессию, за что получила ряд дипломов и званий лауреата. Мне как автору было понятнее построение структуры спектакля. Об этом можно судить по видеозаписям выступлений, сделанных в разное время и разными актерскими составами.

Позднее к нам присоединился подростковый вокально-инструментальный эстрадный оркестр «Эврика». Он перешел к нам из ДК, что на Силикатке, вместе с руководителем Борисом Всеволодовичем Стратонитским, солистами — дочерью Яной и Кариной Полянской, родственницей друга. Яна ныне певица и композитор, работает в Москве. Будучи подростком, объехала чуть ли не всю Европу в составе московской певческой группы. В возрасте девяти лет не только хорошо пела, но и чудесно танцевала и сочиняла стихи. Один только танец в спектакле «Хрюкен-ролл» принимался не раз на ура! Сын Стратонитского, еще будучи мальчиком, освоил многие музыкальные инструменты. По вечерам Борис Всеволодович играл в оркестре ресторана. Но основной его работой оставалась преподавательская в индустриальном техникуме. Где он и поныне трудится. На зарплату от культуры и учительства не проживешь.

Я не могу не вспомнить художников, что помогали театру: Олега Полякова, его супругу Ларису, дворцовую художницу Инну Бодалеву, работающую сейчас в издательстве. Кроме того, театру помогали прекрасный художник по свету Сергей Колтушкин, звукооператор Виктор Разумовский, работник сцены Юрий Сергеевич Щербаков, радисты.

Между прочим…

Имея столько руководителей, без которых не может существовать музыкальный театр, я в течение пяти лет не оформляла себя в отделе кадров, работала без оплаты труда. Отсутствие штампа в трудовой книжке — тому подтверждение. Но существует справочка, заверенная главным бухгалтером ДК профсоюзов Натальей Александровной Шарковой, которая гласит, что в течение срока «с 1987 по 1991 гг., создала детский

творческий центр и театр, выпустила спектакли: «Супер-купер», «Сорочий РКЦентр», «Шоколадная страна», «Хрюкен-ролл», «Черная лилия» — студийная работа, «Я — прохожий», работала без зарплаты. В 1991 году детскому театру присвоено звание «Народный коллектив».

Рассказано по случаю…

Прохожие кукольники

Особое место в записях я хочу отвести Алексею Перфильеву, что оформлял спектакль по Правилам дорожного движения. В цокольном помещении дворца художник выпиливал, разрисовывал машины, трамваи, дорожные знаки и прочую атрибутику для постановки «Я — прохожий». Возникновение этого спектакля было неожиданным. Ко мне обратились двое: муж и жена — Людмила Петровна Кривцова и Павел Георгиевич Ранцев. Приехали они откуда-то, как говорили, «гонимые». У них были большие ростовые куклы. Ориентируясь на эти куклы, я и написала спектакль. Семья приезжих показалась мне непонятной. Не имея жилья, Павел оформился на должность вахтера в одном из общежитий поселка Химинститута. Получил там комнату. Людмила работала в баре возле полиграфкомбината детской литературы. Я тогда еще жила с дочками в микрорайоне «Чайка». Людмила и Павел часто бывали у нас в гостях, любили плотно и поздно засиживаться, да так прочно, что приходилось на такси не раз отправлять их домой на ночевку, что было для моего учительского кошелька накладно.

Расставание, как и встреча, с этими «кукольниками» оказалось тоже странной. Заполучив на время книги, подаренные мне в городе-побратиме Бергамо (во время моей поездки на Международный фестиваль детских театров), Людмила, не вернув их, исчезла. Чуть овладев итальянским языком, она уехала в Италию, оставив мужа. Павел при случайной встрече в транспорте поведал мне об этом. Но вскоре и сам покинул город, став жителем Латвии. Больших же кукол, что сыграли роль в написании музыкального спектакля по Правилам дорожного движения, только один раз я и видела. А теперь и сомневаюсь: были ли эти куклы достоянием моих знакомых? И откуда взялись эти куклы и эти люди? Так и неизвестно. Вместо кукол спектакль играли дети младшего состава. Помогал нам советом актер Театра кукол Леонид Николаевич Тепляков. Голос его и поныне звучит над обширным рынком в центре города Твери, рекламируя товары. Вот ведь как все оборачивается?

А спектакль получился замечательным. По сцене носились машины, обезьян Дим, Львенок с голубым яйцом, двигались

дорожные знаки. Театр набирал силу. Овладевали мастерством дети и их руководители — взрослые. Одна лишь печаль остались от того времени и вопрос: почему из жизни рано ушли замечательные люди Василий Макашов, Алексей Перфильев, Ислам Бачеев?

Через некоторое время нас переселили из комнаты, что была за сценой, на третий этаж, где ранее размещался фотоклуб во главе с Владимиром Николаевичем Крыловым. Благодаря Владимиру Николаевичу многие сцены наших спектаклей сохранились для истории и помещены в большие красочно оформленные альбомы. Они были созданы при участии Светланы Журавлевой. А переселили нас потому, что неутомимая Людмила Петровна Коклюшкина, будучи уже директором ДК профсоюзов, решила на месте нашего размещения создать сауну. Кстати, сауна не была введена в эксплуатацию по причине несовместимости очага культуры с банным хозяйством.

Новое помещение оказалось более удобным, если не считать отдаленности от дворцовой сцены, что несколько мешало во время спектакля. Ребятам приходилось со скоростью света пролетать три этажа, да еще в обход, если что-то забыли. Но мы приспособились. Переносили все в закулисье и там устраивали костюмерную на время представления.

В нашей большой комнате была маленькая, но сцена, а еще пианино! Здесь проходили репетиции, разводка актеров по перемещению во время спектакля, здесь распевались солисты, осваивались элементы танцев, театральной пластики. Но главное — у нас было все свое. Наша отдаленность не мешала другим коллективам. А ведь мы — горлопаны!

Здесь вели беседы, пили чай, учили роли, а иногда и уроки. Это был детский театральный клуб, время работы которого не ограничивал никто. И руководитель центра — свой «в доску». Словно у нее и семьи нет, и детей. Здесь рождалось много творческого. Ребята-музыканты записывали голоса солистов, работая на аппаратуре допоздна. И я, забывая о семье, превращалась незаметно в мать всех детей и подростков. Моя жизнь стала неотделима от жизни театра.

К слову…

Сейчас, оценивая свои действия, я считаю, что создавала хорошую модель работы с подростками, занимаясь эстетическим их воспитанием. Исподволь, без дидактики и учительского планирования, исходя из побуждений, которые просыпались в самих ребятах.

Хочется перечислить имена моих актеров, но боюсь: вдруг кого не упомяну? Евгений Невзоров, Яна Пичка, Ольга Свентицкая, Тимофей Васильев, Татьяна Симонова, Аня Ветрова, Алексей Саранин, Аня Синило, Юля Зибольд, Елена Львовская, Елена Можайко.

«Супер-купер, прим-грим»

«Калининская правда», 06.05.1989 г.

В канун Первомая на большой сцене Калининского дворца культуры профсоюзов состоялась премьера музыкального спектакля-шоу «Супер-купер, прим-грим». Первыми зрителями были дети Эммаусской школы-интерната и Некрасовского детского дома Калининского района. Спектакль создан силами детей, творческих работников города и Дворца культуры профсоюзов. Либретто калининской писательницы Гайды Лагздынь, музыка калининского композитора Юрия Штуко. Исполнители — дети и подростки. Самодеятельный театр для детей и юношества начал свой путь. Участники спектакля приглашают всех, кто неравнодушен к их творчеству, побывать на спектаклях, которые пройдут во Дворце культуры профсоюзов 8, 9, 14, 21, 28 мая.

Первые исполнители в спектакле «Супер-купер, прим-грим»: Анна Синило, Николай Кокорев, Алеша Рассудин, Юрий Дзитовецкий, Яна Пичка, Татьяна Даньшина, Юля Зибольд, Ольга Павлова, Оля Свентицкая, Аня Чикунова, Наташа Тепкова, Ольга Новичкова, Елена Львовская, Ольга Колесникова, Елена Можайко, Наташа Вагжанова, Сергей Митрофанов, Сергей Перьян, танцевальный коллектив «Светлячок», ансамбли младших и старших классов музыкальной школы №1 им. Мусоргского, руководитель — педагог Т. Санькова, концертмейстер Т. Дьяченкова.

Актерский состав расширялся, в него влились новые студийцы: Наташа Ворошилова, Маша Силаева, Денис Медведев, Тимофей Васильев, Костя Зиньковский, Евгений Невзоров, Наташа Гусакова, Алексей Анисимов, Ксения Андриянова, Аня Сорокина, Света и Ирина Прокопченко, Наташа Логунова, Ксения Боева, Юля Виноградова, Аня Вовченко, Юля Головченко, Вадим Русаков, Светлана Ботина, Татьяна Живова, Юля Винокурова, Катя Тарасова, Алексей Титов, Юля Титова, Максим Бодров, Аня Соболева, Таня Сивова, Тая Шапкина, Марина Лебедева, Полина Ковлер, Наташа Колесникова, Рита Мусиенко, Юля Егорова, Света Давинова, Алина Кочерова, Ирина Аверьянова, Таня Шапкина,

Сережа Федоров, Алла Данилкина, Гоша Вакулин, Владимир Есаков, Карина Полянская, Ульяна Стратонитская, Роман Львов, Татьяна Симонова, Сергей Степачев, Аня Ветрова, Саша Сущенко, Алексей Саранин, Евгений Барекян и другие.

Небольшая приписочка…

Перечисленные имена актеров размещены в рукописи не по годам участия в работе театра, когда он был в ДК профсоюзов, а по памяти. Возможно, кого-то я не упомянула, а кого-то буду вспоминать по ходу повествования.

Рассказано по случаю…

Шайка и голик

Болею я простудными болезнями нечасто, а тут, как на грех, возвращаюсь из дворца домой, чувствую, что заболеваю. Проходя мимо помойки, вижу: валяется старый самовар с чуть погнутым боком, но с конфоркой и даже краном.

— О! — говорю я. — Как раз для чаепития Бабы Яги с Лешим в спектакле «Супер-купер, прим-грим».

Но самовар большой и тяжелый. А у меня температура. Спрячу-ка я его в кустах! Так и сделала. Доплелась до дома, а сама думаю: «Возьмут ведь самовар на металл или дворники в контейнер бросят». Вызываю такси, сажусь, подъезжаю к заветному кусту. Самовар на месте. Забираю, везу во дворец. А водитель и говорит:

— Из-за этого барахла такси вызывали? Я вам самовар подарю. Хороший еще, только угольный.

Ну как объяснить человеку, что не нужен мне ни блестящий, ни кипящий! Оставила я самовар в раздевалке под скамейкой. Когда пришла через несколько дней во дворец, обнаружила, что конфорку кто-то украл.

А еще для спектакля мне нужен был таз. Зашла я во двор центральной городской бани, что на Советской улице. Знаю, что во дворе должны валяться старые тазы. Нашла похуже, поржавеестее, с дыркой, да еще и голик прихватила. Мужики увидели, говорят:

— Слышь, тетка, мы сейчас тебе получше тазик найдем.

Ну как объяснить людям, что не нужен мне блестящий оцинкованный! Я и сама могу такой в хозяйственном магазине купить! Но самое интересное происходило, когда я села в трамвай. Они тогда еще по Советской ходили. Люди с недоумением смотрели на прилично одетую женщину, которая явно ехала из бани. Остановка-то напротив моющего заведения. Но почему у нее такой таз и совершенно голый веник? И куда она

его везет? Видимо, домой. Но никто ничего не спросил и ничего взамен не предлагал. Возможно, кто и догадался, когда я выходила возле Дома союзов, за которым был Дворец культуры профсоюзов.

Театральные будни

Творческая работа с детьми была интересной и увлекательной. При постановке спектакля «Шоколадная страна» припоминаю такой случай. В роли маленького непослушного медвежонка была Наташа Гусакова, девочка действительно маленькая, кругленькая, певучая. При прохождении сцены, когда Наташе надо было петь призывную песенку «Эй ты, тропочка-дорога! Где ты, теплая берлога? Не хочу я шоколада, мне скорее к маме надо» и т.д. Но длины песни не хватало для прохождения по большой сцене дворца и другим режиссерским переходам, так мы с ней ушли в уголок зала, я тут же досочинила еще один куплет, а она его тут же заучила. Так нам хорошо работалось, что память сохранила этот маленький эпизод, хотя их было по нескольку на каждой репетиции. Помнится и напряженный случай во время представления. Шел спектакль «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу». Роль Ваньки в том спектакле играл Евгений Невзоров. Обычно он играл роль Шишка. У нас актеры знали все роли и легко подменяли друг друга. Отсутствие кого-либо не было проблемой. Один и тот же актер мог, быстро переодевшись, играть в одном спектакле не одну роль. За музыкальной аппаратурой в качества радиста сидела на этом спектакле всегда я, так как он шел два часа пятнадцать минут и полностью на музыкальном фоне. Музыкальное сопровождение монтировала тоже я, а потому ни один сидящий за пультом не мог сориентироваться, когда что включать, а тем более микшировать звучание. Сложность была еще в том, что исполнители могли где-то замешкаться, и тогда пойдет смешение игрового материала с музыкальным. Магнитофон у нас катушечный «Олимп», здоровый ящик с двумя бобинами, а магнитные ленты с раккордами. Одна катушка плохо закреплялась. И вот во время спектакля эта самая плохо закрепленная катушка слетает со своего штырька и летит прямо мне на грудь. Хорошо, что не на пол и не покатилась в зрительный зал. Тогда спектакль пришлось бы приостановить. А в тот момент действие должны были сопровождать громовой удар, темнота и искры от стробоскопа. Причем таких ударов должно

быть три, но каждый отличается по количеству взрывов. И вот мой актер Евгений Невзоров, как он рассказывал, смотрит на меня, сидящую под сценой (с тех пор я работаю только под сценой), и, видя происходящее, продолжает играть.

— Вот, — говорил он, — Гайда Рейнгольдовна схватила катушку. Вот сейчас будет закреплять. Я держу серебряную маковку высоко над головой и говорю... а... вот как... Гайда Рейнгольдовна покрутила до раккордочки, а у меня мысль: а вдруг там запись другая, предыдущая или последующая раккорда? ...А вот как... Смотрю, дает отмашку. Значит, кидаю! Гром, молнии, стробоскоп строчит, рассекая неосвещенное черное пространство сцены светящимися вспышками. Взрыв. Удивляюсь, как только наша руководительница может еще час работать за пультом? Она же сверхчувствительный поэт?

ШИШОК ПО ИМЕНИ ШУРШАЛА

Виталий Волович, «Вече Твери», 06.01.1993 г.

«Знаете ли вы, кто такой Шуршала-Шебуршала? Не подозревал об этом и я, пока не попал на спектакль детского музыкального театра «Прим-Грим», премьера которого состоялась на сцене Тверского народного дома.

Шуршалой, оказывается, 400 лет назад называли в Твери домового. Однако, в отличие от обычного, Шуршала не отсиживался за печкой, а разгуливал по сцене и поучал бондаря Ванятку Тверского.

Действие спектакля, поставленного по сказке тверской писательницы Гайды Лагздынь, происходит в основном в XVI веке. Практически вся сказка построена на тверском фольклоре. Есть роли, целиком состоящие из пословиц и речевых оборотов шестнадцатого столетия.

Театр же существует уже более пяти лет и ставит каждый год по спектаклю. Основан он был Г. Лагздынь и шестиклассниками школы №27. Именно ребята этой школы, доросшие теперь до выпускного класса, составляют ядро коллектива. Главные роли в спектакле доверены им: Тимофей Васильев — Ванька Тверской, Женя Невзоров — Шуршала, Яна Пичка — сказочное чудище Три-Худа: в страшной маске с огромным крючковатым носом. Кстати, маски для спектакля, как призналась мне руководительница театра, были куплены в Минске на последние 900 личных-наличных ее рублей. И часть создана художницей Лидией Стретенской.

По рассказам старожилов театра, они много путешествовали. Объехали со своими спектаклями Ржев, Конаково, Спирово, Вышний Волочек, Бологое. Побывали и за пределами области.

Говоря об истории театра, Женя Невзоров милостиво разрешил мне примерить приглянувшуюся маску Шуршалы, сделанную из мешковины с меховыми накладками и крупными ушами. В ней было жарко и трудно дышать. Как нужно любить сцену, подумал я, чтобы терпеть такие неудобства!

В этом году многие артисты «первого призыва» заканчивают школу и, скорее всего, покинут театр. Но будем надеяться. Будем ждать новых спектаклей. А пока еще не поздно познакомиться с Шуршалой. Он будет жить на сцене Народного дома до 10 января 1993 года.

Кстати…

Напряженные моменты случаются чуть ли не на каждом спектакле по разным причинам, чаще по неопытности. Об одном таком комическом случае, который произошел со мной, когда я работала с другим, обновленным составом, расскажу позднее. Но больше волнительных стрессов исходило от взрослых.

Один руководитель, например, вместо одной программы стал репетировать свою — «Морг». Прихожу, тишина. Где актеры? Поднимаюсь этажом выше. В малом зале на столах лежат мои студийцы, покрытые простынями, и гробовая тишина. Другой режиссер стал демонстрировать свои способности. Он даже меня ввел в такое состояние, что я не могла двинуться с места, так как он уверил, что я — дерево. Был музыкант, который взялся посмотреть, почему одна клавиша синтезатора западает. После чего она стала не только западать еще глубже, но и не издавала ни звука. А однажды Ахметова с Коклюшкиной чуть не сорвали спектакли, серия которых, как обычно, намечалась и проходила в дни зимних каникул по два спектакля день (до двадцати повторов). Вот такие у меня были одержимые театральные трудяги-актеры-дети. Ахметова, не поставив танцев персонажей, уехала на «прогулку» в Финляндию, а Коклюшкина ее отпустила по той причине, что Елена Ивановна должна была там проторить дорожку для самой Коклюшкиной. Я, конечно, негодовала! Ставила сама с актерами танцевальные сцены, не говоря о том, что я зарплату не получала, а хореографу платили из бюджета театра. Естественно, как руководитель выражала недовольство и высказывала свои претензии хореографу, режиссеру, иногда новому музыкальному работнику Стратонитскому. И чуть не была свергнута их заговором. Тогда я и почувствовала, что у меня есть ангел-хранитель.

Мой ангел-хранитель

Зал Дворца культуры профсоюзов погружен в темноту. Освещена только сцена, на которой идет репетиция под руководством Ислама Закировича Бачеева. Я стою в глубине зала возле входа, смотрю на сцену и говорю про себя: «Почему? Я же хочу как лучше? Или я не права?» И вдруг ощущаю, как огромная ладонь размером не менее совковой лопаты, успокаивающе похлопала меня по левому плечу. Кто это? Оглядываюсь. Никого. Может быть, кто-то пошутил? Во дворце много коллективов. И тут снова чувствую, уже по правому плечу, такое же успокаивающее поглаживание. Оглядываюсь. И опять никого. Я считаю, что это был мой ангел- хранитель.

После этого случая я собрала всех руководителей и впервые жестко сказала:

— Не я к вам пришла. Вы ко мне пришли в театр. Извольте подчиняться и делать все вовремя, и то, что надо для коллектива.

Но самое главное — с этого момента ко мне пришло успокоение и уверенность, что я делаю богоугодное дело: безвозмездно занимаюсь с детьми, спасаю их от улицы, вывожу в люди. За двадцать лет работы моего театра не было ни одного криминального случая, ни распития спиртных напитков, ни курения. И, как говорили сами ребята: «Мы не обязательно будем актерами. Нам бы вырасти хорошими людьми!» Они ими выросли. Я горжусь своими ребятами, ставшими отличными профессионалами: много врачей, есть юристы, актеры, режиссеры, работники культуры, руководители учреждений, технических служб, есть прекрасные мамы.

В личном архиве обнаружила решение Тверского городского Совета народных депутатов от 25 марта 1991 года о выделении из внебюджетного фонда 25 тыс. рублей (в пересчете на наше время — 250 рублей) детскому музыкальному театру Г. Лагздынь, в котором занимается 100 музыкально одаренных детей, в целях эстетического воспитания детей, укрепления материальной базы. Отделу культуры исполкома горсовета Демидову И.В. обеспечить контроль за использованием сметы, за подписями председателя горисполкома Александра Белоусова и управляющей делами Оксаны Николаевны Ломаковой.

Кстати…

Александр Петрович Белоусов часто бывал во Дворце культуры профсоюзов, присутствовал на наших спектаклях. На моем творческом вечере в Доме офицеров в 2000 году он запечатлен благодаря областному архиву — раз, и моему младшему зятю Сергею Владимировичу Твердохлебову — два, видеокамерами, затем записи эти была переведена на диски. А

сколько поздравлений и грамот было мне лично и театру вручено, трудно пересчитать, но при желании можно.

Что касается наград:

Звание «Народный»

«От 11 февраля 1991 г., протокол №1, п. 7.

Президиум Калининского областного Совета профессиональных союзов постановляет:

За достигнутые творческие успехи и высокий уровень исполнительского мастерства и театрального искусства, пропаганду тверского драматургического материала присвоить музыкальному театру для детей и юношества областного Дворца культуры профсоюзов звание «Народный».

Наградить почетной грамотой Совета Федерации тверских профсоюзов руководителя театра Гайду Рейнгольдовну Лагздынь.

Председатель Совета ФТП В.И. Моисеенко»

Вторая волна

Когда вырос мой первый состав и ушел, чтобы после школы учиться дальше, я тоже решила завершить свою театральную деятельность. Мне казалось, что больше не смогу работать с вновь пришедшими, начиная с нуля. В этом еще одна трудность работы с детским театром. Был хороший актерский состав, и вдруг его нет, то есть он есть, но в усеченном виде, который пополняется новенькими, но совершенно необученными. Это вам не взрослый театр, где постоянный актерский коллектив с профессиональной выучкой, с наличием театральных специалистов.

И я ушла, тем более что руководители в лице Стратонитского, Ахметовой отдавали предпочтение своим коллективам. Приходящие — малоудобные кадры, а содержать своих педагогов я не могла из-за бедного финансирования. Часть реквизита я передала школе №46, которая рядом с моим домом.

Приближалась осень, у меня усиливалась тоска по театру. Звонит Людмила Грошева, методист из дворца, просит не бросать коллектив, точнее, остатки от него, обещает помочь. А помощь от Грошевой мне была известна. Душонка ее соответствовала фамилии. Но не просьба Грошевой сыграла роль, а желание работать с детьми.

Одним словом, я вернулась и вновь создала театр, в котором замечательно играли Дина Попова, Настя Карелина, Света Михайлова, Людмила Грохалова, Сергей Федоров, Ирина

Стародубцева и другие ребята.

Но особенно мне помогали выпускник музпедучилища Володя Есаков и его друг музыкант-технарь Женя Барекян.

— Что будем ставить? — спросила я.

— Может быть, «Трубадура»? — предложила Света Михайлова. Она уже хорошо играла на виолончели, посещая музыкальную школу. — Я смогу спеть арию Принцессы!

На том и порешили. Кассета есть, значит, музыка готова. Но не тут-то было. На музыкальном фоне все время слышался голос Олега Анофриева. Пришлось писать заново музыкальные фонограммы, снимая на слух нотный материал. Есаков жил в поселке Редкино, туда мы всей толпой и ездили, так как он там еще работал в Доме культуры, где была аппаратура. Незабываемые трудовые поездки. Когда стали ставить спектакль, который назвали «Сказка о глупом короле, прекрасной принцессе и ее друзьях», потребовались костюмы и маски. Костюмы помогала шить диктор областного радио и телевидения Светлана Николаевна Година. Маски осла, собаки и петуха изготовила супруга художника Олега — Полякова Лариса. Танцевальная, незначительная часть спектакля легла на плечи дворцового хореографа Елены Ахметовой.

Роль Шута играла и пела Дина Попова. Кстати, эту роль мы ввели сами. Принцессу играла и пела без записи Светлана Михайлова, учащаяся музыкальной школы, ныне известная виолончелистка. Роль Трубадура исполнял Володя Есаков, выпускник музучилища, ныне живущий в Лондоне, хорошо актерски игравший, но недостаточно владеющий голосом. Поэтому озвучивал его Гоша, Георгий Вакулин, ныне певец, о котором я уже упоминала. А вот быть толстым ленивым Королем никто не хотел. Это еще одна из трудностей работы с детьми. Тогда впервые в жизни я решилась на эту роль. Сшили бархатный королевский наряд клюквенного цвета из дворцовой портьеры, изготовили бумажную, но плотную красивую золотую корону, парик да накладной нос с усами — завершили королевский образ. На репетициях многим вдруг захотелось быть королем. Но костюм-то уже на меня сшит? Ребята вдохновенно пели под созданные Женей Барекяном и Володей Есаковым фонограммы. Ахметовой был воссоздан ночной сон короля почти полупрозрачными фигурками. Только говорили, что я слишком громко храпела во время королевского сна, якобы мешала балеринам. Это им, сидящим в первых рядах, так казалось, а дворцовый зал на 550 мест был доволен. Настя Карелина с большими картонными картами для гадания, с прекрасным голосом, исполняя роль предводительницы разбойников,

вызывала бурю аплодисментов зрительного зала. А что выделывали во время гадания в танце разбойники — невозможно передать через эти листочки — странички воспоминаний. А вот о смешном случае во время спектакля мне хочется рассказать подробнее.

Рассказано по случаю...

Через всю сцену, а она в городе из всех городских театров самая большая, «едет» король в коляске. Коляска большого размера, выпилена из листа фанеры и раскрашена, как положено, — настоящая царская карета, только чуть видны ноги шагающего короля под хор стражников: «Куда идет король, большой секрет! Большой секрет!» «Большой секрет!» — подпевает охранникам маленький стражничек высоким голоском, спеша вслед за каретой. Затем идет сцена нападения разбойников. И вот тут-то случилось то, что я называю «издержками производства». Когда разбойники набросили веревку, от усердия одного из нападающих мои руки оказались связанными намертво. Всякая попытка, как договаривались на репетиции, освободиться от узла не давала результата. А «разбойники» так увлеклись игрой, что не оглядываясь тянули меня — короля на веревке, да с такой скоростью, что я падаю на живот. Так меня и волокли через эту самую большую сцену в городе. Зал хохотал, думая, что так и задумано по сценарию. Но мне было не до смеха. Хорошо, что веревка оказалась не очень крепкой, не выдержала веса короля.

После постановки спектакля «О прекрасной принцессе...» покатил наш театр по рельсам культуры и искусства, стимулируя меня к написанию новых театральных постановок.

КОРОЛЬ ГАЙДА И ЕЕ ПИТОМЦЫ

«Вече Твери», 01.01.1994 г.

«В Тверском народном доме с 25 по 30 декабря проходили новогодние представления. У елки вместе с гостями детский фольклорный театр Натальи Мошинской из средней школы №39. На большой сцене дворца ребята из детского музыкального театра «Прим-Грим» показывают свою новую работу — спектакль «Сказка о глупом короле, прекрасной принцессе и ее друзьях» (музыка Гладкова, по сказке братьев Гримм). Фонограмму к спектаклю сделали молодые руководители театра — звукорежиссер Женя Барекян, музыкант Володя Есаков и друг театра, звукозаписывающая фирма Тверского радио.

В течение часа, пока длится спектакль, поют, играют, танцуют актеры театра (балетмейстер Елена Ахметова), непрерывно льется музыка, а в роли Короля — бессменная руководительница,

основательница театра Гайда Рейнгольдовна Лагздынь».

Маленькие, да удаленькие

ЗВЕНЯТ «ТВЕРСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ»

И. Жеребятьев, «Калининская правда», 05.11.1997 г.

«Казалось бы, ну что могут сыграть на сцене пяти-восьмилетние дети? Да еще в таком жанре, где нужно сразу петь, танцевать и играть драматические роли? Говорят, когда создавался этот детский музыкальный театр-студия, сомнений было немало.

Но вот выходят на сцену «Тверские колокольчики» — и зал, где только что стоял разноголосый детский гомон, вдруг затихает, и уже не только юных зрителей, но и сидящих вместе с ними мам и пап, бабушек и дедушек не узнать. Волнения взрослых понятны: все-таки выступают дети. Но чтобы заставить так сопереживать увиденное маленьких зрителей... И ведь сидят, не шелохнувшись, вытянув мордашки. Хлопают в ладошки, когда на сцене торжествуют доброта и грация, или негодуют, когда видят нехорошие поступки. Как, например, в постановке «Кривляка», где герой этой сценки тем и занимается, что «кривляется с утра до заката». Не оставляют равнодушными детвору «Цыпленок в синем колпачке», «Прореха на Луне», особенно полюбившиеся и зрителям, и исполнителям. А всего в репертуаре «Тверских колокольчиков» уже одиннадцать произведений. Одно другого интереснее.

Теперь о самих исполнителях. В театре-студии всего девять девочек. Все они кажутся серьезными, веселыми, общительными, в чем-то разными. Например, Алена Соловьева и Света Котова непоседливы и подвижны, очень хорошо танцуют.

А вот у Алены Смирновой, когда она поет свою партию в «Кривляке», вдруг откуда-то появляется низкий голос. Ее «бас» очень нравится зрителям. Тихая вроде бы, незаметная Маша Сидорова на сцене становится одной из самых старательных. Ну а Лаврентьева Арина очень удачно исполняет роль мамы в «Прорехе на Луне». Не по возрасту артистичной кажется Настя Щекальцова. Выразительно играет свои роли Ира Артемьева. Саша Асеева — самая маленькая в детском театре, да и пришла она сюда позже всех, но уже освоилась и не отстает от подруг. А вот Оля Ульянова — самая рослая среди подруг, у нее очень выразительное лицо, и, наверное, поэтому оператор телевидения, когда готовились съемки, долго задерживал на ней камеру.

Ну а все вместе они представляют интересный и способный творческий коллектив. Вырос и заявил о себе он как-то быстро и незаметно. Еще в прошлом году его организаторы бегали по детским садикам Твери, выискивали среди дошколят таланты, но уже весной этого года в переполненном детьми ТЮЗе состоялась презентация «Тверских колокольчиков», на которой зрители увидели интересный концерт, а юные артистки заслужили от городского отдела культуры первую награду — огромнейший торт.

Потом их все чаще стали приглашать участвовать в концертах во время различных массовых мероприятий в городе. Их выступления дважды показывали в этом году по Тверскому телевидению, записывали и транслировали по местному радио. Порадовали зрителей «Тверские колокольчики» на Дне поселка Спирово. Ну а когда они выступили в июне этого года на Дне города в Твери, то от родителей не было отбоя: каждый из них уверял, что его сынишка или дочурка обязательно должны петь и танцевать в этом детском театре-студии.

Что еще примечательно? И музыка, и стихи, и постановки танцев — все рождается в этом коллективе. Тут надо отдать должное преподавателю Тверской детской музыкальной школе № 1 Екатерине Петровне Нечаевой, написавшей ко всем произведениям эмоциональную и близкую детям музыку, родительнице, работнице одного из детских садов Твери Ирине Рудольфовне Соловьевой, балетмейстеру студии, учащейся Тверского училища культуры и искусства Светлане Жуковой, сумевшей многое воплотить в танцах, и, конечно же, творческому руководителю этого коллектива, писательнице, неугомонной Гайде Рейнгольдовне Лагздынь, которая не только написала песни, но и на энтузиазме и душевном участии которой держится очень многое в этом маленьком коллективе.

Конечно, не будь у «Тверских колокольчиков» таких спонсоров, как Тверское объединение архитекторов «Тверьархпроект» вряд ли смогли бы дети появиться на сцене. Костюмы, декорации, афиши, пригласительные билеты, сувениры детям — все это благодаря спонсорам. Правда, они отнюдь не богачи, сами-то еле сводят концы с концами, но люди творческие, понимают и ценят творчество других.

Вот и растут, набирают силу «Тверские колокольчики». Осенью думают пригласить новые таланты. Но уже на конкурсной основе».

Вместе с театром, как я его называла — «большим», занималась и «малым театром» — «Тверскими колокольчиками».

«Малый» в количестве девяти певцов, оказавшись на моем попечении, имел от «Тверьархпроекта» хоть маленькую, но финансовую поддержку в виде полставок на музыканта и хореографа. Когда архитекторская группа «Тверьархпроекта» реорганизовалась, коллектив остался без средств, а потому и без руководителей, и вскоре слился с моим старшим актерским составом. Фактически «Тверские колокольчики» как отдельный театр просуществовали с 1990 по 1993 годы, но были официально презентованы на сцене ТЮЗа, записаны на Тверском телевидении. Его выступления хранятся на аудиокассете и диске, в записях фирмы Миши Саламова и на бобинах областного радио. «Тверские колокольчики» прошли короткий, но яркий славный звездный путь от нулевой отметки до звезд телеэкрана. Если бы да кабы! А то бы и продолжали звенеть.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Глубокий след остался от работы в научно-методическом центре гороно не только от руководства экспериментальной площадкой по эстетическому воспитанию детей в форме литобъединения, но и от проведения фестиваля школьных театральных коллективов города. Главным руководителем городским отделом народного образования тогда был Валерий Николаевич Якуба. Мою инициативу поддержал Юрий Евгеньевич Лалетин. В оргкомитете числилось одиннадцать человек. Смотр с театрами решили провести в три тура.

О фестивале музыкальных и драматических театров-студий общеобразовательных школ г. Твери

Положение о проведении праздника-фестиваля разработали в августе 1993 года и утвердили 9 сентября. На первом оргкомитете было предложено согласиться на участие в празднике не только музыкальных театров, но и драматических студий. К 20 декабря школы должны подать заявки на участие. Дисциплинированными оказались школы №№15, 21, 39, в январе-феврале поступили заявки от других школ, последними оказались школы №№4, 37, 14, 18, просмотр которых (кстати, и школы №39) проходил в середине марта.

На участие в просмотре спектаклей были поданы заявки от 18 школ. В I туре сами школы решали, что показывать. II тур — члены оргкомитета в лице Лагздынь, Фомичевой и обязательно инспектора от районо посещали школы. Все спектакли

просмотрела в своем Заволжском районе Татьяна Ивановна Иванова, в Московский район была направлена Алла Викторовна Завьялова, в Пролетарский район — Марина Семеновна Малеина, в Центральный район — Алексей Валерьевич Никонов. Приняли участие директора школ №№ 9, 1, 15, 21, 46, 7; администрация в лице заместителей директоров по воспитательной работе в школах №№ 47, 12, 14, 9, 39, 46, 7, 1, 50, 15, 21, 4.

В фестивале участвовало 13 школ. В первый день вышли на сцену семь: №№ 47, 7, 9, 1, 29, 14, 39. Во второй день — шесть школ: №№ 46, 12, 10, 50, 14, 48. Кукольный театр школы №18 был использован в качестве музыкальных пауз между спектаклями второго дня праздника (вне конкурса).

Не прошли на фестиваль пять школ: №№ 4, 15, 21, лицей, 37 по разным причинам: музыкальные театры младшего школьного возраста — школы №4 только зародился, школ №№ 15, 21, лицея — слабоваты, появились недавно, 37-ю подвело несовершенство режиссуры. Но руководителей отметили:

Школа №4 — спектакль «Муха-Цокотуха», руководители: Татьяна Юрьевна Андреева и учитель музыки Татьяна Михайловна Вакуленко.

Спектакль старшеклассников «Самоубийца», руководитель театрального коллектива — Лариса Марковна Кухарчук.

Школа №15 — «Сорочинская ярмарка», руководители: учитель труда, классный руководитель 7-го класса, литератор по образованию Галина Андреевна Наумец.

Школа №21 — «Ярмарка» по мотивам народных сказок, 7-й класс, 20 человек, руководитель — учитель литературы Елена Ивановна Морозова. Театр рождается.

Школа №37 — «Суд над серым волком», произведение написано учителем литературы, руководителем театра Владимиром Михайловичем Петровым. Театр рождается, увлеченность руководителя огромная.

Лицей — «Серебряный ключ», руководитель театра — увлеченная Наталья Антоновна Верхоланцева. Красивые костюмы, огромное желание вести театр.

Третий тур лег на плечи НМЦ, где мы с Валерием Николаевичем оказались единственными руководителями. Даже пригласительные билеты печатал сам Якуба. А где Лалетин? Где другие члены оргкомитета? Как говорится, «сидели в кустах», но были очень активны, обсуждая результаты фестиваля. Говорить всегда проще, чем делать! Третий тур был праздником-фестивалем музыкальных и драматических театров общеобразовательных школ города Твери. Он проходил в помещении ТЮЗа. Средства на аренду театрального помещения

еще не были переведены, но, как говорится, эшелоны стояли наготове. Иван Владимирович Демидов, директор театра, под мое честное слово предоставил сцену и обеспечил всеми службами наш детский театральный марафон. И 21-22 марта 1994 года впервые в системе образования состоялся такой праздник — смотр детского театрального творчества.

В первый день выступил коллектив СШ №47 с музыкальной сказкой «Колобок», руководители: Ольга Валентиновна Лебедева и Надежда Михайловна Рябченко.

Учащиеся СШ №7 с музыкальной сказкой «Золушка», руководитель Людмила Геннадиевна Григоращенко.

Театр СШ №9 показывал наш, созданный с Юрием Штуко, музыкальный спектакль «Супер-купер, прим-грим» силами учащихся седьмых-одиннадцатых классов, руководители: С.А. Чернышова, С.К. Горобий, О.Е. Кулагина, Е.Е. Парфенова, Т.А. Голубева, Л.Т. Кузнецова, И.Е. Честнодумов. Спектакль начинался и срывался, и снова начинался. И все по вине самоуверенного школьного звукорежиссера И.Е. Честнодумова. Уж кто-кто, а я-то знаю, как трудно быть в роли радиста, если еще сидишь где-то в будке далеко от сцены, а спектакль имеет множество музыкальных фрагментов. Работая в ДК профсоюзов и имея свой театр, я не вмешивалась в работу школьных режиссеров. Вследствие всего этого спектакль не был показан таким, каким должен быть.

Следующий спектакль, представленный на суд жюри, — «Царь Емеля», руководитель Ольга Алексеевна Василенко.

«Кошкин дом», отрывок из музыкального спектакля играли учащиеся СШ №29, руководитель Владимир Давыдович Пурин.

«Иван — крестьянский сын» — музыкальный спектакль сыграли учащиеся 3-5 классов СШ №14, руководители: Елена Владимировна Морозова и Александра Федоровна Ворохова.

«Рождественскую сказку» играли ребята 3-7 классов СШ №39, руководители: Л.Г. Ляхова, Н.И. Мошинская, А.И. Дикарев.

Второй день праздника-фестиваля открывала школа №46, руководитель Елена Олеговна Окорокова, спектаклем «Сказка про Федота-стрельца, удалого молодца» с участием ребят 7-8 классов.

Спектакль «Невероятные иллюзии Эрни» представила СШ №12 силами десятых классов. Мне показалось, что там играли не только школьники. Руководитель — Борис Павлович Михня, актер театра.

Отрывок из «Северной сказки» показали учащиеся седьмых классов СШ №18, руководитель Николай Павлович Носов.

«Мышеловка», отрывок из спектакля, продемонстрировали ребята десятых-одиннадцатых классов СШ №10, руководитель

Елена Анатольевна Никитина.

Отрывок из спектакля «Ромео и Джульетта» показан был силами учащихся восьмых классов СШ №50, руководитель театра Светлана Николаевна Сухарева.

«В добрый час» — отрывок из спектакля показал коллектив десятых классов СШ №14, руководители: Виктор Николаевич Алексеев и Галина Анатольевна Смирнова.

Отрывок из «Африканской сказки» продемонстрировали учащиеся седьмых классов СШ №18 под руководством Николая Павловича Носова.

И последний спектакль «Афанасий Никитин», тринадцатый по счету на празднике театрального школьного искусства, продемонстрировали учащиеся пятых-седьмых классов СШ №48, руководители и создатели спектакля: Галина Павловна Николаева и Алла Александровна Популовская.

Рассказано по случаю…

После окончания фестиваля театральных коллективов, понимая, как хочется ребятам, да и руководителям, где-то еще выступить, а тем более дать возможность показать свои наработки тем театрам, которые не прошли на заключительный фестиваль в Театре юного зрителя, я устроила в ДК профсоюзов еще трехдневный марафон.

1994 год был действительно годом театра для школ, в котором участвовали восемнадцать коллективов, показавшие, что такой сложный трудный вид творческой работы под силу и руководителям, и детям. А вот в 2007 году, закрывая свой театр, желая передать реквизит, костюмы, наработанные сценарии, столкнулась с тем, что в наших городских школах нет театральных коллективов. Есть «клочки», «однодневки», а не театры. В чем причина? И не говорите мне, что дети не хотят играть! Дети на то и дети. Хотят! А вот одержимых — «динозавров» — осталось мало. Взваливать на себя этот огромный груз — вести театр, тем более музыкальный, без финансирования — особенно нет желающих. Да и тяга к этому делу у руководителей поубавилась. Лучше иметь платную хореографию, группу дзюдоистов — как-то ближе к телу.

Запасной аэродром

Работая во Дворце культуры профсоюзов с театрами, я помогала создать театральный коллектив еще и из людей с

ограниченными возможностями. После того как был создан такой коллектив, его передали в руководство Л.П. Коклюшкиной. К этому времени ко мне обратилась директор школы №9 Людмила Михайловна Силина, позднее возглавившая Пролетарский отдел народного образования, с просьбой помочь создать театр в школе, которая имела эстетическое направление. В этом театре-спутнике за три года были поставлены и показаны на смотрах спектакли: «Супер-купер, прим-грим», «Сорочий РКЦентр», «Тайна голубого источника». Активно помогали педагоги школы. Недаром говорят: какова голова, таков и хвост! Что и откуда гниет? Хочется вспомнить завуча по воспитательной работе Н.П. Томашевскую, другого завуча Е.А. Алексееву, хореографов О.Е. Кулагину, Л.Л. Дашкевич, позднее Л.Н. Лапшину, музыкантов А.Е. Овсепян, Парфенову, Голубеву, Афанасьева, Мингалиеву и других работников школы.

К этому времени условия работы детского музыкального театра (ДМТ) на базе Дворца культуры профсоюзов, перешедшего под руководство городского центра социальной опеки, ухудшались. Техника вышла из строя, руководители стали отказываться работать за зарплату (по старым ценам) в 72 тыс. рублей в месяц по договору с сентября до мая. Театру реже предоставляли сценическую площадку дворца. А если и предоставляли, то для мероприятий закрытого типа с раздачей подарков малообеспеченным многодетным семьям и детям-инвалидам. На такие встречи мы не могли приглашать, как раньше, всех желающих. Все это привело к решению полностью перебазироваться в школу №9 как на запасной аэродром, где нам были рады.

Неотосланное прошение

«Министру культуры РСФСР Ю. М. Соломину

«В г. Твери на базе ДК профсоюзов более трех лет назад с нулевой отметки по инициативе энтузиастов возник детский творческий центр и музыкальный театр для детей и юношества, в котором более ста детей и подростков в возрасте от четырех до пятнадцати лет.

Детский творческий центр стимулирует возникновение филиалов при домоуправлениях и школах, налаживает творческие и методические связи с другими коллективами города, области, страны. За этот период жизни детским музыкальным театром поставлены три спектакля («Супер-купер,

прим-грим», «Сорочий РКЦентр», «Шоколадная страна»), готовятся еще два, ориентированные на участие в них как самых маленьких актеров и музыкантов, так и подрастающих детей коллектива. Театр выезжал на гастроли в города Ржев, Торжок, Конаково, п. Спирово, в Москву, был в гостях у космонавтов, провел областной смотр «Юные таланты», большой праздник «День прав ребенка» — как итог этого смотра. В феврале 1991 г. получил звание НАРОДНОГО.

В творческом «портфеле» центра литературные и музыкальные работы наших детей (например, к спектаклю «Я — прохожий» написал музыку девятилетний ребенок). Спектакль «Шоколадная страна» в этом году показан 21 раз при полном зале в 550 мест. Это очень тяжело, но другого выхода не было. ДК профсоюзов с 1 января 1991 г. перешел на хозрасчет. Коллективы должны зарабатывать на себя и на руководителей. Все это несовместимо с творческим процессом, тем более детским. Художественный руководитель этого центра и театра, член СП СССР, все эти годы зарплаты не получал из-за отсутствия бюджетного финансирования.

Руководят коллективами, в которых балетная группа в количестве 60 человек, актерская группа — 37 человек, музыкантов-детей, солистов, ВИА театра — 20 человек, высококвалифицированные специалисты-энтузиасты — полставочники.

Коллектив руководителей центра и театра просит оказать финансовую поддержку созданному коллективу, находящемуся не в самостоятельном помещении, поддержать инициативу Г. Р. Лагздынь по факту рожденного детского творческого центра».

Художественный руководитель и директор театра Гайда Лагздынь, член Союза писателей СССР, лауреат II Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу, член правления Детского фонда

Итак, с момента возникновения в 1987 году театр и детский творческий центр просуществовали до февраля 1996 года.

С театром я прошла кульминационную точку всего количественного роста и театрального величия. Если оценивать глазами государственными, шла непродуманная перестройка и на нашем фронте, давшая такие видимые результаты. Больным надо помогать, но не забывать и о здоровых.

Со мной на новое место пошли Лена Забавляева, Ирина Стародубцева, Лена Журавлева, Светлана Морозова, Дмитрий Владимиров, Сергей Федоров, Ксения Ладонина, Даша Сибирская, Саша Сущенко и другие. И, конечно, мои главные помощники

Евгений Барекян и Владимир Есаков. Володя, еще во дворце, фактически жил в помещении нашей студии. В школе №9 директор, все понимающая Людмила Михайловна, негласно разрешила даже кровать поставить у нас в радиокомнатке, где и жил Есаков.

Хочу написать оркестровку оперы

В архиве обнаружила письмо из Петрозаводска от композитора Георгия Асламова:

«Дорогая Гайда, здравствуйте!

Высылаю ноты, будете отдавать к исполнению, пусть перепишут, чтобы у Вас был авторский экземпляр.

Хочу сам написать оркестровку оперы. Будут ли в наличии инструменты — скрипки I и II (хотя бы по два пульта), виолончели один пульт, альт один, контрабас один, бас-гитара, ритм-гитара, клавишник, флейта (I и II), гобой (2), кларнет (I и II), фагот I, трубы — 2, тромбоны II-III, ударник, колокольчики, вибрафон.

Всего — 21-23 человека. Обойдется в 6-7 репетиций (по 0,5 разовой ставки; 2 сеанса записи (по I ставке), всего не больше 110 ставок в пределах 700-800 рублей.

Хотя, конечно, музыкальный спектакль должен идти под «живую» музыку, будет меньше накладок, но финансово сложней. За каждый спектакль платится разовая (по трудовому договору) ставка.

В общем, нужно уточнить возможный состав оркестра и срочно мне сообщить...»

Я хотела ответить так:

«Милый Георгий Петрович! О каких кларнетах, гобоях, фаготах, тромбонах и контрабасах вы говорите? Я бы рада играть и на вибрафоне, только бы не исчез детский музыкальный театр. А из инструментов я больше люблю саксофон...»

Но письма такого содержания я не отослала — не хотелось демонстрировать нашу бедность.

А почему Моцарт?

До перехода на новую сценическую площадку, два года назад, я закладывала основы для постановки спектакля о Моцарте. Спровоцировал меня на это главный режиссер Театра кукол

Сергей Львович Белкин. Я познакомилась с Мариной Родославовной Черной, прекрасным музыкантом, которая получала научные знания именно по Моцарту. Мной было написано либретто, но спектакль в Театре кукол не стали ставить. С.Л. Белкин мечтал создать спектакль таким, каким он хотел, если не ошибаюсь, при помощи фарфоровых кукол, но это оказалось дорого. Уже шагала перестройка. Почему именно эта тема взволновала нашего замечательного режиссера и вдохновила меня на постановку? Во-первых, в 1996 году Вольфгангу Амадею Моцарту исполнилось 240 лет со дня рождения. И никто в мире не ставил спектакля о великом музыканте XVIII века. Во-вторых, я создала либретто, написать которое было непростым делом. Пришлось узнать жизнь Моцарта — для этого просиживала многие часы в музыкальном отделе библиотеки имени Горького, прослушивала не только ранние произведения композитора. В-третьих, была сделана запись музыки. А потому, войдя в этот классический музыкальный пласт, оставить затею с постановкой я не могла. Для спектакля художница Лидия Сретенская нарисовала ряд настенных панорамных картин, создала портрет музыканта. Для первой вступительной части изготовила кукольный вариант реквизита. Была проделана огромная подготовительная работа. Костюмы той эпохи нам дал напрокат драмтеатр. Актерским сводным составом спектакль «Юный Моцарт» был рожден. Какие были радостные репетиции, когда шла запись голосов, реплик! Живое исполнение, участие в опере для ребят было ново, 90% из них проживало в рабочих казармах-общежитиях «Пролетарки». Музыку гениального композитора XVIII века приняли, полюбили. Многие, не имея музыкального образования, стали различать, чуть что заявляя: «Это не тот менуэт!» Это случалось тогда, когда фонограмма не попадала на нужный отрезок спектакля, а в нем было 23 фрагмента из ранней музыки Моцарта. Ребята стали буквально «балдеть» от «Сикстинской капеллы» композитора Аллегри в переложении Ф. Листа, а от «Реквиема» у ребят возникало тихое торможение. Одну маленькую актрисочку мне пришлось снять с роли четырехлетнего Моцарта из-за реакции на музыку. А в целом я была счастлива. Дети рабочих казарм-общежитий, где много звучит совсем другой словесной музыки, прониклись музыкой гениального Амадея Моцарта.

МОЦАРТ С РАБОЧИХ ОКРАИН

Татьяна Михеева, «Вече Твери», 24.01.1996 г.

«Вчера в Тверском педагогическом училище юные актеры авторского народного детского музыкального театра Гайды

Лагздынь встретились с учащимися, студентами и преподавателями детского хорового отделения. На встрече ребята сыграли самый «свежий» спектакль театра — «Юный Моцарт».

На недавно состоявшемся областном смотре детских художественных коллективов роль юного Моцарта была отмечена специальным дипломом, ее исполняет восьмилетняя Света Корнышева, ученица 9-й школы. Всего в спектакле, постановка которого была приурочена к 240-летию великого австрийского композитора, занято сорок детей. Большинство из них учится в средней школе №9, где с недавних пор базируется детский музыкальный театр Гайды Лагздынь.

«Юный Моцарт» — четырнадцатый спектакль, поставленный Гайдой Лагздынь с детским музыкальным театром, стал самой серьезной и монументальной постановкой. Сомнения относительно того, приживется или нет классика в умах и сердцах сегодняшних школьников, рассеяли сами дети, через очень короткое время прикипевшие душой и к музыке гения, и к нему самому. Спектакль, построенный на документальном материале жизни Моцарта и включающий двадцать три отрывка из его произведений, многих маленьких артистов познакомил не только с творчеством композитора, но и с его судьбой.

Театр Гайды Лагздынь на том же областном смотре получил статус авторского народного коллектива, а вице-губернатор Анатолий Головкин и комитет по делам культуры администрации Тверской области, признавшие наконец существование в городе этого уникального театра, обещали всестороннюю поддержку».

ОЧЕРЕДЬ НА СЦЕНУ

Иван Жеребятьев, «Тверская жизнь», 10.04.1996 г.

«В тот день в средней школе №9 ребята ждали премьеру. Школьный детский музыкальный театр готовился показать спектакль «Лесная сказка». С самого утра школьное «море» волновалось: ребята готовили сцену, юные артисты штудировали роли, неугомонная ребятня толпилась у входа в надежде занять места в зале получше...

Судя по реакции зрителей, премьера удалась. Вообще все было как в настоящем театре: заранее разосланные пригласительные на премьеру, выход артистов, режиссера и автора пьесы в конце спектакля на сцену, аплодисменты и, конечно же, цветы.

Если смотреть со стороны, школа как школа. Но вот прохожу по коридору и вижу на дверях табличку: «Класс хореографии». Заглянул, а там урок танца. В других классах слышатся звуки фортепьяно, скрипки, баяна...

Идут занятия. Музыка, хореография, театр — здесь, оказывается, такие же важные для всех предметы, как математика или литература.

Поднимаюсь этажом выше и оказываюсь... в восемнадцатом веке. Здесь вовсю шла подготовка к показу нового музыкального спектакля «Юный Моцарт». Оформление было созвучно той эпохе. А вот и сам Моцарт — второклассница Света Корнышева — и его сестра — пятиклассница Ира Зуйкова. Они уже готовы к выходу на сцену. Потом видел их на сцене — полное перевоплощение. Глядя на них, невольно подумал: у этих ребят Моцарт останется в душе на всю жизнь...

В школе более тысячи учащихся, и каждый третий из них после уроков спешит заниматься любимым делом. Руководитель детского театра Г. Лагздынь и режиссер С. Горобий сетуют: трудно стало ученикам пробиться на сцену — очередь.

Несколько лет назад в школе взяли «курс» на эстетическое воспитание. Пригласили на работу профессионалов, составили комплексную программу по эстетическому воспитанию, в основу которой легли спорт, музыка, хореография, театр. Во всей этой работе отмечают большую роль бывшего директора школы Людмилы Михайловны Силиной. Совсем недавно она стала заведовать отделом народного образования Пролетарского района.

... Стоит на «Пролетарке» особняком школа со старенькой вывеской на фасаде, внешне мало чем отличающаяся от других таких же школ. Казалось: чему здесь быть удивительному в нынешнее непростое время? Но когда есть люди с искрой в душе, одержимые добрыми идеями, то школа может стать храмом искусства, где дети, прикоснувшись к прекрасному, сами становятся красивее и добрее».

В этом же году младшая группа театра сыграла еще и маленький музыкальный спектакль «Лесная сказка» (Г. Лагздынь — Г. Асламов), в котором произведения исполнялись солистами и хором не под фонограммы, а в сопровождении пианино. Музыкальную часть спектакля карельского композитора Г. Асламова подготовили Элеонора Ивановна Сироткина и Татьяна Юрьевна Мингалиева.

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

«Вече Твери», 14.03.1996 г.

«Завтра в средней школе №9 состоится очередная премьера детского музыкального театра Гайды Лагздынь.

Маленькие актеры сыграют спектакль на музыку

малоизвестного карельского композитора «Лесная сказка». Первыми зрителями этой постановки станут ученики и педагоги 9-й школы, но артисты детского театра будут рады увидеть в зрительном зале всех, кто любит музыку и детское творчество. Тем более, что через несколько дней, 20 марта, юным исполнителям предстоит еще более серьезное испытание — премьера спектакля «Юный Моцарт», сценической площадкой для которого станет все тот же актовый зал школы №9».

Кстати…

С Элеонорой Ивановной Сироткиной жизнь свела меня второй раз. Младшая дочь Тамара училась у ней в музыкальной школе. Как показывает практика, значительная часть учащихся не заканчивает школы, если и заканчивает, то не подходит к инструменту. В чем тут дело? Методика работы с разными детьми должна быть разной. Ведь большинство учится не для того, чтобы стать музыкантами, а для общего развития. Я помню, как долго мы с дочерью сидели и учили Майкапара. Нужно, но скучно. Я попросила Элеонору Ивановну, конечно, не в первый год обучения, дать дочери исполнять что-нибудь более современное. И дочь с удовольствием стала играть. Но случилось так, что Э.И. Сироткина по какой-то причине ушла из школы. На ее месте — молодая неопытная музыкантша, а точнее, от природы — скучная. Она с дочерью долбила одно произведение полгода, после чего дочь потеряла всякий интерес к музыке и, будучи уже в пятом классе, бросила заниматься в музыкальной школе. И до сих пор в квартире молчит пианино. «Сколько детей, столько и методик», — говорят опытные педагоги. Это верно. И даже добавлю: может быть, не одна, а постоянно меняющаяся форма методического обучения. «Век живи, век учись, может быть, дураком и не помрешь».

Рассказывая о работе театра в школе №9, я много уделила внимания спектаклю «Юный Моцарт» по той причине, что наш коллектив участвовал в областном смотре театральных коллективов по линии Тверского областного государственного дома народного творчества. Театральные коллективы были представлены Домами культуры Твери и области. Все, имеющие звания НАРОДНЫХ коллективов, за исключением театров Дворца культуры детей и молодежи, и ни один школьный коллектив не числился «Народным», кроме нашего.

Часть нашей афиши:

20 марта (среда) Средняя школа №9 13.00 (Баррикадная,

5)

ЮНЫЙ МОЦАРТ
Детский музыкальный театр СШ №9
Режиссер — Г. Лагздынь
Концертмейстер — **М. Черная**

Мы стали лауреатами. Мой обновленный детский музыкальный театр получил новое звание.

Министерство культуры Российской Федерации Администрация Тверской области Комитет по делам культуры ПРИКАЗ №13 10.08.1996 г., г. Тверь

В соответствии с положением о народных самодеятельных коллективах, утвержденным приказом Министерства культуры Российской Федерации №118-р от 29.03.90 г., п р и к а з ы в а ю : присвоить звание «Образцовый самодеятельный коллектив» следующим коллективам:

— детскому музыкальному театру общеобразовательной школы №9 г. Твери (руководитель Лагздынь Гайда Рейнгольдовна).

Председатель комитета С. В. Кислухин

Таковы были результаты смотра театров, обнародованные Тверским областным домом народного творчества (ТНД), проведенного в Твери с 20 по 24 марта 1996 года. По этому поводу хочется вспомнить Веру Ивановну Кутузову, заслуженного работника культуры, заведующую сектором театрального и циркового искусства ТНД, и поблагодарить за много-многолетнюю преданность и честное служение на радость и пользу больших и маленьких жителей Земли. В памяти всплывает и мое участие в смотрах как члена жюри, но об этом писать надо долго и подробно. Стоит ли?

КУРОЧКИ-РЯБУШКИ — ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛАПУШКИ

Зная, с какими трудностями встречаются начинающие заниматься писательством дети, я решила в этом плане им помочь. Да и жизнь так распорядилась: хочешь не хочешь, а рукописи несут. Родители просят прочитать, высказать свое отношение к написанному, то есть провести анализ творчества пишущего. Так возникло детское литературное объединение.

КУРОЧКА РЯБА КАК ГЕРОЙ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

«Тверская жизнь», 24.08.1993 г.

Детское литературное объединение «Курочка Ряба» возникло в апреле этого года по инициативе научно-методического центра города Твери. Собираются юные литераторы в детской городской центральной библиотеке (наб. Афанасия Никитина) и в библиотеке на улице Софьи Перовской.

На творческие встречи-занятия приходят пишущие и желающие писать дети из разных школ города. Основной возрастной состав — 2-8 классы. На занятиях ребята читают свои произведения, обсуждают написанное другими.

Ребята часто играют в рифму. Интересно же зарифмовать слова «лимоны и вороны»? Или дописать начатый второклассником Антоном Уколовым рассказ о крокодиленке? Иногда на занятиях разыгрываются сценки. Так, ребята создали шесть совершенно разных вариантов по мотивам русской народной сказки «Курочка Ряба». Сейчас результаты работы оформляются в рукописную книгу с картинками. Ребята ищут сверстников-художников, неравнодушных взрослых.

Говорит руководительница экспериментальной площадки по эстетическому воспитанию детей, детская писательница Г. Лагздынь:

— В нашей рукописной книге представлены первые шаги литературного творчества ребят. Книгу мы назвали, как и литературный праздник детского творчества, состоявшийся в мае, «В гостях у Курочки Рябы». Мы еще только учимся писать, как курочки царапаем, мы еще «рябенькие» от проблем и незнания, но у нас есть большое желание заниматься литературным творчеством.

Официально моя работа с НМЦ гороно как руководителя экспериментальной площадки закончилась в связи с официальным переходом в среднюю школу №9, но мои «курочки» оставались при мне. На базе школы стала работать и с музыкальным театром, и создавать группу сочинителей по второй методике, то есть не собирать под крышей уже что-то написавших, а начинать работу с нулевого цикла. Вокруг нас возникла группа, как я ее назвала, «проводников творчества» — детей, которые доносят до слушателя, до зрителя творчество своих товарищей. В результате сказки, написанные детьми, превращались в маленькие спектакли, стихи — в литературные программы чтецов. Мы много выступали и в школе, и за ее пределами, имели разные тематические названия в зависимости от того, что читали или во что играли: «В гостях у Курочки Рябы»,

«В гостях у Репки», «В краю танцующей форели», «Ряпушки». Стихи и рассказы детей печатались в газетах, передавались по областному радио, лучшие работы вошли в сборник детского творчества «Это мы», где значительная часть страниц занята творчеством моего литературного объединения, но составитель В.В. Цепляев об этом не упомянул, имея свою группу.

ПРИГЛАШАЕТ «КУРОЧКА РЯБА»

«Вече Твери», 12.11.1993 г.

«Название общеизвестной сказки стало именем детского литературного объединения, которым руководит известная писательница Гайда Лагздынь. В воскресенье, 14 ноября, в большом зале Тверского народного дома состоится большой детский праздник, на который приглашает ребят и их родителей «Курочка Ряба». На сцену выйдут юные поэты и прозаики, певцы и танцоры, артисты детского музыкального театра.

Начнется праздник в 11 часов. А билетом, как подчеркивают их устроители, послужит доброжелательная улыбка».

«КУРОЧКА РЯБА» В ВЫШНЕМ ВОЛОЧКЕ

«Тверская жизнь», 11.09.1993 г.

«В гостях у своих сверстников в Вышнем Волочке и Вышневолоцком районе побывали юные литераторы из детского объединения «Курочка Ряба», образованного в этом году при научно-методическом центре гороно г. Твери. Встреча была организована городской библиотекой № 1 Вышнего Волочка при участии Тверского общества книголюбов.

Дети прочитали свои стихи, сказки и отрывки из будущих произведений. А потом вместе со своей руководительницей Г. Лагздынь отвечали на многочисленные вопросы участников литературного праздника и сыграли сказку «Курочка Ряба», превратив зал в театральную площадку, а зрителей — в актеров».

ЮНЫЕ ТАЛАНТЫ И МАЛЕНЬКИЕ ПОКЛОННИКИ

«Тверская жизнь», 11.04.1994 г.

«Начало школьных каникул и Неделю детской книжки отметило на днях литературное объединение «Курочка Ряба». Юные поэты и писатели вместе с их верной руководительницей Гайдой Лагздынь побывали в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, где прошла их встреча с маленькими любителями сказок и стихов — воспитанниками детских садов города.

Литературный «утренник» очень понравился малышам, тем более что закончился он по-детски весело и непринужденно — игры, танцы, смех...»

В фиолетовой дымке растворились сомненья

По линии городского отдела культуры был объявлен конкурс на лучшие литературные работы. От «Курочек Ряб» представили наработки от одиннадцати авторов. Были отмечены премиями: Галя Ярцева (вторая), Саша Сущенко и Марина Лебедева (третьи), Оля Рощина (поощрительная). Эти работы были напечатаны в сборнике «Родной край». Головы наших ребят наполнялись разными возникающими образами: «Новогодними приключениями привидений», «Тайнами осиновой рощи». Дети писали о «Маленьком чуде», о «Собаке Леди», о «Светлячках», рассуждали о том, «Как побывали на том свете», и о многом-многом другом. Сочиняли ребята с большим поэтическим вдохновением и откровенностью. «Пусть, — писала Саша Сущенко в 5-м классе, — в фиолетовой дымке растворились сомненья, и все небылицы, и мое невезенье», а уже в седьмом: «И на затихшем поле колосок не шелохнет ажурною головкой...» «Зелень мокрая на ощупь так мягка...» И еще: «Слышите? Это стучит мое сердце. Сколько еще ударов осталось?.. Занятное существо человек».

В результате работы литературного объединения было создано шесть рукописных книг детского творчества.

Кроме «Юного Моцарта» и «Лесной сказки» силами детского музыкального театра школы №9 были поставлены и сыграны: «Зоопарк», «Сказки ситцевого леса», «Новогодний праздник у елки», «Хрюкен-ролл», «Тайна голубого источника». Театр и литературное объединение участвовали во всех школьных праздниках, включая и учительские, к примеру, были и такие — «Песни двадцатых годов», «Песни ленинградских подворотен».

В отчетах за 1996-1997 учебный год, размещенных в театральных альбомах, можно прочитать фамилии актеров, которых насчитывалось 37 человек, имена чтецов и юных дарований. Это учащиеся не только 9-й школы. За многочисленные выступления коллектива (к примеру, «Фестиваль самодеятельных авторов» в Музее им. Л. Чайкиной, «Неделя культуры в поселке Квакшино», «Фестиваль сказок» и т.д.) получали благодарственные письма и грамоты. Подсчитано: за девять месяцев состоялось 22 выступления, 10 публикаций в печати, две радио- и две телепрограммы. СМИ очень хорошо освещало деятельность детей.

В средней школе №9 был создан крепкий творческий коллектив ребят, режиссеров в лице Ирины Львовны Поповой,

Светланы Кузьминичны Горобий, хореографов Любови Лапшиной, Натальи Быковой, звукорежиссера Дмитрия Абрамова. Детский творческий центр был создан.

Выступления

Кусочек из отчета:

1. Май 1993 г. Первое выступление «Курочек» на празднике детского творчества в зале СШ №46.

2. 31 апреля 1994 г. Встреча литературного объединения с библиотеками и руководителями ЦБС.

3. 27 апреля 1994 г., Дом актера ВТО. Литературный вечер «Курочка Ряба» в «Гостях у Репки».

4. 11 мая 1994 г. Частная школа в «Юности».

5. 19 мая 1995 г. Городской праздник «В гостях у Курочки Рябы».

Выступления в школах №№ 8, 9, 30, 51.

«КУРОЧКА РЯБА» ВОСПИТЫВАЕТ ЭСТЕТИЧЕСКИ

Лариса Туманова, «Новая газета», 14.11.1993 г.

«В Тверском народном доме состоялся праздник детского творчества. На нем выступали дети из литературного объединения «Курочка Ряба».

«Курочка Ряба» существует как творческая экспериментальная площадка по эстетическому воспитанию детей при научно-методическом центре городского отдела образования.

Руководит этим коллективом член Союза писателей, лауреат II Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу Гайда Лагздынь. В ее литературном объединении ребята из разных школ города в возрасте от 6 до 15 лет пишут сказки, повести, стихи. На свои заседания собираются они в Центральной детской библиотеке на набережной Афанасия Никитина и в библиотеке на ул. Софьи Перовской.

При объединении существует детский музыкальный театр, который 14 ноября представил на суд зрителей отрывки из спектакля по мотивам сказки «Бременские музыканты». Прежняя театральная труппа, в которой дети занимались с шестого по одиннадцатый класс, получила звание народного театра. Двое ребят решили связать свою жизнь с искусством: Тимофей Васильев поступил в Тверское культпросветучилище, а Евгений Невзоров — в высший театральный институт им. Щепкина. Еще несколько стали студентами мединститута.

Не все дети блестяще сыграли на вечере в Тверском народном доме, но Гайда Рейнгольдовна убеждена, что новый состав ее авторского театра скоро будет соответствовать званию

«народный».

Перышки «Курочки Рябы»

Журнал «Домовой», 01.06.1994 г.
Марина Лебедева
У моей подружки кот,
Кот по кличке Бегемот.
Бегемот — веселый кот,
Но прожорлив слишком.
Потому-то вес его
Пуд, наверно, с лишком.
Выпивает молока сразу десять мисок,
И съедает за присест килограмм сосисок.

Вита Остимчук
Жили мыши на квартире
И считали дыры в сыре.
Насчитали много дыр.
А куда девался сыр?

Оксана Шиповникова
Черепаха хвост поджала
И за зайцем побежала.
Оказалась впереди!
Кто не верит? Выходи!
***
Шел с получки по толкучке
Толстый дядя Робинзон.
И с получки на толкучке
Приобрел себе он зонт.
Зонт дешевый, трехрублевый,
Но зато какой здоровый!

Вика Казакова
Наша русская березка
Так красива и нежна.
В чистом белом сарафане
В черну крапинку она.
Вот стоит она, качаясь,
Приуныла, скучно ей.
Вдруг на ветку прыгнул кто-то.

Кто же это? Воробей!

Лена Коршунова
У луны полно детишек —
Круглых маленьких лунишек.
Ярко светят их фигурки
В темном небе на прогулке.

Саша Тягнибедина
Снег идет, и я иду.
Снег летит, и я лечу.
Снег скрипит, я не скриплю,
Потому что крепко сплю.

Активные члены литобъединения: Саша Сущенко, Саша Тягнибедина, Лена Сорокина, Оля Рощина, Галя Ярцева, Ирина Стародубцева, Марина Лебедева, Таня Вершинина, Алла Данилкина, Алла Белякова, Юля Белякова, Миша Иванов, Катя Баталова, Женя Матвеев, Миша Жигачев, Валя Муравьев, Марианна Расторгуева, три сестры Худяковы и другие.

Снова в полете!

Рядом с моим домом, на месте старых строений, окруженных садами, строилась средняя школа №53. Директор Анатолий Петрович Павлов предложил мне перейти во вновь создаваемый коллектив педагогов и организовать театр. Заведующая Пролетарским роно Л.М. Силина вызвала меня «на ковер», уговаривала не уходить из девятой школы. Я объяснила: живу далеко, возраст не молодецкий, коллектив создала, передаю в хорошие руки.

Так я стала участвовать в строительстве 53-й школы в буквальном смысле слова: смотрела, как настилают полы в зале, покрывая их паркетом. Я знаю про потайную стенку, где по моей просьбе строители так укрепили обшивку, что можно при случае проникнуть под сцену для того, чтобы там что-либо хранить. После тесного размещения коллективов в девятой школе эта проблема меня волновала. Но мне для театра выделили три комнаты. Вместе с директором вырезали и стелили на бетонный пол линолеум. В маленькой темной комнате перекладины для костюмов при помощи сверла и металлических труб, привезенных с дачи, сооружал мой младший зять Сергей. Желание заниматься

в театре изъявили многие учащиеся. Приходили толпами и уходили тоже толпами. Контингент оказался разношерстным. Соседние школы №№ 17, 35, 46 явно отдали не лучших ребят. Образовывались группировки, возле школы порой возникали между ними разборки. Одним словом, трудно пришлось всем: и директору, и завучам, и учителям. Кстати, и многие учителя были не подарок для школы. Позднее жизнь осложнилась тем, что из 35-й, где находилась школа №3, так как строительство здания затягивалось, учащиеся и учителя перекочевали в 53-ю. Но театральный коллектив сформировался. Этому способствовали руководители школы. Какая голова, такой и хвост. А головы были ясными: А.П. Павлов, завучи Валентина Николаевна Новикова и Ирина Валентиновна Михайлова. Созданию коллектива способствовало и то, что со мной пришли мои актеры еще по Дворцу культуры профсоюзов и по школе №9: Ирина Стародубцева, Ксения Ладонина, Лена Забавляева, Сергей Федоров, Ирина Зуйкова, Лена Журавлева, Света Морозова. Метод наставничества в моем коллективе был очень развит. Ребята с опытом тут же брали себе подшефных.

С первых же дней работа с театральным коллективом шла под лозунгом — заинтересовать, как мы говорили, «запустить вирус», а это возможно только с участием ребят в действии. Я задала себе вопрос: что обожают ныне дети? Как обычно и во все времена — музыку, танцы, персональное участие. Значит, снова разучиваем общие танцевальные разминки с традиционными нашими ритмичными движениями. Рисунок этих танцевальных разминок принесли актеры, пришедшие со мной.

Первое, что у нас было поставлено: музыкально-хореографическая композиция «Лунный кот», «Летучие мыши», «Танец черных теней», коллективный танец «Я учусь танцевать», «Марш мира», «Паша». Эти танцевальные номера пригодны для первых и последующих выступлений, в которых могут участвовать многие студийцы. А выход на сцену — первое, что привлекает детей заниматься театральным творчеством. Далее, многое — это уже «кусочки» будущих спектаклей. Тематические музыкальные озорные сценки, к примеру, «Сено-солома», «Козел», «Танец хвостов», — неотъемлемая часть в театральной жизни ребят. Чтецы стали нагружаться литературным материалом своих сверстников, искать стихи и прозу, которую хотят читать со сцены по своему усмотрению, что способствовало расширению круга чтения и посещению библиотек. А постановка спектакля «Зоопарк» стимулировала к подражательному движению мимики и мышц тела. Тут к месту были тематические танцы: «Ку-ку», «Танец тигра», «Вороньи дразнилки», «Работницы с метлой»,

«Крокодилий рэп», «Танец Хрюкен-ролл», «Танец коровы», «Танец озорного козла со старушкой». Это все увлекало ребят и побуждало к участию в жизни театра. Коллектив был создан, укреплялся теми, кто хотел работать, а не приходил баловаться. И опять создавался детский творческий центр, в состав которого входили музыкальный театр, литературный театр, коллектив сочинителей. Я уделяю большое внимание тому, как дети двигаются по сцене, а потому появляется серия: ритмика движения. На роль «солдатиков», открывающих любой концерт, любой спектакль, охотно соглашаются мальчики, а их с каждым годом среди театралов делается все меньше. И не потому, что мальчишки не хотят идти в театр, а окружение сверстников, их насмешки. Мальчишки удерживаются в коллективе тогда, когда приходят группой: Ф. Желтков, А. Илюшин, А. Буреев, А. Бобров. Только самые смелые и независимые остаются. Такими у меня были ребята в ДК и составляли чуть ли не половину коллектива. Такими были Сергей Федоров, Сергей Чистяков, Коля Курочкин и еще несколько человек из 53-й и 17-й школ.

В серию ритмических танцев входили не только «Файтенбек», «Я учусь танцевать», «Танцы мюзикла», но и «Праздники демонстрации моды», когда учились красиво ходить по сцене. Мы даже специально однажды устроили показ под названием «Мисс театра», «Звезды эстрады». На этих показах девочки демонстрировали разные платья, умение пройти перед зрителем и перевоплощаться в певиц мимикой, жестами. Были Пугачева, Киркоров, Витас и масса других знаменитостей. Это было трудное испытание на мужество, тем более в школе, где учишься и где большая группа детей недостаточно хорошо воспитана. Поэтому ребятам больше нравится выступать «на выезде». В течение первого года работы за восемь месяцев состоялось шестнадцать концертов, три открытых эфира, более десяти публикаций в газетах «Тверская жизнь», «Смена», «Вече Твери», «Вечерняя Тверь» и т.д.

В 1999 году нас приглашают на участие в Российском смотре-фестивале по линии Министерства образования, Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды, Всероссийского центра художественного творчества, Комитета по делам культуры г. Москвы на V фестиваль «Экология. Творчество. Дети». Мы везем в Москву свой конкурсный спектакль «Зоопарк» и становимся ЛАУРЕАТАМИ. Выступления в зале Московского зоопарка проходили с 1 по 8 июня 1999 года. Мы свое мастерство демонстрировали 3 июня. И нам никак нельзя было возвращаться без диплома: ведь Тверское областное радио в лице главного бухгалтера Александра

Ивановича Фунтикова так нам верило, предоставив на целый день автобус.

На доске объявлений было написано: «Сбор группы в школе в 6 утра. Отъезд в 7.00. Возвращение из Москвы — 19.00. Едут: Катя Ащеулова, Лена Волчкова, Оксана Владимирова, Наташа Астахова, Галя Груздкова, Настя Жукова, Нина Золотарева, Даша Калинина, Надя Пермякова, Ира Румянцева, Маша и Рита Чумаковы, Алина Гурьянова, Таня Реутова, Сережа Чистяков, Наташа Коровицына, Лена Никанорова, Валя Егорова».

Коллектив театра совершенствует свое мастерство. Готовимся к празднику — 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, музыкальные композиции: «День добрый», «У лукоморья дуб зеленый», «Книжкина больница», ставим сцены к спектаклям: «Шоколадная страна», в последующем — «Сказание про Ваньку Тверского», «Тайну голубого источника», «В канун Нового года» и другие работы. Участвуем в конкурсе рукописных книг по линии общества книголюбов.

В состав актерской группы влились Наташа Астахова, Таня Чистякова, Вика Гудкова, Яна Старцева, Дима Орлов, Наташа Михайлова, Коля Кошелев, Оля Рудковская, Лера Сидоренко, Наташа Лялина, Наташа Лукашевич, Настя Малютина, Наташа Васильева, Ира и Ксюша Добродеевы, Даша Тюренькова, Анжела Бодрова, Нина Науменко, Маша Прохорова, Таня Самодурова, Катя Шибаева, Наташа Шутова, Аня и Надя Кибаревы, Катя Базулина, Катя Ермолаева, Инна Уткина, Таня Куркова, Алена Мошковская, Оля Титова, Оля Дубровина, Оля Савина, Женя Григорьева, Катя Година, Женя Калачева и другие. Трудно перечислить всех учащихся, в коллективе их около сорока. Почему «около»? Да потому, что какая-то частичка «усыхает», но в целом состав сформировался опять очень крепким. Много помогает наша главная старостиха — Наташа Астахова. На нее можно даже оставлять театр, такая организационно цельная, собранная наша Наталья. Ни одного занятия не пропускают девочки Чумаковы, особенно ответственно относится старшая — Рита. Оксана Владимирова, Настя Жукова, Сережа и Таня Чистяковы, Нина Золотарева, Даша Калинина, Катя Базулина, Ирина Добродеева.

А количество спектаклей все увеличивалось: «До свидания, лето», «Здравствуй, зима», «В гостях у сороки», «В городе сказок», «На дне моря», «Звезды эстрады», шутка «Выгул собак», «Победа». Был поставлен литературно-музыкальный спектакль «Война глазами ребенка», музыкальная оперетта «Чаепитие слона», почти опера «Приключение цыпленка по имени Желток»; что-то вроде оперетт. Мюзикл «Мир иллюзий, мир фантазий, снов, мир мечты»

— литературно-музыкально-хореографический, с элементами циркового искусства. Успехом пользовались танцевальные композиции «Танец со свечами», «Танец голубого источника».

Наш коллектив участвовал во всех смотрах и фестивалях — как чтецов в конкурсе чтецов, как певцов в конкурсах ансамблей, как театральный коллектив, потому что театр был поющим, имеющим к тому же свой авторский репертуар. Вот только в цирковом искусстве слабоваты, зато имели наработки по тематическим танцам. Но такого конкурса еще никто никогда и нигде не объявлял. Перечислять награды — нудное дело, тем более что грамоты, дипломы, в том числе и лауреатские, благодарственные письма нужно считать не по количеству, а измерять линеечкой всю стопочку. Но о двух последних наградах все-таки скажу. Кроме Пятого Всероссийского фестиваля «Экология. Творчество. Дети» мы стали в 2002 г. лауреатами и Восьмого фестиваля. Награждали тогда ребят дипломами и книгами.

«Тверская жизнь», 04.04.2002 г. «Творчество наших школьников отмечено в Москве».

В 2003 году мы не смогли выехать на IX Московский фестиваль, зато на X юбилейный попали благодаря друзьям из Областного радио и телевидения. Восстановленный спектакль «Супер-купер, прим-грим» был принят на «ура». И мы снова стали лауреатами.

В разные годы с театром работали: Юрий Николаевич Иванов — как музыкант, как руководитель хора и как автор музыки песен к спектаклю «Цыпленок по имени Желток»; Татьяна Анатольевна Коншина — музыкальный руководитель, сумевшая научить ребят правильно петь; Евгения Андреевна Чупрова — очень хороший хореограф, но, к сожалению, в последние годы мне пришлось работать одной, так как были ликвидированы те полставки, что шли на музыканта от ДДМ и от Центра дополнительного образования на хореографа.

Сказано по случаю…

Да и вначале у театра школы №53 не было руководителей. Спасибо моим актерам, что пришли со мной, да умнице, тогда еще ученице 9-го класса, Наташе Астаховой. Сейчас она — молодой предприниматель, занимается продажей игрушек. Обратите внимание — не тарелок и не кастрюль, а иг-ру-шек! Имеет и свои живые игрушки — сына и дочь.

И у Тани Чистяковой скоро будет сын. И у Кати Базулиной. А у Наташи Коровицыной девочка уже давно бегает. Знаете, как это интересно? В театр пришли «колобки», на глазах росли,

формировались. Свои дети — тоже, но как-то между делом. А вот актерские — совсем другое.

Ура! У Кати 6 июля, а у Тани 15 появились сыновья! Вчера, 17 августа, пришли ко мне, привезли в колясках своих малышей — Артема и Павла! Щекастики! Спокойный у Кати, эмоциональней у Тани.

Мы работали, а о нас писали

ОСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ, или ГАЙДА ЛАГЗДЫНЬ ВОЗРОЖДАЕТ ТЕАТР

«Тверская жизнь»

«Чудесный осенний праздник прошел вчера в школе-новостройке №53 г. Твери. Четырнадцать вторых, третьих, четвертых классов соревновались за звание лучшего. Игра-путешествие «Осенняя фантазия» водила ребят по станциям: «Игровая», «Музыкальная», «Сказочная», «Осенняя беседка», «Угадай-ка», «Любознайка», «Приметы и загадки». Вдохновителем этого конкурса стала заместитель директора Ирина Валентиновна Михайлова.

В празднике участвовал и вновь созданный в школе детский творческий коллектив под руководством Г.Р. Лагздынь. Это было их первое выступление. Ребята литературного театра «Жемчужинка» показали музыкально-поэтическую зарисовку «День добрый», дети младшего состава сыграли народную сказку «Курочка Ряба», старшие ребята предложили зрителям небольшую музыкально-хореографическую композицию «Мы создаем музыкальный театр». Новому кораблю — новое плавание».

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСКОГО ЦЕНТРА

«Тверская жизнь», 17.12.1997 г.

«18 декабря в помещении средней школы №53 пройдет презентация нового детского творческого центра, возглавляемого известной тверской писательницей Гайдой Лагздынь.

В программе этого праздника музыкальный спектакль-шоу «Зоопарк», литературный театр «Жемчужина», театрализованная дискотека, фрагменты из других музыкальных спектаклей.

Стоит заметить, что все детские творческие коллективы центра работают исключительно на авторском материале — сценарии, стихи и музыка сочинены руководителями и юными актерами центра. В этом его уникальность.

И еще. Сама Гайда Лагздынь в этом году отмечает аж три

юбилея: 45 лет педагогического стажа, 35 — писательского и 10 — театрального. «Час пик» от души поздравляет Гайду Рейнгольдовну, желает ей и ее воспитанникам дальнейших творческих удач и побед».

ДЕНЬ ДОБРЫЙ ПРИШЕЛ В ЗУБЦОВСКИЙ ДЕТДОМ

Галина Васильева, «Вече Твери», 27.02.1998 г.

«Где появляется Гайда Лагздынь, там и ее неразлучные спутники — дух творчества, благородство, неуемная энергия. Эта талантливая тверская писательница минувшей осенью в третий раз возродила свой детский музыкальный театр, которому уже десять лет.

На сей раз — в новой средней школе №53. На сегодня ее детище при самом доброжелательном, заинтересованном отношении руководителей, педагогов трансформировалось в детский художественный центр.

На днях этот коллектив реализовал свою первую благотворительную акцию в пользу Зубцовского детского дома. У ребят появилось много друзей-помощников. Два месяца родители и дети собирали для воспитанников детдома вещи, обувь, по инициативе и при участии Тверского городского и областного обществ книголюбов в эту добрую орбиту были вовлечены Тверской академический драмтеатр, Пролетарский райвоенкомат, областной комитет по делам молодежи...

И вот 25 февраля на автобусе, откупленном общественной организацией «Достоинство», ребята отправились в Зубцов. Конечно, дети были рады подаркам — книгам, игрушкам, альбомам, краскам, вещам. Но более всего зубцовскую детвору покорило действо, которое творилось на сцене полтора часа. Спектакль-шоу «Зоопарк», затем программа детского литературного театра «Жемчужинка», литературно-музыкальная композиция «День добрый» на стихи Гайды Лагздынь. На прощание тверские школьники пригласили зубцовских, тоже талантливых, ребят к себе в гости».

Рассказано по случаю...

И вдруг я вспомнила в связи с чаепитием в Зубцове такой эпизод из жизни театра школы №53 г. Твери. Идет репетиция. Много танцуем, много говорим. В театральном помещении пятилитровый электрический самовар. Чашки ребята принесли из дома; здесь мы и храним. В зале стол накрыт белой скатертью. Большой керамический заварной чайник синего цвета наготове. Самовар кипит, завариваем чай. И вдруг объявляют: «Тревога! В школе заложено взрывное устройство». Тогда это модно было,

случалось часто, но не столь реально. Представители охранных служб требуют покинуть помещение. Девчонки увязывают все содержимое стола для чаепития в скатерть, кто-то из них берет заварной чайник, а я — только что вскипевший самовар. К удивлению прибывших по такому случаю военных, я с детьми покидаю школу. Мы знаем, что эта очередная ложная тревога скоро закончится. А потому решаем после проверки продолжить репетицию. Располагаемся с самоваром, чашками, со всем, что у нас есть, на лавке у подъезда. Не пропадать же вскипевшему самовару и заварке! Пьем чай, хохочем. И тут к нам подходят бомжи.

— Что это тут у вас? — спрашивают лохматые дядьки. — Не нальете? Ну дела!

И горько, и смешно. А вот в памяти застряло.

ЛЕЧАТ КОНЦЕРТ И МОРОЖЕНОЕ

«Тверская жизнь», 05.03.1998 г.

«Целительным праздником стал для детей концерт творческого коллектива школы №53, которым руководит писательница Г.Р. Лагздынь. Яркую литературно-художественную композицию смотрели больные дети, инвалиды в областном психоневрологическом диспансере. Привезли на концерт и детишек из областной больницы им. Литвинова. А Тверской хладокомбинат порадовал участников концерта и зрителей мороженым.

По мнению врачей, такие встречи помогают юным пациентам диспансера и больницы выздороветь».

ЗАВТРА В САХАРОВЕ — ПРАЗДНИК

«Тверская жизнь», 01.04.1998 г.

«В 12.00 в Сахаровском доме культуры в рамках Всемирного дня детской книги пройдет встреча жителей поселка и учащихся Горютинской средней школы с писательницей Гайдой Лагздынь и музыкальным театром тверской школы №53.

Юные актеры подготовили спектакли, театрализованные номера.

На празднике состоится презентация недавно вышедшей детской книги Гайды Лагздынь «Коробочка с разговорчиками».

ВЧЕРА БЫЛ ПРАЗДНИК У ДЕТЕЙ

«Тверская жизнь», 02.06.1998 г.

«Дети творческого центра из средней школы №53 под руководством Г.Р. Лагздынь показали спектакль-шоу «Зоопарк», музыкально-литературную композицию и номера

театрализованной дискотечной программы. Эту благотворительную акцию организовали временное объединение коллективов ВОСК и агентство «Созвездие».

Все роли расписаны

Мгновения жизни

Странное нынче лето 1999 года. Жара на дворе, а я лежу в больнице с большой температурой и другими хитрыми пороками. Вот откуда взялся этот кишечный грипп? Возле дач горел лес. Огонь подступал к крайним строениям. Люди, жившие в этих домиках, естественно, сражались с огненными змеями, ползущими по траве и по торфяникам. Жившие вдали от края поселения куркули, подобно многочисленной взрослой семье Яковлевых, через щели заборов наблюдали за дачниками, бегущими с лопатами и граблями к окраине кооператива.

То ли этот пожар, в тушении которого я активно участвовала, хотя моя хата не с краю, а в центре, то ли поездка в Москву спровоцировали этот самый грипп? Но температура постепенно нарастала, и я покинула место труда и отдыха. В городе пришлось вызвать «скорую», так как огонь, захватив весь мой организм, лишал сознания. Свободных мест в больнице №5 не было, положили на кушетку и стали добиваться признания: что да как? На это я отвечала невнятно, ибо была объята жаром. Меня стали лечить от бронхита, так как в медицинской карточке значился такой диагноз. А через сутки у меня началось извержение из того места, которое наш кардиолог Ольга Константиновна Королева называет «Мадам Сижу». Сейчас нормальная кровать, лечусь, влили лекарств не на одну тысячу. Только вот на даче срезали капусту, выкопали всю морковь. Кто-то кому-то сказал, якобы видели, что это сделал мой молодой сосед. Позднее оказалось, что он наркоман, и даже мебель из маминой дачи вывез и продал.

Удивительно теплая долгая осень. Вечера и ночи как на юге. Но вот и похолодало. Но не так на улице, как в каменном доме. Пишу, мерзну. Рукописи в бесконечной работе. Порой выбегаю из прозы, пишу стихи, печатаю на пишущей машинке «Унис». Хорошая машинка. Раньше, как в кино показывали кабинет какого-то босса, обязательно демонстрировали такую же — показатель благополучия. Сейчас все работают на компьютерах. Машинка барахлит, а мастерских и мастеров нет.

Бегу на репетицию в свой театр. На душе радостно и спокойно: дописала спектакль «Новогодние сны». Завтра с утра засяду за фонограммы. Ведь уже 25 октября. В 17.00 будет репетиция по новому произведению. Роли расписаны, нужна

распечатка. Не забыть бы занести справку в жилконтору, чтобы не брали за лишнюю площадь.

24 октября 1999 года

«ШОКОЛАДНАЯ СТРАНА» ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ

«Тверская жизнь», 23.01.1999 г.

«Вчера детский музыкальный театр Гайды Лагздынь представил премьеру нового спектакля «Шоколадная страна».

Первыми увидели его ученики школы №53, на базе которой последние два года располагается этот знаменитый детский коллектив. Историю о непослушном медвежонке, который не захотел лечь в спячку, юным актерам пришлось повторять дважды, причем спектакль был исполнен двумя составами. Авторами «Шоколадной страны» являются Гайда Лагздынь и тверской композитор Юрий Штуко. Несмотря на большие финансовые трудности театра, за последние полтора года удалось поставить уже третий спектакль».

ЗВЕЗДЫ РОЖДАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Нина Кутьева, «Смена», 30.01.2003 г.

«На столе — стопка почетных грамот, дипломов, фотографий. Моя собеседница, не торопясь, перебирает их и комментирует. Много всего накопилось за годы работы Детского творческого центра школы №53. За каждым из этих наградных листов — огромный напряженный труд творческого коллектива и его руководителя — Гайды Лагздынь, известной писательницы, автора многих детских книжек, сборников стихов и прозы. Всего детским театром Лагздынь занимается пятнадцать лет До 53-й школы были и Дворец культуры профсоюзов, и 9-я средняя школа.

За все это время ею поставлено порядка двадцати авторских спектаклей. И вот теперь уже в репертуаре этого коллектива «Шоколадная страна», «Тайна голубого источника», «Супер-купер, прим-грим», «Юный Моцарт»; литературно-музыкальные композиции «До свидания, лето» и «Здравствуй, зима». В театре две возрастные группы — младшая и старшая. Малыши — это ребятишки с третьего по пятый класс, а старшие не расстаются с театром до самого окончания школы. Приходят сюда и учащиеся из других школ. Это даже радует, значит, театр пользуется успехом и авторитетом.

Главное — добиться раскованности на сцене.

Радостно наблюдать за детьми, с упоением танцующими и поющими. Юные артисты с удовольствием импровизируют, ищут образы, настойчиво отрабатывают точность движений. Нелегко

даются кажущаяся легкость и свобода. Но это дело времени. Сначала все новички чувствуют себя скованно, зажато. Они боятся сцены и публики. Но постепенно дети «размораживаются», раскомплексовываются. Движения становятся уверенными, голос сильным, а ноги сами, словно по мановению волшебной палочки, легко и красиво начинают вальсировать.

— У нас в конце прошлого учебного года произошло значительное обновление коллектива, — рассказывает Гайда Рейнгольдовна. — Посмотрела я на своих новеньких и со страхом подумала: Господи, да когда же я их научу?!..

И вот прошло всего несколько месяцев, и новички так освоились, что мало чем отличаются от «бывалых» артистов. Справедливости ради нужно отметить, что дети — это податливый и благодарный материал. Они любознательны, настойчивы и более дисциплинированны, чем взрослые. Ведь не зря коллектив 53-й школы трижды стал лауреатом России.

В этом же году и у ребят, и у руководителя — двойная радость. У них появился свой хореограф (Евгения Андреевна Чупрова, преподаватель средней школы №18) и хормейстер (Татьяна Анатольевна Коншина, преподаватель Тверского музыкального училища). Такое пополнение намного облегчило в первую очередь работу самой Гайды. Ведь раньше ей одной приходилось управляться со всем — сценарий напиши, музыку подбери, танцы поставь. Преподаватели быстро нашли общий язык с детьми, что называется, вошли в контакт, и дело пошло веселее, а главное — правильнее с профессиональной точки зрения. «Мне уютно в этом коллективе, — говорит Евгения Андреевна, — мы отлично понимаем друг друга. Работать здесь очень интересно».

Интересно здесь и детям. Театр занимает у них все свободное от учебы время. Здесь можно почувствовать себя звездой любой величины — будь то сама Алла Пугачева или Филипп Киркоров, Аллегрова или Леонтьев, Распутина или Гурцкая. Есть у ребят даже своя «звездная» концертная программа, в которой юные артисты выступают в роли известных эстрадных исполнителей. Даша Тюренкова, например, очень даже вжилась в роль нашей легендарной примадонны Аллы Борисовны.

А Настя Волгина рассказывает про себя, что никогда и не думала о сцене. Уговорила ее подруга. Привела. И теперь она не представляет себя за каким-либо другим увлечением. Настя всего первый год в театре, но уже успела принять участие в зимней концертной программе, где она сыграла зайчишку. А вот Маша Чумакова уже старожил в театре, шестой год пошел. Кем она только не перебывала — и Ефимкой Стукачом, и медведем, и

мышкой. Столько пришлось за эти годы и спеть, и сплясать, и сыграть ролей в спектаклях. В свое будущее Маша заглядывает еще неуверенно, но все-таки мечтать о сцене ей никто не может запретить. Ей нравится ловить завороженные взгляды зрителей и хотя бы на время ощущать себя настоящей актрисой. Ведь звезды рождаются на земле!

Здесь все как в настоящем театре

А иначе и быть не может. К любому серьезному делу нужен деловой подход. С пяти часов дня и до девяти вечера в театре идут репетиции. Если бы не занятия, ребятишки, наверное, и не уходили бы из школы совсем. Для юных артистов, как и для их руководителя, театр стал домом. Гайда Рейнгольдовна, как заботливая хозяйка, старается, чтобы дом был полной чашей. А чтобы наполнить эту чашу, приходится изыскивать свои пути. Так, например, чтобы в театре были свой реквизит, своя костюмерная, Гайда не брезгует ни списанными театральными костюмами, ни выброшенными, вышедшими из употребления вещами. Многое приобретается на свои кровные, а иногда актерам приходится и свои ручки приложить, чтобы сделать необходимый реквизит. Так с миру по нитке и образовалось свое театральное хозяйство, которому может позавидовать если не академический, то уж народный театр точно.

Сейчас у ребят идет подготовка мюзикла, который обещает стать настоящим шоу, и двух новых спектаклей. Нам остается только пожелать юным звездам терпения, настойчивости и благополучного рождения нового шедевра».

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ ДЛЯ СКАЗКИ

Ольга Снегирева, «Караван+», 31.03.2004 г.

«Выжить сказке в наше время очень сложно. В сказку не верят, сказку не поддерживают. Об этом как никто другой знает тверская сказочница, известная детская писательница, автор около шестидесяти книг, член Союза писателей России Гайда Лагздынь. Но вопреки всем трудностям ее авторский музыкальный детский театр на днях представил очередную премьеру под озорным названием «Супер-пупер, прим-грим» и едет с новым спектаклем на всероссийский фестиваль в Москву.

Детскому музыкальному театру Гайды Рейнгольдовны фактически уже пошел семнадцатый год. Три раза она возрождала коллектив, несколько поколений детей сменилось в нем. Дети вырастают, покидают сказку, уходят во взрослую реальность. Гайда Лагздынь снова и снова формирует труппу юных актеров, верных сказке. Наверное, эта верность, искренняя увлеченность, целеустремленность, а также колоссальный

энтузиазм Гайды Лагздынь позволили театру заслужить звание «Образцовый детский коллектив». Итоги только последних трех лет — коллектив получил около восемнадцати различных наград, и шестнадцати наград неутомимая руководительница театра удостоена лично.

Сценариями сказок Гайды Лагздынь для детских музыкальных театров интересуются столичные издания. Что касается последних публикаций, то санкт-петербургское издательство Союза композиторов в своей серии «Вокруг рояля» выпустило сказку «Тайна голубого источника». И приезжая с новой работой на очередной фестиваль, Гайда Рейнгольдовна иногда с удивлением обнаруживала, что некоторые коллективы участвуют в конкурсе с новой постановкой ее прежних сказок.

Но с каждым годом ездить на фестивали, да и просто выживать, театру все труднее. Изначально обосновавшись на базе Дома союзов, театру в дальнейшем пришлось перекочевать в 9-ю школу. Затем вновь встал вопрос о поиске пристанища.

Выжить сказке помогли сначала директор Анатолий Петрович Павлов, затем новый директор средней школы №53 Юрий Константинович Тимонин. Благодаря им у театра есть свои помещения, костюмерная, аппаратура. На сцене актового зала 53-й школы и состоялась недавняя премьера, с которой театр поедет покорять столичный фестиваль. И здесь опять начинаются проблемы. У театра нет транспорта, нет средств. Добираться самим и везти декорации приходится на электричке. Да и на показ премьеры в тверском ДК «Металлист» маленькие актеры со всем реквизитом скромно ехали на трамвае. Что сказать, путь в сказку тернист. Но обнадеживает то, что заканчиваются сказки обычно хорошо...»

ТЕАТР ГАЙДЫ ЛАГЗДЫНЬ

Александр Михайлов, «Горожанин», 15.03.2005 г.

«Очень живой классик

Часто говорят: «Театр Шекспира, театр Чехова...» Театр Гайды Лагздынь существует не только как совокупность ее сценических произведений, но и как реальный театр, созданный ею восемнадцать лет назад.

Гайда Лагздынь — живой классик, очень живой: она часто пускается в пляс с молодым задором. У детской писательницы вышло уже более 63 книг общим тиражом около 11 миллионов экземпляров. Правда, гонорары настолько смехотворные, что для издания красочного тома всех детских произведений надо влезать в долги. У писательницы выходили из печати не только детские стихи и азбуки, но также лирика, «взрослая» проза.

Детям — подворотни?!

В первом составе этого музыкально-поэтического театра было семьдесят человек, вместе с хором работало около сотни. В 1991 году театр получил звание народного. Тогда он работал при ДК профсоюзов, сцена которого оборудована необходимой театральной техникой. Финансирования хватало только на оплату работы музыкантов, хореографа, дирижера. Пять лет Гайда Рейнгольдовна не получала зарплату.

— Первый удар по театру нанесла соцзащита, как это ни покажется странным. Когда служба социальной защиты поселилась во Дворце профсоюзов, все концерты и вечера стали проводиться только для больных детей: каждый вечер или спектакль сопровождался вручением подарков детям-инвалидам, здоровые ребята чувствовали себя обделенными...

Дети-актеры первого состава к тому времени уже выросли. С остатками коллектива Гайда Рейнгольдовна перебралась в девятую школу, а потом перешла в 53-ю. По сути, восемь лет назад театр был создан в третий раз. Первый спектакль, поставленный в стенах 53-й школы, назывался «Зоопарк». Потом было «Сказание про Ваньку Тверского...». Это представление показывали на Дне города — невозможно было протиснуться сквозь толпу зрителей. Такой же успех был и на других площадках.

— Наш театр участвовал во многих московских фестивалях...

Музыкальный спектакль Гайды Лагздынь и композитора Юрия Штуко «Тайна голубого источника» в 2003 году на конкурсе профессиональных драматургов и композиторов получил первое место в номинации «Музыкальные театры». Не зря в Союзе композиторов пошутили: «Опять тверяки поперли». Вот где имидж города и области. Но нет пророка в своем отечестве.

— Театр лишили хореографа, музыканта. Мы вытаскиваем детей из подворотни, а нас пытаются уничтожить. Со своими спектаклями сейчас даже не можем никуда выехать. У детей нет проездных билетов. Старшие идут пешком, за младших я плачу. Покупаю на свои деньги кассеты и другие предметы, необходимые для постановок. Я не люблю ничего просить. Предлагается сделать дополнительное образование платным. Ну и с кого брать деньги? Трое детей растут без матерей, две девочки из глухонемых семей.

Своя ноша не тянет

Невероятно интересно смотреть за репетициями Гайды Рейнгольдовны. Дети из ее театра отлично владеют телом, прекрасно поют, танцуют, читают стихи и прозу.

— Школьные театры обычно существуют два-три года. У

меня уже пятый состав. На свои руки нахожу муки. Ставлю по два спектакля в год. Дети в театре разновозрастные, каждому ребенку надо дать роль. В этом году попутно со спектаклем «Война глазами ребенка» ставлю с «новобранцами» — актерами первого года обучения — «Книжкину больницу», «Курочку Рябу».

«Война...» возобновляется с новым составом — прежний был поставлен пять лет назад. После пятидесятиминутной трансляции на областном радио был целый шквал звонков: плакали и благодарили женщины, пережившие войну.

— Как детский писатель я не могу долго заниматься одним делом. Поэтому одновременно ставлю спектакль, создаю концертную программу, хореографические миниатюры. Ребята работают на интересе. На репетициях у нас часто творится невесть что, но зато из хаоса рождается гармония.

Было у Лагздынь и литературное объединение «Курочки Рябы», где дети сочиняли рассказы, сказки, сами делали книжки.

— Неспособных детей не бывает. Просто некому развивать их таланты. Иногда говорю расшалившимся ребятам: «Вы меня достали. Я вас брошу!» Но куда же я без них, а они без меня?! И мне воздается. Когда бывает трудно, в последний момент вдруг кто-нибудь приходит на помощь.

Бывает, девочки жалуются своему наставнику, как им неважно живется. Гайда Рейнгольдовна советует:

— Вспоминайте лучшие мгновения своей жизни. Я и сама иногда пытаюсь это делать. Все-таки удается найти светлые воспоминания».

СПЕКТАКЛЬ О ДЕТЯХ ВОЙНЫ

«Тверская жизнь», 25.04.2000 г.

«Детский литературно-музыкальный театр средней школы №53 Твери подготовил к юбилею Победы спектакль «Война глазами ребенка» по повести «Тетрадь в клеенчатом переплете» тверской писательницы, руководителя театра. Спектакль прозвучал по областному радио в день выборов Президента России, его смогли не только услышать, но и увидеть в библиотеке им. А.С. Пушкина, планируется выход актеров в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Спектакль посвящен детям войны».

Спектакли, созданные в театре за двадцать лет работы

Написано и поставлено более двадцати спектаклей. Наиболее

крупных и трудоемких — четырнадцать. Для создания привлекались как профессиональные композиторы Ю. Штуко, Г. Асламов, так и самодеятельные Ю. Иванов, Е. Нечаева, участвовали художники О. Поляков, А. Перфильев, Л. Сретенская и архитектор Наталья Журавлева, сделавшие так много для оформления спектаклей. Огромная помощь была и со стороны кукольников-декораторов и создателей масок: и Лидии Сретенской, И Ларисы Поляковой, и мастеров Театра кукол.

«Добрая зимняя сказка» — постановка 1987, 1994 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Г. Асламов.

«Супер-купер, прим-грим» — 1990, 1994, 2004 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Ю. Штуко.

«Говорит сорочий РКЦентр» — 1990, 1994 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Г. Асламов.

«Шоколадная страна» — 1991, 1995, 1998 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Ю. Штуко.

«Красный, желтый, зеленый», «Веселая дорога» — 1991, 1993 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Я. Стратонитская (10 лет).

«Тайна голубого источника» — 1992, 1995, 1998 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Ю. Штуко.

«Черная лилия» — 1993 г., авторы — актеры театра Н. Ворошилова и Я. Стратонитская.

«Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу» — 1993, 1998, 1999 гг., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«О глупом короле и прекрасной принцессе» — 1994 г., автор Г. Лагздынь, композитор Г. Гладков.

«Волшебные сны» — 1994 г., автор Г. Лагздынь, музыка: Ю. Штуко, Г. Асламов, Е. Нечаева.

«Зоопарк» — 1995, 1997, 1998 гг., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Хрюкен-ролл» — 1993, 1995 гг., автор Г. Лагздынь, музыка: Е. Нечаева, Г. Асламов.

«Лесная сказка» — 1995 г., автор Г. Лагздынь, композитор Г. Асламов.

«Юный Моцарт» — 1996 г., автор Г. Лагздынь, исп. М. Черная.

«Книжкина больница» — 1998, 1999 гг., автор Г. Лагздынь.

«День добрый» — 1997 г., автор Г. Лагздынь.

«У лукоморья дуб зеленый» — 1995 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«В канун Нового года» — 1999 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«В гостях у детского творческого центра» — 2000 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Чаепитие у слона» — 2001 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Победа» — 2002 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Война глазами ребенка» — 2005, 2007 гг., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Город сказок» — 2002 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Курочка Ряба» — 2003 г., автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

Мюзикл «Мир иллюзий, мир фантазий, снов, мир мечты» — автор и музыкальное оформление Г. Лагздынь.

«Приключения цыпленка по имени Желток» — 2002, 2010 гг., автор Г. Лагздынь, композитор Ю. Иванов.

И другие.

Последний штрих к театральному портрету

Просматривая папки с архивами театра, я не думала, что так разволнуюсь. Что двадцать лет — большая часть моей литературной и педагогической жизни — так дорога и невосполнима?! С трепетом прочитываю сухие списки фамилий, анкеты, заполненные рукой моих театралов. А в глазах всплывают лица юных актеров, дети, пришедшие ко мне и совсем маленькими, или долговязыми, неуклюжими, или растолстевшими уже, подростками. На моих глазах они росли, видоизменялись внешне, преобразовывались внутренне.

Когда-то пришла в театр маленькая кругленькая девочка-колобок — Ира Стародубцева. Родители — врачи по УЗИ, работали в областной больнице, думали вырастить себе врачебную смену. Ирина ходила на репетиции многие годы, и не только до окончания школы, но и после. Перемещалась со мной с дворцовой площадки в школу №9 Пролетарского района, а когда я с остатками театра стала работать в школе №53 Заволжского района, вошла в состав труппы. Помощь ее была огромна. Рисунки всех массовых танцев, которые мы создали в нашем театре, которых не знал ни один хореограф, мои подросшие актеры переносили на новый состав. Ирина хорошо играла, прекрасно танцевала, сформировалась красивой стройной девушкой, истинно русской красавицей. И не удивительно, что,

закончив в Санкт-Петербурге профессиональную театральную студию, стала одной из ведущих актрис Кимрского драматического театра.

Все ребята у нас становились очень красивыми людьми и по форме, и по содержанию. Я ими очень горжусь.

И вот последний состав театральной труппы. Малочисленный, обновленный, не успею его вырастить. Закрываю театр, пока дети не заболели театральной болезнью.

Август 2007 года. Я покидаю свое литературно-театральное поле. Покидаю в Твери никем не замеченной. Но до сих пор и на школу, и на мой домашний адрес приходит корреспонденция из Москвы, где помнят наш театр, трижды участвовавший и трижды становившийся лауреатом, с предложением участвовать в разных фестивалях.

Как мне сейчас не хватает театра! Так бы и подхватила свою плетеную корзинку с кассетами и булавками, висящими на ручке в виде гирлянды. Булавки эти все время были нужны. Чуть что: «Гайда Рейнгольдовна, оторвалось! Гайда Рейнгольдовна, отлетело! Дайте булавочку!» Вот они, эти булавочки! Я покупала их упаковками. Лежат сейчас в коробке, никому не нужные.

Да что булавки! Ручки, листочки, бесконечные перепечатки текстов ролей в спектаклях, текстов песен для литературно-музыкальных композиций, стихов для литературного театра — для чтецов — все в мусорную корзину XXI века.

Немного истории…

А задолго до этого события, в октябре 1996 года, заведующая сектором Тверского областного дома народного творчества, член Союза театральных деятелей России Вера Ивановна Кутузова, давая оценку моей деятельности, писала обо мне следующее:

«Гайда Рейнгольдовна Лагздынь является создателем и руководителем детского музыкального театра, который был открыт в 1987 году в областном Дворце культуры профсоюзов. С 1996 года театр стал работать в средней школе №9 г. Твери.

Являясь признанным детским поэтом, обладая большим педагогическим опытом, Г.Р. Лагздынь разработала систему эстетического воспитания средствами театра. Она — хороший организатор, активно работает в области театральной педагогики, что позволяет сохранить детский театральный коллектив, пополнять его новыми участниками-школьниками.

Через музыкальный театр Г.Р. Лагздынь прививает детям-

артистам и зрителям навыки общения с театром, а через театр — с искусством в целом. В музыкальном театре формируется творчески активная личность.

Вся деятельность Г.Р. Лагздынь направлена на реализацию глубинных возможностей искусства во всестороннем развитии подрастающего поколения».

Приписка …

Размещение этой характеристики в книге не сочтите за стремление показать себя со всеми плюсами. Все мы умираем, но не все живем мертвыми. Если вдуматься без потайных мыслей, работа с театром не приносила мне дохода, а наоборот, вбирала возможные мизеры, награждая погибшими нервными клетками, была очень трудоемкой, учитывая то, что дети и подростки были в основном из неполных или многодетных семей, из среды (особенно Пролетарского района) криминогенной, со степенью риска в поведении. Театр трижды менял место работы, был не укомплектован порой профессиональными кадрами. Выращивать меняющиеся составы по мере взросления актеров, начинать снова создавать коллектив почти с нуля было морально сверхтрудно.

Из моих записей о работе с театральными детьми может показаться, что я забывала о своих детях. Но это не совсем так. Как и в каждой семье, не все «тишь да гладь, да божья благодать». Как говорится, «в каждом дому — по кому, а где и два». Просто свою личную жизнь, как и личные дела дочерей, зятьев, внуков, я не хотела выносить на обсуждение. Вокруг нас много хороших людей, но и других тоже хватает.

В заключение хочу привести слова Никколо Паганини: «Способным — завидуют, талантливым — вредят, гениальным — мстят». Надо воспитывать не только детей, но и взрослых.

***

Забомбили меня дубы!
Все кидают орехи дубовые.
А мне снятся опять грибы,
А мне снятся боры сосновые.
Метит в маковку злой каштан,
Толстым ежиком все швыряет!
«Ты, каштан, — я кричу, — шайтан!»
Или как еще там величают?
Мне к природе такой — аллергия!
А врачи говорят — ностальгия!
Ялта. 1984 г.

Глава 20. СЛЕТАТЬ БЫ НА ВЕНЕРУ!

Выступлений за период творческой жизни было так много, что порой путаешь не только даты, но и места участия. Но некоторые врезались в память и стоят как гранитные выступы, с крепко помнящимися, незабываемыми образами. Обо всех, даже таких запомнившихся выступлениях, нет смысла долго рассказывать. Это может показаться скучным. Ведь интерес чаще держится либо на соучастии в действии с упоминанием знакомых имен, либо на общей памяти тех событий. Но есть люди — краеведы — эти замечательные «землеройки», «бумажно-экспонаторойки», которым все интересно.

Итак, о пропаганде художественной литературы. Тверское отделение существовало совместно со Смоленским бюро. На моей памяти руководили этой структурой А. Гевелинг, В. Макашов, Н. Мазурин. Все они могли замечательно организовывать встречи, ибо работали совместно с областным обществом книголюбов. А у книголюбов на местах, то есть по всем районам, были уполномоченные. Целая хорошо управляемая сеть работников. У тех и у других были тематические планы. Встречи были интересными, с обсуждением вновь изданных книг, а их выходило не так много, как сейчас, а потому новая книга — событие. Для меня 1983-1985 годы были особенно активными, так как я ушла с преподавательской работы и полностью занялась творчеством и пропагандой литературы.

Прошло столько лет, но отчетливо помню выступления в Осташкове. Встречи проходили в школах, библиотеках. Мария Михайловна Шичкина, работник детской библиотеки, пригласила меня к себе домой. Дом был старенький, как почти и весь этот старинный город, но в доме уютно. Муж, кажется, Володя, принес шампанское, чтобы отметить встречу и знакомство. Не знали они, что я непьющая, думали: раз поэтесса, значит, должна употреблять. Позднее в Калинин пришла небольшая бандеролька, в которой эта милая женщина прислала мне вязанные из шерсти полуносочки-«следки»-«подследники» с припиской: «Пусть они будут теплой памятью о встречах в Осташкове».

Незабываемые встречи в Торжке в объединенной детской библиотеке, куда от автобусной станции идти долго-долго. В Молокове живет прекрасный человек, тоже работает в библиотеке, Вера Ивановна Виноградова. Мы с ней долго обменивались приветствиями. При первом приезде я ночевала в старой гостинице в виде длинного барака. Отопления не было. Утром проснулась, а волосы к стене примерзли. После этого я им

прислала большой, на длинной ручке, кипятильник. Запомнилась встреча в Старице. Знакомство с краеведом, который подарил репродукцию: я писала о ней и о том, как везла ее на вытянутых руках. В доме этого коллекционера-краеведа было много разных самоваров. Я даже не знала, что такие существуют. Удивительные самовары. Несколько раз приезжала на встречу со школьниками по приглашению учительницы Завьяловой. Сейчас она живет в Твери. Помню, как они усадили меня за стол и заставили есть вареные яйца. Яйца я люблю, но тогда не хотелось. Но отказываться было никак нельзя. Поэтому до сих пор помню эту трапезу в старинном городе Старице. Наверное, и Пушкина здесь также накармливали? А встречи в Лихославле? В Вышнем Волочке? Года три-четыре назад в Вышневолоцком доме детского творчества шла презентация моего спектакля «Шоколадная страна». Прекрасно поставленный спектакль, живое, без фонограммы, исполнение. Очень веселый банкет. Привезла книги для реализации. Оставила какой-то Бирюковой Татьяне Ивановне из поселка Красный Май — 60 экземпляров. До сих пор еще их судьба неизвестна.

Интересная была встреча в Бологом совместно с питерскими поэтами. Сошла с поезда, на пути — книжный магазин, а там женщины взахлеб рассказывают обо мне, да так громко, что все покупатели вокруг столпились. Интересно послушать о себе со стороны, хорошо, что неплохо о тебе говорят.

В Торжке в Доме культуры после чтения стихов вдруг сцена стала наполняться участниками хора, которым руководил Геннадий Строганов. Все дело было в том, что они услышали поэта, на слова которого пели и танцевали.

Вспоминаю детский садик где-то в глубинке области. Когда я приехала туда для выступления, меня заведующая сразу пригласила в медицинский кабинет. В мензурках была разлита прозрачная жидкость, рядом стояли стаканы, как я узнала потом, с водой.

Заведующая подала мензурку со словами:

— Пейте залпом.

Я, ничего не подозревавшая, думая, что это дезинфекция, выпила.

— Теперь быстро запивайте водой.

Так я впервые проглотила этиловый спирт, который, работая преподавателем химии, сжигала в спиртовках и считала химреактивом. Как, впрочем, и все спиртсодержащее. Заведующая, живущая в глубинке, была убеждена в том, что все поэты — пьяницы. Ну если не пьяницы, то, во всяком случае, выпивающие. Но самое интересное происходило потом. Действие

спирта стало проявляться в тот момент, когда началось мое выступление. Я почувствовала, что пьяна, и вынуждена была сесть. Обычно на выступлениях я этого не делаю. И чем дальше, тем эффективнее работал этот реактив. Но главное, что я узнала тогда о нем: если выпить воды на следующий день, то снова делаешься пьяным. Я стала жертвой алкоголя по неопытности и доверчивости.

Летом 1983 года, после тяжелой полостной операции, лежу с повязкой, крепко спеленутая на кровати, и выздоравливаю. Вдруг звонок: «Гайда, выручай! Приезжают московские писатели. Встреча на комбинате «Химволокно», а наших писателей нигде не найдут. Машину пришлем». Поднимаюсь, выезжаю. Зал полон народа. Бригада московских писателей состояла в основном из авторов, изданных в сборниках, как мы их называли, — в «братской могиле». После выступления на комбинате нас повезли в танковую часть, что располагалась недалеко от Мигалова.

Сказано по случаю…

Там писатели подшучивали:

— Что будете читать танкистам? Про лапки?

— Почему про лапки? — отвечала я. И прочитала стихи:

Я стою на посту.
Я стою и расту.
Хоть нельзя на посту,
Все равно я расту!

Но молодым ребятам понравились стихи и про зайца, который окосел, и про всякое другое. В каждом человеке живет ребенок! Взрослый делает вид, что взрослый. А как состарится, вся эта взрослая «шелуха» слетает. А говорят: «Впал в детство».

Затем наша команда оказалась в доме под названием «Энергосбыт», что у Тьмацкого моста. Дальше путь продолжили в направлении Дома офицеров. Решили идти пешком. Все шагают бодро. Что им не шагать?! Они не после операции с реанимацией! Предлагаю московскому спутнику идти медленнее, чтобы якобы лучше рассмотреть наш город: знаменитую школу №6, стадион «Химик», Старый Волжский мост, здание объединенного музея.

Начальник Дома офицеров предлагает пройти в зал, где, согласно плану мероприятия, танцы. Тверской поэт, подошедший к этому времени, предлагает не пропустить возможности протанговать. Я держусь стойко. Никто ничего не знает и не подозревает, что я чуть жива. Только Владимир Поторалов, опустив руку на спину ниже талии, обнаруживает узел от пеленки. Узла никто не замечал, так как у меня на плечах был

легкий ажурный пуховой платок.

— Да, — говорю я, — только что операция прошлась по моему телу.

Потом в кабинете директора Дома офицеров был фуршет. Приняв на душу кто сколько смог, московские гости и подошедшие наши тверские направились в библиотеку имени Горького. Я в изнеможении, чуть живая, вызвав такси, еду домой на свой проспект Победы, но явно довольная своей победой над болезнью. После этого уже не жила по принципу: «Я лежу, болею. Сама себя жалею». И опять бодро зашагала по жизни.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ГАЙДА ЛАГЗДЫНЬ И ДЕТСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

1990 год

В минувший четверг (27 сентября) по инициативе Союза писателей в Московском доме детской книги на улице Горького прошел юбилейный творческий вечер-встреча нашей тверской писательницы Гайды Рейнгольдовны Лагздынь и ее театра с работниками дошкольных учреждений Москвы и Московской области, с преподавателями лицея дошкольного воспитания. Активное участие во встрече приняли издатели книг для детей: заведующая дошкольной редакцией издательства «Детская литература» Леокадия Яковлевна Либет, редактор издательства «Малыш» Ольга Альбертовна Муравьева, редактор издательства «Бэмби» при Детском фонде имени В.И. Ленина Татьяна Германовна Кутукова и ее заместитель Борис Новыш, редактор Тверского отделения издательства «Московский рабочий» Анна Степановна Бутузова, зав. редакцией диафильмов Госкино Галина Михайловна Витухновская. Теплые слова и высокую оценку литературному творчеству Гайды Лагздынь подарили работники Института усовершенствования учителей, специалисты Академии педагогических наук, члены репертуарной коллегии Министерства культуры РСФСР: Светлана Владимировна Титова, Михаил Васильевич Костерин, авторы учебников и составители хрестоматий для детей младшего возраста. Встреча проходила в течение четырех часов с непроходящим интересом к писательнице и ее творчеству. Было прочитано много стихов-шуток, потешек, считалок, коротких и длинных стихотворений. Ребята детского музыкального театра, которым руководит наша писательница при областном Дворце культуры профсоюзов, порадовали присутствующих музыкальными фрагментами из спектаклей. В отрывках лихо играли Евгений Невзоров, Тимофей Васильев, Оля Свентицкая, Денис Медведев и другие. Ария Стужи

из «Доброй зимней сказки» в исполнении

Карины Полянской, ария Вороны и песенка Львенка из спектакля «Красный, желтый, зеленый», рождающегося спектакля, музыку к которому написала десятилетняя солистка Ульяна Стратонитская, были встречены, как говорят, «на ура».

Руководитель ВИА Борис Стратонитский

Сказано по случаю…

Встреча была длительной, доброжелательной. По ходу выступления играл вокально-инструментальный ансамбль нашего театра под управлением Б.В. Стратонитского. Было подарено много цветов и пожеланий здоровья, неиссякаемого творчества в благородном деле, которому отдает всю себя Гайда Рейнгольдовна в воспитании детей литературой, личным примером и гражданской ответственностью.

Никто из присутствующих не торопился уходить. Больше спешили мы, так как нас поджидал автобус. За снимки этой встречи в Москве я благодарю Владимира Николаевича Крылова, фотохудожника ДК профсоюзов.

Поездок и выступлений было много, и разных. Разве можно было забыть посещение вместе с московскими писателями научного центра Рыбинского водохранилища, Института белка, города Электростали? Встречу в Италии с поэтессой из Милана, организованной итальянцами? Незабываемого совместного, тусовочного типа, выступления с Михаилом Жванецким и Романом Карцевым, с актером кино Сергеем Яковлевым? Не говоря уже о бесчисленных общениях с детьми детских садов и школ Твери и Тверской области! Невозможно сосчитать, сколько раз участвовала в выступлениях в Днях города, на всевозможных фестивалях, в качестве ведущей в День памяти жертв политических репрессий! А во время выступлений моего детского музыкального театра на протяжении двадцати лет? Да и сейчас, когда пишу эти строки, взглянув в блокнот, удивилась. За полтора месяца — пятнадцать выступлений, в том числе выезд в Кувшиново и Лихославль. Воистину лошадь! Причем рабочая.

А вот на Венере не была. Слетать бы на Венеру?

Сможем мы и на Венеру полететь,
На читателей планеты поглядеть!
Нам сказал гремучий грозный Марс:
— Не хватает на Венере еще вас!

Глава 21. БИБЛИОТЕКАРЬ — НЕ АПТЕКАРЬ, НО РИФМУЕТСЯ ОТЛИЧНО

Позвольте поговорить

Почему у нас не любят «варягов»? «Варяг» — не инопланетянин, но все-таки чужой. А чужих не любят. Может быть, здесь срабатывает чувство местнического эгоизма? Кто поймет? Раз прислали, поставили на должность, значит, или засланный «казачок», или проштрафился, надо пристроить. Если на должность пришел более опытный, чем предыдущий, более знающий, умеющий по-крупному руководить, это замечательно, это плюс. А то зачастую встречаешься и с такими специалисточками-деточками, которые не отличают, что в лоб, что по лбу. Но политика — не мой вопрос. Меня больше в данный момент интересуют даже не писательские дела.

Всем известно, что при разговоре о спектаклях обязательно вспоминают артистов, композиторов, музыкантов, певцов, исполнителей. Когда говорят о книгах, то писатель интересуется автором, текстом и издательством, читатель взор устремляет на текст, а уж потом на автора, но бывает и наоборот. Я хочу вспомнить свой путь к библиотечным полкам, поговорить о библиотеках.

Библиотека как аптека

В моем детстве такого обилия детских книг, как сегодня, не было. Первое знакомство с печатной продукцией шло через газеты и журналы, которые стопочками раскладывала на столе в большой комнате ленинградской квартиры напротив каждого стула. Мы с братом читать не умели, но каждый вечер, перед тем как уснуть, лежа в кроватях, Феликс рассказывал мне «выдумки». И почему он стал не писателем, а инженером далекой космической связи?

В довоенные и военные годы мы читали лишь плакаты на стенах домов, а еще рассматривали старые книги, которые находили на пыльных чердаках домов в Затверечье. Это были

церковные, пожелтевшие от времени, с непонятными старославянскими буквами. Мы их не рвали и не раскидывали, а возвращали туда, откуда брали, под навес крыши.

Еще помню тетю Лизу, Елизавету... отчество забыла, такую черноволосую, очень вежливую, интеллигентную немолодую женщину, чем-то похожую на цыганку. Она работала в библиотеке имени Кропоткина. Улица с таким же названием была через квартал. Библиотека находилась за Тверцой, напротив Пожарной площади, в большом двух- или трехэтажном каменном доме на первом этаже. Раньше там был приют для детей-сирот, а сравнительно недавно размещался приют для бездомных животных. Тетя Лиза разрешала читать книги только в ее присутствии.

Более ясное представление о библиотеках я получила в Ленинграде. Возле Аничкова моста находилась библиотека имени Ленина. Мне нравилось туда ходить. Чисто, тепло, кругом интересные, занятые чтением люди. Не зная, что мне надо, я брала любую первую попавшуюся книгу и делала вид, что очень увлечена чтением. Во мне в пятнадцать лет просыпался (по гороскопу) львенок, которому нужно внимание публики. Для важности я надевала очки — где их взяла, не помню. А так как очки мешали (зрение было отличным), я без конца то снимала их, то надевала. Однажды от тепла мой нос стал подтекать. Из-за отсутствия платка я шмыгала им. Передо мной сидел мужчина. Эти шмыгающие звуки, видимо, ему надоели, и он сказал:

— Девочка, пойди и высморкайся!

Это я хорошо запомнила, как и то, что в пятнадцать лет была еще совсем ребенком.

Больше всего с книгой работала, когда училась в пединституте. Библиотека находилась в главном здании, окнами на улицу Урицкого, ныне Трехсвятскую. Занимаясь такими предметами, как химия, биология, а еще мечтая после окончания педагогического поступить в медицинский (а он как раз из Ленинграда перебазировался в Калинин), то предпочтительнее читала спецлитературу. Да и сейчас с удовольствием листаю медицинские энциклопедии, справочники невропатолога, технические словари и тому подобные специфические книги. И самое главное, что все прочитанное запоминается и сохраняется в памятных сейфиках. Поэтому, наверное, легко пишу художественно-познавательные произведения. О чем бы ни рассказывала, обязательно вверну, хоть чуточку, но полезную информацию. Вот так устроена. А может быть, все это от педагогического образования?

— А почему, — спросите вы, — сказали, что библиотекарь как

аптекарь?

Да, я шла на поводу у рифмы, но в то же время и мысли: «Библиотека выдает такие средства, которые излечивают болезнь под названием «малознание».

Библиотека — не аптека,
Но рифмуется отлично,
От незнаний, знаем, лекарь!
Убедилась в этом лично.

Почему подгорел лук?

Немного критики о Неделе тверской книги и прочем

«Что за напасть? Как бы не пропасть! — говорю, входя в кухню. — Ну что за место в квартире? Может, здесь, под домом, в земле, в коре земной трещина вроде небольшого Бермудского треугольничка? Вот опять эти мысли полезли».

Неделя тверской книги. Думаю, что одни ее ждут, чтобы продемонстрировать свои писательские труды, другие — представить издательские наработки в целях рекламы: привлечь к себе желающих публиковаться, кто-то — утолить свое человеческое тщеславие «круглым столом». Всех причин участия в Неделе не перечесть: раньше Неделя соответствовала названию — «Тверская», ибо выставлялись книги тверских авторов. Если она осталась бы в таком виде существовать в нынешнее время, мы имели бы возможность созерцать малое количество книг, ибо бюджетные издательские возможности в области минимальны. Сейчас издательств стало столько, что появилась нужда в рекламировании. Тверская же неделя книги превратилась больше в выставку справочников, путеводителей, научных разработок, которым место в учебно-научных учреждениях. А еще книг самиздатовских, сборников разных литобъединений. Издающие на свои кровные, с малыми доходами, лицезреют книжонки небольшие, которые потом не знают куда девать. Более богатые авторы одевают свои труды в изысканные одежки-обложки. А издающие за счет разных корпораций, холдингов свои книги раздают, пополняя библиотеки вторичным сырьем. Для взрослого, понимающего толк в литературе, это не страшно. Читатель разберется, а историческое время все расставит по своим местам, если не потеряет вкуса к хорошему. А вот для детской литературы такие писатели-неумехи опасны, ибо вкус к литературе извращается в стадии проростка.

Современные Недели тверской книги превратились в

праздники широкого профиля. Замечательно, что тверские писатели, их не так много, издаются и в столичных издательствах, и даже за рубежом, за пределами СНГ, что к нам едут со своими книгами писатели из других регионов, связанные тверскими корнями.

Невольно вспоминаются где-то восьмидесятые годы, когда лебезили перед всеми пишущими с московской пропиской, пусть даже изданными лишь в коллективных сборниках. Опять что-то таким прошлым повеяло. Давно живут в Москве, а не в Твери А. Дементьев и А. Пьянов, пользуются московскими благами, а бегают к нам. Почему? Да потому, что Москва — концентрат знаменитостей, там они — сержанты, а у нас — генералы.

Но почему на кухне эти мысли не дают спокойно жарить лук? Человек я независтливый, незлой, в литературе состоявшийся. Что меня гложет?

Где, к примеру, был бывший руководитель, ответственный секретарь Е.И. Борисов, когда организация гибла? Была выброшена буквально на улицу из помещения? Сбежал, как и тогда, когда рушилась КПСС, которой он служил. Но это не помешало ему, славя себя, после развала писательской организации получить высокое звание почетного гражданина Твери. Кто решал? Кто рекомендовал? А другие, спасавшие организацию, пусть по-малому, как могли, сохраняя документы и вещи, даже не были включены в состав правления. Для наград, говорят, нужны заслуги, начиная с 2000 года. А до этого что — не было заслуг? Тогда как с Борисовым? Он до или после? Видно, для кого-то — до, а для кого-то — после. Вот почему на сковороде подгорел лук.

Пишу эти строки утром 16 февраля 2010 года, а в 16.00 открытие Недели тверской книги в библиотеке имени Горького. Действительно, горько сознавать, что это уже не та Неделя, которую мы знали раньше. Такое впечатление, что библиотека отчитывается за истраченные средства по созданию книг самой библиотекой. И грустно от вида глиняных ангелов, которыми награждают, излучающих негатив не только своим внешним видом, но и внутренней отрицательной энергией. Мне кажется, что их творил далеко не святой человек.

На полном серьезе

С работниками тверских библиотек познакомилась ближе, когда стала вести от научно-методического центра (НМЦ) при

городском отделе образования литературное объединение «Курочка Ряба». Моя экспериментальная площадка располагалась в библиотеке на улице Софьи Перовской и в детской библиотеке на набережной возле памятника Афанасию Никитину. Здесь впервые произошло знакомство с Ниной Анатольевной Наумовой, позднее ставшей директором Центра детского и семейного чтения имени А.С. Пушкина.

В Пушкинской библиотеке проходят всевозможные выставки, конференции, встречи. Но больше предпочитают общаться с приезжими писателями. Как говорится, «нет пророка в своем отечестве». Москвичи — другое дело! Резонанс, слава за пределами края. А что свои? Что с них взять?

Бывает, случайно попадешь не на авторскую встречу, а с работниками библиотек области. Казалось бы, кому, как не мне, дать слово как автору крупнейших московских издательств, книги которых не попадают в наши библиотеки? Я не беру в расчет одно выступление моего театра, свое «насильственное» вторжение за двадцать-тридцать лет на нескольких микровстречах. Презентаций моих новых книг в Пушкинской областной библиотеке не бывает. Можно было более ста раз презентоваться только по одним поэтическим книгам, не считая прозаических, музыкальных сборников.

А происходит это потому, что ли, что мешает гнилая потолочина. Сожалею.

В изданном библиографическом справочнике тверских детских писателей в сведениях о моих книгах много ошибок!

Безусловно, в двух книгах не заблудишься! Я уверена, что и мой юбилей 2010 года пройдет мимо детской Пушкинской библиотеки.

В Центральной городской библиотеке имени А.И. Герцена, в детском отделе, не раз проходили выступления литературного и музыкального театра, которым я руководила, а также мои творческие и юбилейные вечера. Библиотека стала еще ближе, когда я закончила работать с театром. Всю жизнь прожив в коллективах — учительском, писательском, детском, — я не могла существовать без общества. Писательский союз после смерти Елены Михайловны Косарьковой осиротел, стал постепенно разваливаться. А после потери помещения почти рухнул. Герценовская библиотека превратилась в мой общественный дом. Сближению с коллективом способствовала заведующая детским отделом Ольга Николаевна Омельченко. Ее внимательность, доброжелательность, неподдельная забота о коллективе очень подкупают и располагают к общению. Наши первые годы были ближе. Видимо, срабатывает фактор

привыкания, следствием которого является отдаление, уход каждого в свою скорлупу. Особенно я почувствовала это, когда Ольга Николаевна занималась «добыванием» награды для Е.П. Барановой. Но она все же остается источником тепла. Такое же тепло я ощущала от Инны Николаевны Игнатьевой, Людмилы Порфирьевны Лукиной, которая, найдя что-либо полезное для меня в Интернете (а она знает, что мне надо), старается довести до сведения. К участию в библиотечной деятельности привлекает меня методический отдел в лице Галины Анатольевны Игнатьевой. Срабатывает опыт ее работы в качестве директора ДК профтехобразования.

На смену Ольге Николаевне Омельченко, в связи с повышением ее в должности, на заведование переведена Елена Николаевна Семенова из 18-го филиала, красивенькая, аккуратненькая, внимательная сотрудница. Очень мне полюбилась Татьяна Владимировна Дьякова. Мы с ней мало общаемся, но что-то притягивает меня к ней. Чего не могу сказать о главном руководителе — Елене Павловне Барановой. То ли фамилия напоминает о директоре школы в «Зоне», то ли биополе, окружающее Елену Павловну, сдерживает меня. Возможно, срабатывает память прошлого времени? Как плохо иметь развитое шестое чувство! Молодежь, работающая в библиотеке — Катя Разумовская, Ирина Лебедева, Света Иванова, — меня радует, но между нами возрастная дистанционная пустота. Не забыты и Татьяна Николаевна Шумарина и другие сотрудницы этого замечательного коллектива.

Восемнадцатый филиал, что в Заволжском районе на набережной Волги возле памятника Афанасию Никитину, продолжает оставаться любимой памятной точкой, иногда превращаясь в место встреч с читателями библиотеки. Все та же обходительная Ирина Михайловна Шулепина встречает с доброжелательной улыбкой, когда случайно или по делу зайдешь «на огонек». Я уже шестнадцать лет знакома с Ириной.

Областная библиотека имени Горького в последнее время все больше завоевывает меня. И не потому, что я получила в 2003 году диплом «Открытие года» после того, как в Москве были изданы пять видов книжек-подушек в издательстве «Дрофа-Медиа» совместно с «Трехгорной мануфактурой», и не после вручения в 2009 году мне свидетельства о награждении «Призом симпатий библиотекарей за бескорыстное и плодотворное сотрудничество с библиотеками», а потому, что Горьковка стала намного родней, когда ближе познакомилась с ее тружениками. Галина Сергеевна Латохина, подобно капитану дальнего плавания, ведет со всеми отделениями и палубами, с каютами на

всех уровнях суперкрейсер из XX в XXI век. А мы, пассажиры, уложив свой багаж на полки атомохода, уверены в обеспечении комфорта и любой поддержки со стороны всей многочисленной команды в количестве 192 человек. Впередсмотрящая Светлана Дмитриевна Мальдова, милые, знающие, доброжелательные сотрудницы библиотеки: Любовь Григорьевна Иванова, Татьяна Ивановна Лобачева, Надежда Васильевна Романова, Марина Эдуардовна Преснова, Ольга Александровна Земледельцева и многие другие способствуют усилению работы тепловых энергетических станций клеток моего сердца. Удивляюсь титаническому труду людей, создающих наши библиографии, сборники памятных дат и всего того, что неведомо мне. Один только центр информатики, где трудятся Ирина Валерьевна Фронкина, Валерий Борисович Крупенников, Елена Петренко, Лариса Полякова и другие, вызывает трепетные чувства коленопреклонения.

В целом библиотека — это огромная многоячеистая и многоканальная система, а не просто здание. Это храм, где, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, работают «последние святые на Руси — библиотекари».

Кроме библиотекарей города и области есть еще целая армия служителей в просветительском деле — школьные библиотекари. Можно написать целую книгу только об этих замечательных людях.

Хотелось бы поименно перечислить все библиотеки, всех, с кем связывала меня многолетняя дружба или кратковременная встреча.

Именитые — знаменитые

Я приведу названия мест, где была на выступлениях, имена тех, кто работал, а возможно, еще и работает в библиотеках. Город Кашин — центральная библиотека, директор Надежда Александровна Миронова; детская библиотека, Любовь Ивановна Коновалова, Ирина Ивановна Рассказова. Вспоминаю не раз и не одну встречу.

Вышний Волочек — директор Зинаида Севастьяновна Юркова, детская библиотека, Зинаида Дмитриевна Андреева. Совсем недавно встречались и на вышневолоцкой земле, и в Твери на 150-летии библиотеки имени Горького. Нелидово — Лидия Сергеевна Мурашова. Кувшиново — Евфалия Алексеевна Федорова, заведующая детской библиотекой. Поездка в апреле

2010 года на праздник «Читатель года» обогатила новым кругом знакомств. Встреча проходила в Центре детского творчества. Весьегонск — совместная с А. Гевелингом очень давняя встреча, но оставившая в памяти удивление: как велика наша область! В Калинине осень, а там в деревянной гостинице и окна в инее, печи топили. А еще и выпечка! Какие там пекут пироги! А рыбники?! Еще бы разочек съездить повидаться с рыбниками? Нет, не с рыбниками! С людьми. Торопец — Вера Семеновна Решетова, представитель роно. Зубцов — библиотекарь Людмила Михайловна Фруктова. Пено — Владимир Николаевич Феоктистов. Молоково — Вера Ивановна Виноградова. Бежецк — Надежда Семеновна Бочурина. Двадцать встреч за десять дней. Рекорд! Торжок — директор Ольга Александровна Митина, центральная библиотека — Татьяна Николаевна Ипатова. Здесь я бывала не раз! Западная Двина — Галина Павловна Жданова. Осташков — Мария Михайловна, Вера, Швечкова... имена чуть запамятовала.

Конаково — Татьяна Семеновна Редько как уполномоченный представитель от общества книголюбов. Встречи были многочисленными, интересно организованными: познакомилась с директором школы Анатолием Николаевичем Головкиным, позднее занимавшим пост начальника управления административными органами. Поселок Радченко — Любовь Федоровна и Василий Николаевич Сотник. Позднее прислали в подарок записную книжку с золотым именным тиснением. Спасибо. Храню и памятную встречу в технической библиотеке. Верхняя Троица — с председателем сельсовета Галиной Сергеевной, библиотекарем Ольгой Александровной. Беле-Кушальское — с Тамарой Петровной Цаплыгиной. Новая Орша — Анной Николаевной Белоус. В селе Квакшино какая была птицефабрика! Дом культуры! Приглашали меня и театр для выступлений. Библиотекарь Наталья Борисовна. Старица — Александра Георгиевна Беляцкая. Часто встречалась с ребятами, и не только на Пушкинских праздниках.

Страничка из прошлого

В памяти остался один из эпизодов Пушкинского праздника поэзии. Приехали из Бернова в Старицу. Нас, поэтов из Твери и Москвы, целая бригада. Встреча в ДК идет поздним вечером. Зал наполнен до отказа. Каждый поэт старается прочитать побольше сверх регламента. Мне как пишущей для детей отведено по

программе место где-то в конце вечера. Зал зевает. Монотонное чтение убаюкивает зрителя. Смотрю на публику и думаю: какой мне достанется слушатель в конце встречи? И вот настало мое время. Взглянув на зал, чуть оживляющийся после обнародования имени нового выступающего, решаю: буду вести так, как обычно при общении с детьми. Зрителей надо разбудить, растормошить. Как? Ну конечно, зарядкой! Объявляю:

— Прошу всех встать и делать все, как скажу и как покажу!

И я начала читать стихи «Зарядка» с требованием повторять тексты и совершать соответствующие движения.

— Ножками потопали. Топ, топ, топ! Ручками похлопали. Хлоп, хлоп, хлоп! Сели! Встали! Снова... сели! А потом (показывайте, как это делается!) всю кашу съели! Очень вяло! Повторяем снова!

Зал оживился, стал хохотать. Как мне потом сказали, все были довольны, даже представители власти не только Старицы, но и Калинина. Они тоже топали «ножками» и хлопали «ручками». Это было по-настоящему смешно, но не участвовать было бы смешнее. Я в очередной раз убедилась, что в каждом из нас живет ребенок. Потому и взрослые любят детские стихи. А еще то, что в человеке — два человека. Один наружу, которого мы знаем и который виден. Другой человек — наше второе лицо. Только мы его знаем порой еще недостаточно хорошо. Но он, этот второй, проявится тогда, когда сам захочет. Потому существует возглас:

— Ах вот ты какой?!

Из записной книжки

Много состоялось встреч в Кимрах — с читателями и библиотекарями района. Выезжали порой бригадами в Удомлю. Не раз приезжала и делала записи на радио в совхозе «Калининский». Встречи проходили не только с детьми садов и школ, но и с учащимися училищ, рабочими и служащими производств и учреждений. Был всеобщий интерес к литературе. Активно работали писательская организация и общество книголюбов. В Бологом, Лихославле, Кувшинове, где я недавно побывала, помнят о встречах. Значит, это было интересно людям? И сейчас залы наполняются слушателями. Что же мы сделали с людьми нашими? Почему так все перевернули, что лишили людей малого, а потом говорим: «Прогресс. Телевидение. Кино». Дети не читают? А мы прививаем им любовь к чтению

практическими действиями? Спортивные, игровые площадки строим. Находим для этого средства, устраиваем показуху. А для спасения душ только крестные ходы с мощами? Мне до сих пор непонятно, почему останкам измученных при жизни людей не дают спокойно лежать в земле? Животные — существуют. А человек — живет. Без реального — нельзя существовать. Без идеального — жить. Потому люди слушают, как поэты читают стихи, ходят в библиотеки. Покупают книги! Иначе не было бы столько издательств и книжных ярмарок.

В Российской Федерации 130 тысяч библиотек, на финансирование которых выделено только из бюджета три миллиарда рублей. В нашей области 880 библиотек, на двадцать стало меньше. Но это реально существующие библиотеки. И туда приходят читатели. Можно поверить тому, что не каждый был в театре или музее, а в то, что не был в библиотеке, невозможно.

В завершение главы о библиотеках хочу поздравить главную из них — имени Горького — с юбилейной датой — 150-летием. Я счастлива, что этот год и у меня юбилейный.

Библиотеки, и большие, и маленькие, в последнее время являются не только хранилищами книг, источником знаний, но и местом, подменяющим работу Домов культуры с бесплатными функциями. Поэтому и работа библиотек стала более сложной, более трудной, более многогранной. Благодарю вас!

Игра с буквами

Хочешь верь или не верь,
Буква «Д» влетела в «Тверь».
Слово «Тверь» — теперь не «Тверь»,
А какое? Верно: «Дверь».
Хочешь верь или не верь,
Буква «З» шмыгнула в «Дверь»!
Как тут быть? Ведь слово «Дверь»
Превратилась в слово «Зверь»?
Выгоняем букву «З»,
Возвращаем букву «Т».
Получилось что? Понятно:
Слово «Тверь». Читать приятно.

Глава 22. КОГДА МОЛЧИТ ПОЭТ В НЕВОЛЕ, БЕДНЕЙ СТАНОВИТСЯ НАРОД

«Народ и партия — едины» — это лозунг. Он призывает народ думать и поступать так, как думает и поступает партия. Приемлем ли этот лозунг в наше время? Когда партий много, а народ один? Что же такое партия? Сообщество людей по взглядам и устремлениям. Я задаю себе разные вопросы, в частности, и такой: заложены ли во мне азы партийности? Знаю, что заложены, но расположены во мне каким-то образом по другому принципу!

Кто же такие коммунисты?

Моя партийность была генетически заложена от рождения. Отец, латыш Рейнгольд Янович Лагздынь 1895 года рождения (потомственная фамилия Лакздинш), призванный из города Риги, служил на линкоре «Марат» Балтийского флота. Когда началась Великая Октябрьская социалистическая революция, всех моряков сразу, целой судовой командой, принимали в партию. Группа моряков была направлена на сбор продовольствия. Видимо, тогда отец и попал в плен к белогвардейцам. У пленных дознавались: откуда они, какова их цель присутствия на суше. Моряки молчали, их поставили к стенке, но расстрелять не успели. Налетела красная конница. Так отец избежал неминуемой смерти.

Мои предки

Во флоте наш будущий отец служил вместе с маминым братом из Белоруссии Ефимом Константиновичем Бородиновским (1896 года рождения). После демобилизации в Ригу не вернулся. Почему? Да кто теперь ответит. Морякам выделили квартиры. Ефим к этому времени женился на Марии Герасимовне Корзовой, имел квартиру на Прядильной улице в доме №20. С ними отец временно и проживал. Когда ему предложили квартиру на Невском, он отказался и попросил дать площадь в том же доме,

где жил Ефим. «В рабочем квартале сподручнее, — говорил отец, — чем на Невском-буржуйском». Рейнгольд Лагздынь познакомился с сестрой Ефима — Февронией Константиновной Бородиновской, нашей будущей мамой, жившей в Белоруссии в Витебском уезде в местечке с именем Улла. Так нам с братом Феликсом суждено было стать жителями этого большого мрачного на вид дома, в котором двор похож на узкий глубокий колодец. Наш адрес: улица Прядильная, дом №20, квартира 50. Рядом с нашей квартирой живет семья китайцев. Под нами — молодой сосед, он пугает, рассказывая страшные сказки.

Мой брат Феликс Рейнгольдович Лагздынь (1928 года рождения), когда стал взрослым, а Латвия — нашей республикой, пытался разыскать отцовские корни. Нашел сослуживца отца по фамилии Берзе, затем мужа сестры отца, который ранее служил в полиции. Сестру предположительно звали Гайдой. Она была замужем, но рано, в возрасте восемнадцати лет, умерла от тифа. Родственник был настолько стар, что ничего не помнил, даже имени своей далекой юной супруги.

При моем рождении отец настоял на имени Гайда, мама хотела назвать Зоей. Имя «Зоя» я взяла при крещении в Твери в 2003 году, так как латышского в церковных книгах не значилось. Однажды на день рождения отца мама заказала по фотокарточке портрет папиной сестры. Говорили, что я очень на нее похожа, даже с такой же родинкой на щеке. Про родного папиного брата Арвида Яновича Лагздыня Феликс ничего не узнал. Возникло предположение, что семья Лагздынь жила в рабочем районе Риги. Из разговоров отца известно, что во время Гражданской войны семья находилась на территории России и что моя латышская бабушка была крупной и тучной.

О родственниках с маминой стороны известно тоже мало. Мамин отец Константин Парфенович Бородиновский (1856-1926) был в семье последним, девятым, ребенком. Купцы часто приглашали его в качестве оценщика леса. Глянет дед, поведет глазом и скажет, сколько кубов леса будет, сколько можно изготовить пиломатериала. Выпивал с купцами многовато, страдал язвой желудка. Была у нас подслеповатая маленькая карточка. На фотографии коренастый мужичок, нос широк. На маминого отца похожи моя младшая дочь Тамара и дочери другого сына — Варфоломея Константиновича Бородиновского — Валентина и Раиса Варфоломеевны.

Моя белорусская бабушка Елена Харитоновна Ряпушева (1863 года рождения) умерла 20.09.1923 г. во сне. Больше ничего о ней неизвестно, кроме того, что она была из многодетной семьи. Судя по одежде моей мамы на фотоснимке, видно, что воспитание не

было чисто деревенским.

Составляя свою родословную, столкнулась с таким фактом. Мои белорусские дядьки, судя по датам рождения, — не ранние дети. Мамин брат Ефим Константинович — с 1896 года, другой, Варфоломей Константинович, предположительно с 1900-1901 года, а когда родилась моя мама в 1903 году (умерла 12.12.1996 г.), бабушке Елене было 40 лет, а дедушке Константину — 47 лет. Был еще кто-то, но умер в 1908 году. Почему такие поздние дети? Где были мои предки в более молодом возрасте? Как узнать, у кого спросить? И мамы нет. Вот наша безалаберность, потому призываю всех, пока живы родители, не терять времени. Потомки не простят, если мы этого не сделаем.

Душа то плачет, то кровит, то божьей искоркой горит

Детская запись…

Итак, наша семья живет на Прядильной улице. Отец работает на заводе «Марат», он фрезеровщик высшего разряда, стахановец. Нормы перевыполняет, так как не ждет, пока кран поставит деталь на станок. Он большой и сильный. Кроме того, отец руководит партийной организацией, входит в товарищество по управлению жильем по месту жительства. Мама работает в разных местах, в основном по анализам мяса и молока, является депутатом Ленсовета, пропадает на каких-то проверках. А однажды стала продавцом в круглом киоске не то на вокзале, не то на площади, если не путает что-то моя детская память. Она продает фрукты и конфеты. Мы много едим вкусного, а потому у мамы недостача, и она в этом домике-киоске уже не трудится.

«Кировское дело»

После убийства в Ленинграде Сергея Мироновича Кирова возникло так называемое «Кировское дело». Согласно современным расследованиям, это дело было сфабриковано. Киров был слишком уважаемым ленинградским руководителем. Сталин упивался властью. Чего не довершил Сталин, доделывали его соратники типа Берии.

Одного за другим, по-воровски, ночами увозил «черный ворон» — «воронок», как окрестили энкавэдэшную машину люди, «врагов народа» из квартир, уничтожая и ни в чем не повинных членов семьи.

Летом 1937 года дядя Ефим однажды предложил жене Марии: «Пойдем сфотографируемся на память, всех берут без

разбора». И как в воду глядел. Осенью он был арестован. Тетю Марию вызвали на допрос, спрашивали про мужа. Мария Герасимовна откровенно рассказала о собрании, с которого Ефим пришел сам не свой, метался по квартире, не находил себе места. Оказывается, он расписался, как и многие, не в получении денежной премии, а в согласии вступить в антиправительственную группу.

— Так чего ты ждешь? — воскликнула Маша. — Уезжай из Ленинграда. Многие сейчас исчезают. Затеряешься, не сразу найдут. А к тому времени разберутся.

Но дядя Ефим не послушал Марию, был уверен, что ни в чем не виноват. Вскоре его арестовали, а через пять дней, 20 сентября 1937 года, он был расстрелян как ярый враг народа. После ее откровенного рассказа в органах НКВД арестовали и тетю Марусю. В квартире осталась старшая дочь Полина Ефимовна с ребенком Люсей и сын Володя, еще несовершеннолетний подросток. Мария Герасимовна пробыла в дальневосточных лагерях пятнадцать лет, лишь в 1952 году вернулась к дочери Полине, которая во время войны была эвакуирована из Ленинграда через Ладогу в Ульяновск, где и проживала с семьей. Тетя Маша успела еще понянчить внуков от второго Полининого замужества; умерла от страшного склероза сосудов головного мозга. Я встречалась с Марией Герасимовной, она приезжала в Калинин. Выжить в лагерях ей помогли кулинарные способности. У начальника лагеря она работала кухаркой.

Володя Бородиновский, когда началась война, был призван в авиацию. Горел в самолете, в результате чего имел одно полуобожженное легкое. Чтобы внутри тела не сместились сердце и дыхательная трубка-трахея, ему каждый месяц через шприц закачивали в пустоту грудной клетки воздух. Володя был первым в медицине человеком, которому оказывалась такая медицинская помощь. А потому его, словно обезьянку, демонстрировали на международных симпозиумах. Володя любил жизнь и женщин. На том и держался.

Папе партийность, как и Ефиму Бородиновскому, стоила жизни. На заводе какой-то мальчишка в курилке папироской прожег глаза в газете с портретом Кирова. Отцом заинтересовались и по поводу латышской родни. Кто живет в Риге из родственников? С кем поддерживает связь? Тогда Латвия была зарубежной страной. Отец откровенно отвечал, что в Риге, наверное, живет его брат Арвид Янович Лагздынь, что была замужем сестра, в возрасте восемнадцати лет умерла. О родственниках ничего не знает! Связи с зарубежьем нет.

Как сейчас помню. В квартиру вбегает отец. На нем

сиреневого цвета рубаха. Он ее сбрасывает, говоря:

— Совсем еще новая. Феликсу пригодится! Подручного взяли, меня вызывают. Ефим бесследно исчез.

— Папа! — кричу я, выбегая в прихожую. — Я сегодня весь суп съела!

Не знала я тогда, что папу Рейнгольда Яновича Лагздыня вижу в последний раз. Не вернулся он с работы. Это было 11 декабря 1937 года. Не знала я и того, что этот съеденный суп станет началом полуголодной жизни в Калинине еще за четыре года до начала Великой Отечественной войны.

Судейская «тройка» по «Кировскому делу» уничтожила многих ленинградцев, уничтожила и нашего отца, и дядю Ефима, подвергнув их пыткам. Иначе бы они не признали себя виновными. Статья №58-59. Смерть для них была избавлением от нечеловеческих мук. «Все равно, — говорили нам в органах уже в наше время, — признавайся, не признавайся, конец один — расстрел». Не случайно музейная экспозиция в мемориальном комплексе «Медное» гласит: «Постановили: расстрелять».

Доложу по случаю…

День памяти жертв политических репрессий

Мне выпала честь четыре раза вести эти памятные встречи. Есть у нас в Твери такое общество — «Достоинство». 30 октября 2010 года общественная организация «Достоинство» девятнадцатый раз помянет жертв политических сталинских репрессий. С каждым годом нас становится все меньше и меньше. И хорошо, что не увеличиваемся в численном отношении. Чтобы не повторить! Чтобы не повторялось!

У меня два свидетельства о смерти отца: одно от новой власти, другое — от прежней. Согласно одному отец прожил 43 года: арестован 11 ноября 1937 года, расстрелян 4 января 1938 года, согласно другому — умер от тифа в дальневосточных лагерях в 1942 году. По этому документу он прожил еще четыре года! Фактически — сорок три. Похоронен на Левашевской пустоши.

Сказано по случаю…

В поисках следов отца мама обратилась и на прежнее место его последней работы. Получила справку: «Справка выдана Лагздынь Рейнгольду Яновичу в том, что он работал в Ленинградском лесном порту в качестве токаря с 8 августа 1933 года по 16 декабря 1937 года и уволен за соучастие в подрывной работе в гос. предприятии».

Такая справка была выдана маме 7 января 1957 года Ленинградским Лесным портом Министерства легкой промышленности «Главлесосплава» за подписью архивариуса Хрусталевой. А еще была выдана зарплата отца за два последних месяца. Так была оценена стоимость жизни человека!

Хрущевская оттепель

Наступившую оттепель по отношению к репрессированным я вспоминаю с благодарностью. Она дала нам право не называться «детьми врагов народа», а нашим отцам вернула имена честных коммунистов прошедшей эпохи. Она позволила маме и брату снова жить в Ленинграде. Это было не простое возвращение. Чтобы попасть на прием, мама просиживала не одну ночь у подъезда в учреждение, где решался этот вопрос. Она была одной из первых ласточек. Получив на набережной Мойки комнату в 12 квадратных метров на двоих с сыном Феликсом, радовалась, так как в Калинине жила в восьмиметровой комнате с пятиметровой кухней, а семья состояла из пяти человек. Комната на Мойке, как и прежняя квартира на Прядильной, окнами выходила на задний двор с глухой кирпичной многоэтажной стеной. Поэтому в комнате всегда было сумрачно. Лишь кухонное окно давало представление о том, ночь на дворе или день. И не беда, что рядом с кухонным столом мамы и брата стояли столики соседей по коммуналке. Но это был Ленинград, в котором еще жило много доброжелательных интеллигентов-ленинградцев, кем бы они ни были по профессии. Дух переживших войну, блокаду города был еще жив. Да и сейчас, бывая в Санкт-Петербурге, легко можно отличить коренного ленинградца от приезжего по манере общения, по еле уловимым черточкам. Надо только уметь видеть и чувствовать.

Подростковая партийность

Путь людей по партийным ступенькам был определен с детского сада. Сначала все становились октябрятами, затем пионерами, а после пятнадцати лет — комсомольцами. А вот быть членом партии (КПСС) — дело личное. Часть общества состояла в членстве, часть оставалась беспартийной. Если делать карьеру, занимать приличный пост, тут без партийного билета не

обойтись. Зато партийная система была крепка, дисциплинированна и монархоподобна в лице генерального секретаря партии. Беспарламентская система издавна соответствовала сложившимся традициям нашего народа, идущим из глубины веков. Был нужен царь, монарх. Многим старая система нравится до сих пор. Хорошо, когда есть крепкий лидер. Но как и в каждой системе, существуют свои плюсы и минусы.

Я тоже сначала была октябренком, потом пионеркой, потом комсомолкой, и этими званиями гордилась. Закончив школу, оказавшись на ступеньках высшего образования, вошла в состав бюро, возглавив учебный сектор комсомольской организации Калининского педагогического института.

Но став комсомольским лидером, меня как честного человека смущало то, что, поступая в институт, в автобиографической анкете не указала причину, почему в 1938 году оказалась в Калинине, ясно понимая: иначе не быть мне студенткой. А потом, как говорится, ушла в «подполье», «опустила забрало».

После войны репрессированными не интересовались, словно о них забыли. Но мама хотела узнать, что с отцом, где он? В Москве на Лубянке ей предложили поговорить с Надеждой Константиновной Крупской, но только по телефону. Разговор был коротким, обтекаемым, без всякой информации. Когда мама покидала учреждение, шла по коридору, ее догнал молодой офицер. Оглянувшись и убедившись, что они в коридоре одни, спросил: «У вас есть дети?» На что мама ответила: «Да. Сын в армии, дочь — студентка пединститута». «Советую больше к нам не приходить!»

Приписка…

Как известно, Н.К. Крупская умерла в 1939 году, но мама уверяла, что ей предложили поговорить именно с Надеждой Константиновной.

В память врезалось одно из комсомольских собраний. Я в президиуме рядом с деканом геофака М.М. Бочаровым. Доклады, выступления, вопросы из зала. Вдруг поднимается студент и наводит критику по какому-то вопросу. Его прерывает декан, критика явно не нравится. Да кому критика вообще нравится? А еще если затрагивает чьи-то интересы? Декан, стоя на сцене актового зала, громогласно произносит:

— Что мы его слушаем? Он — сын врага народа. Таких, как он, надо отчислять из института!

И парня вскоре отчислили. А я? Я — ведущая собрание? Я —

входящая в комсомольское руководство? Я же тоже дочь врага народа?

Институт окончен с отличием. Диплом в кармане. Меня оставляют в аспирантуре, которой руководит Леонид Невский, как мы его называли, старший. Его сын, Невский-младший, учился на нашем биофаке двумя курсами выше. К этому времени мое забрало жгло меня. На вопрос Невского-старшего и секретаря партийной организации института, почему я оказалась в 1938 году в Калинине, я ответила:

— Да потому, что репрессирована из Ленинграда вместе с мамой и братом как дочь врага народа.

Конечно, ни о какой аспирантуре не могло быть речи. Я получила направление в далекую глубинку, за что благодарю себя и институтских преподавателей. Вспоминаю книгу «Вечный зов», в которой писатель А. Иванов показал, как на местах, сами не зная для чего, служители сталинского культа продолжали издеваться над людьми. В этом вопросе я была, как видно, не одинока.

Партийность и труд все перетрут

Я долго не вступала в ряды КПСС. Предлагали, но я воздерживалась. Причин для отказа было много, но основная скрывалась под этим виртуальным «забралом». Освободившись от него, была свободна. Могла высказываться, иметь свое мнение, не оглядываясь по сторонам, в то время как члену партии могли «прищемить язык», исключить из рядов и даже лишить работы с различными формулировками. А что имели руководители от своей партийности? Авторитетную работу, приличное жилье да пыжиковые шапки с пайками. Ни выпить толком, ни погулять — донесут, уволят в лучшем случае. Мой же карьерный рост шел своим чередом: как была, так и оставалась учителем, давала открытые уроки для директоров школ и преподавателей химии, но не становилась ни «отличником образования», ни «заслуженным учителем». Не умела пресмыкаться. Перед тем как уйти на выслугу лет, в 1983 году, на свой последний открытый урок в ШРМ №11 пригласила многих коллег. При обсуждении качества моего преподавания за чашкой чая кто-то из педагогов вдруг сказал:

— А ведь Гайда от нас уходит на «белом коне».

Действительно, на моей чаше весов находилась учительская и литературная работа. Я продолжала писать стихи, печататься, в

1980 году стала членом СП СССР. Стрелка склонилась в сторону писательского творчества. В 1983 году перенесла сложную операцию, через два года по праву стала считаться пенсионеркой, но звание ветерана педагогического труда я получила только в 1986 году.

В писательской организации в союзе с областным отделением общества книголюбов начинаю усиленно работать по пропаганде книг и книгочтения. Но что мне мешает? Я редко попадаю на писательские собрания по той причине, что они чаще являются «закрытыми» для беспартийных, ибо там обсуждают то письма, то постановления ЦК КПСС.

Назревает необходимость стать членом партии, чтобы попадать на собрания и быть равноправной во всем. Все удивлены: зачем ей это? Одним партийность была необходима для продвижения по карьерной лестнице, другим, говоря о писателях, бывать на съездах, на авторитетных заседаниях. Ей этого не надо. Она — член Союза писателей СССР, много печатается в Москве, на пенсию собирается. Для чего ей нужна партийность?

Чтобы стать членом КПСС, нужны три рекомендации. А вместо одного интеллигента можно принять в партию троих рабочих. Но мне не отказали. Написала патриотическое заявление, попросили переписать, так как не по форме. Прием шел в Заволжском райкоме партии, что находился на улице Мусоргского; теперь здесь музыкальная школа.

В райкоме я впервые познакомилась с Ларисой Алексеевной Бабенко, впоследствии ставшей директором средней школы №46.

Сказано по случаю…

Партийная закваска очень помогает Ларисе Алексеевне в работе. Где образованием руководят бывший партийные работники, всегда порядок, дисциплина, ответственность за выполняемую работу, только иногда чувствуется жестковатость по отношению к учителям.

Из директоров я знала лишь одного — Екатерину Александровну Новикову, которая, придя к руководству школой №18 г. Твери после роли заместителя главного партийного руководителя Центрального райкома партии в лице В. Брагина, сумела эстетически укрепить коллектив даже своим участием как в творчестве учащихся, так и в творчестве педагогов.

После процедуры приема я первый год ходила в звании кандидата в члены КПСС. Но как только кончился испытательный срок, тут же была избрана партийным секретарем писательской

организации.

«Вот зачем ей нужна партийность! Ей нужна власть!» — подумали некоторые. Но мне быть этой властью совсем не хотелось, как и руководить взрослыми писателями. Неинтересно и скучно. Училась писать протоколы, составлять отчеты о каких-то пустых собраниях, изучать постановления. В заместителях ходил заведующий Тверским отделением издательства «Московский рабочий» Александр Сергеевич Душенков, ныне священнослужитель в соборе Вознесения, что возвышается на перекрестке Советской улицы и Тверского проспекта. Раньше в этом здании располагались выставочные залы промышленных достижений Калининской области. А на углу был большой овощной магазин. Этого здания сейчас нет. Его снесли, когда расширяли Тверской проспект. Как все меняется!

Со стороны партийных органов писательскую организацию курировал прекрасный, умный, замечательный профессиональный журналист Александр Евдокимович Смирнов. Все его за спиной величали Евдокимычем. К нему я обратилась с просьбой освободить от занимаемой должности партийного руководителя. Неслыханное дело в те времена.

— Почему? — удивился Смирнов. — Вас выбрали на срок, а срок закончится через год. Три года надо отслужить.

— Да не хочу я служить! В упор рассмотрела всех, не желаю!

Так я передала партийное руководство своему заместителю А.С. Душенкову. П потом пошло-поехало. Наши писательские руководители Е.И. Борисов, А.Ф. Гевелинг бегом в райком, билеты партийные стол выложили. Всю жизнь в партии, за нее держались, льготировались — и вдруг на тебе! Судовые крысы убегали, почувствовав неладное. Но партия еще не рухнула. Нужно было выбирать представителей в райкомы, горкомы, обкомы. Хоть шатко, но партия еще существовала. Раньше партийные посты занимали они, эти самые убегающие. Никто бы и не подумал меня рекомендовать даже на уровень райкома. А тут — прямо в обком партии! Соглашаюсь пойти под крыло Нины Ивановны Гусевой, возглавлявшей Совет женщин Тверской области. У меня театр, неимущие дети, может, чем подмогну.

Когда писала эти строчки, опять вспомнила трикотажную фабрику, «закрытый» магазин на его территории, наших женщин да и себя, оказавшихся среди обилия трикотажных изделий. В широкой продаже в то время с ассортиментом было пустовато. А тут покупай что хочешь и сколько хочешь. Дорвались наши женщины, накупили всего. Многие приехали из районов. И себе надо, и соседу, и брату, и свату.

Только в стороне стояли две дамы и смотрели на все с

нескрываемой насмешкой — это были Нина Ивановна Гусева и Галина Васильевна Хомула. Когда возвращались в управление на автобусе, я без радости взирала на свои покупки. Прошло почти тридцать лет, но, вспоминая эту поездку, почему-то все время ощущаю униженное душевное состояние и превосходство тех, кто был у власти.

Находясь в составе женсовета обкома партии, участвуя в заседаниях, высказывалась в адрес постановлений, в которых лишь обтекаемые фразы, но без конкретных решений, согласно которым можно сколько угодно говорить, но не обязательно выполнять. Мне старались не давать слова, так как надо было переписывать постановления, а они готовились заранее, и это было неприемлемо.

Чем бы это все кончилось для меня, не знаю, но к руководству вскоре пришел Горбачев. Без всяких мировых институтов, без всякой интервенции поломал враз нашу страну, не оставив, как у китайцев, прежде, чем идти к новой жизни, даже совета мудрейших. Не случайно в Европе в одном из храмов во время круиза по Средиземному морю я видела лица генсека Горбачева и его жены Раисы Максимовны на стене храма в виде лика святых.

Учетную карточку члена КПСС и партийный билет храню как архивный исторический документ того времени.

Вольно или невольно сравниваю прошлое с настоящим. Работу разных партий как обыватель оцениваю не по красивым эмоциональным высказываниям, порой не по выкрикам их руководителей, а по конкретным полезным делам. Была одна партия — КПСС. Стало партий много. Сейчас главенствует партия власти — «Единая Россия». Даже многие политики переметнулись из других в «Единую».

Случайно оказавшись два года назад на Московской улице, на стене дома прочла: «Областной комитет КПРФ». Первый секретарь Людмила Федоровна Воробьева, второй секретарь Андрей Александрович Истомин. Обком находится в подвальном помещении. Что поразило — это настежь открытые двери, отсутствие при входе охранной службы. Возникло такое впечатление, что и охранять тут нечего. Но здесь хороший зал, печатная продукция, много входящих и выходящих людей разного возраста. А главное, что все время, а не эпизодично, присутствует кто-то из помощников секретарей. Невольно сравниваю с приемными других партий. Разница большая. И штата больше, и охраны, и волокитных проволочек. Все приветствуют, оценивают, вроде стараются, но почему-то у них, как говорит М. Жванецкий, многое не получается.

В результате знакомства с секретарями обкома КПРФ триста томов были переданы в библиотечную систему Тверской области, книги, отмеченные лауреатскими грамотами и дипломами в Москве. Такая же была оказана помощь со стороны депутатов областного Законодательного Собрания по изданию книги «Старые дневники и пожелтевшие фотографии» как дополнения к «Из века в век в легендах и сказаниях», которые также попали на книжные полки библиотек города Твери и Тверской области.

Ни одна партия не посодействовала автору книг для детей и подростков, кроме КПРФ. Об этом я говорю на страницах автобиографической повести как о свершившемся факте без подхалимажа, а с благодарностью еще и от имени учащихся, учителей, читателей и работников библиотек города Твери и живущих в Тверской области.

Изучая документы при написании сказочно-документального путеводителя по музеям Твери и Тверской области по просьбе и заказу тверского издательства «Рэд», натолкнулась на документ, в котором сообщалось Калининской областной комиссией «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном ими гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям, учреждениям на территории Калининской области», где было указано, что только ущерб, причиненный народному хозяйству города, превышал 1,5 млрд. рублей, а всей области — 26 млрд. Документ был подписан председателем областной комиссии ЧГК Бойцовым и секретарем областной комиссии Вахровым. Кто такие были Бойцов и Вахров? Вахров Василий Васильевич с 1937 года в течение десяти лет находился на руководящей работе в плановых органах Калининской области, а затем уполномоченным Госплана СССР по Калининградской области; после возвращения из ГДР, где был в качестве заместителя председателя Советской контрольной комиссии, руководил отделом промышленности и транспорта Калининградского обкома КПСС, а затем начальником статистического управления. Почему я так подробно пишу о Василии Васильевиче? Это напрямую связано с моей биографией, ибо он был моим свекром, отцом моего мужа. С Иваном Павловичем Бойцовым, первым секретарем Калининского обкома партии с 1937 по 1946 годы, была знакома как обычный житель нашего города. В воспоминаниях моего свекра рассказано о Бойцове как о сильном, мужественном человеке, которому пришлось руководить областью в труднейшие, сложнейшие годины репрессий, период военных действий и восстановления разрушенного хозяйства.

Из других партийных секретарей мне запомнился Николай Гаврилович Корытков, восемнадцать лет стоявший у руля с 1960 по 1978 годы. Еще прилетевший, кажется, с Сахалина и просидевший семь лет в кресле руководителя области П.А. Леонов. Запомнилась по-русски красивая соратница секретаря обкома Екатерина Хрусталева.

Философия характера

Размышление на тему

Не случайно существует поговорка «Чтобы познать человека, надо с ним пуд соли съесть». Действительно, человек настолько сложен, что порой непонятен и самому себе. Иногда человек мысленно считает себя честным, порядочным, справедливым, а на деле оказывается совсем другим. А другой — внешне бесшабашный, легкомысленный, вдруг оказывается внутренне крепким, надежным товарищем.

Я не раз думала: как я себя поведу, если на меня нападут грабители? Несомненно, все зависит от обстановки, состояния здоровья, возраста и еще от очень многих причин. Однажды, это было очень давно, возвращаясь с работы, подверглась нападению в двухстах метрах от дома.

Неожиданно для себя, а тем более для грабителя, резко распрямляю руки и ударяю кулаками ему в грудь. От сильного удара он чуть отпрянул в сторону. Я же, не помня себя, мчусь не оглядываясь к дому. Бегать я умела. Не случайно в институте брала чемпионские стометровки. При нападении что сработало? Злость против вымогателя? Защита заработанного за две недели труда в вечерней школе? Боязнь остаться без средств к существованию? Разобраться в своих поступках трудно, а в поступках и характере другого человека — и того сложнее.

Многие начальники, с которыми приходилось работать, подозревали меня в желании быть руководителем.

Скажу честно: никогда не думала им быть ни в образовании, ни в писательском обществе. Но «царственная натура льва» давала о себе знать. Это выражается в стремлении к оценке, к высказыванию, к вниманию к моей персоне. Когда я создавала, а затем в течение двадцати лет руководила театром, поняла, что во мне был этот руководитель. Был и маркетолог, и менеджер, и все, все, все согласно гороскопу. А то, что родилась в год Лошади, проявлялось в характере: трудоголик! Как зашоренная лошадь, несусь по своей судьбе и не могу остановиться, пока не упаду. Не

случайно одна из моих любимых поговорок: «Дубы умирают стоя». А еще я живу под такими лозунгами: «Лучше износиться, чем заржаветь». Еще мне понравилось высказывание артиста цирка Запашного: «За катафалком сейфы не понесут».

ЗВУКИ ЗЕМЛИ

Поэтическая зарисовка

Вам никогда не приходилось слышать голос земли? Днем, среди суеты, многочисленных звуков, исходящих от шелеста листьев, шороха ветра, от поскрипывания чьей-то плохо прилаженной калитки, от криков детворы, разговоров соседей, от несмолкаемого говора птиц то с нежным щебетаньем, то с горластым покрикиванием вечно дерущихся на крыше дома ворон, от далекого перекукукивания лесных птиц-кукушек, щебета синиц и прочих прелестей летнего дня, — земли не слышно. Она как бы притихла, уступило первенство населяющим ее.

Но вот последние закатные блики обозначили уход солнца. Неторопливо катятся на землю густеющие сумерки, поглощая яркие краски дня. Постепенно исчезают звонкие дневные звуки, уступая место вечерним, тихим и уютным. Говор людей, как и прочие голоса дня, как бы размыты, притушены. Гаснет свет в окнах. Деревня погружается во тьму. Но темнота еще не сплошная, не августовская, природа различима, хоть и окрашена в темные тона. Ночь наслаждается наступившим в мире покоем, обволакивая умиротворяющей тишиной.

Кажется, что все в мире спит. Но это только кажется. Вот где-то прошла кошка, ступая мягкими лапками на зеленую траву. Вот содрогнулась земля — где-то что-то упало, вот задвигалась, задрожала от пробежавшей вдалеке стайки подростков. И опять покой. Земля только чутко вздрагивает как новорожденное дитя.

Приложив ухо к подушке, можно, не выходя из дома, услышать ее. Земля дышит, вздыхает, в глубине ее недр неспокойно. Приняв на себя все волнения дня, она как бы пытается умиротворить, привести в равновесие текущие в себе процессы. Не спит земля, приняв на себя наши деяния.

Глава 23. ГУБЕРНИЮ ВЕСТИ, ЧТОБ ТА МОГЛА ЦВЕСТИ, — НЕМАЛЫЙ ТРУД!

Нам было назначено время для встречи с новым губернатором Владимиром Игнатьевичем Платовым. Сидим в приемной с явным желанием познакомиться: Виктор Крюков, Владимир Исаков, недавно принятый в Союз писателей Владимир Юдин и еще кто-то. Секретарша в одежде, явно не соответствующей данному месту, откровенно открытая, просит подождать. Я не могу отделаться от мыслей, которые всегда крутятся в моей голове при посещении присутственных мест: «Нужно ли все это мне?» Секретарша несколько раз входит и выходит из кабинета губернатора, снова просит подождать. Наконец появляется сам, едва кивнув, ссылаясь на занятость, удаляется. А мне кажется: он просто сбегает от нас, опасаясь вопросов и просьб. Работая в Бежецке, в этом провинциальном городке, не имел опыта общения с писателями. С тех пор никогда не посещаю приемных руководителей разных рангов и разных званий, тем более по личной инициативе. Спустя какое-то время приглашена как детский писатель на круглый стол к губернатору для встречи с многодетными мамами. Рядом сидела актриса драматического театра Наина Хонина. На мое приветствие — нулевая реакция, словно не слышит и ничего не видит.

По правую руку губернатора — Ольга Ивановна Пищулина, по другую — еще кто-то из представителей администрации. Никто из приглашенных не задает вопросов, не высказывается, чтобы наполнить встречу разговорами. Начинаю поднимать вопрос о воспитании детей в тесном союзе с обществом. Беседуем о детях. Встречу записывают для областного радио. Радиожурналистка Антонина Булгакова вспоминает программы, которые были ранее, говорим о необходимости таких передач для детей и их родителей. Ольга Ивановна включается в беседу, обращаясь к Платову, говоря, что этот вопрос они как раз прорабатывают. Многодетные мамы, естественно, молчат. Многие ведь впервые встречаются с властью на таком уровне. И тут громко и неожиданно Хонина произносит фразу: «У меня умер внук!» Я вздрогнула, поверила актрисе. Но она невозмутимо продолжает, как оказалось, читать монолог. Вот это да! Так по-актерски здорово. Но зачем этот монолог, да еще с таким пугающим началом? Потом нам вручили по чайнику. Мамам —

понятно. Но нам с Хониной зачем? Кстати, чайник оказался некачественным, вскоре перегорел.

При вручении этого нагревательного прибора мне почему-то захотелось запеть:

— Меня по морде били чайником. Меня учили танцевать, но у жирафа шея длинная, его нельзя поцеловать!

Когда Владимир Игнатьевич вручал сей предмет, я пожелала ему здоровья. Он посмотрел так, словно я знаю какую-то тайну, отошел, повернулся, снова выразительно посмотрел, но ничего не сказал.

С губернатором Дмитрием Вадимовичем Зелениным я встречалась несколько раз. Отношение к нему у меня виртуально-многогранное.

Первая встреча с губернатором произошла в клубе «Красная звезда». Я как писатель, занимающая активную жизненную позицию, общаясь со служивыми ребятами из клуба с Дмитрием Юрьевичем Лисичкиным и Игорем Салаватовичем Исхаковым, была приглашена на субботник по поводу закладки мемориального комплекса «Воинам- интернационалистам». Д.В. Зеленин приехал к обелиску Победы, вблизи которого должны были воздвигнуть это сооружение. Губернатор в рабочей куртке, резиновых сапогах не первой свежести. Вооружившись лопатой, вместе со всеми умело копал землю. Рядом с ним в штатском трудился, почему-то я так решила, «генерал». По всему было видно, что он этого никогда раньше не делал. Я обратила внимание на его обувь — изумительные, прекрасной работы полуботиночки. Я думаю, купленные где-то в Европе и не за одну сотню долларов. По крайней мере, на наших прилавках я такой обуви не видела. Свое сожаление по поводу испачканной, чуть попорченной обувки я высказала «генералу». Ну язык мой — враг мой! Зачем? Для чего? «Каждый сверчок должен знать своей шесток!» — гласит народная поговорка.

После окончания субботника все пешком направились к клубу, тем более что он рядом, за спиной памятника баснописцу Крылову. Мне же было предложено сесть в губернаторскую машину. Машина так машина! Интересно же почувствовать себя на правительственном сидении. Но ничего особенного я не ощутила. Обычная, хоть и импортная, машина! А вот памятная точка об этом осталась.

В конце длинного стола напротив сидел Дмитрий Вадимович Зеленин, рядом «генерал». В дверях толпились, я думаю, охранники. Пили чаек, говорили о чем-то, но память не выдала ни строчки. Сзади телекамеры снимали происходящее. И тут я опять! Ну кто тянул меня за язык? Обнаружив в сумке книгу

«Зона», предназначенную для кого- то, вдруг высказалась:

— Дмитрий Вадимович, хочу подарить вам свою книгу. Сожалею, что не имела возможности передать экземпляр предыдущему губернатору.

А тверской губернатор Владимир Игнатьевич Платов в то время находился под следствием. Удивление! Квадратные глаза охранников. О святая наивность! Я думала только о книге, а не о ее содержании. Другой книги под рукой просто не было.

И вот вторая встреча с губернатором в 2006 году. Круглый стол в санатории «Карачарово». Действительно, он был круглым, за которым губернатор Д.В. Зеленин, рядом О.И. Пищулина, как когда-то с Платовым, тоже по правую руку, далее мэр города Конаково, директор санатория, хранитель литературного наследия Ивана Сергеевича Соколова-Микитова писатель Вадим Борисович Чернышев, напротив губернатора — министр культуры Александр Соколов, внук Соколова-Микитова, рядом главный режиссер драматического театра Вера Андреевна Ефремова, артист Александр Александрович Чуйков и я как писатель, лично встречавшаяся и знавшая юбиляра, жившего последние годы в карачаровском домике. Круглый стол был посвящен юбилейной дате И.С. Соколова-Микитова.

Ефремова очень нервничала. Я мешаю ей задавать вопросы министру культуры и губернатору. Они с Чуйковым пробивали вопрос о проведении юбилейной даты для театра. Министр культуры, видимо, предчувствуя свой уход с поста, поднимал вопрос по поводу проведения юбилея деда в Твери и издания на бюджетные средства переписки Соколова-Микитова. Остальное, наверное, все уже было издано и переиздано! А я тут со своими вопросами о контроле за качеством издаваемой литературы для детей. Как министерство реагирует на все это и тому подобные вопросы. Эх ты, писатель-педагог! Разве не видишь сама, что властям это неинтересно? Чего лезешь на колокольню, дура! «Не зная броду, не суйся в воду». Не зря говорят, что «в России две беды: дураки и дороги».

После небольшого чревоугодничества выходим на воздух. Светит солнце.

— Какая прекрасная погода! — говорю я. — Так не хочется возвращаться снова в кардиологическое отделение больницы №5. Но надо. Заведующая отделением Елена Дмитриевна Сергеева ведь не уйдет домой, пока меня не привезут обратно.

— Да, да! — невпопад отвечает Вера Андреевна, судорожно глотая чистый карачаровский воздух и таблетки нитроглицерина.

Ну и жизнь! Какая-то суета. Что этот день дал мне? А Вере Андреевне? Теперь я знаю: мне — строчки воспоминаний о

встрече с губернатором и со служителями культуры, Вере Андреевне — юбилей драматического театра.

Были ли у меня еще встречи с губернатором? Была: на сцене ДК «Пролетарка», когда Дмитрий Вадимович вручал диплом лауреата губернаторской премии за вклад в литературу. Я награждалась за книги: «Моя книга-2» и «Мой любимый малыш» московского издательства «Дрофа-Плюс». Взгляд настороженный, искорки в глазах. В зале полно зрителей, открытый микрофон — что скажет эта детская писательница? Да ничего не сказала, лишь поблагодарила за оказанную честь. А еще подумала: «Премия — тридцать тысяч, минус четыре тысячи, плата налога за доход. Странно, какой налог? Но и двадцать шесть — большие деньги. Можно еще что-нибудь небольшое издать для детей». Но главное — это признание твоего творчества. Быть лауреатом губернаторской премии — большая честь!

Мне не тогда, а потом почему-то стало жаль Владимира Самуйлова из Вышнего Волочка, что служит в администрации М. Хасаинова. Уж так ему хотелось быть на моем месте с цветными фотографиями вида своего города, что даже в комиссию протелефонили: «Нельзя ли пересмотреть протоколы?» Но голосование было закрытым, члены комиссии честны и объективны. За меня голосовала культура области. Как говорится в Библии: «Ибо знает Господь путь праведных, а нечестивых пусть погубит».

Приписочка…

Трудная работа у руководителей: надо успеть везде. А тем выступлений сколько? И все разные! Говорит губернатор без бумажки. Хорошая у него память.

А на днях произошла непредвиденная встреча с Д.В. Зелениным на бытовом уровне. Зашла в магазин купить кочан капусты. Магазинчик маленький, возле моего дома. Что такое? Продавщицы в красивых пилоточках! Фартуки накрахмалены! Улыбочки необычные! Глазки сверкают, фонариками светят. И тут на пороге губернатор, с ним директор ЗАО «Калининское», директор молочного комплекса Дмитрий Лебедев и, конечно, телекамеры. Капусты я не купила, а вот новую книгу, первый сигнальный экземпляр «Старые дневники и пожелтевшие фотографии», только что полученный в областной типографии, губернатору подарила. Конечно, с автографом! Тут же на столике возле прилавка и подписала. Вот такая вышла бытовуха! А в жизненном окружении губернатор совсем не похож на миллионера!

Мгновение жизни

Конец лета 2009 года. Закончила писать книгу по заказу издательской группы «Аттикус», объединившей в единое целое такие издательства, как «Махаон», «Иностранка», «Колибри», а теперь и «Азбука». Книга получила название «Мы играем и мечтаем», написала около семидесяти, вошло тридцать три стихотворения о профессиях. В остатке около сорока. Права на стихи в этой книге издатели купили. Но по закону авторства я все-таки опубликую стихотворение «Я буду президентом».

Губернию вести,
Чтоб та могла цвести, —
Немалый труд!
Не каждого в истории,
Не каждого ведущего
Ведомым назовут.
Такой вот я калач.
Так испекли! Хоть плачь!

Я — президент

Я президентом стать готов
На целых десять лет.
Возглавил я бы сто постов,
В правительстве — Совет!
Я бы министров назначал
И губернаторов на срок.
Как президент, я все бы знал,
Руководил, как мог.
Я облетел бы шар земной
И крикнул на весь МИР:
«Кто бредит мерзкою войной —
Стрелять идет пусть в тир!»
Но кто-то скажет, что я мал.
Но я ведь не шучу?
Быть президентом я мечтал!
И стану! Раз хочу!
Еще хочу счастливым быть,
За чистоту Земли сражаться,
С детьми планеты всей дружить
И никогда ни с кем не драться!
Открою вам один секрет:
Чтобы набраться сил,
В саду сегодня, съев обед,
Добавку попросил!

Глава 24. ПЕЧАТЬ НЕ МОЖЕТ МОЛЧАТЬ

Мелкая монета

Если батон в переводе с французского на русский язык означает «палка», то слово «газета» с итальянского означает «мелкая монета». Оттого, что стоили мало? Или из-за чего-то другого? Может быть, и мелкая для того, кто пишет толстые романы, которые и стоят дорого. Наши газеты и по формату, и по разночтивости не такие уж и мелкие. Встречаются иногда статеечки девиц-журналисточек-скороспелочек, пишущих так, что начинают удивлять факты собственной биографии. А коль назлили, настропалили, то на листе бумажно-газетном, как на кресте, приколотят несуществующими фактами и неведомо откуда высосанными фразами. Все дозволено. Никакого удержу! В общем, образно мыслят согласно заданию того, уши которого между строчек торчат как у крысенка. Относительно меня была публикация по злобе. Бог — судья! Ему и слава, что нечасто допускает грешных к печатному престолу. Я не буду осуждать современное состояние печати, полоскать страницы «желтой» прессы, лишь скажу: раньше этого не допускали контролирующие органы. И правильно делали. Журналисты со всей ответственностью относились к написанию статей, взвешивали каждую фразу. А то, ишь, распоясались. Но хватит об этом. Кому что надо, найдет в подшивках, которые хранятся в библиотеках в отделах краеведения.

В сравнительно недалеком прошлом газет было немного. Основной центральной областной считалась «Калининская правда», затем она стала называться «Тверской жизнью» без слова «правда». Тематика газеты была разнообразной, интересной, даже имела литературные страницы. Доступна для публикации как тех, кто уже основательно и профессионально пишет, так и для тех, для кого она становилась стартовой литературной площадкой. Это было замечательно для многих, а для меня в частности. Впервые были напечатаны стихи «Почему заяц окосел». Даже появилась рубрика «Для вас, дети, строки эти». Благодаря публикациям я приобрела писательский опыт и уверенность.

Молодежной газетой была «Смена». Трудились там журналисты более молодые, чем в «Калининской правде», жизнерадостные, даже озорные, разные по характеру, стилю

письма, но отличные профессионалы. С ними было легко и творчески вдохновенно работать.

Я, не совсем юная мать двоих детей, забегала «на огонек». В редакции дым коромыслом — курят. Из чашек «чаек» попивают, от посетителей маскировка. Не пьяна, а уже пьяна от общения совсем с другой средой, чем учительская, а еще от людского внимания. В газете были впервые опубликованы мои стихи: «Веснушки», «В тени мороз». О «сменовцах» можно много и долго рассказывать. А все-таки немного расскажу. Писать о статьях или ссылаться на них — уже прескучно. «Иных уж нет, а те — далече», другие, возможно, стареют в столице нашей Родины в Москве.

Газетчики — они разные

Мария Аввакумова впервые вошла в мою жизнь вместе с журналистским эпизодом. Совместная поездка на выступление куда-то в район. Возвращаемся. Ночь. Проселочная дорога. С нами в машине еще одна журналистка, позднее она уехала работать в Москву, и Ваня. Все — «сменовцы». Поперек дороги, слева, на земле кто-то лежит. Я кричу: «Остановитесь!» В салоне — молчание. Машина мчится дальше. Я говорю: «Лежал человек». Будущая москвичка спокойно отвечает: «Показалось». Едем. Справа за деревьями пламя. Что-то горит. «Пожар! Остановитесь!» В салоне молчание. «Может быть, нужна помощь?» Та же журналистка так же спокойно говорит: «Показалось! Это — закат!»

Я до сих пор не поняла, что это было. Труп, пламя? Или сваленное бревно и закат? Опытным журналистам в таких дорожных делах виднее. Наверное, это были бревно и пылающее закатное небо.

«Гамза» не цемент, но все-таки…

Прошлое все неожиданнее и чаще посещает меня. Видимо, чем ближе к горизонту, за который мы все уйдем, причина тому. Вспоминаю газету «Смена» в период расцвета. Ваню, Юру Яковлева, Галину Феоктистову, Машу Аввакумову, Галю Безрукову, фотокорреспондента Комарова-старшего, позднее работавших там журналистов Александра Вихрова, Витю Куликова, Валерия Кириллова. Дружная разноплановая,

разновозрастная семейка журналистов.

Бывая в Москве по современным меркам крошечным издательским делам, имея время, заходила в столичные магазины. Мы ведь только в Москве могли что-то купить. Однажды задержалась по делам. Двадцать часов. Магазины все закрыты. Хоть умри с голоду. Уезжать пустой как-то непривычно. Смотрю, маленький магазинчик открыт. Кто-то уже осваивал западную технологию. Купить вроде нечего. Я не курю. Вижу, продается темно-зеленая доска в прозрачной упаковке. Спрашиваю: «Что это?!» Отвечают: «Прессованный зеленый чай весом 2,5 килограмма». Беру. Зеленый чай я не пью. «Сменовцы» — на ура. Повесили на стенку мою плиту и отламывали по кусочку, заваривали. Долго пили зеленый чай.

В московских магазинах имела привычку покупать красивые бутылки с вином. Вина были натуральными, хорошими, сравнительно с моей учительской зарплатой, недорогие. Народ ведь в основном водку обожал. А я сама не любитель алкоголя. Как химик, как уже говорила, считаю C2H5OH химическим реактивом. Одним словом, у меня в квартире скопилось много бутылок. Все они стояли на верху мебельной стенки. За бутылками размещена длинная лампа дневного света. Эта светящаяся палка освещала содержимое бутылок, и они с различными, но незначительными оттенками украшали мой интерьер. На углу шкафа возвышалась «Гамза» — декоративно переплетенная пузатая бутыль литра на два.

Вернувшись из Румынии, позвонила в «Смену»:

— Ребята, бутылочку заграничного вина привезла.

— Надо отметить возвращение! — решили на другом конце провода.

Буквально минут через пятнадцать, так же оперативно, как и в других делах, приезжает «сменовская» бригада. Одна бутылка на четыре рыла — что слону дробинка. Вино одобрили. Смотрят на стенку, а там у меня в ряд стоят цветные напитки, да еще через длинную лампу дневного света на гостей поглядывают.

— А что у тебя за бутылки с крашеной водой на стенке стоят?

Такого я стерпеть не могла.

— Какой еще крашеной? — возмутилась я. — Все настоящее!

— Не может быть! — провоцируют «сменовцы».

— Не может быть? Ах не может быть?! Сейчас докажу! Какую хотите выбирайте!

И доказала. Вот и стали выбирать. Много выбрали. Вина с небольшими градусами, да и закуска у меня, хотя из холодильника, но добротная. Одним словом, не берет и не доводит до того фактора, который бы напомнил, что были у меня

в гостях.

Вот тут Машка Аввакумова и спрашивает:

— В доме мед, ваниль и песок сахарный есть?

— Конечно, — отвечаю. — Женщина я не красивая, но хозяйственная.

— Пошли на кухню, — командует Мария, — вон ту пузатую бутыль бери!

Вылила Аввакумова всю бутыль в кастрюлю, положила несколько ложек меда, подсыпала песка, вытряхнула пакетик ванилина, перемешала, включила газ, нагрела, но не до кипения. Варево разлили поварешкой по бокалам. Напиток из сухого вина получился душистым, сладким, в общем, очень вкусным. Мы с Машкой не пьем. Я — по известной причине. А Мария — пока мне непонятной.

Минут через пять, как приняли напиток на душу, мои гости застыли на большом диване в тех позах, в каких усадила их Мария Аввакумова.

— То, что было выпито ранее, «Гамза» сцементировала! — удивленно говорю я Машке.

А Мария меня как не слышит, готовит фотоаппарат, чтобы заснять застывшую человеческую картину. Я в тот период работала в учреждении ОН-55/1, знакома была с разными личными делами. И вообще — противница документальных фиксаций такого рода.

— Нет, — говорю, — этого не будешь делать. А вот Ваню нужно срочно растолкать. Он же — ответственный за выпуск номера.

Ваньку пришлось «отмачивать» в ванне, отпаивать кофе, так он сильно зацементировался. Вызвали «каблучок», как «сменовцы» любовно называли свой редакционный транспорт, отправили Ванюшу подписывать номер. Влияние «Гамзы» на гостей скоро закончилось. Вино хоть и хорошее, натуральное, но не долгоиграющее. С тех пор «Гамзу» стала уважать. Жаль, что сейчас этого красного виноградного вина нет в продаже. А может быть, и есть, но под другим названием. Да и с другой ценой.

Грустные воспоминания

Хороший был журналист Ваня, но в жизни неустроенный, пожил на земле недолго, трагически погиб. На проселочной дороге в темноте сбила машина.

Теплые воспоминания оставил о себе Юрий Яковлев.

Сердцеед на словах, поклонник дам, но очень больной человек. Бронхит, астматическое состояние, идущее от аллергенов собственного организма. Детство в детдоме, долгий неустроенный быт, жена, двое детей. Но несмотря ни на что, не гасло жизнелюбие в Юрии Яковлеве. В конце своего недлинного по времени земного пути решил съездить к узбекам. Ел арбузы, выжаривал себя на солнце, бронхит по чьему-то совету выжигал. А вскоре быстротечный рак легких. В редакции у гроба — гора цветов, сотни людей пришли провожать журналиста. Букет белых роз, таких, какие он однажды подарил мне, я, стараясь быть незамеченной, положила ему на грудь.

Последней из «сменовцев», ушедшей из жизни, была Галя Безрукова. Несмотря на все, в понимании обывателя, закидоны, она была удивительно чистым человеком. Придешь в «Смену», уже в последние два-три года, душой отогреешься. Все кругом новые, чужие люди а Галя — своя, из прежней жизни.

Дочери у меня были уже взрослые, обе замужем. 1983 год. Я только что перенесла серьезную операцию. Поздним вечером звонок. Пришла Галя с четвертинкой. Спрашивает: «Выпьешь?»

— Нет! Не хочу и не могу. Я так слаба, что даже в кресле трудно сидеть.

— Ну да ладно. Я одна и за тебя.

Я легла на диван, случайно распахнула халат. Галя увидела бинты на животе.

— Покажи! — неожиданно попросила она.

Я сорвала наклейку. Сколько боли было в ее глазах, наполнившихся слезами. Эти глаза. В последние годы Галино лицо сморщилось, увяло. Она тоже перенесла тяжелую операцию. Но глаза... Они оставались прежними. Они всю жизнь были особенными — живыми, сострадающими, чувствующими все вокруг, но в последнее время часто отстраненными. Галя продолжала интересоваться моей работой с театром, но приходить на репетиции и представления отказывалась. Затем стала давать куцую информацию о творческих делах молодежного коллектива. Я думала, что это все из-за меня. Я была забита учебными делами, а еще и писаниной, и детьми с их проблемами и внуками. А Галина, оказывается, душевно умирала. И то, что с ней произошло, — логическое следствие этого. Сама ли? Случайность? Богу только известно. Пятьдесят один год! И нет ее.

Уходят друзья, хорошие люди. Нет фотокорреспондентов Владимира Шиманского и Леонида Шимановича, Юры, Вани, Гали, Маша в Москве, Валерий Кириллов в «Тверской жизни», бьется за свое. Ликвидировали прежнюю молодежную «Смену».

Уход Гали из жизни и факт закрытия газеты — совпадение не случайное. Конец второго тысячелетия: пора все бумаги сдавать в архив.

Р. **S.** Вот такие грустные воспоминания в моем личном архиве, датированные 24 октября 1999 года, 15.30.

Газеты — что монеты, все чего-то стоят

Большое место в том периоде моей жизни принадлежало и газете «Ленинское знамя». В ней было много публикаций стихов для детей. Целую страницу небольшой по формату газеты порой занимали мои произведения. Особенно памятна азбука, когда решили, что детей пора приобщать к школе с шести лет. Так возникли и были опубликованы стихи по буквам: «Посмотри на алфавит, буквы разные на вид». С этой газетой неразрывно связано имя журналиста Юрия Ястребова. Хочется упомянуть Нину Ивановну Кутьеву и Галину Александровну Титову.

Незначительные публикации появлялись и на страницах «Тверских ведомостей», в «Позиции», во многих районных газетах области, а также в спутнике «Тверской жизни» — журнале «Домовой». Памятна и газета «Караван+» (главный редактор Геннадий Климов) статьями о театре и информационными публикациями. В той же мере и в газете «Горожанин».

О многих журналистах я писала в главах, где вела разговор о начале своего творчества и о роли газетных публикаций. Остались в памяти работавшие: Владимир Кузьмин, Владимир Крылов, Владимир Неугодов, Юрий Смирнов, Валерий Бурилов; и сейчас продолжающие работать в «Тверской жизни»: Аксана Ивановна Романюк, Кира Степановна Кочеткова, Лидия Гаджиева, Наталья Зимина и другие. Привет Мише Огородникову! Где Огород, там и народ!

«Тверская газета» под руководством главного редактора Николая Федоровича Локтева не раз публиковала сообщительные сведения обо мне, материалы и поздравления по случаю побед на издательском фронте. Как и газеты «Вече Твери» и «Комсомольская правда», где трудятся Олег Зинченко и Юлия Загорских.

Обширные публикации были в Калининграде, Карелии, Белоруссии, связанные со знаменательными событиями в этих регионах, не говоря о стихах и прозе, появившихся на страницах печати в бывших республиках СССР. О них я упомянула в главе о переводах. Так что газеты, что монеты, чего-то стоят. Но не

кричат: «Мы — лучшие!»

Еще хочется добавить, хотя это дела и не газетные. Есть у нас такой замечательный магазинчик на улице Симеоновской в здании гостиницы «Заря». Работает там изумительный человек с красивой ласковой фамилией Галочкина, а у Галочкиной и имя красивое — Ирина, а еще и отчество — Викторовна. В этом магазине можно увидеть и купить книги и сувениры тверские! Очень захотелось не забыть обходительную, красивую, ласковую Ирину и ее супруга, тоже Галочкина.

Послание
(маленькая шуточка)
Пестренькая курочка ходит у забора.
Поджидает курочка петушка Егора.
А Егорка-петушок пишет перышком стишок
Не для пестрой курочки, а индюшке Шурочке!

Глава 25. РАДИО-АКТИВНОСТЬ

Наше Тверское областное радио я очень люблю. Ни один телевизионный канал так сжато, информационно не передает о главных событиях города и области. Среди моря газет порой не успеваешь сориентироваться. А тут включил радио, нажал на кнопку трехпрграммника — и уже в курсе всего нового, что есть в регионе, в стране.

С грустью думаю о судьбе проводного радиовещания. С 1926 года живет наш областной радиовещательный центр. Не знал Попов, изобретая радио, что, возникнув в старом времени, трансформируется в другие системы. Войдут в жизнь для общения телевидение, Интернет, мобильная связь. Но все-таки старики трехпрограммники не выбрасывают — они удобны. Не надо рыскать по эфиру, натыкаясь на всякие роки, металлы, на бомбометающие звуки музыкальных изысканий. В определенное время нажал на кнопку и слушай. Только вот слушать часто приходится то, что тебе дают. А эти рекламы — убийцы нервных клеток?!

Бывало, в прошлом проснешься, на всю страну звучит бодрая жизнерадостная песня: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская страна!.. Кипучая, могучая, никем не победимая!» Вместе с бодрящими словами в душу вливается такая же бодрящая музыка. Не говорили нам ни о каких болезнях, о возможных и невозможных, не перечисляли болячки (не хочешь, а заболеешь). Известно, что даже студенты, изучая в медицинских учебных заведениях симптомы заболеваний, начинают обнаруживать болезни у себя. А о лекарствах? Что ни название, то новое. Новое — часто забытое старое, но под другим именем. А чего стоят рекламные разговоры о медицинских приборах! Позвонишь по телефону в фирму (как правило, они в Москве), к тебе так прилипнут, что не отскрести. А стоят-то приборы не менее тридцати тысяч за штуку, но тут предлагают цену: «Для вас всего двадцать!» Ум от всего этого враскоряку!

Кухонный монолог

На правах рассказа

— У вас болят и кровоточат десны? И больно жевать? — спросил диктор, как только Иван Иванович проснулся и включил радио.

— Ну? — отозвался тот, еще не совсем очнувшись от короткого, но крепкого сна.

— Тогда, — отозвался все тот же голос, — вам необходимо купить...

— Я сам знаю, что мне необходимо купить! И жевать я еще буду не скоро, — с этими словами Иван Иванович лишил дара речи громкоговоритель. Но, подумав, что не зря платит за точку проводного радиовещания, снова нажал на кнопку трехпрограммника.

— Вам кажется, что полегчало? Но это только кажется! — щебетала голосом москвички следующий оратор. — «Виталгар»...

— Ничего мне не кажется! Кому кажется, тот пусть крестится! Задолбали вы своим «Виталгаром»! Каждое утро, словно молитву, повторяете. Кабы не подавился рыбьей костью, поверил бы! А то — на клеточном уровне вытяжка из морской травы ламинарии! Кость — не вытяжка из травки! А подборчик защитниц-то каков? Все Ефимовны, Герасимовны, Порфирьевны! Судя по отчествам — столетние бабешки, да не похоже. Видать, современные тетки-актриски!

— Сегодня, — продолжала говорившая, — мы вам расскажем о новых передовых технологиях: о селене-марине и алкокуприне. Алла Леонидовна, вам слово!

— Опять эта с прокуренным голосом! — и сосед, нажав на другую кнопку, переключил приемник на волну «Маяка». — Другое дело! Каждые тридцать минут то поют, то новости предлагают. Правда, в последнее время хамят! Первая программа-то получше, кабы не эти трансляционные говорилки о болячках.

И дед, усевшись за кухонным столом, стал пить чай с перечной мятой. Допив травяной отвар, немного успокоившись, снова переключил трехпрограммник на первый канал.

— Сегодня рано утром произошло возгорание...

— Сгорела у хрюшки кадушка и шляпа у хряка, — произнес Иван Иванович и добавил, стукнув кулаком сразу по кнопкам трех каналов: — Кончилось мое терпение! Лучше бы о скидках на квартплату рассказали! И когда дадут горячую воду? А может, еще и скажут? — спохватился дед. Но трехпрограммник молчал, сраженный кулачищем Ивана Иваныча, бывшего водителя тяжеловесного «Камаза».

Кстати...

Больше о грустном говорить не хочется. Есть много отличных передач, особенно в последнее время. «А рекламные ролики?» — спросите вы. Не исчезли, стали вроде музыкально-драматических постановок с участием солистов и даже хоровых коллективов. Естественный процесс: все течет, все изменяется. Кабы только в хорошую сторону!

Родные голоса

С областным радио меня сроднила творческая жизнь. Помню передачи для детей в программе пионерского журнала «Спутник». Вела его Лариса Антоновна Дубницкая. С именем главного инженера Константина Михайловича Беляева связана не только радиотрансляция, но и начало работы Тверского телевидения. Скромный, трудолюбивый Константин Михайлович помогал всем — областной администрации, областному драматическому театру, Дворцу культуры профсоюзов. Естественно, перепадало и мне — по налаживанию озвучивания спектаклей. Как-то, встретившись в дверях дворца, обратила внимание на желтизну его лица, подумала: «Уж не печень ли шалит? Не началась ли желтуха?» Я посоветовала сходить к врачу. Но оказалось, это была смертельная болезнь. Почему так рано уходят из жизни хорошие люди?

Голос радиодиктора Галины Мосягиной неотделим от голоса тверской земли. Как-то встретила ее около больницы №5, костыли помогали ей двигаться. Печально. А на днях по домашнему телефону прозвучал ни с кем не сравнимый голос тверской земли — голос тверского края. Звонила Галина Ивановна, поздравляла с праздником.

На радио работал еще совсем молодой, да и сейчас работает, оригинально-красивый, похожий на московского актера М. Козакова, Александр Васильевич с приятной и аппетитной фамилией Лепехин — начальник службы радиовещания. Под его руководством трудятся Анна Бабаева — ведущая программ, Оля Зайцева — корреспондент радиовещательной службы — новое поколение журналистов. А ранее работали строгая, выразительная Антонина Семеновна Гайденко, Тоня Булгакова, одна из ведущих специалистов, увлеченная в те годы историей циркового искусства, Геннадий Иванович Быков, ведущий репортажи о жизни села и о событиях в области. Валентина Васильевна Быкова ныне работает на Тверском телевидении. Памятны совместные радиорепортажи с Ниной Злаказовой, Игорем Кузнецовым, пролетели, коснувших моих проблем, Вадим Тихомиров и Сергей Лачин. Моя судьба тесно связана с контактной радиожурналисткой Виолеттой Дмитриевной Мининой, дочерью покойного директора Театра кукол Дмитрия Минина. Ранее, через А.М. Ильвовского, у меня состоялось знакомство с Аллой Алексеевной Кудрявцевой. Алла заведовала

литературной частью этого театра, хорошо рисовала. Заказной буклет — книжку-гармошку «Правила поведения в театре» — мы с ней и создали. А еще Алла Алексеевна подарила деревянную досочку с рисунком девушки, пьющей чай из блюдца. Кстати, позднее мне были подарены еще две досочки с росписью профессиональной художницы Галины Камардиной.

Через несколько лет судьба сводит меня с дочерью Дмитрия Минина — Виолеттой, уже на областном радио. Тесен город! Тесен мир!

Голос радиожурналистки нельзя спутать ни с кем. Ласковый, вкрадчивый, услужливо-мягкий, зависимый, но порой и насмешливый, чуть с врединкой в интонациях, переходящих в вопросительные, с удивительными переливами голоса в зависимости от того, с кем идет разговор во время радиопередачи.

Помню ее как ведущую на вечере в Доме офицеров в связи с моим семидесятилетним юбилеем. Встречу снимали областной архив и мой младший зять Сергей Владимирович Твердохлебов. В архивных записях этот кусочек вырезан, не сохранен, но в моем архиве есть. После поздравительного выступления ответственный секретарь писательской организации Евгений Иванович Борисов выразил такую мысль: как я решилась выступить в зале, в котором проходили заседания Дворянского собрания, читали стихи Есенин, Маяковский, бывал сам Мусоргский? Вот тут Виолетта Дмитриевна и высказалась:

— Что, Евгений Иванович, завидно?!

В этой фразе весь ее характер — и мягкий, и волевой, и воинственно-справедливый. В целом она свободна и независима!

Но особенное место в биографических записях я хочу отвести Светлане Николаевне Годиной. Мы были знакомы с ней тогда, когда моя старшая дочь Елена училась в школе №16, что на Студенческом переулке, вместе с ее сестрой Людмилой, прежде чем поступить в Тверской университет. Я знала Свету просто как сестру Люды, как родственницу. Светлана, работающая на областном радио, не была замужем. За ней долго ухаживал более старший по возрасту Вячеслав Годин, киноаппаратчик, фотограф, художник. Потом все-таки перед натиском Вячеслава не устояла, уступила. Родила трех дочерей — Катю, Настю, Ольгу. Когда ее спрашивали:

— Света, ведь тяжело иметь частный дом, дочерей и продолжать работу на радио?

На что она отвечала:

— Раз дитя зародилось, я не могу его убить. Мне жалко. Я должна и растить, и выводить в люди.

И действительно ей досталось. Одна после смерти мужа поднимала дочерей. Сейчас старшая Катя замужем, живет в Америке в городе Чикаго, муж — полицейский, родила замечательного мальчика, имеет свой большой дом, занимается художественной росписью, моделированием. Девочки получили образование, работают, учатся. Светлана Николаевна очень помогала мне в создании театра. Делала эскизы костюмов, которые иногда и шила, давала информацию о деятельности коллектива. А сколько записей моих личных выступлений как поэта и выступлений театра! Сколько было прочитано по радио произведений моего литературного объединения «Курочка Ряба»! Все это очень стимулировало творческую деятельность. Очень много храню кассет с выступлениями театра, с чтением стихов, детьми-авторами. Записи даже на больших профессиональных бобинах в моем архиве присутствуют, не говоря о всесоюзных программах, о встречах с писателями. Сохнут пленки. Надо спасать! Кабы опять «не убежала моя электричка», а я на шпалах сижу. Так привычно!

Я как-то сказала:

— Светлана Николаевна, сохнут аудиозаписи. Давай сделаем радиоповесть о книгах, о театре, о детях моего творческого круга.

Да вот никак не соберемся. Дефицит времени у всех. А теперь опоздала. Светлана ушла с программ, закончив работу на радио. Я все время опаздываю, а поэтому много теряю. Но тот объем творческой работы, который навалился на меня, не по хребту одной лошадиной силе. Быть бы мне по гороскопу слоном!

Раз тебя она нашла, радио-активность не страшна

Моя радио-активность не ограничилась работой только с тверским радиотрансляционным центром. Благодаря усилиям ленинградского композитора Владимира Еремина в исполнении молодой певицы Валентины Абросимовой в сопровождении оркестра русских народных инструментов имени В.В. Андреева прозвучала в эфире 30 июня 1970 года песня «Что ты, полюшко, затуманилось».

Позднее писательница Анна Масс свела меня с редактором Московского радио и телевидения Валентиной Дмитриевной Богушевич. Так впервые на Всесоюзном радио 8 июня 1983 года было рассказано о книге «Тепики-тепики», выпущенной в издательстве «Малыш», и читались стихи. С того года по 1989 год в течение семи лет выходили программы, не так часто, но

выразительно, по утрам в 10 часов 15 минут и порой по вечерам в 19 часов 20 минут. Читали мои произведения для детей известнейшие радиоведущие Зинаида Бокарева и Николай Литвинов.

Первая Всесоюзная программа:

16 ноября 1984 года Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Дедушкина кружка»

17 мая 1985 года Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Золотое зернышко»

30 марта 1986 года Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Тайна голубого медальона»

30 марта 1986 года Для малышей. Посиди, послушай

Стихи и сказки Гайды Лагздынь

4 мая 1987 года, 10.15 Радио — малышам. Посиди, послушай

Г. Лагздынь. «Где спит солнце». Рассказы

13 июня 1987 года, 10.30 Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Рукодельница». Стихи

22 октября 1987 года, 10.15 Радио — малышам

«Золотое зернышко». Рассказы Г. Лагздынь

14 марта 1988 года, 10.15 Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Коробочка с разговорчиками». Рассказы

12 сентября 1988 года, 10.15 Радио — малышам

«Непослушный дождик». Рассказы Г. Лагздынь

1989 года, 10.15 Радио — малышам

Г. Лагздынь. «Тайны морских глубин». Познавательные рассказы, сказки

Третья Всесоюзная программа:

5 июня 1989 года, 19.20 Сказка для малышей

Г. Лагздынь. «В царстве злой Мурены». Передача 1-я

6 июня 1989 года, 19.20 Радио — малышам

Г. Лагздынь. «В царстве злой Мурены». Передача 2-я

7 июня 1989 года Радио — малышам

Г. Лагздынь. «В царстве злой Мурены». Передача 3-я

4 июня 1989 года, 19.20 Передача 4-я

9 июня 1989 года, 19.20 Передача 5-я

10 июня 1989 года, 19.20 Передача 6-я

11 июня 1989 года, 19.20 Передача 7-я

Так семь дней подряд по третьей программе Всесоюзного радио в «Вечерней сказке» передавали довольно-таки большое произведение «В царстве злой Мурены». Эта информация сохранилась благодаря вырезкам из программ, но не полностью.

Связь в 1989 году оборвалась, и опять по моей же вине. Создаваемый театр, написание спектаклей отнимало столько

времени, что я реже бывала в Москве, не встречалась с работниками радио. А личные контакты в нашем деле очень важны. Таким же образом нарушена была связь и с редакцией вечерних передач «Спокойной ночи, малыши».

Как был прав Валентин Дмитриевич Берестов, говоря: «Надо, Гайда, жить в Москве, больше и чаще общаться».

Возможно, что-то уже назревало в перестроечное время в структурах радиовещания? Ведь приближался 1990 год. Вполне возможно, что и московские, и питерские авторы забеспокоились появлением нового конкурента с такой массой передач во всесоюзном эфире? Не могу знать!

В теле-теле мы влетели, теле еле одолели

Радио и телевидение живут под одной крышей и под одним именем: «Филиал ФГУП «Всероссийская государственная телерадиовещательная компания «Тверь». Если нажимать на кнопки пульта, то можно лицезреть ведущих на телеканалах «Пилот», «Тверской проспект», а если повесить «тарелку» за окном, то и еще кое-кого увидеть.

Телевидение — хорошее изобретение. Первый телевизор я увидела в Москве у дяди Миши и тети Шуры, у дядьки и тетки моего мужа. Это был маленький ящичек, но с огромным увеличительным стеклом перед экранчиком. Затем были большие ящики, очень тяжелые. Когда появились с цветным изображением, размеры телевизоров стали еще габаритнее. Но самое неприятное, что они загорались. Однажды над телевизором появился дымок, а потом вспыхнуло пламя. И что там могло гореть? Одни железки да лампы. Обесточили, накрыли одеялом, позвонили в пожарную службу. Оттуда приказ: «Не трогать. Трубка может взорваться. Выезжаем». И приехали. Подкатила целая армия огнеспасателей, развернули машины, к балкону длинную лестницу тянут. Кругом народ сбежался на пожар поглазеть. Оказывается, я попала на учебный выезд. А в квартире один дым от тлеющего, но целого телевизора. Я кричу: «Не срывайте пломбы. Он еще на гарантии». Но сорвали, а потому никакой компенсации. Наверное, поэтому я больше люблю радио. Трехпрограммник не горит и уже не одно десятилетие работает исправно. И радиорепортажи я больше обожаю, чем телевизионные. Снимают долго, а показывают столько времени, что не успеваешь сосчитать до пяти. А часто не то вещают, что является основным, и демонстрируют не ту суть. Молодые

журналисты и операторы все куда-то торопятся, не уловив главного. Но любят делать съемки в квартире. Как-то приехали, всю пленку на стены перевели, долго по квартире ходили. Вечером смотрю: сижу на краешке дивана, кусок мебельной стенки виден да нога от куклы. Зачем тогда восемнадцать картин, что висят у меня на стенах, фиксировали? Может показаться, что брюзжит старая брюзга. А говорю я потому, что есть с чем сравнивать. Съемка, как и книга, как и автограф, должна продумываться. На моих видеокассетах засняты встречи с ведущими актерами моего музыкального авторского театра вместе с тележурналисткой Натальей Николаевной Энгелейковой. Есть записи, сделанные «Пилотом», «Тверским проспектом», прекрасные репортажи праздничных программ, выступления моих «Тверских колокольчиков», фрагменты спектаклей, новогодних «Огоньков» и так далее. Не могу не упомянуть тележурналистов Олега Ефремова, Леню Дербенева, Марину Филимонову, Викторию Пыркову, Геннадия Ивановича Лагутина — добрейшего человека; работу по съемке с Андреем и Еленой Юдиными — энтузиастами своего дела.

Когда я обрела свободу от супружеских уз, стала позволять себе время от времени куда-нибудь уезжать. Так я побывала в трех прибалтийских республиках, в Риге познакомилась с издательством «Лиесма», со старшим редактором Ласманисом; была в Эстонии, Литве. В Вильнюсе состоялась встреча с издателями М. Марукас и Рамуте Скучайте. В тяжелый семейный пиковый момент, по приглашению свекрови Анны Павловны и свекра Василия Васильевича, с младшей дочерью Тамарой посетила Калининград, где для нас были куплены путевки в пансионат. Море было холодным, душевное состояние отвратительным, потому никакого удовольствия эта поездка не дала ни мне, ни дочери. Единственный, кто оставил след для страниц моего творчества, так это Алеша. Глядя на Алешу, сына Васи, как было не вдохновиться на написание стихов! Малыш, заложив руки за спину, солидной неторопливой походкой вышагивал по кабинету деда, моего свекра Василия Васильевича, крупного в Калининграде партийного работника областного масштаба. Поэтому вскоре под впечатлением увиденного были написаны стихи: «Надел Алеша маленький...», «Раз шажок, два шажка...», «У меня братишка есть...», «Сел в калошу...».

Позже мы с Томой снова побывали в Латвии, где на месте купили путевки, только жили не в санатории, а в библиотеке по частному приглашению. Такие у нас были путевки. Интересно находиться среди большого количества книг, особенно ночью, ходить между книжных полок и брать для чтения все, что

захочется. Мы тогда много чего с дочерью перечитали. Но от лечения по путевке отказались, ибо были здоровы. Но в 1979 году я попробовала, что такое грязевые обертывания.

Шутка

На правах документального рассказа

Горячее солнце так припекло наши головы, что напрочь лишило серьезности.

— Слушай, Трудакова, — говорю я дочери, — давай я тебя буду называть на местный прибалтийский манер — Трудоускас!

— Трудоускас? — хохочет раннезамужняя дочь. — А как же с именем? Тамара, Тома...

— Ну, — отвечаю я, поглаживая перегретое темя, — можно Томми, Тамрико, Тамаридзе...

Возникший шутливый пустячок смешил нас долго. Находясь в общественном месте, я вполне серьезно называла дочь по фамилии Трудоускас, на что окружающие не обращали никакого внимания, но нас это доводило до нервной икоты. Не думала я, что примерно через год я снова вспомню эту шутку. Находясь снова в Прибалтике, но уже одна, затянув с информационным письмом, отправилась на телеграф. Заполняю бланк главпочтамта. И тут вместо «Трудаковой Тамаре» пишу: «Трудоускас Тамрико. Доехала нормально. Мама».

Работники же телеграфа главпочтамта, где работала дочь, передали ее Трудаковой, удивляясь написанному и осуждая работу почты Юрмалы:

— Почему Трудоускас вместо Трудаковой? Ну это, положим, понятно! Все на свой лад. А вот почему не Тамара, а Тамрико? Смахивает на грузинское имя. Что за приемщицы телеграмм там работают? Сплошной брак выдают!

Приписка…

Кстати, фамилия дочери не Трудакова, а Твердохлебова.

При чем кот, когда съемка?

Рассказ

После смерти в 1979 году Василия Васильевича я снова приехала в Калининград навестить Анну Павловну, побывать на могиле свекра и их сына Васи. Я так его ни разу и не видела — мой приезд совпадал с его отсутствием, так как он был моряком.

Анна Павловна — известная тележурналистка, и даже больше, чем журналистка. Она была начальником Калининградского телевидения. И сейчас, в возрасте девяноста двух лет, продолжает работать по профессии. В Калининграде

состоялась серия моих встреч с детскими коллективами, а также незабываемое выступление на телевидении. Мне было предоставлено сорок минут эфирного времени. И пленку, что была тогда редкостью, зарядили цветную. Условия записи были таковы: читать без запинки, не ошибаться. Иначе снова все сорок минут надо будет с самого начала переснимать. Вот так работало тогда телевидение.

Телевизионщики уже и не надеялись пообедать вовремя. Снимать сорокалетнюю женщину со скучным лицом? Конечно, решили операторы, намучаемся. К этому времени у меня было написано много стихов. Вошла в студию записи — огромный гулкий зал с высоким потолком, с висящими канатами, съемочными перемещающимися площадками. Одним словом, при виде такого помещения неопытный человек может плотно закомплексовать. Как правило, я люблю читать наизусть, а не с листа. К тому же я не могу дублировать своего выступления. В будущем журналисты меня характеризовали так: «Гайда может говорить только один раз. Никакого повтора». И вот началась съемка. Я читала стихи, рассказывала о творческой работе.

Кстати…

Дикция у меня была хорошей. Я не подозревала раньше, что имею к этому врожденный дар, как дар актера и как дар руководителя, и что родилась под знаком Льва в год Лошади. Да кто тогда вникал в эти знаки Зодиака? А кто знал о них, не придавал значения.

Съемка шла спокойно. Читала не спотыкаясь. И вдруг, за пять минут до конца записи, забываю строчки стихотворения. Видимо, сказалась напряженность обстановки, неопытность. Это ведь была в жизни моя первая запись на телевидении. Но что произошло дальше? Я даже не ожидала такого от себя. Мгновенно вышла из сложившейся ситуации, обращаясь не столько к будущим зрителям, сколько к операторам-телевизионщикам.

— А почему так случилось? Да потому, что при написании стихотворения у автора может быть несколько вариантных строчек. А при чтении неожиданно вылетает такой вариант, который никак не состыкуется с последующей рифмой. Писатель — не артист, не чтец. Он — творец. Я вам продемонстрировала одну из сложностей, которая подстерегает поэта при выступлении. — И прочитала все стихотворение без запинки.

Поблагодарив всех, добавив еще несколько пожеланий, закончила свое сорокаминутное выступление. Вижу, бегут ко мне веселые тележурналисты, операторы. Всем очень понравилось мое

выступление, особенно концовка.

— Оригинально! — говорили одни. — Спасибо, — добавляли другие. — Не надо переписывать! — Самое важное, — смеялись третьи, — успеем пообедать.

И тут произошло еще одно запоминающееся событие. В зал, где была запись, вбегает женщина, начинает меня обнимать и благодарить:

— Ваш «Кот Федот» — самое любимое в нашей семье стихотворение. Мы его прочитали в журнале «Мурзилка». Дети обожают это стихотворение, выучили. Большое спасибо. Для нас такой подарок — сам автор в гостях на Калининградском телевидении. Сам читает «Федота». Вот удача!

О телевидении можно тоже писать много, но лучше бы смонтировать в единое целое то, что у меня в личном архиве. Получились бы очень даже документально-краеведческие записи. Сохнут же!

Строчки из дневника далекого XX века…

Каждый день — необычен. Он наполняет меня и болью от усталости, и радостью от прожитого дня. Центральное телевидение. Два больших «Икаруса» везут нас на встречу с… работой! Ансамбли хоровой и танцевальный ДК профсоюзов едут записываться на телевидение в Москву. Примериваемся к сцене. Огромная студия, где опускают, поднимают, устанавливают штук 50-100 светильников. За стеклянной стеной редактор, режиссер передачи, группа специалистов по записи движения и звука. Операторы с камерами разъезжают по студии. Белый пол, белые стены.

— Эй вы там, наверху?! Все готово?

Танцует и поет наша «Тверь». Дубль, еще раз. И снова дубль, дубль, снова запись. Женщины хора снимают не совсем удобные босоножки, ставят под подолом. Другие, разувшись, ходят босиком. Некоторые, более отважные, усаживаются на пол, ноги поднимают на стулья. И опять идет съемка.

— Ваши что же, фонограмму не взяли? — удивляется один из операторов. — Вот тут Воронежский русский народный хор приезжал, отснимали. Так те были при фонограмме.

— А нам зачем фонограмма? — в свою очередь удивляются наши хористки. — Мы живьем все делаем. Мечтали попасть на телевидение. А потому танцуют для всего Советского Союза — женщин и мужчин разных возрастов. И пусть еще дубль, еще

повтор. Время летит! Давно ли было тринадцать часов по московскому времени, а уже двадцать один час. По автобусам! Мягкая посадка. Радость встреч, как и радость расставания, подошла к концу. Завтра артисты займут свои рабочие места, чтобы с новой жизненной энергией выполнять план социально-экономического развития страны. А вечером вновь придут на спевку, на танцевальную репетицию, подчиняясь требованию руководителя.

Вот такую давнюю запись я обнаружила среди многочисленных бумаг личного архива.

Полет диназавра

Полет диназавра в столицу был краток.
Признанье в дипломе! В медали — миг сладок.
Полет из столицы, где запахи винные
От кресел банкетных сквозь пробки машинные.
В просторы родные, где гнезда мы свили,
Где звуки небес и земли не забыли.
Душою к нам тянутся наши собратья,
Двадцатого века столичные братья!
В решеньях порою так жестки и грозны,
Но зажигают в провинциях звезды
2005 г.

Глава 26. УЧИТЬ — НЕ ПОСУДУ ЛУДИТЬ. ГДЕ МНОГО БЛЕСКУ! И ЧТОБ НИ ТРЕЩИНКИ!

Что нужно — возьмем, что не нужно — уберем

Будучи автором крупных издательств, я видела, что многие темы, нужные детям, не отражены или совсем отсутствуют в издаваемых книгах, по различным причинам, которые диктуются не временем, а интересами отдельных личностей. А потому, когда возникает возможность, я создавала и создаю небольшие книжки для детей и родителей. Так возникла «Логопедическая азбука», впоследствии напечатанная издательством «Карапуз», но с изъянами по вине таких же мало думающих людей о тексте, а больше о картинках. «Считалки-игралки», «Колыбельные песенки», «Меховая рукавичка», «Чаепитие у слона» и так далее. В 2005 году была издана «Моя книга-1», в 2006 году — «Моя книга-2» и «Моя книга-3», воссоединившие в получившемся трехтомнике стихи, прозу и часть драматургии. Изданы они были на мои средства. Впоследствии эти книги оказались отмеченными на высоких уровнях и получили признание. Неопубликованные произведения можно собрать в четвертый и пятый тома. Литературного материала предостаточно.

В 2009 году изданы, опять на личные средства, сюжетно-ролевая книжка «Кукольная больница» (по профессиям), фантастическая сказка «Загадки небесного замка», «Из века в век в легендах и сказаниях» — сказочно-документальный путеводитель по музеям Твери и Тверской области. В 2010 году, к 65-летию Победы над фашистской Германией, при финансовой поддержке депутатов Законодательного Собрания от фракции КПРФ, при заинтересованной помощи сотрудников областной типографии в лице Татьяны Викторовны Суворовой, Марины Ивановны Ивановой, Любови Анатольевны Сальниковой и активном соучастии городского отдела культуры, где издательскими вопросами занималась Марина Алексеевна Логвинова, вышла в свет книга под названием «Старые дневники и пожелтевшие фотографии». А к 26 июня — Дню города-2010 — издательство «Рэд» по заказу ЗАО «Хлеб» напечатало сказку «Приключение толстого пирожка по имени Пончик» о том, как делаются сладости. Это уже вторая книга, базирующаяся на

документальном материале наших хлебных заводов. Вообще-то сказка писалась для «Волжского пекаря», но так получилось, что сотрудники, окружавшие своего главного руководителя, невольно, не думая, блокировали подходы. Литературный материал пришлось переделать в соответствии с работой ЗАО «Хлеб» и с желанием иметь такую книгу- рекламу. Я думаю: это правильно.

Движение по тетрадной линеечке…

Рассказывая о недавно вышедших книгах и о том, как они создавались, стараюсь дать информацию, так как печатные органы стали почему-то очень сдержанными в этом вопросе. Все желают заработать на рекламе, а эти книги дохода не дают — слишком малые тиражи.

Мой авторитет в глазах недалеких людей немного был подпорчен тем, что я привыкла, ни на кого не надеясь, все делать сама. Сама пишу, сама работаю с издателями, ищу, где хорошо издают и подешевле, а потом сама занимаюсь распространением: звоню, перезваниваю, рассказываю, что за книга вышла из печати. То есть в одном лице — сразу несколько специальностей: от писателя до книгоноши. Кто-то считает, что я таким образом делаю свое состояние. Думают так те, кто не знает, что книга тиражом в одну тысячу экземпляров убыточна, дает возможность, при полной продаже, вернуть затраты на две трети. Не все книги продаются, часть тиража раздается и остается в запасниках в определенном количестве. Несмотря ни на что, продолжаю издавать книги, экономя на пенсии, на разгуляе, имея небольшие, но все же московские гонорары от издаваемых книг.

Об этом я где-то в тексте писала. Но, как говорится, «повторенье — мать ученья» для тех, кто хочет заняться «книжным бизнесом». Пишу строки, а сама думаю про образовательные учреждения Твери и Тверской области, с которыми на протяжении своей педагогической деятельности длиной в 59 лет (по трудовой книжке — 54 года) связывала меня жизнь.

Сначала была чисто педагогическая преподавательская работа протяженностью в тридцать один с половиной год, о которой уже говорилось в предыдущих главах. Затем — педагогически-просветительская, когда к педагогической прибавилось писательское творчество. В конце восьмидесятых— начале девяностых годов деятельность стала театрально-

педагогической, книгоиздательской, что привело к книжно-пропагандистской работе, к «трудоустройству» книг, созданных при личном финансировании. А еще приплюсовалась работа, которую совершенно могла не делать — участие в распространении своих книг, изданных в Твери в книжно-журнальном издательстве.

Самое главное, самое ценное, что я получила от прожитых в новом качестве лет, — это обширные знакомства с детскими учреждениями города и области, с руководителями школ и дошкольных учреждений.

В процессе общения я ближе познала жизнь детских садов, школ, их нужды и проблемы, узнала, где и как их решают. Обрела среди руководителей если не друзей, то хороших знакомых, союзников по вопросам воспитания, а порой и моральную поддержку. Если бы у меня в руках оказался список учебно-воспитательных организаций, то не ошибусь, если скажу: он бы весь оказался на страницах книги.

Золотой фонд образования

Не случайно я свою рукопись назвала «Две жизни в одной», ибо моя педагогическая жизнь неотделима от писательской и общественной деятельности, подобно сиамским близнецам, вросшим друг в друга, подобно стволику фикуса, названного именем Франклина Бенджамина.

Работая в качестве предметного преподавателя, я была задействована в системе, где обучение было то десятилетним, то одиннадцатилетним. Были школы для девочек, были школы для мальчиков, затем школы снова стали смешанными. Над образованием все время экспериментировали. Это в нашем государстве практикуется и поныне, только в других ракурсах.

Много лет было отдано преподаванию в школах рабочей молодежи и в тех учреждениях, где учились лишенные прав по суду. За годы преподавательской работы соприкасалась с огромным количеством педагогов, трудилась под руководством разных школьных директоров. Сложно писать книгу о себе. Но лучше, чем сам о себе, никто не знает, не говоря о мелких подробностях и пережитых чувствах. Мне часто говорят:

— Гайда Рейнгольдовна, у вас много книг, но нигде нет вашей биографии!

Вот теперь будет и книга, и биография. Читай, не уставай!

Прошу побыть чуть в образе

Свое бывшее присутствие в образовании я вдруг представила так. «Караван из одногорбых и двугорбых верблюдов неторопливо несет свои горбы по пустынному однообразному пространству с его методиками, текстовыми проверками, программами, протоколами, рублевыми купюрами. На пути изредка возникают оазисы. Тогда, чуть передохнув, пополнив горбы живительной влагой, караван движется дальше под окрики погонщиков: одних — назначенных султаном, других — возможно, занесенных свежим ветром, неожиданным для этой местности, с благодатным, благословенным дождем. От этих капель небесной дани караван зашагал бодрее, позабыв про колючки, траву перекати-поле, устремляясь к виднеющемуся вдали городу, где можно наконец по-настоящему подкрепиться и основательно отдохнуть. Но каково разочарование верблюдов: город — призрак, мираж».

Прежде чем поместить эту фантазию в книгу, прочитала черновик нескольким учителям. Реакция оказалась в прямой зависимости от школы, в которой учителя работают. Ответ: да, мы верблюды, по-разному нагруженные знаниями, одно- и многогорбые. Наше образование в будущем — мираж.

Несмотря на сложность финансирования, директора изыскивают возможности пополнять книгами свои школьные библиотеки. Но, согласно моим наблюдениям, там, где руководят директора-мужчины, этого не происходит. К примеру, школы № №4, 19, 30, 32, 41, 52. Еще раз убеждаешься, что директора-женщины всегда поактивнее и похозяйственнее директоров-мужчин. Хочется упомянуть Наталью Алексеевну Брустaвецкую. Она директор школы №3, в которой я училась и закончила седьмой класс в 1945 году. Завучем по воспитательной работе сейчас там работает Елена Владимировна Котова — ее дочь была в составе коллектива «Тверские колокольчики». Активно работают в воспитательном направлении директора двух соседних между собой школ: №7 — Алевтина Борисовна Корнилова, №15 — Зоя Ивановна Пищелева. Школы №№33 и 39 — две соседки, где директора — Екатерина Алексеевна Будкина и Тамара Николаевна Савенкова. Школа №22 — директор Елена Владимировна Беляева, гимназия №10 под руководством Галины Евгеньевны Жариновой, где заинтересованно пополняет библиотеку книгами Инна Геннадиевна Смирнова. Кстати, здесь учится мой внук Дмитрий Твердохлебов. Не могу не упомянуть школы под номерами 48, 49, 25 и их директоров Галину

Алексеевну Егорову, Веру Анатольевну Рыбакову, Наталью Ивановну Геслер. Не пройду мимо, пусть только по бумажному листу, с благодарностью за активное существование в прошлом школьных театров: школы №14, где ныне директор Татьяна Николаевна Целевская, школы №18, руководитель коллектива Татьяна Анатольевна Гердыган, школы №36, где самоотверженно трудится Марина Константиновна Терещук, школы №27, в которой было много творческих начал, может быть, и не при директоре Валентине Васильевиче Новоселове. Директор школы №16 Нина Васильевна по мере общения стала больше меня разочаровывать, ибо новое направление работы коллектива, видно, отодвинуло былые дела школы. В 16-й школе училась моя старшая дочь Елена, здесь, будучи студенткой пединститута, я проходила педагогическую практику.

Очень заботятся учителя школы седьмого уровня во главе с директором Еленой Васильевной Лапко о воспитании детей. Мой театр неоднократно выступал перед ребятами. Удивительно было и то, что, когда я зашла к ним на минутку, они воспользовались этим и попросили провести с ребятами встречу. Я обожаю и ценю людей с такой мобильностью и реактивностью. А еще мне приятно, что там работает преподавателем бывший директор школы №53 (после ухода на пенсию) Анатолий Петрович Павлов. Замечательным был директором. В 53-й школе десять лет размещался мой театр, став трижды лауреатом российских фестивалей. После ухода из жизни нового директора Юрия Константиновича Тимонина назначена директорствовать Зверкова Лариса, тоже Константиновна. Удивительное совпадение. К чему бы это?

В своей рукописи не могу пройти мимо старейшего директора школы №1 Лидии Аркадьевны Елизарьевой, мимо Светланы Сергеевны Никитиной. В этой школе моя правнучка Ульяна Владимировна Виноградова, дочь старшей внучки Марии, внучка дочери Елены, начала с осени 2010 года свой путь в образование. Пусть он будет светлым и результативным, как и жизнь учительского коллектива, и не только школы №1, но и школы под №46, где директорствует Лариса Алексеевна Бабенко, и школы №43, директор Нина Ивановна Александрова, где трудятся активно направленные на внеклассную воспитательную работу учителя русского языка и литературы Валентина Васильевна Пак, Татьяна Ильинична Бобринская. В микрорайоне «Чайка» в этой школе училась и закончила ее моя младшая дочь Тамара. Сейчас я проживаю в другом конце города, но по приглашению педагогов бываю на встречах. А школа в обязательном порядке пополняет свою школьную библиотеку

моими книгами, по которым силами учащихся и учителей создают различные литературные композиции, проводятся вечера.

Особенно моими книгами интересуются детские дошкольные учреждения. Во многих садах собраны целые библиотечки. Разве можно не упомянуть детсад №35 поселка Мигалово, где неоднократно бывали на встречах и сама лично, и мой детский музыкальный театр. Здесь работают изумительные задушевные люди: заведующая Татьяна Николаевна Гуменюк, Наталия Ивановна Долженко и другие. Много лет длится наша дружба.

Школа-сад №12, заведующая Анна Николаевна Аустрина, а теперь еще и директор школы №9 совместно с педагогами, с Татьяной Викторовной Ораевской уделяют большое внимание художественному воспитанию детей. Силами старшей группы сада была поставлена сказка «Сказание про Ваньку Тверского», которую показывали и в День города на большой сцене, установленной напротив здания Законодательного Собрания. А сейчас силами детей готовится сказка «Колобок» по моему сценарию. Как можно забыть работу детсада №123 в поселке Химинститута, в котором дети впервые читали мне мои стихи, в результате чего я не бросила заниматься сочинительством!

Детский сад №115 — заведующая Людмила Владимировна Стаканова, №131 — Валентина Николаевна Рейдина и Нинель Александровна Тимергазина, №140 — Людмила Ивановна Молодостина, №160 — Нина Ивановна Федорова, №36 — Светлана Анатольевна Берзегова, №11 — Жанна Борисовна Кружкова, №107 — Инна Сергеевна Лебедева, №129 — Раиса Алексеевна Ревунова, №134 — Вера Викторовна Тихонова. В детском саду №98, где детей немного, работа ведется большая благодаря ее заведующей Светлане Алексеевне Морозовой. И у садика №156 все хорошо при участии Елены Николаевны Сониной. В 118-м под руководством красавицы Галины Борисовны Шашковой все отлично. А как я могу не упомянуть садик в Затверечье, который семьдесят три года назад посещала ребенком? Только он находился на полквартала ближе к Новобежецкой (ныне Шишкова). А одиннадцать лет назад оттуда, из 36-го сада, ушла учиться в 46-ю школу моя внучка Дарья Кулагина. В этот сад ходила и сама дочь Елена, когда мы семьей жили за Тверцой. Так что этот сад можно назвать садом моей старшей дочерней части семьи. Более тридцати лет заведует садом Светлана Анатольевна Берзегова. Елена посещала и детский сад №40, где до недавнего времени была заведующей Елена Евгеньевна Макеенкова, сейчас она заведует садом №153.

Детсад №116 (заведующая Юлия Ивановна Смирнова)

памятен встречами и тем, что там воспитывалась старшая внучка Маша Егорова, дочь Елены. Но особое место занимает детский сад №24, где долго на заведовании была Людмила Васильевна Баркина. Сад был «искожевским», а потому мне как учителю школы рабочей молодежи при «Искоже» дали направление для дочери Тамары. С местами в детских учреждениях было туго. Этот сад она посещала и тогда, когда мы жили в центре города на улице Правды.

В этот же сад ходил и ее сын, мой внук Дмитрий. (Заведующей была Лидия Николаевна Ганькова.) Какое-то время посещал Дима и детский садик, что был напротив дома, где жила семья, на улице Московской, под номером 51. Детским садом заведует многие годы Татьяна Михайловна Ивасик. Сад небольшой, но благоустроенный, аккуратненький. В памяти Татьяна Михайловна остается как руководитель, интересовавшийся моим творчеством и моими книгами.

Как видите, писать о школах, садах можно до бесконечности. Можно рассказывать о той работе, которую ведут воспитатели, психологи, методисты. Можно посмотреть даже снятые на видео записи встреч с детьми в садах, альбомы с детскими рисунками, что были использованы при оформлении издания «Моя книга-2».

Рассказывая о школах и садах, нельзя не коснуться имен руководителей образовательной системы. Я не буду поднимать историю, ибо это целый краеведческий пласт, который не очень освещен. Но в памяти остались Валерий Николаевич Якуба, Евгений Евгеньевич Шестернинов, Надежда Александровна Афонина и их окружение. А еще замечательная женщина, начальник небольшой, но душевный, — Вера Ивановна Мозжерина.

Об отношении образовательной науки к моему творчеству я могу сказать не так много. Впервые ко мне в руки в 1995 году попал реферат ученицы 8а класса школы №5 г. Твери Ольги Федоровой «Литературное творчество писательницы Гайды Лагздынь». Реферат написан искренне по тем сведениям, что есть обо мне в печати. Конечно, порадовало внимание детей, но поразило не это. Реферат был написан на желтой бумаге невысокого качества, но изумительным почерком. Шесть страниц чудесных строк, оформлен в аккуратной рамочке, правда, с биографическими ошибками. Правы были те, кто говорил:

— Книг у вас много, а биографии нигде нет.

Наше детство было попорчено войной. Какие там уроки по чистописанию, когда писали на сшитых наподобие тетради газетах! Потом, когда появились настоящие тетради, были введены уроки чистописания. Поэтому редко, но еще встречаются

люди с красивым почерком.

Далее по моему творчеству была защита красного диплома в Тверском университете. Я об этом писала. В столице слышала, что в Московском университете тоже ведутся научные разработки по детской поэзии, связанные с моим именем. Оценку творчеству давали Людмила Николаевна Скаковская, Михаил Викторович Строганов, Михаил Львович Логунов, Александр Михайлович Бойников — наши университетские ученые: преподаватели, доктора наук, профессора, академики, имеющие всевозможные научные знания. Это замечательно, когда возле тебя настоящие писатели и ученые, а не «мещане во дворянстве».

Что первично, что вторично?

Я задаю себе и другим вопрос: «Образование и культура — что первично, а что вторично?» Вопрос аналогичный: что появилось раньше — курица или яйцо? Ответы могут быть разными, но в одном, бесспорно едины: образование и культура неотделимы друг от друга. Я говорю в широком смысле этих слов, включая культуру и образование, существовавшие издревле.

Вопросами образования, как и вопросами воспитания, занимаются соответствующие органы. Не случайно в школе есть должность заместителя директора по воспитательной работе. Школами кроме олимпиад по предметам проводятся конкурсы, фестивали детского творчества.

Вопросами культуры занимаются комитеты по этим делам, разрабатывая условия конкурсов, фестивалей, смотров, в которых участвуют не только взрослые, но и дети. Но вот тут-то и нет единения. Все сами по себе. Я это особенно почувствовала, когда руководила детским музыкальным театром.

Я была всех и ничья. Но благодаря главным специалистам Тверского областного дома народного творчества театр, хоть и школьный, из другой системы, был признан: получил звание «Образцовый коллектив» — единственный школьный коллектив в области с таким титулом. В этом вопросе о творчестве детей что-то было недодумано. Потом все решилось разом: ликвидировали центры дополнительного образования, а потому порушили творческие коллективы в школах. Напрасно. Школа — ближайший центр, возле которого живут ребята. Здесь бы им, поближе к школе, и развиваться эстетически.

Глава 27. НЕМНОГО О МНОГОМ — О ХУДОЖНИКАХ

Особую группу работников культуры составляют художники. На протяжении своей творческой жизни я была знакома со многими замечательными талантливыми людьми. Я не отказывалась ни от какой помощи, особенно когда создавался театр. В постановке спектаклей не обойтись без художника-оформителя, без художника-дизайнера.

Первым союзником был Олег Поляков, он и оформлял наш первый спектакль. Лариса Полякова, создавая маски, своим участием способствовала рождению на сцене сказочных героев. При постановке спектакля «О глупом короле, прекрасной принцессе и ее друзьях» ее руками были созданы маски осла, кота, собаки, петуха. При постановке спектакля «Сказание про Ваньку Тверского» самое активное участие принимала художница Лидия Дмитриевна Сретенская. Совсем недавно она окончательно переехала в Питер. Спектакль «Красный, желтый, зеленый» оформил ныне покойный Алексей Перфильев. Инна Бодалева участвовала при создании спектакля «Шоколадная страна», а для постановки «Тайна голубого источника» трудились художники не только Дворца культуры профсоюзов, но и Театра кукол. Особенная благодарность, которую ношу в своем сердце, предназначена для Натальи Николаевны Журавлевой, архитектора Института «Тверьгражданпроект», за создание крупных объемных театральных тортов, конфет, а также большого количества масок из пухлого раскрашенного поролона для ролей медведя, зайца, попугая, кабана в «Шоколадной стране», для спектаклей «Зоопарк», «Хрюкен-ролл». Пригодились эти маски и при постановке заключительной части мюзикла для выхода циркачей.

В список группы художников-оформителей можно внести большое количество имен, с которыми я не работала непосредственно, но которые оформляли мои книги при участии издательств: ленинградский художник Вадим Гусев, Александр Райхштейн, Наталья Стрепенок, Елена Алмазова, Виталий Шваров, Вячеслав Веселов, Ольга Савенкова и многие другие. Непосредственно со мной работали Инна Горцевич, Андрей Юдин. Очень много книг и тверских, и московских было проиллюстрировано при участии Сергея Даниленко.

Круг моих знакомых художников по мере общения расширяется. Так, я познакомилась с Галиной Камардиной,

Татьяной Бойцовой, Ларисой Лукьяновой, Натальей Мамаевой, Людмилой Юга, Игорем

Первухиным, Иваном Трофимцом, Олегом Хомутовым, Андреем Каравайцевым, Владимиром Васильевым, Татьяной Львовной Абкиной, подарившей чудесную керамическую обезьянку, и со многими-многими другими. О каждом можно написать по целой, не меньше, странице, кабы позволял объем книги.

Особое памятное место занимают архитекторы Валерий Тарасьянц, Ольга Полиева, Валерий Давыдов, появившиеся новые знакомые, тоже из архитекторов, Сергей Николаевич Семенов, Владимир Иванович Образцов.

Среди художников образовалась особая группа: фотохудожники. Благодаря фотографам у меня много фотоснимков, созданных Владимиром Николаевичем Крыловым, целые альбомы, отразившие жизнь детского музыкального театра во Дворце культуры профсоюзов. Фотографируют много, а снимки не всегда попадают в мой архив. В последние годы присылают учреждения, где бывала на встречах, — и детские сады (№№35, 12), и школы (№№43, 53). Замечательные фото делает Галина Глонина, автор многих настенных фотокалендарей. Спасибо и Александру Сергеевичу Полоскову, главному редактору издательства «Книжный клуб», за качественные работы. И моему внуку Дмитрию Твердохлебову, еще учащемуся гимназии, но вставшему на путь художественной фотографии. Спасибо всем!

Глава 28. О ЖЕНЩИНАХ ВО ВЛАСТИ И РУКОВОДСТВЕ

О женщинах во власти можно говорить много и долго. Но боюсь, что не всем это понравится. Иногда прямо на глазах трансформируется человек в зависимости от того, в какой приемной оказался. Одни делаются улитками, другие — комарами. Третьи мало видоизменяются.

Не зная тонкостей работы и зависимости от вышестоящего руководителя, у меня частично возникало такое мнение о тех, кто находится рядом с властью. Пусть это будут единичные, слава богу, образы, но я все-таки попробую воспроизвести.

Женщин, выживающих при меняющейся власти, я почему-то представляю деревьями эвкалиптами. Живут долго, сбрасывают листву, даже кору, источая озоновый аромат, и снова, когда наступает новый период в жизни, то есть смена руководства, зеленеют. Не всем это удается. Порой новые поселенцы рубят деревья под корень. Но сохранившиеся эвкалиптоподобные, как правило, на своем гладком стволе не имеют ни сучка, за который можно случайно зацепиться. Все скользящее, натуральное. Ни да ни нет! Сплошное ласковое скольжение слов со всеми многими согласными, без твердых знаков и шипящих звуков. Женщины, стоящие на ступеньку ниже своего очередного босса. Но какие они в жизни в общении с подчиненными? Это — индивидуально. Трудно с такими что-то нормально решить. Все утопает в словах, обещаниях, но подобно синтепону, готовому в нужный момент вытолкнуть с видимой упругой легкостью. Кто вы? Зинаиды, Надежды, Жанны, Юлии, Оксаны, Нины? Как вас занесло во власть? Вы — мягкошейные, со скрытой пружиной и жесткой амортизацией, вертящие надутыми головами-шарами своих шефов? Татьяны, Валентины, Ольги, Марины? Но самые опасные — те дамы, у которых много «мани», много материальной власти, много в голове серого, не очищенного воспитанием, вещества.

— Да прекратите перечислять наши имена! Иначе будет нехорошо! — слышу их внутренний крик.

— Что нехорошо? — спрашиваю мысленно.

— Все будет нехорошо.

— А чего мне бояться? С пенсии не снимут: «по секрету всему свету» пусть вновь повторю: «Устами младенца глаголет истина». Так что привет дамам во власти и около нее! Вертите своими прелестными подкрашенными головками. Но не держите на меня зла.

Заканчивая писать эту часть главы, я сильно призадумалась. Почему возникли эти строки? Почему вылезло черное пятно наружу? Наверное, потому, что меня в жизни не раз обижали, обходили вниманием, не помогали в трудные минуты, а я все время смотрела на жизнь через розовые очки, стремилась к совершенству, которого, оказывается, нет. Впервые эти очки с меня сняла работа с людьми, лишенными прав по суду, научившая более здраво оценивать жизнь и окружающих меня людей. И тогда я задала сама себе вопрос: «А не обижала ли я других?»

Короткое покаяние…

На днях, подписывая книгу «Старые дневники и пожелтевшие фотографии» Анне, начала со слов «Милая Аннушка…» Ну и что? Она всю ночь звонила с претензией, что я для нее только «милая Аннушка»? И только? И не более? Ей в Москве, наверное, хотелось показать, что она значила как редактор и журналист для Твери. Хочу сказать, пусть с опозданием, но пошире на странице книги: «Вы для меня, Анна, не только Аннушка! А более чем! Я умею ценить добро, но зачастую делаю это молча, любимых обожаемых людей люблю без слов. Я также молча люблю своих детей, внуков, зятьев. Слава богу, они это понимают и не обижаются, потому что знают меня.

У культуры женское лицо

Моя творческая жизнь сводила меня со многими замечательными женщинами-учеными: Людмилой Николаевной Скаковской, Галиной Аркадьевной Толстихиной, Светланой Евгеньевной Горшковой, Татьяной Владимировной Бабушкиной и другими.

Л.Н. Скаковская, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Тверского государственного университета, высоко оценивая мое творчество, написала ряд рецензий, отзывов-рекомендаций по моим книгам и рукописям, которые помогли понять саму себя. Я ей благодарна за такие строки, как эти: «Во всех произведениях писательницы обращает на себя внимание блистательный талант взрослого наблюдателя, не потерявшей детской способности увидеть и нарисовать мельчайшие подробности окружающего мира. Все рассказы пронизаны теплотой и нежностью к маленьким и взрослым читателям. Хочется отметить чистоту и истинно

фольклорную образность языка прозы и поэзии Гайды Лагздынь, что особенно важно для формирования интеллектуальных и нравственных качеств личности каждого из ее читателей».

Г.А. Толстихина, будучи деканом педагогического факультета Тверского университета, очень внимательно относилась к моему творчеству: благодаря ей, а еще вниманию со стороны С.Е. Горшковой, замдекана по науке, я неоднократно была гостем разных международных конференций, участником круглых столов. Сейчас Галина Аркадьевна — проректор университета по учебно-воспитательной работе. Славно, что наши умницы-ученые растут в званиях, занимают достойные места в ученом мире.

В памяти всплывают со всеми красками в деяниях представительницы из области образования: давний работник областного управления Наталья Георгиевна Фокина, милая Светлана Борисовна Обломкова, уважаемые Нина Ивановна Рябова и Нина Яковлевна Соловей; из дошкольных руководителей области — замечательные Татьяна Петровна Веригина и Майя Константиновна Скачкова, Галина Николаевнав Плюга, одухотворенный бывший директор школы №9 Людмила Михайловна Силина; из управленческих кадров — сердечная, по Шолохову вечная, Елена Евгеньевна Радчук, Людмила Михайловна Ромицына, Валентина Ивановна Панцелович, Лариса Борисовна Земляная; из партийных — почитаемая мной депутат Законодательного Собрания Людмила Федоровна Воробьева, спокойная, но очень активная Надежда Яковлевна Кружкова.

А сколько достойных руководительниц работает в музеях, музыкальных учреждениях, в издательской сфере! А связанных с реализацией печатной продукции? Сколько трудится в Домах культуры, в школах, в детских садах, библиотеках, станциях юннатов? Активная армия нашего города и области, прекрасные хозяйки нашей жизни. Несомненно, рядом с ними на руководящих постах представители сильного пола — мужчины. Но так как они преобладают в руководстве, то перечислять поименно, а тем более по заслугам, — неподъемное дело. Я просто пишу главу о руководителях-женщинах во власти с пожеланием всем здоровья и практического благоденствия.

О.Н. Ломакова вошла в мою биографию начальником городского управления по культуре как активный, очень внимательный, тактичный руководитель. Надо сказать, что с городским отделом культуры я дружу плотно, как помню себя, живя вне школы. Много там прекрасных специалистов. Людмила Николаевна Вишнякова, зав. отделом культуры, Ирина Викторовна Родионова, позднее Маргарита Вадимовна Чупрова, главный молодой специалист, Наталья Юрьевна Виноградова, а

еще Марина Алексеевна Логвинова — зам. начальника управления, которым является в настоящее время Николай Михайлович Волокитин.

Говоря о женщинах-руководителях, как можно обойти замечательных руководителей-мужчин, например Н.М. Волокитина, с которым знакома целую вечность! Все мои деяния, связанные с моей творческой работой, проходили и при непосредственном руководстве областного и городского управлений культуры, при участии администрации города. Много было внимания со стороны мэра Александра Петровича Белоусова, Олега Борисовича Кудряшова, Алексея Владимировича Борисова, позднее Владимира Ивановича Бабичева, Сергея Ивановича Перевертайло. Первые Дни города, выступления на Пушкинских праздниках в городском саду, в Бернове, 1 июня в День защиты детей. Помню первый памятный День памяти жертв политических репрессий.

Тема новая, ранее запретная, попросили меня вести вечер памяти как репрессированную, более знакомую с данной темой, чем методисты. Для написания сценария познакомилась со многими «бывшими политическими». Встреча проходила в Доме учителя. Как волновалась Людмила Николаевна Вишнякова! Смогу ли я провести так, как надо? Это была очень эмоционально-напряженная встреча. Участники встречи особенные! Сведения надо было хорошо удерживать в памяти. Мне доверяли эти встречи и в последующие годы. Была ведущей в Доме офицеров, затем во Дворце культуры профсоюзов. Потом руководство взяли работники культуры, молодые, энергичные, но далекие от нас — репрессированных. А потому все идет по одному сценарию — приветствие, художественные номера (как правило, в детском исполнении), раздача пакетов с чаем и сладостями, из-за которых многие приходят и сидят до конца.

Помню запланированное выступление моего театра в День города на сценической площадке городского сада с показом фрагментов из спектакля «Сказание про Ваньку Тверского». Мы представляли коллектив ДК профсоюзов. Автобус с реквизитом и актерами еле протискивался в городском саду сквозь толпу. Главная площадка оказалась занята каким-то коллективом. Нам предложили отказаться от выступления или использовать открытый квадрат фундамента, где раньше была читальня, рядом с набережной. На Волге идут соревнования, громко оповещают о результатах гонки на байдарках. Мы не отступили. Включаем аппаратуру. Полилась тревожная музыка увертюры, в которой звучит старая Русь. К нам хлынул народ. Обступили плотным кольцом. И пока шел спектакль, никто не шелохнулся, не ушел ни

на призывы с Волги, ни на веселые, кое-когда прорывающиеся звуки извне. Актеры играли вдохновенно, успевая мастерски использовать два микрофона и перекрывать все, что не должно вплетаться в сценарий спектакля. А микрофоны были тогда не радио-, а на длинных шнурах.

Кстати вспомнила…

С городским управлением культуры связано и такое большое событие в моей жизни, как семидесятилетний юбилей. Как я уже рассказывала, проходил он в 2000 году в Доме офицеров, где участвовало огромное количество творческих коллективов, в том числе и мой театр. Это было время третьего расцвета театра, когда мы шли к лауреатским званиям в Москве.

Очень помогало руководство культурой и в передаче моих книг в библиотеки города. Жаль, мало фотографий и видеозаписей тех лет.

Есть среди наших тверских женщины управленческих организаций, легендарные личности. По условиям своей деятельности я не входила, за исключением одного случая, в эшелоны власти, оставаясь больше в окружении детей, педагогов, людей творческого плана. Но зато за пределами области вращалась среди главных и рабочих редакторов, директоров издательств, общаясь со специалистами, с замами и министрами культуры, образования, с методическими центрами не только Москвы, но и Белоруссии, Латвии, Литвы, с руководителями музыкальных издательств главной столицы и Северной — Санкт-Петербурга. Посчастливилось пообщаться с представителями интеллектуального клуба «Сова» при вручении диплома «Хрустальная роза Виктора Розова» в Москве, а также с полномочным представителем президента В.В. Путина по Центральному федеральному округу Георгием Полтавченко при вручении в помещении Академии художеств лауреатского диплома за вклад в российскую литературу. Но это были все больше мужчины.

В Твери я соприкасалась лишь гранью своей судьбы с такими именитыми женщинами-руководителями, как Ольга Ивановна Пищулина, Нина Ивановна Гусева, Тамара Терентьевна Карякина, Екатерина Александровна Новикова.

Н.И. Гусева в 1986 году работала секретарем облисполкома, в 1987 году — в обкоме КПСС, возглавляя Совет женщин Тверской области, в который входила и я, называя эту частицу своей жизни «включая один случай». С Т.Т. Карякиной знакомство было по линии ее журналистской работы в журнале «Советская женщина».

Она все хотела написать обо мне. С Е.А. Новиковой, а также с Алевтиной Мадестовой связь была в период моего партийного секретарства в писательской организации.

Вспоминая имена женщин-руководительниц, я хочу остановиться на таких именах специалистов департамента культуры Тверской области, как — в первую очередь — Наталья Михайловна Петухова, Галина Ивановна Крылова. Это очень энергичные труженицы культурного фронта, поддерживают всякую новую инициативу. Трудно работать в новых условиях, но работают. Я вспоминаю, какую роль сыграла Галина Ивановна умными советами. Благодаря им и благодаря Николаю Михайловичу Волокитину, который в те годы возглавлял департамент, я оказалась в Москве и стала лауреатом ЦФО. Рекомендация на конкурс исходила от Регионального отделения Российского союза профессиональных литераторов. Затем Г.И. Крылова посоветовала не бояться и заявить о себе на конкурс «Лауреат губернаторской премии». Наша писательская организация не функционировала: вроде была, а вроде и нет ее. Я обратилась к Владимиру Самуйлову, нашему руководителю, жившему уже не в Твери, а в Вышнем Волочке, с просьбой о содействии со стороны писательской организации. Была такая проволочка, что при всем желании на конкурс по срокам не попадешь. Потом мне стало ясно: он сам себя выдвигал книгой с видами Вышнего Волочка на этот конкурс! Рекомендацию мне дало РО РСПЛ, председателем которого была Марина Батасова. Издательство, возглавляемое Мариной, присвоило мне и звание лауреата «Золотой тыквы» за поэзию. В отчетном докладе нынешнего руководства писательской организации во вступительной статье «Альманаха», вышедшего к пятидесятилетию, я так и не числюсь лауреатом губернаторской премии за книги «Моя книга-2» и «Мой малыш» московского издательства «Дрофа-Плюс», как и «златотыквенница».

То ли по незнанию (я вроде оповещала), то ли из-за какого-то низкопоклонства перед кем-то, на всякий случай? Мне неведомо. Одно знаю: моими достижениями гордятся наши управленцы по культуре, зная, что я не ходок по кабинетам в качестве просителя. Как получается, так и получается.

При новом руководителе департамента культуры Тверской области Елене Владимировне Шевченко отношение ко мне не стало хуже. Даже сейчас, с участием молодых специалистов Елены Анатольевны Ивановой, Татьяны Сергеевны Ли, Ольги Сергеевны Соболевой, при пристальном опытном руководстве со стороны Н.М. Петуховой, Г.И. Крыловой и других, работа в последние месяцы перед празднованием моего юбилея идет

энергичнее, сливается с трудом общества книголюбов, с действиями его «генерала» в лице В.В. Ткаченко и с моими усилиями. Не хочу мешать, но и не поучаствовать не могу. Вот такой наклевывается юбиляр 2010 года.

Глава 29. ИЗВЕСТНО ВСЕМ, ЧТО КАЖДЫЙ РАД БЫТЬ ОБЛАДАТЕЛЕМ НАГРАД

У меня путь к наградам был долгим. Первая медаль ветерана труда получена в 1986 году после более тридцати одного года работы в школе. Вторая медаль и первое звание лауреата Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества в связи с семидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции присвоены в 1987 году. В 1989 году стала лауреатом Второго Всесоюзного конкурса на лучшую книгу для детей Госкомиздата и Союза писателей СССР. А после этого начались девяностые годы.

Стали наши литературные правители просить от нас, живущих не в столице, помощи.

Правление Союза писателей СССР

Совет по детской и юношеской литературе №838, 16 июня 1991 года

Дорогая Гайда Рейнгольдовна!

Вы посвятили свое творчество детям и юношеству. Низкий Вам поклон за это. Воспитание детской души всегда считалось делом и святым, и нелегким, требующим подлинной самоотверженности.

В нынешнее смутное время иные мерила ценностей, в ходу иные кумиры, и далеко не всегда торжествует справедливость. Незаслуженно забытыми и обиженными становятся и наши дети, их учителя и наставники. На наш взгляд, парализована педагогическая наука, теряет ориентиры школа, гибнут детская литература, детский театр, кино. Все тяжелее, невыносимее становится совместная работа. Но все-таки самое страшное — наше взаимное отчуждение, разобщенность, мы удаляемся друг от друга, и будто в старой андерсеновской сказке, привыкаем видеть мир искаженным: исподволь привыкаем терпеливо сносить зло и несправедливость.

Дорогой друг, поодиночке нам не выжить! Пропадем. Слишком разгулялась непогода во дворе, безжалостны холод и голод. Сознавая общую беду, Ваши коллеги — из Москвы, Ленинграда, Читы, Украины, Туркмении, Башкирии — призывают объединить наши силы.

При СП СССР, как Вы знаете, есть Совет по детской и

юношеской литературе. Но после писательского съезда, намеченного на октябрь сего года, он сложит свои полномочия. Не исключено, что мы окажемся беззащитными. Давайте подумаем, что предпринять. Может быть, соберемся еще до съезда писателей, например, в сентябре. Выслушаем мнения и пожелания коллег, а затем, если будет на то совместная добрая воля, учредим Содружество (Товарищество, Федерацию, Конфедерацию, Гильдию и т.п.) детских писателей страны, примем устав, программу деятельности, планы социальной защиты.

Хочется, дорогой друг, узнать Ваше личное мнение на этот счет. Любой отклик будет важен и полезен. Весточку ждем от Вас по адресу: 121825, г. Москва, ГСП-2, ул. Воровского, 52, правление СП СССР, Салтыковой Людмиле Дмитриевне (или позвоните ей по телефону 291-63-14).

Любую беду пережить легче, когда мы вместе. Мы учили этой мудрости ребятишек, попробуем воспользоваться ею сами.

Жму руку

Сергей Михалков, Председатель Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР

С Людмилой Дмитриевной Салтыковой я долго поддерживала связь, но как только все изменилось, все куда-то подались, самоорганизовались и в конечном итоге перестали к нам обращаться. Мы им стали не нужны. Союз писателей в Москве раскололся на отдельные союзы. А мне вроде СП стал тоже не нужен, ибо Союз живет сам по себе, а мы, издающиеся писатели, тоже сами по себе. Но поздравления с датами какое-то время еще были.

Правительственная телеграмма

Дорогая Гайда Рейнгольдовна!

Секретариат Правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе СП СССР горячо и сердечно поздравляют Вас, замечательную писательницу, со славным юбилеем.

Ваш талант подарил самым маленьким детям много прекрасных поэтических книг. Стихи Ваши учат юных граждан добру, честности, верности, трудолюбию, они помогают приобщить ребят к литературе.

От всей души желаем Вам, дорогая Гайда Рейнгольдовна, доброго здоровья, счастья, новых творческих взлетов.

Карпов, Верченко, Колов, Михалков, Алексин, Железняков, Дементьев, Зотов, Салтыков

С эмблемой СДФ

Тверское областное отделение Советского детского фонда имени В.И. Ленина благодарит члена Союза писателей СССР, члена правления детского фонда Гайду Рейнгольдовну Лагздынь за книгу «Тайна зеленого золота», изданную с нашей эмблемой. Средства, полученные от реализации этой книги — 26 тысяч рублей, — направлены на организацию медицинского десанта в районы нашей области.

Выражаем сердечную признательность Гайде Рейнгольдовне за душевную теплоту, милосердие и щедрость. Желаем ей новых творческих успехов.

О. Дунаевский, председатель областного отделения Советского детского фонда имени В.И. Ленина

Мне стали ближе поздравления, что шли от людей, организаций, руководителей нашей области.

Поздравительная открытка

Гайда Рейнгольдовна, милая, замечательная, с весной Вас, с обновлением, с радостью, с первым весенним праздником — Международным женским днем. Света Вам и радости, мира и благоденствия, верных друзей, хороших солнечных дней в судьбе.

Письмо Ваше получили. Огромное Вам спасибо за внимание, за книги. Над Вашим приглашением подумаем.

Ученики 2-го класса Сорожской школы и Татьяна Николаевна

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

Хочу поделиться с Вами своими мыслями. Решение участвовать в выборах главы города далось мне нелегко. Я уже в том возрасте, когда меня беспокоит не столько должность, сколько судьба нашей с Вами Твери.

Занимаюсь городским хозяйством не один год, проблемы города знаю. Вы все — свидетели моей борьбы с Газпромом. Мы выстояли — тепло и горячая вода в городе есть. Благодарю Вас за терпение и понимание, с которыми Вы переживаете наши трудности.

Сегодня наиболее острая городская проблема — пенсии. Стараюсь залатать дыры Пенсионного фонда средствами городского бюджета. Но главный должник — правительство. Я добьюсь, чтобы оно вернуло деньги тверским пенсионерам.

Прошу поддержки на выборах 27 октября, чтобы смог завершить все, что начато мною.

С благодарностью А.П. Белоусов

Члену Союза писателей России Лагздынь Г.Р.

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

От всего сердца поздравляю Вас со знаменательным юбилеем — 70-летием со дня рождения. Время не властно над Вашим талантом, энергией и вдохновением. Замечательный детский писатель, педагог с более чем сорокалетним стажем, Вы долгие годы своей жизни посвятили беззаветному служению юным гражданам нашей великой страны.

Ваша активная жизненная позиция, человеческая теплота и отзывчивость хорошо известны всему тверскому краю. Благодаря Вашему безграничному энтузиазму созданы самобытные детские театральные коллективы, давшие путевку в жизнь многим начинающим дарованиям.

Огромное спасибо за тот вклад, который вы вносите в развитие культурной жизни Верхневолжья, в формирование нравственно здорового поколения.

В этот памятный день желаю Вам новых творческих успехов, крепкого здоровья, благополучия и счастья.

Губернатор Тверской области Платов

В моей жизни было много корреспонденций различного характера: с просьбами, поздравлениями по поводу юбилея, выхода книг, с предложениями о сотрудничестве, приглашением на выступления. А в последние годы — на участие авторского театрального коллектива на разных всероссийских уровнях. О! Если бы у меня был только один театр!

А тут и сценарии, и работа с композиторами, и книгоиздательские дела. Дети тоже вырастают из «домашних пеленок», а также из «школьно-театральных». Идет пополнение, обучение новых студийцев.

В 1998 году становлюсь дипломантом «Признательности Международной ассоциации детских фондов «За особые заслуги в благородном деле защиты детей». В 2000 году была награждена знаком губернатора Тверской области «За вклад в развитие Тверской области».

В 2003 году делаюсь «открытием года» Горьковской библиотеки, а в 2004 году награждают памятной медалью к 100-летию Михаила Шолохова.

«Милая Елена Евгеньевна! Спасибо за рекомендацию, теперь Шолохов со мной. А должна все это относительно награды делать писательская организация и в Твери, и в Москве. А меня оценивают все, только не наша пишущая руководящая братия, не замечая моих успехов; более того, идет замалчивание. Ой, как

прав был Никколо Паганини!»

В декабре 2005 года за книгу «Моя книга-1» я получаю звание лауреата Центрального федерального округа РФ в области литературы и искусства в номинации «За произведения для детей и юношества» и награждаюсь медалью и дипломом лауреата России.

Я думаю, это интересно

Самое непосредственное участие в награждении меня в Москве на таком высшем уровне проходило с участием Николая Михайловича Волокитина, начальника департамента культуры Тверской области. Правда, японская машинка для нас была тесновата, и постоянные остановки из-за пробок в Москве очень меня измотали. Я давно забыла, что такое «морская болезнь», а тут? Подъехав к Академии художеств, где будет церемония награждения, выскочила из машины и, минуя все проверочные посты, все определители на оружие, не предъявив приглашения, ворвалась в здание, явно опасаясь, что вдруг из меня начнется извержение вулкана. Вот что значит стремительный напор, развевающееся легкое манто из голубой норки. И нет никакого барьера! Николай Михайлович приглашения предъявил служивым, а вот я так и не видела красочных бланков!

Наградной зал без окон, с высоким овальным потолком и фигурными статуями в углублениях стен, был настолько белоснежным, что походил на большую операционную. Впечатление дополняли белые кресла, белые столы и другая белая мебель напротив массивных белоснежных дверей, ведущих в другой зал, где расположились ведущие церемонию награждения. Дипломы вручал полномочный представитель президента по Центральному федеральному округу Георгий Сергеевич Полтавченко. Невидимые руки из приоткрытых белых дверей передавали букеты роз Никите Сергеевичу Михалкову.

Рядом за столом сидели старейшие ведущие телевидения и известный скульптор Зураб Церетели. В центре длинного овального зала за таким же длинным овальным столом находились председатель Международного детского фонда Альберт Анатольевич Лиханов и председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев.

Церемония была несложной. Г. Полтавченко вручал диплом, Н. Михалков конверт и букет роз, затем слово предоставлялось по желанию награждаемому. Наш тверской областной департамент

культуры тоже не оплошал. Н.М. Волокитин преподнес большой букет роз. Жаль только, что из-за отсутствия видеокамер это не было снято. Ирина Романова, журналистка газеты «Тверская жизнь», небольшого росточка, никак не могла пробиться сквозь щетину телевизионных установок. А телеоператоры других семнадцати областей просто не пускали в нужный момент подойти с фотоаппаратом для съемки.

Незадолго до начала вручения наград один из уважаемых мной руководителей, рассматривая мою книгу на премиальном стенде, сказал, взяв с меня слово его не выдавать. Оказывается, денежных премий было три. Самая маленькая была определена мне за «Мою книгу-1», потому что во время обсуждения кто-то высказал такую мысль:

— Зачем мы дадим самую большую, пусть автор и заслужила, какой-то латышке?!

Немного истории…

В то время отношения с Латвией были уже обострены. Конечно, из более ста претендентов на лауреатство быть в составе ведущей тройки было очень большой удачей. Но такой подход к фамилии меня очень разволновал. Кто в этом был виноват? Как-то я приехала в правление Союза писателей на улицу Воровского, чтобы взять справку о писательском стаже. Мое имя долго искали и обнаружили в списке писателей Латвии. Почему? В Союз я вступала и писательский билет получала в Союзе писателей СССР. Поэтому в ответном благодарственном слове, когда награжденные говорили только спасибо, я задала сидящим в зале руководителям вопрос, надеясь, что его услышит тот, кто смешивает понятия литературы и национальности:

— Кто такая Лагздынь? Я — латышка по фамилии, имени и отчеству, родилась в Ленинграде, волей судьбы заброшена в Калинин. Я — тверитянка, писатель, педагог, руководитель авторского музыкального театра.

Оказывается, многие этого не знали.

После вручения дипломов и премий состоялся концерт лауреатов. Мне было предложено прочитать стихи. За огромными круглыми столами, покрытыми белыми скатертями, было много гостей. Их стало гораздо больше после награждения. Мое выступление было не первым. Народ уже набанкетился. Такое обилие всего! Целые деревья из ананасовых шишек, разные экзотические фрукты, не говоря о винах и закусках.

Потом ко мне подошли В. Ганичев, А. Лиханов. З. Церетели пожал руку. Такой маленький, а сильный!

Николай Михайлович облюбовал маленький столик за колоннами вдали от всех. Он очень скромный человек. Рядом кучковались, видно, тоже «скромные» губернаторы и их замы. Пока я выступала, не успев отведать экзотического фрукта, официанты его убрали, считая, что мне не понравилось. К нашему столику официанты почему-то потом не подходили. Наверное, он значился в каких-то других списках. Мы ведь провинциалы, московских порядков завсегдатаев не знаем. Николай Михайлович приносил чего-то перекусить. Ирина Романова бегала по Академии художеств, щелкая фотоаппаратом украшения на стенах, крупные скульптуры, сотворенные Зурабом Церетели, размещенное в огромном зале яблоко величиной с двухэтажный дом. К нам подходили журналисты, писатели-соседи из Смоленска.

Во время концертного выступления, взглянув на гостей, занятых едой и разговорами, поняла, что надо говорить так, чтобы положили вилки и поставили на стол фужеры. Мой, уже почти профессиональный, голос чтеца привлек внимание слушателей. Я читала детские стихи. После выступления опять подошел Валерий Ганичев, поглядывая на мою лауреатскую книгу с явным желанием иметь ее. А я, словно не понимая, воздерживалась от благотворительного жеста.

Из привезенных трех экземпляров одна книга была подарена при вручении диплома Георгию Полтавченко. Вторая ушла к Никите Михалкову в обмен на букет роз и денежный конверт. Никита Сергеевич, взяв в руки «Мою книгу-1», засмеялся:

— У нас есть кому читать! — наверное, имея в виду Сергея Владимировича Михалкова.

Но желание Ганичева иметь экземпляр было таким сочно-жаждущим, что он призвал на помощь супругу, сообщив, что она тоже педагогический работник. После этого книгу пришлось все-таки отдать. К тому же к этому времени Николай Михайлович предлагал уже вернуться в Тверь. Как оказалось, ему нужно было еще успеть на какое-то вечернее областное заседание. Везти книгу назад не было смысла. Жаль, что не пришлось потусоваться, пообщаться с интересными людьми.

А банкет был правительственного уровня. Ирина Романова, последний раз щелкнув фотоаппаратом, зафиксировав мое выступление перед микрофоном и телекамерами, предложила перекусить чем-то, похожим на запеченного, но еще меньшего размера, воробья. У меня после поездки в японской машинке так и продолжал стоять за грудиной все тот же комок. А может быть, давление? Или стенокардия? Брать в рот ничего не хотелось, тем более этих коричневых копченых «воробьев». А оказалось, это

были не воробьи, а ряб-чи-ки! Вот ведь! Рябчиков-то и не попробовала! Вечером дома, изголодавшись в Москве, отъедалась, только не рябчиками.

Неожиданно принесли телеграмму:

Правительственная телеграмма

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

С удовлетворением узнал о вручении Вам на Всероссийском конкурсе диплома и медали за достижения в драматургии и литературе для детей.

Отмечая Ваши заслуги в воспитании подрастающего поколения в лучших гуманистических традициях нашей Родины и тверской земли, выражаю Вам свое искреннее восхищение и надежду на дальнейшую плодотворную деятельность в этом направлении.

Счастья, мира и благополучия Вам, уважаемая Гайда Рейнгольдовна, Вашим родным и близким.

Депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации

А.В. Бездольный

Вслед за телеграммой в квартире раздался очень громкий звонок. Звонил из Москвы Александр Васильевич Бездольный, лично поздравил меня с получением звания лауреата Центрального федерального округа.

Отсюда круг знакомств расширился в лице помощника Александра Васильевича — Ивана Андреевича Кардакова. По приглашению я лично встречалась с ними в Твери.

Ниточка потянулась к Владимиру Ивановичу Бабичеву, Евгению Николаевичу Ткачеву — «Единая Россия», чуть коснулась Владимира Абдуалиевича Васильева. Жизнь познакомила меня и с помощницей Александра Александровича Тягунова — Людмилой Васильевной Самохиной. Я и сейчас часто по пути в «Тверскую жизнь» захожу пообщаться. С хорошим человеком всегда приятно посидеть за чашкой чая. Людмила Васильевна всегда бывает на моих вечерах.

В октябре 2006 года получаю из Благотворительного фонда Московского интеллектуально-делового клуба (клуб Н.И. Рыжкова) следующее приятное послание:

Дипломанту премии «Хрустальная роза Виктора Розова» Г.Р. Лагздынь

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

Рады сообщить Вам, что Экспертный совет премии под

председательством народного артиста СССР В.С. Ланового на своем заседании, состоявшемся 28 сентября с. г., наградил Вас званием дипломанта V Всероссийского конкурса премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Приглашаем Вас принять участие в торжественной церемонии награждения лауреатов и дипломантов, которая состоится 2 ноября 2006 г. в 18 часов в Театральном центре «На Страстном» (г. Москва, Страстной бульвар, 8 а).

С уважением

Президент Фонда, доктор социологических наук М.И. Кодин

Вице-президент фонда, ответственный секретарь Экспертного совета, директор конкурса, литератор Ю.А. Голубицкий

26 октября 2006 г., г. Москва

В номинировании участвовало восемьдесят три человека из двадцати пяти регионов России.

В качестве информации

Положение о Пятом Всероссийском конкурсе премии «Хрустальная роза Виктора Розова»

Премия «Хрустальная роза Виктора Розова» присуждается авторам талантливых, самобытных и ярких произведений литературы, театрального творчества, телевизионных и радийных произведений, исполненных высокой гражданственности, художественности и патриотизма, а также выдающимся музыкальным исполнителям и общественным деятелям.

В 2006 году присуждается по следующим номинациям:

а) литературное творчество (драматургия, проза, поэзия); б) театральное творчество; в) телевидение и радио; г) музыкальное исполнительское творчество; д) просветительская деятельность; е) соотечественники за рубежом; ж) специальная премия Экспертного совета.

В состав Экспертного совета вошли:

1. Дога Евгений Дмитриевич — сопредседатель Совета, композитор, народный артист СССР.

2. Есин Сергей Николаевич — сопредседатель Совета, ректор Литературного института им. М. Горького, секретарь Союза писателей России, профессор.

3. Лановой Василий Семенович — сопредседатель Совета, народный артист СССР.

4. Поляков Юрий Михайлович — сопредседатель Совета, главный редактор «Литературной газеты», член Совета по культуре при Президенте РФ.

5. Шатров Михаил Филиппович — сопредседатель Совета, драматург, лауреат Государственной премии СССР.

6. Голубицкий Юрий Александрович — ответственный секретарь Совета, вице-президент Благотворительного фонда премии «Хрустальная роза Виктора Розова», директор конкурса премии, член творческих Союзов журналистов и кинематографистов.

7. Афонин Николай Николаевич — ректор Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина, заслуженный деятель искусств России, профессор.

8. Богородицкая Елена Всеволодовна — председатель Попечительского совета Благотворительного фонда премии «Хрустальная роза Виктора Розова», председатель коллегии адвокатов «БизнесИнюрколлегия».

9. Воротников Юрий Леонидович — председатель совета Российского гуманитарного научного фонда, член-корреспондент РАН.

10. Гарон Светлана Александровна — руководитель литературно-драматической части Московского драматического театра им. К.С. Станиславского, кандидат искусствоведения.

11. Доронина Татьяна Васильевна — художественный руководитель МХАТ им. М. Горького, народная артистка СССР, лауреат Первого конкурса премии.

12. Кодин Михаил Иванович — президент Благотворительного фонда премии «Хрустальная роза Виктора Розова», доктор социологических наук, профессор.

13. Морозов Сергей Анатольевич — главный режиссер Костромского государственного драматического театра им. А.Н. Островского, лауреат Второго конкурса премии.

14. Наседкин Алексей Аркадьевич — профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, народный артист России, лауреат международных конкурсов пианистов.

15. Ножкин Михаил Иванович — народный артист России, лауреат Четвертого конкурса премии.

16. Овчаренко Ольга Александровна — ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН им. М. Горького, доктор филологических наук, член Союза писателей России.

17. Правоторов Геннадий Иванович — народный художник России, лауреат международных конкурсов.

18. Пушков Алексей Константинович — руководитель и ведущий аналитической программы «Постскриптум»,

заслуженный работник культуры РФ, лауреат Четвертого конкурса премии.

19. Попова Анна Семеновна — заместитель председателя Комитета по культуре Правительства Москвы.

20. Смирнов Геннадий Александрович — заместитель председателя Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ, профессор РАТИ.

21. Челышев Евгений Петрович — академик РАН.

Решение Экспертного совета

28 сентября 2006 г., г. Москва

Рекомендовать Совету фонда премии «Хрустальная роза Виктора Розова» отметить дипломом премии:

Аксенова Ивана Михайловича — писателя, г. Новопавловск Ставропольского края.

Ансамбль народной песни и танца «Любава», г. Нижний Новгород.

Борушко Олега Семеновича — писателя, литературоведа, г. Лондон.

Брыксину (Макееву) Татьяну Ивановну — писательницу, г. Волгоград.

Гарон Светлану Александровну — театроведа, театрального критика, г. Москва.

Герасимову Наталью Борисовну — вокалистку, Тюменская область.

Захарова Владимира Евгеньевича — поэта, г. Москва.

Иженякову Ольгу Петровну — писательницу, журналистку, г. Тюмень.

Лагздынь Гайду Рейнгольдовну — литератора, педагога, г. Тверь. За драматургию спектаклей для детей «Шоколадная страна», «Тайна голубого источника», «Добрая зимняя сказка».

Переяслову Марину Вячеславовну — писательницу, г. Москва.

Поплянову Елену Михайловну — композитора, педагога, г. Челябинск.

Руководителей Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

Сканта Оливию — писательницу, республика Италия.

Творческий коллектив Государственного русского драматического театра им. Н.А. Бестужева, г. Улан-Удэ.

Черникову Елену Вячеславовну — литератора, радиожурналистку «Народного радио», г. Москва.

Председатель Совета, народный артист СССР В. Лановой
Ответственный секретарь Совета, драматург Ю. Голубицкий

Среди претендовавших на «Хрустальную розу» был и Тверской ТЮЗ с постановкой спектакля «Поллианна» главного режиссера Вячеслава Борисовича Лымарева, но, к сожалению, не отмеченный.

Еще раз дипломант

Относительно моего творчества была такая публикация в реестре номинаций:

Автор: Лагздынь Гайда Рейнгольдовна, литератор, педагог, г. Тверь

Название произведения: За драматургию спектаклей для детей «Шоколадная страна», «Тайна голубого источника», «Добрая зимняя сказка».

Кем выдвинут: Региональным отделением Российского союза профессиональных литераторов «Тверской союз литераторов».

В поездке в Москву меня сопровождал заместитель председателя департамента культуры Тверской области Сергей Григорьевич Изоитко. Торжественная встреча, большая сцена, а перед ней в зале круглые банкетные столы.

Наш стол — второй в ряду от сцены — имел соседей, прямо противоположных друг другу. Член МИД-клуба Эдуард Сергеевич Поддавашкин, полный мужчина с супругой, все время жующий. Другой — худощавый, немолодой, неразговорчивый. Узнав, что я руковожу детским музыкальным театром, спросил:

— А вы «Марию-Мирабеллу» не хотите поставить?

— Я очень люблю музыку этого спектакля! — был мой ответ.

Хорошо, что нас отвлекли и я не высказалась об отсутствии ярко выраженной драматургии, что этот спектакль больше годится для радиопередач. И хорошо, что не успела продолжить разговор. Меня вызвали на сцену для награждения. Вручили диплом, медаль «За вклад в отечественную культуру» и цветы. А моим соседом по столу был замечательный композитор Евгений Дмитриевич Дога, автор «Марии- Мирабеллы».

Кругом были знаменитые личности. Многие знали друг друга. Известные драматурги, писатели, критики, артисты, ученые, депутаты, представители власти, банкиры. А возможно, и еще кто. Награждали лауреатов и дипломантов не только из России, но также Украины, Италии, Англии. Многих сопровождали члены делегаций.

Директор Омского музыкального театра Борис Львович Родберг предложил мне посотрудничать в постановке детских музыкальных спектаклей. Я бы с удовольствием, будь они, из Омска, поближе!

Подобные намерения были и у нашего ТЮЗа, в бытность главного режиссера Ларисы Олеговны Леляновой, поставить «Добрую зимнюю сказку». Так и уехало мое либретто с музыкальными фонограммами куда-то вместе с Леляновой. Подобное произошло и со спектаклем «Сказание про Ваньку Тверского и его дружка Шуршалу-Шебуршалу». Я сама виновата, пустила все на самотек. В этом деле нужна прочная оловянная голова да крепкие железные хваталки.

В наших тверских газетах появились публикации:

ЛАГЗДЫНЬ НАГРАДИЛИ ЗА ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ КУЛЬТУРУ

Дарья Сергеева, «Вече Твери», 09.11.2006 г.

«Известная тверская детская писательница Гайда Лагздынь, которая была выдвинута администрацией Тверской области на V Всероссийский конкурс премии «Хрустальная роза Виктора Розова», удостоена престижного диплома «За драматургию спектаклей для детей» и награждена медалью «За вклад в отечественную культуру».

Такое решение принял Экспертный совет премии под председательством народного артиста СССР Василия Ланового, по достоинству оценив книгу Гайды Лагздынь под названием «Моя книга-3». Это третий том собрания сочинений писательницы, включающий в себя познавательные сказки и три детские пьесы — «Шоколадная страна», «Тайна голубого источника» и «Добрая зимняя сказка».

Сообщается, что церемония награждения победителей конкурса, в которой приняла участие Гайда Лагздынь, прошла в Москве, в Театральном центре «На Страстном».

Тверская газета «Наша жизнь» от 24.11.2006 г. в статье «ХРУСТАЛЬНАЯ РОЗА ДЛЯ ГАЙДЫ оповещала о победе автора на V Всероссийском конкурсе премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Эту информацию дополнила библиотекарь детского отдела центральной библиотеки г. Лихославля Ирина Александрова, с которой наш корреспондент Ольга Васильева связалась по телефону:

«Из трехтомника у нас пока есть один, называется «Моя книга»: Стихи для детей до года и старше» (2005 год). Но издания Гайды Рейнгольдовны представлены широко, в фонде имеются и

стихи, и документальные повести, сказки, рассказы. Ее творчеству посвящаем выставки. В восьмидесятых годах она приезжала в Лихославль и выступала перед нашими читателями. Дети с удовольствием читают ее произведения».

В этом же 2006 году я стала лауреатом литературной премии «Золотая тыква» в номинации «Поэзия» «за многолетнее чудесное творчество» от Тверского союза литераторов. Церемония награждения проходила в библиотеке имени Горького.

А в декабре того же 2006 года за книги «Мой малыш» (издательство «Дрофа») и «Моя книга-2» была награждена губернаторской премией и дипломом первой степени «За произведения для детей и юношества». Об этом я уже рассказывала. Но приятно снова сделать себе и другим приятно.

Конец книги

Закончить первую часть биобиблиографической документальной повести «Две жизни в одной» хочу приветственными строчками присланных телеграмм и красочных открыток.

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

В этот праздничный день с искренними пожеланиями здоровья и благополучия. Пусть в жизни будет больше ярких, запоминающихся моментов, пусть сбываются все надежды и мечты. С днем рождения и юбилеем!

Совет клуба «Достоинство»

Дорогая Гайда Рейнгольдовна!

Поздравляем Вас с юбилеем!

Сегодня хочется пожелать огромного счастья!

Пусть жизнь будет радостной и интересной, а каждый новый день — ярким и запоминающимся!

01.08.10 г. Сотрудники ЦГБ им. А.И. Герцена

Дорогая Гайда Рейнгольдовна! Вы — волшебница. Малыши и мы, взрослые дядьки и тетьки, с удовольствием читаем Ваши стихи и с нетерпением ждем Ваших новых книжек. Удивляйте и удивляйте нас еще долгие годы. Желаем Вам здоровья, неиссякаемой энергии, вдохновения и интересных, успешных проектов. Мы Вас очень-очень любим. С днем рождения!

Ольга Самусенко, «Махаон»

Дорогая Гайда Рейнгольдовна!

Поздравляем Вас с юбилеем! Вы — редкий, уникальный человек. Мы работаем вместе уже более двадцати пяти лет и можем сказать: Вы всегда неравнодушны и находитесь в поиске, когда дело касается любой сферы жизни детей. Не удивительно, что Ваши многочисленные таланты успешно реализовались в этом большом деле. Будьте здоровы и знайте, что Вы всегда желанный автор в нашем издательстве.

Директор Ю. Дейкало, главный редактор О. Муравьева, издательство «Астрель, «Планета детства», «Малыш»

Уважаемая Гайда Рейнгольдовна!

Администрация Центрального района города Твери поздравляет Вас с 80-летием со дня рождения!

У Вас богатый, достойный уважения жизненный путь.

Сегодняшний юбилей — прекрасный повод выразить Вам, уважаемая Гайда Рейнгольдовна, глубокую признательность за Ваш труд, за настоящую любовь к творчеству.

Ваши произведения представляют большой интерес и для юного, и для взрослого читателя.

За преданность своему делу вы удостоены почетных званий и награждены медалями.

В этот праздничный день позвольте пожелать Вам крепкого здоровья, отличного настроения, семейного счастья, благополучия и удачи во всех Ваших делах и начинаниях!

Пусть Вас всегда окружает атмосфера добра, искренности и взаимопонимания, а поддержка друзей придет силы в преодолении жизненных трудностей!

И. о. главы администрации Центрального района В.А. Седнев

1 августа 2010 года

С красочных страниц поздравительных открыток пожелания от детей и внуков. И как заключительный аккорд приветствие от губернатора Тверской области Д.В. Зеленина:

«Примите слова моей искренней признательности за Ваш большой личный вклад в развитие Тверской области и России в целом».

Фотоальбом

Февронця и Варфаламей

Гайда, 9 месяцев

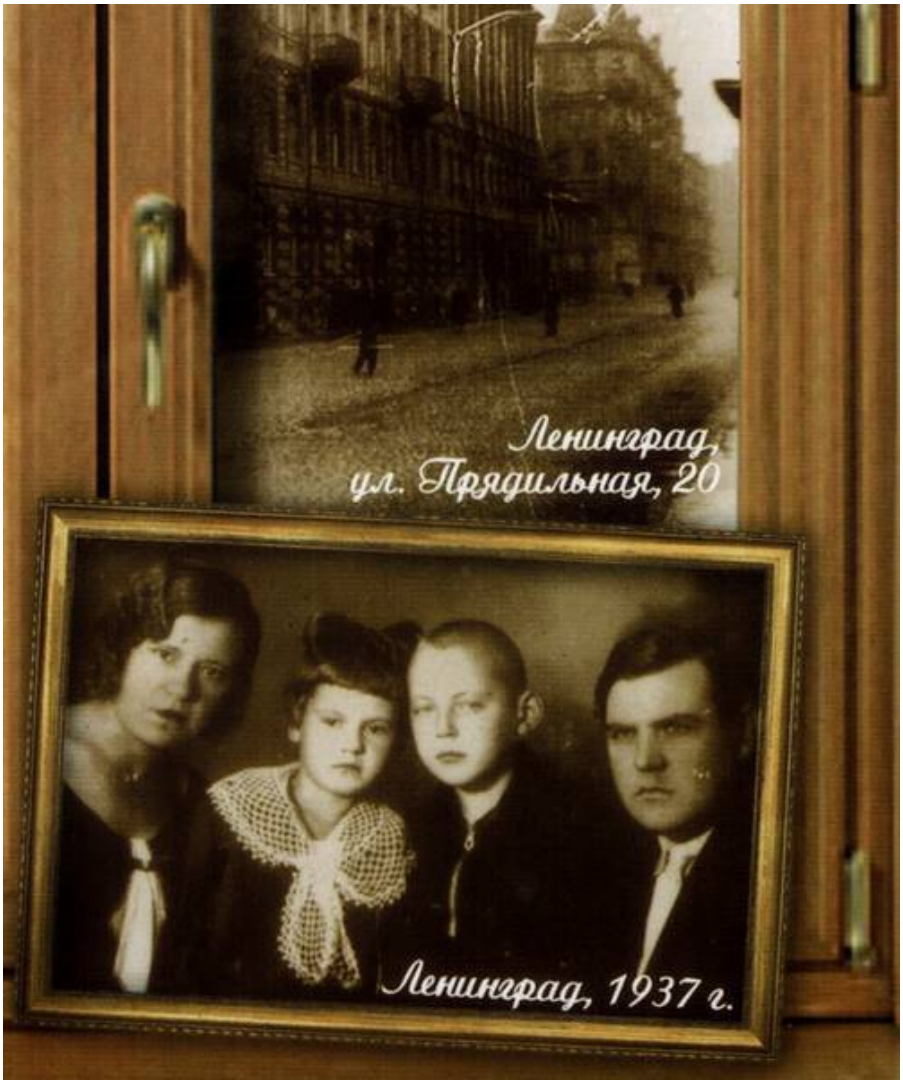
Февронья и Фейнгольд

Фелик

Феликс и Гайда

Гайде 3 года

Фелик


Ленинград,
ул. Прядильная, 20
Ленинград, 1937 г.

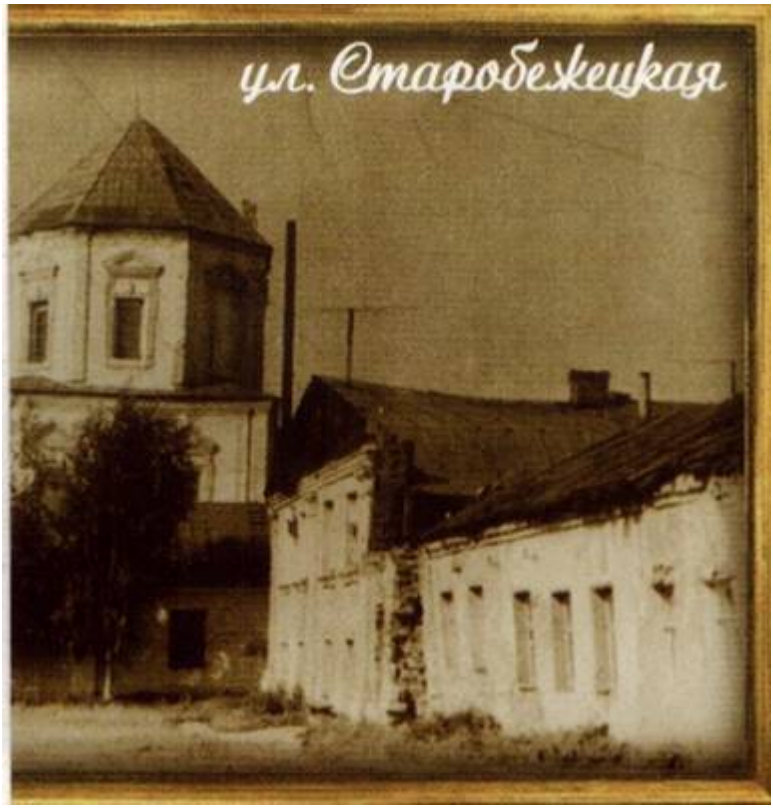
Калинин, Балочка

ул. Кропоткина

ул. Правды

ул. Новобежецкая (Шишкова)

ул. Новобежецкая


ул. Старобежецкая

Гайда, 17 лет

Школа рабочей молодёжи № 2, выпуск 1948 года

Пионерский лагерь

Индустриальный
техникум

Пионерский
лагерь

Гайда с мамой и братом

Пединститут,
20 лет

1952 г.

группа «Б», 1952 г.

ВЫПУСК 1952г.

1952 г.

Пединститут, 1950 г.

1950 г.

1952 г.

1962 г.

1955 г.

1971 г.

с братом Феликсом, Ленинград

ШКОЛА РАБОЧЕЙ
МОЛОДЕЖИ
1957 г.

Школа рабочей молодёжи №8. Учреждение 07155/1

дочь Елена

Лена с Машей

дочь Тамара

Татара с Димой

Фелике в горах

Белорусская родня

дядя Ефим с женой Марией

Ульяновская родня

Мама

Феликс
Володя
Бородиновский

Леонид Бородиновский

Рая и Валя Бородиновские

Внучка Мария с мужем

Внуки: Дима, Маша, Даша

Зять Николай

Дочь Елена

Внучка
Дарья

внук Дмитрий

Дочь Тамара

Дима и Сергей

Т. Р. с зятем Сергеем

Удомля

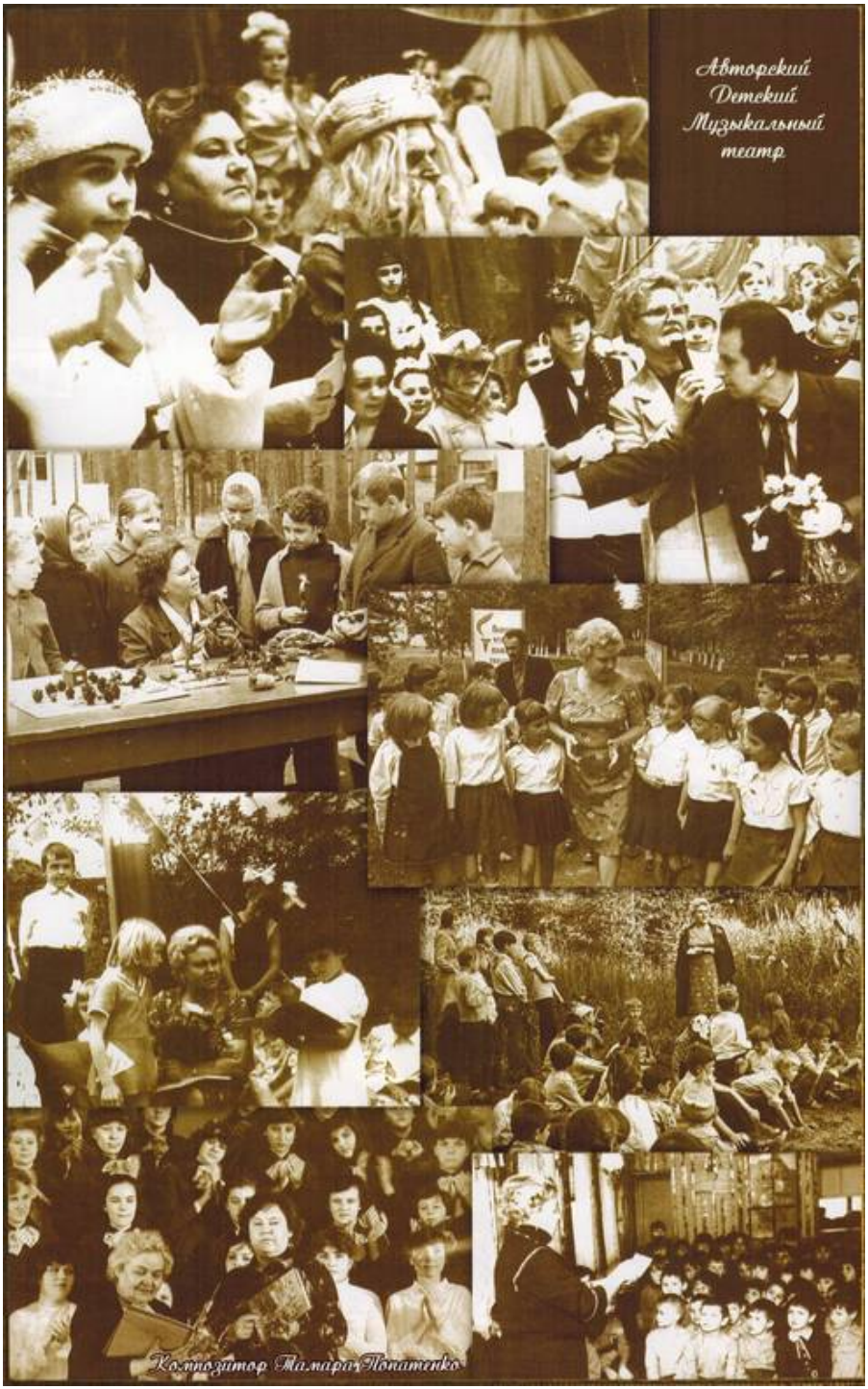
Л. Ф. Вофобьева
2009 г.

ВСТРЕЧИ
Москва

Москва,
1990 г.

Ульяновск. Фонд Культуры.
Ян Френкель
БОЛЬШ

СССР 60 ЛЕТ


Авторский
Детский
Музыкальный
театр
Композитор Тамара Попатенко

Актеры и руководители авторского Детского Музыкального театра. Дворец Профсоюзов

Сцены из спектаклей

В гостях журнал «Мурзилка»

Лауреаты V Всероссийского фестиваля в Москве «Экология. Творчество. Дети», 1999 г.

«Курочка Ряба»

Выступление
на Фестивале «Парков», Тверь

Выступление старшей группы театра

ДДМ, отрывок из спектакля. Руководитель
Н. С. Пашинцева и композитор Ю. Н. Иванов

Выступление театра
в Д/с № 35 в пос. Мигалово

Наши дипломы

Руководители и театральный коллектив
школы № 9, Тверь

Лауреат премии ЦФО, 2005 г.

Ганичев В. Н.
Лиханов А. А

Центральный
Федеральный округ

Дипломант
«Хрустальная
роза Виктора
Розова», 2006 г.
Премия

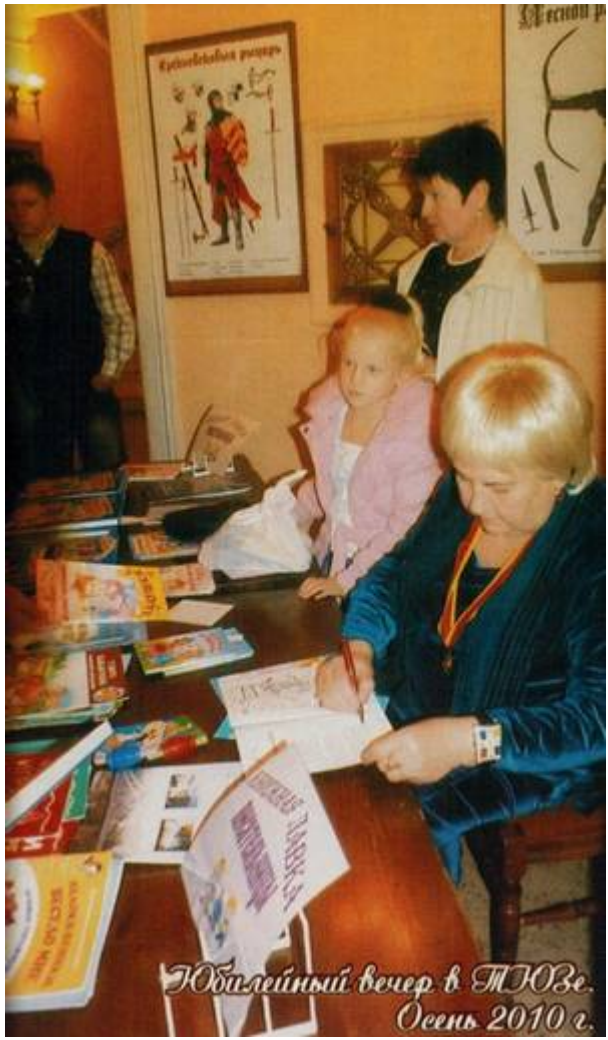
Горьковская библиотека

Музей Салтыкова-Щедрина.
Встреча с художниками

Бойников А. М.,
Лагздынь Г. Р.,
композитор Лев Тимофеев,
редактор издательства Полосков А. С.

Заместитель Главы
Администрации Твери Кудряшов О. Б.
Депутат областного законодательного
собранця Воробьева Л. Ф.

Сотрудники библиотеки им. Герцена


Юбилейный вечер в ТЮЗе.
Осень 2010 г.

Благословенное перо,
Наверно, свыше нам дано?
Как притягательный магнит,
К себе без устали манит.

Ваша
Гайда Лагздынь